МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. Г. БЕЛИНСКОГО
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»

МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам
IV Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной;
кандидата филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза
Издательство ПГУ
2020

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Я41

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. – 450 с.

ISBN 978-5-907262-65-2

Приведены материалы докладов, представленных на IV Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Пенза, 26–28 марта 2020 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

УДК 009
ББК 37.014

П р и к а з
о проведении IV Международной научно-практической конференции
«Языковая политика и вопросы гуманитарного образования»
№ 271/о от 20.03.2020

ISBN 978-5-907262-65-2

© Пензенский государственный университет, 2020

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А. Н. Байкулова
(г. Саратов, Россия)

ЭФФЕКТИВННАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается понятие «эффективное общение», выявляются факторы, влияющие на качество общения: соблюдение коммуникантами языковых норм, этики общения; риторическое мастерство говорящих, их стремление к сотрудничеству, балансу отношений. В разных сферах эффективность общения может достигаться разными языковыми средствами. Высказывается мысль о необходимости популяризации научных лингвистических знаний в области коммуникативистики в условиях реализации национальных проектов.

Ключевые слова: русский язык, эффективное общение, семья, семейная речь.

Каждый человек, вступая в общение, мотивирован на достижение желаемого результата. Если результат достигнут, есть основания утверждать, что общение было эффективным. Эффективность коммуникации является очень важной предпосылкой для успешности конкретного человека в его общественной и личной жизни, а также фактором, способствующим результативности в совместной деятельности представителей различных социальных групп и профессиональных коллективов. И, напротив, неэффективная коммуникация ассоциируется, как минимум, с коммуникативной неудачей, а по большому счёту, с коммуникативным провалом, приводящим к различным негативным последствиям.

Есть основания соотносить эффективность (результативность, действенность) коммуникации с соблюдением норм культуры речи, под которой понимается такой выбор и такая организация языковых средств, «которые в определённой ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют **обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач**» [КРР 2000: 16] (выделение моё – *А. Б.*). Дополняет такое представление о культуре речи коммуникативный аспект, на который обращал внимание С. И. Ожегов: умение точно и доходчиво выражать мысли средствами языка, использовать эти средства уместно, целесообразно, стилистически оправданно [Ожегов 1974; КРР 2000: 17]. Залогом успешной коммуникации является риторическое мастерство участников общения. М. А. Кормилицына [Кормилицына 2019], опре-

деляя критерии эффективности коммуникации, подчёркивает важность речедеятельностного аспекта, который предполагает взаимное стремление говорящих к сотрудничеству (реализация адресантом реципиент-дизайна, адресатом – внимательного слушания с установкой на понимание, а в целом установкой коммуникантов на гармоничное общение) (см. [Кормилицына 2019: 6–15]).

Нельзя не отметить, что понятие «эффективная коммуникация» по своей сути является оценочным. В языке это выражается парадигматическими отношениями слова *эффективный*: наличием антонимической пары *эффективный – неэффективный*; синонимическим рядом: *эффективный – результативный*, *действенный*, *высокоэффективный*, *плодотворный* и др. Аксиологический статус слова привносит в его восприятие и, конечно, в восприятие понятия «эффективная / неэффективная коммуникация» элемент субъективного, личностного начала, поэтому следует обратить внимание и на роль психолингвистического фактора в оценке коммуникации как эффективной или неэффективной. Например, на аксиологическое восприятие слова, фразы, речевого действия может оказывать существенное влияние несовпадение ментальных миров коммуникантов, обусловленное различием социально-психологических параметров их личностей. Проиллюстрируем это положение следующим примером. На одном из бизнес-сайтов, где работники торговли обсуждают свои проблемы, встретилось такое высказывание продавца (орфография и пунктуация здесь и далее сохранены): *Женщина заходит в магазин, молча обходит по кругу вдоль вешал и идет к выходу. Я спрашиваю – Вам что нибудь понравилось?. Ну и стандартный ответ – Да нет, ничего в глаза не кинулось. Каждый раз хочется предложить – Ну давайте я вам в глаза кинусь!* (https://www.biznet.ru/topic306721.html).

Данное высказывание свидетельствует о том, что речевой стереотип *ничего в глаза не кинулось* (вариант фразеологизма *бросаться в глаза*) по-разному может восприниматься коммуникантами, исполняющими разные социальные роли и ментально неодинаково воспринимающими ситуацию и речь в соответствии с исполняемыми ролями. Автора интернет-поста, как продавца, фраза *ничего в глаза не кинулось* оскорбляет (по меньшей мере смешит или вызывает иронию), а для покупателей она является стандартным ответом, своеобразным этикетным знаком завершения контакта, содержащим оправдание того, почему не совершена покупка (в ментальном мире покупателя продавец и те вещи, которые он продаёт, не объединены неразрывной связью). В результате можно говорить о прямо противоположной оценке фразы покупателем и продавцом: для покупателя такое завершение общения было эффективным, а для продавца – не только неэффективным, но и в какой-то степени оскорбительным. Очевидно, в этой ситуации покупателю лучше было бы выбрать другое средство завершения контакта,

а продавцу – с пониманием отнестись к покупателю. Вот почему эффективность коммуникации исследователи связывают не только с достижением нужного результата, но и с достижением «баланса отношений» между участниками общения (см.: [Стернин 1995]), их взаимных экспектаций, ожиданий (см.: [Шалина 2000]). И здесь приобретает большое значение фактор коммуникативной компетенции участников общения в конкретной повседневной практике. В то же время следует отметить: догадаться, «как слово наше отзовётся», не всегда представляется возможным. А если так, то определяющим в общении становится фактор общей культуры, толерантного отношения партнеров коммуникации друг к другу.

Поскольку эффективность общения прямо связана с достижением говорящим речевого и / или прагматического результата, она необходима в разных сферах жизни человека. Для того чтобы коммуникация была эффективной, необходим учёт сферы общения: в разных сферах язык выполняет разные коммуникативные задачи, и каждая сфера предъявляет к использованию языковых средств особые требования (об этом см.: [КРР 2000: 17]). Например, в сфере официально-делового общения решающее значение имеют точность речи и однозначность понятий. Без этого невозможно регулировать различные отношения граждан и государства. Так, слово *пенсия* в Федеральном законе «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (в ред. от 24.07.2009) имеет следующее толкование: «трудовая пенсия – ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности, а нетрудоспособным членам семьи застрахованных лиц – заработной платы и иных выплат и вознаграждений кормильца, утраченных в связи со смертью этих застрахованных лиц, право на которую определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными настоящим Федеральным законом <…>» (https://propfr.ru/zakonodatelstvo/108-federalnyy-zakon-ot-17122001-173-fz-o-trudovyh-pensiyah-v-rossiyskoy-federacii.html). В семейной же сфере такая полнота и точность определения может оказаться совершенно ненужной: (из разговора матери М. с маленькими сыном С. и дочерью Д.) С. *А что такое пенсия?* – М. *Пенсия / это когда человек много работал работал работал / взрослел взрослел / потом постарел* – Д. *Стал стареньким* // – М. *И работать больше не может // А ему государство спасибо говорит в виде пенсии.* Как видим, строгое, предельно выверенное толкование слова *пенсия* с использованием нескольких причастных оборотов в законе в корне отличается от толкования этого же слова матерью для её детей. В выборе и организации языковых средств важны принципы целесообразности, уместности и доступности, а также принцип соответствия речи сфере и ситуации общения.

В последнее время большое внимание государства привлечено к проблемам семьи и демографии, причём для общества важно, чтобы семья была крепкой, способной выполнять свои функции, воспитывать достойных граждан. Эта мысль звучит в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию (15.01.2020): «Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни» (http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html). Ещё Конфуций говорил о том, что от целостности семьи зависит сила нации. Но целостность семьи возможна только тогда, когда её члены проявляют заботу о создании и сохранении атмосферы любви, уважения, доверия и взаимопомощи. Это невозможно без эффективного общения.

Перед современной семьёй стоят сложные проблемы, в том числе и психологического характера, ведь эта социальная группа объединяет людей разного возраста, статуса и, соответственно, разных ментальных миров. И это нередко становится фактором, препятствующим, нарушающим гармонию семейной жизни. Проблемы общения возникают в каждой семье, без этого существование столь разнородного коллектива трудно себе представить, но дело в том, что эти проблемы обычно не решаются, а накапливаются, вызывают конфликты, преимущественно разрушительного характера (на наш взгляд, созидательный характер конфликтов проявляется гораздо реже). Так, о межпоколенческих конфликтах идёт речь в одном из диалогов близких подруг П1 и П2 среднего возраста (П1 – преподаватель вуза, П2 – психолог), представленных в [Анохина, Кравченко 2018]:

П1. *Я сейчас с родителями Сашиными* (речь идёт о родителях мужа) *над этим работаю // Я на них реагирую очень <…>* – П 2. *Как на взрослых // А они маленькие // Я сейчас на своих родителей говорю «Они у меня маленькие» // У меня Ксения* (дочь) *может себя вести взрослее / чем они //* – П1. *У меня образное выражение знаешь какое? Вот есть фразеологизм метать бисер перед свиньёй //* – П2. *Да да да //* – П1. *Вот иногда / это конечно жестоко звучит / но очень похоже // Но если люди не знают / не понимают / ну что же мы тут рассыпаемся?* – П1. *<…> ну это вот как лёд <…>* – П1. *Вот я даже знаешь / у меня возник даже / может я про Сашиных родителей теперь поговорю / пока я к ним буду так относиться вот с этим бисером / ничего хорошего не будет //* – П2. *То есть ты медвежью услугу оказываешь им и себе//* – П1. *Ну и даже / я уже поняла допустим / я так не делаю / но это грубое выражение / не должно быть такого между людьми близкими в семье / понимаешь //* – П2. Да *//* – П1. *Какие-никакие они*

мои родственники <…> И вот думаю / пока не перерасту на любовь в отношении к ним / ничего хорошего и не будет / потому что сейчас очень тяжело // [Анохина, Кравченко 2018: 198–199].

Речь в данном диалоге идёт об отношении к родителям, которые, с точки зрения подруг, не соответствуют им во взглядах на жизнь (*А они маленькие*), о характере внутрисемейной коммуникации, которая поставила родственников на грань полного разрыва отношений. Обратим внимание на то, что пути выхода из создавшегося положения ищут, как показывают сведения о коммуникантах, подруги, являющиеся преподавателями вуза (по специальности психолог и лингвист), обладающие знаниями в области психологии и коммуникации. Самой важной и плодотворной, на наш взгляд, здесь оказывается мысль о самосовершенствовании, желании *перерасти на любовь* в отношении к родителям.

Вопросы, связанные с внутрисемейным общением, возникают постоянно. Нередко ответы на них люди ищут в Интернете. Вот несколько фрагментов высказываний разных людей на сайте, посвящённом семейным отношениям (орфография и пунктуация здесь и далее сохранены): (взрослая дочь о матери) *Она не поздравляет меня с днем рождения, не помнит, когда я родилась-однажды даже спросила меня: "ты 27 или 26го родилась? (я родилась 7го). <…>Я обиделась. Она не звонит, не приезжает, я-чужая. Я теперь не хочу с ней общаться, но как быть? Все-таки мама.... Хочу узнать ваше мнение...*;

(жена об общении с мужем) *Сразу пишу – создаю тему, чтоб скорее выговориться, выплеснуть эмоции. ибо об этом поговорить ни с кем не могу.*

На прошлой неделе спросила мужа мнение об одной довольно важной проблеме, которая касается общего ребенка – грубо говоря, как поступить в такой-то ситуации, на что получила – мне пофиг, даже вникать не хочу. Решай сама. И меня чет прорвало, последнее время решаю все сама. Раньше такого не было, можно было и поговорить и обсудить;

(мать о сыне) *<… > я неожиданно встретилась с дневником сына в соцсети, и это был другой Коля, не такой, каким я видела его все 16 лет его жизни. Тогда меня взял сильный страх и испуг <… > Я увидела, что мой сын любит хвастаться. И очень много было ненормативной лексики. Но самое ужасное это отзывы обо мне. К примеру: "Жизнь с моей любимой мутер это прямая дорога к суициду". В голове прокручивался только один вопрос "Почему?"* (https://deti.mail.ru/forum/semejnye_otnoshenija/semja_i_semejnye_otnoshenija/ja_ne_ozhidala_takogo_udara/).

Во всех приведённых в этой статье высказываниях звучит мысль о неудовлетворённости коммуникацией: члены семей не поздравляют с праздниками; не звонят; не утруждают себя запоминанием важных

фактов, не хотят вникать в суть семейных проблем, не обсуждают их, оскорбляют друг друга, используя ненормативную лексику. Вместе с тем наблюдается безысходность: люди находятся в тупике и им не с кем посоветоваться, а те советы, которые они находят в соцсетях, не удовлетворяют: *Я часто читаю форум и поняла сколько людей, столько и мнений! И каждый судит со своей колокольни, оценивая и давая советы исходя из своего опыта, не понимая что его суждения далеки от истины. Ругаются и отстаивают свое мнения, осуждают и иногда оскорбляю собеседника. <… > А вообще я хотела поделиться своей жизненой ситуацией, но передумала* (https://deti.mail.ru/forum/semejnye_otnoshenija/semja_i_semejnye_otnoshenija/ja_ne_ozhidala_takogo_udara/). Человек остается один на один со своей проблемой.

Знание о возможных коммуникативных рисках может дать и уже даёт лингвистика (см., например, коллективные монографии саратовских лингвистов [Хорошая речь 2015], [Рискогенность… 2015], [Эффективность… 2019]), изучающая коммуникативные процессы и обращённая к человеку с его потребностями в использовании языка. Но необходимо обратить внимание и на популяризацию этих знаний, чтобы они не были достоянием только научного сообщества.

Национальный проект «Культура» предполагает «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов» (https://mukrmcb.ru/nac-project/). Одной их главных ценностей является семья, поэтому семейное общение и речь заслуживают пристального изучения представителями разных научных направлений.

Библиографический список

1. Анохина, В. С. Стратегические речевые предпочтения жителей южного города (на материале семейного общения) / В. С. Анохина, О. В. Кравченко. – Таганрог : Изд-во Волошина О. И., 2018. – 325 с.

2. Кормилицына, М. А. Определение понятия, критерии эффективности // Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / М. А. Кормилицына ; под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. – Саратов : Наука, 2019. – С. 6–15.

3. КРР 2000 – Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – Москва : НОРМА-ИНФРА, 2000. – 560 с.

4. Ожегов, С. И. О нормах словоупотребления. Предисловие к кн. Правильность русской речи : словарь-справочник / С. И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – Москва : Высш. шк., 1974. – С. 285–291.

5. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.] / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – 188 с.

6. Стернин, И. А. О понятии эффективного общения / И. А. Стернин // Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – С. 5–9.

7. Хорошая речь / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2015. – 316 с.

8. Шалина, И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: её причины и виды / И. В. Шалина // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 272–287.

9. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной – Саратов : Наука, 2019. – 236 с.

Г. И. Канакина, И. В. Громова
(г. Пенза, Россия)

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Обоснована необходимость создания системы работы по организации обучения инофонов русскому языку в общеобразовательной школе. Статистика показывает, что с каждым годом число въезжающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан увеличивается. Растет число детей-мигрантов в общеобразовательных организациях. Нами подготовлен проект «Организация обучения инофонов русскому языку в общеобразовательной школе», цель которого – разработать, апробировать и внедрить в педагогическую практику научно-методические основы обучения инофонов русскому языку в условиях реализации новых образовательных стандартов и в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Педагог».

Ключевые слова: билингв, инофон, полиэтнический класс, языковая личность инофона, обучение детей-инофонов.

Пензенская область по составу населения многонациональна, здесь проживают «*более восьмидесяти шести процентов русских, остальные в основном – татары и мордва*». Кроме основного населения, на территории нашего региона проживают представители 97 национальностей: белорусы, цыгане, евреи, азербайджанцы, украинцы, чуваши, армяне, немцы, чеченцы, узбеки, лезгины, поляки, казахи, аварцы, таджики, марийцы, удмурты, туркмены, киргизы, литовцы, латыши, коми и греки и др. [Население Пензенской области: численность и плотность]. Статистика показывает, что с каждым годом число въезжающих на территорию Пензенской области иностранных граждан увеличивается. Мигранты трудоспособного возраста часто приезжают с малолетними детьми. Растёт количество образовательных организаций с полиэтническим составом обучающихся. Так, 39 обучающихся МБОУ СОШ 58 г. Пензы в анкете (сентябрь 2019 г.) отметили, что их родители – представители не русской национальности. Это 24 семьи (4 %), из них азербайджанцы – 2, армяне – 2, украинцы – 2, татары –

10, вьетнамцы – 2; таджики – 6, аварцы – 1, узбеки – 4, мордва – 2; 20 семей – смешанные браки. Позиционируют себя не русскими 19 обучающихся (2,6%), из них 14 детей (2%) в семьях разговаривают только на родном языке. Десятеро детей испытывают трудности не только на письме, но и в устном общении на русском, плохо уясняют материал урока. Из-за языкового барьера у 8 детей ограничен круг общения. Более того, введение в области в сентябре 2019 года обязательного курса «Родной язык», казалось бы, обеспечивает выбор его изучения, но, к сожалению, только декларативно. Поэтому до сих пор остаётся открытым вопрос обучения русскому языку инофонов (носителей иностранного языка и соответствующей картины мира) и билингвов (людей, владеющих двумя языками) [Азимов, Щукин 2009: 79, 29].

Проблема преподавания русского языка иностранцам не нова: обучению инофонов посвящены работы Л. А. Дунаевой, Л. П. Клобуковой, М. Н. Кожиной, Т. Ю. Уша и др.; преподаванию русского языка в национальной школе – исследования И. В. Андреевой, Е. А. Быстровой, Н. М. Шанского и др.; русского языка как неродного – Г. Г. Кадыровой, Ж. Нуршаиховой и др.

На сегодняшний день существует чёткое различие между понятиями «билингв» и «инофон»: билингвы – это дети, воспитывающиеся в семьях, в которых один из родителей свободно владеет русским языком, второй родитель – носитель иноязычной культуры и знает русский на бытовом уровне. Уже к старшему дошкольному возрасту ребёнок-билингв, как правило, усваивает оба языка полноценно. Адаптация в русских образовательных учреждениях проходит у таких детей без особых проблем. Инофоны – это дети мигрантов, приехавшие вместе со своими родителями в новую страну проживания. Их отличает слабое владение русским языком; отсутствие знаний о русской культуре, истории, традициях и нормах поведения; низкий уровень познавательной активности, что затрудняет их интеграцию в социально-культурную жизнь российского общества и адаптацию в нём. Из-за большого притока инофонов в общеобразовательные школы области может снизиться общий уровень качества образования, поскольку критерии для всех обучающихся одни. ФГОС второго поколения ставит задачи формирования УУД в рамках достижения всеми обучающимися предметных, метапредметных и личностных результатов. Это требует дополнительной профессиональной компетенции от учителя русского языка, что обозначено и в федеральных документах. В Профессиональном стандарте «Педагог» представлены требования к профессиональным знаниям, умениям и действиям, необходимым учителю-словеснику. Так, в первой части содержания стандарта сказано, что учитель должен использовать специальные подходы к обучению, для того чтобы включить в образовательный процесс всех учеников: со специальными потребностями в образовании; одарённых учеников; учеников, для ко-

торых русский язык не является родным; учеников с ограниченными возможностями и т.д. [Профессиональный стандарт «Педагог»].

Обязательная сдача ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку ставит перед современным учителем-словесником важнейшую проблему «выравнивания» подготовленности обучающихся-инофонов по русскому языку, чтобы каждый из них достойно показал свои знания на итоговой аттестации на общих со всеми выпускниками основаниях. Безусловно, в соответствии с новыми требованиями учитель должен владеть культурой межнационального общения. Образовательная система школы должна быть нацелена на межкультурный диалог. Однако нельзя не учитывать, что окружение нерусских детей русскоязычное, преподавание ведётся на русском языке и сдавать экзамен все будут на русском языке. Поэтому важная задача педагога – помочь ребёнку-инофону в овладении навыками групповой коммуникации, в успешном освоении русского языка на функциональном уровне для обучения в массовой общеобразовательной школе, т.е. сформировать языковую личность инофона, обладающую языковедческой (теоретические сведения о языке, практическое владение языком); коммуникативной (использование языка в соответствии с целями и ситуацией общения); культуроведческой (вхождение в культуру изучаемого языка) компетенциями.

Трудности в работе с инофонами связаны с тем, что педагоги не владеют методикой работы с детьми-мигрантами; не знают их родного языка; нет базовых программ обучения инофонов русскому языку как неродному; нет соответствующих учебников, специальных методических пособий и др. В связи с ростом в российских общеобразовательных учреждениях классов с полиэтническим составом остро встал вопрос подготовки учителей-словесников для работы в этих классах.

Необходимо определить лингометодическое сопровождение, которое поможет инофонам овладеть русским языком в той степени, которая нужна для освоения школьной программы и нормальной коммуникации с учителями и одноклассниками. Учитель должен так смодели-ровать учебный процесс, чтобы, корректируя тематическое планирование, но не изменяя при этом образовательную программу, вовлечь инофонов в учебную деятельность вместе со всем классом. Методику обучения русскому языку в полиэтническом классе целесообразно строить на следующих принципах: коммуникативная направленность обучения; единство приобретения знаний и умений и формирования их практического использования, соотнесенность русского с родным языком обучающихся.

Нами подготовлен проект «***Организация обучения инофонов русскому языку в общеобразовательной школе***».

Цель проекта – теоретически обосновать, разработать, апробировать и внедрить в педагогическую практику научно-методические основы обучения инофонов русскому языку в условиях реализации но-

вых образовательных стандартов и в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Педагог».

Задачи проекта:

– проанализировать теоретические исследования, посвященные проблеме преподавания русского языка как неродного, обучения учащихся-инофонов;

– разработать и апробировать в процессе опытно-экспериментальной работы методическое сопровождение, способствующее успешному освоению русского языка для языковой и социокультурной адаптации детей-мигрантов;

– выявить рациональные формы и методы организации образовательного процесса по обучению учащихся-инофонов в общеобразовательной школе;

– предложить учителям-словесникам общеобразовательных школ города и области методические рекомендации по организации работы с инофонами, чтобы каждый из них стал билингвом, хорошо говорящим не только на родном языке, но и на государственном языке Российской Федерации.

Основные этапы реализации проекта:

1. *Поисково-теоретический:* изучение научной литературы по проблеме исследования; анализ нормативно-правовых и учебно-программных документов, регламентирующих обучение инофонов русскому языку; обоснование и разработка программы педагогического эксперимента.

2. *Экспериментальный:* формирование экспериментальной базы исследования, разработка и апробация методического сопровождения обучения инофонов; анализ промежуточных данных экспериментальной работы, корректировка используемых приёмов и методик обучения.

3. *Обобщающий:* анализ и систематизация данных, полученных в ходе опытно-экспериментальной работы; оценка эффективности обучения инофонов на основе разработанного методического сопровождения.

Опытно-экспериментальная база реализации проекта – МБОУ СОШ № 58 г. Пензы. На базе этой школы предполагается вести следующую работу:

1. *Учебная и внеурочная деятельность с обучающимися-инофонами:*

– выявление и анализ типичных трудностей инофонов в изучении русского языка;

– максимальная индивидуализация обучения, составление плана индивидуальных занятий; построение уроков с разными уровнями сложности заданий, чтобы их выполнение в парах и мини-группах было вело к достижению единой цели;

– алгоритмизация обучения; организация дополнительных индивидуальных и групповых занятий с детьми-инофонами по русскому языку;

– включение обучающихся в различные формы внеурочной деятельности; вовлечение в кружки и спортивные секции.

2. *Работа с учителями и родителями:*

– создание регионального Ресурсного центра и стажировочной площадки для учителей-словесников на базе МБОУ СОШ № 58 г. Пензы;

– обмен опытом учителей-словесников, работающих с инофонами: организация тематических семинаров, круглых столов;

– педагогический десант в школы области: проведение мастер-классов и занятий Родительской школы;

– диагностика обученности инофонов русскому языку.

Планируемые результаты реализации проекта:

- повышение уровня владения инофонами русским языком, необходимого для обучения в массовой общеобразовательной школе;

- разработка и издание методических рекомендаций для учителей-словесников, работающих с инофонами;

- повышение уровня профессиональной квалификации учителей, занятых обучением детей-инофонов русскому языку.

Реализация проекта и создание на базе МБОУ СОШ № 58 г. Пензы регионального Ресурсного центра и стажировочной площадки (при поддержке учёных Пензенского государственного университета) позволит обучать педагогов работе с инофонами, чтобы они могли успешно заниматься в массовой русскоязычной школе и социализироваться.

Библиографический список

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Профессиональный стандарт «Педагог». – URL : http:// минобрнауки.рф/

3. Население Пензенской области: численность и плотность. – URL: https:// fb.ru/article/324638/naselenie-penzenskoy-oblasti-chislennost-i-plotnost

М. Л. Лаптева
(г. Астрахань, Россия)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОЙ И ТУРКМЕНСКОЙ ЗАГАДКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Предпринята попытка описать универсальные и национально специфические черты в способах концептуализации мира в русской и туркменской загадке. На материале загадок, объединённых в тематическое поле «Природа», показаны схемы наивного восприятия действительности и отражения её в фольклорной картине мира разных народов.

Ключевые слова: фольклорная картина мира, загадка, тематическое поле, универсальное, национальное.

Практическое освоение человеком окружающего мира закрепляется в форме естественного языка, являющегося транслятором национальных особенностей в картине мира, в частности, в фольклорной картине мира, в которой отражается народный опыт и «заключается достаточно древний взгляд на мир, воплотившийся в многочисленных условностях» [Алещенко 2008: 7].

Под *фольклорной картиной мира* нами, вслед за М. О. Абдрашитовой, понимается «совокупность коллективных представлений об окружающем мире, нашедших отражение в фольклорных произведениях» [Абдрашитова 2012: 13]. К таким произведениям относится, в том числе, и загадка, так как в ней отражаются все специфические для фольклорной картины мира характеристики: наличие семиотических оппозиций, символичность, аксиологическая составляющая, традиционность, соотносимая с повторяемостью, «позитивный фон восприятия мира и смещение акцента с объектов на их состояния и признаки» [Сибирцева 2003: 4].

До настоящего времени загадки остаются одной из наименее изученных групп паремий. В отличие от пословиц и поговорок, они не только недостаточно исследованы в лингвистическом плане, но и практически не разработаны с лексикографических позиций (исключение составляют классические сборники, составленные В. И. Далем, Д. Н. Садовниковым, И. П. Сахаровым и В. В. Митрофановой). Это замечание касается современного фонда как русских, так и туркменских загадок. Академических лексикографических изданий – сборников туркменских загадок, переведённых на русский язык, нами не обнаружено. В связи с этим можно говорить о необходимости детального исследования данного языкового материала.

В данной статье мы постараемся показать универсальные и национально специфические черты в способах концептуализации мира в русской и туркменской загадке. Проследим на примере загадок, объединённых в тематическое поле «Природа», как «работают» общенациональные и уникальные для названных этносов схемы наивного восприятия действительности.

В названное тематическое поле входят загадки, которые репрезентируют (а) небесные тела: *луна (месяц), солнце, звезды, облака, тучи, Млечный Путь* и др.; (б) различные природные явления и стихии: *дождь, снег, радуга, гром, молния, ветер, метель, мороз* и др.; (в) мир растений: *трава, дерево, хлопок, колос* и др.; (г) природные объекты: *река, ручей, море, болото, горы* и др.

Следует отметить, что разница в климатических и природных условиях, в которых живёт народ, безусловно, отражается на степени

объективации тех или иных природных явлений в языке в целом и в загадке в частности. Так, для русского народа, привыкшего жить в условиях суровой зимы, имеют значение такие явления, как снег, метель, мороз и т.п., поэтому высока доля загадок, где в качестве отгадки выступают именно данные номинативные единицы.

Например, можно найти десятки русских загадок о снеге: *Зимой в поле лежал, а весной в реку побежал. Белые мухи на поле сели. Белая скатерть всю землю покрыла. На дворе горой, а в избе водой* и др.

Сравним с загадками 1) о морозе: *Без рук, без ног, рисовать умеет. Дедушка мост мостит без топора и без клиньев.* 2) о метели: *Гуляет в поле, да не конь; летает на воле, да не птица.*

В то же время на территории, которую занимает Туркменистан, данные явления природы являются большой редкостью, поэтому в материалах нашего исследования не было обнаружено подобных загадок.

Несмотря на имеющиеся различия, можно провести немало параллелей между категоризацией действительности в русской и туркменской загадке. По нашим наблюдениям, универсальный (общенациональный) характер носят загадки о небесных светилах – солнце, месяце, луне и звёздах.

Сравним:

Русские загадки	**Туркменские загадки**
Рассыпался горох на четырнадцать дорог (Звезды)	*Видел я – в агиле спят* *Много беленьких ягнят.* *А когда настал рассвет,* *Посмотрел – ягняток нет* (Звезды)
Голубое поле серебром усыпано. (Звезды на небе)	
Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка. *Собаки лают, а достать не могут.* (Месяц)	*Раньше была похожа на серп немножко,* *А потом стала кругла, как лепёшка* (Луна)
Раскаленная стрела *Дуб свалила у села.*	*Бежала лиска у леса близко:* *Ни стежки, ни дорожки,* *Только золотые рожки* (Молния)
Летит огневая стрела, *Никто её не поймает:* *Ни царь, ни царица,* *Ни красна девица.* (Молния)	

Обратим внимание на несовпадение образов, которые применяются к номинируемым объектам. В русских загадках, отгадкой для которых является слово «звезды», кодировка происходит через указание на такие признаки, как форма (круглая форма гороха), цвет и сияние

(серебро), множественность и способность раскатиться по поверхности (рассыпался, рассыпано), т.е. используются разнообразные метафорические образы, создающие единое представление о восходящих на небе звёздах. В туркменской загадке используется актуальный для данного народа анималистический образ белых ягнят, спящих в агиле (неупотребительная в русском языке экзотическая номинация загона для ягнят). Хотя в целом животные образы не чужды традиционной картине мира русских. Отметим: *Два быка бодаются – вместе не сойдутся* (Небо и земля). *Белая кошк*а *лезет в окошко* (Лучи солнца). *Махнула птица крылом, закрыла весь свет одним пером* (Ночь).

Замещающим объектом в русской загадке о месяце является краюшка хлеба, тогда как в туркменской загадке луна по форме сравнивается с лепёшкой. Универсальный гастрономический культурный код получает разную объективацию в русской и туркменской загадке, что обусловлено особенностями быта представителей разных народов.

Замещающим объектом для молнии в русской загадке становится стрела, неодушевлённый предмет, напоминающий молнию по форме, в туркменской загадке – одушевлённый объект – лиса. Можно сделать интересное наблюдение относительно того, что в процессе осмысления такого природного явления, как молния, русский народ осознает власть природы над человеком, поскольку, согласно мировосприятию русских, даже царь и царица не способны ее поймать, а ведь царь на Руси всегда наделялся всемогуществом и влиянием, был подобен Богу.

В туркменской загадке, напротив, прослеживается преклонение человека перед природой, возвеличивание её силы:

Ударил колуном о землю,
Золота мешок засыпал в землю.
Появился мальчик из земли.
Он – султан, он – богатырь вселенной (Колосок).

Отождествление колоса одновременно и с султаном (исторический персонаж, правитель Туркменистана в древние времена), и с богатырём (фольклорный персонаж, герой русских былин) детерминировано межкультурными связями между русским и туркменским народом.

Об осознании неразрывной связи человека с природой говорит тот факт, что и в русских, и в туркменских загадках в равной степени заместительную функцию природных объектов часто выполняют лица и животные. Сами номинации имеют уже культурную обусловленность. Из других фольклорных жанров загадка черпает такие образы, как, например, красная девица (ср. загадку о солнце – *Красная девушка по небу ходит*). Русские загадки в целом изобилуют сказочными формулами: *Течёт, течёт — не вытечет, бежит, бежит — не выбежит* (Река). *Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застлала* (Облако). *Заревел медведь на все горы, на все моря* (Гром).

В туркменских загадках тоже можно встретить черты других фольклорных жанров.

Как видно из предшествующих примеров, тропом, который, помимо метафоры, активно используется в оязыковлении представлений о природе, является как в русских, так и в туркменских загадках олицетворение. Несложно заметить, что природа действует и ведёт себя как живое существо: она движется, живёт и умирает, проявляет разное отношению к человеку. Сравним: рус. *Без рук, без ног – под окном стучится, в дом просится* (Ветер). *Один льёт, другой пьёт, третий растёт* (Дождь, земля, хлеб) – туркм. *Монах без костей землю роет* (Капля).

Среди активно используемых тропов стоит назвать также

(а) антонимию: ***Старый*** *дед, ему сто лет, мост намостил во всю реку, а пришла* ***молода*** *– весь мост размела* (Мороз, весна). *С неба пришёл, в землю ушёл* (Дождь)

(б) оксюморон: ***Белая морковка*** *зимой растёт* (Сосулька).

(в) лексический повтор: ***Бежать, бежать*** *– не добежать,* ***лететь, лететь*** *– не долететь* (Горизонт).

(г) отрицательный параллелизм: ***Не море, не земля****, корабли не плавают, а ходить нельзя* (Болото).

Природные объекты имеют собственные характеристики: пространственные и размерные (*долговяз* – о дожде), температурные, поведенческие (*катается и усмехается* – о солнце, *прячется* – о месяце, *веселит, холодит, питает* – о лесе), качественные (*синенька шубенка* – о небе, *красный колобок* – о солнце). Например: рус. *Без рук, без ног, а ворота отворяет* (Ветер). В загадке подчёркивается, что, несмотря на отсутствие таких важных для человека частей тела, как руки и ноги, ветер умеет делать то же, что и человек. Значит, в очередной раз подтверждается мысль о главенствующем месте и могуществе природы, которой человек может лишь восхищаться и у которой стоит учиться. Ср.: рус. *Это что за потолок? То он низок, то высок, То он сер, то беловат, То чуть-чуть голубоват. А порой такой красивый Кружевной и темно-синий* (Небо).

Номинации, представляющие «Природу» в русских и туркменских загадках, включают лексемы, обозначающие саму природу и её проявления, ландшафты, время суток, времена года, растительный и животный мир.

Взаимопроникновение характеристик реальных и выдуманных существ отражалось на выборе языковых средств: существительные, номинирующие «Природу», комбинируются с глаголами, которые в основном имплицируют признаки, свойства и состояния одушевлённых объектов (*Конь бежит,* ***земля дрожит*** – Гром). Нехарактерные сочетания предметных и признаковых лексем создают сложные метафорические образы, персонифицирующие природные явления (*Заря*

ключи потеряла, Месяц пошёл – не нашёл, Солнце взошло – Ключи не нашло – Роса), и составляют основу традиционной языковой картины мира в русской и туркменской загадке. Ср.: *Монах без костей землю роет* (Капля).

Что касается загадок о природе в целом, то стоит отметить, что сходство их заключается в одинаковых способах кодирования информации: в туркменских и в русских загадках в равной степени часто заместительную функцию природных объектов выполняют лица и животные. Отличия обусловлены разными природными и климатическими условиями жизни русского и туркменского народа. Многие природные явления, актуальные для языкового сознания представителя русской лингвокультуры, остаются невостребованными для туркмен (снег, метель, мороз и т.п.).

Таким образом, проведённый нами анализ фактического материала показал, что семантическое поле «Природа» репрезентировано, на наш взгляд, достаточно большим количеством лексем. Выявленная номинативная плотность рассматриваемого поля свидетельствует о том, что русские и туркмены воспринимали себя как неотъемлемую часть окружающего мира, который показывает свои неограниченные силы и возможности.

Библиографический список

1. Абдрашитова, М. О. Загадка как жанр современного фольклорного дискурса / М. О. Абдрашитова // Молодой учёный. – 2012. – № 1, Т. 2. – С. 6–9.

2. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Алещенко Е. И. – Волгоград, 2008. – 45 с.

3. Каррыев, Б. А. Туркменские пословицы, поговорки и загадки / Б. А. Каррыев. – Ашхабад : Советская энциклопедия, 1981. – 223 с.

4. Русский фольклор: песни, сказки, загадки. – Москва : Художественная литература, 1987. – 367 с.

5. Сибирцева, В. Г. Языковая картина мира в русской загадке : автореф. дис. … канд. филол. наук / Сибирцева В. Г. – Нижний Новгород, 2003. – 20 с.

РОДНОЙ ЯЗЫК: ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

И. А. Алешина
(г. Пенза, Россия)

СТРУКТУРНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В РУССКИХ АРГО

Аннотация. Рассмотрена структурная вариантность в русских арго, предложена классификация вариантов слов-арготизмов, дана характеристика каждого типа вариантов.

Ключевые слова: арго, структурная вариантность, вариант слова, фонетический вариант слова, морфологический вариант слова, словообразовательный вариант слова, лексико-семантический вариант слова.

Для русских условных языков (арго) ремесленников и торговцев-отходников характерна гипертрофированная вариантность, исследование которой интересно потому, что арго являются разновидностью национального языка.

В условных языках наблюдаем структурную вариантность, которая связана «с особенностями самой языковой структуры, с возможностью передачи одного и того же мыслительного содержания разными способами, с многозначностью языковых единиц» [Баранникова 1982: 19]. Целью данной статьи является рассмотрение структурных вариантов арготизмов, при выделении которых можно использовать те же критерии и правила, что и в литературном языке, и в территориальных диалектах.

Учитывая принцип иерархии вариантных единиц, к структурным вариантам относим фонетические, морфологические, словообразовательные, лексико-семантические и варианты смешанного типа.

Фонетическими вариантами слова являются «семантически идентичные субституты с колебанием, подчинённым действующим законам и тенденциям звукового строя того или иного языка» [Богословская 2006: 114]. Среди вариантов данного типа выделяются акцентные и фонематические.

Лексемы, отличающиеся местом ударения (*бу́шень – буше́нь* – «шерсть»), принадлежат к акцентным вариантам.

К фонематическим вариантам относятся «видоизменения слов, которые различаются между собой фонемным составом в разных или отдельных грамматических формах при условии сохранения морфемного тождества, совпадения лексических и грамматических значений» [Немченко 1991: 112]: ***в**ершáть – **т**ершáть* – «смотреть», *бу**с**óй* –

*бу**з**о́й* – «пьяный» и т.д. При фонематическом варьировании видоизменяется главная часть слова – корневая морфема.

Морфологические варианты арготизмов – это «равнозначные единицы, характеризующиеся взаимозаменяемостью и имеющие непринципиальные различия в формообразовательном аффиксе» [Богословская 2006: 114]. Морфологическая вариантность существительных в русских арго проявляется в следующем: 1) в варьировании грамматического рода (*наклю́г – наклю́га* – «наклад, убыток», *ря́х – ря́ха* – «дом, изба»); 2) в вариантности числа (*са́ра – са́ры* – «деньги», *потете́с – потете́сы* – «картофель»); 3) в вариантности типа склонения (*абыня – абынский* – «священник, дьякон, псаломщик»); 4) в изменении варианта склонения (*багу́л – багу́ль* – «огурец»).

Дискуссионным в вариантологии является вопрос о словообразовательных вариантах, «семантически идентичных образований, различающихся суффиксами или префиксами» [Богословская 2006: 117]. Известно, что значительные звуковые изменения в результате модификации приводят к разрушению тождества слова, поэтому некоторые учёные не признают словообразовательное варьирование. Арготизмы, которые относим к словообразовательным вариантам, демонстрируют, что чёткое разграничение между этими явлениями отсутствует, и это даёт возможность говорить о данном типе варьирования в условных языках: *кул**е́**ть – кул**я́**ть* – «велеть», *батл**ёну**ть – батл**юну**ть* – «сказать»).

Следует заметить, что некоторые образования могут различаться не одним признаком, а несколькими: фонематическое варьирование может сопровождаться изменением ударения или грамматических показателей; словообразовательное варьирование дополняется различиями в корне, месте ударения и грамматической характеристикой. Таким образом, это варианты смешанного типа: акцентно-фонематические (колебании фонемного состава корня и ударения: *але́нь – о́лень* – «масло»), фонетико-морфологические (колебание фонемного состава и ударения иногда влечёт за собой морфологические изменения: *багу́л – багу́ль* – «огурец»), морфолого-словообразовательные (мена суффиксов в словах приводит к видоизменению их грамматических признаков и наоборот: изменение окончания приводит к изменению суффикса: *ры́м – рымёха* – «дом»), акцентно-словообразовательные (мена суффиксов и префиксов приводит к акцентному колебанию: *бала́кер – балаку́р* – «чугун, котел»).

Итак, у арготического слова варьируются все элементы его внешней стороны: отдельные фонемы и морфемы, акцентные и грамматические характеристики.

Лексико-семантическая вариантность – способность слова иметь несколько семем. Варьирование семантики арготизма выражается

в развитии у него новых значений, функционирующих как в системе одного «диалекта» арго, так и в системах разных условных языков. О. И. Блинова считает, что разнодиалектные значения не разрушают тождество слова [Блинова 1973].

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) в русских арго, как и в литературном языке и территориальных диалектах, возникают с помощью метафорического, метонимического, функционального переносов и на основе синекдохи.

В русских арго наблюдаем перенос названия одного предмета на другой вследствие общности их функций: *меря́хи* – ЛСВ 1. «часы», ЛСВ 2. «измерительные приборы»; *пропу́льщик* – ЛСВ 1. «продавец», ЛСВ 2. «приказчик».

Также встречаем перенос на основе сближения функции в следующих действиях: *отдякну́ть* – ЛСВ 1. «отдать»; ЛСВ 2. «заплатить»; ЛСВ 3. «продать»; *перепу́ливать* – ЛСВ 1. «продавать», ЛСВ 2. «менять».

Менее регулярными являются ЛСВ, возникшие на основе метонимического переноса и на базе синекдохи: 1) метонимический перенос: с названия помещения на содержимое: *весёлый* – ЛСВ 1. «город», ЛСВ 2. «базар», ЛСВ 3. «трактир»; 2) перенос названия целого предмета на его часть, или наоборот – с части на весь предмет: *бры́с* – ЛСВ 1. «вес», ЛСВ 2. «пуд», ЛСВ 3. «фунт»; *брысови́к* – ЛСВ 1. «фунтовик», ЛСВ 2. «гиря».

От семантических вариантов следует отличать арготизмы, которые при совпадении в звучании имеют по «диалектам» арго различные значения: *беля́к*[1] – «рубль, целковый», *беля́к*[2] – «сахар», *беля́к*[3] – «молоко», *беля́к*[4] – «снег», *беля́к*[5] – «стекольщик» и т.д.

Подобные арготизмы-«омонимы» часто восходят к одному и тому же источнику, то есть диахронически являются одним и тем же словом с разными значениями. Например: *де́кунник*[1] – «десять копеек, гривенник» и *де́кунник*[2] – «десятник» (от греч.).

От слов этого типа нужно отличать арготизмы-«омонимы» образовавшиеся в силу случайных фонетических совпадений, причины возникновения которых могут быть различными. Арготизмы могут относиться к разным языкам-источникам: из греческого и русского языков (*пула́*[1] – «цена» (из греческого; ср, *пу́лить* – купить) и *пула́*[2] – «полушка» (из русского)); из финно-угорских и тюркских языков (*ра́ка*[1] – «деньги» (из финского; ср. *рага* – «деньги») и *ра́ка*[2] – «вино, водка, пиво» (тюркского происхождения)).

В русских арго, как и в территориальных диалектах, имеется большое количество семантических обозначений одного и того же явления действительности в пределах микро- и макросистемы. Название одного и того же понятия, отмеченное в разных «диалектах» арго, от-

носим к междиалектным синонимам, появление которых связано с разным восприятием объектов реального мира.

Таким образом, проанализировав арготическую лексику, выявили сильно развитую вариантность слов, обусловленную спецификой арго (устной формой бытования, предназначенностью для ведения секретных разговоров в присутствии посторонних, «цеховой» разобщённостью ремесленников, малочисленностью этих групп). В условных языках наблюдаем следующие типы вариантов: фонетические, морфологические, словообразовательные, варианты смешанного типа и лексико-семантические. Причины появления данных типов вариантов в арго различны, но особо значимыми оказываются такие факторы, как интенсивное взаимодействие арго с общенациональным языком, а также иноязычными источниками (с тюркскими и финно-угорским и др. языками).

Библиографический список

1. Баранникова, Л. И. Основные сведения о языке / Л. И. Баранникова. – Москва : Просвещение, 1982.

2. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1973.

3. Богословская, З. М. Диалектная вариантология: лексический и лексикографический аспекты : дис. … д-ра филол. наук / Богословская З. М. – Томск, 2006.

4. Немченко, В. Н. Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке : пособие по спецкурсу / В. Н. Немченко. – Красноярск, 1991.

А. В. Великодная
(г. Пенза, Россия)

О СООТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ И В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

Аннотация. Рассмотрено соотношение диалектных слов Пензенской губернии, записанных В. И. Далем, и в «Словаре русских народных говоров». Выделены и распределены по группам те лексические единицы, которые по тем или иным причинам оказались представленными в словарях иначе.

Ключевые слова: «Толковый словарь живого великорусского языка», «Словарь русских народных говоров», лексическая единица, лексическое значение, диалектное слово.

Известно, что диалектные слова – это разновидность национального языка, характерная для определенной территории. Многие из них мы находим в словарях русского языка.

В. И. Даль пятьдесят три года собирал слова, поговорки, пословицы, чтобы создать «Толковый словарь живого великорусского языка» (в дальнейшем – ТСЖ). Он и по настоящее время имеет огромное значение как историко-культурное явление, которое помогает составить представление о русском языке XIX века. Отметим, что объём словника данного словаря – более 200000 лексических единиц, что превышает объёмы всех имеющихся словарей русского языка.

В конце 50-х годов XX века наиболее отчётливо проявилась необходимость создания труда, который бы обобщил все собранные материалы по фразеологии и диалектной лексике. Таким трудом стал «Словарь русских народных говоров» (в дальнейшем – СРНГ), издававшийся с 1965 по 2016 год (49 выпусков). СРНГ «является словарём дифференциального типа», в состав которого были включены «только диалектные слова и значения» [История русской лексикографии: 559].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля представлены слова, относящиеся к разнообразным губерниям России: Тамбовской, Тверской, Псковской, Новгородской, Тульской, Нижегородской, Симбирской, Оренбургской, Московской, Владимирской, Вятской, Курской и т.д.

Известно, что 290 слов в «Толковом словаре живого великорусского языка» имеют помету «пензенское» [Гурьянова 2019]. Целью нашего исследования является сопоставление их с материалами «Словаря русских народных говоров».

В результате исследования мы выяснили, что значения и территориальные пометы совпали у 214-ти слов. Выделим некоторые из них: *вадить* – в подвижных играх выполнять, согласно правилам игры, более трудные или более активные обязанности (одному игроку или партии); водить [ТСЖ 1: 222], [СРНГ 4: 11]; *передача* – небольшая лоханка для кухни [ТСЖ 3: 46], [СРНГ 26: 80]; *тархан* – 1. Скупщик (льна, кожи и т.п.), разъезжающий по деревням; 2. Человек, снимающий с павших животных шкуры [ТСЖ 4: 391–392], [СРНГ 43: 295].

77 лексических единиц представлены в рассматриваемых словарях по-разному. Мы разделили данные слова на 8 групп.

1. Слова, записанные В. И. Далем, но не представленные в «Словаре русских народных говоров».

В данную группу вошло 20 слов: *выголдить, выжарки, выкастерить, гремышек, дидюлить, ерила, жомерина, какушка, кнутовище, кудачка, кумекать, оглоушить, переменчивый, поминки, поножи, простобай, рагозный, силичь, сказобщик, тудыличь*. Приведём значения некоторых из них: *гремышек* – бубенчик, глухарь, балабончик [ТСЖ 1: 392]; *оглоушить* – ударить по голове, по затылку [ТСЖ 2: 643]; *простобай* – не тугой, жидкий, не сбойливый [ТСЖ 3: 514].

2. Слова, имеющие другое значение по сравнению с «Толковым словарём живого великорусского языка» В. И. Даля.

В названную группу вошло 13 слов: *вяхерь, жаба, житуха, жлуди, кичиги, мордва, озорный, пайка, повозка, подурь, садный свежина, скрестьь*. Сравним значение некоторых из них: *вяхерь* – вялый, ленивый человек [ТСЖ 1: 338] – холщовый мешок [СРНГ 6: 80]; *жаба* – неотвязный, докучливый человек [ТСЖ 1 : 523] – 1) лягушка; 2) рот, пасть, 3) растение семейства мотыльковых; каштановый трилистник [СРНГ 9: 49]; *кичиги* – две стойки с вязком или нахлёсткою, вдолбленные в нижние грядки телеги, для возки снопов или сена, их две, напереди и в задке [ТСЖ 2: 112] – женская обувь [СРНГ 13: 246].

3. Слова, представленные в «Словаре русских народных говоров» как слова, записанные в других областях (губерниях).

В данную группу мы отнесли 19 слов: *громышок, жаба, житуха, завсе, загодя, кичиги, мордва, озорный, отсель, переярья, повозка, подёнок, подурь, поножи, решето, свежина, сипак, сутемёнки, сыровец*. Например, *загодя* (Олонецкая, Пермская губернии), *отсель* (Нижегородская, Московская губернии, Ульяновск), *сипак* (Ярославская, Олонецкая, Псковская, Вологодская губернии, Урал), *сутемёнки* (Архангельская, Тихвинская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская губернии), *сыровец* (Казань). Отметим, что толкования некоторых слов различаются. Например, *сипак* – невежа, необразованный мужик, мужичина, мужичка, деревенщина [ТСЖ 4: 188] – 1) грубый, невоспитанный, необразованный человек; 2) змея, гадюка [СРНГ 37: 344]; *сутемёнки* – полусвет, по закате солнца, до темени, вечерние сумерки [ТСЖ 4: 364] – полумрак перед восходом или заходом солнца, сумерки [СРНГ 42: 314].

Другие же слова в словарях имеют схожее значение. Например, *загодя* – до поры, давно до чего, задолго, наперёд, затого, завременно, впору, вовремя, заблаговременно, заране [ТСЖ 1: 569] – 1) обдуманно, с намереньем; 2) погодя, выждав [СРНГ 10: 15]; *отсель* – ссюду, ссюдова; с (от) сего дня, времени, отныне, засим, впредь; от сего места, от этого знака, метки и далее; из сего места [ТСЖ 2: 755] – отсюда [СРНГ 24: 314]; *сыровец* – белый, неуваренный квас, только налитый кипятком [ТСЖ 4: 376] – неуваренный хлебный квас [СРНГ 43: 159].

4. Слова, представленные в «Словаре русских народных говоров» как записанные В. И. Далем, но не относящиеся к Пензенской губернии.

В названную группу вошло 6 слов: *обредко, остромок, пайка, садный, самокрутка* и *скрестьь*. Отметим, что значения слов *пайка, садный* и *самокрутка* представлены в рассматриваемых словарях поразному: *пайка* – головомойка, нагонка [ТСЖ 3: 9] – нагоняй, выговор [СРНГ 25: 153]; *садный* – садильный, надсадный, досадный, огорчительный; трудный, непосильный [ТСЖ 4: 127] – саднящий (о боли)

[СРНГ 36: 30]; *самокрутка* – вышедшая замуж украдкой, без воли отца, матери, краденой свадьбой [ТСЖ 4: 134] – 1) девушка, потерявшая право заплетать волосы по-девичьи в одну косу, и делающая причёску в две косы; 2) супруги, не венчанные в Церкви [СРНГ 36: 89].

Значения остальных лексических единиц совпадают, например, *скрести* – скоблить, драть, чесать, царапать [ТСЖ 4: 208] – скрести, царапать по какой-либо поверхности чем-либо острым [СРНГ 38: 134–135].

5. Слова, представленные в «Словаре русских народных говоров» как относящиеся к Пензенской губернии, но не встречающиеся в словаре В. И. Даля.

В представленную группу вошло 31 слово: *половня, приклет, прицапывать, пришлепничать, противница (противня), пучило, пыща, радельный, ражий, разлешить, расклад, рыхлить, свечки, сизить, снедать, сромкий, стыра, тазить, тархан, тезево, толмачить, торыга (торыжка), торпище, трунотья, тудыличь, тюлька, тяжень, улаз, улишек, умёт, урень*. Некоторые из них были записаны в советский период. Например, *половня* – 1) сарай для хранения мякины, соломы; 2) сарай, амбар [СРНГ 29: 93]; *торпище* – полотно из грубой пряжи, которое подстилают под зерно при сушке и покрывают его в плохую погоду [СРНГ 44: 290].

6. Слова в «Словаре русских народных говоров», имеющие те же значения, что и в «Толковом словаре живого великорусского языка», но представленные в словарной статье по-иному.

В данную группу вошло 4 слова, которые различаются категорией числа *кудачка – кудачки, поминки – поминка, поножи – понож.* Кроме того, слова *тудыличь – тудылечь* содержат различия в плане орфографии.

7. Слово, имеющее меньшее количество значений по сравнению со Словарём В. И. Даля.

В данную группу вошло одно слово – *ражий*. Так, в ТСЖ оно имеет несколько значений: дюжий, матёрый, дородный; крепкий, плотный, здоровый, сильный; хороший, годный; видный, красивый [ТСЖ 4: 12]; в СРНГ представлено только одно значение – красивый, привлекательный [СРНГ 33: 252].

8. Слово, имеющее в «Словаре русских народных говоров» более узкое значение по сравнению со Словарём В. И. Даля.

В названную группу вошло одно слово – *снедать*. В ТСЖ данная лексическая единица указывает на время приёма пищи: завтракать, закусывать, перехватывать; полудневать [ТСЖ 4: 250]. В СРНГ рассматриваемое слово обозначает общее действие: принимать пищу, есть [СРНГ 39: 97].

Проведя исследование, мы сделали вывод, что из 290 слов, имеющих в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля

пометy «пензенское», 77 лексических единиц иначе представлено в «Словаре русских народных говоров».

Такое несоответствие может быть связано с разным лексическим значением слова, его оттенками, с иной грамматической характеристикой слова, с признанием той или иной лексической единицы, атрибутированной В. И. Далем, с отнесением слова к Пензенскому региону.

В результате исследования мы распределили языковые единицы, не соответствующие «Толковому словарю живого великорусского языка», по группам, представили статистические результаты, привели гипотезы несовпадения материалов этих словарей.

Наша работа позволяет увидеть актуальность словаря В. И. Даля для диалектологических исследований и изменение лексического состава русских народных говоров.

Библиографический список

1. Гурьянова, Л. Б. Пензенские страницы «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля / Л. Б. Гурьянова // Буслаевские чтения : сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пенза, 17 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Л. П. Перепёлкиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – С. 346–351.

2. История русской лексикографии / Л. С. Ковтун, Е. Э. Биржакова, В. О. Петрунин и др. ; отв. ред. Ф. П. Сороколетов ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург : Наука : С.-Петерб. изд. фирма, 1998. – 610 с.

3. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Вып. 4 (В-Военки). – Л., 1969 ; Вып. 6 (Выросток-Гон). – Л., 1970 ; Вып. 7 (Гона-Депеть). – Л., 1972 ; Вып. 9 (Ерепеня-Заглядеться). – Л., 1972 ; Вып. 10 (Заглазки-Заросить). – Л., 1974 ; Вып. 13 (Калун-Кобза). – Л., 1977 ; Вып. 24 (Осець-Отчураться). – Л., 1989 ; Вып. 25 (Отчурить-Первачок). – Л., 1990 ; Вып. 26 (Первее-Печетник). – Л., 1991 ; Вып. 29 (Покорочеть-Попритчиться). – СПб., 1995 ; Вып. 33 (Протока–Разлука). – СПб., 1999 ; Вып. 36 (С-Святковать). – СПб., 2002 ; Вып. 37 (Свято–Скимяга). – СПб., 2003; Вып. 39 (Сметушка-Сопочить). – СПб., 2005 ; Вып. 42 (Стриж– Сухловина). – СПб., 2008 ; Вып. 43 (Сухлость–Телепа). – СПб., 2010 ; Вып. 44 (Телепай–Транба). – СПб., 2011.

Л. Б. Гурьянова
(г. Пенза, Россия)

«ТЫ МОЁ БУДУЩЕЕ ВСЁ – И НАДЕЖДА, И ВЕРА, И СЧАСТИЕ, И БЛАЖЕНСТВО – ВСЁ» (ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ)

Аннотация. Эпистолярное наследие Ф. М. и А. Г. Достоевских позволяет составить представление об особенности частной переписки XIX в. с точки зрения содержания, композиции писем и языковых особенностей.

Ключевые слова: Достоевский, Достоевская, эпистолярный жанр, переписка, обращение, подпись, финальная часть, post scriptum, эпитеты, восклицательные предложения, фразеологический оборот.

Всё чаще в центре внимания исследователей оказывается писательский эпистолярий. Об этом свидетельствуют Всероссийские Фединские чтения «Эгодокументы XX века. Литература, культура, история» (Саратов 2019), выступающие на которых рассматривали своеобразие писем В. А. Каверина, И. Э. Бабеля, К. А. Федина, М. М. Пришвина.

Возросло и количество диссертационных исследований, которые посвящены месту эпистолярного жанра в литературе (Коневец 2003), личным письмам как русских, так и зарубежных писателей (Рогова 2004, Фесенко 2003), месту писем в структуре художественного произведения писателя (Боровиков 2007, Шевцова 2004) и т.д.

Однако многие теоретические проблемы остаются открытыми: «Во-первых, что такое писательский эпистолярий: документ частной жизни автора или факт литературы? Во-вторых, как адресат выстраивает свой образ в эпистолярии? В-третьих, существуют ли «жёсткие» принципы отбора фактического материала для авторских писем и какое место здесь отведено вымыслу?» [Доминенко 2014: 39].

Сложным остается вопрос о корректности изучения личных писем. Так, Е. И. Прохоров отмечает, что «письмо пишется в свободной форме, в нём могут обсуждаться как личные, так и общественные вопросы, оно не рассчитывается на опубликование, или ознакомление с ним иных лиц, кроме тех, кому оно адресовано» [Прохоров1964:19].

Интерес к эпистолярию художника слова зависит от личности адресата и его литературного таланта.

К творчеству Ф. М. Достоевского неоднократно обращались как литературоведы, так и лингвисты (работы Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, И. Л Волгина, И. Д. Якубович и др.).

Многое к личному и творческому портрету Ф. М. Достоевского добавляет его частная переписка с А. Г. Достоевской (Сниткиной), второй женой писателя. Впервые письма супругов были опубликованы С. В. Беловым и В. А. Тумановым в серии «Литературные памятники» в 1979 году.

Материалом для нашей статьи послужили 71 письмо Ф. М. Достоевского и 17 писем А. Г. Достоевской, написанных с 1866 по 1875 гг. и опубликованных в сборнике «Письма любви» (далее страницы указаны по сборнику).

Известно, что знакомство Ф. М. Достоевского с А. Г. Сниткиной произошло, когда писатель искал стенографистку. Они были разными и по возрасту, и по социальному положению. Однако, несмотря на то, что в обществе их брак восприняли неоднозначно, они прожили вместе

14 лет. После смерти писателя Анна Григорьевна не только не вышла замуж, но и посвятила всю оставшуюся жизнь сбору его рукописей, писем, документов, книг, личных вещей, мебели. Издала «Дневник. 1867 год» и «Воспоминания».

Сохранившиеся письма супругов называли своеобразной семейной хроникой и эпистолярным романом.

Особое место в письмах Ф. М. Достоевского и А. Г. Достоевской занимают *обращение друг к другу*, хотя этот элемент композиции их писем назвать обязательным невозможно.

Чаще всего писатель обращается к жене по имени, причём полная форма *Анна* нам не встретилась ни разу. Наиболее предпочтительной являются формы *Аня* (140 употреблений), *Анечка* (4 употребления), *Аничка* (1 употребление). Это свидетельствует о нежном отношении к жене, исключением является лишь обращение *Анька*, которое не воспринимается как грубое и было допустимо в частной переписке супругов, так как одно из писем жены подписано *Твоя нежно, крепко и горячо тебя любящая Анька* (с. 368). Чаще всего Фёдор Михайлович сопровождает имя супруги яркими эпитетами: *бесценная, ясный свет мой, милая, радость моя, радость моя вечная, голубчик, милочка*. Являясь верующим человеком, писатель часто использует эпитеты *ангел, мой ангел-спаситель, милый ангел мой, ангел мой святой, мой ангел-хранитель*.

В письмах Анна Григорьевна использует обращение *Федя* (с. 134) или *Федичка* (с. 241), хотя встречаются формы *Федуша* (с. 188) и *Федочка* (с. 316). Обращение к мужу сопровождается эпитетами *милый мой, дорогой, мой дорогой и золотой* и т.д. В отдельных письмах, рассказывая о сыне Фёдоре, для различения их она использует форму Федя, когда обращается к мужу, и придуманную дочерью Любой форму имени *Фечта* (с. 161), когда пишет о сыне. В других и муж, и сын названы одинаково – *Федя* (с. 118-119).

С точки зрения содержательной тематика писем разнообразна. Поскольку это частные письма, то супруги много пишут о детях.

Ф. М. Достоевский показан как любящий отец, который или просит жену рассказать, как дети: «…хочу об них известий…» (с. 436), или просит поцеловать их: «…цалую Любочку и Федю…» (с. 144), или даёт наставления жене, как их воспитывать: «… люби их, обходись с ними нежно, а я тебя – за это буду вечно любить» (с. 249).Он постоянно сожалеет, что они находятся от него на расстоянии: «скажи им, что я об них думаю, приеду к ним и привезу гостинцев» (с. 312), «Люба-то меня помнит, но помнит ли Федя?» (с. 345).

А. Г. Достоевская стремится в мельчайших подробностях рассказать мужу о том, как дети относятся к вопросам веры: «Люба любит ходить ко всенощной и теперь находится в церкви, а Федя у нас реши-

тельный нигилист, говорит: не хочу в церковь, и ходит только к ранней обедне, когда получает от батюшки просвиру» (с. 367), чем они увлечены: «Дети после купания отправляются к качелям (около театра, помнишь?). Люба качается, а Федя взлезает по разнообразным лестницам, устроенным для гимнастики, и очень доволен, когда взлезает высоко» (с. 364), что с ними происходит: «…наверху сбивали полы, и у нас в зале от стукотни обвалился карниз и отлетели обои. Дети, игравшие в другом конце залы, очень испугались, особенно Федя, который очень плакал и долго не мог успокоиться» (с. 413). Как любящая мать, она стремится в точности передать их речь: «Федя сегодня ночью видел волков, «они меня кусают, а я сел на них, и погоняю, и погоняю» (с. 437), «вчера Федя говорит мне вечером: ты поставь две свечки, сядь за стол, а мы будем набивать папиросы» (с. 407–408).

Иногда в письмах встречается информация о родственниках или близких знакомых Так, в письме от 29 декабря 1866 года писатель сообщает жене о встрече с племянницей Софьей Александровной Ивановой (с. 20), а в письме от 4 января 1872 года рассказывает о беседе с одним из активнейших сотрудников газеты «Московские ведомости» Н. Н. Воскобойниковым (с. 142).

А. Г. Достоевская в своих письмах извещает мужа, например, о ямщиках Андрее, Тимофее или Колгушине, которые смогут доставить ему теплое одеяло (с. 446), или няньке, которая называет их сына Федю мальчиком-купидончиком (с. 135).

Достаточно часто в письмах они рассказывают друг другу о состоянии здоровья. Фёдор Михайлович подробно сообщает об этом жене. Так, в письме от 16 июля 1874 года он пишет ей: «Правда, портили моё лечение припадки; от припадка как-то сжимает грудные мускулы… и сейчас после припадка у меня усилилась хрипота» (с. 380), а в письме от 17 июля 1874 года передаёт свои ощущения: «ровно в 7 часов пополудни меня опять ударило в жар, ночью хоть не бредил, но потел» (с. 349).

Анна Григорьевна менее откровенна, хотя лаконично сообщает о своём здоровье, чаще по просьбе супруга: «мы, слава богу, здоровы» (с. 434).

Практически в каждом письме мы находим слова озабоченности здоровьем друг друга. Так, в письме от 10 февраля 1875 года А. Г. Достоевская пишет: «…ты меня положительно напугал твоим последним письмом, рассказав, как сильно действует тиф. Голубчик мой, ради самого бога, поспеши устроить дела и приезжай домой, я до тех пор не успокоюсь, пока не увижу тебя дома и здорового» (с. 430), а Фёдор Михайлович в письме от 10 июля 1874 года даёт наставления жене: «Пей воду и старайся поправиться. Совещайся с доктором, когда надо, не скупись» (с. 335).

Несмотря на то, что это частные письма, писатель подробно рассказывает о своих произведениях. Например, в письме от 6 февраля 1875 года он пишет о романе «Подросток»: «…вчера первым делом заехал к Некрасову…, принял меня чрезвычайно дружески и радушно. Романом он чрезвычайно доволен, хотя 2-й части не читал, но передаёт отзыв Салтыкова, который читал, и тот очень хвалит» (с. 409).

Он делится с женой мыслями о произведениях литературы, например, о романе «Анна Каренина»: «Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу» (с. 417).

Но в этот период многие письма посвящены пагубной зависимости писателя. Письма, касающиеся проигрышей писателя, очень эмоциональны. Как правило, он, обращаясь к жене, честно сообщает ей о факте игры и её результате. Например, письмо Ф. М. Достоевского от 18 ноября 1867 года начинается со слов: «Аня, милая, бесценная моя, я всё проиграл всё, всё!» (с. 84). Автор письма использует определительное местоимение *всё*, чтобы подробно рассказать, что пришлось заложить.

С одной стороны, перед нами игрок, раскаивающийся в содеянном, с другой стороны, человек, который до мелочей продумал, как жить дальше: «…я попрошу у Огарёва 300 франков до 15 декабря», «напишу Каткову…чтобы в виде исключения, прислал мне в декабре не 100, а 200 рублей (а остальные 200 рублей по уговору, помесячно)», «15 декабря мы Огарёву заплатим 300 франков, и у нас останутся еще 380 франков» (с. 86).

Это только одно из писем, которые по содержанию будут похожи друг на друга. Вот письмо от 28 апреля 1871 года, и снова – проигрыш, и снова нежные слова, обращённые к жене – «бесценная моя», «ангел мой небесный».

Писатель буквально по минутам реконструирует происходящие события: «я не имел намерения играть», «я стал у стола и начал мысленно ставить: угадаю или нет?», «я стал играть и в 5 минут выиграл 18 талеров» (с. 117).

Тексты писем наполнены переживаниями, которые писатель передаёт при помощи восклицательных предложений: «За эти 30 талеров, что я ограбил тебя, мне так стыдно было! Ты для меня всё своё заложила в эти 4 года и скиталась за мною в тоске по родине!» (с. 117).

Чтобы передать свои эмоции, он использует разговорный фразеологический оборот «меня как холодной водой облило» (с. 118) в значении «охладить пыл, рвение, привести в замешательство кого-либо».

Вера его в жену очень сильна, поэтому он чаще всего обращается к ней с просьбой, например, «пришли мне 30 (тридцать) талеров» (с. 119). Рассматривая различные варианты выхода из сложившейся си-

туации, он использует сложноподчинённое предложение с придаточным условия: «Если ты не успеешь выслать в воскресение, то вышли в понедельник пораньше» (с. 199). Для автора письма важны минуты и секунды, вот почему он часто использует слова, обозначающие временные промежутки, например, «Если в среду, утром рано, или завтра, во вторник, вечером успеешь послать, то я получу в среду вечером…» (с. 85).

В *финальной части* писем Ф. М. Достоевского содержатся не только необходимые этикетные формулы, но и нежелание закончить писать письмо, так как это своего рода диалог с женой, в советах и помощи которой он нуждался, поэтому некоторые письма содержат несколько частей (с. 320–329).

В письмах А. Г. Достоевской можно встретить расширение *этикетных рамок* финала письма. Это могут быть слова прощания, дополненные переживаниями: «До свидания, мой вечный друг Федичка, жду тебя с нетерпением, так как боюсь, чтобы с тобой чего не случилось…» (с. 446). В концовке могут содержаться сведения о том, когда адресат сможет получить следующее письмо: «Милый Федя, через 4 дня, т.е. 18 июля напишу в Элис и в Париж… Спешу отнести, чтобы сегодня пошло» (с. 368). В финале могут встречаться пожелания здоровья: «Будь здоров, мой дорогой Федя» (с. 419). Однако чаще всего в письмах встречаются признания и уверения в любви: «Целую и обнимаю бесчисленное количество раз, люблю тебя, как только можно любить всей душой, всем сердцем, ужасно мне жаль, что ты мне не веришь, думаешь, что я тебя не люблю» (с. 263).

Если говорить о *подписи*, то в большинстве писем к жене этот компонент присутствует – от лаконичного *Ф. Д.* до привычного *Фёдор Достоевский*. Практически в каждом письме могут встречаться вариации. Часто к подписи добавляется притяжательное местоимение: *Ваш Ф. Достоевский* (с. 393), *Твой Ф. Достоевский* (с. 131), может встречаться и расширение подписи за счёт добавления определительного местоимения: *Твой весь Ф. Достоевский* (с. 140). Подпись может включать и дополнительные компоненты: *Твой весь, тебя любящий Федор Достоевский* (с. 144) или *Твой весь тебя цалующий муж Ф. Достоевский* (с. 428). Несмотря на то, что практически в каждом письме он беспокоится о детях, но редко можно встретить известие, что он находится с ними. Например, в письме от 20 декабря 1874 года содержится подпись *Твои все Я, Лиля и Федя* (с. 402), что свидетельствует об отъезде А. Г. Сниткиной.

В отдельных письмах жены, адресованных Ф. М. Достоевскому, не встречается *подпись*, хотя этот элемент присущ большинству её посланий. Многие письма содержат лаконичную форму *А. Достоевская.* Как компонент подписи используется притяжательное местоимение, например, *Твоя А. Достоевская* или *Твоя Аня*. Нередко подпись допол-

няет причастие *любящий*, например, *твоя любящая жена* или *твоя любящая Аня.* Письмо может быть подписано только женой, но чаще к словам прощания присоединяются дети: *любящие тебя Аня, Люба, Федя и неизвестный* (с. 408) или *Твои Люба, Федя, Incognito и Аня* (с. 438), так как в семье готовились к появлению ещё одного ребёнка.

Писатель часто использует такой компонент как post scriptum. Из 71 письма этот элемент встречается в 19.

Чаще всего из этих добавочных сообщений мы узнаем о карточных проигрышах: «Подробностей, сколько выиграл, сколько проиграл, не пишу: всё расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо» (с. 45).

Для него очень важно одобрение жены. Используя эмоционально-оценочную лексику, писатель часто обращается к ней с различными просьбами: «ангел мой, обо мне не беспокойся» (с. 71), «я слишком хорошо понимаю, что в воскресение тебе никак почти нельзя будет достать и выслать денег. Буду ждать до вторника, но и в понедельник на авось наведаюсь на почту» (с. 129).

Некоторые письма Ф. М. Достоевского содержат несколько таких элементов. Так, в письме от 28 апреля 1871 года он сообщает жене об очередном проигрыше и уговаривает её выслать денег. В финале письма, считая, что дело сделано, он помещает P.S., где объясняет, что не может пойти к священнику, P.P.S., в котором убеждает жену не расстраиваться, и P.P.P.S., где уверяет в своей благодарности (с. 122–123). В письме от 18 ноября 1868 года в первом P.S. он сообщает, как передать деньги: «…заверни 50-франковый билет (который достань у менялы) в письмо, положи в конверт и пошли» , во втором P.P.S. ещё раз заверяет её, что он настроен решительно: «Не подумай, ради Христа, что я буду играть на эти 50 франков. О, ради Христа, не подумай!» (с. 88).

В письмах А. Г. Достоевской практически не встречается такой компонент как *post scriptum*, хотя после слов прощания есть фрагменты письма, передающие эмоции или дополнительную информацию. Так, в письме от 31 июня 1871 года после подписи содержится фраза «детишки цалуют своего папочку» (с. 135); в письме от 14 июня 1872 года сообщается о месте проживания семьи в Старой Руссе: «Наш адрес на всякий случай: № 14, кв. 26» (с. 188); в письме от 29 июня 1874 года она рассказывает, зачем хотела бы получить от мужа чистые марки «в 3, 4 и 6 пфенингов» (с. 338); в письме от 8 февраля 1875 года она рассказывает о сыне Фёдоре: «Чтобы Федя вечером рано не засыпал, мы придумали, что ты пришлёшь живую лошадь, и он часто приходит к окну узнать, не привели ли её?» (с. 424); в письме от 26 июля 1873 года она признается: «Милый Федя, у меня часто по себе сердце болит» (с. 243).

В одном из писем, уверяя мужа в любви, она использует не только устаревшую форму глагола, но и слово, отсутствующее в российской системе наименования чисел: «Цалую и обнимаю тебя много раз, биллионы раз, думаю, люблю» (с. 243).

Особого внимания заслуживает письмо от 22 июня 1874 года, в котором содержится единственный P.S. В нём она укоряет мужа: «Мне совсем не нравится твоя подпись «Твой вечный муж Дост.». Какой ты «вечный муж»? Ты мой милый муж, муж навеки, а не вечный муж» (с. 319).

Переписка супругов Достоевских представляет большой интерес, так как, несмотря на все жизненные трудности и проблемы, это были два человека, которые нашли друг друга. Ведь, обращаясь к жене, Фёдор Михайлович напишет: «Ты одна в моей душе и в моих мечтах» (с. 393), а в письме Анны Григорьевны мы встречаем признание, которое мечтала бы произнести каждая женщина: «…я знаю, что ни с кем не была бы так счастлива, как с тобою» (с. 319).

Таким образом, эпистолярное наследие Ф. М. и А. Г. Достоевских помогает подробно узнать, о том, как жили эти люди, какие проблемы их волновали, с кем они встречались, как строили свою семью. Кроме того, можно составить представление о том, какие композиционные элементы содержала их частная переписка, какие языковые особенности можно выделить, какие формы имён собственных они использовали. Безусловно, это исследование может быть продолжено и посвящено анализу других писем супругов или сохранившихся писем писателя родным и знакомым.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира. Вступительные замечания. Неопределённость признака // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 846–870.

2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – Москва : Сов. Россия, 1979. – 318 с.

3. Боровиков, Д. С. Эпистолярные мотивы в художественном мире Н. В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Боровиков Д. С. – Саратов, 2007. – 24 с.

4. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского. Исторические записки / И. Л. Волгин. – Москва : Советский писатель, 1991.

5. Доминенко, Н. В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма / Н. В. Доминенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27 (66), № 2. – С. 38–46.

6. Ф. М. Достоевский – А. Г. Сниткиной. Письма любви / сост. И. Е. Арясов. – Москва : РИПОЛклассик, 2011. – 448 с.

7. Караулов, Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского / Ю. Н. Караулов // Русский язык в школе. – 2001. – № 39.

8. Коневец, С. Н. Эпистолярное наследие Н. В. Станкевича в контексте литературного движения 1830-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Коневец С. Н. – Саратов, 2005. – 20 с.

9. Прохоров, Е. И. Издание эпистолярного наследия / Е. И. Прохоров // Принципы издания эпистолярных текстов : сб. статей. – Москва : Наука, 1964. – С. 6–72.

10. Рогова, А. Г. Эпистолярное наследие Роберта Саути : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рогова А. Г. – Санкт-Петербург, 2004. – 26 с.

11. Фесенко, О. П. Фразеология эпистолярных текстов А. С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фесенко О. П. – Тюмень, 2003. – 23 с.

12. Шевцова, Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шевцова Н. В. – Магнитогорск, 2004. – 22 с.

М. В. Каравашкина
(г. Москва, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Аннотация. Автор излагает свои наблюдения за речью современных студентов – будущих учителей начальных классов. Поводом для этих наблюдений послужили предположения двух замечательных отечественных лингвистов – В. В. Виноградова и М. В. Панова – о том, какие тенденции они заметили в русском языке того периода, о котором шла речь в их научных работах. Современное состояние языка полностью подтвердило предположения ученых.

Ключевые слова: речь современной молодежи, употребление притяжательных прилагательных и местоимений, склонения имен существительных.

Многие преподаватели отмечают тот факт, что современные студенты говорят не так, как их ровесники даже десять лет назад: уже с первого курса они на занятиях спокойно высказывают своё мнение, часто спорят с преподавателем, отстаивая свою правоту. Исчезла боязнь, стена, отделявшая студента от профессора, и этому нельзя не радоваться. Через речь человек осознаёт себя в мире, поэтому сразу следует заметить, что употребление в молодёжной речи тех или иных конструкций, – отнюдь не только лингвистический вопрос. Этой проблемой интересуются философы (например, Ж.-П. Сартр), психологи (Ж. Пиаже). В этой области трудно провести границу между отдельными науками. Подчеркнём, что нас прежде всего будут интересовать именно лингвистические аспекты проблемы.

Сразу хотим оговориться, что в данной статье мы не будем анализировать фонетические особенности речи, так как это невозможно сделать без учёта диалектных особенностей каждого из регионов.

Также мы не будем говорить и о лексических заимствованиях. Употребление иноязычной лексики свойственно не только молодёжи.

Можно даже сказать, что в некоторых случаях эта лексика навязывается молодым людям. В любом случае, сам факт употребления того или иного слова остаётся за пределами внимания автора данной статьи.

Мы обратим внимание на некоторые грамматические особенности, которые были подмечены именно в студенческой речи.

Наблюдая за речью современной молодёжи, автор настоящей статьи подметил одну интересную деталь. Очень часто молодые люди заменяют конструкции «притяжательное прилагательное или притяжательное местоимение + существительное (гл. слово)» на словосочетание «существительное или личное местоимение в родительном падеже со значением принадлежности + существительное (гл. слово)». Своими размышлениями о том, почему это происходит, автор поделился в статье «Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодёжи» [Каравашкина 2014: 93–100]. Современный молодой человек скажет не «мамин брат», а «брат мамы», а словосочетание «у моей подруги» может быть заменено в разговорной (именно в разговорной!) речи на «у меня у подруги». Причём конструкции с двумя родительными принадлежности нередко разбиваются на две предикативные единицы: вместо «Мамин брат был архитектором» можно услышать «У меня у мамы был брат. Он был архитектором».

На наш взгляд, здесь можно наблюдать тенденцию к общему упрощению речи. Прилагательные приносят в речь красочность, образность, если их убрать, получается только констатация факта. Возможно, конструкции с двумя существительными (*брат мамы, муж подруги*) получили столь широкое распространение в современной речи еще и потому, что выполняют свою функцию – короткое сообщение, содержащее только конкретную информацию.

Наблюдая за употреблением притяжательных прилагательных или существительных в родительном падеже, А. Н. Стеценко писал о том, что форма родительного падежа предпочтительней, так как позволяет употребить конкретизирующее притяжательное местоимение: дети *его* сестры, подруга *моей* жены. То есть в таких словосочетаниях притяжательность рассредоточена по двум словам. [Стеценко 1972: 57]. В современной же разговорной речи мы всё чаще слышим, что и второе притяжательное слово, местоимение, заменяется на родительный падеж личного: «У меня у сестры дети ходят в музыкальную школу», «У него у жены есть подруга».

На наш взгляд, при замене притяжательного прилагательного или местоимения на родительный падеж существительного или личного местоимения происходит смещение смыслового акцента во всем предложении. Например: «Я сегодня не приду. У меня у мамы день рождения». Говорящий таким образом оправдывается: он что-то может или не может сделать по какой-то причине. Заметим, что позиция начала

предложения, позиция актуализации, требует постановки скорее имени в косвенном падеже (или местоимения), а не притяжательной формы. Говорящему в данном случае не важна принадлежность, ему важно собственное «я» и возможность убедить окружающих в своей правоте.

Один раз нами был записан даже такой пример: «У меня у подруги у мужа сегодня юбилей». Сразу заметим, что наиболее часто в таких конструкциях встречается именно предлог «у».

Автор проводил небольшой эксперимент со студентами факультета начального образования МПГУ. Сначала такие конструкции были зафиксированы в речи будущих учителей начальных классов. Потом они же наряду с конструкциями, содержащими притяжательные прилагательные и местоимения, были предложены студентам в письменном виде. Молодым людям предлагалось распределить, что уместно будет употребить в письменной, а что – в устной речи. Интересен тот факт, что студенты интуитивно понимали необычность этих конструкций для письменной речи и безошибочно их распределяли по группам.

Другой группе студентов были предложены работы, написанные детским почерком, в которых принадлежность обозначалась предложно-падежной формой существительного или личного местоимения. Задание заключалось в том, чтобы исправить речевые недочеты. Следует заметить, что беспредложные конструкции, в которых принадлежность обозначалась родительным падежом существительного, не были исправлены. То есть словосочетания «брат мамы», «машина папы», «платок бабушки» исправлены не были ни одним студентом. А сочетания «у подруги у бабушки» были отмечены как неправильные.

Как неправильные были засчитаны и словосочетаниям с личными местоимениями: все исправляли в работах такие конструкции «у нас у мамы», «у меня у сестры».

Затруднение у студентов вызвал ответ на вопрос, что же здесь неправильного. Предлагались различные варианты ответов, в том числе и тот, который основывался на чисто зрительном восприятии: плохо смотрятся два подряд предлога «у». Но ничего неправильного, запрещенного грамматикой здесь будущие учителя не нашли. Все соглашались с тем, что в устной речи так построенная фраза их не смутила бы. Это факт устной речи современных молодых людей. Притяжательные прилагательные (в большей степени) и местоимения (в меньшей степени) не свойственны их речи.

Пытаясь объяснить, почему так происходит, мы можем говорить обо многих причинах. Автор проанализировал их в статье «Судьба притяжательных лишена перспектив?» [Каравашкина 2019: 133–138]. Но сейчас нам бы хотелось отметить, что впервые на эту тенденцию указал академик В.В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове», первое издание которой было осуществлено

в 1947 году [Виноградов 1947: 200]. Именно его слова стали заголовком указанной выше статьи.

Хотелось бы сказать и еще об одной гениальной догадке, предвидении ученого. В середине прошлого века М. В. Панов писал: «Растёт число имен, у которых нет форм косвенных падежей» [Панов 1963: 10]. Современная языковая ситуация может послужить иллюстрацией к этому предположению.

Так, например, автор записывал за своими студентами такие выражения: «в своем Инстаграмм», «мы общаемся в FaceBook», «помог вратарю «АкБарс» и др. Конечно, перед нами заимствованные слова, но тех признаков, которые маркируют несклоняемые существительные (типа «метро», «кофе»), в них нет. Кроме того, в случае с довольно распространенным названием команды мы имеем дело с явной грамматической ошибкой, которая даже вынесена на ЕГЭ: если не указано родовое понятие (например, «команда»), то видовое, употребленное в качестве приложения, должно склоняться.

Принимая в свою речь огромное количество англицизмов, современные молодые люди принимают и аналитическую систему другого языка. К сожалению, стоит отметить, что такая тенденция «поддерживается» средствами массовой информации, языком очень агрессивной рекламы. Если, например, «Одна порция «Ваниш» или «Тайд» избавит нас от всех проблем в быту», то она же научит и говорить неграмотно.

И эта ситуация распространяется не только на новые заимствования, но и на слова, давно освоенные языком. Например, в нескольких группа студентов мы задавали вопрос о том, какое падежное окончание они считают более правильным: «попить чаЮ» или попить чаЯ». Довольно большое количество студентов говорили о том, что они выберут форму с нулевым окончанием: «попить чай». Если вариативность окончания мы можем объяснить исторически, перестройкой системы склонения, то вариант с нулевым окончанием, на наш взгляд, появился под влиянием языка рекламы, где присутствует огромное количество нарушений норм нашего языка.

В. М. Живов писал, что «язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов (абстрактных законов изменения), а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употребления» [Живов 2004: 34]. Известно, что язык – это отражение национальной картины мира [Шмелёв 2009: 56]. Употребляя в своей речи такие обороты, молодежь отражает чужую, если не сказать «чуждую» картину мира, теряет свой национальный менталитет.

Но всё же хотелось бы сказать и о том, что на пути бездумному заимствованию или потере форм словоизменения именно язык ставит очень серьёзные преграды. Имя им – русское словообразование. Иноязычное слово не живёт в языке само по себе, оно активно вовлекается в этот язык. Приведём такой пример: в нашу жизнь активно вошел

USB-флеш-накопитель, съёмное запоминающее устройство. В словарях заимствованных слов ещё нет единого мнения о том, писать это слово через «е» или через «э», но оно уже обосновалось в языке в форме «флешка», присоединив русский регулярный суффикс -к-. Также освоено слово «смайлик». В речи современных студентов присутствует огромное количество таких новообразований. Иногда даже можно говорить о своеобразной лингвистической игре, заключающейся в том, что к заимствованному корню прикрепляются «родные» аффиксы. Так образуются слова «пошопиться», «забанить», «лайкнуть» и многие другие. Скорее всего, сейчас мы можем говорить о том, что речь молодого поколения то тем или иным причинам переполняется заимствованиями, но эти заимствования вовлекаются в систему нашего языка. Иноязычные элементы таким образом становятся частью системы нашего языка.

Речь студенчества во все времена отличалась от речи представителей старшего поколения. Она всегда занимала особое место. С одной стороны, это речь людей, получающих высшее образование, а значит, довольно грамотных и образованных. С другой – это речь совсем ещё молодых людей, иногда стремящихся выделиться и заявить о себе и своей оригинальности хотя бы уровне использования самых «современных» конструкций языка.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва : Учпедгиз, 1947. – 785 с.

2. Живов, В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева / В. М. Живов // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 29–46.

3. Каравашкина, М. В. Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодёжи / М. В. Каравашкина // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2013 : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. юбилейной конф. (Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2013 г.). – Санкт-Петербург, 2014. – С. 93–101.

4. Каравашина, М. В. «Судьба притяжательных лишена перспектив»? / М. В. Каравашкина // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ : материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 октября 2019 г. – Минск : БГУ, 2019. – С. 133–137.

5. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов // Вопросы языкознания – 1963. – № 1. – С. 3–17.

6. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – Москва, 1972. – 360 с.

7. Шмелёв, А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А. Д. Шмелёв // Мир русского слова. – 2009. – № 3.

А. Н. Кулапова
(г. Пенза, Россия)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМОВ В. П. КРАПИВИНА

Аннотация. Рассматриваются особенности употребления слов разных частей речи в афоризмах В. П. Крапивина. Отмечается, что морфологические средства формируют в афоризмах особую выразительность, усиливают образ героев, указывают на обобщенность, экспрессивность афоризма.

Ключевые слова: афоризм, В. П. Крапивин, часть речи, экспрессивность, обобщеность.

Тематика афоризмов в произведениях В. П. Крапивина (дружба, взаимоотношения взрослых и детей, справедливость, любовь к литературе и книгам и др.) обусловила употребление в них слов определённых частей речи. Только их сочетания образуют тот язык, который в форме афоризмов доносит до читателя главные постулаты правил образа жизни.

Обращает на себя внимание активное использование в афоризмах следующих **имён существительных**: *человек, жизнь, друг.*

Особенностью употребления существительных *человек* и *люди* является то, что они выступают в роли собирательного образа, к нему обращается автор: *Вот ведь как по-дурацки устроен* ***человек****! Ничего не случилось, а спокойной жизни нет* («Та сторона, где ветер»).

Существительное *жизнь* используется в афоризмах в значении «реальная действительность; бытие». Это обусловлено тем, что герои в произведениях живут настоящей полноценной жизнью, и афоризмы соответствуют этим реалиям: *Планету ковыряем насквозь, к звёздам летаем, а в обычной* ***жизни*** *порядка нет, не было и не будет...* («Голубятня на жёлтой поляне»)

Существительное *друг* в афоризмах используется часто в связи с тем, что является центральной темой всех произведений В. П. Крапивина. Оно выступает только в значении «человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы»: *У каждого человека начинается новая жизнь, когда среди множества приятелей и товарищей появляется единственный и самый нужный на свете* ***друг*** («Трое с площади Карронад»).

Для эмоциональной оценки своих героев, их поступков В. П. Крапивин использует положительно окрашенные **прилагательные.** Качественное прилагательное *хороший* наиболее часто используется в сочетании с такими словами, как *человек, друг*. Это показывает позитивное, по-детски наивное отношение автора к людям. Данное прилагательное используется в значениях:

– «обладающий положительными моральными качествами; вполне достойный»: ***Хороших*** *людей было гораздо больше, чем плохих (хотя плохие тоже попадались, куда от этого денешься?). И* ***хороших*** *дней в жизни было во много раз больше, чем горьких и неудачных* («Журавлёнок и молнии»);

– «связанный взаимным расположением, короткими отношениями с кем-либо; близкий»: *– Придём, – пообещал я. И подумал, что, если даже ковер вышел из строя, одна радость у нас все-таки ещё осталась: новый* ***хороший*** *друг* («Ковёр-самолёт»);

– «для выражения неодобрительной или иронической оценки кого-либо, чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1452]: *А если проходить мимо всякой несправедливости, то станешь* ***хорошим*** *человеком. Легко и просто* («Мальчик со шпагой»).

Качественное прилагательное *счастливый* употребляется только в значении «такой, который испытывает счастье, радость»: *…****счастливый*** *человек – тот, кто живёт в согласии с требованиями души* («Гуси-гуси, га-га-га»).

Для В. П. Крапивина важно показать взаимоотношения между людьми, их общение. Поэтому естественно, что в большом количестве употребляются **глаголы** *сказать*, *говорить* и их производные: *– А что такое добро? Оно разное, –* ***сказал*** *он. – Разное, но всегда доброе, – наставительно* ***проговорила*** *Зоя Алексеевна* («Колыбельная для брата»).

В афоризмах особая выразительность достигается за счёт использования **местоимений**. Так, личное местоимение единственного числа *ты* употребляется как при обозначении второго лица, собеседника: *– Почему* ***ты*** *боишься надеяться? – Потому что… – глухо сказал Яр, – надежда погибнет, и будет еще страшнее* («Голубятня на жёлтой поляне»), так и при обозначении человека вообще, то есть оно приобретает обобщающее значение. Это объясняется тем, что афоризмы адресованы читателю и ставят перед ним задачу задуматься над поступками героев: *Мужчиной нужно быть и наяву, и во сне. Даже если* ***тебе*** *двенадцать лет* («В ночь большого прилива»); *Если* ***тебе*** *все-все, со всех сторон, будут говорить правильные слова, а ты хоть самую капельку будешь знать, что надо делать по-своему, так и делай* («Журавлёнок и молнии»).

Указательным местоимением *такой* автор подчеркивает важность последующего существительного: *Нельзя, братцы, идти назад, когда впереди* ***такая*** *дорога. Потом всю жизнь себе этого не простишь… А может, это и есть главное дело – узнать, куда она ведёт* («Голубятня на жёлтой поляне»).

Местоимение *другой* используется в значении «не такой, как этот (или прежний); иной» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 285] и служит для противопоставления предметов, явлений:

А главное то, что закон дружбы в мире сильнее всех ***других****. Если дружба настоящая… Я ведь говорил: он не меняет направление так же, как ось гироскопа. Или маятник Фуко…* («Стеклянные сказки Симки Зуйка»).

Определительное местоимение *самый* используется В. П. Крапивиным для усиления последующего за ним слова, придаёт ему особый смысл «крайности». Оно употребляется для уточнения времени, указывая на его предел: *А книги – это была целая жизнь. Надолго, навсегда. До* ***самой*** *старости. Потому что, когда ты с книгами, ты сразу с тысячами разных людей* («Оранжевый портрет с крапинками»); а также указывает на степень проявления количества: *Если тебе все-все, со всех сторон, будут говорить правильные слова, а ты хоть* ***самую*** *капельку будешь знать, что надо делать по-своему, так и делай* («Журавлёнок и молнии»).

Определительное местоимение *каждый* употребляется только в обобщённом значении «всякий человек» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 408], чтобы читатель мог увидеть связь между героем и собой*:* ***Каждый*** *имеет право на свою мечту, если даже она несбыточная* («Я иду встречать брата»).

Таким образом, морфологические средства формируют в афоризмах особую выразительность, усиливают образ героев, указывают на обобщённость, экспрессивность афоризма.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

2. Крапивин, В. П. Собрание сочинений : в 27 т. / В. П. Крапивин. – Москва : Эксмо, 2005–2010.

Д. А. Лагутова
(г. Пенза, Россия)

ПОДПИСЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕНИЯ В ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА К О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

Аннотация. Анализируются подписи А. П. Чехова в письмах, адресованных О. Л. Книппер-Чеховой. Подпись рассматривается как один из инструментов общения, отражающих отношение адресата к адресанту на разных этапах жизни.

Ключевые слова: письмо, адресант, адресат, подпись, общение, инструмент.

«Письмо как речевое произведение исследуется лингвистами в историко-стилистическом, текстологическом, коммуникативном,

а также структурном» аспектах. Основные компоненты письма: индекс, место и время написания, обращение к адресату и подпись адресанта – «являются факультативными и могут быть редуцированы вплоть до нуля» [Куварова: электронный ресурс].

Подпись является эпистолярным элементом, с помощью которого заканчивается общение в письме. По словам Н. И. Белуновой, «высказывания, представляющие собой подпись, являются одним из адресантных синтаксических средств, поскольку они являют собой самоименование адресанта и реализуют прежде всего категорию диалогизации, являющуюся доминантной категорией текста письма» [Белунова: электронный ресурс].

На рубеже XIX и XX вв. одной из важнейших форм общения являлась переписка. Так, русский писатель А. П. Чехов часто отправлял письма своим коллегам, знакомым и друзьям, но наиболее интересными, на наш взгляд, являются письма А. П. Чехова, адресованные О. Л. Книппер-Чеховой.

Обмен письмами между писателем и актрисой начался летом 1899 года и продолжался с перерывами до весны 1904 года. Достоянием читателей стали 433 письма и телеграммы Чехова к Книппер и более 400 писем Книппер к Чехову – это самая большая по объёму чеховская переписка, которая наиболее полно отражает жизнь и настроения классика русской литературы. Ср.: «Языковая личность автора получает наибольшее отражение именно в жанре частной переписки; письма наиболее приближены к ситуации непринуждённого общения» [Матвеева: электронный ресурс]. Поэтому в качестве материала исследования были взяты частные письма, адресованные именно О. Л. Книппер-Чеховой.

В письмах А. П. Чехова подпись используется как особый инструмент, способный отразить уровень общения между адресантом и адресатом. Для анализа были использованы 434 письма, написанных в период с 16 июня 1899 года по 26 апреля 1904 года.

Переписка была единственно возможным способом общения для обоих, поскольку Ольга не могла жить без сцены в Москве, а Чехову совершенно было противопоказано оставаться в городе. Их роман, а затем и брак представлял собой вереницу редких встреч и мучительных расставаний, что не могло не отразиться на содержании и структуре писем.

Интересно, что во всех письмах подписи писателя никак не связаны с соержанием эпистолярного текста. Однако можно заметить, что в ранних письмах за подписями «скрывался» достаточно скромный человек, который со всей душевной теплотой делился эмоциями со своей новой знакомой, подписываясь таким образом: *Ваш А. Чехов, Чехов, А. Чехов, Весь Ваш А. Чехов.* Чаще всего А. П. Чехов употреблял про-

стые подписи, включавшие имя и, а также различные варианты имени как на русском, так и на иностранных языках: *Чехов, А.*(1), *Чехов* (1), *Антон* (3), *А. Чехов* (5), *Antoine* (3), *Антонио* (10), *Антуан* (3), *Антон* (1), *Антоний* (2), *Антониус* (1), *Antoine* (фр.) (3), *Antonio* (итал.) (1); в том числе и усечённые варианты имени: *А* (10), *Ant* (1), *An* (1), *Ant, An.* (1).

Подписи в письмах более позднего периода характеризуют особую преданность Чехова своей возлюбленной, более близкие отношения между ними. Не случайно почти в каждой подписи используются притяжательные местоимения *твой* или *ваш*: *Твой А.* (174), *Твой Ant.* (58), *Твой Antoine* (21), *Твой Antonio* (19), *Ваш А. Чехов* (15), *Твой An.* (6), *Твой Антон* (3), *Твой Тото* (2), *Твой Антонио* (1), *Твой Тотоша* (1), *Твой А. Чехов* (1), *Твой Antoine* (21), *Твой Antonio* (12), *Твой Ant, Твой An.* (57), *Весь твой Antoine* (1), *Весь ваш А. Чехов* (1).

И, наконец, назовём подписи, в которых, балгодаря использованию слова *муж*, отражаются законные отношения между А. П. Чеховым и О. Л. Книппер-Чеховой. Кажется, что писатель с особой гордостью употребляет названное слово: *Твой муж Antonio* (2), *Твой муж А.* (2), *Твой супруг А.* (2), *Твой муж Антон* (4), *Твой муж Антонио* (1), *Твой муж Ant.* (4), *Твой муж А. Чехов* (1), *Твой муж Антонио* (1), *Муж твой Ant.* (1), *Муж Ant.* (1), *Твой муж* (1).

Во многих письмах подпись А. П. Чехова имела оттенок самоиронии, которая, однако, показывала нежное отношение автора к адресату, и это особенно ценилось Ольгой Леонардовной: *Твой муж и покровитель* (1), *Твой Черномордик* (1), *Твой влюблённый в Книпшиц дуралей* (1), *Черномордик* (2), *Твой мужчинка* (1). Ирония Чехова в подписях писем более позднего периода вызывает восхищение им как человеком, находящимся на грани жизни и смерти. Писатель всегда старался относиться к происходящему с юмором и с помощью подписей старался передать своё внешнее спокойствие жене: *Иеромонах Антоний* (1), *Твой Антоний иеромонах* (3), *Твой иеромонах Антоний* (3), *Твой иеромонах* (3), *Твой старец Ant* (1), *Твой старец Антоний* (2), *Твой Антоний иеромонах* (3), *Твой Антоний старец* (1), *Твой иеромонах* (2), *Твой старец Антоний* (2), *Твой иеромонах Антоний* (3), *Твой старец Ant.* (1), *Твой иеромонах А; Твой старец Антоний* (1), *Твой иеромонах А.* (1), *Академик* (1), *Академик Тото* (1), *Ваш Antonio, academicus* (1), *Твой Тото, потомственный почетный академик* (1), *Твой Тото, титулярный советник и кавалер* (1), *Твой Тото, отставной лекарь и заштатный драматург* (1), *Твой муж немец An.* (1), *Твой старый немец А.* (1), *Твой А. Чех немец* (1), *Твой немец Ant.* (1), *Твой немец An.* (2).

Бывали случаи, когда до Чехова либо не доходили письма жены, либо она была настолько занята, что не успевала ответить. Антон Павлович понимал это, но всё же добавлял к своим подписям эпитеты, ха-

рактеризующие его настроение: *Твой суровый муж А.* (1), *Твой свирепый муж Ап.* (1), *Твой строгий муж Ап.* (1).

Манера общения и называния Чеховым своей супруги говорит об особенностях их взаимоотношений. После того как актриса и писатель стали близки друг другу, на страницах их писем появились странные, на первый взгляд, обращения: *Милый дусик мой*, *Милая собака*, *Милый мой пёсик*, *Милая супружница*, *Милая Книппуша*, а в подписях – не менее необычные слова: *Твой муж под башмаком* (1), *Твой муж в шерстяных кальсонах Немец А.* (1), *Твой-кое-кака* (1), *Собакин* (1), *Твой Антон Актрисын* (1), *Твой муж Актрисын* (1), *Твой Антон Актрисын* (1), *Твой муж А. Актрисын* (1), *Твой деспот Ап.* (1), *Твой хозяин Антон* (1). Из подписей ясно, что для Чехова переписка с Книппер имеет особое значение потому, что это была его самая большая и последняя любовь: *Твой страстный муж А.* (1), *Твой верный муж Ап.* (1).

Антон Павлович Чехов любил свою жену, был с ней счастлив, даже долгие годы разлуки не смогли погасить любовь писателя *(«Будь здорова, деточка моя. Я тебя очень люблю»15 декабря 1900)* [Чехов XVIII: 423]. Письма Чехова и Книппер будто связаны единым драматическим сюжетом, который читается легко и непринуждённо. Переписка двух знаменитых людей рубежа XIX-XX веков – истинное повествование о долгожданных встречах, о длительной разлуке и неиссякаемой любви.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из инструментов общения, связывающих А. П. Чехова и О. Л. Книппер-Чехову, является подпись в дружеском письме, поскольку в ней отражается истинное отношение адресанта к адресанту, прослеживается взаимосвязь двух людей на определённом этапе их жизни и раскрывается отношение автора письма к любимому человеку.

Библиографический список

1. Белунова, Н. И. Подпись как средство реализации категории модальности текста дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века) / Н. И. Белунова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podpis-kak-sredstvo-realizatsii-kategorii-modalnosti-teksta-druzheskogo-pisma-na-mate-riale-pi-sem-tvorcheskoy-intelligentsii-kontsa-x1x/viewer (дата обращения: 20.02.2020).

2. Куварова, Е. К. Заключительная этикетная формула в письме как в речевом произведении / Е. К. Куварова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchitelnaya-etiketnaya-formula-v-pisme-kak-rechevom-proizvedenii/viewer (дата обращения: 21.02.2020).

3. Матвеева, И. И. К проблеме межличностной модальности эпистолярного дискурса / И. И. Матвеева. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-mezhlichnostnoy-modalnosti-epistolyarnogo-diskursa/viewer (дата обращения: 19.02.2019).

4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. П. Чехов. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1949–1951. – Т. XVIII–XX. Письма (июнь 1899 – апрель 1904).

Э. А. Салихова
(г. Уфа, Россия)

БИЛИНГВЕМЫ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕГИОЛЕКТА

Аннотация. Описаны особенности функционирования региональной версии русского языка как межэтнического средства общения двуязычных в Республике Башкортостан. Специфика объективно существующего речевого образования – популярного разговорного языка тюркоязычных людей (прежде всего столицы Республики Башкортостан) – БашТарус, который структурно и функционально похож на квебекский жуаль, белорусскую «трасянку» или молдавско-русский суржик – показаны разновидности двуязычных. Учитываются ценностные ориентации этнофоров, составляющих языковой портрет общества, особенно двуязычного как феномена межкультурного диалога.

Ключевые слова: билингв, переключение кодов, ситуативное общение, смешанная речь, языковая ситуация.

Функционирование башкирского (БшЯз), татарского (ТрЯз) и русского языков (РЯз) в Республике Башкортостан (РБ) как основных компонентов тюркско-русского двуязычия в условиях активно-толерантных культурных и национально-языковых взаимоотношений породило феномен этнокультурной специфики речевой деятельности, которой присущ гетерогенный характер.

Тюркские – и БшЯз, и ТрЯз – языки в РБ полифункциональны, т.е. используются в различных коммуникативных системах и социальных сферах. Так порождаются параллельное национально-русское (гетерогенное, тюркско-русское) и национально-национальное (гомогенное, башкирско-татарское) двуязычия. При этом возникает вопрос о характере РЯз, который в отдельных своих вариантах в речевой практике билингвов отклоняется от общелитературного языкового стандарта и привычной для центральных регионов РФ русской речи. Изучение качества РЯз, которым овладевают жители многоязычных регионов, важно в социопсихолингвистическом отношении. Проявление внутриязыковой гетерогенности / гомогенности зависит от дифференцированности / однородности и сложности / простоты социальной системы, обслуживаемой данным языком [Искужина, Салихова 2013: 135].

Би- / трилингв как участник процесса гетерогенной речедеятельности – это конкретная личность, стремящаяся к экспликации своих социально-культурного, языкового и этнического измерений и к проявлению индивидуальности. Лингвомодифицирующий фактор возникновения «смешанной речи» в указанных условиях определяет её параметры при использовании двух и более языковых систем. Преобладающие способы межъязыкового структурирования речевых произведений обусловливаются типами контактирующих в социуме языков,

так как именно под их воздействием стихийно вырабатывается наиболее оптимальный вариант совмещения элементов разных языковых систем без нарушения спонтанности их генерации.

В научной литературе для обозначения подобного языкового / речевого феномена используются такие термины, как «смешанная речь», «переключение кодов» и подобные. Мы принципиально разграничиваем эти термины и рассматриваем кодовое переключение как переход с определенного языка или формы его существования на другой код, что обусловлено изменением ролевых отношений между говорящими в процессе коммуникации. Кодовое переключение может быть вызвано разными причинами, связанными с а) изменением ситуации общения: смена адресата, не владеющего данным кодом (ситуативное); б) с изменением темы сообщения или социальной роли участников коммуникации (метафорическое). Такие переключения всегда мотивированы желанием говорящего достичь максимально эффективного общения (см. подробнее [Словарь социолингвистических терминов 2006: 163–164]).

Смешение кодов, по нашему убеждению, правомерно определить как вид речевой стратегии в ситуации би(три)лингвизма, предполагающий хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенции, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания, при этом иноязычные вкрапления могут выполнять функцию этнических или социальных идентификаторов. Думается, случаи мотивированного переключения кодов следует отличать от заимствований языковых единиц, их вкраплений в речь, от смешения языкового кода, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки и является, как правило, результатом неполноценного владения языком(ами), формами его существования, стилями. Переключение кодов всегда мотивировано желанием говорящего достичь максимально эффективного общения, при этом следует учитывать и тот факт, что граница между этими явлениями не всегда определена. Отличительной особенностью указанных процессов является то, что при смешении кодов говорящий использует фразы и слова чужого языка; грамматическая структура одного языка подчиняется грамматической структуре другого языка. При переключении кода говорящий полностью переходит с одного языка (или языковой подсистемы) на другой язык (подсистему).

Исторически и по сей день в территориально приближенных к столице РБ населенных пунктов, количественно преобладают русские. Начало XX века отмечено притоком в города представителей разных национальностей, что создает, как отмечалось ранее, своеобразие не только русской речи русского населения, но и русской речи нерусских жителей при высокой степени владения РЯз последними, т.е. не просто владение башкирами ТрЯз, татарами – БшЯз, а татарами, башкирами –

РЯз [Салихова 2012: 115]. Предполагается нечто третье, порожденное этими двумя типами билингвизма – «новый народный разговорный язык тюркоязычных жителей Уфы» [Аюпова 1994: 3], компактно проживающих и активно общающихся в разных сферах жизнедеятельности и представляющих в совокупности лингвистически неоднородную, гетерогенную (диалектную /ди-, триглоссную) этнокультурную группу. Мы ввели условный термин для обозначения этого феномена – *БашТаРус* (по первым слогам и буквам распространенных в столице и крупных городах РБ языков, представляющих тюркский компонент национально-русского двуязычия), который, «занимая промежуточное положение по структурно-функциональным характеристикам между койне, лингва франка и общенациональным литературным РЯз, являет собой его региональный вариант, используемый в качестве средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и диалектов» [Салихова, Искужина 2013: 182–183].

Би- / полилингв как социокультурная личность реализует свою социо- и психосоциальную сущность посредством языка, отражая через него свое восприятие мира и представление о нем, проявляет лингвокреативную способность через поливариативность использования различных языковых кодов.

Таким образом, суть БашТаРуса сводится к тому, что в межъязыковой и межкультурной интегративности его субстратной базы и внутриличностного пространства, его закономерным речевым отражением является гетерогенная речевая деятельность. Такую речь следует воспринимать как результат речевой реализации сформированных и уже имеющихся внутриличностных межъязыковых взаимосвязей. С точки зрения реализации прагматических установок использование БашТаРуса в билингвальной коммуникации, в отличие от одноязычной, определяется адресатной (собеседник сознательно адресует сообщение тому или иному адресату), юмористической (игра средствами двух генетически различных языков – РЯз и / или ТрЯз / БшЯз), фатической (для установления, поддержания и завершения вербального контакта), эзотерической (родной – нерусский для тюркоязычных индивидов – язык играет роль кода), эмоционально-оценочной (для выражения чувств и эмоций на родном – тюркском языке), самоидентификационной (с целью подчеркнуть свою этническую принадлежность) и эстетической (билингвема может содержать в себе «билингвальные лексемы», «билингвальные культуремы» и «билингвальные мифологемы», семантическая наполненность которых способна репрезентировать билингвальную языковую личность носителя тюркского (башкирско-русского / татарско-русского языка) функциями описанного регионального варианта РЯз.

Билингвема в широком понимании – билингвальная языковая / речевая система средств для оптимального разрешения двуязычными индивидами коммуникативных задач, возникаемых как следствие адстратной интерференции в гетерогенном языковом пространстве. В узкой трактовке билингвема представляет собой презентацию билингвальной языковой личностью тюркского языкового пространства посредством активного использования им в устной / письменной (в частности, в художественных текстах) речи семантически адекватных билингвальных лексем (чаще регионализмов – например, различного рода топонимов: оронимов, спелеонимов, гидронимов, дринмонимов, фитонимов, ойконимова, астеонимов и др.), билингвальных культурем и билингвальных мифологем (см. выше реализацию эстетической функции БашТаРуса).

Исследуемое башкирское лингвистическое пространство по наличию определенных признаков соотносится с соответствующими лингвистическими ареалами явлений, отдельные изоглоссы которых могут свидетельствовать не только о месте возникновения какой-то речевой / языковой инновации или единицы регионолекта, но и направлении их распространения на той или иной территории. Интересно наше предположение о том, что каждый из языков, находящихся в контакте друг с другом, за счет наличия билингвем испытывает тенденцию становиться отличным от этого же языка, функционирующего в монолингвальной среде. Так, экспликация фоновой информации в билингвеме проявляется на уровне билингвальной лексемы. В русском языковом пространстве отсутствует референт, представленный в тюркской лингвокультуре. В лексической системе РЯз отсутствуют единицы, значение которых эквивалентно значению башкирской и татарской билингвальной лексемы: *баурсак* (*барсак, бавурсак*) – «мучное сладкое блюдо в виде шариков, обжаренных в масле»; *башлык* – «головной убор в виде капюшона»; *калым* – «выкуп за невесту»; *коран* – «священная книга мусульман»; *куллама* – «национальное блюдо»; *кумыс* – «прохладительный лечебный напиток из кобыльего молока» (см.: [Аюпова 1994: 42; 43; 64; 71; 76; 77]).

К основным причинам функционирования билингвем причислим вербальную «мобильность» социального окружения, двуязычного человека, доступность единиц СМИ и пр., а также его официальное и межличностное речевое окружение. Показательны следующие факты, выявленные из наших многолетних наблюдений за речевой жизнью билингвов: высокий уровень владения РЯз сохраняется у тех представителей старшего поколения, которые проживают в полиэтничных населенных пунктах (до 95 %); а у живущих в одноязычной среде степень владения им не превышает 10 % [Искужина, Салихова 2013: 148]. Необходимость общения с окружающими вынуждает представителей различных национальностей овладеть языком, который был бы понятен абсолютному большинству. Многие родители предпочитают обучать своих детей в первую очередь межнациональному РЯз, чтобы облегчить процесс их социализации. Эти причины и являются следствием

того, что более 70 % респондентов разговаривают дома на РЯз, также предпочитая на нем думать (89 %), читать (83 %) и писать (95 %) [Там же]. Тем не менее, молодое поколение (от 15 до 35 лет) владеет в определенном объёме и родным (национальным) языком: ТрЯз – треть информантов, марийским – 37 %, БшЯз – 13 %; почти половина представителей старшего поколения (50-80 лет) владеет родными языками. Отмечаемая Н. Г. Искужиной стабильная гомогенность городских жителей объясняется отчетливым нежеланием большинства русских овладевать языком автохтонной (башкирской) нации [Искужина 2014]. В производственной и общественно-политической сферах коммуникация происходит преимущественно на РЯз. Употребление его в качестве средства межнационального общения привело, как отмечалось ранее, к появлению БашТаРуса [Искужина 2014: 115].

Билингвальное речепроизводство, как отмечается учеными, характеризуется тем, что «два языка активизированы в разной степени и играют неодинаковую роль при построении высказывания» [Чиршева 2008: 65]. Отличительным признаком реализации БашТаРуса признаётся потенциальная возможность быть воспринятой его субъектами именно как совмещающая в себе элементы двух (башкирский и татарский как элементы гомогенного двуязычия) – тюркского и русского – разных с точки зрения говорящего языковых систем, что отличает гетерогенную речевую деятельность от речедеятельности с использованием заимствований.

Содержательный аспект лингвистического анализа гетерогенных речевых продуктов как результата субстратной интерференции на лексико-семантическом уровне можно проиллюстрировать свойственными им «ошибками», вызванными слабой осведомленностью билингва в культурно-исторических сведениях и своеобразии русской языковой картины мира, что часто приводит к коммуникативной неудаче. Употребление выражений в русской речи билингвов и трилингвов вряд ли будет воспринято адекватно носителями РЯз как родного, поэтому необходимо определить предельно допустимые уровни этого своеобразия, позволяющие квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как одну из форм его существования. В русской речи башкир прослеживаются сбои в выборе нужного слова из двух близких по значению, семантические грани между которыми не столь чётко очерчены: *пустое время* вм. *свободное время* (башк. *буш* – рус. *пустой* и *свободный*), *сломал тарелку* вм. *разбил тарелку* (башк. *ватыу* – рус. *сломать* и *разбить*), *мыть* (вместо *стирать*) бельё.

Рассматривая этапы и особенности осуществления контактно-языковой деятельности диаспоры в условиях иноэтничного окружения, необходимо, прежде всего, решить вопросы о «границах» би- / трилингвизма, об отличии вариативности внутри одного кода от использо-

вания индивидом двух (или нескольких) разных кодов. На основе отдельных городских изоглосс и их «пучков» определяются границы определенных языковых явлений. Ареальные исследования показывают, что общие элементы чаще всего наблюдаются на компактной территории. Различные зоны вибрации отдельных языковых явлений возникают в результате миграционных процессов (село / деревня → малый / средний город → крупный город (столица)). Материалы исследования подтверждают положение о том, что проблема вариативности языковых элементов чрезвычайно актуальна для современных населенных пунктов РБ, особенно городов, ибо во всех разновидностях мотивированных структурных моделей отмечены различные типы вариантов.

Мутационный характер развития языков-контактеров обеспечивает формирование тюрко-русско-язычной личности в тюркско-русском поле их взаимодействия. Полиэтничная языковая / речевая среда изменяет вектор развития этнических процессов либо в сторону их адаптации к доминирующей социально-этнической группе, либо к модификации национальной составляющей социума.

Феномен БашТаРуса неординарен в ряду других речевых явлений (ср. с квебекским жуалем, белорусской «трас(т)янкой» или молдавско-русским суржиком), поскольку представляет собой особый тип гетерогенной речевой деятельности индивидов. Наряду с двуязычием её основу составляет как практика попеременного использования языков, так и переключения кодов. Отличием его от креолизированного языка, при использовании которого процесс речедеятельности сводится к нейтрализации восприятия субъектами своей речи как гетерогенной, становится восприятие речевых образований субъектами коммуникации как гомогенных. Таким образом, с когнитивной точки зрения билингвемы (в широком понимании) как следствие использования БашТаРуса представляют результат такого типа гетерогенной речевой деятельности говорящих / пишущих, при которой они, воспринимая свою речевую деятельность как разносистемную, становятся либо участниками альтернативного речевого производства грамматически или семантически целостных высказываний на основе эксплицитного использования элементов двух языковых систем, либо субъектами безальтернативного речевого восприятия таких высказываний [Салихова 2012: 115].

Поликультурная и полиязычная среда требует выбора доступного и понятного всем средства общения – важнейшего элемента этнической культуры, выработки новых, понятных всем принципов общения и культурных традиций. При межэтническом взаимодействии возникает объективная необходимость овладения вторым – РЯз, в силу объективных исторических и социально-экономических причин обретшего статус государственного и языка межнационального общения. В опре-

деленных условиях (например, места и времени проживания на определенной территории РБ – преимущественно в городских условиях) происходит сужение сфер применения родного языка у нерусских этносов до семейно-бытового общения, наблюдается их неоднозначное отношение к родному языку: одна часть этнических горожан не владеет языком своей национальности и не прилагает особого усилия к его изучению, другая – напротив, проявляет повышенное внимание к родному языку.

Структурно-содержательный аспект функционирования БашТаРуса в полиязычном башкортостанском социуме как непосредственно данной наблюдению систематизированной в социодемографическом, социокультурном и лингвистическом планах практике гетерогенной речевой деятельности характеризует его как речевое явление под влиянием активизирующего, регламентирующего и систематизирующего факторов. Последние в совокупности представляют билингвальный социум как конкретную социопсихолингвистическую величину, что способствует интенсификации БашТаРуса, актуализации билингвем как когнитивных и лингвокультурологических компонентов региолекта, а также определяет коммуникативные условия их функционирования, обусловливает характер распределения членов социума по типам носителей языка, конкретизирует социодемографические параметры, характеризующие тот или иной тип носителей языков в рамках данного сообщества.

Библиографический список

1. Аюпова, Л. Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи / Л. Л. Аюпова. – Уфа, 1994.

2. Искужина, Н. Г. Параметры варьирования русского языка в условиях городского билингвизма / Н. Г. Искужина, Э. А. Салихова // В мире научных открытий. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2013. – № 5.1(41). – С. 134–154.

3. Искужина, Н. Г. Языковая ситуация в городах Республики Башкортостан (социолингвистический аспект) / Н. Г. Искужина. – Уфа, 2014.

4. Салихова, Э. А. «Человек говорящий» vs социум в контексте полилингвизма / Э. А. Салихова // Язык и социальная динамика. – Красноярск : Сибирский государственный аэрокосмический ун-т; РОПРЯЛ, 2012. – Ч. I. – С. 111–118.

5. Салихова, Э. А. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Э. А. Салихова, Н. Г. Искужина // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (Ч. 2). – С. 181–186.

6. Словарь социолингвистических терминов. – Москва, 2006.

7. Чиршева, Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г. Н. Чиршева // Язык, коммуникация, социальная среда. – Вып. 8. – Воронеж, 2008. – С. 63–79.

А. А. Шабуров
(г. Пенза, Россия)

ГЕЙМЕРСКИЙ ЖАРГОН КАК ЯВЛЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Обосновывается актуальность изучения геймерского жаргона, отмечаются причины его появления и особенности функционирования. Обращается внимание на способы образования жаргонизмов геймеров.

Ключевые слова: геймерский жаргон, интернет-общение, видеоигры.

Геймерский жаргон – это название явлений, событий и предметов, так или иначе связанных с видеоиграми, а также со средой общения игроков. Актуальность изучения геймерского жаргона объясняется стремительным развитием интернета и общения в виртуальной среде, а также развитием игровой индустрии: во многих странах, в том числе и в России, соревнования в видеоиграх (киберспорт) признаны официальными. Носителями геймерского жаргона являются, как правило, молодые люди.

Механика игр стимулирует общение между игроками, которые используют жаргонизмы не только непосредственно в ходе игр, но и в повседневном общении, даже когда в этом нет особой необходимости. Так, в повседневной речи игроков активно употребляется аббревиатура *лол* (сокращение от английского *laughing out loud*, что переводится как «*громко смеяться*»), служащая для обозначения комичности ситуации или выражения удивления.

Жаргон геймеров имеет ряд особенностей.

1. Использование в неформальной обстановке для отражения явлений, действий и предметов, связанных с игровым процессом.

2. Отсутствие длинных слов, в основном состоящих из 2-3 слогов, что обусловлено необходимостью быстро передать информацию. Например, для того чтобы во время игры предупредить о потери «врага» из виду, используется слово *сс* – сокращение от английского *miss* (переводится как «упускать»). С другой стороны, отсутствие длинных слов объясняется преобладанием англицизмов, более кратких по структуре по сравнению с русскими аналогами.

3. Большое количество англицизмов, так как международным языком для общения в игровой среде признан английский. Кроме того, большинство массовых видеоигр выпускается за рубежом и лишь спустя некоторое время получает (или не получает) российскую локализацию.

Для анализа способов образования геймерских жаргонизмов было отобрано 268 слов, помещённых в Словаре игровых терминов [Словарь игровых терминов 2019]. Геймерские жаргонизмы образуются следующими способами:

1. Аббревиация (73 слова). Например, *GGWP* (от англ. *good game well player*) – «хорошая игра и игроки».

2. Фонетическая мимикрия и морфологический способ образования слов [Кулажко 2012: 1] (73 слова). Данным способом образуются слова, заимствованные из английского языка при наличии русского аналога. Например, «пати» от англ. *party* вместо русского «группа».

3. Словообразовательная и семантическая деривация [Травникова 2015: 2] (122 слова). Например, «танк» в геймерском жаргоне обозначает не бронированную боевую машину, а определённую группу классов персонажей.

Геймерский жаргон – относительно новое явление в русском языке, поэтому он требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Кулажко, С. А. Англоязычные заимствования как основной способ образования компьютерного сленга / С. А. Кулажко // Молодой ученый. – 2012. – № 7. – С. 158–160. – URL https://moluch.ru/archive/42/5149/ (дата обращения: 18.12.2019).

2. Тратникова, А. В. Понятие семантической деривации / А. В. Травникова // Актуальные вопросы филологических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). – Казань : Бук, 2015. – С. 53–55. – URL https://moluch.ru/conf/phil/archive/176/8647/ (дата обращения: 18.12.2019).

3. Словарь игровых терминов. – URL: http://ongab.ru/dictionary (дата обращения: 01.12.2019).

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

К. С. Беляева
(г. Тамбов, Россия)

БЕРЕЗА В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Аннотация. Предпринимается попытка описать и проанализировать образ березы, который складывается и получает закрепление в языке традиционной народной культуры крестьян Тамбовского края. На лексическом материале, а также привлекая малые фольклорные жанры (легенды, былички), автор убедительно показывает значимость этого образа для локальной тамбовской народной традиции.

Ключевые слова: образ березы, традиционная народная культура, Тамбовский край.

Деревья, являясь неотъемлемой частью мира природы и окружения человека, с давних пор достаточно активно использовались им при удовлетворении прагматических потребностей, прежде всего в хозяйственной деятельности (как материал для строительства, изготовления кухонной утвари, орудий труда и инструментов; в промысловой и ремесленной деятельности), а также в обрядовой (календарной, семейной, знахарской) и магической практиках. Столь явное «участие» деревьев в жизни человека и выстраивание между ними целой системы своего рода отношений, в конечном счете, способствовало наделению деревьев со стороны человека особым культурным значением и определило характер представлений о них, их функциях, прочно вписав их в пространство языка и культуры. В настоящее время значительный пласт материала (лексического, фольклорного, мифологического, обрядового), посвященного славянскому дендрарию, имеющему место в традиционной народной культуре, уже описан и проанализирован учеными (См., например [1–11] и др.). Но именно поэтому теперь в центр внимания исследователей всё чаще попадают локальные традиции, которые позволят значительно добавить, детализировать все грани культурного образа конкретного дерева и очертить круг тех пород, которые оказываются значимыми для славянской а, в нашем случае – русской культуры.

Итак, территория Тамбовской области в её исторических границах, территория позднего заселения, которая входит в южнорусскую

диалектную зону[1]. На этой территории бытуют следующие наименования берёзы (Betula): *бере́зина, березина, белянка, неве́ста, повилика, повите́ль,* которые легко группируется: с корнями ***берез-*** (*бере́зина, березина*), ***вит-*** (*повите́ль*), а также ***вил-*** (*повилика)* и единичные названия, с корнями ***невест-****(неве́ста)*, ***бел-****(белянка).* Помимо наименования породы дерева в центре внимания крестьянина нередко оказывается анатомия, или структура дерева, например, соцветия у берёзы: *висюлечки, сирёжки,* кора дерева: *бересто,* березовый сок: *живица*.

Дендросимвол ярко представлен в его отношении к семиотической оппозиции «мужское – женское». Гендерная характеристика, которая в соответствии с грамматической категорией рода, получает в народном сознании жесткую закрепленность за конкретной породой дерева, позволяет активно включать эти деревья в практику народной медицины и календаря, способствуя тем самым эффективности действия, обеспечивая его положительный результат. Так, в с. Пичаево Тамбовской области больного мальчика протаскивали через дуб, оставляя одежду на месте совершения обряда, а девочку – через берёзу, на березе оставляли и одежду больной девочки.

Берёзу (ветки, почки, соцветия, берёзовый сок) активно использовали в качестве профилактического средства, универсальность которого (отвары, добавления в печеные хлебные изделия и т.д.) признавалась для целого ряда заболеваний. Так, при болях в спине в Никифоровской районе области приготавливали настойки и отвары из *троицкой зелени*, а в Рассказовском – заваривали чай: *А я на потолок собираю и складываю* [Зачем?] *Я как-то одно время оттапливала эти берёзовые ветки и пила. Потому что у меня спина болела…*(с. Ярославка, Никифоровский р-н, зап. Махрачевой Т. В. 2002 г.). В Пичаевском районе чтобы снять головную боль и улучшить сон, березовые ветки клали под подушку: *Вроде и я лежу, лежу и не усну, а, гврят, берёзки-то эти как просто под голова́ клади, и я подложила голова́ всё время спали, ничаво тах-та, да* (с. Вышенка, Пичаевский р-н, зап. Махрачевой Т. В., 2001 г.)

Береза упоминается в текстах заговоров, которые получили отражение в рукописной заговорной традиции региона. В них береза предстает как чудо-дерево, обладающее особыми, нехарактерными для анатомии дерева составляющими: [Покажите, пожалуйста, как Вы заговариваете сибирку?] *Ну вот я прачитаю, над вадой вот, над увасом… ну вот и вазьму крушку, в ниё налью вады и так вот читаю, и фсё. Вот, фсе…* [Как?] *Ну я читаю: Выйду в чисто поле,/ В чистом*

[1] В статье использованы данные *Информационно-поисковой системы* «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны». Автор статьи выражает признательность коллективу *Информационно-поисковой системы* за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы.

поле стоит зилёная дубрава,/ В зелёной дубрави стоит белая берёза,/ У белой берёзи каренья серебряныи,/ Ветви шелкóвыи, макафка залатая,/ Гляну на васход солнца:/Солнце красное, ряка огненная,/ На огненнай реке стоит мост калинный./ На калином мосту стоять три дявìцы,/ Приступить тем девицам сабли острыи,/ Ну и: Уйди там сибирка иль с животнава иль с чилавека. И фсё. (с. Пеньки, Моршанский р-н, зап. Лоскутовой Д. Н., Махрачевой Т. В. 2007 г.); *Пойду в чисто поле, в зеленую дубраву./ Стоит берёза, лист бумажный, лист шелковый./ Пойду на восход./ Солнце, река, огненная река./ На огненной реке калиновый мост, калиновый мост…* / (с. Никольское, Знаменский р-н, зап. в тетради датирована 1968 г.)

В народной медицине эффективным и универсальным средством от болезней считаются *березовые палочки*, на которых делали отметины и применяли к больному: [Как называются отметки в косяке, при помощи которых Вы лечите?] *А эти палочки-то, ну это палочки называются, палочки. Палки из берёзовых, я только берёзовые, осиновые нельзя* [почему?]. *На осине, как старые люди… душился враг* [кто такой враг?]. *Ну не Господь, вражья сила-то есть…, даже угольки, когда людей лечила, щас вот нет их, только берёзовые, это вот даже, это когда по телевизору сказали, даже, гврить, экзему лечат этим, вот я ручки-то* (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, зап. Лоскутовой Д. Н. 2003 г.).

Полисемична и семиотична роль *берёзы* в календарном цикле весенне-летних обрядов. Обязательным обрядовым действием на территории Тамбовской области, совершаемым на Троицу, являлось украшение церквей и домов *троицкой зеленью* (повсем.) [Махрачёва 2008: 91–96]. В тамбовской традиции *троицкая зелень* признавалась универсальным средством от грызунов и насекомых, от пожара, природных катаклизмов, в лечебной практике, в быту: *На Троицу берёзовые веточки приносят и в дом на пол травку стелили. Затем эту траву кладут на корм для скота, это чтобы мыши не ели корм и тоже самое в погреб кладут* (с. Пахотный Угол, Бондарский р-н, зап. Махрачевой Т. В. 1994 г.).

Троицкая зелень широко применяется в погребально-поминальном обряде и в календарном поминании. Так, в сёлах Никифоровского района венок, сделанный из берёзовых веток на Троицу, хранили в течение всего года и обязательно клали в гроб под голову умершему или под подушку. Изготовление венков повсеместно получило название *завивать венцы*, а само изделие – *троицкий венец*. Троицкую зелень в Бондарском и Никифоровском районах раскладывали *на смертную* лавку, а также использовали для набивания подушки, которую клали в гроб: *На Троицу на первый день венцы, говорят, завивают… Вот, берёзки сорвёшь, и венцы-то, кругленькие такие. И вот чего. На кресты*

на погосте вешаешь. И себе оставишь. Кто умрёт, под подушечку, под голова его кладут. А без него хоронить нельзя. У всех венцы. Обязательно надо Троицкий венец под подушку положить (с. Сычёвка, Никифоровский р-н, зап. Махрачевой Т. В. 2002 г.).

Библиографический список

1. Агапкина, Т. А. Деревья в славянской народной традиции : очерки / Т. А. Агапкина. – Москва, 2019. – 656 с.

2. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: кизил (Cornus mascula) / Т. А. Агапкина // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA : тр. Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – С. 259–277.

3. Агапкина, Т. А. Грамматический род и культурная семантика: о «мужских» и «женских» деревьях в славянской традиции / Т. А. Агапкина // Славяноведение. – 2017 а. – № 6. – С. 36–44.

4. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина / Т. А. Агапкина // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 238–253.

5. Береза : сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Казанский, В. Т. Ярмишко. – Санкт-Петербург : Наука, 2015. – С. 163.

6. Валенцова, М. М. К вопросу о персонификации дерева у славян / М. М. Валенцова // Славяноведение. – 2017. – № 6. – С. 45–57.

7. Махрачева, Т. В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект) : монография / Т. В. Махрачева. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2008. – 230 с.

8. Раденкович, Л. О символике неплодовых деревьев (на южнославянском материале) / Л. Раденкович // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 102–107.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. С А-Г. – 575 с.

10. Толстой, Н. И. «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва, 1995. – С. 333–340.

11. Усачёва, В. В. Судьба благословенных и про́клятых деревьев в традиционной культуре славян / В. В. Усачёва // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 130–163.

С. Ж. Берденова, К. М. Масанова
(г. Костанай, Казахстан)

ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТОСФЕРЫ» В КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Работа посвящена особенностям реализации концептов в казахской языковой картине мира. Анализируются понятия на различных лексических уровнях, что позволяет объяснить особенности мировоззрения, национального менталитета и этнического самосознания различных этносов. В контексте данной статьи концепт понимается как совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного элемента картины мира, детерминированного целым рядом параметров. Отмечается, что концепт – это множественность, понятие практической, т.е. обыденной, философии, результат синтеза целого ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей. Проводится сравнение русской концептосферы с казахской на лексическом уровне и обнаружение сходных и различающихся явлений.

Ключевые слова: концепт, картина мира, мировидение, концептуальный рисунок.

Современный мир, несмотря на технический прогресс и изменяющиеся с каждым годом источники массовой информации, сохраняет свою глубинную ориентацию на национальные традиции. Эти «корни» национального сознания противостоят глобализационным процессам и не позволяют каждому из нас забыть культуру своих предков. Они возрождаются в каждом поколении в виде конкретных текстов. Вчитываясь в них, человек отождествляет себя с конкретной культурой и её миропониманием.

Изучая концепты, в которых, как в зерне, заключена жизнь предыдущих поколений, мы постигаем родную культуру и культуру своих соседей, глубже узнаём друг друга и противостоим забвению. Обращение к прошлому, к опыту поколений, однако, не единственный актуальный путь при изучении концептов. С другой стороны, с помощью концептуальных исследований человек смотрит в будущее, определяя смыслы, актуальные для будущих поколений.

В последние годы термин «концепт» стал активно употребляться в лингвистике. С ним в языкознании особенно тесно связаны два направления – когнитивная лингвистика и лингвокультурология. По существу, главным предметом исследования в обеих этих областях является семантика – семантика слов, словосочетаний, дискурсов, высказываний, предложений, текстов, которая образует ядро концепта. Совокупность концептов – концептосфера – отражает специфику сознания и миропонимания этноса – носителя того или иного языка [Воркачёв 2001].

Из отдельных концептов формируется картина мира, т.е. мировидение, мировосприятие, в которой отражается понимание человеком реальности, её особый «концептуальный» рисунок, на основе которого человек осмысливает мир. Понятие картины мира (в том числе и языковой картины мира) строится на изучении представлений человека о мире. Картина мира – реальное человеческое сознание. Мировидение каждого этноса воплощается в картину мира. Знание о мире – картина мира, которая лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык при этом выполняет миссию познавательного процесса. Говорящие на разных языках могут иметь близкие концептуальные картины мира. Общечеловеческое, национальное и личностное присутствуют в концептуальной картине мира. Считается, что концептуальная картина мира шире и гораздо богаче, чем языковая картина мира. Но тем не менее концептуальная картина мира «привязана» к языку и преломляется через языковые формы. На её формирование влияют не только язык, но и традиции, религия, природа, воспитание, обучение и ряд других социальных факторов.

Языковая картина мира – национальная картина мира – выявляется в языковых уровнях разной степени. Языковая картина мира является основным звеном концептуальной; это общекультурное достояние нации (этноса), она многоуровневая, от неё зависит коммуникативное поведение людей, понимание окружающего мира и внутреннего состояния человека.

Обратимся за трактовкой термина «концепт» к ставшей уже классической статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово» [Аскольдов 1977], где исследователь самой главной функцией концептов как средств познания считал функцию заместительства.

Развивая концептологическую теорию С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёв в статье «Концептосфера русского языка» концепт называет «алгебраическим выражением для каждого основного (словарного) значения слова, которым носитель языка оперирует в речи, устной и письменной» [Лихачёв 1977]. Вопрос о том, какое из словарных значений слова замещает собой концепт, считает Д. С. Лихачёв, решается, исходя из контекста словоупотребления или из ситуации [Там же]. Тем самым расширяется понимание концепта не только как мыслительного (ментального) образования, но и как инструмента формирования концептосферы языка.

В поисках определения сущности концепта Н. Д. Арутюнова дефинирует его как понятие практической, т.е. обыденной философии, которая представляет собой результат целого ряда факторов, таких, как национальная традиция, религия, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей. Тем самым концепты формируют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1998].

Такое понимание концепта носит этнокультурологическую направленность. Оно как бы переводит концепт из сферы ментальной, философской и психологической в сферу ценностно-культурную.

В контексте данной статьи концепт используется как совокупность разноуровневых элементов, объединённых для обозначения определённого элемента картины мира, детермированного целым рядом параметров, и как множественность; а также концепт как понятие практической, т.е. обыденной философии в качестве результата целого ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, ощущения, идеология и система ценностей.

Анализ базовых концептов материального и внутреннего мира человека позволяет уточнить степень влияния языка на мировосприятие конкретного этноса или то, каким образом этническая специфика рассматриваемых языков «наслаивается» на универсальные концептуальные структуры. Одним из ключевых концептов мировидения является концепт «семья».

Единство семьи и её локализация эксплицируется на языковом уровне вполне отчетливо. В разных языках «дом» начинает осмысляться как «семья, люди, проживающие вместе».

Основное назначение этой лексемы: «семья, семейство, родня» (группа людей, проживающих вместе – муж, жена, их дети и родственники). В казахском языке семья: шанырақ, жанұя: шаңырақ көтеру «образовывать новую семью, обзаводиться семьей» (букв. возводить шатер). В казахском языке лексема түтін («дым») также имеет коннотативное значение «семья, очаг», что выражено в таких словосочетаниях как түтін түтету «обзавестись семьей, образовать семью».

В народном сознании казахов концепт «семья» имеет переносное значение «супруга»: құсың құтты болсын! «да будет счастлива твоя супруга!»; құсың құтты болсын, бауыры сүтті болсын! «да будет твоя супруга счастлива и быть ей плодовитой!» [Каракозова, Хасанов 2011].

При сравнении русской концептосферы родства с казахской на лексическом уровне обнаруживаются следующие явления:

– совпадение основных (концептуальных) значений, например: ана – мать, жена – әйел;

– некоторые лексемы, выступающие представителями основного значения концептов, обладают меньшим количеством значений в казахском языке, например: свояк – 1. муж женины сестры; 2. то же, что свойственник. В казахском языке бажа – муж женины сестры;

– некоторые лексемы-репрезентанты основного значения концептов обладают большим количеством значений в казахском языке (апа – 1. старшая сестра; 2. мама);

– один и тот же концепт имеет больше репрезентантов в казахском языке, выделяющих какие-то оттенки значения (сестрёнка – қа-

рындас (сестрёнка по отношению к брату), сіңілі (сестрёнка по отношению к сестре);

– два (или более) концепта русского языка представлены в казахском языке как один общий (свёкор, тесть – кайната);

– в казахском языке имеются концепты, выходящие за рамки универсальных (балдыз – родственники жены, которые младше самого мужа; абысын – жена старшего брата мужа). Это лишь свидетельствует о том, что население одной страны по своим обычаям и по своему образу жизни сочло необходимым образовать и наименовать такие разные сложные идеи, которые население другой страны никогда не создавало;

– обнаруживается наличие сходных вторичных значений. Например: использование в качестве обращений к посторонним людям лексем: брат – аға, тетенька – тәте, мать – шешей и т.д.;

– очевидно наличие у концептов родства различных вторичных значений. Например, лексема «мать» имеет вторичное значение монахиня, а также жена духовного лица. Наличие у лексемы «мать» такого значения свидетельствует об особом отношении носителя русской ментальности к своему духовному наставнику. Монахини воспринимаются как те, кто заботится о духовном здоровье прихожан, о «духовном человеке», живущем внутри каждого, а потому им и приписывается родительская функция.

Кроме того, в русском языке есть концепты, благодаря которым осуществляется очень чёткая дифференциация поколений родства, как горизонтального, так и вертикального. Например, по вертикальной линии: прабабушка, прапрадед. В казахском языке характерной чертой таких концептов является обобщение, например: ата – баба. То же мы наблюдаем и в обозначении горизонтальной линии родства. В русском языке есть такие понятия степени родства, как двоюродный, троюродный, а в казахском они практически отсутствуют [Умарова 2018].

Одной из ярких черт, выделяемых в казахской концептосфере родства, является линеарная дифференциация. Например, «нағашы»– родственники по линии матери, «боле»– двоюродные братья или сёстры по линии матери. В действительности, раньше для казахов было очень важно то, по какой линии тот или иной человек приходится тебе родственником – по отцовской или по материнской. Родственники со стороны отца считались ближе, чем по материнской, поэтому часто девушек выдавали замуж за мужчин или юношей из других аулов и родов. Здесь обнаруживается действие закона семи предков: для того чтобы избежать кровосмешения, а значит, ослабления рода, сохранить чистоту крови, казахи не позволяли жениться молодым, в чьей родословной находились общие предки до седьмого колена. Так как после свадьбы жених увозил невесту в свой аул, где они и продолжали жить,

то, естественно, «ближними» родственниками им оказывались родственники со стороны отца. В современном обществе эта тенденция нарушена, однако термины родства, отражающие эту особенность, прочно закрепились в лексике казахского языка и существуют до сих пор.

Таким образом, изучение концептов, описывающих духовный мир человека, представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить не только особенности антропоцентризма того или иного языка, но, прежде всего, способствует выявлению универсальных закономерностей отражения в картине мира разных аспектов человеческого сознания.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1998. – 260 с.

2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. – 1977. – № 6. – С. 269–270.

3. Воркачёв, С. Г. Лингвокультурология, языкоая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачёв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

4. Каракозова, Ж. К. Космос казахской культуры / Ж. К. Каракозова, М. Ш. Хасанов. – Алматы : Эверо, 2011. – 67 с.

5. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. – 1977. – № 7. – С. 280–287.

6. Умарова, Г. С. Казахское слово и русский художественный текст / Г. С. Умарова // Вестник Казахстанского университета международных отношений и мировых языков. – 2018. – № 5. – С. 126–129.

С. А. Буцких
(г. Тамбов, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ КОНОПЛЕВОДСТВА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА)

Аннотация. Предпринята попытка систематизировать диалектный материал, собранный на территории Тамбовской области, в рамках темы «Трудовая деятельность крестьян» (на примере коноплеводства, прядения и ткачества). Для дифференциации языковых единиц использован тематический признак как наиболее релевантный для данного пласта лексики.

Ключевые слова: русская диалектология, крестьянство, прядение, коноплеводство, ткачество, лексика.

Изучение тем, связанных с трудовой деятельностью крестьянства, в том числе коноплеводством, прядением и ткачеством, представляет значительный интерес для исследователей, принадлежащих к различным сферам научного знания. Для языковедов, и особенно диалектологов, наибольший интерес представляет лексика, которая репрезентирует трудовую деятельность крестьян. В этом направлении в близь лежащих регионах выполнены исследования на материале орловских, рязанских говоров [Алешина 2001, Чумакова 1995 и др.].

Тамбовская область на протяжении длительного времени оставалась terra incognito, лишь с середины XX века появляются работы, в которых предпринимаются первые попытки по изучению и описанию традиционной народной культуры [Кушнер 1958]. С 2015 года эта тема стала для нас предметом научного интереса, что обусловило сбор полевого материала на территории области в ее исторических границах, а также систематизацию полученного материала. В исследовании использован комплексный подход, поэтому вместе с нами, но преимущественно в социальном, историческом и этнографическом аспекте эту тему разрабатывают студенты-историки [Махрачев 2018: 88–94; Махрачев 2019: 436–439; Махрачев, Манака 2019: 88–94]. Небольшой фрагмент нашего исследования представлен в статье.

Тематическое / лексико-семантическое деление слов на группы позволяет представить значительную часть лексики данной темы. Тематическое деление осуществляется на основании различных признаков, ведущими являются отношение к растительному и животному сырью, среди которых выделяются номинации, использующиеся для обозначения самого материала, приспособлений, используемых для его обработки, и процессы, которые осуществляются при его производстве, а также лексемы, принадлежащие к сфере характеристики изготовленного полотна и человека, деятельность которого связана с данными ремеслами. Практически каждое тематическое объединение может быть разделено на составляющие, в роли которых выступают лексико-семантические подгруппы, основанные на общностях смысловых взаимосвязей и частеречной принадлежности, внутри которых представлены в том числе синонимичные формы.

Данный принцип классификации объективен в отношении диалектного материала, так как принцип группировки во многом обусловлен экстралингвистическим фактором – взаимосвязью с реалиями действительности. На основании данной классификации выделены три наиболее обильных объединения.

Группа I объединяет лексемы, принадлежащие к сфере, связанной с растительным сырьем и отдельными этапами его обработки (действия и процессы):

А) Названия, связанные с растительным сырьем (1) **выколоток** – «обмолоченный, но не развязанный, цельный сноп» [СРНГ 1970: 293];

2) **гузо́вье** – «нижняя часть снопа» [СРНГ Т.6 1972: 210]; 3) **емка** – «измятый пучок льна, конопли» [СРНГ Т. 7 1972: 356]; 4) **кострик** – отходы, полученные после вычесывания; 5) **па́болоки** – «стебли конопли, собранные волоком, граблями» [СРНГ Т. 25 1990: 108]; 6) **па́здерье** – «оставшаяся невыбранной посконь, сгребаемая после уборки конопли» [СРНГ Т. 25 1990: 144]; 7) **охло́пки** – «‘Отходы конопли, предназначенные для изготовления грубых нитей, которые затем использовались в ватолах, рыбацких сетях и т.п.» [Пискунова, Махрачева, Губарева 2002: 129].

Б) Названия действий, связанных с обработкой растительного сырья: 1) **сушить** – раскладывать вымоченные снопы конопли для высыхания; 2) **трепать** – отряхивая, очищать волокна конопли от мусора и отходов.

Группа II объединяет слова, связанные с номинацией животного материала, способами его обработки, прядением, отдельными действиями и процессами, а также наименования отдельных деталей прялки и самопрялки:

А) Названия, связанные с животным сырьем и изготовленными нитями: 1) **вешни́ка**, **вешня́нка** – «шерсть первой стрижки от ягнят; поярок» [СРНГ Т.4 1970: 223]; 2) **волося́нка** – «‘Шерсть хорошего качества, то есть с длинной нитью’. Волосянка шла на ткань для праздничных (свадебных) юбок, «понёв» [Пискунова, Махрачева, Губарева 2002: 49]; 3) **дратвы** – шерстяные толстые грубые нити; 4) **поя́рок** – «овечья шерсть, снятая весной» [СРНГ Т. 31 1997: 46]; 5) **рушни́к** – «пряжа, намотанная на веретено, полное веретено пряжи» [СРНГ Т. 35 1997: 284]; 6) **хло́пья** – отходы шерсти при прядении.

Б) Названия действий, связанных с прядением и подготовкой пряжи к тканью: 1) **карпать**, **набрясти**, **плести** – прясть: ***КарпАю*** *сижу, пряду значит. У меня и донце есть. Пряли сами, вязали. Гребень на ём чесали, на мЫках, значит из мочЕнца пряли*. (Курахина Мария Ефремовна, 1910 г.р., местная, д. Солчино, Пичаевский р-н, местная, запись Махрачевой Т.В., 1995 г.); 2) **мыть** – очищать шерсть водой; 3) **скать** – «наматывать, навивать (пряжу)» [СРНГ Т. 37 2003: 396]; 4) **ссыка́ться** – 1. «‘Ссучиваться в одну нить (о пряже, нитках), скручиваться, свиваться (о веревке)’. Веревка **ссыкается**; Пряжа круто **ссыкается»**. 2. «‘Закручиваться слишком туго, соскакивать с мотка, запутываться (о нитках)’. Когда баба сучит нитки и оне свертываются (круто), то она говорит **ссыкаются»** [СРНГ Т. 37 2003: 7]; 5) **стрости́ть** – «‘скручивая, соединять нити разных цветов и разного качества’. **Стростить** — смешать нитки толстые и тонкие» [СРНГ Т. 42 2008: 34].

В) Наименования деталей прялки и самопрялки: 1) **домница**, **донец**, **донце** – деталь прялки, самопрялки, в виде горизонтальной доски со специальным отверстием, на которой сидели женщины во время работы; 2) **катушка** – деталь самопрялки, на которую наматывали нити;

3) **козел** – часть прялки, на которой закреплялось волокно для прядения; 4) **колесо** – подвижная деталь самопрялки; 5) **лапка**, – педаль самопрялки, с помощью которой механизм приходил в движение; 6) **рогач**, **рогачик**, **рогулька** – 1. Деталь прялки в виде деревянной галки на стержне; 2. Деталь самопрялки с маленькими крючками, на которую наматывалась нить.

Группа III включает номинации, обозначающие предметы, а также отдельные процессы, связанные с изготовлением полотна – ткачеством:

А) Названия действий и процессов, связанных с подготовкой ткацкого стана к работе и процессом тканья: 1) **браньё** – «‘способ тканья, которым получают «браную», узорчатую ткань’» [СРНГ Т. 3 1968: 151]; 2) **вдевать** – пропускать нить через бердо: «*Да чего, я вам девчонки. И, вот, вдевали, такая, вот… такие нитки были толстые, вот, их в эти… в эти, в бёдра втыкали и там еще, ой…».* (Макарова Зинаида Михайловна, 1938 г.р., местная, с. Вячка, Кирсановский р-н, местная, запись 2016 г.); 3) **выкла́дывать** – «‘Ткать, а также продвигать ткань на ткацком стане» [Пискунова, Махрачева, Губарева 2002: 50]; 4) **нарядить** – заправить основу в ткацкий стан; 5) **уплотнить** – зажать рабочую нить последнего ряда на ткацком стане.

Б) Наименования деталей ткацкого стана: 1) **набелки, нипеченки, ничники** – подвижная деталь ткацкого стана, которой прибивалась рабочая нить; 2) **основа** – каркас из нитей в ткацком стане для изготовления полотна; 3) **педаль**, **подножка**, **подножки** – деталь ткацкого стана, которой с помощью поступательных движений женщины приводился в движение весь механизм; 4) **пришва** – деталь ткацкого стана, вал, на который наматывалось готовое полотно; 5) **челнок**, **челнык** – деталь ткацкого стана, овальная, продолговатая колодка с накрученной или укрепленной внутри нитью.

При данной дифференциации лексемы объединены в три тематических образования (группы), каждое из которых связано с определенными процессами (коноплеводством, прядением, ткачеством, отбеливанием и окрашиванием полотна), особенностями полотна. Основные группы подразделяются на отдельные составляющие (лексико-семантические подгруппы, в большинстве случаев), базирующиеся на частеречной общности и смысловой сходности компонентов, а также нередко характеризуются наличием гиперогипонимических отношений между включенными единицами.

Библиографический список

1. Алешина, Л. А. Лексика коноплеводства в орловских говорах : дис. ... канд. филол. наук / Алешина Л. А. – Орёл, 2001. – 253 с.

2. Махрачев, Г. С. Развитие ткацкого промысла в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века / Г. С. Махрачев // Державинский форум: научный журнал. – 2018. – № 6. – С. 88–94.

3. Махрачев, Г. С. Развитие ткацкого промысла в Тамбовской губернии в период новой экономической политики / Г. С. Махрачев // Славянский мир: духовные традиции и словесность : сб. материалов Междунар. науч. конф. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2019. – 624 с.

4. Махрачев, Г. С. Развитие вязального промысла в Тамбовской губернии в 1861–1928 гг. / Г. С. Махрачев, Я. В. Манака // Державинский форум. – 2019. – Т. 3, № 11. – С. 88–94.

5. Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этногр. изучения русской колхоз. деревни / отв. ред. П. И. Кушнер. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 279 с.

6. Словарь русских народных говоров. – Москва : Ленинград, 1965–2013. – 44 т.

7. Пискунова, С. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 281 с.

8. Чумакова, Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) / Ю. П. Чумакова. – Рязань, 1995. – 228 с.

А. В. Дегальцева
(г. Саратов, Россия)

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ)

Аннотация. Рассматриваются некоторые лингвистические и экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на выбор адресантом адвербиальной лексики для решения конкретных речевых задач. К таким факторам можно отнести лексико-семантические, структурно-семантические, когнитивные и коммуникативно-прагматические.

Ключевые слова: речевая коммуникация, наречие, факторы употребления наречий, семантика, синтаксис, прагматика.

Причины, по которым те или иные языковые единицы (слова, выражения, синтаксические конструкции и т.д.) возникают в коммуникации, являются сложными и дискуссионными. Безусловно, исчерпывающе и непротиворечиво ответить на вопрос, почему то или иное слово появляется в нашей речи, практически невозможно, поскольку ей, «помимо законов, управляет Случай – форма необходимости» [Мурзин 1988: 20]. Несмотря на это, существуют общие и специфические механизмы, влияющие на отбор и организацию языковых единиц в речи.

Изучение функционирования наречий образа действия в разных сферах коммуникации в рамках проводимого нами диссертационного

исследования позволило сделать некоторые наблюдения над причинами, определяющими выбор адресантом тех или иных адвербиальных единиц в конкретной речевой ситуации. Проанализированный материал – 50 000 предикативных единиц с наречиями образа действия, извлечённых из прессы, научных статей, деловой документации и записей разговорной речи, – подтвердил гипотезу о том, что предпочтение, которое говорящий или пишущий отдаёт конкретному наречию среди множества других, определяется действием экстралингвистических и лингвистических факторов, характерных для многих частей речи, а не специфических только для адвербиальной лексики. Представляется возможным условно выделить четыре группы таких факторов: лексико-семантические, структурно-семантические, когнитивные и коммуникативно-прагматические. Рассмотрим подробнее механизмы их воздействия на употребление наречий образа действия.

Лексико-семантические факторы являются наиболее очевидными лингвистическими условиями, влияющими на отбор языковых средств для передачи информации. Одной из главных причин, определяющих выбор конкретной языковой единицы для построения высказывания, является поиск слова, наиболее точно выражающего мысль адресанта в соответствии с его коммуникативными намерениями. Так, желая охарактеризовать скорость пронёсшегося мимо транспортного средства, говорящий или пишущий выберет из синонимического ряда параметрических наречий именно такое, которое наиболее верно отразит описываемый им фрагмент действительности: *молниеносно, мгновенно, моментально* и т.д.

Выстраивая замысел высказывания, адресант автоматически определяет место каждого слова в будущей фразе. Делая выбор в пользу того или иного наречия, говорящий или пишущий опирается на то, какой компонент в семантической структуре высказывания будет характеризовать адвербиальная единица. Сочетаемость наречия и слова, от которого оно зависит или которым управляет, обеспечивается наличием у них общих сем [Морковкин 1977]. В этом проявляется закон лексической сочетаемости. Так, язык допускает словосочетания *оперативно действовать / решать проблему*, но накладывает запрет на сочетания *оперативно скакать / бегать.*

На введение в предложение определённых языковых единиц оказывают влияние и **структурно-семантические факторы**. Согласно академической грамматике, каждое предложение строится по структурной схеме, которая обладает единством формы и содержания [Русская грамматика 1980]. Вхождение наречия в состав конкретной синтаксической модели предложения определяется соответствием его семантики смысловому наполнению данной модели. Так, семантика структурной схемы Praed – «субъектное и бессубъектное состояние»

[Русская грамматика 1980. Т. 2: 378]. Следовательно, в качестве главного члена предложений, построенных по модели Praed, выступают наречия, называющие состояния человека, природы или общественно-политической среды. Например, если адресанту необходимо поделиться с собеседником своим физическим, психическим, ментальным состоянием, он выберет для этого предикативное наречие со статальным значением (*Мне больно / весело / радостно / скучно* / *интересно* и т.д.). Совершенно очевидно, что наречия, характеризующие параметры совершения действия или развития процесса, не могут употребляться в составе предложений модели Praed.

Не менее важными факторами, определяющими выбор той или иной адвербиальной единицы в конкретной речевой ситуации, оказываются **коммуникативно-прагматические**. Значение любого слова детерминировано единством общения и обобщения, что свидетельствует о тесной связи коммуникации и мышления [Выготский 2008]. Сфера, в которой функционирует то или иное наречие образа действия, накладывает отпечаток на его семантику. Тематика общения, речевой жанр и коммуникативные установки на стандарт, креативность или экономность передачи информации предопределяют выбор адресантом того или иного наречия. Так, проблематика научных текстов предполагает использование в них наречий, выражающих интеллектуальные оценки (*занимательно, небезынтересно, логично* и под.), а также устанавливающих отношения между предметами и явлениями действительности (*алгебраически верный, персонально ориентированный* и т.д.). Появление определённых наречий может зависеть, как уже было сказано, и от жанровой принадлежности текста. В некоторых жанрах деловой коммуникации (присягах, кодексах и т.п.) могут встречаться не свойственные данной сфере общения оценочные лексемы, характеризующие поведение человека в социально значимых ситуациях: *Посвящая себя служению Закону, торжественно клянусь:* ***чутко*** *и* ***внимательно относиться*** *к предложениям, заявлениям и жалобам граждан <…>* (Присяга прокурора).

Во многих сферах коммуникации действует установка на стереотипность формы выражения мысли. В обиходном общении ориентация на устойчивые, шаблонные речевые образцы объясняется минимальной заботой о выборе средств передачи информации, обусловленной спонтанностью, неподготовленностью и опорой на ситуацию общения. Именно поэтому здесь используются наречия с максимально обобщённой семантикой в составе стереотипных синтаксических построений: ***Работа*** *– это* ***хорошо***// (устный подкорпус Национального корпуса русского языка – далее НКРЯ)); *<…> говорит/ конечно ваш* ***юг*** *– это* ***хорошо*** *<…>*// (НКРЯ). В научной и деловой речи стереотипность связана с употреблением терминов и понятий, свойственных определённой области знания или права. В состав таких относительно устойчи-

вых словосочетаний входят и наречия: ***социально*** *значимый,* ***аварийно*** *опасный,* ***геометрически*** *нелинейный,* ***экологически*** *чистый* и т.д. В СМИ, напротив, сильна установка на креативность подачи информации, поскольку одной из основных функций публицистики является воздействие на адресата. Журналисту важно использовать такие языковые средства, в том числе адвербиальные единицы, которые максимально точно и одновременно экспрессивно отражают содержание его материала. Это могут быть окказиональные или метафорически употребляющиеся наречия: *Выборы* ***по-медведевски*** (Московский комсомолец 16.02.2012); *Включается ридер при помощи кнопки на верхней грани – очень «****по-айфоновски****»* (Аргументы и факты 24.06.2011); *Инновации* ***вприкуску с ухой*** (Аргументы и факты 12.08.2009).

Помимо этого, на выбор определённой адвербиальной единицы оказывают влияние индивидуально-авторские предпочтения. Так, мужчина-инженер 49 лет, рассказывая о приключениях своего друга на охоте, часто использует наречие *спокойно*: *и вот ты знаешь/ говорит/* ***спокойно*** *вдруг я отмечаю у себя внутри/ что наконец-то мы с тобой встретились//*; *Я/ говорит/ совершенно* ***спокойно*** *переламываю ружье/ вставляю целевой//*; *Вставляю/ целевой патрон/ вскидываю/ очень* ***спокойно*** *выцеливаю//* (НКРЯ).

Принцип экономной передачи информации, наиболее активно проявляющийся в обиходно-бытовой, научной и деловой сферах общения, предопределяет выбор адресантом пропозитивной лексики для построения высказывания. Он тесно связан со способностью адресата понимать сжатую, обобщённую информацию. Среди наречий образа действия выделяется особая группа слов, способствующих компрессивной передаче информации [Дегальцева 2012]. Такие адвербиальные единицы позволяют вводить в высказывание номинацию дополнительной ситуации без усложнения его формальной структуры. При этом может нарушаться принцип лексической сочетаемости: *Может / там соседям свет отрубить / когда они музыку* ***громко слушают****? //* (НКРЯ); *Католики-ландскнехты* ***презрительно уничтожали*** *католический Рим* (Известия 04.01.2014).

Когнитивные факторы также оказывают влияние на употребление адвербиальной лексики. Среди них можно назвать тип и характер мышления адресанта, а также существующие в его сознании концептуальные представления о предметах и явлениях действительности. Например, научной речи свойственно абстрактно-символическое мышление [Резапкина 2006], предполагающие использование слов, в том числе и наречий, с отвлечённым значением (*философски, гипотетически, абстрактно* и т.п.). Действием ассоциативного мышления объясняется употребление адресантом адвербиальной лексики со сравнительно-уподобительным значением. Под воздействием ассоциативного

фактора (визуальных, тактильных, ситуативных и др. ассоциаций) «происходит актуализация общеязыкового эстетического потенциала лексики» [Новикова 1988: 145]: *А ведь ему* (морю) *есть чем гордиться – уникальным сочетанием гор и* ***хрустально*** *прозрачной воды* (Известия 20.03.2013); ***По-приятельски*** *здоровается с Леонидом Ткаченко и садится рядышком* (Комсомольская правда 06.09.2013).

Ориентация на существующие в сознании носителей языка стереотипные представления о норме как эталонном образце позволяют адресанту оценивать те или иные предметы, явления и ситуации как верные или ошибочные, этичные или неэтичные, полезные или вредные и т.д. [Федяева 2010]. Такая оценка оказывается возможной благодаря лексемам с аксиологическим значением, в частности, оценочным наречиям: *Быть худруком и не приезжать в театр –* ***аморально*** (Известия 26.08.2013).

Таким образом, на употребление наречий образа действия оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы: лексико-семантические, структурно-семантические, коммуникативно-прагматические и когнитивные. Сфера действия данных факторов распространяется не только на адвербиальную лексику, но и на обширные пласты речевых единиц.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь : сб. / Л. С. Выготский / предисл., сост. Е. Красная. – Москва : АСТ : Хранитель, 2008. – 668 с.

2. Дегальцева, А. В. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения : дис. … канд. филол. наук / Дегальцева А. В. – Саратов, 2012. – 250 с.

3. Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики / В. В. Морковкин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.

4. Мурзин, Л. Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности / Л. Н. Мурзин // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика) : тезисы науч.-теор. конф. (3–6 октября 1988 г.) / отв. ред. Л. Н. Мурзин. – Пермь : Ин-т языкознания АН СССР ; Пермский ун-т, 1988. – С. 19–21.

5. Новикова, М. Ю. Эстетическое значение слова как результат образно-семантической деривации / М. Ю. Новикова // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика) : тезисы науч.-теор. конф. (3–6 октября 1988 г.) / отв. ред. Л. Н. Мурзин. – Пермь : Ин-т языкознания АН СССР ; Пермский ун-т, 1988. – С. 145–146.

6. Резапкина, Г. В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки : учеб.-метод. пособ. / Г. В. Резапкина. – Москва : Генезис, 2005. – 208 с.

7. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис. – 709 с.

8. Федяева, Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Федяева Н. Д. – Омск, 2010. – 40 с.

Е. А. Железнякова
(г. Санкт-Петербург, Россия)
М. Л. Лаптева
(г. Астрахань, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ[1]

Аннотация. Представлен контрастивный анализ русских и узбекских фразеологических (паремиологических) единиц, которые объективируют образ ребенка. Выявлены четыре основные группы когнитивных признаков, определяющих стереотипные представления о ребенке, сформированные в языковом сознании русских и узбеков: роль ребенка в жизни человека, воспитание ребенка, отношение к ребёнку и характер ребенка.

Ключевые слова: образ ребенка, фразеологическая репрезентация, семантика, смысл, когнитивный признак, русский язык, узбекский язык, лингвокультура.

Контрастивный аспект изучения фразеологических систем языков по-прежнему остаётся одним из актуальных в современных лингвистических исследованиях. Этот факт, безусловно, объясняется лидирующими позициями самой антропологической парадигмы науки, направляющей исследовательский интерес в сторону не просто структурно-семантического сопоставления языков, а сравнения языковых картин мира и выявления особенностей языкового сознания представителей разных народов и культур. При этом фразеологический фонд языка, подчеркнём, аккумулируя в себе представления о жизненных ценностях, установках, нравственных ориентирах самих носителей языка, является концентратом духовного наследия определённого лингвокультурного сообщества.

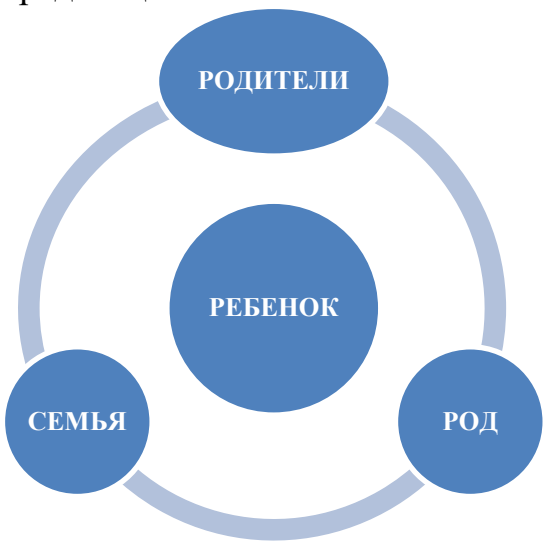
В качестве объекта рассмотрения в данной статье выбраны фразеологические, а именно паремиологические, единицы русского и узбекского языков, когнитивную основу которых составляет образ ребёнка.

Фразеологический образ даёт возможность показать когнитивные механизмы языкового сознания носителей того или иного языка, выражающих отношение к действительности, воспринимаемой и осознаваемой в соответствии со сложившимися культурными традициями, обычаями, стереотипами и т.п.

Нельзя обойти стороной тот факт, что образ ребёнка лежит в таких аксиологических сферах, как РОДИТЕЛИ, СЕМЬЯ и шире – РОД, и не может рассматриваться вне оппозиции «Ребёнок / Родители» (см. схему), поскольку основу национальных представлений о детях со-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00213.

ставляют именно представления носителей языка, имеющих детей и передающих накопленный жизненный опыт, житейскую мудрость.

В связи с этим ядерная лексема *ребёнок* семантически определяется нами не столько как ʻмаленький человек, мальчик или девочка в раннем возрастеʼ, сколько как ʻчьё-то дитя, сын или дочьʼ. Иными словами, семантический признак ʻвозрастʼ уходит на периферию, уступая место признакам родства и целого комплекса связанных с ним признаков, характеризующих область человеческих взаимоотношений. В то же время номинирует образ именно лексема *ребёнок*, а не *дитя*, что объясняется, во-первых, тем, что в значении ʻмаленький ребёнокʼ слово *дитя* носит устаревший характер, а во-вторых, является семантически ёмким: употребляется и для обозначения человека с яркими чертами какой-либо среды, какого-либо времени (*дитя своего века*), и для называния человека, несущего в себе черты, следы источника (*дитя добра и света*).

Универсальность и уникальность образа ребёнка, репрезентированного фразеологическими средствами русского и узбекского языков, можно проследить на примере следующих актуализированных в семантике паремий когнитивных признаков:

1. Роль и место ребёнка (детей) в жизни человека.

В обеих лингвокультурах – русской и узбекской – ребёнок мыслится как одна из ценностей человеческой жизни, именно он придаёт ей смысл, вносит радость и делает богаче: рус. *Дети не в тягость, а в радость*. узб. *Давлатнинг боши фарзанд* – букв. *Богатство начинается с ребёнка.*

Появление ребёнка в семье в русской лингвокультурной традиции связано с объективацией сакральных смыслов и представлено метафорическими оборотами *дар божий* или *подарок судьбы*. А числовой культурный код, на котором базируется семантика пословицы *Один ребёнок не ребёнок, два ребёнка – полребёнка, три ребёнка – ребёнок*, устанавливает ценностный ориентир на наличие в семье трёх детей.

Тем не менее, в пословичных единицах образ ребёнка носит амбивалентный характер, т.е. подчеркивается, что дети делятся на хороших (добрых) и плохих (злых), а последние могут принести семье и горе. Обратим внимание на семантическую близость следующих пословиц из разных языков: рус. *Добрые дети – дому венец, а злые –*

конец и узб. *Яхши бўлса – бола, емон бўлса – бало* – букв. *Хороший ребёнок – радость, а плохой – горе*.

В то же время в узбекской культуре отношение к ребёнку и его недостаткам более терпимое. В узбекском языке эксплицируется безусловный выбор в пользу ребёнка. Например: *Болали уй – бозор, болаcиз уй – мозор* – букв. *Дом с детьми – базар, дом без детей – мазар (кладбище). Бола бўлса шўх бўлсин, шўх бўлмаса йўқ бўлсин* – букв. *Лучше иметь ребёнка шустрого (энергичного), чем никакого.* В русском языке можно отметить единицы, в семантической структуре которых, напротив, подчёркивается проблематичность жизни с детьми: *Без детей горе, а с детьми вдвое. Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки. С маленькими не поспишь – с большими не поносишь*.

2. Воспитание ребёнка (детей).

Данный когнитивный признак наиболее активно репрезентируется в паремиологических пространствах обоих языков. Так, в узбекском языке вербализации подвергается, прежде всего, сама необходимость воспитания ребенка: узб. *Бола бошидан, уғлон ешидан* – букв. *Детей надо воспитывать с самого юного возраста* (ср.: рус. *Учи ребёнка, пока поперёк лавки лежит). узб. Бола азиз, адаби ундан азиз – букв. Ребёнок дорог, но воспитание дороже*. узб. *Бола лой, она кулол* – букв. *Ребёнок – глина, мать – гончар.*

Русские паремии в большей степени подчёркивают сложность процесса воспитания (*Детей учить – не лясы точить*. рус. *Детушек воспитать – не курочек пересчитать*), а также предлагают разные, даже противоречащие друг другу способы воспитания. С одной стороны – *Без строгости и щенка не вырастишь. Держать в ежовых рукавицах. Ставить на горох.* С другой стороны – *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.*

Выбранную тактику чередования жёстких и мягких мер при обращении с ребёнком в процессе его воспитания, пожалуй, наиболее полно передаёт фразеологизм *кнут и пряник*. Например: *Такому ребёнку бессмысленно делать замечания, ругать его или хвалить:* ***«кнут и пряник»*** *на него не действуют, а слова «можно» и «нельзя» не имеют никакого значения* (Е. Голованова. Дурашливые // «Домовой», 04.08.2002. – НКРЯ). Однако данный «метод кнута и пряника» не отражает национальной специфики русского языка и культуры, поскольку происхождение фразеологизма, если исходить из данных историко-этимологического словаря «Русская фразеология» (ИЭС), не выяснено [ИЭС 2007: 308], а выражение встречается не только в русском, но и в немецком, английском и французском языках (нем. Zuckerbrot und Peitsche, фр. le bâton et la carotte, англ. carrot and stick). В русском языке названный фразеологизм чаще употребляется в публицистическом дискурсе, когда дело касается ведения какой-либо политики.

Что касается узбекского языка, то нам удалось зафиксировать лишь одну пословицу, в которой объективируется семантический компонент ʻметод воспитанияʼ: узб. *Бола ширин сўзнинг гадойи* – букв. Ребёнок нуждается в ласке. Как видно, речь идёт не об избалованности детей, что характерно для многих восточных народов, не выставляющих детям никаких запретов до определённого возраста (например, в Японии ребёнку позволяется все до пяти лет), но о необходимости ласкового обращения с ребёнком. В русской языковой картине мира избалованность порицается: иронически-пренебрежительное отношение к характеризуемому лицу передаётся в процессе использования фразеологизмов ***маменькин сынок*** или ***папенькин сынок***.

Заметим, что в русских паремиях не находит отражения вербализация взглядов относительно разницы в воспитании дочери и сына или особое положение семей, где родились и воспитываются сын или дочь. В паремиологическом фонде узбекского языка эти различия, насколько нам удалось проследить, подчёркиваются и единицы с такой семантикой составляют достаточно большую группу. Приведём примеры: *Қиз асрагунча туз асра*. – букв. Пусть лучше у тебя дома будет соль, чем дочь. *Қиз бола уйнинг зийнати, ўғил бола уйнинг захмати.* – букв. Дочь в доме украшение, сын в доме – беспокойство. *Қизи борнинг нози бор*. – букв. У кого есть дочь (невеста), у того есть свои капризы. *Қизингии бешикка сол, молини тешикка сол*. – букв. Дочку (малютку) клади в бешик (в люльку) и сразу же начинай копить ей приданое. *Қизлик уй кўприк, ундан шоҳ ҳам ўтади гадо ҳам*. – букв. Семья, где есть дочь, как мост, по нему и богатый, и бедный проходят. *Қизники қийин билан битар, ўғилники ўйин билан*. – букв. Сына женить легче, чем выдавать дочку замуж.

Несмотря на наличие пословиц с компонентами *сын* и *дочь*, кодирующих разные ценностные ориентиры узбеков, нам удалось зафиксировать одну единицу, которая обладает общеязыковым коннотативных потенциалом и метафорически описывает отсутствие разницы между семьями, где есть сын или дочь: *Ўғил еққан чироқни қиз ҳам ёқади*. – букв. И сын, и дочь одинаково могут зажечь свет.

3. Отношение к ребёнку (детям).

Общность взглядов русских и узбеков можно отметить в том, как они воспринимают и оценивают собственных детей. Сравним: рус. *Всякому своё дитя мило. Дитя хиленько, а отцу – матери миленько. Дитя хоть и криво, да отцу – матери мило.* и узб. *Ўнта бўлса ўрни бошқа, қирқта бўлса қилиғи бошқа* – букв. Дети (хоть их десять или сорок) все разные, но для родителей все равны, все дороги. *Бол ширин, болдан ҳам бола ширин.* – букв. Мёд сладок, а ребёнок слаще мёда. Иными словами, образ ребёнка в паремиологии разноструктурных языков наделяется такими характеристиками, как ʻмилыйʼ, ʻлучшийʼ,

ʻдорогой’, ʻлюбимый’, а недостатки и изъяны нивелируются и стираются. Наивность, искренность или несмышленость воспринимаются как естественно свойственные человеку в юном возрасте. Сравним: рус. *Глупый и малый всегда говорят правду.* – узб. *Алдагани бола яхши*. – букв. Легче всего обмануть ребёнка.

4. Характер ребёнка.

Формирование характера ребёнка и его проявления, как правило, объясняются с точки зрения паремиологии генетикой, сходством с поведением родителей. Наиболее употребительной единицей в русском языке, имеющей полный семантический эквивалент в узбекском языке, является единица *Яблочко от яблони недалеко падает* – узб. *Қазисан, қартасан, асл зотингга тортасан*.

В русском языке с целью указания на похожесть характеров детей и родителей используются также выражения *Не родятся от осинки апельсинки. Какова мать – таковы и дети.* Одновременно фразеология не отказывает ребёнку в индивидуальности и даже превосходстве его над родителями: *Бывает добрая овца и от беспутного отца*.

Национально специфический характер носят, на наш взгляд, такие узбекские пословицы, как *Онанинг кўнгли болада, боланинг кўнгли далада*. – букв. Мать думает о своём ребёнке, а ребёнок – о поле. *Мен куярман боламга, болам куяр боласига*. – букв. Я думаю (горюю) о своём сыне, а сын – о своём. В смысловой структуре данных единиц раскрывается образ неблагодарного ребёнка, который не эксплицирован, по нашим данным, в русских паремиях. Исключение, пожалуй, составляет общеизвестный фразеологизм ***блудный сын***, в содержательном плане которого, однако, несколько смещены смысловые векторы, ведь блудный – это неблагодарный, но, согласно религиозной православной праоснове, раскаявшийся и прощёный сын.

В заключение статьи отметим, что русские и узбекские пословицы и поговорки имеют много общего в основных когнитивных признаках: роль и место ребёнка в жизни человека, воспитание ребёнка, отношение к ребёнку со стороны родителей, характер ребёнка. Языковая специфика (там, где она была обнаружена), прежде всего, связана с культурными и национальными особенностями носителей исследуемых языков. Фразеология показывает специфику стереотипизации действительности членами разных лингвокультурных сообществ, долгое время проживающих в тесных межкультурных контактах.

Библиографический список

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.

2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва, 2007.

3. Королева, Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц концепта «семья» в русском и английском языках / Е. В. Королева // Молодой учёный. – 2017. – № 13. – С. 691–693. – URL https://moluch.ru/archive/147/41303/ (дата обращения: 30.01.2020).

4. Узбекские пословицы и поговорки. – Ташкент : Изд-во ГИХЛ УзССР, 1959.

Л. Г. Золотых, Тянь Сяоцянь
(г. Чэнду, Китай)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЕЛИКИХ РЕК – ЯНЦЗЫ И ВОЛГИ – В ЭТНИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА НАРОДОВ КИТАЯ И РОССИИ

Аннотация. Дан анализ особенностей репрезентации таких этнических констант, как Янцзы и Волга, в видеопроектах студентов Китая и России – участников международного конкурса видеороликов «Мои любимые Волга и Янцзы» (2019 г., КНР, г. Чэнду). Представлены выявленные признаки, обозначенные этноязыковым сознанием и присущие уникальным образам Волги и Янцзы в этнических картинах народов России и Китая.

Ключевые слова: этническая картина мира, этнические константы, мировидение, этическое сознание, Китай, Россия, конкурс видеороликов.

Сравнительно недавняя активизация в научном дискурсе понятий «картина мира», «модель мира», «образ мира», «концептуальная система мира» оправдана разноаспектным интересом исследователей к человеку как личности, изучением «феноменальности человека как хранителя языка и культуры, а не только в качестве носителя конкретной системы знаний, определенных представлений и мнений об объективной реальности» [Золотых 2019: 18].

З. Д. Попова и А. И. Стернин разделяют понятия «языковая картина мира» как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях» и концептуальную / «когнитивную» картину мира – «те понятия и стереотипы, что в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой» [Попова, Стернин 2001: 68]. Представление В. фон Гумбольдтом различного видения мира различными языками [Гумбольдт 1985: 312] не теряет актуальности в современных исследованиях, направленных на «отображение суммы представлений о мире внутри различных этносов, их представленность в каждой лингвокультуре наборами взаимосвязанных универсальных понятий, их структурный характер» [Золотых 2019: 18]. Как отмечает А.А. Леонтьев, «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым “пере-

кодированием” перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 20].

Следовательно, этнические константы, ценности, принципы, традиции, понятия о жизни и мироздании сохраняются в этнической картине мира, отражающей целостное восприятие мира, что обусловлено длительным культурно-историческим процессом развития народа и репрезентировано уникальными образами. Такие представления о мире, связанные с когнитивным опытом, эмоциональными переживаниями человека, его рефлексией, размышлениями, интуицией отразились в образах великих рек – российской Волги и китайской Янцзы.

Современная значимость этих рек определена в формате российско-китайского межрегионального сотрудничества «Волга – Янцзы» с 2013 года в рамках поручения Президента В.В. Путина по дальнейшему укреплению и диверсификации всесторонних связей между РФ и КНР. Ассоциация вузов Приволжского федерального округа РФ и провинций верхнего и среднего течений реки Янцзы КНР (договор был подписан 16 июня 2017 года в г. Хэфэй, Китай), куда с китайской стороны вошли 32 вуза из 5 провинций и города Чунцин, с российской – 50 вузов из 7 областей, 6 республик и Пермского края, способствует китайско-российскому гуманитарному сотрудничеству в международном образовательном пространстве. К тому же символические образы Волги и Янцзы не просто расширяют уже имеющееся культурно-смысловое пространство – происходит активное воздействие на ранее сложившуюся понятийную систему, стимулируя тем самым её развитие и совершенствование, обогащение. Это обусловлено способностью языковой картины мира к вербализации любого содержания мышления, и в этом смысле язык постоянно отражает новации времени, различных сфер общественной жизни.

Этническая картина мира с течением времени подвержена изменениям, обогащаясь новыми современными знаниями, новыми догадками и неожиданными ассоциациями, однако не меняется ее ядро, составляющее специфичность культуры и мировидения народа. Разные призмы мировидения, отраженные в сознании и репрезентированные в речи, были представлены на международном конкурсе видеороликов «Мои любимые Волга и Янцзы» среди студентов всех специальностей и направлений подготовки вузов, являющихся членами Ассоциации вузов «Волга – Янцзы» (2019 год КНР, г. Чэнду). Организатором конкурса выступили Секретариат с китайской стороны Ассоциации вузов «Волга – Янцзы» и Сычуаньский университет.

По требованиям к конкурсным работам были представлены видеоролики, показывающие значимость реки Янцзы (от китайских участников) и реки Волги (от российских участников) в аспекте культуры, истории, традиций, науки, экономики и др. С китайской стороны

в конкурсе участвовали 22 команды из 7 университетов; с российской – 11 команд из 11 вузов. Из 32 команд, прошедших первый тур конкурса, в финал через онлайн-голосование были отобраны по 11 проектов, представленных авторскими коллективами и отдельными авторами из 10 российских и 6 китайских вузов (http://uayangtze-volga.org/vote/index_ru.html). Участники сами определяли предмет и концепцию проекта, делали видеоролики для презентации представителям другой страны уникального культурного содержания своей страны через образы знаменитых рек, представленные в этнических картинах народов России и Китая.

Несмотря на различие этнических картин мира китайских и российских студентов во всех видеороликах был выделен основной признак констант Янцзы и Волги – *великая река*. Так, в ролике Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева «Main word “Letters”» – своеобразном размышлении, направленном в будущее, показаны города среднего Поволжья: Нижний Новгород, Чебоксары и Казань. Авторы отмечают: «*Ролик неслучайно изобилует кадрами, сделанными с высоты птичьего полета. Мы считаем, что именно с такого ракурса Волга и города на ней открываются для зрителя по-новому. Ведь все “Большое видится на расстоянии”*». На примере Саратовской области Осипов Дмитрий показывает величие Волги и необходимость ее для существования и развития региона через значимые характеристики: *главная водная артерия России, самая полноводная и крупная река Европы*, *имеет около 200 притоков, «Волга – крупнейшая в мире река, не впадающая в мировой океан. Впадает Волга в Каспийское море с шириной дельты около 40 км»* (Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.). Волга – это *картины Левитана*, *«она – и Разин, и Некрасов, и Ленин»* (Евгений Евтушенко. Волга).

Янцзы – это *символ культуры Китая*, *древняя китайская цивилизация и история*, *культурное наследие и развитая экономика*. *Дух трудолюбия, смелости и предприимчивости китайской нации* – все эти качества взрастила *матушка* Янцзы. Река *придает жителям исторические воспоминания и художественную духовность*. В видеоролике «Дедушкин сон» Центрально-южного университета (Провинция Хунань) через рассказ деда внуку *показан весь процесс борьбы жителей поймы Янцзы с наводнениями*. Так, *трудолюбие, смелость, целеустремленность китайского народа передаются из поколения в поколение*. Янцзы – это *открытость, толерантность, обмены и взаимодействия, жизненная сила инициативы «Пояс и путь»*. Янцзы – это *единственное место обитания речного дельфина*. *Известный Уханьский мост на реке Янцзы, который был создан при поддержке советских специалистов, свидетельствует о дружбе российского и китайского народов*.

Репрезентации отражения конкретно-исторического, этнического фона, в рамках которого протекает вся многомерная деятельность человека на берегах Волги и Янцзы, актуализируют понятие «образ мира» (А. А. Леонтьев) как отображения предметного мира в психике человека. А. А. Залевская считает, что «образ мира как достояние индивида <…> функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании “знания” и “переживания” и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [Залевская 2005: 243]. К примеру, команда Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина определяет свой проект «Просторы родной реки» *как красивую историю «о силе, которой пропитана Волга»* и, отмечая, что *«многие поэты готовы воспевать в своем творчестве просторы и ширь великой Волги»*, сопровождает видеоряд художественной декламацией стихотворения Дмитрия Степанова «На Волге-реке». Авторами проекта передается не только эмоционально-оценочная и экспрессивно-оценочная информация о соответствующей внеязыковой действительности на просторах Волги, но и ее позитивное влияние на душевное состояние человека: *«Перед лицом громадной мощи / Неспешно движущихся вод / Смотрю спокойнее и проще / На то, что душу так гнетет… И вот я снова на причале, / Но Волга в море унесла / Мои тревоги и печали, / Которым не было числа* (Д. Степанов). Следует также заметить, что психический фон восприятия событий, явлений в образе мира непосредственно выходит на передний план, и этот фактор прослеживается в сюжете видеоролика Педагогического университета Центрального Китая (провинция Хубэй), повествующего *о настоящих чувствах между влюбленными, живущими на берегу Янцзы, которым суждено было расстаться навечно. В беде двух людей отражается беда целого народа в годы Японско-китайской войны 1937–1945 годов.*

Разные призмы мировидения свидетельствуют о том, что образ мира хранится в менталитете народа и передается из поколения в поколение, однако примечательно, что наблюдается одинаковое выражение коннотаций через народно-поэтические эпитеты: *Волга матушка*, *Волга – мать русских рек; Янцзы – матушка наша, мать-река Янцзы*. Как отмечают авторы видеоролика «Встреча с рекой Янцзы» (Сычуаньский университет, г. Чэнду), во время съемок в городах Ибинь и Чунцин – *важных узлах вдоль реки Янцзы,* имеющих *существенную роль в культурном районе Башу*, *«осознали, что Янцзы, это не только матушка наша, она еще является носителем исторической памяти нашего народа*».

Объединяющим признаком культурных констант Янцзы и Волги является народ как хранитель их образов и представлений. На берегах Янцзы живёт не только ханский народ – почти в каждой провинции вдоль реки Янцзы живут представители всех 56 наций Китая. Напри-

мер, видеоролик Наньчанского университета продемонстрировал местную культуру провинции Цзянси, которая является частью культуры Янцзы. Осознание молодыми конкурсантами этнических констант Волги и Янцзы есть также выражение специфической формы языкового сознания, в которой фиксируется и представляется культурно-исторический опыт своего народа. Представляя красоту *города Чунцин – самого большого города в верхнем течении Янцзы*, *характеры местных жителей,* в которых *проявляются особенности местной культуры* команда Сычуаньского университета (г. Чэнду) использует образы *Янцзы и хого – идеальное смешение воды и огня*. *Хого – китайский самовар (hot-pot), традиционная китайская еда и особенная местная жизнь на берегу реки Янцзы, образец чунцинской культуры*.

Российские студенты представляли не только свое творчество – они представляли свой многонациональный народ Республик Башкортостан, Мордовия и Татарстан, Удмуртской и Чувашской республик. *«Слово «Волга» знакомо каждому жителю России. И для каждого из них Волга – это что-то большее, чем просто река. Русские ласково называют Волгу матушкой, а чуваши – батюшкой. Для нас, жителей Чувашии, Волга – это и рассказ о прошлом, и свидетельство настоящего, и светлый взгляд в будущее»*. Такое народно-этимологическое осмысление названия реки Волги авторским коллективом Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (г. Чебоксары) в проекте «Волга – матушка, Адыл – батюшка» актуализирует внутреннюю форму номинации, которая связана с фольклорным персонажем, хорошо известным чувашской лингвокультурной общности. Богатырь Адыл Батыр защищал чувашей от врагов, вызволил Солнце из плена двуглавого орла, чем спас жизнь людям, и в его честь чуваши назвали самую большую реку Атăл (чуваш.) – Волга (рус.).

В проекте «Ведява» команда Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск), рассказывая *об особенностях культуры Мордовии,* акцентирует значимость *воды – источника жизни. «Поэтому в мордовской мифологии существует много легенд о водном духе – Ведяве. Эта богиня является покровителем любви и деторождения. В древние времена мордва приносили ей подношения, пытались задобрить богиню своей любовью к ней*». Такой человеческий опыт контакта с Волгой – от предметно-практической деятельности до интуитивного мистического постижения мира – служит когнитивной базой этической константы.

Представление этнических констант Волги и Янцзы, как инвариантов восприятия мира носителями языка, отражает в видеопроектах студентов Китая и России практическую и духовную «вовлеченность» человека в мир и его связь с реальными условиями его общественной и индивидуальной жизни. Этноязыковое сознание определяет неотъем-

лемый образ таких великих рек, как Волга и Янцзы, в этнических картинах народов России и Китая, хранящих вековой когнитивный опыт и эмоциональные переживания человека.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985.

2. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005.

3. Золотых, Л. Г. К вопросу употребления понятия «лингвокультура» в научном дискурсе / Л. Г. Золотых // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (72). – С. 15–21.

4. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва : URSS: КомКнига, 2006.

5. MY DEAR Yangtze-Volga. Международный конкурс видеороликов среди студентов вузов-участников Ассоциации вузов «Волга – Янцзы» // Сайт Ассоциации вузов «Волга – Янцзы» «АВВЯ». – 2019. – URL: http://uayangtze-volga.org/vote/index_ru.html

Н. А. Красовская
(г. Тула, Россия)

РАЗВИТИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ У СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» (ПО МАТЕРИАЛАМ I ТОМА ЛА РНГ)[1]

Аннотация. Автор на материалах «Лексического атласа русских народных говоров» пытается определить изменение семантики у слов, относящихся к тематической группе «Растительный мир». В ряде случаев карты Атласа доказывают, что лексемы, помимо основного значения, имеют и семантику, относящуюся к антропоцентрическому регистру.

Ключевые слова: лексема, семантика, растительный мир, антропоцентрическая семантика, карты атласа, «Лексический атлас русских народных говоров».

Издание тома «Растительный мир» Лексического атласа русских народных говоров, является значительным событием научной жизни не только отечественной, но и смело можно утверждать, европейской лингвистики. В работах языковедов подчёркивалась не только длительность создания и издания 1 тома Атласа, но и его уникальность, универсальность, многоплановость. В частности, Атлас даёт возмож-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

ность рассматривать языковые явления, которые находятся на пересечении различных языковых парадигм [Красовская 2019]. Так, мы уже отмечали, что единицы языка, которые представлены на картах Атласа, могут анализироваться в системном отношении. Это, пожалуй, важнейший подход и при составлении карт Атласа, и при изучении представленного материала. Системность видится и в комплексном представлении лексических единиц, которые дают возможность наблюдать синонимические ряды, антонимические пары, развитие семантики того или иного слова и т.д.

В рамках нашего исследования мы остановимся на том, как Атлас отражает семантические сдвиги, семантические трансформации, наблюдающиеся в лексике русского языка, и, безусловно, связанные с мировидением человека.

Надо отметить, что во многих случаях семантические сдвиги не только репрезентируют взгляд человека на мир, но и доказывают, что происходят довольно значительные изменения в самой системе лексических единиц. Так, подобные изменения семантики в ряде случаев могут свидетельствовать о том, что слово приобретает символическое значение, начинает функционировать как символ. О том, что семантические сдвиги могут приводить к символизации слова, неоднократно писали лингвисты. Например, размышляя о квазисимволах, Г. В. Токарев отмечает: «Языковые символы могут репрезентировать стереотипные представления об окружающем мире (квазисимволы) или о качествах человека (квазиэталоны)… квазиэталоны, в отличие от квазисимволов, всегда экспрессивны. Ср.: зерно – символ результата труда – и пчела – эталон человека, много работающего на пользу общества, вызывающий положительную оценку и одобрение. Как видим, в значение квазиэталона включена положительная оценочная и одобрительная эмотивная семы» [Токарев].

Мы с уверенностью можем добавить, что лексическая единица может стать квазисимволом или квазиэталоном только вследствие ее переосмысления, трансформации лексического значения. При этом, конечно же, наблюдается как изменение семантической структуры слова, так и изменение употребления слова, т.е. процесса функционирования лексической единицы.

Укажем, что функционирование лексической единицы в её территориальном варианте мы можем наблюдать на картах Атласа благодаря тому, что они репрезентируют территорию, на которой фиксируется употребление носителями языка того или иного слова.

В нашем случае (так как мы в основном ориентируемся на карты тома «Растительный мир» Атласа) речь идёт о том, что лексические единицы, которые так или иначе по своей тематической принадлежности относятся к репрезентации явлений растительного мира, изменяют семантику. И мы хотим отметить именно те случаи, когда фиксируют-

ся лексические единицы на картах Атласа, обозначающие как факты растительного мира, так и факты, относящиеся к миру человека.

При проведении анализа мы особое внимание уделяем картам, которые фиксируют наличие и распространение какого-либо значения у слова, это так называемые семантические карты.

Обратимся к конкретному материалу. Значительный сдвиг в семантике, который, по нашему мнению, может приводить к развитию у слова символьного значения, наблюдается в зафиксированном на картах Атласа употреблении слов *березьё, дубьё, ельё*. Материалы Атласа дают основание утверждать, что семантика этих слов связана с реализацией значений ʻмножество растущих деревьев’, ʻсрубленные деревья’, ʻдрова’, ʻкора дерева’, ʻмолодые высокие парни’, ʻглупый человек’. Подчеркнем, что слова в последних указанных значениях в территориальном отношении встречаются нечасто. Составители карты отмечают, что «а) ‘высокие молодые парни’: метафорическое значение возникает по ассоциации с крепостью дуба и его высотой. Оно образует компактный ареал на северо-западе России (вологодские и архангельские говоры); б) ‘глупый человек’: переносное значение мотивировано крепостью древесины дуба, ассоциирующейся с косностью ума человека. Это значение отмечено в пермских говорах, а также в говорах Краснодарского края» [ЛАРНГ 2017: 287]. По нашему мнению, дубы (или совокупность дубов) ассоциируются с человеком и становятся символическим воплощением образа высокого и (или) глупого человека. Если вернуться к мыслям, высказанным Г. В. Токаревым, то, скорее всего, названные лексемы в рассматриваемом значении можно отнести к квазиэталонам, так как они дают эмоционально-оценочную характеристику человека.

Смысловая связь корня -дерев- с человеком отмечается и в фактах употребления слова *деревина*. Данная лексема, помимо основных значений ʻдерево’, ʻбольшое растущее дерево’, ʻодно отдельно растущее дерево’, ʻкривое, сучковатое, развилистое дерево’, ʻствол дерева’, ʻдревесина’, ʻсрубленное дерево’, ʻбревно’, ʻбольшое бревно’, ʻбольшая палка, дубина’, ʻдеревянная часть какого-л. предмета’, имеет целую совокупность семантических вариантов, связанных с реализацией антропоцентрического семантического регистра. Это такие значения данной лексемы, как ʻрослый, крепкий человек’, ʻмолчаливый человек’, ʻнеповоротливый, неуклюжий человек’, ʻглупый человек’. Слово *деревина* с семантикой антропоцентрического регистра, по сравнению с семантикой ботанического и предметного регистра, используется на меньшей территории, то есть в употреблении встречается реже: «В антропоморфном семантическом регистре выделяется значение ‘рослый, крепкий человек’. Оно составляет принадлежность в основном севернорусских вологодских, костромских, ярославских, вятских и пермских говоров; небольшие островные ареалы встречаются в среднерусских

владимирско-поволжских, а также в псковских говорах; в говорах восточной (рязанской) и курско-орловской групп отмечены лишь микроареалы. Значение ‘молчаливый человек’ распространено в основном в южнорусских говорах в западной и курско-орловской группах. Кроме того, оно встречается в вологодских, ярославских и вятских говорах, а также в среднерусских владимирско-поволжских. Значение ‘неповоротливый, неуклюжий человек’ имеет микроареалы в севернорусских ладого-тихвинских и ярославских говорах, а также в говорах поморской группы; в среднерусских владимирско-поволжских и псковских; в южнорусских говорах восточной группы. Значение ‘глупый человек’ локализуется в основном в севернорусских костромских, вологодских и вятских говорах» [ЛАРНГ 2017: 309].

Антропоцентрическая семантика, наряду с предметной, наблюдается и у лексемы *дерюга*. Правда, в данном случае ситуация выглядит иначе: можно с уверенностью сказать, что самым частотным употреблением, что подтверждают материалы Атласа, является употребление слова *дерюга* с семантикой предметного регистра, то есть значение «‘предмет материальной культуры’ (‘грубый холст’, ‘грубая плохая одежда’, ‘старая, рваная одежда’, ‘тряпье’, ‘мешок’, ‘покрывало’ и др.)» [ЛАРНГ 2017: 394]. Использование слова с данной семантикой покрывает практически всю территорию распространения русских говоров. А вот употребление слова в значении «‘человек’ (‘человек, который громко говорит’, ‘забияка’, ‘разиня’, ‘неповоротливый человек’ и др.)» [ЛАРНГ 2017: 394] отмечается не столь часто, и территория, обозначенная на карте, занимает довольно незначительный ареал. Интересно подчеркнуть, что в данном случае мы опять наблюдаем факт смещения семантики с растительного регистра на антропоморфный.

Точечными ареалами характеризуется и использование слова *зель* в номинации человека. Значение ‘злой человек’ встречается у данного слова довольно редко. На наш взгляд, в этом случае трансформация значения связана с переосмыслением семантики зеленый, кислый, незрелый. Именно эти семы характеризуют использование данного слова в значениях ‘трава’, ‘ядовитая трава’, ‘лечебная трава’, ‘несозревшие плоды’, ‘всходы’. Помимо этого, в семантике данного слова актуализируются семы ‘заговоренный, ‘лекарство’, ‘алкоголь’, так как слово может употребляться в значениях ‘напиток’, ‘заговоренный напиток’, ‘травяной отвар’, ‘лечебный настой’, ‘лекарство’, ‘отрава’, ‘алкоголь’.

Подобную ситуацию, связанную с развитием у слова тематической группы «Растительный мир», можно наблюдать и при использовании слова *обабок, обабка*. Данные лексемы также употребляются для именования человека, и в этом случае опять ареал их распространения узок, по сравнению с использованием указанных слов со значением растительного и предметного регистра. Реализуя свои значения, отно-

сящиеся к тематической группе «Растительный мир», слова обозначают разновидности грибов, реализуя предметный регистр, слова обозначают сноп, укладку льна и картофельную оладью. Разновидностями антропоцентрического регистра становятся такие значения, как ʻмаленький человекʼ, ʻболезненный полный человекʼ, ʻленивый человекʼ, ʻпьяный человекʼ, ʻнеуклюжий человекʼ, ʻуставший человекʼ и ʻстарый холостякʼ. В этом случае мы наблюдаем также довольно традиционный для русского языка переход: название старого гриба – название старого (больного) человека: «Все значения антропоморфного регистра лексем *обабок, обабка* имеют ограничения в своем распространении, так как представлены в основном микроареалами: значение ‘маленький человек’ встречается в севернорусских вологодских говорах; значение ‘болезненный полный человек’ – на территории Удмуртии; значение ‘ленивый человек’ – в Республике Коми; значение ‘пьяный человек’ – в среднерусских псковских и владимирско-поволжских говорах; значение ‘неуклюжий человек’ зафиксировано в севернорусских архангельских говорах; значения ‘старый холостяк’ и ‘уставший человек’ отмечаются в среднерусских говорах (псковских и владимирско-поволжских)» [ЛАРНГ 2017: 595].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что карты Атласа дают замечательную возможность определения у слова нескольких значений. Мы наблюдаем те случаи, когда слова тематической группы «Растительный мир», развивая свою семантику, называют людей, их отдельных представителей и т.д., то есть мы наблюдаем переход от биологического семантического регистра к антропоцентрическому. В большинстве случаев, как это демонстрируют карты Атласа, слова с такой трансформацией значения имеют довольно узкие ареалы распространения, иногда точечные. Несмотря на то что территории, как свидетельствуют карты Атласа, с реализацией слов в антропоцентрическом значении невелики, ряд из этих слов претендует на то, чтобы они развивали символьное употребление, многие из указанных лексем в антропоцентрическом значении характеризуются наличием оценочного компонента.

Библиографический список

1. Вендина, Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики / Т. И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)-2018. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2018. – С. 96–113.

2. Красовская, Н. А. Лексический атлас русских народных говоров: пересечение лингвистических подходов и парадигм / Н. А. Красовская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 2. – С. 135–140.

3. Лексический атлас русских народных говоров (ЛА РНГ). Т. 1. Растительный мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. – 736 с.

4. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г. В. Токарев. – URL: http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/276316-7-g-tokarev-koncept-kak-obekt-lingvokulturologii-na-materiale.php (дата обращения: 20.02.20).

Ю. В. Милютина
(г. Брянск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАТИВОВ С СЕМОЙ «РОСТ» В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования одной из лексико-семантических подгрупп тематической группы «Наименования лиц» в брянских говорах. Анализируется значительная часть лексического состава агентивов в брянских говорах во взаимосвязи с другими русскими говорами, что подтверждает лингвокультурологическую общность восточнославянских языков и их диалектов.

Ключевые слова: диалект, семантика, тематическая группа, лексико-семантическая группа, брянские говоры, региональная языковая картина мира.

Образ человека является крайне значимым в региональной языковой картине мира, о чем говорит наличие обширных лексико-семантических групп, связанных с понятийной зоной «Наименования лиц». Большим числом лексем представлены характеристики человека по внешнему виду и физической природе. Данная лексико-семантическая подгруппа слов в брянских говорах, реализуя результаты наблюдательности простого народа и его склонность к детальному анализу поведения человека, весьма многочисленна. Как отмечает исследователь И. А. Кюршунова, если говорить о внешности человека, то нет ни одного объекта, на который бы не обратили внимания наши предки: цвет волос, кожи, рост; особенности строения тела, его отдельных частей; дефекты, приобретённые и наследственные; внешне выраженные последствия болезни и т.д. [Кюршунова 2007: 184]. Эти же субстантивы будут с полным основанием относиться к наименованиям человека по его внешним качествам.

Номинативные единицы, входящие в данную подгруппу, объединены на том основании, что все наименования лиц характеризуют человека по внешности физических качеств и особенностей человека. Номинация человека по его внешнему виду осуществляется диалектоносителями по каким-либо необычным, отступающим от нормы чертам лица и особенностям фигуры, учитываются при номинации также состояние здоровья, его склонности или привычки, а также физические недостатки.

Большое число репрезентантов имеют характеристики человека по общим особенностям внешности. Наименования лиц по таким характеристикам представляют собой чрезвычайно обширную систему лексических значений. Сюда можно отнести лексемы, которые характеризуют лицо по месту жительства, по социальному статусу, а также выражающие общую негативную или позитивную оценку. В языке говоров система подобных оценок детализируется в значительной степени, что позволяет получить достаточно интересный материал при сопоставлении с системой русского литературного языка. В зависимости от актуализации семы «рост» среди номинативов данной лексико-семантической группы можно выделить две антонимические подгруппы: «наименования высокого человека» и «наименования человека маленького роста».

Агентивы первой подгруппы характеризуют очень высокого, рослого человека: *го́лда, сды́лбина, скры́дла, ани́кон.* В брянских говорах сема «высокий» может соединяться в одном слове с семой «худой» (о человеке). Это соединение представлено в слове *го́лда* как наименование высокой, худой и длиннолицей девушки [Расторгуев 1973: 81]. Данный номинатив функционирует и в других говорах: орловских, саратовских, тамбовских, тверских, рязанских, однако совсем в ином значении: «склонный к ссорам, бранчливый, крикливый человек» [СРНГ 1970, VI: 289]. Как очевидно, в этом случае обнаруживается резкое расхождение значений, чему, несомненно, способствует отсутствие в диалектной речи на всех её уровнях строгой нормы.

Лексема *сды́лбина* в говоре Новозыбковского района Брянской области характеризует высокого и худого человека. *[Етай* ***здылбине*** *ничога ни стоить крышу дастать]* [БОС 2007: 308]. Очевидно, что лексемы *голда* и *сдылбина* нельзя рассматривать как семантически соотносительные, поскольку объем их значений различен: в семеме *голда* присутствует сема «длиннолицая», отсутствующая в слове *сдылбина*. Вероятно, данный агентив изначально произошел от лексемы *дылда.* На соседней курской, а также на белгородской территориях известен номинатив pluralia tantum *ды́лды* – «длинные ноги» [СРНГ 1972, VIII: 291]. Словоформа *дылда* широко известна в русских говорах как явление просторечное. Как фонетический вариант данный номинатив распространён в ярославских говорах с метатезой *ды́дла* – «человек высокого роста, обычно нескладный», в лексическом значении которой содержится потенциальная сема «глупый, бестолковый» [ЯОС IV: 29]. По мнению Т. В. Бахваловой, высокий рост, как правило, ассоциируется с взрослым человеком, а значит, и умелым, толковым, работящим. Если же деловые качества и умственные способности человека находятся в явном несоответствии с его внешними данными, это становится предметом укора, неодобрения, пренебрежительного отношения [Бахвалова 1996: 41].

Абсолютным синонимом лексемы *сды́лбина* служит в брянских говорах агентив *скры́дла. [Я да васямнаццати гадоу тожа была такая* ***скрыдла****, ну а тады дау бох паправилась]*. (Клинцовский р-н) [БОС 2007: 315]. Другим русским говорам, по данным СРНГ, а также на основе словарей украинского и белорусского языков, слово за пределами брянских говоров не известно. В говоре с. Маревка Дубровского р-на известно слово *ани́кон,* называющее человека высокого роста. При назывании так человека имеют в виду собирательное значение: по имени одного из старых жителей села необыкновенно высокого роста. *[У, сябёр какой вырас! А бальшой – с* ***Аникъна*** *ростам, как Аникан и къшяицца]* [СБГ 1976, I: 18]. Данная лексема в изученных нами многочисленных лексикографических источниках не зафиксирована.

Лексемы *сдылбина, скрыдла, аникон* находятся в говоре в антонимичных отношениях с номинативами *коря́вец, скиду́х, хлып.* О маленьком, низкорослом человеке говорят: он *коря́вец [Каряука,* ***карявиц****, малинький, нидаросльій]* [БОС 2007: 169]. Данный номинатив в данной словоформе в других говорах лексикографическими источниками не отмечен. Однако обращает на себя внимание наличие в калужских говорах слова с иным формантом: *корявчик* – также «человек небольшого роста» [СРНГ 1979, XV: 40]. Калужские и брянские говоры, как непосредственно контактирующие, реализовали общий диалектный корень, используя при этом различные суффиксальные форманты: *-ец* и *-чик.* Слово активно используется в современных брянских говорах. Справедливо замечено, «что слова, ясные в словообразовательном и этимологическом отношении, при прочих равных условиях легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации [Моисеев 1963: 126].

Для наименования человека очень маленького роста в юго-западных говорах используется ещё один агентив – *хлып*. *[Во* ***хлып*** *еты ешчэ сюды лезе]* [Расторгуев 1973: 278]. Изученные нами словари данной лексемы за пределами Брянщины не фиксируют. Агентив *скиду́х* известен в говоре Дятьковского района в значении «худой, низкорослый человек» *[Жыних у ней карявинький, нидаросльій –* ***скидух*** *какой-та]* [БОС 2007: 313]. Как и предыдущее слово *хлып,* он не отмечается в указанных значениях в других говорах. Однако в калужских, московских и рязанских говорах семантика слова *скидух* связана с медициной: так называют выкидыш у женщин [СРНГ 2003, XXXVII: 412]. Видимо, первичным значением является «медицинское» значение, давшее производные на основе метафоризации.

Женщину невысокого роста в говоре Почепского района называют *дробу́шечкой*. *[Ана* ***драбушычка*** *такая, а ён статный красивый такой – и взял яё]* [СБГ, V: 39]. В псковских же говорах зафиксирована лексема *дробу́ша* – «мелкая рыба (плотва, уклейка и т.д.), используемая

для наживки переметов» [СРНГ 1972 VIII: 189]. Общей семой у этих слов является сема «мелкий» («небольшой»). Наличие в говорах словоформы *дробуша* позволяет предположить, что записанная на Брянщине форма представляет собой уменьшительную форму с суффиксом *-ечк*. Наши собственные наблюдения в говоре подтвердили наличие формы *дробуша* в этом значении.

Следует отметить, что лексико-семантическая группа «Наименования лиц по внешнему виду и физической природе» системно организована, при этом в ней прагматические оценки (по росту, весу, особенностям фигуры) преобладают над эстетическими. Большинство слов анализируемой подгруппы содержат сему оценки, что говорит о высокой значимости образа человека. Практически во всех подгруппах лексики преобладают лексемы с отрицательной оценкой: «человек по отношению к себе выступает строгим критиком» [Геляева 2002: 153]. Необходимо обратить внимание на то, что экспрессивному наименованию подвергаются часто такие характеристики, которые тем или иным образом отступают от нормы. Н. Д. Арутюнова заметила, что «сама норма имеет слабый выход в семантику. Однако ненормативные признаки требуют специального обозначения. Они должны быть выделены и названы [Арутюнова 1987: 9–10].

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 9–13.
2. Бахвалова, Т. В. Лексика орловских говоров, характеризующая человека по внешнему облику / Т. В. Бахвалова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1994. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 99–104.
3. Брянский областной словарь / под ред. Н. И. Курганской. – Брянск : БГУ, 2007. – 381 с.
4. Геляева, А. И. Человек как объект номинации в языковой картине мира : дис. … д-ра филол. наук / Геляева А. И. – Нальчик, 2002. – 307 с.
5. Кюршунова, И. А. Реконструкция портрета русского человека в языковой картине мира по данным исторической региональной антропонимии / И. А. Кюршунова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – С. 184–189.
6. Моисеев, А. И. Мотивированность слов / А. И. Моисеев // Ученые записки Ленинградского униврситета. – 1963. – № 322, вып. 68.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 944 с.
8. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
9. Словарь брянских говоров / под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988. – Вып. 1–5.
10. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
11. Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

Е. В. Никишова
(г. Пенза, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЛИЗКОГО И ДАЛЬНЕГО РОДСТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ И НЕМЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

Аннотация. Представлен опыт лингвокультурологического анализа русских и немецких пословиц, входящих в тематическую группу близкого и дальнего родства. Проанализированный материал подводит к выводу о том, что немцы сдержаннее в проявлении чувств к детям (в этой стране принято приучать детей к самостоятельности, большой акцент делается на строгом воспитании), в то время как русские люди более эмоциональные и жалостливые по отношению к родственникам, ярко выражен родительский девиз «живем ради детей». Несмотря на наличие различий, обнаружены пословицы, совпадающие по смыслу, что обусловлено сходными жизненными условиями в Германии и России.

Ключевые слова: языковая картина мира, немецкий язык, русский язык, пословица, паремия, лингвокультура, термины родства, семья.

Языковая картина мира обусловлена этническим языком и в нём представлена, следовательно, она не может носить глобальный характер, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней представлены.

Языковая картина мира относится к картине мира как частное к целому, занимая при этом значительное пространство в картине мира, поскольку знание, внушаемое человеку родным языком, намного превосходит по объему и качественному разнообразию знание, полученное из всех других источников, вместе взятых.

При всех различиях немецкого и русского языков они имеют много сходных черт в своей структуре, что в значительной степени объясняется их генетическим родством, т.е. происхождением из общего источника.

Индоевропейские языки объединяются в общую семью на основе закономерных грамматических, лексических и фонетических соответствий. По принятой генеалогической классификации к семье индоевропейских языков причисляются примерно девяносто живых и мертвых языков. В их число входят также немецкий и русский языки. В первую очередь этим можно объяснить большое количество пословиц, имеющих сходный смысл в немецком и русском языках, при этом они имеют и свои особенности. Много пословиц, относящихся к тематической группе «семья». Это объясняется тем, что, как для русского, так и для немецкого народов семья имела во все времена большое значение.

Пословицы и поговорки разных народов мира имеют много общих черт, но, с другой стороны, в них есть и свои специфические особенности, которые характеризуют самобытную культуру и многовеко-

вую историю определенного народа. В пословицах и поговорках заключена народная мудрость, уходящая корнями в далекое прошлое.

Рассмотрим русские и немецкие пословицы, отражающие общее и национальное представление о детях и институте семьи в целом. В данной статье обозначим особенности репрезентации отношений между родителями и детьми в немецкой и русской лингвокультурах.

Лексемы-репрезентанты описываемого бинома: *отец / der Vater, мать / die Mutter, сын / der Sohn, дочь / die Tochter, дети / die Kinder.*

Пословицы, составляющие ядро оппозиции: *Мать у корзины накормит, отец у сусека заморит; Материно сердце в детях, а детское – в камне; Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнут; Eine Mutter kann zehn Kinder ernähren, aber zehn Kinder nicht eine Mutter (Одна мать может прокормить десять детей, но десять детей не могут одну мать); Wer Eltern bald vergessen kann, nimmt sich der Kinde rauch nicht an (Кто скоро забывает родителей, тот не может полагаться на своих детей), Arme haben Kinder,Reiche haben Rinder. (У бедных дети, у богатых скот)*. Ср.: *У богатого телята, у бедного ребята.*

Рассмотрим ближнюю периферию заявленной оппозиции. Дети похожи на своих родителей не только внешне, но и по характеру: *Der Vater lügt, der Sohn betrügt (Отец лжет, сын обманывает); Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки; Wie der Vater, so der Sohn (каков отец, таков и сын); Wie der Acker, so die Rüben; wie derVater, so die Buben (какова пашня, такова и репа; каков отец таковы и дети); Ärger Väter, ärger Kind (Злой отец, злой сын).* Ту же мысль передают пословицы с компонентом-зоонимом: *Wie die Alten sungen, so zwitschern dieJungen (Как пели старики, так щебечут и молодые); Wie die Hühner gackern, so die Kücklein (Щенок от матери лаять учится); Art lasst nict von Art). Род от рода не отказывается. Ср.: Яблоко от яблони далеко не падает. Böser Vogel, böses Ei (Злая птица – злое яйцо); Von altem Hahn lernt der junge sein Kikeriki (Старый петух учит цыплят кукарекать); Von böser Kuh kommt kein gutes Kalb (От злой коровы добрый теленок не родится).* Данные пословицы показывают, что животный мир соотносится с миром людей. Например, в последней пословице под образом коровы подразумевается женщина, обладающая сложным характером, поэтому ребенок, воспитанный ею, будет походить на нее во взглядах и поступках.

Родителей и детей объединяет не только наследственность, но и общие интересы: Отец – рыбак, и дети в воду смотрят. Дети воспринимают опыт родителей *(На отце воду важивали, так сыну хомута не кажи)* и стараются развиваться дальше *(Das Ei will klüger sein als die Henne (Яйцо хочет быть умнее, чем курица))*.

Ребёнок – это большая ответственность: *Легко дитятко нажить, нелегко растить.* Жизненные условия на Руси и в средневековой Ев-

ропе были суровыми, поэтому семьям, в которых появлялся ребёнок, приходилось тяжело. Можно сказать, что ребёнок являлся как радостью, так и убытком [Виноградов 1986: 164]. Родители должны уделять много времени ребёнку и заботиться о нём. Чем старше он становится, тем больше хлопот доставляет родителям: *Kleine Kinder – kleine Sorgen, große Kinder – große Sorgen (Малые дети – малые заботы, большие дети – большие заботы); Kleine Kinder drücken die Knie, große das Herz (Малые дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце); Kleine Kinder machen Kopfweh, große Kinder Herzweh (Маленькие дети приносят головную боль, взрослые – боль в сердце); Schreiende Kinder machen singende Mütter (Кричащие дети создают поющих матерей); Малое дитя сосёт грудь, а большое сердце; Детки маленьки – спать не дадут, детки велики – сам не уснёшь; Дитя плачет, а у матери сердце болит; Малые дети заснуть не дают, большие вырастут – сама не спишь; Малые дети – малая печаль, большие дети – большая печаль.*

Несмотря на все трудности, наличие детей в доме всё же считалось счастьем и Божьим благословением. Пословицы отражают искреннюю любовь родителей к детям, душевную теплоту: *Дом с детьми – базар, без детей – могила; Дети не в тягость, а в радость*. Любовь родителей безгранична: *Der Mutter Herz ist immer bei den Kindern (Сердце матери всегда с детьми); Jeder Vater lobt sein Kind (Каждый отец хвалит своего сына)*; они стараются отдать все самое лучшее.

Если ребёнок не отличается хорошей наследственностью и крепким здоровьем *(Krumme Bäume tragen auch Früchte (Кривые деревья также приносят плоды)),* то он получает вдвое больше заботы и внимания*: Die besten Eltern haben oft ungeratene Kinder (У лучших родителей часто неудачные дети); Einer Mutter ist das kränkeste Kind das liebste (Для матери больной ребенок самый любимый); В великом роду не без выродка; Дитя хоть и хило, а отцу с матерью мило; По здоровом сынке сердце ноет, по больном вдвое.*

Исторически сложилось, что женщина всегда проводит больше времени с детьми, обучая и воспитывая их. Вне зависимости от пола *(Wer Töchter hat, der kriegt wohl Söhne (У кого есть дочь, тот хочет сыновей))*, дети являются предметом гордости *(Дочерьми красуются, сыновьями в почёте живут)*. В русских пословицах нами выявлена антиномия «мать – мачеха», в которой прослеживается негативное отношение к мачехе. Считается, что она не может любить ребёнка так, как любит его родная мать, которая по каким-то причинам не может быть с ним вместе: *Какое без солнышка тепло, такое от мачехи добро; Мамонька родимая – свеча неугасимая, мамонька неродная – похлебочка холодная; Мачеха добра, да не мать родна; Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи либо без рубашки; Мать гладит по шерсти, мачеха –*

супротив; Мать высоко замахивается, да не больно бьёт; мачеха низко замахивается, да больно бьёт; Дитятку по голове, а матери по сердцу; Поровну мачеха делила, а пасынкам ничего не осталось.

В немецкой лингвокультуре ставится под сомнение тот факт, что мачеха может заменить детям мать: *Der Witwer findet leicht eine Frau, aber die Waisen schwer eine Mutter (Вдовец легко найдёт жену, а сиротам сложно найти мать); Mann findet leicht eine Frau, die Kinder nie wieder eine Mutter (Мужчина легко найдёт женщину, дети никогда снова не найдут мать); Eine Mutter kann man verlieren, aber nicht wieder finden (Мать можно потерять, но нельзя вернуть)*. С мачехой редко складываются теплые отношения, и это не всегда зависит от нее (*Не всякая мачеха – крапива, не всякая падчерица – маков цвет)*, но существуют и исключения из правил *(Иному счастье – мать, а иному – мачеха)*.

В русской лингвокультуре существуют прочные семейные узы, поэтому, достигнув совершеннолетнего возраста, ребенок не перестает получать помощь от родителей: *Кормили до усов, корми и до бороды; Для матери ребенок до ста лет детенок.* Русский жизненный уклад отражается в следующей пословице: *Отца-мать кормлю – долг плачу, сыновей в люди вывожу – взаймы даю, дочь снабжаю – за окно бросаю*. В первую очередь мы видим здесь, что дети почитают родителей. Предназначение сына и дочери различно. Сын как глава семьи обязан обеспечить достойную старость родителям: *Корми сына до поры: придет пора – сын тебя покормит.* В русской традиции принято оставлять все в наследство младшим детям: Меньшему сыну – отцовский двор, старшему – новоселье. Дочь выходит замуж и живёт в доме мужа. Замужество дочери значительно облегчало быт семьи, особенно той, что относилась к крестьянскому сословию: *Мать дочку хвалила, пока с рук свалила; Gut die Tochter Anna, wenn Mutter und Großmutter sie loben (Хороша дочь Анна, когда ее хвалят мать и бабушка)*.

В Германии не выражена в столь высокой степени преемственность поколений, что объясняется различием менталитетов и более устойчивой экономической обстановкой. Достигнув совершеннолетнего возраста, дети начинают самостоятельную жизнь, но в случае необходимости они всегда помогут родителям, так как этого требуют воспитание и долг: *Strafe die Kinder in der Jugend, sie sorgen für dich in dem Alter (Наказывай детей в юности, они позаботятся о тебе в старости)*.

Дальнюю периферию образуют пословицы, содержащие лексемы для обозначения родственников непрямого родства, к которым относятся *теща, свекровь, зять, тесть, свекор, сноха*. После женитьбы (замужества) необходимо взаимодействовать и с родителями мужа (жены): *Люба жена, люба и родня*. Отношения матери и сына могут развиваться в двух направлениях:

1) сын по-прежнему руководствуется во всем мнением матери (*Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста плачет, как роса падет: взойдет солнце, росу высушит*);

2) семья жены становится для него ближе, и он привыкает самостоятельно принимать решения (*Мать при сыне не наследница*).

Отношения тещи и зятя / свекрови и снохи строятся не всегда в позитивном ключе, что становится темой многочисленных анекдотов. Пословицы показывают сложности в общении между новоиспеченными родственниками, объясняемые несовпадением в укладе жизни обеих семей: *Если зять гонит из дому, то двери ищи, а если сын – на печь лезь; Зять любит взять, а тесть любит честь; Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке; По дочери и зять помилеет, а по снохе и сын опостылеет; Блудливая свекровь и невестке не верит; Бедному зятю и тесть не рад; Если нет черта в доме, так зятя прими; Кому невестка годится, для того и родится; Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища.* В последней пословице контраст достигается на основе использования ласкательного суффикса -ушк-, который дает положительное значение слову и отражает хорошие отношения свекрови и невестки, а во второй части форма слова проводит параллели со свекровью и каким-либо страшным существом и придаёт лексеме отрицательную коннотацию. В таких случаях немцы говорят: *Ein guter Nachbar ist mehr wert als ein Bruder in der Ferne (Добрые соседи лучше, чем далекая родня)*. Полностью избежать ссор и непонимания невозможно, но в дружной семье всегда умеют находить компромисс, делить горе и радость: *In einer guten Ehe fügen sich Himmel und Erde zusammen (В хорошей семье небеса соединяются с землей)*.

Приведём примеры репрезентации в паремиях отношений *сестра-брат*: *Каков брат, такова и сестра. Лучших братьев и сестёр не бывает. Братская любовь крепче каменных стен. Нет друга супротив родного брата. Старший брат как второй отец. Сестра с сестрою, как река с водою. Чего не хочешь сестре и брату, того не желай и своим обидчикам.* На основе этих примеров можно сделать вывод, что сестры, братья – ближайшие родственники, родственные души. В немецкой паремии этот пласт представлен гораздо скромнее.

Рассмотрев бином «родители – дети» в русском и немецком языках на примере пословиц и поговорок, мы сделали вывод, что немцы сдержаннее в проявлении чувств к детям, в то время как русские люди более эмоциональные и жалостливые по отношению к родственникам. В немецкой лингвокультуре принято приучать детей к самостоятельности, большой акцент делается на строгом воспитании, а в русской ярко выражен родительский девиз «живём ради детей». Несмотря на наличие различий, обнаружены пословицы, совпадающие по смыслу, что обусловлено сходными жизненными условиями в Германии и России.

По нашему мнению, перевод немецких пословиц на русский язык имеет ряд трудностей. Некоторые из них легко переводятся на русский язык, тогда применяется такой способ перевода, как калькирование (дословный перевод) или полукалька (выборочный перевод). Другие пословицы и поговорки нуждаются в объяснении, так как не имеют ничего общего с русскими выражениями.

Таким образом, паремиологический фонд любого языка представляет собой богатый материал, позволяющий определить доминанты описываемых лингвокультур, давая исследователю возможность сделать выводы о картине мира лингво-сообщества.

Библиографический список

1. Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки / Х. Байер, А. Байер А. – Москва : Высшая школа, 1989.

2. Виноградов, В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1986.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва, 1955. – Т. 4

4. Подгорная, Л. И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги / Л. И. Подгорная. – Санкт-Петербург : КАРО, 2001.

5. Graf, A. E. Russische und deutsche idiomatische Redewendungen / A. E. Graf. – Leipzig, 1966.

С. В. Плотникова
(г. Пенза, Россия)

ЛЕКСЕМА «ВЛАСТЬ» В РУССКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Рассматривается концепт «власть» на материале словарей различного типа, анализируется коннотация лексемы «власть», а также ассоциации, связанные с ней.

Ключевые слова: лексема, семантика.

В настоящее время анализируются все возможные средства вербализации концепта. Для раскрытия концепта «власть» необходимо проанализировать словари разных типов: толковые словари, словообразовательные словари, словари синонимов, ассоциативные словари, словари эпитетов, фразеологические словари, а также словари смежных наук. Кроме того, необходимо проанализировать то, какую коннотацию носит лексема «власть», с чем она ассоциируется.

Анализ словарных статей, представленных в толковых словарях разных годов издания, позволяет нам сделать вывод о том, что центральным значением лексемы «власть» является следующее значение: «право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять сво-

ей воле» [Толковый словарь русского языка 1997: 86]. Данное значение является первым в системе значений в следующих толковых словарях: «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковый словарь современного русского языка» Д. Н. Ушакова, «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой. В словаре «Малый Академический словарь» под ред. А. П. Евгеньевой данное значение насчитывается третьим.

В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова значение «могущественное влияние, принудительная сила» [Толковый словарь современного русского языка 2013: 72] отмечено пометой *перен*., а в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова и в «Малом Академическом словаре» под ред. А. П. Евгеньевой даётся значение «могущество, господство, сила», но уже без пометы *перен*. Значение «могущественное влияние, непреодолимое влияние, неодолимая сила чего-либо» без каких-либо помет указано и в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данного значения нет вовсе.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой есть значения «политическое господство, государственное управление и его органы», а также «лица, облечённые правительственными, административными полномочиями» [Толковый словарь русского языка 1997: 86]. О политическом господстве идёт речь и в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, «Малом академическом словаре» под ред. А. П. Евгеньевой, «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой. В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова данного значения нет. О лицах, облеченных какими-либо полномочиями, говорится во всех словарях, кроме «Малого академического словаря» под ред. А. П. Евгеньевой, в словаре Т. Ф. Ефремовой данное значение дается с пометой *разг*.

Во всех словарях встречается значение «орган государственного управления, правительство». В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова есть два не встречающихся в других толковых словарях понятия: «права и полномочия правительства, правительственного лица», «образ правления, государственный строй» [Толковый словарь современного русского языка 2013: 72].

Дополнительное значение появляется в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова с пометой *церк*.: В христианской иерархии ангелов: ангелы третьего чина второго лика. Единичное значение есть и в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «инструмент поддержания определённого порядка

в обществе, государстве, его организации и управлении; форма управления страной» [Современный толковый словарь русского языка 2006: 92].

Из всего вышесказанного следует, что понятие «власть» менялось в сознании людей минимально. Восприятие понятия «власть» в обыденном и научном сознании не имеют существенных различий. Можно выделить три основных значения: 1) власть в широком смысле; 2) политическая власть; 3) конкретные представители власти.

Лексема «власть» в русском сознании носит, как правило, отрицательную коннотацию. Это показано с помощью словосочетаний *«страшная власть», «продажная власть», «жестокая власть», «беспощадная власть».* Отрицательная оценка связана с тем, что концепт «власть» построен на объектно-субъектных отношениях: человек, который осуществляет власть, и человек, который подчиняется власти. Последний чувствует себя несвободным, отсюда возникает негативное отношение к власти.

Власть часто ассоциируется с чем-то тайным, отчуждённым и скрытым от глаз других людей. Такая власть тайна, далека от народа, поэтому в сознании человека лексема «власть» часто несет отрицательную коннотацию. На негативное отношение к власти указывают и афоризмы: *Власть одного человека над другим губит прежде всего властвующего* (Л. Н. Толстой); *Властвуя над другими, человек утрачивает свою собственную свободу* (Ф. Бэкон).

Однако словосочетания *«перехват власти», «борется за власть», «держать власть зубами», «жаждет власти», «мечтать о власти», «претендовать на власть» и др.* позволяют сказать о том, что люди, какова бы ни была власть, стремятся к ней. Противоречивое отношение к власти показывают словосочетания *«власть манит», «чары власти», «власть восхищает»,* но *«власть пугает», «власть настораживает», «власть разочаровывает»* [Шейгал 2004: 103].

В сознании власть представляется как нечто, имеющее временные рамки. На это указывают словосочетания *«стабильность власти», «падение власти», «ускользающая власть» и др.* [Шейгал 2004: 103]. Результаты проведенного Е. И. Шейгалом эксперимента помогают сделать вывод о том, что с концептом «власть» тесно связаны понятия *«порядок», «правление», «повиновение», «парламент», «правительство», «закон», «государство», «царь», «президент» и др.* [Шейгал 2004: 108].

Мы можем сделать вывод о том, что в ядро концепта «власть» входит ключевое слово, именующее концепт, – «власть», все однокоренные лексеме «власть» лексемы, представленные в «Словообразовательном словаре русского языка» под ред. А. Н. Тихонова. В ближнюю и дальнюю периферию концепта «власть» входят представленные выше синонимы, идионимы, эпитеты и метафорические образы.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Евгеньева, А. П. Малый академический словарь / А. П. Евгеньева. – Москва : Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. – 78964 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова – Москва : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. – 973 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва, 1997. – 944 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : около 100 000 слов / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2013. – 799 с.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 328 с.

Н. С. Редькина, Ю. А. Южакова
(г. Рязань, Россия)

ФРАЗЕОМАТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ «ЦВЕТ» И «МИНЕРАЛ»

Аннотация. Рассматриваются устойчивые сочетания нефразеологического характера (фразеоматические сочетания) с компонентом, представляющим собой цвет и минерал (драгоценный / полудрагоценный камень). В основе анализа корпуса фразеологизмов лежат семантический, грамматический, лингвокультурный, стилистический аспекты.

Ключевые слова: фразеоматические сочетания, языковая картина мира, концепт, цвет, минерал, семантика, коннотация.

В русском языке есть словосочетания, которые не отличаются структурно-семантической устойчивостью на фразеологическом уровне и рассматриваются лингвистами как устойчивые сочетания нефразеологического характера. Исследователи по-разному выявляли и трактовали такие словосочетания. Пестрота языкового материала, подвергающегося лингвистическому анализу, постоянный процесс развития сочетаний данного типа вместе с обретением, обновлением или утратой характеристик устойчивости позволяют сгруппировать (определить) их как фразеологические сочетания (В. В. Виноградов), традиционные сочетания (А. И. Смирницкий), фразеоматические сочетания (А. В. Кунин), составные термины (В. П. Жуков) и другие. Целостность подобных сочетаний несомненна.

Предметом нашего рассмотрения стало лексико-семантическое поле фразеоматических сочетаний с компонентами, одновременно содержащими элементы цвета и минерала, а именно: в составе каждого

рассматриваемого оборота обязательный элемент – минерал (драгоценный / полудрагоценный камень), будь то имя существительное или имя прилагательное, и лексема, семантически или этимологически связанная с идеей цвета. При этом основное лексико-семантическое значение, прямое или метафорическое, всего оборота способно передавать или соотноситься с цветом.

Материалом статьи является картотека из более чем 100 фразеоматических сочетаний, собранная методом сплошной выборки. В качестве источников языкового материала были привлечены современные фразеологические и энциклопедические словари, каталоги цветов из разных областей профессионального знания, каталоги драгоценных камней и минералов, а также предложенный авторами монографии по русской колоративной лексике «Каталог названий цвета в русском языке» [Василевич: электронный ресурс].

Исследование корпуса русской фразеологии с компонентами «цвет» и «минерал» («драгоценный камень») предполагает их классифицирование по различным признакам. За основу в работе были взяты семантический, грамматический, стилистический (эмоционально-экспрессивный) и лингвокультурный критерии.

Цвет – одно из уникальных и универсальных явлений каждой культуры, своеобразный культурный код. При этом категория цвета имеет двусторонний характер, связанный как с физическим восприятием оттенков цвета, так и целым комплексом ассоциаций, которые воплощаются в разнообразных смыслах, контекстах и коннотациях. Как отмечает Н. Н. Козлова, «высокая частотность употребления лексики цветообозначения, ее явная национально-культурная семантика и значимость для конструирования фрагмента языковой картины мира привлекает внимание различных исследователей» [Козлова 2010: 86]. Концептуальность категории цвета влияет не только на сам цветовой образ, но и на символизацию его применения в различных сферах деятельности.

Переосмыслению подвергаются в основном названия драгоценных (полудрагоценных) камней. В подборке оказались устойчивые обороты с включенными в состав следующими наименованиями минералов: *александрит*, *алмаз*, *аметист*, *берилл*, *бирюза*, *гранат*, *жадеит*, *жемчуг*, *изумруд*, *кварц*, *кварцит*, *коралл*, *корунд*, *лунный камень*, *малахит*, *нефрит*, *оникс*, *опал*, *перламутр* (не является камнем, но состав у него такой же, как у драгоценного жемчуга), *родонит*, *рубин*, *сапфир*, *сердолик*, *смарагд*, *топаз*, *флюорит*, *хрусталь*, *янтарь*. К каждому из представленных камней можно применить семантику цвета минерала (*цвета жемчуга*, *цвета рубина*, *цвета бирюзы*, *цвета граната* и т.п.) и семантику привычного нам цветообозначения. Проиллюстрируем эту мысль при помощи словарей:

- гранат (лат. granatum) преимущ. темно-красный, иногда красновато-зеленый или почти черный; кроваво-красный, с синим отливом;
- изумруд (перс. zumurrud; устар. смарагд от греч. smaragdos) густой зеленый цвет, часто ярко-зеленый;
- коралл (греч. corallion) ярко-розовый, розовый или белый; розово-оранжевый;
- малахит (греч. malache) ярко-зеленый с оттенками; по яркости зелени разных оттенков и пригожести узора (Даль);
- бирюза (перс. piroza) зеленовато-голубой, небесно-голубой;
- нефрит (греч. nephros) зеленый, серовато-белый или белый; молочно-белый или чаще зеленоватый;
- опал (лат. opalus) с радужной игрой цветов; млечной белизны, с огнистым, радужным отливом;
- рубин (итал. rubino; устар. яхонт от греч. hyakinthos) от розового до густо-красного цвета; темно-красный; темно-розовый, багряный;
- сапфир (греч. sappheiros из др.-евр.; устар. яхонт) синий или голубой; синего или зеленого цвета (Ушаков); темно-синий;
- янтарь (литов. gintãras, латыш. dzintars) от бледно-воскового до темно-красного; желтый или желто-бурый; темно-желтый, медовый; прозрачно-желтый;
- жемчуг (ст.-турецк. jencu; тюрк., где переоформл. из кит.) белый, желтый или черный с разнообразными переливами и оттенками;
- берилл (греч. beryllus) зеленый, желтовато-белый, серый; зеленовато-голубоватый; цвета морской воды;
- кварц (нем. Quarz) бесцветный в чистом виде, или белой окраски, меняет название в зависимости от разновидности: бесцветный – горный хрусталь, фиолетовый – аметист, дымчатый – раухтопаз, черный – морион, золотистый – цитрин и др.;
- топаз (греч. topazos) различной окраски; с кристаллами винно-желтого, голубого, розового и других цветов или бесцветными;
- александрит меняет окраску от темной сине-зеленой, голубовато-зеленой, изумрудной, оливково-зеленой (при естественном освещении) до розово-малиновой, темно-красной, красно-фиолетовой и пурпурной (при искусственном освещении);
- оникс (греч. onyx) коричневый с белыми и чёрными узорами, красно-коричневый, коричнево-жёлтый, медовый, белый с желтоватыми или розоватыми прослоями;
- сердолик (греч. sardonyx) розовый, красный, оранжевый, желто-оранжевый; мясного цвета (Даль);
- флюорит (лат. fluere) фиолетовый, зеленый, желтый и др. цвета;

- родонит (греч. rfiodon) розово-зернистый с черными прожилками;
- аметист (греч. amethystos) фиолетовый или голубовато-фиолетовый; сине-алый разных оттенков; синий или фиолетовый. И некоторые другие.

Как мы видим, цветовая палитра представленных минералов, как и цветов, которые они называют, довольно многообразна.

Лингвистические исследования в области формирования словарного состава любого языка, а также способность слова передавать богатейшие смысловые нюансы показывают, что исторически почти любая лексема, прямо не относящаяся к цвету, но способная дать определенную цветовую характеристику, может изменить семантику и получить возможность называть цвет. Такое словотворчество продуктивно представлено в так называемых составных терминах цвета, образованных от наименований предметов. В нашем случае, это именные словосочетания (прилаг. + сущ; сущ. + сущ. и др.), которые включают в себя:

– название минерала в сочетании с колоративным прилагательным: *зелёный кварц*, *коричнево-жёлтый топаз*, *красный жадеит*, *малиновый кварцит*, *розовый жемчуг*, *розовый кварц*, *серый жемчуг*, *серый нефрит*, *синий хрусталь*, *чёрный жемчуг*, *чёрный оникс*, *чёрный янтарь*, *чёрная раковина*;

– название минерала в сочетании с прилагательным, выражающим дополнительный оттенок цвета: *бледный корунд*, *дымчатый берилл*, *молочный жемчуг*, *пыльная бирюза*, *светлый александрит*, *тёмный александрит*, *тёмный янтарь*;

– название минерала с качественным прилагательным: *молодая бирюза*, *молодой коралл*, *молодой нефрит*, *тёплый жемчуг*;

– название минерала с прилагательным, связанным с географическими объектами: *казахстанский малахит*, *исландский коралл*, *крымский сердолик*;

– существительное, называющее объекты и явления природы с прилагательным, обозначающим минерал: *аметистовая ночь*, *жемчужная пашня*, *изумрудные сумерки*, *изумрудный гейзер*, *изумрудный лёд*, *коралловая дымка*, *коралловое утро*, *коралловые рифы*, *перламутровая раковина*, *малахитовая ящерица*, *малахитовый грот*, *смарагдовый сомик*, *янтарная галька*;

– абстрактное существительное с прилагательным, обозначающим минерал: *смарагдовый акцент*, *изумрудная дымка*, *коралловая дымка*, *малахитовый каприз*, *нефритовая нега*, *смарагдовое очарование*, *бирюзовая свежесть*, *гранатовое торжество*, *бирюзовая элегия*, *бирюзовая пастель*;

– название минерала с существительным-антропонимом: *рубин Моголов*, *нефрит Клеопатры*, *изумруд Нефертити*;

– наименование минерала с абстрактным существительным: *шёпот бирюзы* (1 пример);

– описательные обороты: *нефритовая зелень средиземноморской сосны, песок коралловых рифов, предпасхальная бирюза московского неба.*

Словосочетания подобного типа привлекают более детальным описанием цвета и, как следствие, усложнением семантики с некоторым налетом возвышенности. Так, цвет *жемчужного вальса* – перламутрово-белый с серебристо-розовым оттенком вместе со значение создает настроение, связанное с праздником; фразеоматические сочетания *императорский малахит* (насыщенно-малахитовый), *королевский нефрит* (светлый нефрит), *царский малахит* (черно-зеленый малахит) не просто уточняют оттенок минерала, но и навевают ностальгию; обороты *дворцовый родонит* (темный, пурпурно-красный), *изысканный смарагд* (светлый желтовато-нефритовый), *благородный смарагд* (яркий оттенок зеленого), *изумрудный шартрез* (искрящийся темно-зеленый) придают налет аристократичности; в устойчивых словосочетаниях *хрустальный лес* (серебристо-изумрудный), *таинственный флюорит* (грязновато-фиалковый), *изумрудные сумерки* (бархатисто-зеленый), *коралловое утро* (пастельный морковно-розовый), *изумрудный гейзер* (цвет сверкающих на солнце зеленых брызг воды) чувствуется аура поэтичности.

Мы понимаем, что основное назначение терминов цвета, передавать как можно больше цветовых оттенков. Тем не менее смысловая структура целостного фразеологического значения неотделима от стилистического аспекта и учитывает параметры функционального описания. Коннотативное значение описываемых оборотов накладывается на привычную цветовую терминологию и определяется совокупностью эмоционально-экспрессивного и стилевого компонентов. Настоятельная потребность не просто в именовании цвета, а привлечении внимания к нему работает на так называемую рекламную функцию. Непосредственные переживания как способ отношения человека к окружающему миру воплощаются в названиях, непосредственно связанных с эмоциями: *сентиментальная бирюза, смарагдовое очарование, гранатовое торжество, теплый жемчуг*. Повышенная экспрессивность свойственна сочетаниям, в которых предмет, имеющий конкретную окраску, наделяется дополнительным выразительным признаком, или же сочетаниям с абстрактными существительными, которые усиливают эффект образности. Оценочный компонент (свойствен всем фразеоматическим сочетаниям) традиционно относится к положительным сторонам стилистической коннотации.

Фразеоматические сочетания способы транслировать культурные представления этноса и через систему устойчивых эталонных сравне-

ний, которые способны через передаваемые ими образы демонстрировать особенности внешности, характера или интеллекта человека, или отображать конкретные, индивидуальные признаки предметов и явлений действительности.

Выступая в качестве слова-сопроводителя лексемы позволяют не просто расширить круг компаративных устойчивых оборотов, но и детализировать их семантику. Приведем для примера несколько подобных языковых единиц: черный – с блеском, в основном о глазах человека (*как агат*); сверкать, блестеть, гореть – о предмете (*как алмаз*); блестящие и ровные, блестеть – о зубах человека (*как жемчуг*); чистый, прозрачный – о воде (*как хрусталь*); желтый, прозрачный, чистый – о жидкости, веществе или предмете (*как янтарь*). Как видим, семантика компаративов напрямую связана либо с характеристиками минерала, либо его цветом.

Расширение семантики отмечается нами так называемых наименованиях празднований годовщины со дня свадьбы. Наш научный интерес обусловлен процессами фразеологизации устойчивых сочетаний, входящих в тематическую группу «свадьба» с условно детализированной номинацией «драгоценные». Словари фразеологизмов выделяют лишь один подобный оборот, ограничивая его актуальность пометой устар., – *алмазная свадьба*. Многочисленные интернет-источники сообщают, что, начиная со дня заключения брака и заканчивая 100-летним юбилеем, практически каждый прожитый супругами год имеет свое имя, символику и значение. Культуроспецифичность, историчность словосочетаний вызывает определенные споры в научных кругах и не является предметом нашего рассмотрения. Отнесём это к культурным кодам современной языковой картины мира и отдадим дань массовой культуре, способствующей появлению подобных оборотов. Тем не менее определенная устойчивость значений не вызывает сомнений.

В список «драгоценных» свадеб вошли 20 оборотов. На семантику новообразований влияют характеристики минерала: степень его твердости, прозрачности; цвет и признанная красота драгоценного камня; и их метафорическое переосмысление. На значении сказывается древние верования народов в магическую силу и свойства камня. Так, хрусталь хрупок и прозрачен, поэтому отношения еще уязвимы и требуют бережного и уважительного отношения (*хрустальная свадьба*); таинственный и уникальный агат способен, как и семейная пара открывать со временем друг в друге новые стороны (*агатовая свадьба*); берилл считается камнем душевного равновесия, хранителем домашнего очага (*берилловая свадьба*), нефрит оберегает от неудач и несчастий (*нефритовая свадьба*), топаз защищает от болезней и напоминает о супружеской нежности, которую пора возродить (*топазовая свадьба*); гранат – символ плодородия и изобилия, помогает разбудить слегка

остывшие со временем чувства (*гранатовая свадьба*), вместе с тем и коралл, способный расти до бесконечности, говорит о том, что семья увеличивается благодаря детям и внукам (*коралловая свадьба*); бирюза как символ любви и верности помогает не только справиться с трудностями и кризисами, но и вновь почувствовать вкус забытой романтики, бирюзовая свадьба представляется своеобразным семейным совершеннолетием (*бирюзовая свадьба*); жемчуг совершенствует со временем форму (*жемчужная свадьба*), сапфир как камень чистоты души характеризует нерушимые и крепкие узы в браке (*сапфировая свадьба*), аметист и опал олицетворяют верность, любовь и супружескую прочность отношений (*аметистовая свадьба, опаловая свадьба*); рубин, изумруд, бриллиант и алмаз – камни невероятной красоты, ценности и прочности, поэтому также стали символами дней празднования годовщин свадеб (*рубиновая свадьба, изумрудная свадьба, бриллиантовая свадьба, алмазная свадьба*).

Изобразительно-выразительные качества устойчивых оборотов нефразеологического характера нисколько не ограничивают их функциональных возможностей и зачастую могут порождать экспрессивность как по отдельности, так и в комбинациях. Составные термины цвета могут отличаться экспрессивной функцией, что делает их потенциально привлекательными в рекламной сфере.

Семантико-стилистический анализ фразеологизмов с компонентами, одновременно содержащими элементы цвета и минерала, наглядно показал, что одним из главных признаков таких сочетаний может быть названа их развивающаяся метафоричность, или образность, подкрепленная, а часто увеличенная за счет дополнительного коннотативного аспекта и усложненная различными ассоциативными реалиями. Рассмотрев лингвокультурные особенности фразеологизмов, есть все основания говорить о фразеологической картине мира как неотъемлемой составляющей многогранной языковой картины мира.

Библиографический список

1. Василевич, А. П. Каталог названий цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. С. Мищенко, С. Н. Кузнецова. – URL: https://compuart.ru/article/9182 (дата обращения: 07.03.2020).

2. Козлова, Н. Н. Цветовая картина мира в языке / Н. Н. Козлова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического ун-та. – 2010. – № 3 (32). – С. 82–88.

А. М. Решетарова
(г. Горловка)

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Описаны процессы, происходящие в языке и отражающиеся в зеркале современных средств массовой информации. Такие наблюдения необходимы для полноценного описания коммуникативной личности, порождающей юмористический дискурс, так как важно понимать, под влиянием каких процессов происходит формирование данного типа личности.

Ключевые слова: юмористический дискурс, юмористическая коммуникация, карнавализация, театрализация, фоновые знания.

Изучая вопросы юмористического дискурса с позиций теорий языковой коммуникации, следует помнить об изменяющихся условиях коммуникации. Современный человек, живущий в век информационных технологий и усложняющихся систем коммуникации, вынужден обрабатывать терабайты всевозможных фактов в максимально сжатые сроки. Вследствие такого усложнения и ускорения возникает необходимость выработки специальных универсальных алгоритмов фильтрации поступающих данных.

Л. В. Прокопович предлагает исследовать коммуникацию сквозь призму *театральности* [Прокопович 2017, 2018, 2019]. Подход, в рамках которого «исследуемые коммуникативные процессы и явления описываются театральными терминами» давно прижился в общественно-политическом и военно-политическом дискурсе (например, «политический театр», «марионеточный режим», «закулисные игры», «театр военных действий»), а также в социологии и психологии (теория социальных ролей или масок, концепция сценарного программирования Эрика Берна) [Прокопович 2018: 142]. Автор видит в театрализации «повседневного бытия условие формирования новых культурных практик» [Прокопович, Розова 2018: 99] и «инструмент, позволяющий «переключиться» на новую форму восприятия и, соответственно, интерпретации» [Прокопович 2018: 142].

В современных исследованиях наметилась тенденция рассматривать театрализацию как превращение чего бы то ни было в театр, т.е. перенос театральных атрибутов – элементов игры, ролей, драматургии и др. – в нетеатральные сферы человеческой деятельности. Чаще всего театрализацию жизни исследуют как феномен культуры [см., напр., Бувалец 2013]. Очевидно, что это понятие вышло за рамки узкого исследовательского поля и всё чаще встречается в научных работах, не относящихся ни к театру, ни к литературе.

Некоторые учёные [см., напр., Евреинов 2003; Баканурский 2015] объясняют стремление к театрализации жизни попытками выйти из границ монотонной однообразной жизни, разрушить шаблонные рамки и примерить на себя чужие роли. Проявление же игры как карнавала (по М. М. Бахтину) связанно напрямую с коммуникацией, ведь театр, по своей сути, это акт трансляции информации (от драматурга к актёру, а от актёра к зрителю). Таким образом, театрализации может подвергаться коммуникация любого уровня: межличностная, социальная, культурная и межкультурная, художественная, профессиональная и т.д. А это, в свою очередь, подтверждает, что игровое начало свойственно природе человека, и позволяет думать, что данная форма коммуникации является наиболее эффективной [Бувалец 2013; Давыдов 2007; Прокопович 2017; Тазетдинова 2013].

М. М. Бахтин, детально проработав народно-смеховую культуру эпохи Средневековья, оказал значительное влияние на развитие теории смеха в целом. В частности, учёный приходит к следующим выводам: народно-смеховая культура подчиняется своим собственным законам и противостоит официальному порядку, в то же время, способствуя его сохранению; смех выступает как форма оценки и как форма равенства (уравнивания) [Бахтин 1990]. Согласно М. М. Бахтину, именно во время народных празднеств, в смеховой атмосфере карнавала ярко проявлялся социально и профессионально направленный комизм: осмеянию подвергались те, кто в повседневной жизни занимали высокое положение в социальной иерархии: «на карнавале все считались равными» [Там же: 15]. Смех противопоставляется серьёзности как авторитарность, догматичность, закрытость для диалога и других точек зрения противопоставляются дискуссии, диалогу, различным переменам и развитию. Следует также обратить внимание на то, что в рамках своей теории карнавала учёный рассматривает смеховое мироощущение как одну из доминантных особенностей мышления и представлений человека, базовой формой которых является карнавал, в котором «нет ни сцены, ни актёров, ни зрителей» [Там же]. Карнавал создаёт условия для некоего единения и контакта определённой группы людей, которые взаимодействуют в конкретное время и в конкретном месте. Игровая составляющая становится основным мотивом поведения людей во время карнавала: зрители становятся участниками и начинают играть, перевоплощаясь в исполнителей [Там же].

Центральное место в карнавале занимает карнавальная личность человека, который развлекает других. Г. А. Пастушук относит в эту категорию шутов, мимов, артистов, клоунов и т.д. – всех тех, кто «с древнейших времён служил прославлению Глупостей и Безумия», тех, кто создаёт смешное [Пастушук 2012: 49]. Глупость противопоставляется Безумию, а основная функция глупости видится в веселье,

возможности забыть о проблемах, пошутить и подурачиться. Другими словами, карнавал даёт человеку возможность общаться с миром через смех – т.е. на эмоциональном уровне.

А. Д. Белова, описывая современное коммуникативное пространство, также указывает на существование человека в плоскости комического, смехового [Белова 2013: 36]. Выходит, что современный человек находится в центре карнавала, который превратился в постоянный процесс его существования, а мир вокруг него стал зрелищным и приобрёл черты театральности в огромном многообразии коммуникативных проявлений людей.

Выдающийся итальянский учёный У. Эко, описывая современное общество, тоже подчёркивает, что мы буквально «тонем в тотальной карнавализации» [Эко 2007: 141].

Человек смеётся в театре, шутит и дурачится в цирке и на эстраде. Телевидение предлагает всё новые и новые развлекательные программы и ток-шоу. Карнавал отвоёвывает пространство в СМИ, в Интернете, на работе и дома, превращаясь в тип и способ мышления человека, экспансируя своё влияние, как на профессиональную, так и на непрофессиональную сферы жизнедеятельности человека. Представляется, что фундаментом карнавализации выступает смеховое восприятие человеком современной реальности, возникающее в связи с острым желанием встряхнуть «скучную» официальную культуру. Отсюда – юмор и шутки в офисе, в политических выступлениях и экономических прогнозах. Ведь «юмор может иметь место буквально в любой ситуации общения. Социальный контекст юмора – это контекст игры» [Мартин 2009: 25].

Так, подводя итоги краткого обзора литературы об изменяющихся условиях коммуникации, приходим к выводу, что современное общение наполнено карнавальной энергией, способствующей формированию условий для самореализации личности, её коммуникативных навыков и умений поведения в стрессовых ситуациях. Эта энергия даёт человеку возможность перевоплотиться в шутника (трикстера), от которого ожидается соответствующее шутовское (трикстерское) поведение и которому позволительно говорить несерьёзно о серьёзном.

Возможность говорить несерьёзно о серьёзных проблемах общества достигается путём привлечения определённых трансформаций в литературной норме языка. В этом смысле продуктивным видится обращение к выводам В. Г. Костомарова о «живых процессах, наблюдаемых в русском литературном языке наших дней», изложенным в книге «Языковой вкус эпохи». Учёный считает, что для «характеристики этих весьма бурно развёртывающихся процессов подходит термин «либерализация», ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся

чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определённой и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным» [Костомаров 1999: 5].

Автор замечает у современных «пишуших и говорящих» некоторое «вкусовое безразличие», «сознательную нормативно-языковую недисциплинированность» и «подчёркнутое, можно сказать карнавальное пренебрежение нормой». В. Г. Костомаров обращает внимание на то, что «инициаторами более свободного обращения с языком выступают сейчас как раз достаточно грамотные люди – журналисты и иные профессионалы пера и что они называют «раскрепощением языка» то, в чём интеллигенция старшего поколения видит «варваризацию» или «вандализацию» [Костомаров 1999: 10–11].

Под термином «вкус», по мнению В. Г. Костомарова, скрывается «способность к оценке, понимание правильного и красивого; это пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе речевом. Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке. Эти установки определяют то или иное ценностное отношение человека к языку, способность интуитивно оценивать правильность, уместность, эстетичность речевого выражения. <…> Вкус отражает в своём развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории (недаром говорят о вкусах общества и эпохи). <…> Самоё же чутьё языка есть своеобразная система бессознательных оценок, отображающая системность языка в речи и общественные языковые идеалы» [Костомаров 1999: 29–30]. Чутьё языка подготавливает почву для всеобъемлющей оценки, принятия/неприятия определённых языковых тенденций, определённых наслоений лексики, для оценивания тех или иных стилистических вариантов (или функционально-стилевых разновидностей языка) как уместных / неуместных, приемлемых / неприемлемых в сложившихся условиях и для реализации поставленных целей.

Вкус имеет тенденцию встраиваться в изменяющийся характер использования языка соответственно времени и историческому развитию общества, иными словами, следовать моде. Для современного этапа, согласно В. Г. Костомарову, характерно «стремление к обновлению примелькавшихся средств и приёмов выражения» [Костомаров 1999: 33]. В этом смысле вполне объяснима, например, небывалая популярность слова *вкусный* в негастрономических контекстах – вкусной оказывается причёска (причём как окрашивание, так и стрижка / укладка – т.е. оценивается работа мастера), маникюр, смешивание стилей и текстур в одежде и интерьере помещений, оформление мероприятий

и торжеств. При наличии в русском языке нормативных форм передачи положительной оценки с использованием данного понятия в негастрономических контекстах (например, *одеваться / стричься со вкусом*; *иметь хороший вкус* и др.), вероятно, явление *вкусного доклада* или *вкусного костюма* можно расценивать, либо как то самое «свободное обращение с языком», о котором говорит В. Г. Костомаров, либо как игровое и модное «обновление примелькавшихся средств и приёмов выражения».

Американский профессор филологии, Е. Д. Хирш, в своей монографии «Cultural Literacy. What Every American Needs to Know» увязывал культурную грамотность американцев с социально-экономическими и политическими процессами в США. Общий упадок уровня грамотности молодого поколения, отмеченный в исследованиях американских журналистов, зафиксировавших парадоксальное невежество детей (например, считающих, что в Латинской Америке люди говорят по-латински) стало отправной точкой для разработки Е. Д. Хиршем его учения. Культурная грамотность, согласно исследователю, это «владение неким знанием – концептом всей цивилизации, традиционно-национальными сведениями и оценками как символами, общими для всех образованных среднестатистических американцев». Это важное и само по себе знание, имеет ещё большее значение в качестве инструмента, облегчающего понимание текста. Ведь чтобы осознать содержание текста необходимо знать гораздо больше, чем просто значения составляющих его слов, для адекватного восприятия смысла нужны фоновые знания [Hirsch 1987: 146–215].

Фоновые культурные знания являются залогом успеха в распознании смыслов не только «полезных» образовательных текстов, но и юмористических текстов. Более того, в отличие от других проявлений смешного, юмор предполагает значительную умственную деятельность и, следовательно, наличие достаточного уровня интеллекта и культуры мышления человека. Современный юмор насыщен «пищей для ума», так как основу его могут составлять всевозможные аллюзии, каламбуры и игра слов. Он чаще всего носит не развлекательный характер, а используется для привлечения внимания к социальным проблемам общества.

Суммируя вышеизложенное, отметим, что юмористический дискурс, будучи «чрезвычайно чувствительным к изменениям в среде его функционирования», может «характеризоваться подвижностью категориальных свойств, значительной степенью зависящих от типа и специфики» [Артёмова 2002: 18] дискурса. Иными словами, юмористический дискурс ассимилирует свойства смежных типов в изменяющихся (склонных к игре) условиях коммуникации, под воздействием театрализации или карнавализации общества и, как следствие, либерализации

языка, позволяющей, в свою очередь, говорить несерьёзно о серьёзном, опираясь на фоновые знания носителя той или иной лингвокультуры. Успешность юморисческого высказывания напрямую связана с эффектом обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания строится на том, что адресат, исходя из своих фоновых знаний и знания законов построения текстов определённого жанра, способен предугадывать ход развития событий в тексте, но они развиваются в кардинально ином ключе. Осознав, что полученный результат резко отличается от ожидаемого, адресат испытывает недоумение или удовольствие от неожиданной развязки, а его психическая энергия не находит другого выхода, кроме как выразить испытываемые эмоции через смех.

Библиографический список

1. Артёмова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. … канд. филол. наук / Е. А. Артёмова. – Волгоград, 2002.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва, 1990.
3. Бєлова, А. Д. Эмоциональная составляющая комментариев в YouTube / А. Д. Бєлова // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи. – Київ, 2013. – С. 33–39.
4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург, 1999.
5. Мартин Р. Психология юмора : пер. с англ. / Р. Мартин. – Санкт-Петербург, 2009.
6. Пастушук, Г. О. Парадокс «мудрої глупоти» як вихідний сатиричний прийом англійської пізньосередньовічної літератури-дурнів / Г. О. Пастушук // Вісник Львівськ. ун-ту. Сер.: Іноземні мови. – 2012. – № 20, вип. 2. – С. 47–57.
7. Прокопович, Л. В. Театрализация социокультурной коммуникации: методологическое обоснование исследовательского подхода / Л. В. Прокопович // ScienceRise. – 2017. – № 7 (36). – С. 29–32.
8. Прокопович, Л. В. Театрализация социокультурных коммуникаций: методологический аспект философского осмысления / Л. В. Прокопович // Дискурс в умовах мінливості соціокультурного простору. – Мелітополь, 2018. – С. 141–143.
9. Прокопович, Л. В. Театрализация структур повседневности в культурных практиках метамодерна / Л. В. Прокопович, Т. В. Розова // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв : наук. журнал. – 2018. – № 3. – С. 98–102.
10. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ : пер. с итал. / У. Эко. – Москва, 2007.
11. Hirsch, E. D. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. With an Appendix What Literate Americans Know [by] E. D. Hirsch, Jr., Joseph Kett, James Trefil / E. D. Hirsch. – Boston, 1987.

Г. Э. Садыралиева
(г. Бишкек, Кыргызстан)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассматривается культурный код в киргизском языке как реализация метафорической модели. Основное внимание уделяется модели метафорического переноса, структура и семантические особенности которого обусловлены характером этноязыкового сознания. Метафора считается способом выражения кода лингвокультуры и представляет собой принцип связи всех элементов реальности в единую картину. Построение целостной картины мира осуществляется за счет механизмов переноса, уподобления и аналогии.

Ключевые слова: лингвокультурология, код, система, культура, метафора, модель, язык, значение.

КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ МАДАНИЙ КОДДУН МЕТАФОРАЛЫК МОДЕЛДЕР АРКЫЛУУ ТУЮНДУРУЛУШУ

Аннотация. Бул макалада кыргыз тилиндеги маданий коддордун метафоралык моделдер аркылуу туюндурулушу талдоого алынат. Структурасы жана семантикалык өзгөчөлүгү улуттук тилдик аң-сезимдик мүнөз менен шартталган метафорага негизделген моделдерге басым жасалат. Метафора бүтүндөй социумга тиешелүү болгондуктан ал лингвомаданияттагы кодду туюндуруу ыкмасы болуп саналат. Ошону менен бирге адам баласын курчап турган дүйнөдөгү бардык элементтердин байланыш принцибин белгилеп турат. Ал эми дүйнөнүн бүтүндөй картинасы түшүнүк аталыштарынын бири-бирине өтүүчүлүгү, окшоштугу аркылуу түзүлөт.

Негизги сөздөр: лингвомаданият, код, система, маданият, метафора, модель, тил, маани.

Маданият – бул тарыхый жактан муундан муунга өткөрүлүп берилүүчү модель. Ал эми ошол маданияттын муундан – муунга сакталып өтүшүндө элдин, улуттун, этникалык коомдун калыптанышында негизги орунда турган тилдин мааниси чоң. Ошондуктан маданият менен тил өз ара өзгөчө карым-катышты түзүп турат. Бул боюнча лингвомаданиятты изилдөөчү, профессор В. Л. Мас-лова тилди маданияттын негизги факторлорунун бири катары көрсөтүп төмөндөгүчө аныктамасын берет:

– тил – ата-бабалардан мурас катары сакталып калган маданияттын маанилүү бөлүгү;

– тил – маданиятты таанып, үйрөнүүчү эң негизги курал болуп саналат [Маслова 2004: 62].

Демек, тил маданияттын маанилүү бөлүгүн түзүү менен анын өнүгүшүндө өзгөчө орунда туруп, адам жан дүйнөсүнүн чындыгын, ички маданияттын күзгүсүн, улуттук менталитеттин мүнөздүү белгилерин аныктап көрсөтөт.

Белгилүү маданият изилдөөчү Э.Кассирер: «Бүтүндөй адам жашоосу символикалык мүнөзгө ээ. Адамдын табияты символдорду жаратуу мүмкүнчүлүктөрү болуп санала. Мифология, дин жана илим өзгөчө маданий-символикалык система» – деп белгилейт [Маслова, Пименова 2016: 6].

Код термини алгач илимий-техникалык метатилде белгилер системасын, символдорду чечмелөөдө колдонулган түшүнүк болсо, азыр гуманитардык илимдерде да кеңири колдонулат.

Код – белгилүү бир маалыматты камтыган модель түрүндө калыптанган өзгөчө структура. Лингвистика илимине код түшүнүгү мазмундук план менен туюнтуу планына шайкеш келип семиотика илиминен кирген.

Код аркылуу белгилердин маанилери аныкталса, колдонуучу ал информацияны өзүнүн маданий компетенциясы жана маданий хронотопторго ылайык өз алдынча чечмелейт.

Белгилүү болгондой, тил сөздүк курамы, тексттери менен маданияттын архиви жана эс-тутуму катары өзгөчө маданий функцияны аткарат. Тил аркылуу муундан-муунга өткөн маалымат, тажрыйба руханий жана материалдык маданиятка айланат.

Кандай гана коммуникация болбосун бирдиктүү жазуу системасынан, маалыматты сактоо жана берүү ыкмасынан турган белгилик система жана код аркылуу ишке ашат. Ошол эле учурда пикир алышууда тилдик каражаттар аркылуу туюндурулган логикалык ой бир нерсени экинчи нерсеге окшошуруунун негизинде башка бир атоолор колдонулат, жаңы лексикалык маанилер жаралат. Тилдеги бул көрүнүш *метафора* деп аталат.

Турмушта жаңы пайда болгон тигил же бул нерсенин, кубулуштун өзүнөн мурда белгилүү болуп жүргөн кандайдыр бир нерсе, кубулуш менен өңү-түсү, формасы, сапаты, функциясы ж.б. жактары боюнча жалпы бир окшоштугу болуп калат. Мунун натыйжасында алардын эски аталышы жаңысына өтөт да мааниси кеңейет [Абдулдаев 1998: 151].

Азыркы илимде интеллектуалдык жөндөмдүүлүктөрдүн, чыгармачылыктын жана образдуу ой жүгүртүүнүн өнүгүшү түздөн-түз метафоралык ой жүгүртүдөн көз каранды экендигин далилденип келет. Когнитивдик процесстин жүрүшүндө автор өзүнүн узак мезгилдеги эс-тутумунун бөлүктөрүн изилдейт, эки референтти табат (көбүнчө логикалык жактан шайкеш келбейт), ал экөөнүн ортосунда маанилик карым-катышты байкап, метафораны жаратат [Садыралиева 2019: 153].

Метафора бүтүндөй социумга тиешелүү болгондуктан лингвомаданияттагы кодду туюндуруу ыкмасы болуп саналат.

Метафора маселеси изилдөөчүлөрдү көптөгөн мезгилдерден бери кызыктырып, бир катар илимий-иликтөөлөр жүргүзүлгөн. Байыркы

убактардагы философ Платондун мезгилинен 20-кылымдын алтымышынчы жылдарына чейин философия жана лингвистика илимдеринде метафора орнаменттик жана риторикалык функцияны аткарган кеп фигуарсы, б.,а стилистикалык каражат же көркөм ыкма катары каралган. Ал эми кийинки он жылдыкта метафоранын онтологиясын изилдөө маселеси актуалдуу боло баштады. Алсак, Н. Д. Арутюнова, В. В. Колесов, В. Н. Телия, Дж. Лакофф ж.б. сыяктуу изилдөөчүлөрдүн эмгектеринде метафора маселеси терең жана ар тараптан изилдөөгө алынган. Бул эмгектерде метафоранын эпифоралык жана диафоралык деген эки башталышы көрсөтүлөт. Эпифоралык башталышта жаңы маанин жаралышына өбөлгө түзүлсө, диафоралык башталышта ал маани калыптанат [Маслова, Пименова 2016: 31].

Метафоранын пайда болушу менен элдин күнүмдүк турмушунда колдонулган тилге гана өзгөрүү киргизбестен, ошол эле учурда дүйнө таануу ыкмаларын да өзгөртөт, б.а., метафора маданий эволюцияда өзүнчө орду бар тилдик кубулуш.

Жогоруда белгиленген диафоралык метафоралар (кээ бир адабияттарда *уңгулук, фундаменталдык, базалык* деп берилет) лингвомаданияттык код системасын жаратып, адамдын ой-жүгүртүүсүн, кабыл алуусун, иш-аракетин бир структурага келтирет. Мындай метафоралар лингвомаданияттын коду болуу менен бирге маданий маалыматты чагылдыруу жана сактоо функциясын аткарып, мезгилдик жана мейкиндик ченемге ээ болот.

Мейкиндик ченеми боюнча метафора эки типке бөлүнөт: этномаданияттык жана локалдык метфоралар. Этномаданияттык метафоралар дүйнөнүн улуттук моделин түзүп, көнүмүш болуп калган мүнөзгө ээ. Локалдык метафоралар конкреттүү билимдердин тармагында пайда болуп, адамдын белгилүү бир ишмердүүлүгүнө тиешелүү болот. Алсак, музыкалык, илимий, диний ж.б. түшүнүктөргө байланыштуу метафоралар жаңы маалыматты интерпретациялоого мүмкүнчүлүк берет.

Адамдын түшүнүк системасы өзгөчө метафоралык мүнөзгө ээ болсо, ой-жүгүртүүсү, күнүмдүк жүрүм-туруму, жашоосу да метафора менен тыгыз байланышат.

Ар бир маданиятта ассоциациялык комплексти түзгөн классификациялык жана квантификатордук чынжырча метафоралык образды түзүп турат. Пикир алышуучулар тиешелүү жагдайларда кандайдыр бир сөз же сөз айкашын башка бир несенин касиетине, өзгөчөлүгүнө окшошотуруп айтышат. Алсак, кыргыз тилинде төмөнкүдөй метафоралык чынжырчаны көрүүгө болот: жаныбар → адам: *эшектей иштөө*; музыка → соматика: *жүрөктүн кылын чертип*; табият кубулуштары → адам: *кабагына кар жаады*, *жүрөгүнө муз тоңду, көңүлү жибиди*; өсүмдүк → адам: *он гүлүнүн бири ачыла элек*,

шагы сынды; жаратылыш → адам: *адам көлү, кырктын кырына чыгуу*; куш →адам: *көңүлүнө канат байланды*;

Сын атоочтук метафоралар: *ачуу сөз, таттуу кыял, кара мүртөз, ак дил, ак ниет, ак жол, каражолтой, бал тил, ысык сезим, муздак мамиле, жылуу мамиле, салкын мамиле, бийик адам, паз адам, сасык адам*.

Этиштик метафоралар: *сынып калуу, муздап калуу, семирүү, соолуп калуу, башып кетүү, саргаруу, каралоо, актоо, көгөрүү*.

Кыргыз тилиндеги когнитивдик метафоранын төмөнкүдөй моделдерин көрсөтүүгө болот:

1. зат атооч сөздөрдүн метафоралык маанидеги моделдери:

– формасы жагынан окшоштугу: ***кулак***: ж. угуу органы → казандын ж.б.нерселердин кармоого ылайыкталып жасалган жери;

– жайгашкан орду жагынан окшоштугу: ***чоку***: баштын төбөсү→ бир нерсенин (тоонун) бүткөн жери;

– кыймыл аракет жагынан окшоштугу: ***чөгүү***: сууга чөгүп кетүү → өтө кайгыруу;

– функциясы жагынан окшоштугу: ***кол***: адамдын дене бөлүгү → жакшы жардамчы;

– өң-түс жагынан окшоштугу: ***акак***: акак таш→ акак тиш;

– сапаттык жагынан окшоштугу: ***алтын***: алтын саат → алтын кол;

2. сапаттык сын атооч сөздөрдүн метафоралык маанидеги моделдери:

– адам – механизм: ***чыдамдуу*** адам → чыдамдуу отургуч;

– мейкиндик – мезгил: ***узун***: узун жол →узун күн, **алыскы**: алыскы өлкө →алыскы балалык;

– суу – ички абал: ***терең***: терең көл →терең кайгы;

– нерсе – мамиле: ***жумшак***: жумшак төшөк → жумшак мамиле

– нерсе – окуя: ***чоң***: чоң таш → чоң ийгилик;

3. метонимиялык маанидеги моделдер:

– кыймыл-аракет – кыймыл-аракеттин натыйжасы: чыгаруу →чыгарма;

– кыймыл-аракет – кыймыл-аракеттин орду: чыгуу →чыгыш, кирүү→ кириш;

– материал – материалдан жасалган буюм: алтын, күмүш ж.б.

Концептуалдык изилдөөнүн Петербургудук-Кемеров мектебинде метафоралык моделдери изилдөөгө өзгөчө көңүл бурулат. Ар кандай тилдерде метафоранын *мейкиндик, мезгилдик* жана *маданий* моделдери алгылыктуу болуп саналат [Пименова 2006: 42].

Кыргыз тилинде метафоранын **мейкиндик моделин** төмөнкүлөр түзөт: **орундук**: жүрөгүнд**ө** сактоо, эсинд**е** кармоо, ичинд**е** катуу (унутпоо); **биологиялык**: экономика **өстү (**өнүктү**)**; **геометриялык**:

жолдору кесилишти (жолугушту); **соматикалык**: тоонун чокусу, көчөнүн башы, дубалдын боору, тоонун этеги, жакага көчүп баруу, алкымдагы айыл ж.б.

Мезгилдик моделдеги метафоралардын тобу: көз ирмемдер, Октябрдын таңы, сүйүү жазы, түбөлүк сүйүү ж.б.

Метафоранын **маданий модели** башка түрлөрүнө караганда абдан көп тематикалык топтон турат. Алсак, жаратылыштык, зооморфтук, соматикалык, антропоморфтук, өң-түстүк, мезгилдик, мейкиндик, диний, медициналык, музыкалык, этнографиялык, экологиялык моделдер ж.б. бул моделдердин ар бирине кеңири анализ жүргүзүү менен дүйнөнүн тилдик картинасын көрүүгө болот.

Жыйынтыктап айтканда, метафора – дүйнөдөгү бардык элдердин лингвомаданиятына, тилине кеңири мүнөздүү болгон көрүнүш. Метафора адам баласын курчап турган дүйнөдөгү бардык элементтердин байланыш принцибин белгилеп турат. Ал эми дүйнөнүн бүтүндөй картинасы түшүнүк аталыштарынын бири-бирине өтүүчүлүгү, окшоштугу аркылуу түзүлөт. Кыргыз лингвомаданиятында түшүнүктөр өзүнүн нагыз номинативдик маанисинен метафоралык мааниге өткөндө образдуулукту жаратып, элдин жалпы маданияты, дүйнө таанымы тууралуу маалыматты камтыйт.

Колдонулган адабияттар

1. Абдулдаев, Э. Азыркы кыргыз тили: Фонетика.Орфоэпия. Графика жана орфография. Лексикология жана фразеология. – Бишкек, 1998.

2. Маслова, В. А. Коды лингвкультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – Москва, 2016.

3. Пименова, М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира / М. В. Пименова. – Москва, 2006.

4. Садыралиева, Г. Э. Когнитивная метафора в кыргызском языке // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии / Г. Э. Садыралиева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019.

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ПОБЕДЫ

Ю. А. Васинькина
(г. Пенза, Россия)

ЛИСТОВКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Аннотация. Проведено исследование текстов советских листовок периода Великой Отечественной войны с точки зрения содержания, языковых и графических особенностей.

Ключевые слова: листовка, средства речевой выразительности, слова с коннотативным значением, графические средства.

2020-й год в России объявлен Годом памяти и славы. По всей стране идёт подготовка к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. К сожалению, растёт число псевдоисториков, сомневающихся в том, что Победа была одержана Советской армией. Президент РФ В. В. Путин подчеркнул: «Наш долг – всегда помнить, какой ценой досталась эта победа. И мы никому не позволим перечеркнуть эту героическую страницу истории, будем изобличать любые попытки исказить историю, предать забвению дух союзничества и нашего боевого братства» [https://ria.ru/20200223/1565121055.html].

В последнее время всё чаще лингвисты обращаются к документам и текстам, связанным с этим историческим периодом. В центре внимания исследователей были тексты мемориальных досок [Гурьянова, Родионова 2015; Гурьянова 2016], наградные листы участников Великой Отечественной войны [Родионова 2014], фронтовые письма [Курбангалеева 2017] и т.п.

Одним из малоизученных документов остаются листовки периода Великой Отечественной войны. Листовки – печатные листки с текстом (изображением) агитационно-политического или информационного характера, одно из средств массово-политической агитации [Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия 1985: 410].

Цель нашей работы – рассмотреть особенности советских листовок периода Великой Отечественной войны. Нами было проанализировано 50 листовок.

С первых дней Великой Отечественной войны листовки выполняли функции сообщения и воздействия на моральный настрой противника. В их разработке принимали участие как представители государственных органов (ЦК ВКП(б), ГлавПУ Советской армии), так и отдельные лица (творческий коллектив Кукрыниксы, фотохудожник

А. Житомирский). Распространялись листовки при помощи авиации, подпольщиков и партизан.

Темы агитационных листовок, адресованных немецким солдатам, были различны в зависимости от года их выпуска, так как пропагандисты корректировали характер текста в соответствии с изменениями военно-политической обстановки.

До коренного перелома эти документы эпохи содержали изображения и описания страшных последствий начавшейся войны, призывали немецких солдат отказаться воевать на стороне Гитлера. Они могли использовать советские листовки в качестве пропуска для сдачи в плен, в конце многих листовок сообщалось, что для этого необходимо было согласиться с призывом «*Долой Гитлера!*» Кроме того, на агитационных листах содержались обещания хорошо обращаться с военнопленными: *«Немецкие солдаты! Всем, кто сдастся в плен Красной Армии, обеспечена жизнь, хорошее обращение и возвращение на родину после войны»*.

В листовках начала войны поднимается тема огромных человеческих потерь. Советская агитация подчеркивала смертоносный характер начавшейся бойни, губительной для всех, в том числе и для немецких солдат. Эта мысль на одной из листовок выражена при помощи вопросно-ответной формы, где под числом 2500000 имеется надпись: *«Знаешь, что это число означает? Это число потерь немецкой армии на Восточном фронте»*.

Вспомогательную функцию выполняла графика. Так, авторы листовки на фоне большого количества убитых солдат изобразили шествующего руководителя вермахта, рядом – ироничная надпись: *«Крестовый поход Гитлера»*. Советские листовки стремились доказать немецким солдатам, что война причиняет боль и их родным, поэтому часто на них изображены плачущие дети, испуганные женщины.

Эти документы содержали прямые и косвенные призывы завершить войну, повернуть оружие против гитлеровцев. С этой целью широко использовались восклицательные конструкции, например, *«Выбирай!»* (призыв сделать выбор в пользу перехода на сторону Советской армии), риторические вопросы *«Для чего?»* (демонстрация идеи бессмысленной войны). Последовательно применялся приём противопоставления положения немцев на передовой и в советском плену, например: *«Если будешь следовать приказам Гитлера, ты погибнешь. Если ты сдашься в плен, ты вернёшься домой»*. Авторы листовок включали в текст такие слова, как *семья, дом* и т.п., стремясь пробудить в немецких солдатах человеческие чувства и напомнить им о вечных жизненных ценностях.

На советских листовках Гитлер показан как зачинатель кровопролитной войны. Их авторы разными способами старались показать

немецким солдатам жестокость и самодурство фюрера, призывали увидеть в вожде вермахта виновника многомиллионных человеческих потерь. Одна из листовок призывает: *«Немецкий солдат! Смотри, кто виновен в этой войне! Долой Гитлера и его фашистскую орду!»* На другой листовке с изображением разрушенных зданий, испуганного ребёнка и раненого солдата рядом с портретом Гитлера помещено обличение – *«Он виновник смерти!»*. Другая листовка громко заявляет о том, что Гитлер порождает зло и ему не место в этом мире: *«Смерть вождю, который гонит вас на смерть!»*.

Ненависть к фашистам была велика, и Кукрыниксы уже в 1941 году создали карикатурный образ вождя вермахта в образе обезьяны, сопроводив его текстом: *«Горилла Адольф. Внимание! Бешеная!»* Изображая А. Гитлера в виде бешеного зверя, авторы подчёркивали его агрессию, человеконенавистничество, несдержанность в проявлении страстей. Интересно, что имя Адольф с др.-нем. переводится как «благородный волк», но, к сожалению, в Гитлере проявились лишь черты хищного животного, благородству места не нашлось. Эти же авторы создали листовку, где вождь Третьего рейха изображён в виде топора, над которым расположена надпись *«Слава топору!»*. Образ Гитлера как орудия казни и ироничная похвала иллюстрируют разрушительность его действий. Отметим, что идеи фюрера Германии были бесчеловечными, а приказы – крайне жестокими. Советские листовки, нисколько не искажая реальные факты, отражали суть идеологии фашистов. Функцию воздействия на сознание людей помогали выполнить слова с ярким коннотативным значением: *смерть, война, виновник, страшный* и т.п.

После победоносного шествия Советской армии в текстах листовок стали преобладать сведения о бедственном положении гитлеровцев. Эта мысль могла быть выражена лаконично: *«Отчаянье господствует в германской армии»* или представлена в виде развёрнутого высказывания с использованием статистических данных: *«В течение недели частями Красной армии было уничтожено более 80000 немецких солдат и офицеров и 6500 взяты в плен. Оккупантами было захвачено 780 населенных пунктов»*.

Авторы листовок использовали разнообразные приёмы и средства речевой выразительности с целью разоблачения захватнического характера войны со стороны фашистской Германии, пропаганды идеи капитуляции врага: фразеологизмы (*«пушечное мясо»*), эпитеты (*«бессмысленное кровопролитие»*), антитезы (*«Генералы не умирают, а сдаются в плен»)*, анафоры (*«Как долго вы еще будете игральной костью на полях русских сражений? Как долго еще будут ужасы в жизни ваших родных?»*), синтаксический параллелизм (*«Они пошли дальше и были уничтожены. Они сложили оружие и вернутся домой»*).

Таким образом, советские листовки периода Великой Отечественной войны являлись мощным оружием в борьбе с неприятелем, выполняя важную функцию деморализации вражеских сил. Используя разнообразные языковые и графические средства, авторы листовок воздействовали на противника и заставляли задуматься о прекращении войны.

Наша тема является актуальной, в дальнейшем мы проведём сравнительный анализ текстов советских и немецких листовок периода Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. – Москва : Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.

2. Гурьянова, Л. Б. Своеобразие мемориальных надписей (на материале г. Пензы) / Л. Б. Гурьянова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–26 марта 2016 г.) / под ред. канд. пед. наук. проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 320–325.

3. Гурьянова, Л. Б. Мемориальная эпиграфика как составляющая лингвокультурного пространства российской провинции (на материале Пензенского региона) / Л. Б. Гурьянова, И. Г. Родионова // Жизнь провинции. История и современность : сб. ст. по материалам Всерос. науч. кон. с междунар. участием «Жизнь провинции: история и современность», 19–21 марта 2015. – Нижний Новгород : Книга, 2015. – С. 153–158.

4. Курбангалеева, И. О. Слово войны: анализ текстов фронтовых писем / И. О. Курбангалеева // Великая Отечественная война: правда и вымысел : сб. ст. и воспоминаний. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 136–140.

5. Родионова, И. Г. Особенности описания боевых заслуг женщин-героев Великой Отечественной войны (на материале текстов наградных листов) / И. Г. Родионова // Русский язык: исторические судьбы и современность : V Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.) : тр. и материалы / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 395.

6. URL: https://ria.ru/20200223/1565121055.html

А. А. Володина
(г. Пенза, Россия)

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Ю. В. БОНДАРЕВА «ГОРЯЧИЙ СНЕГ»

Аннотация. Рассматривается военная лексика в романе Ю. В. Бондарева «Горячий снег». Слова военной тематики представляют собой те единицы языка, которые обобщают результаты собственно человеческого сознания, зафиксированные в прозаических текстах. В статье военная лексика делится на лексико-

семантические группы, рассматривается в словообразовательном аспекте, помимо этого определяются основные синтаксические функции военных слов.

Ключевые слова: военная лексика, термины, лексические группы, Ю. В. Бондарев.

Юрий Васильевич Бондарев принадлежит к тому поколению писателей, которые пришли в литературу в 50-е годы, имея за плечами опыт непосредственного участия в Великой Отечественной войне. Автор изображает войну такой, какой она виделась рядовому участнику событий. Живописная яркость описаний, напряжённый драматизм, точность и тонкость психологического анализа – основные черты стиля Бондарева.

В период Великой Отечественной войны военная терминологическая лексика не была замкнута и изолирована в своём профессиональном использовании. Употребление военных единиц продиктовано конкретными историческими и социальными условиями существования языкового общества [Бельчиков 2000: 36].

Военная лексика широко используется на страницах романа Ю. Бондарева «Горячий снег». Но дело даже не в количестве терминов. Дело в уместном употреблении специальной лексики и в умении подать её так, чтобы читатель понял необходимость этого слова в тексте, а наличие термина в художественном тексте не затрудняло чтение. Военную лексику в произведении Ю. Бондарева «Горячий снег» можно рассмотреть в нескольких аспектах.

Военные термины в романе можно разделить на следующие лексико-семантические группы [Ланская 2000: 83-84].

1. Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (командир, генерал, лейтенант, комиссар, сержант, курсант, комбат, санинструктор, старшина, подполковник): *Где **командир** орудия Уханов? Не вижу его в строю! Батарея к бою готова, товарищ **генерал!***

2. Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую технику (танки, снаряды, пулемёты, пушки, гильзы, эшелон, винтовка, карабин, «мессершмитты», гаубица): ***Танки!** – пронёсся надрывный крик над бруствером. В трёх шагах от него проступала на снегу воронка; осколки разорвавшегося **снаряда** попали ему в живот.*

3. Слова, определяющие объекты военного значения (военкомат, штаб, склад, медпункт): *В **военкомат**, говорю: записывай, воевать буду. В доме, где разместился начальник **штаба**, было до жаркой духоты натоплено.*

4. Слова, называющие обмундирование, снаряжение воина (гимнастёрка, обмундирование, портупея, вещмешок, погоны, фляга, сумка): ***Вещмешок** не могу оставить, потом никаких следов не найдёшь. Виктор ясно чувствовал одно: как пленительно похрустывало в кармане новой его **гимнастерки** предписание о выезде на фронт.*

5. Слова, называющие довольствие (паёк, довольствие, тыловая норма, кормёжка): ***Паёк**-то получили? Вон в том краю всем, говорят, выдали! Он доставил ей жестяной чайник, сушеной моркови – заваривать, крупы, сала, картошки – всё **довольствие** недели на две.*

6. Слова, обозначающие военные и боевые действия (бой, патрулирование, атака, наступление, штурм, окружение, оборона, схватка): *Непонятнее было всего то, что с наступлением темноты **бой** стал отдаляться… Танковая **атака** не захлебнулась, не ослабла под непрерывным огнем артиллерии.*

7. Слова, обозначающие территорию, связанную с военными и боевыми действиями (граница, фронт, сектор обстрела, тыл, передовая): *…теперь видел впереди машину охраны, на всей скорости выскочившую по зеркальному наезженному подъему на возвышенность за околицей, где кончалась **граница** огня. А теперь, слава богу, на **фронт**, дадут роту или взвод.*

8. Слова приказные и командные (выгружайсь, смирно, равнение направо, подтянись, шагом марш, строиться, огонь!): *– Батарея! **Выгружайсь!** Орудия с платформы! Лошадей выводи! **С-смирно! Равнение направо!** – рванулась громкая команда спереди от темнеющего против вагона строя.*

9. Слова, называющие оборонительные сооружения (убежище, землянка, укрытие, блиндаж, ров): *Если что – сигнал, выстрел из карабина, и немедленно в **землянку!** Кузнецов, здесь река как противотанковый **ров.** Батарея, в **укрытие**! Танковые разрывы долбили высоту, казалось, сдвигали куда-то в сторону **блиндаж.***

10. Слова, связанные с размещением войск (призыв, мобилизация, резерв, колонна, маневр): *Сегодня, введя **резерв,** по нашим данным, и даже удобным плацдарм захватив, затихли. …почему погромыхивало за спиной, – и невозможно было определить, где сейчас фронт, в каком направлении идет **колонна.***

11. Наименование врага (враг, фашист, немцы, оккупанты, противник): ***Враг** должен чувствовать нашу ненависть и силу полной мерой. Товарищ командующий, танки начали бои, но **противник** не приостановлен. **Немцы** по-прежнему атакуют на южном и северном крыле армии при массированной поддержке с воздуха.*

12. Слова, определяющие виды родов войск (пехота, артиллерия, разведка, десант, взвод, батарея, дивизия): *Ты, **пехота**, мной не командуй! Вы со **взводом** впереди **батареи**. **Батарея** по-прежнему двигается в арьергарде полка.*

Таким образом, наибольшее количество исследуемых единиц относятся к словам, обозначающие людские ресурсы, их формирование и военную технику. Автор активно использует военные термины, стараясь передать атмосферу того времени, погрузить читателей в пучину военных действий.

Исследуя военную лексику в деривационном плане, мы пришли к выводу о том, что среди указанных лексем можно выделить такие, которые образуются следующими способами словообразования:

1. Приставочным (подполковник, приказывать): *Но тихое, невысказанное осуждение и вместе просьба о помощи были в умном и утомленном взгляде* ***подполковника*** *Курышева. …чеканящий голос поднимал в Кузнецове такое необоримое, глухое сопротивление, как будто, что делал, говорил,* ***приказывал*** *ему Дроздовский, было упрямой и рассчитанной попыткой напомнить о своей власти и унизить его.*

2. Суффиксальным (наступление, патрулирование, землянка, танкист): *Теперь мы начали* ***наступление. Танкист*** *заговорил рыдающим голосом. Если что – сигнал, выстрел из карабина, и немедленно в* ***землянку!***

3. Приставочно-суффиксальным (разведка): *Четыре часа назад из стрелковой дивизии была выслана* ***разведка.***

4. Бессуффиксным (подкоп, осада): *При* ***осаде*** *защитники имеют перед атакующими стены воинами одно неоспоримое преимущество – высоту.*

5. Сложением (санинструктор, медсанбат, вещмешок): ***Вещмешок*** *не могу оставить, потом никаких следов не найдешь. Вам-то советую,* ***санинструктор****, сесть на повозку санроты.*

Таким образом, в романе Ю. Бондарева «Горячий снег» военные слова образуются различными способами. Это лишь доказывает то, что в данном произведении военная лексика раскрыта во всей её полноте.

В произведении Ю. В. Бондарева «Горячий снег» военные лексемы выполняют различную синтаксическую роль:

1. Функцию подлежащего: *… **Командиры** взводов сверяли по ним часы… …Когда танки ихние вплотную подошли… Танковая **атака** не захлебнулась…*

2. Функцию дополнения: *Вы **со взводом** впереди **батареи**… Теперь мы начали **наступление.** Паровоз с диким, раздирающим метель ревом гнал **эшелон.***

3. Функцию обстоятельства: *Уходи в **землянку!** Прожил несколько месяцев в немецком **плену**… Пустите меня* к генералу*!*

4. Функцию сказуемого. Отметим, что военная лексика в роли сказуемых чаще всего употребляется в повелительном наклонении – это приказные и командные слова: *Батарея! **Выгружайсь! Подтянись!** Ближе к орудиям! Отряд, **стройся!***

5. Функцию определения. Встречается достаточно редко, чаще всего использованы несогласованные определения в сочетании с другими военными словами: *Равнение **направо!** …Командиры взводов на **тактических** занятиях… землянки **формировочного** лагеря… Подвывание **артиллерийских** машин… Кузнецов, чувствуя, что вопрос **генерала** об училище…*

Достаточно часто в романе военные термины представлены в виде обращений: ***Товарищ лейтенант,*** *к нам!* ***Комиссар,*** *сколько ему…*

Таким образом, военная лексика обладает большими функциональными и стилистическими возможностями. Стилистическая нагрузка может падать как на терминологические единицы, так и на общеупотребительные слова, в окружении которых находятся военные термины. Активно используются общеязыковые синонимы терминологической военной лексики.

Библиографический список

1. Бельчиков, Ю. А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны / Ю. А. Бельчиков // Филологические науки. – 2000. – № 6. – С. 34–39.

2. Бондарев, Ю. В. Горячий снег : роман / Ю. В. Бондарев. – Москва : Воениздат, 1984.

3. Ланская, О. В. Роман Ю. Бондарева «Горячий снег»: художественная концепция мира (к урокам словесности) / О. В. Ланская // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне : материалы всерос. конф. (18–19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – С. 82–85.

Ю. М. Замятина
(г. Пенза, Россия)

ТЕМАТИКА ЧАСТУШЕК ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Дано определение частушки как жанра русского песенного фольклора; показана ее роль в годы Великой Отечественной войны; рассматриваются тематические группы частушек военного времени.

Ключевые слова: частушка, Великая Отечественная война, тематическая группа.

Русский народ является создателем ярких произведений словесного искусства. Многие из них были известны ещё задолго до появления письменности и с той поры передавались устным путём. Устное народное творчество, называемое фольклором, включает в себя произведения различных жанров. Одним из них является частушка. Частушка – жанр русского песенного фольклора, сложившийся к 1870-м годам. Это произведение народной поэзии лирического, злободневного или шутливого содержания, исполняющееся на определённый мотив и представляющее собой четверостишие или двустишие с двумя полустопами в каждом стихе. Термин «частушка» был введён писателем Г. И. Успенским в очерке «Новые народные песни» (1889 г.) при характеристике народных стишков.

В. И. Симаков в экспромтном характере возникновения частушки видел её главную, определяющую жанровую особенность. В неопубликованной статье «О частушке, об её значении в народном быте» он писал: «Говоря о частушке, как об экспромте, мы ближе всего приближаемся к её определению как особого народного типа народной поэзии» [Симаков 1913: 12]. В лучших своих образцах частушка хранит многие черты национального художественного сознания, неисчерпаемые богатства народной речи. Поэтому к ней необходимо особое отношение и внимание.

Частушки о Великой Отечественной войне – доказательство того, что во время войны русский народ не терял бодрость духа, юмор и веру в лучшее. Военная частушка – своеобразная поэтическая летопись военных лет, которая отражала конкретные живые подробности, волновавшие и исполнителей, и слушателей:

Шла гармонь в шинели серой
По дороге фронтовой,
Прижимаясь близко к телу,
Согревала как огонь!

Частушки и врага бить помогали, и после тяжёлого отступления заставляли улыбнуться, и в госпитале не давали «закиснуть». Эти сочинения раскрывали характер человека, одержавшего вместе со всей страной победу над фашизмом.

Несмотря на разнообразие тем военной частушки, главной была тема победы над фашизмом:

Не страшны нам все преграды,
Знаем – выиграем бой.
Мы стоим у Сталинграда
Неприступною стеной!

Ленинград занять сулит
Немцам главный их бандит.
Им и хочется, и колется,
И мама не велит.
Били наши батальоны
Самого Наполеона.
Ничего нет хитрого,
Что побьём и Гитлера!

Большой отклик в сердцах народа нашла партизанская частушка. Эти частушки всегда были наполнены уверенностью в победе над врагами, они объединяли людей, затмевали страх:

Вьётся по ветру рябинушка
До самого ствола.
Партизанская дубинушка

Фашистам тяжела.
К нам на славный русский лес
Не однажды Гитлер лез,
Но наткнулся на порог –
Одолеть его не смог!

Частушки высмеивали Гитлера, представляли его в сатирическом облике:

Ночка тёмная настала,
На полях стоит туман.
Гитлер смазывает пятки
От орловских партизан.

Уверенность в победе над врагом звучала в тыловой частушке. В ней отразилась и грусть по погибшим на фронте:

Распроклятые германцы,
Навязались воевать,
Всех в солдатики угнали,
Милому не миновать,

и необходимость женщинам заменить у станка ушедших на фронт мужчин:

Брата в армию призвали –
Я полна заботою:
Вместо брата на заводе
Слесарем работаю.

«Радость со слезами на глазах» отражается в частушках послевоенного времени:

Вот и кончилась война!
Прошли бои великие.
Жалко, жалко тех ребят,
Которые убитые.

Ой, дороженька, гуди,
И, машинушка, дуди,
Привези наших героев
С орденами на груди.

Война навсегда оставила свой след в истории страны и в памяти народа. В послевоенное время русский народ продолжил сочинять частушки, которые приобрели форму исповеди, жалобы женщин на несправедливость судьбы:

Мне больше по лесу не хаживать,
Цветов не собирать.
Мне больше с миленьким не гуливать
И вместе не бывать.

Зелёная веточка
Не гнется, не качается,
Без тебя, мой дролечка,
Не спится, не гуляется.

Таким образом, основными темами частушек времён Великой Отечественной войны являются следующие: частушки о силе Красной Армии и вере в победу над фашизмом; частушки о партизанах; частушки, высмеивающие Гитлера; тыловые частушки; частушки о победе и о погибших в годы войны; частушки-исповеди женщин, их жалобы на несправедливость судьбы.

Библиографический список

1. Селиванова, Ф. М. Частушки / Ф. М. Селиванова. – Москва : Сов. Россия, 1990. – 656 с.

2. Симаков, В. И. Несколько слов о деревенских припевках-частушках / В. И. Симаков. – Санкт-Петербург, 1913.

И. М. Полякова
(г. Пенза, Россия)

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (на примере реализации проекта «Словарь Победы»)

Аннотация. Освещен вопрос формирования культуроведческой компетенции обучающихся через осуществление проектной деятельности. Помимо теоретических основ понятия «культуроведческая компетенция», представлены паспорт и механизмы реализации проекта «Словарь Победы» как одного из эффективных инструментов развития культуроведческой компетенции школьников.

Ключевые слова: проектная деятельность, культуроведческая компетенция, национально-культурный компонент значения слова, Великая Отечественная война, словарь Победы.

Перспективность и результативность проектной деятельности, в последнее время широко используемой в педагогической практике, объясняется тем, что она может осуществляться как на уроке, так и за его пределами. Метод *учебного проекта* основан на постановке социально значимой цели и её практическом достижении. Применение этого метода позволяет направить деятельность школьников на решение конкретной учебной или воспитательной проблемы. При этом результатом деятельности всегда является продукт, который разработали участники проекта. Главная педагогическая цель любого проекта – формирование различных компетенций, т.е. умений, связанных с опытом их применения в практической деятельности.

Одна из таких компетенций – *культуроведческая* – предполагает осознание языка как формы выражения культуры, национального самосознания, национально-культурной специфики русского языка, взаимосвязи языка и истории народа. В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования (2010) культуроведческая компетенция выделена в качестве одной из целей обучения русскому языку, в частности, наряду с коммуникативной и лингвистической компетенциями. Необходимость создания методической системы формирования культуроведческой компетенции очевидна, поскольку данная проблема представляет собой одно из условий приобщения школьника к ценностям отечественной культуры, развития его духовно-нравственного мира, следовательно, является социально значимой.

Культуроведческая компетенция включает в себя знание, навыки анализа и адекватного употребления единиц языка *с национально-культурным компонентом значения* – то есть с таким компонентом значения слова, который несёт информацию о национальной культуре народа.

Опираясь на точку зрения Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 2005], которые рассматривают слово как источник национально-культурной информации, считаем, что с богатым материалом, который обеспечит познание, постижение русской культуры в процессе изучения русского языка, ученики встретятся *в разделе «Лексика»*. Усваивая единицы номинативной системы языка с национально-культурным компонентом значения, обучающиеся начинают понимать взаимосвязь истории языка и народа, формируют языковую картину мира.

Рассмотрим возможности развития культуроведческой компетенции путём осуществления школьного проекта. Выбор тематики проекта продиктован приближением 75-й годовщины Великой Победы. Чем больше время отдаляет нас от этого дня, тем сложнее понять, что сегодня для нас значат слова: «Победа в Великой Отечественной войне», «День Победы»? Что знают современные школьники о войне 1941-1945 годов? Что должны сделать мы, взрослые, чтобы память поколений не прерывалась? Отвечая на эти вопросы, считаем целесообразным назвать данный *проект «Словарь Победы»*.

Паспорт проекта

Название	«Словарь Победы»
Предметное пространство	Русский язык, история, литература, библиоуроки
Класс, время	8 классы, январь-апрель
Суть проекта	Создание школьного энциклопедического «Словаря Победы», разъясняющего основные реалии, знаки, символы, связанные с эпохой Великой Отечественной войны.

Название	«Словарь Победы»
Вид проекта	Учебный, пролонгированный
Цели и педагогический замысел	• Формирование культуроведческой компетенции школьников; • развитие способности решения метапредметных задач; • совершенствование навыков планирования работы, распределения обязанностей внутри группы; • подготовка к предъявлению результатов и оценке усвоения темы; • развитие познавательного умения находить, сопоставлять и критически оценивать информацию, полученную из различных источников
Задачи проекта	1. <u>На организационном этапе:</u> • организация творческого коллектива проекта, распределение обязанностей; • составление перечня энциклопедий, энциклопедических словарей, справочников для анализа; • анализ энциклопедий, энциклопедических словарей, справочников на предмет извлечения понятий, связанных с эпохой Великой Отечественной войны; • составление словника «Словаря Победы». 2. <u>На этапе реализации проекта:</u> • отбор и правка содержательной части каждой словарной статьи; • составление «Предисловия», «Правил пользования», «Содержания» и других необходимых элементов словаря; • подбор или осуществление необходимых видеозаписей, аудиозаписей, иллюстративного материала для дополнения электронной версии словаря Приложениями; • вёрстка электронной и печатной версий «Словаря Победы»; • печать «Словаря Победы». 3. <u>На презентационном этапе:</u> • организация публичной презентации, тиражирование материалов словаря в гимназическом сообществе и в сети Интернет.
Знания, умения и способы действия, на которые опирается проект	Комплексное использование метаумений: • теоретического мышления (обобщение, систематизация, определение понятий, классификация, доказательство и т.п.); • умения переработки информации (анализ, синтез, интерпретация, оценка); • творческого мышления (видение структуры объекта, комбинирование известных способов деятельности с новыми); • регулятивных умений (задавание вопросов, определение целей, планирование, выбор тактики, контроль, анализ, коррекция своей деятельности); • качеств мышления (гибкость, широта, самостоятельность, критичность).
Продукт проекта	Школьный энциклопедический «Словарь Победы» (в печатном, электронном виде, а также в виде презентации)

Название	«Словарь Победы»
Планируемый педагогический результат	• Осмысление обучающимися реалий, знаков, символов, связанных с эпохой Великой Отечественной войны; • формирование представления о многообразии энциклопедических словарей и справочников; практических навыков их использования и создания; • освоение и развитие коммуникативных навыков при работе в группе; • овладение способами прогностической оценки при планировании совместной работы; • умение представлять результаты своей работы в различных формах
Формат представления результатов работы	• Публичное представление промежуточных результатов рабочими группами; • публичная презентация готового продукта членам гимназического сообщества; • размещение электронной версии продукта в сети Интернет

Проект «Словарь Победы» направлен на повышение исторической грамотности и формирование практических навыков словарной работы на материале реалий, знаков, символов, связанных с эпохой Великой Отечественной войны. Следовательно, работа над данным проектом будет способствовать повышению исторической грамотности молодёжи, поможет неравнодушным, увлечённым школьникам внести свой вклад в увековечение памяти о Победе в Великой Отечественной войне.

Кроме того, нашей смежной задачей является развитие важного умения школьников работы со словарями, справочниками, энциклопедиями. Поскольку такая работа на уроках проводится фрагментарно, то мы предлагаем совместить её с возможностями внеурочной деятельности в рамках реализации ФГОС.

Механизмы реализации проекта

Порядок действий обучающихся в ходе реализации проекта. Обучающимся предлагается создать школьный энциклопедический «Словарь Победы», разъясняющий основные реалии, знаки, символы Великой Отечественной войны, которые зачастую, будучи на слуху, не воспринимаются школьниками как значимые или не идентифицируются как относящиеся к эпохе Великой Отечественной войны.

На *организационном этапе проекта* школьникам предстоит проанализировать энциклопедии, энциклопедические словари, справочники (допускается использование любых изданий, находящихся в доступе для обучающихся и педагога и удовлетворяющих требованиям данного проекта) на предмет извлечения понятий, связанных с Великой Отечественной войной, составить Словник. На *этапе реализации проекта* – определить содержательную часть каждой словарной статьи; составить

«Предисловие», «Правила пользования», «Содержание» и другие необходимые элементы словаря; подобрать видео-, аудио- и иллюстративные материалы для обогащения словаря электронными Приложениями; сверстать и издать электронную и печатную версии «Словаря Победы». На *презентационном этапе* – организовать презентацию словаря членам гимназического сообщества.

Для осуществления замысла обучающиеся делятся на ***рабочие группы*** по 2–3 человека и распределяют понятия из составленного ранее Словника – для анализа и описания. Каждая рабочая группа получает техническое задание.

Описание технического задания:

1. Распределить функционал внутри рабочей группы.
2. Из всех доступных источников отобрать словесный и иллюстративный материал для содержательной части данной словарной статьи.
3. Скорректировать текстовый материал с точки зрения доступности его изложения для школьников и полноты содержания (согласно плану).
4. Оформить материал, подготовить его представление.
5. Предоставить электронную и печатную версию словарной статьи редакторской группе.
6. Предоставить перечень иллюстративных материалов (фотографии, картины, изображения, звуковые и видеоматериалы и др.) группе по работе с мультимедийным материалом.

В результате выполнения технического задания участники каждой группы должны подготовить словарную статью для будущего школьного «Словаря Победы» и презентовать её всему творческому коллективу проекта.

Одновременно с этим отдельно формируются: ***редакторская группа*** (составляет Словник; контролирует целесообразность отобранного материала; корректирует содержание словарных статей; составляет «Предисловие», «Правила пользования словарём» и др.; осуществляет вёрстку); ***группа по работе с мультимедийным материалом*** (подбирает видео-, аудиозаписи для электронного Приложения); ***иллюстраторы*** (по желанию) (создают оригинальные иллюстрации ко всем или некоторым словарным статьям); ***презентационная группа*** (организует презентацию «Словаря Победы» и тиражирование его материалов в гимназическом сообществе, в сети Интернет).

Один и тот же участник проекта может осуществлять как техническое задание (состоять в рабочей группе), так и организационную деятельность (состоять в редакторской, творческой и т.п. группе).

Порядок действий педагогов в ходе реализации проекта. Педагоги контролируют процесс распределения детей по группам, ставят задачи, оказывают содержательное сопровождение их решения, организуют техническое сопровождение работы над проектом на разных этапах, следят за соблюдением регламента, подводят итоги.

Возможный вариант обращения учителя к обучающимся:

Дорогие ребята! Вы уже знаете своих партнёров по группе. Вам предстоит показать свои возможности и способности в создании коллективного продукта. Каким он будет, вы сами определите в процессе работы. На вас возложена важнейшая задача: составить достоверное, полное, глубокое описание каждой реалии/знака/символа/личности, чтобы на основе ваших сведений можно было создать единую книгу – словарь. Вам нужно будет проанализировать, отобрать, скомпоновать, проиллюстрировать материал и подготовить его презентацию. Ваш долг – внести свой вклад в написание этой книги, посвятив ее памяти своих предков, которые ценой своей жизни дали жизнь всем нам, дали возможность жить и работать, созидать и двигаться вперед. Чтобы вы успели всё выполнить в срок, предлагаю руководствоваться планом, определённым техническим заданием. По результатам общей коллективной работы будет издан школьный энциклопедический «Словарь Победы», и [дата] состоится презентация его издания гимназическому сообществу.

Участие педагогов в реализации проекта представляется в виде организующей и стимулирующей помощи. Педагогам необходимо учитывать возрастные возможности, личностные потребности и индивидуальные особенности детей. Важно, с одной стороны, сохранять самостоятельность ребенка и стимулировать его мотив на всех этапах, а с другой – ненавязчиво контролировать его работу.

Система заданий проекта.

1. Выбор изданий, представленных для обзора, продиктован содержательной составляющей (наличие понятий военного времени), а также доступностью (наличие в школьной и домашних библиотеках).

Примерный перечень энциклопедических изданий для анализа

- Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Отв. ред. С. Л. Кравец. – М., 2006.
- Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. – М., 1984.
- Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в двенадцати томах. – М. : Современник, 1991.
- Детская энциклопедия. Т. 9. Наша Советская Родина. – М. : Педагогика, 1978.
- Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М., 2009.
- Школьная энциклопедия «Руссика». Новейшая история. 20 в. – М., 2003.
- Энциклопедия для детей. [Том 5]. История России и её ближайших соседей. Ч. 3. XX век / ред. Коллегия: М. Аксёнова, А. Элиович, О. Елисеева и др. – М. : Мир энциклопедий, 2006.

Выбрать справочники для работы и составить их перечень предлагается обучающимся самостоятельно.

2. В Словник могут быть включены как специальные термины, фамилии людей, названия городов, соотносимые с концептами «Великая Отечественная война», «День Победы» ***(Курская битва, блокада Ленинграда, Парад Победы)***, так и общенародные, разговорные наименования объектов ***(русские, «Катюша»)***, названия произведений

искусства ***(«Белорусский вокзал», «Синий платочек»)***, афоризмы ***(«Ни шагу назад!»)***, а также реалии быта ***(весна, каша)***, тем или иным образом связанные с ключевой тематикой словаря.

Состав словаря определяется самими участниками проекта на организационном этапе. Вероятно, что в процессе реализации замысла Словник будет корректироваться, дополняться.

3. Структурировать словарную статью предлагается по плану:

1) *Заголовочное слово или словосочетание* (при необходимости – с указанием грамматических или стилистических характеристик).
2) *Толкование заголовочного слова* (для имён нарицательных – толкование лексического значения; для имён собственных – энциклопедическое толкование).
3) *Краткая энциклопедическая справка* (место, значение данной реалии в пространстве Великой Отечественной войны, для общественных деятелей – биографическая справка).
4) *Информация о наиболее известных фактах отражения данной реалии в литературе, музыке, изобразительном искусстве*.
5) *Информация о наиболее устойчивых языковых и речевых единицах, связанных с данной реалией* (разговорное наименование, наличие переносного лексического значения, включение в состав фразеологизмов, пословиц и поговорок и т.д.)

Данные задания проверяют умение работы с текстом: извлечение ключевой информации, обобщение, перевод одного типа информации в другой, использование информации для аналитической работы; умение ориентироваться в структуре справочника в целом и словарной статьи в частности, владение лексикографической терминологией.

Конечный результат проектной деятельности обучающихся предлагается оформить не только в виде электронной и печатной публикаций готового продукта, но и в виде яркой творческой презентации (публичного выступления, трейлера, рекламы), предполагающей выход на широкую аудиторию (обучающихся, педагогов, родителей, партнёров).

Таким образом, формирование культуроведческой компетенции является основополагающим направлением в процессе обучения русскому языку, поскольку становится одним из важнейших средств развития духовно-нравственного мира школьника, формирования его национального самосознания, основ гражданской идентичности, патриотизма и становления системы общечеловеческих ценностей.

Уже на этапе реализации предлагаемого проекта становится очевидным, что проектная деятельность, направленная на изучение и обработку лексического материала с национально-культурным компонентом значения, оказывает правильное воздействие на чувства, мысли, поведение и поступки обучающихся, приобщает их к родной национальной культуре и истории, а значит, повышает уровень их культуроведческой компетенции.

В год 75-летия Победы необходимо дать отпор фальсификаторам истории, которые активизировались в последнее время не только за рубежом, но и в нашей стране. Книга, которая возникнет в результате реализации проекта, станет небольшим вкладом молодого поколения в сохранение исторической правды.

Библиографический список

1. Быстрова, Е. А. Какую компетенцию мы формируем / Е. А. Быстрова // Русская словесность. – 2003. – № 1.

2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005.

3. Голуб, Г. Б. Методические рекомендации «Метод проектов как технология формирования ключевых компетентностей учащихся» / Г. Б. Голуб, О. В. Чуракова. – Самара, 2003.

4. Методика обучения русскому языку: формирование культуроведческой компетенции : учеб. пособие / С. В. Мамаева, Л. С. Шмульская, М. В. Веккессер, И. А. Славкина, Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова / под общ. ред. С. В. Мамаевой, Л. С. Шмульской. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2015.

5. Пахомова, Н. Ю. Метод учебных проектов в образовательном учреждении : пособие для учителей и студентов педагогических вузов / Н. Ю. Пахомова. – Москва : АРКТИ, 2003.

6. Пашкова, Е. И. Формирование культуроведческой компетенции при изучении раздела «Лексика» (5–6 классы общеобразовательной школы) : автореф. дис. … канд. пед. наук / Пашкова Е. И. – М., 2009.

7. Поливанова, К. Н. Проектная деятельность школьников : пособие для учителя / К. Н. Поливанова. – Москва, 2008.

И. Г. Родионова
(г. Пенза, Россия)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОДПИСЕЙ К ФОТОГРАФИЯМ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Раскрывается назначение подписей к фотографиям времен Великой Отечественной войны – сохранить память о событии и о людях, изображенных на снимке. Отмечается трехчастная структура подписей и случаи отступления о неё. Показаны особенности содержания подписей к фотографиям, адресованным родственникам и сослуживцам.

Ключевые слова: подпись к фотографии, Великая Отечественная война, адресат, адресант, структура, содержание.

Подпись к фотографии является одним из жанров естественной письменной речи [Лебедева и др. 2011]. Это небольшое по объёму словесное сопровождение фотографии с указанием ключевых моментов, характеризующих снимок или отражающих отношение к нему.

Предметом нашего внимания стали рукописные подписи к фотографиям, сделанным в годы Великой Отечественной войны. Как правило, эти подписи находятся на оборотной стороне снимка. Назначение подписи – сохранить память о событии и о людях, изображённых на фотографии. Этим обусловлено то, что абсолютное большинство подписей начинается словами: *На долгую добрую память…*; *На память…*; *На вечную память…* и под.

Структура подписей, как правило, трёхчастна: она включает называние адресата, сведения об адресанте и информацию о месте и времени создания фотографии.

Анализ текстов подписей к фотографиям военного времени позволил выделить две группы адресатов. К первой относятся родные и близкие того, кто изображён на снимке: родители, дети, брат, сестра и другие родственники, а также любимый человек, соседи, знакомые и т.п. Вторую группу составляют боевые товарищи, сослуживцы.

На фотографиях, адресованных родственникам, перечисляются все, кому предназначен снимок (орфография и пунктуация в текстах подписей здесь и далее в основном сохранена – *И. Р.*): *На память* ***родителям***, ***братьям*** *и* ***сёстрам*** *от сына и брата Александра*; *На память* ***папе, маме, братьям*** *и* ***сестрицам*** *от дочери и сестры Ани Киселёвой*.

Обращает на себя внимание тот факт, что чаще в подписях используются слова *мама* и *папа*, а не слово *родители*, что подчёркивает адресованность подписи к каждому члену семьи, при этом слова *мама* и *папа* нередко оказываются написанными с заглавной буквы как знак особого уважения военнослужащего к близким ему людям: *На долгую и добрую память* ***Папе*** *и* ***Маме*** *от сына Максима Зимина и моих товарищей по службе*.

При назывании других родственников обычно, помимо имени собственного, употребляется приложение к нему – существительное, отражающее то, в каких отношениях находится адресат к автору подписи:

На добрую память от супруга Михаила ***жене Варе***;

На память ***дочке Томе*** *от папы Саши Жесткова с фронта отечественной войны*;

На добрую долгую память ***жене Марусе***, ***детям Галочке*** *и* ***Игушке*** *от мужа и папаши Михаила Андреевича Титова*;

На долгую память ***маме*** *и* ***сестрёнкам Люсинке*** *и* ***Рае*** *от сына и брата Болховитина Николая*.

Примечательно, что, подписывая фотографии, адресованные самым близким людям, военнослужащие указывают не только свой родственный статус, но и / или свою фамилию, имя, отчество, вероятно считая снимок своеобразным документом, который останется в его се-

мье: *На долгую добрую память родным* ***от вашего сына и брата Дыболя Ивана Герасимовича***. Стремясь к точному обозначению своего статуса по отношению к адресату, военнослужащий максимально конкретизирует его: *Дорогим родителям Маме и Папе* ***от их третьего сына Александра***.

Называя себя, адресант указывает свой статус по отношению ко всем названным адресатам: *На память от* ***сына Вани*** *родным Папе и Маме, сёстрам Оле, Тасе, Наташе и дяде Ване, тёте Насте и всем племянницам. Пусть моё фото будет память вам* ***о вашем сыне, племяннике, брате****, сражавшемся против немцев за вашу свободу и независимость*.

Часто существительное, называющее адресата, распространяется прилагательным-эпитетом, подчёркивающим теплоту отношений между родными людьми: *На долгую память* ***многоуважаемому брату Ивану Васильевичу*** *от брата Павлика В.*; *На долгую память* ***любимой Лидочке*** *в честь её именин от её любящего отца Табанакова Ивана Евд*. Возможно распространение существительного, называющего адресата, придаточным предложением, характеризующим того, кому предназначена фотография: *На память любимой моей сестрёнке Дие! Которая не забывала меня в суровые дни отечественной войны. Писала письма, согревала своими чувствами, веселила мою душу и бодрила в бою с немецкими варварами*.

Отступления от трёхчастной композиции текстов подписей, адресованных родственникам, наблюдаются в тех случаях, когда подпись, помимо обязательных элементов, содержит:

1) своеобразное наставление, напутствие, пожелание тем, кому адресована фотография. Лейтмотивом во всех подобных подписях звучат слова *ждать* и *помнить* или их синонимы:

Дия, ***не забывай****, теперь есть надежда скоро встретиться. Желаю тебе счастья и здоровья в молодой твоей жизни.* ***Помни*** *своего брата Мишу, который сражался с немецкими оккупантами за свою любимую Родину!*;

Мама! Надейся и ***жди****, до скорой встречи, только* ***жди****. Твой сын Вася*;

На память дорогой доченьке от любимого папочки. Пускай погибну за родину. А ты во всём будь как я. ***Не забывай*** *Лидочка своего папку. Пусть мёртвый образ* ***напомнит*** *о душе живой, если я не вернусь домой.* ***Помни*** *меня дорогая любимая доченька Лидочка. Перочеин Владимир Михайлович*;

2) список всех, кто изображён на снимке, если фотография коллективная. Авторы подписей будто стараются «познакомить» своих близких с боевыми товарищами – с теми, кто на долгое военное время заменил им семью. Они с точностью описывают, кто в каком ряду си-

дит или стоит, а также где, в какой обстановке и при каких обстоятельствах сделана фотография:

На память родным из города Омска перед отправкой на фронт. Экипаж машины: Кухаренко Анатолий, Чебанов Григорий, Гузеев Василий и я, командир орудия;

На память маме от сына Сергея и его друзей Емельяна Петровича Балашова и Никитина Вани. Фотографировались в Чехословакии, г. Карлсбад;

На память Родным от Сына и Брата Алексея. 1945 год май месяц. Фотографировался с товарищами у здания Рейхстага в Берлине.

Авторы подписей нередко испытывают гордость за своих товарищей и стараются передать это чувство родным: *На память сестре Шуре от брата Коли. Фотография с боевыми товарищами. Проявившие в бою с германским фашизмом мужество, храбрость и стойкость. Все представленные к высшей правительственной награде от 9.VIII.41 г. 1. Банников М. С. 2. Щербинин В. С. 3. Гиркавенко Г. А.*

Фамилии, имена, отчества, звания сослуживцев на коллективных фотографиях часто сопровождаются детальными характеристиками, которые важны для пишущего и которыми он хочет поделиться с родственниками, чтобы те могли составить более полное представление о его боевых товарищах: *Андреев Семён (с которым я фотографировался раньше на пару)*; *Бондаренко (в кубанке)*.

Подписи на фотографиях, адресованных боевым товарищам, отражают дружбу между адресатом и адресантом, родившуюся и закалённую в боях. Поэтому имя и фамилия адресата обычно сопровождаются приложением, включающим существительное *друг*, а тексты подписей содержат его производные – *дружба* и др.:

На вечную память ***другу по оружию Михаилу Савостину*** *от Нурсултанова*;

На память Василию Миронову от Григорьева Михаила. Вася! Вспомни всю нашу ***дружбу*** *и службу. Пусть наша* ***дружба*** *останется навечно*.

Приложение *друг* пишущие используют и при назывании самого себя:

На память ***лучшему другу Стасику от друга В. А. Миронова***;

Борису Н. ***от друга Владимира*** *в годы Отечественной войны*.

В подписи к фотографиям, адресованным боевым товарищам, нередко включается информация о месте службы. Эти сведения актуальны для пишущего, который был готов отдать жизнь за освобождение той или иной территории:

На память лучшему другу по службе ***в Краснознамённом Балтийском флоте*** *Малькову Лёше от Василия Ефремова*;

На память после кровопролитных боёв и разгрома немецко-фашистских захватчиков ***на территории Чехословакии***, ***г. Прага***. *Лучшему Другу Васе от Жени*.

Текст подписи к каждой фотографии обязательно содержит сведения о месте и времени её создания.

Если снимок сделан на территории Советского Союза, то в тексте подписи называется либо только населённый пункт: *Харьков*; *г. Львов*; *г. Орша*; либо населённый пункт и его район: *г. Ленинград, у. Невский проспект*. Если фотография создана на территории европейского государства, то в подписи содержится как название государства, так и название конкретного населённого пункта: *Германия. Район Дрездена*; *Венгрия. Будапешт*.

Анализ подписей показал, что бóльшая часть фотографий сделана в 1944-1945 гг., что объясняется ходом военных действий, ощущением и ожиданием близкой победы, да и просто появлявшейся в связи с этим возможностью фотографироваться. Авторы подписей с предельной точностью указывают день, месяц, год создания фотографии, при этом используют разные формы обозначения даты: *Октябрь 15 день 1942 г.*; *6.VI.43 год*; *Снимок произведён 15 января 44 года*; *5.7.44 г.*; *31.V.45 года в дни Победы!* и т.п. Иногда в тексте подписи к военной фотографии содержатся две даты: первая обозначает время, когда был сделан снимок, а вторая – день отправки или вручения фотографии адресату. Данный факт подчёркивает ценность для пишущего каждого дня, каждого мгновения в тяжёлое военное время.

В настоящей статье мы не могли обойти вниманием подпись к фотографии, сделанной в одном из фотосалонов города Пензы на четвёртый день войны, 25 июня 1941 года. Текст написан 21-летней девушкой, Марией Георгиевной Горельниковой, перед отправкой на фронт: *Пусть эта фотография представит меня, быть может, в последний день моей жизни*. Данная подпись являет собой поистине образец мужества и бесконечной любви к Родине, которые были присущи её автору. Этими качествами, безусловно, обладали и те, чьи тексты или фрагменты рассмотрены в настоящей статье.

Анализ текстов подписей представляется актуальным, поскольку позволяет детализировать общую картину Великой Отечественной войны, препятствовать распространению фальсифицированных сведений о ней. Подписи к военным фотографиям являются уникальным источником информации о конкретных людях, которые, рискуя своей жизнью, приближали Великую Победу.

Библиографический список

1. Лебедева, Н. Б. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Лебедева, Е. Г. Зырянова, Н. Ю. Плаксина, Н. И. Тюкаева. – Москва : КРАСАНД, 2011. – 256 с.

М. В. Сомова, Ю. А. Южакова
(г. Рязань, Россия)

СЛОВА, РОЖДЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ… (материалы для словаря)

Аннотация. Анализируются слова и выражения, рожденные в годы Великой Отечественной войны и сохранившиеся в современном русском языке, их история, тематика, образование и употребление.

Ключевые слова: лексика, фразеология, новые слова, Великая Отечественная война.

Язык, как зеркало, отражает все изменения, происходящие в жизни народа – носителя данного языка. Глобальное потрясение XX века – Великая Отечественная война – внесла много новых слов и выражений в язык народа-победителя. Цель нашей статьи – проанализировать некоторые языковые явления, появившиеся в годы войны и сохранённые до настоящего времени.

Немецкое нападение застало русских врасплох, чем, в первую очередь, объясняются потери первых военных месяцев и захват обширных территорий. Оккупанты принесли с собой слова-варваризмы, вызвавшие ненависть и страх в народе, но сохранившиеся в языке послевоенных десятилетий: *шнель, ахтунг, хенде хох* – это слова захватчиков, которые торопились подчинить себе славянские народы. Интересно, что ни в художественных произведениях времен войны, ни в послевоенных произведениях они не писались латиницей, а оформлялись кириллицей, будучи чуждыми русскому языку элементами. Тогда же в языке появились исковерканные русские *матка, млеко* и *яйки*, явившиеся поводом для постоянного сарказма в литературе последующего периода: *Ты куда спешил – к хозяйке? / Матка, млеко? Матка, яйки?* (А. Твардовский). Их употребление есть издевательство над фашистами, не могущими даже грамотно произнести русские простые слова. Чуть позже, после первых побед, появляется символичная фраза-варваризм – *Гитлер капут!* С этой фразой сдавались в плен немцы, она звучала после жестокого сражения в устах русского воина-победителя, с ней встречали советского солдата в немецких городах: – *Давал вам такого борца Гитлер? – Гитлер капут! – То-то!* (Ю. Герман). Это фраза – признание себя побеждённым.

У немецких захватчиков, наряду с названием *фашисты* (от итальянского «союз») – представители национал-социалистической немецкой рабочей партии и гитлеорвцы (по имени фюрера), уже в первые недели войны появилась оскорбительная кличка – *фрицы*. С одной стороны, это был ответ на прозвище русских, которых немцы, не считая за людей, поголовно всех называли *иванами* (мужчин): – *Пей,*

иван! – Благодарю, мне достаточно, фриц! (Б. Окуджава), но с другой стороны, это презрительное прозвище фашистов, в котором само произношение имитирует собачью кличку (аллитерация *фрц*).

В первые месяцы войны появились слова-названия, образованные в русском языке от немецких родов войск – *эсесовцы, абверовцы*. Оба эти слова вызывали неприятие и страх, так как эти структуры (*эсес* и *абвер*) не были армейскими подразделениями, а были карательными войсками, которые сеяли ужас среди мирного русского населения, неся смерть и разрушение. До сих пор в языке наряду с названием *фашист* как синоним жестокого и беспощадного человека существует в этом же значении слово *эсесовец.* Тогда же в русском языке появляются презрительные наименования людей, перешедших на сторону фашистов: *бандеровцы* (от имени украинского националиста Степана Бандеры), *власовцы* (от имени генерала А.А. Власова, сдавшегося в плен в 1942 году и служившего немцам), *полицаи* (от подразделения «вспомогательная полиция», в которой служили русские), *каратели* (объединенные отряды из немцев и русских, выполнявшие «функцию устрашения»). Все эти слова имеют одно значение – *предатели, изменники* – это маркированная лексика с резко отрицательной семантикой.

В противовес словам с резко негативной семантикой в русском языке возрождается слово *партизан* (от фр. partisan) – тот, кто ведет борьбу с врагом на оккупированной территории. Слово известно в этом значении с 1812 года (поэт-партизан Денис Давыдов), употреблялось в Гражданскую войну. В сознании носителей русского языка, партизан – человек большого мужества, терпящий лишения, но совершающий активные боевые действия в тылу врага (в этом контексте иногда употребляется слово-синоним *диверсант*): *Завыли стальные бураны, / Тень крыльев легла на поляны. / И Женька ушла в партизаны* (К. Ваншенкин).

После вступления в войну США и Великобритании появились такие слова, как *второй фронт, союзники* (*союзнический*), *конвой*, варваризм *ленд-лиз* (от англ. «lend» – давать взаймы и «lease» – сдавать в аренду). Первоначально нейтральные слова со временем приобрели в русской художественной литературе и публицистике ироническую окраску, кроме слова *конвой*. В большинстве текстов прослеживается мысль о том, что союзники медлили с открытием второго фронта, что ленд-лиз принес выгоду только правящей верхушке американцев и англичан. Слово *конвой* (морской, арктический) – группа кораблей или самолетов, охраняющих в пути транспортные и торговые суда от нападения противника – традиционно вызывает ассоциации с героическими действиями русских моряков и летчиков в годы войны: «*Реквием каравану PQ-17*» (знаменитый роман В. Пикуля).

Великая Отечественная война породила множество аббревиатур. Здесь хотелось бы остановиться на таком сложносокращенном сочета-

нии, как *СМЕРШ*, ставшем популярным благодаря сериалам о войне. Окончательный вариант аббревиатуры – *смерть шпионам* – приписывается И. В. Сталину. Это военная контрразведка, противостоящая военным контрразведкам Германии и Японии и разгромившая их. Просуществовав недолго, она оставила в русском языке «загадочную» аббревиатуру (аллитерация *смрш* уже пугала, напоминая шипение змеи, и произносилась обычно негромко, полушепотом), множество легенд и производное *смершевцы* – разведчики, которым известны многие, если не все военные тайны.

Говоря о конструкциях, вошедших в русский язык в сороковые годы XX века, хотелось бы отметить, что страшная война не сделала наш язык менее поэтичным. Словосочетание *блокада Ленинграда* (именно так, словосочетание *Ленинградская блокада* не отражает смысла происходившего) вот уже 75 лет вызывает безграничное уважение у нескольких поколений русских людей перед великим подвигом жителей этого города. С трепетом произносятся фразы, рождённые этим событием: *Пискаревское кладбище*, *ленинградские жители* (*блокадники*), *Невский пятачок*, «*Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле*», *дорога жизни*. Последнее словосочетание является метафорой, но для ленинградцев переносного значения в годы войны не существовало, через Ладогу везли боеприпасы и продовольствие, чтобы город жил и сражался, а из него вывозили мирных жителей. *Большая земля* принимала их – *вся страна* благоговела перед подвигом города на Неве. До сих пор эти словосочетания являются символом мужества ленинградцев, символом непобедимого русского народа и его языка.

Таким же символом того, что русский народ непобедим и сломить его нельзя, являются *Брестская Крепость* и её *защитники*; *оборона Москвы*, *двадцать восемь панфиловцев*; *Сталинград, дом Павлова*, *Мамаев курган*, *Сталинградский котел*; *Курская дуга*, *сражение под Прохоровкой* и т.п., которые имеют сакральное значение для каждого русского человека. Не случайно 13 городам присвоено звание *Города Героя*.

Символичны названия орденов и медалей времён Великой Отечественной. Высшая награда – *Герой Советского Союза* (формы женского рода не было и быть не могло, потому что деяние, за которое давалась награда, достойно великого Человека), *орден Славы* («наследник» ордена Святого Георгия), *ордена*, которыми награждались военачальники, *Суворова, Кутузова, Нахимова, Александра Невского*, *орден Отечественной войны*, *медали «За мужество», «За храбрость», «За оборону Москвы»* – свою столицу *обороняли*, *медали «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина»* и др. – чужие города *брали* с боем. В самом звучании названия награды присутствует особый символический смысл!

В сражениях Великой Отечественной родились идиоматические обороты, которые не потеряли своего значения до сегодняшнего времени: *горячий снег* (Ю. Бондарев дал такое название своему роману) – даже снег раскалялся и плавился (не таял!) на полях сражений боях; *проверено: мин нет* и *подпись минёра* – здесь можно пройти, опасности для жизни нет, человек, оставивший свою подпись, гарантирует, что взрыва не произойдет; *минёр ошибается один раз* – ответственность велика, права на ошибку нет, потому что ошибка – это смерть; *махнём не глядя* – это выражение родилось в боях под Сталинградом, под ним подразумевался обмен всего на всё (часы на кружку, патроны на табак, «девятку» на немецкий самолёт), одной солдатской судьбы на другую; *показать (устроить) Сталинград* – разбить наголову, победить (это сочетание стало синонимом знаменитого фразеологизма XVIII века *как швед под Полтавой*); *я бы с ним (тобой) в разведку (не) пошёл* – свободное словосочетание в годы войны приобрело переносное значение и стало характеризовать человека как надёжного, верного или, наоборот, как слабого, трусоватого, способного на предательство: *Приходится слышать нередко / Сейчас, как тогда: / – Ты бы пошёл с ним в разведку? / Нет или да?* (В. Высоцкий). Драматична судьба фразеологизма *молчит как партизан*: первоначально эта фраза подчеркивала силу духа и мужество партизан, которые хранили молчание даже во время жестоких истязаний. В XXI веке этот фразеологизм приобрёл иное значение: не выучивший урока школьник, не желающий (не могущий) отвечать на вопрос человек, хранящий молчание вопреки здравому смыслу.

Россия до сей поры не залечила до конца ран, нанесённых Великой Отечественной. В годы войны на фронт шли совсем молоденькие мальчишки, только что окончившие школу, полные решимости победить врага, верящие, что война скоро кончится, они не успеют совершить подвиг: *Незатейливые парнишки – / Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки,– / Внуки, братики, сыновья!* (А. Ахматова). Таких юных, необстрелянных, горячих, но неопытных бывалые бойцы, которых ещё А. В. Суворов именовал «чудо-богатыри», называли *салагами* или *желторотиками*: *– Матрос салагу не обидит!* (В. Пикуль), *– Желторотики, ко мне!* (Л. Быков, Е. Оноприенко). Опытных бойцов называли *стариками* (Л. Быков, Е. Оноприенко «В бой идут одни "старики"»), хотя им вполне могло быть не более двадцати лет!

Особый пласт военной лексики – это плакатные лозунги. Императивные конструкции, дошедшие до наших дней и всё также вызывающие душевный трепет: «*Родина-мать зовёт!*» (И. Тоидзе), «*Всё для фронта! Всё для победы!*» (Л. Лисицкий) – эти надписи под рисунками-плакатами появились уже в первые дни войны, призванные воодушевить советский народ и сплотить его для борьбы с врагом. Пропаганду и агитацию называли третьим фронтом, а плакаты военного

времени можно назвать солдатами! Они формировали общественное мнение, создавали негативный образ вероломного и коварного врага, обращая против него гнев, ярость и ненависть советских граждан, и в то же время напоминали о любви к семье, к родному дому, к Родине, которым угрожает враг и которые необходимо спасти. По ним можно изучать ход Великой Отечественной войны:

– в начале войны важным было внушить советскому народу, что фашисты не являются непобедимыми. Плакаты призывали уничтожать противника везде, подчёркивая всенародность борьбы: «*Ты чем помог фронту?*» и «*Наше дело правое! Победа будет за нами!*» (Д. Моор), «*На поддержку красной армии – могучее народное ополчение!*» (В. Корецкий), звали на подвиг: «*Таран – оружие героев*» (А. Волошин);

– лозунги не только показывали фашистов монстрами, способными на убийство стариков, женщин и детей: «*Гитлеровцы – это убийцы, насильники, воры, поджигатели, палачи, мародёры! Этих зверей убей!*», но и высмеивали их: «*Днём фашист сказал крестьянам: «Шапку с головы долой!» Ночью отдал партизанам каску вместе с головой*»;

– в 1942 году появился лозунг «*Убей немца!*», истоки которого в статье И. Эренгбурга «Убей!» и в стихотворении К. Симонова «Убей его!» («Если дорог тебе твой дом…»). Семантика всех этих лозунгов одна: «*Папа, убей немца!*», «*Балтиец! Спаси любимую девушку от позора, убей немца!*», «*Немцем меньше – победа ближе*», «*Бей фашистского гада!*» (А. Кокорекин) – здесь доминирует тема ненависти и отмщения;

– с конца 1941 года появились «именные» лозунги, призывавшие отстоять конкретные города от врагов: «*Отстоим Москву*» (Н. Жуков и В. Климашин), «*Защитим город Ленина*» (В. Серов), «*Отстоим Кавказ*» (И. Тоидзе), «*Сталинград*» (В. Дени (Денисов));

– лозунги, обращавшиеся к историческому прошлому, воодушевлявшие современных героев: «*Наполеону было холодно в России, а Гитлеру будет жарко!*» (Ландерс), «*Наша правда. Бейтесь до смерти! (Дмитрий Пожарский)*» (В. Иванов);

– лозунги, прославляющие героизм русских людей в тылу: «*Дадим больше танков фронту!*», «*Больше самолётов, танков, пушек, снарядов!*», «*Народ и армия непобедимы!*», «*Молодёжь, в забой за родину!*» (В. Правдин), «*Колхозники, вносите свои сбережения на строительство самолётов и танков!*», «*Чем крепче тыл – тем крепче фронт!*»; «*Девушки, на трактор!*», «*Женщины! Изучайте производство, заменяйте рабочих, ушедших на фронт!*»;

– с 1942 появляются лозунги с победной семантикой, хотя до самой победы ещё далеко: «*Вперёд! На Запад!*», «*Дойдём до Берлина!*» и др.;

– в лозунгах 1944–1945 годов звучит тема победы уже близкой и прославляется воин-победитель и освободитель: «*Красной армии грозен шаг! Будет уничтожен в логове враг!*» (В. Дени (Денисов)), «*Вперёд! Победа близка!*» (Н. Ватолина), «*Родина, встречай героев!*», «*Красной Армии – слава!*» (Л. Голованов), «*Слава воину-победителю!*» (В. Климашин).

Если лозунги, призывавшие к уничтожению врага, представляют собой императивы, то лозунги, прославляющие героев-победителей, – это побудительные безглагольные конструкции.

Вряд ли можно недооценивать плакатные лозунги военных лет, которые приближали победу: хотя в послевоенное время их иногда и критикуют за чрезмерную жестокость, но, по воспоминаниям очевидцев, они были тем подспорьем, без которого советским солдатам труднее было бы выстоять под натиском вражеских полчищ.

Наконец, особо хотелось бы сказать о призывах, боевых кличах, с которыми шли на врага советские войны. Помимо традиционных «*Ура!*», «*Вперёд!*», «*За мной!*», «*За Родину!*», которые существовали много столетий, воодушевляя в бою, появились новые: «*За Сталина!*» – как символ сражения за советский строй, «*Даёшь Ленинград (Киев, Севастополь и т.д.)!*» – освобождение родной земли, «*На Берлин!*», «*На Запад!*», «*В логово!*» – указание конечной цели кровопролитных сражений. Был ещё один боевой клич, которого немцы, по свидетельствам очевидцев, боялись смертельно: «*Полундра, фрицы!*» – это был клич моряков, вкладывавших в него силу своей ненависти к врагу, помноженную на то, что воевать им приходится в пешем строю, а не на своих кораблях.

История Великой Отечественной войны знает и особые подразделения – *штрафные батальоны,* – солдаты которых – *штрафники* – шли в бой либо молча, либо используя нецензурную лексику, на которую в других ситуациях наложено табу. Но в устах штрафников нецензурная брань звучала музыкой для советских воинов, которые знали, что штрафники умрут, но не отступят, и внушала ужас слышавшим её силам противника по той же причине.

Конечно, в рамках одной статьи трудно охватить всю лексику, рождённую или получившую новую жизнь в сороковые годы XX столетия, но нам представляется работа в этом направлении очень перспективной, актуальной, которая, возможно, позволит со временем создать «Толковый словарь Великой Отечественной войны».

Библиографический список

1. Плакаты времён Великой Отечественной войны. – URL: http://ussrlife.blogspot.com/2016/05/blog-post.html (дата обращения: 22.02.2020).

2. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. – Москва, 1999.

Д. В. Терентьева
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ РОДИНЫ В ЛОЗУНГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Тема Родины, являясь одной из ключевых в лозунгах времен Великой Отечественной войны, реализуется благодаря использованию соответствующего существительного и применению приема олицетворения. Отмечается, что наибольшее эмоционально-экспрессивное воздействие лозунга на адресат достигается с помощью приложения *мать* при существительном *Родина*.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, лозунг, Родина, олицетворение, приложение.

Слово «лозунг» имеет несколько значений. Одно из них – призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование [Кузнецов 2014: 947]. Лозунги по своему назначению, целям и адресатам делятся на рекламные и политические. Лозунги периода Великой Отечественной войны являются политическими.

Лозунг, как правило, относят ко вторичным речевым жанрам, то есть к таким, которые появились на базе высокоразвитого культурного общения. Политические лозунги возникают в условиях сложной организованной политической коммуникации, они обладают не только семантической целостностью, но и коммуникативно-прагматической завершённостью [Селиверстова 2014: 56].

Лозунги как средство воздействия на общество всегда были популярны в СССР. Обращение в краткой форме представляет собой жизненную мудрость, простую и понятную каждому человеку. В годы Великой Отечественной войны лозунги позволяли в сжатой форме сформулировать цели и задачи государственной военной и экономической политики и мобилизовать граждан на выполнение этих задач. Лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки. По замечанию Ю. И. Левина, «лозунги как кратчайшие и обращённые к максимально широкой аудитории тексты» выражали «предельно редуцированный и экзотерический вариант текущей идеологии» [Левин 1998: 552].

Политические лозунги, созданные во время Великой Отечественной войны, передавались адресатам по всем возможным каналам: через СМИ (периодические издания и радиопрограммы), путём мощной агитационной деятельности (с помощью агитационных плакатов, листовок, через деятельность штатных агитаторов и т.д.), через художественную литературу (произведения А. Т. Твардовского, В. П. Астафьева и др.), через устное народное творчество (лозунги включались в песни, частушки) и даже путём обычного общения между людьми.

Тематика лозунгов периода Великой Отечественной войны обусловлена особенностями того времени. Ведущей является тема Родины, которая реализуется с помощью использования соответствующего существительного: *Возвращайтесь скорее* ***на Родину!***, *Молодёжь, в бой* ***за Родину!***, ***За Родину****, за Сталина*, *Во имя* ***Родины****! Вперёд, богатыри!* и др.

Особенностью реализации данной темы в лозунгах Великой Отечественной войны является персонификация Родины. Помимо нелингвистических приёмов «очеловечивания» Родины (иллюстрации с изображением женщины на агитационных плакатах) используются и лингвистические приёмы. Так, олицетворение происходит благодаря употреблению глаголов, обозначающих действия, производителем которых является человек: *Родина,* ***встречай*** *героев*, *Родина* ***не простит***, *Родина* ***скажет спасибо*** *своим сыновьям* и др. Обращает внимание использование приложения *мать* к слову *Родина*. Олицетворение Родины не просто с человеком, а с тем, который особенно любим и дорог, помогают создать из абстрактного понятия образ любящей матери, что в свою очередь повышает эмоциональность и, следовательно, агитационную эффективность лозунгов: ***Родина-мать*** *зовёт*, *За* ***Родину-мать!***

Тема Родины, являясь одной из ключевых в лозунгах времён Великой Отечественной войны, реализуется благодаря использованию соответствующего существительного и применению приёма олицетворения. Наибольшее эмоционально-экспрессивное воздействие лозунга на адресат достигается с помощью приложения *мать* при существительном *Родина*.

Библиографический список

1. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / С. А. Кузнецов. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – 1536 с.

2. Левин, Ю. И. Семиотика советских лозунгов / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – Москва : Языки рус. культуры, 1998. – С. 542–558.

3. Селиверстова, Л. Н. Политический слоган как речевой жанр с точки зрения прагмалингвистики / Л. Н. Селиверстова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2014. – Вып. 19. – С. 55–59.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С. Ж. Берденова, Д. С. Сагитова
(г. Костанай, Казахстан)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧЕНИКОВ 8 КЛАССА ПО ОБНОВЛЁННОЙ ПРОГРАММЕ

Аннотация. Раскрывается опыт формирования коммуникативной компетенции в обучении второму языку учеников 8 класса по обновленной программе. Авторы обосновывают эффективность использования в языковом образовании компетентностного подхода на основе исследований казахстанских ученых-лингводидактов, среди которых С. Ж. Берденова, Д. Н. Кулибаева, А. Ш. Жумашева, Е. Е. Хайрушева и др. Приводятся результаты собственного проведенного опытно-экспериментального исследования на базе Ждановской малокомплектной средней школы со смешанным языком обучения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, обновленная программа, второй язык, языковое окружение.

Одним из приоритетных направлений учебной деятельности, в рамках обновлённой программы обучения, в современной общеобразовательной школе признан компетентностный подход. Компетентностный подход направлен на активное включение обучаемого в образовательный процесс, ориентированный на результат. В состав базовых компетенций, которые должны приобрести учащиеся основной средней школы, включены язык и языковая компетенция.

В связи с этим в последнее время перед современной школой поставлена актуальная задача – воспитание творческой личности, способной к эффективному общению, умеющая найти своё место в постоянно изменяющемся мире, готовая принимать решения в различных жизненных обстоятельствах. Для достижения этой цели выпускник общеобразовательной школы должен владеть коммуникативной компетенцией, основы которой формируются в школе и влияют на его успешную социализацию в будущем.

Сегодня наблюдается активный поиск эффективных путей и методов обучения молодого поколения, способного к коммуникации с представителями других культур, поэтому формирование коммуникативной компетенции в обучении второму языку учеников 8 класса по обновлённой программе является актуальной.

Казахстанские учёные-лингводидакты, среди которых А. Е. Карлинский, М. Р. Кондубаева, С. Ж. Берденова, Е. И. Пассов, Ж. Х. Салханова, Д. Н. Кулибаева, А. Ш. Жумашева, Ф. Т. Саметова, Е. Е. Хай-

рушева и др., в своих исследованиях доказали эффективность использования в языковом образовании компетентностного подхода.

Так, по мнению, Е. Е. Хайрушевой, компетентностный подход позволяет учащимся стать активными участниками образовательного процесса. С помощью традиционных источников информации и новых технологий учащийся учится формировать своё мировоззрение, а преподаватель выступает в роли консультанта, оппонента [Хайрушева].

Изучая процесс формирования коммуникативной компетенции полиязычной личности учащихся 5 класса, С. Ж. Берденова рассматривает компетенцию в единстве с речевой деятельностью. Коммуникативная компетенция, по мнению автора, как центральное понятие в обучении языкам является ведущей и конечной целью учебной деятельности. [Булатбаева 2013: 16]. Особое внимание в своём исследовании автор уделяет языковой культуре постсоветских народов, которая включает в себя культуру речи родного языка и культуру русской речи, как языка межнационального общения, в последние годы сюда же включён английский язык [Берденова 2006].

К. Н. Булатбаева считает, что использование функционально-коммуникативного подхода в обучении русскому языку в казахской школе будет способствовать формированию знаний об окружающей действительности в их системной взаимосвязи; пониманию национальной специфики казахской и русской действительности; умению использовать объём лексики русского языка по заданной теме, соответственно стилю общения в неофициальной / официальной сфере деятельности. Также данная технология способствует пониманию грамматических связей слов в высказывании, правильно выстраивать синтаксический строй речи. При этом автор обращает внимание на то, что формирование речевой и коммуникативной компетенции должно сопровождаться закреплением грамматики как системы, обслуживающей ход мысли говорящего [Булатбаева 2005].

Учащимся-казахам нужен готовый набор лексико-грамматических средств, откуда в определённой речевой ситуации они смогли бы самостоятельно выбирать подходящий лексико-грамматический образец.

В процессе ведения диалога обучаемые формируют навыки соблюдения правил русского речевого этикета, учатся отбирать языковые средства с точки зрения их точности, уместности, соответственно функционально-смысловому типу, устной или письменной форме изложения.

По мнению Л. Н. Карабаевой, языковая компетенция, наряду с овладением знаниями по языку, представляет собой формирование этнических и социально-психологических стереотипов поведения, практическое овладение техникой общения, правилами вежливости,

нормами поведения, поэтому автор называет такую компетенцию личностной [Карабаева 2007].

По мнению Ж. И. Сабитовой, основным результатом деятельности современной школы должна стать система ключевых компетентностей в интеллектуальной, информационной, организационной и других сферах [Сабитова 2008].

Д. Н. Кулибаева в своих трудах одной из базовых компетентностей считает интеркультурно-коммуникативную компетенцию. Данная компетенция, по мнению учёного, базируется на лингво-культурологической концепции иноязычного образования. Её можно представить как междисциплинарный комплекс: «иноязык – инокультура – личность», который должен стать целью и достижимым результатом в национальной средней школе [Кулибаева 2006].

С введением обновлённой программы в Казахстане изменились приоритеты в методике преподавания русского языка. Теперь на первое место поставлена функциональная грамотность, а основной целью является аудирование, чтение, говорение и письмо. Хотя ещё недавно на первом месте была грамматика. Обновлённая программа образования изменила направление изучения языка в практическую сферу деятельности школьника. В современной методике преподавания основным средством создания развивающей среды на уроках русского языка является текст, новые методы изучения языка предназначены для общения.

Таким образом, переход к вариативному образованию в Казахстане стал благоприятной почвой для развития и применения в образовательном процессе не только зарубежных, но и отечественных технологий и методик. Оценить их эффективность можно лишь путём экспериментальной работы.

С этой целью нами был проведён констатирующий эксперимент для определения эффективности формирования коммуникативной компетенции в обучении второму языку учеников 8 класса по обновлённой программе, в котором приняли участие по 18 учеников 8 и 9 классов.

Контрольный срез проводился в экспериментальном и контрольном классах до и после формирующего эксперимента. На констатирующем этапе по своему составу учащиеся данных классов успевали в основном на «3». Поэтому необходимо было определить степень владения учащимися программным материалом, проследить, какими умениями и навыками они владеют в рамках обновлённой программы по русскому языку. Тест был составлен с учётом того, что учащиеся должны знать основные теоретические положения темы и уметь применить их на практике в рамках обновлённой программы для 8 и 9 классов. Также проверялись орфографические и пунктуационные умения и навыки учащихся.

На первом этапе был проведен «срез», который показал, что для эффективного формирования коммуникативной компетентности недостаточно знаний и сформированных на их основе умений, которыми овладевают школьники, что вызывает необходимость организации последующих этапов опытно-педагогической работы.

Второй этап опытно-педагогической работы – теоретико-практический и корректирующий. Основная цель данного этапа – заложить фундаментальные, знания, основные практические умения и навыки, составляющие основу коммуникативной компетентности школьника. На данном этапе формировался содержательный и поведенческий компонент, при этом мотивационно-личностный компонент наполнялся новым содержанием, вышел на более высокий уровень развития речевой культуры, чем это было на предыдущем этапе.

Чтобы сформировать у учащихся коммуникативную компетенцию вне языкового окружения, недостаточно насытить урок русского языка условно-коммуникативными или коммуникативными упражнениями, позволяющими решать коммуникативные задачи. Важно предоставить им возможность мыслить, решать какие-то проблемы, которые порождают мысли, рассуждать на русском языке над возможными путями решения этих проблем с тем, чтобы учащиеся акцентировали внимание на содержании своего высказывания, чтобы в центре внимания была мысль, а русский язык выступал в своей прямой функции – формирования и формулирования этих мыслей.

На протяжении всей программы исследования обучения русскому языку проводилась системная работа по соблюдению учащимися правил русского речевого этикета. При этом учитывалось умение учащихся оперировать коммуникативно-самостоятельными (устойчивыми формулами общения) и коммуникативно-несамостоятельными этикетными средствами.

Как показывают результаты проведенной контрольной работы, цикловая организация уроков по теме «Искусство создавать здания, сооружения, памятники» (8 класс) обеспечивает высокий уровень осведомлённости учащихся о «предмете» обсуждения.

В экспериментальных классах 9 учащихся владеют достаточной информацией об архитектуре, скульптуре Казахстана и России. Кроме того, для изучения включены глаголы по данной теме: *сооружать*, *возводить*, *строить*, *укрепить*, *отделать*, *украсить*, *прикрутить*, *привинтить*, *прибить*, *пристроить*, *вложить душу*, *посвятить* и т.д.; наречия – *красиво*, *необыкновенно*, *необычайно*, *неописуемо*, *качественно*, *величественно*; прилагательные – *красивый*, *сказочный*, *белокаменный*, *высочайший*, *величественный*, *златоглавый*, *небесный*, *голубой*, *гордый* и т.д.; числительные – *десятый (век), двенадцатый (век), четырнадцатый (век).* Составленный ассоциативно-синонимический

ряд слов к слову «архитектура» таков: «застывшая музыка», «зодчество», «искусство строить города», «строительное искусство», «строительство музеев под открытым небом», «искусство, «любящее» пространство».

На последнем этапе учащиеся в экспериментальных классах свободно оперировали словообразовательными средствами, составляли полные словообразовательные ряды с соответствующими заданными значениями.

В контрольных 9 классах по данной теме более 50 % учащихся показали недопустимый уровень, так как данная тема требует специальной работы по формированию представления об архитектуре и обогащения словарного запаса по данной теме: если учащиеся экспериментальных классов обозначили заданную тему 5–7 микротемами (архитектура как вид искусства, архитектурные сооружения, создатель сооружения, действия зодчих / строителей, материал, из которого создается архитектурный памятник, характеристика архитектурного памятника, отношение к архитектуре, известные люди об архитектуре), то в контрольных классах большинством учащихся представлены 2–3 микротемы.

Все вышеизложенное свидетельствует об эффективности системы и методики поэтапного формирования коммуникативной компетентности школьников 8 класса по обновлённой программе.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что формирование коммуникативной компетентности школьников в обучении второму языку учеников 8 класса по обновлённой программе должно проходить на основе:

– всемерного использования компетентностного, системного, личностно-деятельностного и культурологического подходов;

– соблюдения принципов целостности и системности, концентрированности и динамичности, гибкости и открытости, фундаментализации коммуникативных знаний и умений школьников и практической направленности процесса;

– важное значение имеет использование возможностей всех учебных дисциплин 8 класса, имеющих коммуникативный потенциал в их неразрывном единстве;

– применение школьниками полученных коммуникативных знаний и умений в ходе учебной и внеучебной деятельности с последующей оценкой и самооценкой уровня сформированности коммуникативной компетентности;

– беспрерывность, системность и поэтапность процесса формирования коммуникативной компетентности школьников в обучении второму языку учеников 8 класса по обновлённой программе с привлечением школьников к общению в ходе учебной и внеучебной деятельности.

Библиографический список

1. Берденова, С. Ж. Формирование коммуникативной компетенции полиязычной личности учащихся 5 класса общеобразовательной школы Казахстана с русским языком обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Берденова С. Ж. – Алматы, 2006.

2. Булатбаева, К. Н. Научно-методические основы формирования языковой личности в вузе: когнитивно-коммуникативная технология обучения полиязычию / К. Н. Булатбаева // Вестник науки Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. – 2013. – № 3 (78). – С. 36–43.

3. Булатбаева, К. Н. Когнитивно-коммуникативная технологи как условие развития массового полиязычия в учебных заведениях Казахстана / К. Н. Булатбаева // Перемены в образовании: новые границы и приоритеты : материалы междунар. науч.-практ. конф. (10–11 июня 2011 г.). – Алматы : АПН Казахстана, 2011. – С. 228–231.

4. Булатбаева, К. Н. Функционально-коммуникативная технология обучения русскому языку в казахской школе / К. Н. Булатбаева. – Павлодар : ПГУ, 2005. – 351 с.

5. Государственный общеобязательный стандарт среднего образования (начального, основного среднего, общего среднего образования), утверждённый Постановлением РК от 23 августа 2012 г. № 1080 (ГОСО РК 1.4.002-2012).

6. Жумашева, А. Ш. Концепция программы по русскому языку в контексте обновленного содержания начального образования / А. Ш. Жумашева, Ф. Т. Саметова // Вестник Академии педагогических наук Казахстана. – 2017. – № 3. – С. 55–63.

7. Карабаева, Л. Н. Педагогические условия формирования коммуникативной компетенции преподавателей иностранного языка в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Карабаева Л. Н. – Туркестан, 2007. – 28 с.

8. Кулибаева, Д. Н. Методологические основы управления образовательной системой школ международного типа / Д. Н. Кулибаева. – Алматы, 2006. – 480 с.

9. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва : Рус. яз., 1989. – 292 с.

10. Сабитова, Ж. И. Образование, ориентированное на результат в начальной школе / Ж. И. Сабитова // Алтынсаринские чтения. Развитие национальной системы образования в условиях глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Алматы, 2008. – С. 244–246.

11. Салханова, Ж. Х. Актуальные тенденции казахстанской лингводидактики / Ж. Х. Салханова // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2015. – № 4 (4). – С. 48–52.

12. Учебная программа для начальной школы (2-4 классы с русским языком обучения) в рамках обновления содержания среднего образования (пробный вариант для апробации в 30-ти пилотных школах). – Астана, 2016. – 44 с.

13. Учебные программы по образовательной области «Язык и литература» уровня начального образования (1-4 классы). – Астана, 2013. – 92 с.

14. Хайрушева, Е. Е. Компетентностный подход в преподавании неродного языка / Е. Е. Хайрушева // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. – 2015. – Т. 154, № 2. – С. 294–298.

Ю. С. Долотова
(г. Пенза, Россия)

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Мотивация – общее название для процессов, методов, средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования. Особое внимание уделяется познавательным мотивам и рассматриваются приемы формирования мотивации на уроках русского языка.

Ключевые слова: мотивация, познавательный мотив, социальный мотив, учебная мотивация, приемы.

«Психологический закон гласит: прежде чем призвать ребёнка к какой-либо деятельности, необходимо заинтересовать его ею, позаботься о том, чтобы обнаружить, что он готов к этой деятельности, что у него напряжены все силы, необходимые для неё», – писал Л. С. Выготский [Выготский 1999: 118]. Другой известный психолог А. Н. Леонтьев подчеркивал: «Деятельности без мотива не бывает» [Леонтьев 1983: 153].

Изучение мотивации к учебной деятельности является центральной проблемой дидактики и педагогической психологии. В этой области достигнуты определённые успехи, но проблема ещё очень далека от разрешения: изменчивость, подвижность, разнообразие мотивов очень трудно свести к определённым структурам, однозначно определить способы управления ими. «Если в дидактике есть область чистого искусства, то это, несомненно, область мотивов да ещё связанных с ними методов обучения» [Подласый 2006: 172].

Мотив – это направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика к ней [Маркова 1983: 10]. К видам мотивов можно отнести познавательные и социальные мотивы. Если у школьника в ходе учения преобладает направленность на содержание учебного предмета, то можно говорить о наличии познавательных мотивов. Если у ученика выражена направленность на другого человека в ходе учения, то говорят о социальных мотивах.

Среди разнообразных мотивов школьника особое место занимает познавательный мотив. Принято считать, что школьный возраст является периодом интенсивного формирования и выражения познавательных интересов ребёнка. Умственная активность школьника приобретает самостоятельный характер. Он стремится без посторонней помощи решать новые задачи, устанавливать причинно-следственные связи. Вместе с тем очевидно, что познавательная мотивация и познавательь-

ная активность не являются прямым следствием возраста и далеко не все школьники обладают этим ценным качеством в равной мере. Мотивация является краеугольным камнем всего процесса обучения языку.

Познавательные мотивы могут иметь разные уровни: широкие познавательные мотивы (ориентация на овладение новыми знаниями – фактами, явлениями, закономерностями), учебно-познавательные мотивы (ориентация на усвоение способов добывания знаний, приёмов самостоятельного приобретения знаний), мотивы самообразования (ориентация на приобретения дополнительных знаний и затем на построение специальной программы самосовершенствования).

Развитию мотивации способствуют занимательность изложения (занимательные примеры, опыты), необычная форма преподнесения материала, вызывающая удивление у учащихся; эмоциональность речи учителя; познавательные дидактические игры; ситуации спора и дискуссии; анализ жизненных ситуаций; разъяснение общественной и личностной значимости учения и использования школьных знаний в будущей жизни; умелое применение учителем поощрения и порицания. Особое значение приобретает укрепление желания школьника учиться, что обеспечивает усвоение всех видов знаний и их применение в новых условиях, выполнение им учебных действий и самоконтроля, самостоятельный переход от одного этапа учебной работы к другому, включение учащихся в совместную учебную деятельность.

Учебная мотивация является одной из важнейших проблем современного образования, так как именно она ответственна за активную позицию учащегося в обучении и личностном развитии и способствует повышению качества образования и грамотности. Она определяется целым рядом факторов: образовательной системой, организацией образовательного процесса, субъективными особенностями обучающегося и педагога, спецификой учебного предмета. Учёт уровня развития учебной мотивации в педагогической деятельности, владение приёмами и методами формирования мотивационной сферы обучающихся позволит педагогу избежать многих проблем и трудностей в учебно-воспитательном процессе.

Одним из основных способов мотивации в изучении русского языка является занимательность. Как сделать интересным строгое грамматическое правило? Как поддержать естественное желание детей узнать что-то новое и необычное, если речь идет о правилах правописания? Каждый учитель, сталкиваясь с этими проблемами, находит оригинальные пути их решения, используя в обучении такие приёмы, в силу которых он верит. Чтобы достичь успехов в постижении русского языка нужно чётко продумывать этапы уроков, отбирая материал, действующий на восприятие, осознание, запоминание, обеспечивающий прочность знаний.

Один из таких приёмов – **игровой урок.** Такая его форма, как урок-путешествие, особенно эффективна при повторении изученного. Например, урок-«Лингводилижанс» можно провести в шестом классе по теме «Соединительные гласные О и Е». Путешествуя по стране Словообразования, ученики побывают и в деревне Дедушки Корня (чередование гласных *о-а* в корнях *кос-кас*, *гор-гар*; *е-и* в корнях *бер-бир* и т.д.), и в Королевстве приставок Пре- и При-, а на станции Крепкий орешек (соединительные гласные *о-е*) учащиеся получат такое, например, задание: Сравнить написание слов и сделать вывод: от чего зависит выбор соединительной гласной. «Расколоть орешек» удастся только тем, кто сделает верный вывод.

Интерес к сложному материалу вызывает и приём **инсценирования.** После изучения темы «Правописание гласных *о, е, ё* после шипящих в разных частях слова» разыгрываем спектакль (Грамматическая сказка) «Вовкины двойки, или как Вовка буквы искал». Двоечник Вовка попадает в Королевство волшебницы Грамматики, и, чтобы выбраться оттуда, он должен найти пропавшие буквы *о, е, ё* и исправить все свои ошибки. Вовка побывает в шатре Корня, замке Суффикса, чертогах Окончания, достойно пройдёт все испытания и отыщет буквы. Инсценирование грамматических сказок позволяет соблюдать единство принципов научности и занимательности: чтобы настроить ребят на восприятие сложного материала, приходится продумывать и оформление (музыкальное, наглядное, вещественное).

Помогает поддерживать интерес к предмету и **нестандартное начало урока**: загадка, шарада, чтение стихотворения, рифмованного правила по теме, необычное задание. Например, первый урок по теме «Имя числительное как часть речи» начать можно по рисунку «Незнайка у ворот Числограда». Ворота откроются тогда, когда учащиеся правильно определят, к какой части речи относятся слова, написанные на стене Числограда: *два, двойной, второй, двойка, удвоить дважды, вдвоём.*

Или создать проблемную ситуацию для решения грамматической задачи:

1. Петя Ошибкин утверждает, что в слове «сделал» надо писать букву «з», потому что после приставки идет звонкий согласный звук [д]. Прав ли Петя?

2. Петя Ошибкин в слове «здесь» написал букву «эс» и рассуждал при этом так: «Пишу букву «эс», потому что приставки «зэ» не бывает». Верно ли объяснил Петя Ошибкин?

Один из способов создания мотивации — частично-поисковый метод, когда под руководством учителя ребята овладевают отдельными этапами научного познания, является ведущим элементом урока русского языка, особенно при изучении нового материала.

Школьники учатся исследовать условия задачи, отыскивать связи между свойствами объекта и возможными способами его преобразования. При решении поисковых задач, когда нужно проанализировать новые языковые явления, учащиеся самостоятельно определяют проблему, намечают ход решения, подбирают дополнительные языковые факты, выбирают способ решения проблемы, т.е. осуществляют поиск. Процесс выполнения заданий поискового характера, безусловно, творческий, это своеобразное лингвистическое исследование, рассуждение на лингвистическую тему.

Например, учащимся предлагается поисковая задача: «В чём своеобразие употребления местоимения *свой* в следующих выражениях: *в своем роде, на своем месте, не своим голосом, поставить на своё место, мастер своего дела, идти своей дорогой*?»

В данном случае вопрос, являясь инструментом самостоятельного анализа языковых явления, играет существенную роль в процессе решения задачи: он направляет деятельность учащихся. Прежде чем ответить на вопрос, школьники вспоминают сведения о значении, грамматических признаках и роли местоимения ***свой*** в речи, затем выявляют своеобразие приведённых примеров с точки зрения употребления в них этого местоимения. В процессе решения поисковой задачи учащийся создаёт текст-рассуждение, что способствует не только выработке навыков анализа, исследования языковых явлений, но и развитию связной речи. Следует учитывать, что самостоятельный анализ языковых явлений, т.е. поисковая деятельность, осуществляется именно в ходе решения поисковой задачи. Применительно к русскому языку поисковая задача – это задача, в процессе решения которой учащиеся, самостоятельно анализируя языковые явления, «открывают» новые знания и способы их добывания.

Таким образом, чтобы увлечь учеников предметом, мотивировать их на учебную деятельность, необходимо умело подбирать дидактический материал, показывать жизненную необходимость той работы, которая ведётся на занятии, создавать творческую обстановку, способствующую мыслительной деятельности учащихся, строить урок на основе научности, занимательности, стремиться пробудить способность чувствовать красоту языка и наслаждаться им.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – Москва, 1999. – С. 118.

2. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – Москва, 1983. – Т. 1. – С. 153.

3. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте : Пособие для учителя / А. К. Маркова. – Москва, 1983. – С. 96.

4. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие для студентов вузов / И. П. Подласый. – Москва, 2006. – С. 365.

В. В. Капора
(г. Мозырь, Беларусь)

МЕТОД ПРОЕКТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Аннотация. Рассматривается образовательный и воспитательный потенциал проектной деятельности учащихся в 9 классе. Обосновывается применимость метода проектов для работы над произведением А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Приводится пример разработки системы организации проектной деятельности при изучении данного романа, а также делается вывод о методе проектов как способе развития интереса к творческому прочтению романа.

Ключевые слова: образовательный процесс, метод проекта, исследовательский проект, технологии в образовании.

Преподавание литературы на современном этапе требует от учителя применения новых подходов. Всё большее внимание уделяется развитию у учащихся самостоятельного, критического мышления и «выращивания в человеке – собственно человеческого средствами самого образования» [Слободчиков 2006: 14–18]. Усвоение готовых знаний уходит в прошлое, ведь знания, оторванные от понимания, не имеющие ничего общего с опытом обучающихся, практически не используются. Метод проектов является эффективной формой обучения в современной школе. Он позволяет научить школьников применять полученные знания на практике, формирует навыки самообразования, работы с информацией (поиск, обработка, применение), позволяет творчески воспринимать действительность, проявить свой потенциал, воспитывать в себе гармоничную личность.

М. Л. Зуева подразумевает под проектами «технологию организации образовательных ситуаций, в которых учащийся ставит и решает собственные проблемы, и технологию сопровождения самостоятельной деятельности учащихся» [Зуева 2006: 52–62].

Под методом проектов в педагогике понимается целый комплекс приёмов и операций, помогающих освоить ту или иную область знаний, практических или теоретических, в той или иной деятельности, поэтому когда говорят о нём, то зачастую имеют в виду способ достижения дидактических целей, который через детальное определение проблемы завершается осязаемым результатом.

Актуальность данного исследования определяется повышенным интересом использовать проектирования в образовательном процессе, что позволяет повысить качество образовательного процесса и выработать необходимые компетенции учителей и учащихся.

Целью работы стала разработка системы организации проектной деятельности при изучении романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в 9 классе.

Методы исследования: системный подход, метод типологизации.

Компонент образовательного стандарта предполагает изучение романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как «энциклопедии русской жизни». Большинство учебных программ рассматривает данную тему на этапе синтеза (обобщения), так как для работы необходимо знание текста, понимание особенностей его композиции, осознание места и роли героев в раскрытии идейного содержания произведения. Мы рассмотрели, как на заключительном уроке на тему: «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как «энциклопедия русской жизни»» можно использовать результат применения технологии учебного проектирования.

В нашем случае был выбран групповой (по количеству участвующих), исследовательский (по характеру поисковой деятельности), практически ориентированный, краткосрочный вид проекта.

На первом этапе работы перед учащимися была поставлена задача выявить разнообразные аспекты романа «Евгений Онегин», которые отражают поэтически воспроизведённую картину русского общества.

На втором этапе были созданы творческие группы, работающие над следующими составляющими проекта:

1) Культурная жизнь России в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

2) Система воспитания и образования в России в эпоху А.С. Пушкина.

Третий этап включил в себя планирование работы, определение ряда проблем, распределение обязанностей внутри творческих групп. Для того чтобы решить поставленную задачу, учащимся необходимо было подобрать литературоведческий и исторический материал, позволяющий по-новому воспринять текст романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

На четвёртом этапе была организована исследовательская деятельность, включающая в себя изучение литературоведческих и исторических источников.

На пятом этапе учащиеся проанализировали и обобщили собранный материал.

Шестой этап совпал с занятием, на котором ученики по группам представили результаты своей проектной деятельности.

В конце занятия учитель подвёл итоги проделанной работы, отмечая участие каждого ученика в группе. Обобщив полученные знания, учащиеся пришли к выводу, что В. Г. Белинский абсолютно прав, назвав роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни».

Определяя роль и место учебного проекта в системе изучения романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», мы пришли к выводу, что применение этого метода поможет сделать учебный процесс более эф-

фективным: у школьников возрастет интерес к творческому прочтению текста, что позволит разносторонне осмыслить художественное произведение.

Библиографический список

1. Зуева, М. Л. Сравнительный анализ возможностей метода проектов и адаптивной системы обучения в формировании ключевых компетенций / М. Л. Зуева // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – № 4. – С. 52–62.

2. Слободчиков, В. И. Антропологический смысл исследовательской работы школьников / В. И Слободчиков // Школьные технологии. – 2006. – № 3. – С. 14–18.

С. В. Кезина
(г. Пенза, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Работа посвящена осмыслению общественно-исторических условий реализации Концепции преподавания русского языка и литературы в России и использованию отечественных культурных традиций при изучении русского языка, осуществляющего историческую преемственность поколений.

Ключевые слова: концепция преподавания русского языка и литературы, глобализация, русский язык, латинизация, традиция, преемственность, историческая память.

9 апреля 2016 года Правительством РФ была утверждена Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации. В ней определено значение изучения русского языка и литературы в современной системе образования: «Изучение русского языка и литературы играет ведущую роль в процессах воспитания личности, развития её нравственных качеств и творческих способностей, в приобщении к отечественной и зарубежной культуре, в сохранении и развитии национальных традиций и исторической преемственности поколений» [Здесь и далее см.: Концепция 2016]. Совет при Президенте по русскому языку, состоявшийся 5 ноября 2019 года, ещё раз показал значимость предпринимаемых в государстве шагов по совершенствованию системы изучения и преподавания русского языка и литературы.

В. В. Путин, подчеркнув особую значимость русского языка «для нашей страны, для России, где он служит основой духовно-исторической общности десятков самобытных культур и народов, в огромной степени обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации», отметил крайне неблагоприятные геополитические условия развития русского языка в современном обществе. «Войну

русскому языку объявляют не только пещерные русофобы ..., разного рода маргиналы здесь работают и агрессивные нацисты. К сожалению, в некоторых странах это становится вполне официальной государственной политикой. Но за ней – и это тоже должно быть понятно и ясно – всё то же давление, прямое нарушение прав человека, в том числе права на родную речь, на культуру и историческую память» [Здесь и далее см.: Совет 2019]. Президентом была обозначена ведущая линия государственной языковой политики, заключающаяся в противостоянии всем попыткам мировых сил «искусственно, грубо, подчас абсолютно бесцеремонно сократить пространство русского языка в мире, вытеснить его на периферию».

Огромную разрушительную роль по отношению к русскому языку и русскому народу, как и к славянскому народу в целом, играет последовательно проводимая политика «олатинизации» многих языков. Вопрос «олатинизации» имеет исторические корни. Ещё при жизни св. Кирилла и Мефодия вопрос об алфавите стал ключевым в борьбе Рима и Константинополя за влияние в Восточной Европе. После поражения славянской письменности в Моравии славянский мир раскололся на восточный и западный, что повлияло на дальнейшую судьбу славянских народов. О том, как гибельно отразился гнёт латыни на западных славянах, «олатынившихся и онемеченных, между которыми первое место занимают поляки и чехи», написал в статье «По поводу памяти святых Кирилла и Мефодия» Ф. И. Буслаев [Буслаев 1863]. С тех пор борьба за кириллическую и латинскую графику не прекращалась, то затихая, то вновь вспыхивая. В России активная компания по внедрению латиницы началась сразу после революции 1917 года, прежде всего среди мусульманских этносов Поволжья, Кавказа и Средней Азии. Латинизация тех лет знаменовала собой шаг в «новый мир», мир без дореволюционных предрассудков, без «буржуазно-демократической литературы» XIX века, без Пушкина, Толстого, Достоевского, шаг, по словам Александра III, – «в так называемое "передовое общество", заражённое либеральными идеями Запада» [Духовное завещание]. К 1932 году латиница прочно утвердилась на большинстве территорий Советского Союза, и в стране активно готовился перевод русского языка на латинскую графику. Однако Сталин в 1933 году приказал прекратить латинизацию, а с 1935 года начал процесс перевода на кириллицу всех языков Советского Союза. Победа 1945 года закрепила кириллицу как главный алфавит.

Новая волна латинизации охватила народы с алфавитами на кириллической основе в 90-х годах прошлого века. С кириллицы на латиницу перешли Молдавия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан. В Казахстане в 2018 году был утверждён новый алфавит на латинице, подписан указ о переходе на латиницу до 2025 года. Заметим, что в Казахстане около 20 % русского населения. На Украине, где 38 % русско-

язычного населения, государственным языком объявлен украинский и с нового учебного года все русские школы будут переведены на украинский язык, хотя венгерские, румынские и польские школы будут переведены на украинский язык только с 2023 года. В 1997 году на II Всемирном конгрессе татар в Татарстане широко обсуждался переход на латинскую графику в интересах упрощения трансграничного информационного взаимодействия и стимулирования международной интеграции. Конституционный суд России в 2004 году запретил латинизацию в Татарстане на основании Закона «О языках народов Российской Федерации», в который в 2002 году была внесена поправка о графической основе алфавитов государственных языков РФ (в п. 6. ст. 3): «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» [Закон 1991]. Заметим, что в Татарстане проживает около 40 % русских. Латинизация, проходящая в эпоху глобализации под знаком оптимального продвижения в европейское сообщество, разрушает многонациональную культуру, созданную в XX-м веке, лишает создателей этой единой культуры исторической памяти, нарушает связь поколений. Это тоже даст свои плоды, подобные тем, что мы имеем вследствие первого раскола славян, когда западные славяне нарушили родственную связь с восточными, «свято сохранившими у себя предания православия на родном, церковнославянском языке», заглушили «живительные начала патриотической поэзии, состоящей в эпических рассказах об исторических судьбах своего отечества», лишили свои литературные языки ценнейшего источника – церковнославянской письменности [Буслаев 1863: 520, 523,524–525]. Наступление латиницы стало причиной проведения Всероссийской конференции по вопросу подготовки и организации празднования Дня славянской письменности и культуры, состоявшейся в Пятигорске в ноябре 2019 года. Целью конференции являлась подготовка проекта единой Концепции празднования Дня славянской письменности и культуры в Российской Федерации. Вне всякого сомнения, возрождение традиции чествования славянских Первоучителей, восходящей к древнеболгарской традиции X–XI веков, и распространение её на всей территории России – дело государственной важности, способствующее единению народов России, единению славян, расширению культурного пространства для проявления и формирования исторической памяти.

Происходящее обусловило две равновеликие задачи, обозначенные президентом на заседании Совета по русскому языку: «Первая – обеспечить достойный уровень знаний и грамотности граждан России и тем самым глобальную конкурентоспособность, притягательность

русского языка как современного, живого, динамично развивающегося средства общения, вторая – организовать действенную систему поддержки русской языковой среды за рубежом в информационной, образовательной, гуманитарной сферах».

Решение первой задачи непосредственно связано с реализацией Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации. К ключевым проблемам изучения русского языка и литературы, представленным в Концепции и детерминирующим стратегические направления в системе российского образования, относятся следующие 1) снижение мотивации обучающихся к чтению и как следствие расцвет «имитационной читательской деятельности (чтение кратких пересказов, использование готовых сочинений и рефератов и др.)»; 2) недостаточная междисциплинарная база при изучении русского языка; 3) недостаточная дифференция при обучении русскому языку содержания учебного предмета «с учётом образовательных потребностей и интересов обучающихся, их уровня владения русским языком для организации углублённого изучения».

Рассмотрим перечисленные положения с учётом традиций отечественной культуры, включающих традиции системного преподавания русского языка и литературы.

Проблема имитационной читательской деятельности, на наш взгляд, существует в России с 1917 года, когда была прервана традиция чтения, восходящая к XIX веку и определяемая системой дореволюционного образования. Изучение русского языка как самостоятельной дисциплины с самого начала базировалось «на чтении писателя». Ф. И. Буслаевым были разработаны критерии отбора текстов для обучения и принципы работы с ними. Для историко-культурного и языкового исследования отбирались образцовые произведения, раскрывающие «все нравственные силы учащегося» [Буслаев 1992: 26]. При этом произведение должно быть оригинальным и изучаться не в отрывках, а целиком. Последнее было обязательным требованием учёного к тексту. А поскольку до XVIII века литературным языком у нас был церковнославянский, то вся литература до нового времени читалась на церковнославянском языке. Вот почему дореволюционное письменное наследие мы изучаем *уже* неполноценно: древнерусская литература изучается в переводах, произведения писателей XIX столетия в прошлом веке печатались с купюрами – «в сокращении» (ср., например, дореволюционное и советское издания романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). А если и это сейчас ещё сократить, то что же останется? Полноценное чтение – основа понимания произведения. Отметим также, что требование полноценного чтения верно не только для художественной, но и для научной литературы тоже. Вот к такому чтению мы должны приучать школьника с малых лет, а студента – с 1-го курса.

И, конечно, чтение любой литературы при необходимости сопровождается работой со словарём, соответствующим времени.

Другим стратегическим направлением в обучении русскому языку и литературе является укрепление междисциплинарных связей. Связи русского языка с литературой разных периодов, иностранными языками, историей, устным народным творчеством, диалектологией и другими дисциплинами обеспечивают расширение фактического материала, его понимание и как следствие прочность знаний. Ф. И. Буслаев первым ввёл в научный оборот «обильный исторический материал из большого количества малоизвестных письменных памятников, широко включил факты живых народных говоров, фольклора, а также образцы литературной речи из художественных произведений русских писателей от Ломоносова до Пушкина» [Буслаев 1992: 14]. Прекрасным примером привлечения данных других наук при изучении языка является подготовка Словаря Академии российской (1783–1794), который «останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного» (Пушкин). К работе над этим словарём привлекли историков, астрономов, географов, натуралистов, путешественников.

Полноценное чтение и опора на межпредметные связи обеспечат интерес к русскому языку и как следствие желание его углублённого изучения. Современные школьники и студенты стремятся к углублённому изучению дисциплин, и государство поддерживает эту инициативу. В России активно развивается олимпиадное движение, в подготовке и проведении олимпиад разного типа задействованы ведущие вузы страны. Наша кафедра традиционно проводит Олимпиады по истории русского языка среди школьников и студентов, посвящённые славянским Первоучителям Константину (Кириллу) и Мефодию (в этом году пройдут VI городская Олимпиада среди учащихся 6-11 классов и VIII – среди студентов-филологов). Олимпиада проходит в один тур и включает задания по истории славянской письменности, перевод древнерусского текста и историко-культурный комментарий к нему, а также исторический комментарий к фактам русского языка.

По истории славянской письменности задания могут быть разные, например: 1. Запишите *кириллическими* буквами а) год создания славянской письменности; б) год, с которого в России начинается традиция почитания славянских Первоучителей Константина (Кирилла) и Мефодия. 2. Запишите а) оформленные кириллическими буквами даты цифрами; б) напротив укажите соответствующее дате историческое или культурное событие.

Перевод оригинального древнерусского текста неизменно сопровождается историко-культурным комментарием, призванным объединить знания по литературе, истории и культуре в целом. Например, пе-

ревод фрагмента из «Слова о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая» (краткое название – «Задонщина») сопровождается историко-культурным комментарием, включающим ряд вопросов и заданий:

а) Автор –

б) Название (краткое) –

в) Название (полное) –

г) Когда произошло описанное историческое событие? –

д) Опишите историческое событие, которому посвящено древнерусское произведение, опираясь на употреблённые в отрывке имена собственные (имена князей и названия рек).

Для исторического комментария, как правило, используются языковые факты из того же древнерусского текста. Например, в отрывке из «Задонщины» «на усть Дону и Непра» предлагается объяснить разные окончания имён существительных Донъ и Непръ или дать исторический комментарий к словоформе **воюючи** и другие.

Олимпиадные задания носят ярко выраженный интегративный характер, способствуют как углублённому и осмысленному изучению истории русского языка, так и воспитанию патриотических и гражданских чувств нового поколения через актуализацию исторической памяти.

Итак, общественно-исторические условия, в которых реализуется Концепция преподавания русского языка и литературы в России, требуют от отечественной системы образования обеспечения достойного уровня знаний на основе новейших достижений научно-методической мысли и отечественных культурных традиций, определяющих в целом преемственность поколений.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. По поводу памяти святых Кирилла и Мефодия / Ф. И. Буслаев // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности, М. Погодинымъ. – Москва : Синодальная типография, 1865. – С. 520–527. – URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000202_000006_1085441%7C93F9B024-C6A4-4ACC-B3A4-E7934C0A8FDE/viewer/ (дата обращения: 13.01.2020).

2. Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка / Ф. И. Буслаев. – Москва : Просвещение, 1992. – 512 с.

3. Духовное завещание Александра III сыну Николаю II Александровичу. – URL: http://samoderzhavnaya.ru/pages/ duhovnoe_zaveshanie_alexandra_iii (дата обращения: 15.02.2020).

4. Закон «О языках народов Российской Федерации» (от 25 октября 1991 года № 1807-1). – URL:http://minnac.ru/ minnac/info.13877.html (дата обращения: 10.01.2020).

5. Совет при Президенте по русскому языку 5 ноября 2019 года. – URL: http://kremlin.ru/events/president/nevs/61986 /videos (дата обращения: 07.02.2020).

6. Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации. – URL: https:// mosmetod. ru /files /ruslit/ concepcia_rus_lit. pdf (дата обращения: 20.01.2020).

В. М. Колганова
(г. Пенза, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ВОСПРИЯТИИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. Рассматривается восприятие национально-прецедентных имен собственных, взятых из художественной литературы, подростками в соответствии с существующими культурными концептами. Выявлен уровень владения представлениями и ключевыми концептами национальной культуры у школьников старшего звена.

Ключевые слова: прецедентное имя, национально-прецедентные имена.

В последние годы под влиянием экстралингвистических факторов наблюдается значительное расширение практики межкультурной коммуникации. Это явление вызывает интерес современной лингвистики к проблеме прецедентности. Основными компонентами общего для всех членов лингвокультурного сообщества признаются прецедентные феномены, а именно: 1) значимые для той или иной личности в когнитивном и эмоциональном отношении; 2) хорошо известные окружению личности, включая ее предшественников и современников; 3) актуальные в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216]. К проблемам межкультурной коммуникации имеют отношение прежде всего национально-прецедентные феномены, то есть такие, которые известны любому представителю лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества: прецедентные имена, прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание.

В рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении прецедентных имен как национально-культурной составляющей дискурса. Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с прецедентной ситуацией или с широко известным текстом. Это особый сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется обращение не к собственно обозначаемому предмету, а к набору его дифференциальных признаков [Красных 2003: 208]. Овладение ключевыми концептами национальной культуры происходит в процессе становления языковой личности, важнейшая роль в котором принадлежит периоду школьного обучения. Инварианты представлений об именах

хранятся в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, детерминированы национальной культурой [Нахимова 2011: 86].

Наше исследование, проведённое в форме семантического текста на свободную интерпретацию, частично опирается на методику, разработанную Д. Б. Гудковым и В. В. Красных. Подросткам старшего школьного звена (11 класс, 17 лет) было предложено ответить на вопросы анкеты, состоящей из двух разделов, в которые помещено 22 прецедентных имени, взятых из художественной литературы и связанных с ключевыми концептами русской культуры. В первом разделе школьником предлагалось указать, знакомо ли это имя, чьё это имя, откуда оно, какие ассоциации вызывает. Во втором разделе, состоящем из пяти заданий, обучающимся необходимо было ответить на вопросы, например, *как вы думаете, о чём пойдёт речь в заголовке* ***«Каждый третий – Митрофанушка»*** и т.п. В данном случае описание некоторой совокупности признаков заменяется указанием на эталонное воплощение таковых в национально-культурном сознании школьников. Критериями в нашем исследовании является национально детерминированное минимизированное представление прецедентного имени, включающего: дифференциальные признаки, атрибуты и оценку. В структуре прецедентного имени дифференциальные признаки – ядро и периферия (внешность, черты характера, активизация имени через прецедентную ситуацию).

В ходе эксперимента нами было опрошено 26 подростков: 11 мальчиков и 15 девочек. В первом разделе анкеты из предлагаемых прецедентных имен трудности вызвали имена собственные ***Кармен, Иудушка Головлев***: 23 школьника (88 %) отметили эти имена как «не знакомо». Возможно, это связано с тем, что произведения П. Мериме «Кармен» и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» не рассматриваются в школьном курсе. 17 прецедентных имён (80 %) имели схожие, однозначные ассоциации у подростков и соотносились с эталонными представлениями в русской культуре, например, прецедентные имена *Плюшкин* ассоциируется у старшеклассников с жадностью, скупостью, накопительством; *Ассоль* – с любовью, мечтой; *Чичиков* – с хитростью, наживой, нарушением закона; *Митрофанушка* – с невежеством, глупостью; *Обломов* – с ленью; *Пётр Гринёв* – с честью, верностью долгу; *Леди Макбет* – с жестокостью, бездушием, любовью-сумасшествием; *Желтков* – с безответной любовью, трагедией; *Кабаниха* – с тиранией, глупостью; *Акакий Акакиевич* – с неуверенностью, жалостью, несправедливостью; *Андрий* – с казачеством, предательством. Некоторые прецедентны имена вызывали ассоциации с прецедентным высказыванием, например, ***Раскольников*** *– «тварь дрожащая или право имею?»* (40 %), ***Акакий Акакиевич*** *– «маленький человек»* (57 %), ***Кабаниха*** *– «темное царство»* (38 %), ***Печорин*** *– «лишний человек»* (69 %). Несмотря на это, ассоциативная связь отра-

жает национально детерминированное минимизированное представление. Четыре (20 %) прецедентных имени имели неоднозначные ассоциации, например, прецедентные имя ***Герасим*** имело такие ассоциации, как *грусть, несчастный человек, крепостной и собака (в значении человек, имеющий собаку)*; ***Анна Каренина*** ассоциировалась *с любовью-помешательством, трагической судьбой и самоубийством, поездом*; ***Ромео и Джульетта*** *– сильной любовью, враждой семей и глупыми поступками, нарушением закона.* Возможно, такая двойственная ассоциативная связь объясняется индивидуальным уровнем усвоения художественного произведения на этапе изучения.

Предоставляя старшеклассникам минимальный контекст, мы можем наблюдать расширение ассоциативных рядов, например, при вопросе «*Как вы думаете, о чём пойдёт речь в заголовке* ***«Современные Печорины»****?»* ответы школьников расширяются дифференциальными признаками прецедентного имени: *«Люди, не нашедшие место в мире»* (54 %), *«О людях, которых не принимают в обществе в наше время»* (26 %), *«Отверженные люди, не принятые обществом»* (8 %), *«Циник, эгоист, самовлюбленный»* (6 %), *«О людях с чертами характера, такими как самолюбие, избалованность, равнодушие»* (4 %), *«отчаявшиеся люди»* (2 %).

Формирование знаний об общенациональном инварианте представлений в отношении этих имён и умений, позволяющих адекватно вербально растолковывать соответствующие признаки, являются одной из задач школьного литературного образования. Таким образом, старшеклассники, как показывают результаты эксперимента, этими знаниями владеют. Исходя из нашего исследования, мы можем сделать вывод, что школьники владеют среднестатистическим для русского сознания представлениями, ключевыми концептами национальной культуры. Среди ассоциативных связей в когнитивной базе, культурном пространстве школьников преобладают дифференциальные признаки прецедентных имен собственных (черты характера, поступки (80 %), активизация имени через прецедентную ситуацию (20 %)).

Библиографический список

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

2. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 316 с.

3. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 276 с.

Л. А. Коновалова
(г. Пенза, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Содержатся сведения о ключевых компетенциях по русскому языку; разграничены понятия «компетентность» и «компетенция». Представлены разработанные авторами задания различного типа, которые способствуют формированию у обучающихся ключевых компетенций по русскому языку.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, языковая компетенция, лингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, культуроведческая компетенция.

Главной задачей современного образования является создание условий для качественного обучения. Важным условием повышения качества образования стал компетентностный подход. Компетентностный подход – один из ведущих и в современном лингвистическом образовании в школе. Важно разграничить два основных понятия: «компетентность» и «компетенция».

А. В. Хуторской рассматривает понятия «компетентность» и «компетенция» как нетождественные, определяя компетенцию как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним». Компетентность же, по его мнению, представляет собой «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [Хуторской 2002].

То есть, если компетенция – заранее заданное социальное требование к образовательной подготовке человека, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определённой сфере, то компетентность – уже состоявшееся качество личности (совокупность качеств) ученика и минимальный опыт деятельности в заданной сфере [Хуторской 2003: 62].

В Федеральном государственном стандарте по русскому языку определены основные задачи школьного курса русского языка. Это формирование языковедческой (языковой и лингвистической), коммуникативной и культуроведческой компетенций. Каждая из компетенций формируется в ходе деятельности обучающихся на уроках, в частности при выполнении различных заданий.

Нами разработаны задания, которые способствуют формированию вышеназванных компетенций на уроках русского языка.

I. Задания, направленные на формирование языковедческой компетенции

1. Упражнение на подбор синонимов (5–6 классы).

Задание. Подберите синонимы к слову «жизнь» в данных предложениях:

1. Её жизнь была пустой и неинтересной. 2. Жизнь этого писателя интересна для изучения в школе. 3. Окружающая нас жизнь способна менять людей.

2. Упражнение на исправление ошибок (8–9 классы).

Задание. Исправьте ошибки в употреблении дополнений, допущенные школьниками в итоговом сочинении по русскому языку.

1. В своём необычном костюме он резко отличался среди других. 2. Все восхищались его умению сочинять рассказы. 3. Я догнал и отнял от него игрушку. 4. Отец разбирается с любыми вопросами. 5. Я был уверен в свою победу над соперником.

3. Проектная деятельность (10–11 классы).

Создание исследовательского проекта на тему «Устаревшая лексика в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». При выполнении данной работы обучающимся требуется найти сведения об устаревшей лексике русского языка, её разновидностях, найти примеры такой лексики в обозначенном произведении, раскрыть их функции в тексте, воспользоваться лексикографическими источниками для характеристики анализируемой лексики. Процесс создания проекта углубляет знания обучающихся об устаревшей лексике русского языка, учит их пользоваться лексикографическими источниками.

II. Задания, направленные на формирование культуроведческой компетенции

1. Работа с лингвокраеведческими текстами (8–9 классы). Для работы мы предлагаем текст М. Н. Петерсона «Письмо – зрительный язык» [Канакина 2008: 237].

Задание. Внимательно прочитать текст. К какому стилю речи можно отнести данный текст? Почему? Сформулируйте и запишите основную мысль текста, определите ключевые слова, в которых заключён ценностный смысл.

2. Работа с пословицами и поговорками (10–11 классы).

Задание. Сопоставьте русские пословицы с их турецкими аналогами. Объясните свой выбор, раскрывая смысл пословиц.

Турецкие пословицы: *1. Кто воду носит, тот и кувшин ломает. 2. Слушай 100 раз, думай 1000 раз, говори 1 раз. 3. Как живёшь, так и помрёшь. 4. Сказать легко, а сделать трудно. 5. Груша под веткой падает. 6. Сегодняшняя курица лучше завтрашнего гуся. 7. Тот, кто любит розу, смирится с её шипами. 8. Сладкий язык многих людей обманывает. 9. Ягненка, отбившегося от стада, хватает волк. 10. Аллах*

даёт науку тому, кто просит, а богатство – тому, кому сам захочет. 11. Умный быстро взрослеет (стареет).

Русские пословицы: *А. Что посеешь, то и пожнёшь. Б. Двое пашут, а семеро руками машут. В. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Г. Любишь кататься − люби и саночки возить. Д. Одного поля ягоды. Е. 7 раз отмерь, один раз отрежь. Ж. Кто рано встаёт, тому Бог даёт. З. Ласковый телёнок двух маток сосёт. И. Будешь много знать – скоро состаришься. К. Один в поле не воин. Л. Тот не ошибается, кто ничего не делает.*

III. Задания, направленные на формирование коммуникативной компетенции

1. *Составление интервью (7–8 классы).*

Задание. Представьте, что вы оказались в 19 веке и встретились с В. И. Далем. Подумайте, какие вопросы вы могли бы задать ему. Для этого вспомните факты биографии, которые вам известны об учёном, особенности его «Словаря живого великорусского языка», историю создания данного словаря, а также не забудьте учесть языковые особенности интервью.

2. Создание речи для публичного выступления (8–9 классы).

Задание. Представьте, что вы находитесь перед бюстом В. Г. Белинского при входе в Центральный парк культуры и отдыха им. Белинского в г. Пензе. Вам нужно рассказать собравшейся публике о В. Г. Белинском. Для этого необходимо вспомнить важные факты из биографии великого критика и записать план, по которому вы будете строить свою речь. Вопросы для составления плана: 1. Кто такой Виссарион Белинский и чем он известен в России? 2. О каких русских писателях В. Белинских писал в своих статьях? 3. Как критик связан с Пензенским краем? 4. Какой город в Пензенской области был назван в честь критика? Формулируя свою речь, вспомните, какие критерии необходимы для создания публичного выступления.

Представленные задания можно использовать в процессе обучения русскому языку для формирования ключевых компетенций обучающихся.

Библиографический список

1. Канакина, Г. И. Лингвисты Пензенского края : хрестоматия-практикум / Г. И. Канакина, Л. Б. Гурьянова, И. Г. Родионова. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008.

2. Хуторской, А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – URL: http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения: 19.02.2020).

3. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–62.

Н. С. Куприянова
(г. Пенза, Россия)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. Рассмотрены условия и задачи формирования языковой личности студентов – будущих учителей, на занятиях по русскому языку и культуре речи в их соотношении с уровнями языковой личности; сделан вывод о ведущей роли прагматического (мотивационного) уровня в формировании языковой личности учителя.

Ключевые слова: языковая личность, русский язык, культура речи, универсальная компетенция.

В XXI веке ни у кого не вызывает сомнения факт, что успешная профессиональная коммуникация в любой сфере невозможна без свободного владения языком: коммуникативная компетенция всегда основана на языковой. Неслучайно в высших учебных заведениях России введены дисциплины «Русский язык и культура речи», «Русский язык и деловое общение», «Риторика» и т.п., это – результат осознания государством и профессиональным сообществом значения языка для любой сферы, где необходимо обеспечить эффективное общение.

В педагогической деятельности язык – главное орудие, и потому «за каждым студентом, будущим педагогом, мы должны видеть тех, на чьё речевое сознание, на чей речевой вкус через несколько лет он начнёт активно влиять» [Черняк 2009]. Действительно, речь учителя, то, о чём и как он говорит, не только отражает его внутренний мир, нравственные ценности, знания о мире, профессиональный уровень, но и воздействует на учеников, воспитывает их. Кроме того, учитель просто должен суметь заставить себя слушать, а это, по словам выдающегося учёного-историка и педагога В. О. Ключевского, «самое важное и трудное дело <…> поймать эту непоседливую птицу – юношеское внимание» [Ключевский 1896]. Иными словами, в идеале учитель должен представлять собой языковую личность *элитарного типа* речевой культуры (по классификации О. Б. Сиротининой), в крайнем случае – *среднелитературного* [Сиротинина 2001: 16–28].

Требования к подготовке школьного учителя, а значит, и его языковой личности, возрастают. В Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения, они сформулированы в общем, при этом задана высокая планка. Так, освоение дисциплины «Русский язык и культура речи» для педагогических направлений подготовки предполагает формирование универсальной компетенции – «*способен осуществлять деловое общение в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации*» [Федераль-

ный государственный образовательный стандарт высшего образования]. По мнению лингвистов, в круг интересов которых входят проблемы речевого общения и культуры речи, успешное общение означает умение хорошо говорить и понимать собеседника. А хорошая речь должна соответствовать целям и задачам общения и по содержанию, и по форме, и по функциональному регистру (стилю) литературного языка; хорошая речь должна быть целесообразной и правильной. Кроме того, хорошая речь должна соответствовать «национальным традициям общения и этическим нормам поведения» [Сиротинина 2001: 16–28]. Все эти требования к хорошей речи, по сути, определяют понятие *культура речи* – «такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Ширяев 2000: 13].

Между тем на пути к достижению того уровня речевой культуры, которого ждут от современного учителя (как, впрочем, и от любого специалиста с высшим образованием) встают трудности объективного характера. Во-первых, языковая ситуация – сам стремительно меняющийся язык, который ежедневно пополняется новыми словами, в том числе огромным количеством заимствований – англицизмов и американизмов, у слов рождаются новые значения, стираются границы между литературными и нелитературными языковыми единицами (этот процесс чаше всего инициируют СМИ, включая в публичную речь сленг и просторечие). Новые понятия и, следовательно, слова, входят в науку и общественную жизнь, при этом быстро исчезают те, которые не отражают современные реалии [Валгина 2003]. Во-вторых, уровень общей культуры современного студента, как показывает практика, достаточно ограничен, а речевые навыки, как правило, измеряется лишь степенью овладения теми знаниями и умениями, которые требуются ЕГЭ по русскому языку. Несмотря на совершенствование год от года структуры и содержания этого экзамена, значительное количество обучающихся сегодня в вузе, в том числе педагогическом, демонстрируют в большей мере реактивное мышление, неспособность самостоятельно связно, логично и убедительно строить свою речь в форме монолога с учётом требований современных языковых норм и ситуации общения. В-третьих – отсутствие у большинства студентов системного подхода к получению новых знаний. К сожалению, при всём обилии качественных современных учебников, учебных пособий и другой справочной литературы по русскому языку и культуре речи, студенту бывает трудно повысить уровень своей языковой компетентности самостоятельно, что объясняется отсутствием у него привычки анализировать и усваивать новую информацию, неумением применять полученные знания на практике – непосредственно в коммуникации.

Разумеется, в полной мере решить проблему совершенствования языковой личности будущего учителя лишь на занятиях по «Русскому языку и культуре речи» (за 36 часов аудиторной и 36 самостоятельной работы, определённых вузовским учебным планом) невозможно. Важно определить, на какой уровень языковой личности (в концепции Ю. Н. Караулова [Караулов 1987]) направить усилия в первую очередь: вербально-семантический (нулевой), лингвокогнитивный (тезаурусный) или прагматический (мотивационный).

Традиция преподавания русского языка и культуры речи в большой степени связана с работой, обращённой именно на вербально-семантический уровень. Учебный цикл обычно начинается с рассмотрения нормативных аспектов культуры речи, в этот период студенты усваивают системно-структурные связи языка, учатся обосновывать выбор предпочтительных для задач коммуникации языковых средств разных уровней (орфоэпических, лексических, грамматических норм), должны научиться находить необходимую информацию о языковых единицах в авторитетных источниках – словарях и справочниках. Цель такой работы понятна студентам: знать языковые нормы, чтобы говорить правильно. Однако «правильность речи – необходимое, но недостаточное качество для критерия хорошей речи», – подчёркивает О. Б. Сиротинина [Сиротинина 2001: 16–28]. И будущему учителю недостаточно усвоить только языковые нормы.

Безусловно, важной задачей в работе, направленной на формирование языковой личности будущего учителя, является совершенствование лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, единицы которого (понятия, идеи, концепты) складываются в упорядоченную картину мира. Знания и представления об устройстве мира и общества, о науке и её достижениях должны стать важной составляющей в картине мира современного учителя, сформировать его мировоззрение. И потому совершенствование лингвокогнитивного уровня языковой личности невозможно без интегративного подхода в высшем образовании вообще и обязательно в педагогическом. Активизация когнитивных процессов начинается с осознания студентами необходимости расширить свой кругозор, повысить уровень языковой и коммуникативной компетентности. Предполагается, что будущий педагог, получая знания о мире и науке, основы которой будет преподавать, расширяет словарный запас, усваивает стандартные связи между явлениями, логические связи, учится высказывать собственные суждения и выводить умозаключения. Аудиторная и самостоятельная работа студентов ориентирована на работу с текстом разных функциональных стилей и жанров и разнообразной тематики, а комплекс заданий помогает сформировать навыки анализа и самостоятельного продуцирования текста – в соответствии с требованиями сферы общения и его формой – устной или письменной, официальной или неофициальной.

Однако нужно учитывать, что любой текст не может стать единицей коммуникации, тем более успешной, пока непонятно, с какой целью он создан. Кроме осознания того, что я скажу, кому, в каких условиях, необходимо понять главное – зачем. В профессиональной коммуникации учителя ответ на этот вопрос определяет содержание и форму текста (высказывания), помогает выбрать средства языка и речевой выразительности, которые будут эффективно воздействовать на аудиторию – его учеников. Именно поэтому прагматический (мотивационный) уровень, концентрирующий «коммуникативно-деятельностные потребности личности», её цели мотивы, установки, интересы [Караулов 1987: 51–56], является базовым и нуждается в особом внимании при формировании языковой личности учителя.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
3. Ключевский, В. О. С. М. Соловьёв как преподаватель / В. О. Ключевский // Искусство и наука. – 1896. – № 1. – С. 5–26. – URL: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_s_m_solovyev_kak_prepod.html
4. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – Москва, 2002.
5. Русский язык и культура речи : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Черняк. – Москва : Высш. шк. ; Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.
6. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16–28.
7. Черняк, В. Д. Русский язык и культура речи в педагогическом университете / В. Д. Черняк // Материалы заседания Учёного совета университета 31 августа 2009. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-i-kultura-rechi-v-pedagogicheskom-universitete/viewer
8. Ширяев, Е. Н. Современная теоретическая концепция культуры речи / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи : учеб. для вузов. – Москва, 2000.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. – URL: http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94

Д. В. Макарова
(г. Саранск, Россия)
Д. Ю. Александрина
(г. Пенза, Россия)

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК КОМПОНЕНТА ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Предметом педагогической системы является формирование ценностных категорий, в том числе изучение языка, особенностей его функциони-

рования с точки зрения регионального аспекта. Категориальный аппарат включает в себя понятия формирования педагогических ценностей, изучение и характеристики языковых явлений посредством проектной деятельности обучающихся в области лингвокраеведения.

Ключевые слова: педагогические ценности, лингвокраеведение, саморазвитие, аксиология, лингвистическая культура, региональный аспект, исследовательский проект.

Известно, что в профессии педагога синтезируются многочисленные роли, актуализирующие знаниевые, социальные и аксиологические ценности, которые трактуются в науке как педагогические. «Педагогические ценности – это те её особенности, которые позволяют не только удовлетворять потребности педагога, но и служат ориентирами его социальной и профессиональной активности, направленной на достижение гуманистических целей образования» [Сластенин 2002: 125].

Система ценностных ориентаций в цепи «учитель-ученик» содержит не только когнитивные, но и эмоционально-волевые компоненты, играющие роль её внутреннего ориентира. Эта система по В. А. Сластенину включает, в частности, осознание своей роли в социальной и профессиональной среде; обмен духовными категориями; приобщение к мировой культуре, постоянное самосовершенствование и т.д.

В центре нашего особого внимания оказываются ценности-средства, объединяющие педагогические действия, направленные на решение профессионально-образовательных задач, связанных с технологиями обучения и воспитания; коммуникативные действия, позволяющие обеспечивать эффективную научно-учебную коммуникацию и действия, демонстрирующие эмоционально-интеллектуальный потенциал педагога.

Возможность реализации вышеобозначенных ценностей наиболее ярко проявляется, по нашему мнению, в деятельности учителя русского языка, определяющего поиск эффективных путей обучения, актуализирующих изучение языковых явлений с точки зрения функционально-стилистической принадлежности, что предполагает широкий территориальный спектр соответствующего исследования, в частности, специфический, региональный аспект, характеризующий языковые особенности той или иной местности.

Как известно, учебники, реализующие федеральный компонент образования в области русского языка, не обеспечивают в должной степени региональный компонент в преподавании, в результате чего на уроках практически не используется языковой материал, отражающий специфику того или иного региона России. В то же время практически все исследователи понимают важное значение проведения научно-исследовательских работ по лингвокраеведению. Особенно значение проектной технологии, её потенциал для развития и воспитания лично-

сти обучающегося. «Проект в обучении – это специальным образом оформленная детальная разработка определённой проблемы, предусматривающая поиск условий и способов достижения реального практического результата; это самостоятельное развитие выработанных умений, применение знаний, полученных на уроках русского языка, но уже на новом, продуктивном, поисковом уровне» [Соколова 2008: 3], актуализирующая в том числе и становление следующих личностных характеристик в цепи «учитель-ученик»: «любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру, духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества; активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки, творчества; уважающий других людей, умеющий вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания, сотрудничать для достижения общих результатов » [ФГОС 2010].

Полагаем, что реализация проектной технологии интегрированного типа по ономастическому лингвокраеведению в профильных классах гуманитарной направленности, на элективных курсах, на занятиях в учреждениях дополнительного образования детей будет способствовать осуществлению системно-деятельностного подхода в обучении через призму вышеназванных педагогических ценностей.

Отметим, что ономастика является языковедческой научной дисциплиной, однако имеет тесные связи с историей, географией, литературоведением, традиционной культурой, этнографией, социолингвистикой. Региональные имена собственные формируются на основе региональных географических, исторических, культурных, духовно-эстетических и иных особенностей региона. Именно поэтому использование проектной технологии интегрированного типа на занятиях по ономастическому лингвокраеведению позволит максимально полно изучить то или иное языковое явление с учётом как языковых, так и внелингвистических факторов, что будет способствовать формированию основ научного мышления. По доминирующей деятельности учащихся выделяются следующие виды проектов: информационный, ролевой, практико-ориентированный, творческий, исследовательский [Макеева 2012: 152].

Интеграция русского языка, литературоведения, краеведения может осуществляться при реализации исследовательских проектов, связанных с анализом имен собственных и их функций в произведениях поэтов и писателей региона. Для Пензенской области, например, здесь вполне применимы проекты: «Имена собственные в поэзии Л. И. Яшиной», «Стилистические функции онимов в произведениях пензенских поэтов», «Состав имен собственных и их роль в рассказе

А. И. Куприна «Куст сирени», «Названия произведений пензенских поэтов», «Сказочные имена в произведениях А. П. Анисимовой» и т.д.

Научно-исследовательские проекты, связанные с изучением местных топонимов и микротопонимов в диахронии и синхронии, антропонимов в диахроническом аспекте могут быть построены на основе интеграции русского языка, географии и истории края или русского языка, истории края и этнографии. Междисциплинарный характер проектов подобного рода связан с уместным использованием исторических / архивных данных о возникновении населенного пункта, об употреблении той или иной фамилии, географических сведений. Проекты, реализующиеся в рамках данного направления, могут быть следующими: «Микротопонимия моего города (посёлка, села)», «Годонимы города Пензы: история, происхождение названий, правописание», «Пензенские гидронимы», «Дримонимы моего края», «Имена и фамилии в моей семье», «Именник новорождённых в г. Пензе за 2018 г. и др..», «Мой род: история, генеалогическое древо, антропонимикон», «Мои знаменитые земляки». Серия интегрированных информационных проектов может быть посвящена 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Ветераны Великой Отечественной войны в моем городе (посёлке)», «Герои рядом с нами», «Улицы, получившие название в честь героев Великой Отечественной войны». Интеграция русского языка, культуры, архитектуры может осуществляться в процессе выполнения следующих научно-исследовательских проектов: «Названия памятников истории и архитектуры Пензенской области», «Названия картин пензенских художников», «Эргонимы г. Пензы: структурно-семантический аспект», «Эргонимы г. Пензы и языковая норма». Интеграция учебных дисциплин при разработке перечисленных выше проектов, как правило, проявляется на уровне содержания.

Активно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии позволяют выполнять интеграцию дисциплин не только на содержательном уровне, но и на уровне способа оформления результатов проекта, его формы. Интегрированными по содержанию и форме являются проекты-мини-энциклопедии или электронные энциклопедии «Пенза: история, названия, культура в фактах и цифрах», «Реки Пензенской области: названия, расположение, протяженность», «Оронимы Пензенской области: факты, названия, правописание» и др. Для разработки подобных проектов требуется синтез знаний, умений и навыков в области русского языка, математики, информатики, географии.

Результатом исследовательской работы может быть подготовка публикации, создание и защита презентации, подготовка глоссария по теме работы, мини-энциклопедии, научно-популярного альманаха, серии очерков, туристического путеводителя по улицам города, путеводителя по достопримечательностям города с языковым комментарием,

создание словаря имен собственных по произведениям местных поэтов или писателей, составление родословной с ономастическим комментарием, подготовка материалов к серии выступлений по радио, газетных заметок, материалов к книге «Жизнь замечательных людей моего города (края)», составление электронных справочников «Чтобы помнили…» (о ветеранах Великой Отечественной войны), «Эргонимы города Пензы», создание серии очерков о героях и ветеранах войны и труда, подготовка номера тематической стенгазеты, выпуска школьной газеты. Результатом творческих проектов по лингвокраеведению может быть театрализация, инсценирование произведения местного писателя, подготовка фотоальбома с комментариями (в традиционной или в электронной форме), тематическая подборка стихов местных поэтов (темы «Микротопонимия», «Гидронимия», «Природа», «Родной край», «Великая Отечественная война» и др.) и музыкального сопровождения для подготовки сценария школьного мероприятия. По завершении исследовательской работы может состояться круглый стол, конференция, защита проектов, где учащиеся представят полученные результаты исследования.

Важным заключительным этапом работы является рефлексия: подведение итогов, самооценка проведенной работы, перспективы дальнейших исследований. Выполнение проектной работы по ономастическому лингвокраеведению, таким образом, формирует у школьников необходимые компетенции, предусмотренные ФГОС, развивает личность учащегося и воспитывает его в духе патриотизма, уважения и любви к родному краю, русскому языку. Как верно отметил профессор Г. Ф. Ковалев, «одним из главных компонентов, составляющих параметры задачи истинного познания своей Малой Родины, призвано для современной российской школы стать лингвокраеведение» [Ковалев 2014: 85].

Интеграционные возможности проектной деятельности по лингвокраеведению достаточно широки, они побуждают учителей русского языка и литературы привлекать ономастический материал для выполнения информационных, исследовательских, творческих и практико-ориентированных проектов.

В процессе исследовательской деятельности формируется такое ведущее качество личности, составляющее социальную компетентность, как умение решать проблемы и задачи.

Лингвистическое краеведение в школе – это изучение учениками под руководством учителя местных диалектных особенностей, географических и личных имен, знакомство с языком регионального фольклора и творчеством местных писателей. Но что более важно, лингвокраеведение – это ознакомление учащихся с традициями, историей и культурой какой-то отдельной части страны в процессе изучения род-

ного языка, точнее, через факты языка с целью формирования коммуникативных умений и лингвокраеведческой компетенции.

Пензенское лингвокраеведение предполагает изучение прошлого и настоящего нашего края через факты языка, которые, являясь частью культуры, содержат ценную этнолингвистическую информацию о жизни и быте изучаемого региона. Лингвокраеведение обладает несомненным лингводидактическим потенциалом, не используемым, с нашей точки зрения, в полной мере в учебном процессе. Обращение к лингвокраеведческому материалу будет способствовать оживлению учебного процесса, активизирует познавательные интересы учащихся, создает положительный эмоциональный фон обучения.

Существенную часть лингвокраеведческого материала составляют особенности местной ономастики (совокупности собственных имён и названий); личных имен, фамилий, прозвищ людей (антропонимы); названий географических объектов (топонимы); водных источников (гидронимы); названий небесных тел (астронимы); кличек животных (зоонимы) и др.

Таким образом, активное использование лингвокраеведческого материала в процессе школьного обучения языку заметно расширяет общий кругозор учеников, содействует лучшему познанию родного края, упрочению навыков наблюдения над речью, грамотному сбору языкового материала, его обработке и систематизации, познанию сложности русского языка как национального языка русского народа, развитию собственной речи учащихся. Кроме того, лингвокраеведческая работа, способствует реализации педагогических ценностей, выступающих как познавательно-действующая система, служащая связующим звеном в образовательно-воспитательной цепи «учитель-ученик».

Библиографический список

1. Ковалев, Г. Ф. Об изучении региональных особенностей микротопонимии Воронежской области / Г. Ф. Ковалев // Педагогическое регионоведение. – 2014. – № 5 – С. 84–93.

2. Макеева, Т. Н. Проект на уроке русского языка в контексте стандартов второго поколения / Т. Н. Макеева // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников : материалы IX Междунар. науч.-метод. конф. / ред. колл. проф. О. В. Загоровская и др. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический ун-т, 2012. – С. 151–154.

3. Сластенин, В. А. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. – Москва : Академия, 2002. – 576 с.

4. Соколова, Ю. А. Учебный проект и возможность его реализации на уроках русского языка / Ю. А. Соколова // Русский язык в школе. – 2008. – № 6. – С. 3–7.

5. Федеральный образовательный государственный стандарт общего образования (приказ Министерства образования и науки от 17.12.2010 № 1897). – URL: https://минобрнауки.рф/документы/543

И. В. Приорова
(г. Москва, Россия; г. Сямынь, Китай)

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КИТАЕ: ДИАЛОГ ЭПОХ

Аннотация. Предлагается возможный вариант изучения художественного наследия А. С. Пушкина и Д. С. Лихачёва по принципу преемственности русской культурной традиции на занятиях для студентов и аспирантов высших учебных заведений, занимающихся по специальности «Русский язык и литература», а также для студентов с продвинутым уровнем гуманитарных факультетов в китайских вузах.

Ключевые слова: лингвокультурологическое многообразие, вдохновение, культуроформирующая функция, огнистость, интеллигентная речь, национальный характер.

В современном Китае около 170 вузов, где студенты изучают русский язык, но речь пойдёт об обучении гуманитариев, которые связывают своё будущее с русским языком. Как показывает практика, на гуманитарных факультетах интерес студентов к русской культуре во многом способствует изучению языка. У каждого студента есть та точка отсчёта, с которой начинается осознание неродного языка «своим», когда «погружение» в мир культуры иначе открывает мир языка. Ограниченные рамками статьи, мы остановимся на двух выдающихся личностях – А. С. Пушкина и Д. С. Лихачёва, которые представляют русскую культуру разных исторических эпох. Первый – создатель русского литературного языка, второй – безупречный хранитель памяти первого.

Идея обобщить анализ культурного наследия двух выдающихся личностей возникла от необходимости дополнить «скупой» материал учебных пособий, который не в полной мере характеризует А. С. Пушкина и поэтом, и мыслителем, и творцом русского языка, который чувствовал и любил язык своего народа, писал на нём и о нём. Вклад Д. С. Лихачёва, великого русского учёного XX века, стал логичным продолжением темы Пушкина в России, и поэтому известные работы учёного заслуживают более глубокого изучения. В своих трудах Д. С. Лихачёв без философствования, но с глубокой философией, объяснял потомкам, как сохранить преданную и бескорыстную любовь к России и русской культуре. Многие его идеи помогают и китайским студентам сформировать собственный взгляд на широко известные в мире произведения русского искусства, но для этого надо выйти за рамки учебника.

Следует начать с того, что среди основных функций языка (коммуникативной, кумулятивной, когнитивной и пр.), культуроформирующая функция является реальным продолжением эстетической (поэтической) функции. Именно поэтому всякий анализ произведения искусства строится на сравнении художественного своеобразия автор-

ских средств с эталоном времени. Несмотря на то, что от эпохи к эпохе эталон меняется, в литературе для «более-менее» образованного русскоговорящего человека этот эталон, как правило, соотносится с образцовым творчеством русских писателей предшествующих веков: золотого и серебряного. Каждому иностранному студенту, да и любому русскому, художественный эталон необходим как образец понимания русской литературы и культуры.

Если сегодня сравнивать художественный эталон русских и китайских студентов, то он (м. б., к сожалению) не ориентирован на гений А. С. Пушкина. Преподаватель, охватывая творчество писателя и анализ его произведений, обязан подчеркнуть выдающуюся роль поэта не только в развитии русской культуры, но науки тоже. Не будучи учёным, А. С. Пушкин лучше всякого лингвиста сделал безупречные выводы о сути языка и творческом потенциале художника: «… *язык, как зрение, не может быть ограничен иначе как природою, ибо есть способность, дарованная богом всем и каждому*» [цит. по: Приорова 2012: 101]. Те, кто доверяет эталону А. С. Пушкина и сегодня, признают правоту А. А. Бестужева-Марлинского, который писал, что «*мысли Пушкина остры, смелы,* ***огнисты****; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов, – это музыка…они катятся по бархату жемчугом*!» [цит. по: Приорова 2014: 189]. Понятие «огнистость» лучше растолковать студентам словами самого А. С. Пушкина, который никогда не был консерватором и интуитивно принимал языковые изменения в русском языке как закономерное обновление его системы: «*Не должно* ***мешать свободе*** *нашего богатого и прекрасного языка*» [Там же: 190]. Он виртуозно использовал новые языковые формы и сам философски объяснял «поисковую систему» художника: «*Это уже не ново, это было уже сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что же из этого следует? Что дух человеческий ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как* ***язык неистощим в соединении слов****. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона»* [Там же: 190]. Импульсом постижения «старого» по-новому, «чужого» по-своему великий поэт считал творческое вдохновение: «***Вдохновение*** *есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий. Следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии*» [цит. по: Приорова 2012: 101].

Следовательно, сопоставление современных новых художественных форм с признанным эталоном прошлого, отражает «поиск» автора, который бессознательно использует неограниченные возможности языковой системы. Однако всякое творческое озарение базиру-

ется на интуиции, писательское чутье – это языковое чутьё, которое определяется языковым вкусом. По Пушкину, «огнистость» как свобода и неистощимость в соединении слов в момент вдохновения, не может «клониться к падению». Таким образом «оживает» ещё один известный тезис поэта. А. С. Пушкин, обладая безупречным языковым чутьём, формировал языковой вкус эпохи и предостерегал не только своих современников в богатом на таланты XIX веке, но и своих потомков: «*Прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро* ***клонится к падению****. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах ещё менее правописания, нежели здравого смысла...*» [Пушкин 1962: 312]. Этот своеобразный пушкинский завет перешёл в XX век. Он свято чтился и соблюдался, популяризировался и толковался выдающимся деятелем следующей эпохи – Д. С. Лихачёвым, который передал его XXI веку.

Судьба Д. С. Лихачёва удивляет и вдохновляет: Дмитрий Сергеевич учился всю свою жизнь. Начав своё образование ещё в дореволюционной России, он учился у своего собственного жизненного опыта, переживал все страшные события XX века и никогда не скрывал, что черпал мудрость в древнерусской литературе и в памятниках родной истории и старины. Д. С. Лихачёв в тяжёлых жизненных испытаниях оставался верен самому себе, т.е. самым высоким духовно-нравственным идеалам. «Диалог с XX веком», который вёл Д. С. Лихачёв на протяжении всей своей жизни, продолжается и сегодня: мысли его универсальны, они понятны любому, кто любит Россию и её великую культуру, потому что полюбить Россию можно только поняв её.

Интерес к работам Д. С. Лихачёва не может возникнуть на уроках по русскому языку и развитию речи уже на последнем продвинутом уровне, где небольшой текст Д. С. Лихачёва «Мысли о России» завершает тему «Русская ментальность» [Уч. пос. 2013: 33–35]. Опыт показывает, что до чтения этого текста китайским студентам полезно предварительно познакомиться с «Письмами о добром и прекрасном» [Лихачёв 1989], которые Дмитрий Сергеевич адресовал молодёжи. Однако в этом случае существенно усложнится работа преподавателя, поскольку надо найти, систематизировать и представить дополнительный материал в интересной форме, включающей медийные средства или презентацию. Но результат стоит того.

Основные мысли русского учёного, получившего мировое признание, понятны современному молодому поколению, вступающему в жизнь. Дмитрий Сергеевич высказывает универсальную мысль о том, что каждому молодому человеку в жизни надо служить конкретному делу, пусть даже это дело будет маленьким. Однако если служить ему верно, то оно обязательно станет большим, потому что главная цель

жизни определяется количеством сотворённого добра: человек должен «увеличивать добро» в окружающем нас мире. Несмотря на откровенный прагматизм XXI века, образованная молодёжь в целом придерживается традиционных нравственных ориентиров и в большинстве своём противостоит деструктивным процессам глобализации, умаляющим роль профессии на фоне фриланса, поэтому эта идея Д. С. Лихачёва хорошо понятна китайской аудитории.

Размышления учёного о том, что одна из важнейших задач русских градостроителей – это необходимость сохранить разнообразие наших городов и сел, сохраняя в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие, и то, что вся наша страна – «это грандиозный культурный ансамбль», который должен быть сохранен во всём его поразительном богатстве, – полностью проецируется студентами на современный Китай. Они понимают эту задачу буквально, сравнивают с градостроительной динамикой развития современного Китая. Сегодня в условиях модернизации Поднебесной гармония прошлого с настоящим сохраняется: в архитектуре современных китайских городов, в отличие от русских, прошлое не исключается из современности, а плавно перетекает в неё.

Ещё одна мысль Д. С. Лихачёва находит живой отклик в аудитории: современный человек не сможет жить без искусства, оно «осв**е**щает и одновременно осв**я**щает» жизнь, искусство делает человека добрее, а значит и счастливее, но научиться понимать произведения искусства совсем не просто, и этому надо учиться всю жизнь. Говоря о понимании искусства в самом себе – «у своей искренности», Д. С. Лихачёв имел ввиду то же, что и А. С. Пушкин, – врождённый вкус. Со стороны видно, как студенты, неуверенные в собственных предпочтениях, выбирают объект для подражания во всем: в хобби, в манере одеваться и говорить. Обладатели эстетического вкуса узнаются по искренней и честной восприимчивости, о которой писал Дмитрий Сергеевич, как правило, здесь – это преподаватели или авторитетные деятели культуры и искусства Китая. Необходимость прислушиваться и присматриваться к людям вкуса, ценителям прекрасного, диктуется временем.

Великое наследие многовековой культуры современные жители Поднебесной постигают массово, но образование позволяет правильно осмыслить истоки своеобразия и уникальность своего национального колорита. Сегодня в Китае наблюдается всплеск внутреннего туризма, поэтому национальное богатство представлено многообразием тематических музеев, храмов, выставочных галерей, где информация представляется в эстетически грамотной «упаковке», поэтому у образованной части современной молодёжи Китая возникает естественное желание по-настоящему разбираться в искусстве.

Однако самыми актуальными для китайской студенческой аудитории можно считать размышления Д. С. Лихачёва о путешествиях. Считая поездки по своей стране и по чужим странам одной «из самых больших ценностей жизни», учёный призывает не упускать случая и находить интересное даже там, где кажется неинтересно. То, что на земле нет неинтересных мест, а есть только не интересующиеся люди, которые внутренне скучны, китайским студентам объяснять не приходится. Повторимся: такого массового внутреннего туризма нет нигде в современном мире по численному преимуществу китайцев. Социальное и образовательное расслоение путешествующих бросается в глаза иностранцам, находящимся в Китае, как и тот неподдельный интерес к историческим объектам и ландшафтам своей страны, которые китайские путешественники массово посещают и исследуют как интересующиеся люди.

Любовь к путешествиям, как и любовь к учёбе, можно отнести к универсальным скрепам для молодёжной аудитории. Дмитрий Сергеевич предугадал, что молодому человеку будущего предстоит всё время учиться, чтобы подняться на определённый уровень социального лифта. Если прежде только крупнейшие учёные до конца жизни «не только учили, но и учились», то в век стремительно меняющихся технологий никому нельзя переставать учиться, потому что знания «все растут и усложняются». Предпочтение в освоении новых технологий остаётся за молодёжью, и этот тезис Лихачёва китайские студенты с удовольствием дополняют собственными аргументами о роли высшего образования в их жизни.

И ещё одна важная мысль для тех, кто осознанно связал себя с русским языком на всю жизнь. Д. С. Лихачёв рассматривает русский язык как важнейшую часть общего поведения в жизни человека. По тому, как человек говорит, судят о степени его интеллигентности и психологической уравновешенности. Учиться «хорошей, спокойной, интеллигентной речи» нужно постоянно, внимательно прислушиваясь и запоминая, читая и изучая лучшие образцы словесного творчества. Это необходимо для того, чтобы речь стала отражением упорядоченности мысли и гармонии души. На занятиях китайская аудитория впитывает правильную литературную речь преподавателей русского языка. Возникающая трудность при объяснении, чем правильная русская речь отличается от речи интеллигентной, объясняется Д. С. Лихачёвым просто: «правильно» – это не всегда интересно и понятно, а интеллигентно – это всегда интересно и доступно для понимания.

Понятие интеллигентность сквозной нитью проходит в курсе изучения русской литературы, а в манере изложения Дмитрия Сергеевича она хорошо узнаваема. Сам он относился к числу русской интеллигенции – особой категории людей, которая способна заниматься не

только умственным творческим трудом, но и брать на себя ответственность за жизнь общества, его идеалы, нравственность и мораль. Но особый смысл его интеллигентности состоит в том, что он был и остаётся *совестью нации*, потому что совесть пронизывает всю его биографию. Слова из текста «Мысли о России»: «*…пора понять, что признавать нас своими будут наши соседи только в том случае, если мы будем сохранять нравственное достоинство и культуру или хотя бы культурность*» [Цит. по: уч. пос. 2013: 33], – выделяются студентами как руководство к действию для всех поколений россиян. И ещё один тезис из этого текста попадает в разряд ключевых идей: «*Ещё одно качество народа имеет первостепенное значение в нравственном авторитете народа и так же, как терпимость к другим нациям, воспитывается историей – доброта… Доброта – это дар общения. Это социальное чувство и при этом очень заразительное*» [Цит. по: уч. пос. 2013: 34]. Представление о русской доброте из литературных источников ассоциируется у китайских студентов не только с размахом, щедростью и бескорыстностью, но и с состраданием, взаимопомощью, альтруизмом. Стажируясь в России, некоторые поняли, что же такое на самом деле – русская доброта, несмотря ни на какие деструктивные процессы в современном российском обществе.

Итак, формирование устойчивого интереса у иностранных студентов к познанию России напрямую связано с изучением языка и национальной культуры, запечатлённой по-разному в разных эпохах. Взгляд на Россию «изнутри» открывается через понимание особенностей национального характера и усвоение культурно-исторической палитры, многообразие которой представлено в творчестве великих русских писателей, начиная с А. С. Пушкина. Заслуга Д. С. Лихачёва состоит в том, что и сегодня его «Письма…» поддерживают диалог с молодёжью разных стран от лица России. Как выдающийся учёный, Дмитрий Сергеевич упорядочил русское лингвокультурологическое многообразие в своих трудах, и этим облегчил долгий и не лёгкий путь постижения России тому, кто его выбрал.

Библиографический список

1. Бестужев-Марлинский, А. А. Прямая речь. Мысли великих о русском языке / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост., подготовка текста и вступительная статья Д. Н. Бакуна. – Москва : Российский фонд культуры, 2007. – 510 с.

2. Лихачёв, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачёв. – Москва : Детская литература, 1989. – 238 с.

3. Приорова, И. В. «Чужие» штампы как нейтрализация «своего» в культурно-историческом осмыслении современного речетворчества / И. В. Приорова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2012. – Т. 1. – С. 92–102.

4. Приорова, И. В. К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до … / И. В. Приорова // Актуальные проблемы современного языкознания и

методики преподавания языка : сб. материалов Всерос. конф., посвящ. 115-ю со дня рождения проф. И. А. Фигуровского. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. – С. 189–194.

5. Пушкин, А. С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения : собр. соч. : в 10 т. Т. 6: Статьи и заметки. 1824–1836 гг. / А. С. Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1962. – 592 с.

6. Россия в цифрах. 2017 : краткий статистический сборник / Росстат. – Москва, 2017. – 511 с.

7. Русский язык : учеб. пособие по чтению для студентов / гл. ред. Ван Цзянсин. – Шанхай : Шанхайское издательство иностранных языков, 2008. – Т. 3. – С. 199–207.

8. Русский язык : учеб. пособие по русскому языку для студентов. – Пекин : Новое изд-во обучения и изучения иностранных языков, 2013. – С. 33–35.

И. В. Решетарова, А. В. Антоненко
(г. Горловка)

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Рассматриваются три основных способа перевода фразеологизмов с колоративным компонентом и выдвигаются возможные варианты выбора способа перевода в зависимости от характера отдельной фразеологической единицы. Также предложены образцы упражнений для развития профессиональных умений будущих переводчиков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, колоративный компонент, эквивалент, аналог.

В современном мире мы часто употребляем фразеологизмы в своей речи – они стали привычным выражением наших мыслей и чувств. Человеку, который пытается выучить язык любой другой страны труднее всего понять и перевести именно фразеологизмы, поэтому главная задача переводчика – помочь ему в этом. Фразеологические выражения хорошо закрепились в языках и приобрели оттенок, отражающий особенности разных культур, поэтому иногда переводчику недостаточно просто запомнить значение фразеологизма, чтобы достичь полного понимания между собеседниками, нужно уметь использовать его в подходящем контексте.

С. Е. Кунцевич выдвигает следующие способы перевода фразеологических единиц [Кунцевич 1999: 47]: 1) метод фразеологического эквивалента (сохраняет весь комплекс значения переводимого сочетания, т.е. в языке перевода существует фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с единицей оригинала); 2) метод фразеологического аналога (предполагает использование фразеологизма с подобным пере-

носным значением, но основанном на ином образе); 3) дословный перевод фразеологизмов или калькирование (применяется лишь в том случае, если в результате получается выражение, образность которого легко воспринимается носителем переводящего языка); 4) описательный перевод фразеологизмов (к нему прибегают лишь когда невозможно передать фразеологическую единицу через один из описанных выше трёх методов, при этом образность выражения, как правило, теряется).

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие исследователи (например, Л. Ф. Дмитриева, В. Н. Комиссаров, Н. Ф. Смирнова). Следовательно, основными приёмами перевода устойчивых выражений, можно определить следующие: перевод с помощью эквивалентных фразеологических единиц, перевод с помощью фразеологического аналога, дословный и описательный способы перевода.

Перевод фразеологизмов с колоративным компонентом с помощью эквивалентных фразеологических оборотов подразумевает поиск единственно возможного эквивалента в языке перевода, т.е. фразеологизма, который будет иметь точно такую же эмоционально-стилистическую окраску и структурный состав, как и в исходном языке.

Согласно исследованиям А. В. Кунина и В. Н. Комиссарова, эквивалентные фразеологические единицы разделяются на полные и частичные. К полным эквивалентным фразеологизмам относятся устойчивые выражения, «совпадающие по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре» [Кунин URL].

Рассмотрим примеры полных эквивалентных фразеологизмов с колоративным компонентом (с сохранением одного и того же колоративного компонента) в русском, английском и французском языках: (русск.) *как* ***красная*** *тряпка на быка – like a* ***red*** *rag to a bull,* ***белая*** *ворона – a* ***white*** *crow*; (англ.) *to give somebody a* ***green*** *light – дать* ***зелёный*** *свет, a* ***blue*** *stocking –* ***синий*** *чулок*; (франц.) *le sang* ***bleu*** *–* ***голубая*** *кровь, le marché* ***noir*** *–* ***чёрный*** *рынок.*

Вторую группу составляют частичные эквивалентные фразеологизмы. Они характеризуются отличием по любому признаку: заменой на синонимическую единицу, изменения формы или числа, изменение синтаксической структуры, но колоративный компонент при этом изменяется только в редких случаях. «Частичный эквивалент по степени адекватности перевода равноценен полному эквиваленту» [Кунин URL].

К частичным лексическим фразеологическим эквивалентам относятся: (рус.) ***дать*** *красный свет –* ***to see*** *the red light, желтый* ***глаз*** *– yellow* ***look****;* (англ.) ***white*** *lie –* ***невинная*** *ложь (во благо), black as* ***night*** *– чернее* ***тучи****;* (фран.) *prendre une situation* ***en noir*** *–* ***негативно*** *относиться к ситуации*.

Отметим, что перевод фразеологизмов заключается не только лишь в поиске фразеологических эквивалентов, но представляет собой непростой процесс, в котором очень важен профессионализм переводчика, так как необходимо учитывать характер взаимоотношений между культурами и множество других факторов. Кроме того, количество полных и частичных эквивалентов в русском, английском и французском языках довольно незначительно, поэтому переводчику далеко не всегда удаётся подобрать эквивалентное фразеологическое выражение, совпадающее по структуре и эмоционально-стилистической окраске.

В процессе работы над магистерской диссертацией нами были подобраны упражнения для развития умений перевода фразеологизмов с колоративным компонентом. Первые два упражнения предполагают тренировку в переводе с помощью эквивалентных фразеологических единиц.

Упражнение 1. К фразеологизмам с колоративным компонентом русского языка (1-10) найдите полный или частичный эквивалент в английском языке (a-j):

1	*как красная тряпка на быка*	a	*the green-eyed monster*
2	*голубая кровь*	b	*blue blood*
…	…	…	...
10	*чёрная магия*	j	*like a red rag to a bull*

Упражнение 2. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом с французского языка, используя полный или частичный эквивалент русского языка:

Le sang bleu, une magie blanche, prendre une situation en noir, le marché noir, vert de rage, il était rouge de honte, travail au noir, c'est écrit noir sur blanc, un poisson rouge, un film noir, être blanc comme un linge, une page blanche.

Другим способом перевода фразеологизмов с колоративным компонентом является перевод с помощью фразеологического аналога. Данный способ, вслед за Е. А. Степуро, мы понимаем как «перевод фразеологического выражения с первого языка фразеологизмом второго языка, адекватным по содержанию, но различным по структурно-компонентному составу» [Степуро 2010: 20]. Стоит обратить внимание, что при использовании данного способа переводчик может столкнуться с рядом трудностей, которые могут повлечь за собой значительные искажения смысла устойчивого выражения в переводе. Чтобы избежать этого переводчик должен отчетливо понимать суть фразеологического выражения и обязательно обращать внимание на контекст, в котором оно используется, так как нередко встречаются фразеоло-

гизмы, имеющие два и больше аналога в другом языке, и из них приходится выбирать наиболее подходящий.

Примеры использования фразеологического аналога во фразеологизмах, имеющих колоративный компонент в исходном языке: (рус.) *белая полоса в жизни – a white day*, *доходить до белого каления – to flow into a white rage*; (англ.) *a black sheep of the family – в семье не без урода, the grass is always greener on other side of the fence – хорошо там, где нас нет;* (фран.) *passer une nuit blanche – не сомкнуть глаз, une cartouche jaune – волчий билет.*

Предлагаем образцы упражнений на развитие умений перевода фразеологизмов с колоративным компонентом с помощью аналога.

Упражнение 1. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом английского языка, используя аналог в русском языке:

a black sheep of the family, to become red in the face, a white day, to flow into a white rage, the grass is always greener on other side of the fence, once in a blue moon, between the devil and the deep blue sea, like blue murder.

Упражнение 2. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом французского языка, используя аналог в русском языке:

Être trop vert en paroles, être voué au bleu, c'est écrit noir sur blanc, passer une nuit blanche, le papier souffre tout et ne rougit de rien, une verte reprimande, se faire un bleu, être dans les bleu.

Упражнение 3. Переведите предложения с английского языка на русский, используя аналог фразеологической единицы.

1. With John gone, the inheritance is the younger sister and black sheep of the family. 2. Maybe you were right, maybe I just wasn't accepting that once in a blue moon, a case presents itself. 3. Sometimes it's difficult to judge when you're caught between the devil and the deep blue sea.

При переводе путём подбора фразеологического аналога переводчик должен обладать не только профессионализмом, но и быть творческой личностью. Связано это с тем, что нередки случаи, когда (например, в контексте перевода юмористических текстов) самый нелепый вариант перевода и оказывается самым подходящим. Иными словами, переводчик должен тщательно изучить контекст, характер переводимого фразеологического выражения, чтобы подобрать максимально равноценный вариант в языке перевода.

Переводчик вынужден использовать описательный способ перевода фразеологизмов, когда к устойчивому выражению невозможно подобрать эквивалент или аналог. Данный способ перевода трудно назвать полноценным, так как прибегая к данному методу можно упустить красочность, экспрессивность или оттенки значений. В связи с этим, профессиональные переводчики стараются как можно реже применять данный способ перевода.

На практике, данный способ перевода приравнивается к описанию толкования самого фразеологического выражения – они могут передаваться как целыми предложениями, словосочетаниями, так и, одним словом. Это могут быть определения, сопоставления, описания, объяснения – все средства, передаваемые в предельно точной и краткой форме значение устойчивого выражения.

Рассмотрим применение данного способа перевода фразеологизмов, содержащих колоративный компонент, с помощью только одного слова: (рус.) *red as a rose* – красивый, *зелёный змий* – an alcohol; (англ.) *in black and white* – очевидно, *to show the white feather* – струсить; (фран.) *regarder d'un oeil noir* – разозлиться, *mettre son nez dans le bleu* – напиться.

На основе приведённых выше примеров легко заметить, что фразеологизмы с колоративным компонентом, не имеющие эквивалента или аналога в языке перевода, можно перевести при помощи одного слова. Этот факт объясняется тем, что, как в русском, так и в английском и французском языках существует большое количество синонимов, и, следовательно, у переводчика есть шанс выбрать наиболее краткий вариант.

Далее рассмотрим применение данного способа перевода фразеологизмов, содержащих колоративный компонент, с помощью словосочетания: (рус.) *жёлтый дом* – mental hospital, *синяя птица* – a symbol of happiness; (англ.) *to be out of the red* – выплатить долг, *climb into the black* – стать рентабельным, приносить прибыль; (фран.) *broyer du noir* – сильно расстроиться, *une affaire noire* – подлое дело.

Следующий методом применения описательного способа перевода фразеологизмов, содержащих колоративный компонент, с помощью предложения: (рус.) *белая полоса в жизни* – is a period in a person's life, when luck accompanies him and everything develops exactly as he want, *шито белыми нитками* – something is inexplicably hidden; (англ.) *red line* – линия для передачи важной информации в незасекреченной форме, *to mark with a white stone* – отметить какой-либо день, как особо счастливый или знаменательный; (фран.) *le mouton noir – человек, сильно выделяющийся среди других, tu as la main verte – об опытном садовнике или дачнике, собравшем богатый урожай*.

Следующие упражнения мы предлагаем использовать для развития умений перевода фразеологизмов с колоративным компонентом с помощью описательного способа.

Упражнение 1. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом с французского языка описательным способом с помощью одного слова:

faire chou blanc, voir voler des éléphants roses, homme de bleu, travailler dans le rouge, les diables bleus, saigner à blanc, avoir des bleus,

mettre son nez dans le bleu, une canne blanche, une gueule noire, chapeau rouge.

Упражнение 2. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом (А) с русского и (Б) с английского языка описательным способом с помощью целого предложения:

А. *белая полоса в жизни, света белого не видеть, шито белыми нитками*.

Б. *white hope, be not as green as one is cabbage-looking, red sky at night*…

Упражнение 3. Переведите фразеологизмы с колоративным компонентом с французского языка описательным способом с помощью словосочетания:

travailler au noir, voir rouge, langue verte, vert de rage, broyer du noir, une verte vieillesse, une caisse noire, voir la vie en blanc, un vieillard encore vert, être blanc comme neige, les blouses blanches, être jaune comme du safran, du bois vert, voir des bleus à lâme.

В заключение отметим, что нередки случаи, когда переводчики пользуются описательным способом перевода фразеологизмов даже при наличии эквивалента или аналога в языке перевода, так как это позволяет сэкономить время. Мы считаем данный способ перевода не совсем корректным, и склоняемся к мнению, что фразеологизм следует переводить фразеологизмом, если этого позволяет язык перевода. В целом, при выборе способа перевода следует тщательно изучить контекст и характер переводимого фразеологического выражения, чтобы подобрать максимально равноценный вариант в языке перевода.

Библиографический список

1. Кунин, А. В. Вопросы теории и истории перевода / А. В. Кунин. – URL: www.ifoxy.ru/viewtopic.php?f=88&t=1355

2. Кунцевич, С. Е. Грамматические трудности перевода / С. Е. Кунцевич, Н. Ф. Смирнова. – Минск, 1999. – 47 с.

3. Степуро, Е. А. Способы перевода английских фразеологических единиц на русский язык. Сложности перевода фразеологизмов : дип. раб. / Е. А. Степуро. – Минск, 2010. – 20 с.

И. В. Рузаева
(г. Пенза, Россия)

РЕЧЕВЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. Обосновываются основные задачи работы по культуре речи в школе. Затрагивается проблема классификации ошибок в творческих работах учащихся, предлагается система их предупреждения и устранения.

Ключевые слова: культура речи, грамматические и речевые ошибки.

Культура устной и письменной речи рассматривается как одна из составляющих культуры личности: «Речь человека – это лакмусовая бумажка его общей культуры, владение литературным языком составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности» [Горбачевич 1978: 3].

Термин «Культура речи» многозначен. В школьной практике закрепилось следующее определение понятия: «Культура речи – это совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих автору речи незатруднённое построение речевых высказываний для оптимального решения задач общения» [Соколова 1995: 15].

Работа по культуре речи ведётся при изучении всех основных разделов русского языка. При этом решаются следующие задачи: познакомить учащихся с нормами современного русского литературного языка; сформировать навыки использования языковых средств в соответствии с целями и задачами общения; сформировать речь, отличающуюся точностью, богатством и выразительностью.

Однако проблема увеличения ошибок в устной и письменной речи учащихся продолжает существовать. Учителю-словеснику необходимо постоянно работать над развитием речевой культуры учащихся. Ошибки в их творческих работах являются тем материалом, анализ которого позволяет оценить уровень культуры речи и наметить пути его совершенствования: «Исправляя речевые ошибки, учитель выполняет работу типа редакторской правки, которая носит обучающий характер. Цель её не только улучшить текст, но и помочь ученику разобраться в характере допущенной ошибки». Исследователь отмечала, что именно «правильная квалификация ошибки – залог успешной работы по её предупреждению и устранению» [Цейтлин 1982: 108].

В методической литературе нет единой классификации ошибок в творческих работах обучающихся. Наиболее известные классификации представлены в работах «Развитие речи: теория и практика обучения» (1991) В. И. Капинос, «Методика развития речи младших школьников» (1985) М. Р. Львова, «Речевые ошибки и их предупреждение» (1982) С. Н. Цейтлин.

Сопоставляя названные классификации, отметим следующее: в основе классификаций М. Р. Львова лежит деление ошибок на группы, соответствующие уровням языковой системы: лексические (словарные), морфологические, синтаксические [Львов 1985: 148].

С. Н. Цейтлин также делит ошибки на группы, соответствующие строю языка. И в то же время ошибки квалифицируются в соответствии с формами речи – устной и письменной. Так, выделяются ошибки, которые свойственны только устной речи (орфоэпические, акцентологические), только письменной (орфографические и пунктуацион-

ные) или ошибки, относящиеся и к той, и к другой формам речи (словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, стилистические) [Цейтлин 1982: 12].

Классификация В. И. Капинос базируется на соблюдении / несоблюдении норм русского литературного языка. В ней доступно и подробно описаны всевозможные речевые и грамматические ошибки, что позволяет более точно классифицировать их: языковая (грамматическая) ошибка – это отклонение от различных грамматических норм (словообразовательных, морфологических, синтаксических); речевая ошибка – это неправильное, нарушающее требования правильности речи и нормы литературного языка (ошибка) или неудачное употребление языковых средств в речи (недочёт), то есть «нарушение требования коммуникативной целесообразности речи, нарушение рекомендаций, связанных с понятием хорошей речи, то есть богатой, точной, выразительной» [Капинос 1991: 71].

При анализе ошибок в творческих работах учащихся мы придерживались классификации В. И. Капинос, которая широко используется в школьной практике.

Система работы по предупреждению и устранению ошибок – важная задача школы. Работа над правильностью речи обеспечивается с помощью упражнений: анализ языковой нормы, сопоставление нормы и нарушения; выбор из двух вариантов: ошибочного и правильного; редактирование текстов, замена ошибочных употреблений.

Нами был разработан комплекс упражнений, направленных на предупреждение и устранение речевых и грамматических ошибок в письменных работах учащихся.

1. Упражнения по работе над речевыми ошибками

Лексическая сочетаемость слов

Задание. Все слова разделите на две группы в зависимости от сочетаемости с паронимами «масленый» и «масляный». Составьте с ними предложения.

Бумага, взгляд, глаза, голос, запах, картина, краска, лак, лампа, лицо, лужа, полотенце, пятно, портрет, руки, слова, улыбка

Лексическая избыточность (тавтология и плеоназм)

Задание. Найдите в предложениях лишние слова. Свой выбор объясните. Выявите различные формы речевой избыточности (плеоназм, тавтология)

1. Он спрятал в карманы ладони рук. 2. Его можно назвать патриотом своей Родины. 3. Я родился в мае месяце. 4. Возвращаясь из школы, я попал под проливной ливень. 5. Умение распределять время – полезный навык. 6. На совещании были озвучены перспективы работы на будущее.

2. Упражнения по работе над грамматическими ошибками

Словообразование

Задание. Объясните ошибки в образовании слов. Подумайте, как их можно исправить.

Зафотографировать, ликвидирование, пользительный, благородность, стыдство, взятничество, робкость, просторечивый, приклонность, упорность.

Согласование подлежащего и сказуемого

Задание. Выберите нужную форму сказуемого, обоснуйте выбор.

1. Часы-будильник (испортились, испортился) в первый же день. 2. Завод-лаборатория (выполнил, выполнила) срочный заказ. 3. В музее (открыт, открыта) выставка-просмотр новых картин. 4. Газета «Ведомости» уже неоднократно (поднимала, поднимали) эту проблему. 5. Женщина-врач (дал, дала) направление в больницу.

Построение предложений с причастным оборотом

Задание. Найдите и справьте ошибки в употреблении причастных и деепричастных оборотов. Своё мнение обоснуйте.

1. Направляемых студентов на практику необходимо хорошо подготовить теоретически. 2. Проявленная инициатива молодежью оказала помощь заводу. 3. Ученик, напишущий изложение без ошибок, получит высокую оценку. 4. Занимаясь в секции, у мальчика оставалось мало времени. 5. Рассуждая таким образом, постепенно отпадали различные варианты. 6. Слушая его, меня не покидала одна мысль.

Задача учителя заключается не только в том, чтобы найти ошибки в работах учащихся и правильно их квалифицировать, но и вести планомерную работу по их предупреждению и устранению.

Библиографический список

1. Капинос, В. И. Развитие речи: теория и практика обучения / В. И. Капинос, Н. И. Сергеева, М. С. Соловейчик. – Москва : Просвещение, 1991. – 192 с.

2. Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников / М. Р. Львов. – Москва : Просвещение, 1985. – 176 с.

3. Соколова, В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – Москва : Просвещение, 1995. – 190 с.

4. Цейтлин, С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение : пособие для учителей / С. Н. Цейтлин. – Москва : Просвещение, 1982. – 143 с.

А. В. Ушал
(г. Пенза, Россия)

РАБОТА С ТЕРМИНАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Дается общее понятие о термине, приводятся несколько подходов к его определению. Показано, что работа с терминами является важной составляющей на уроках русского языка. Приведены приемы работы с терминологическим аппаратом при изучении нового материала и его закрепления на уроке.

Ключевые слова: термин, терминологический аппарат, терминология.

Термины имеют огромное научное значение. Точное знание термина помогает нам глубже проникнуть в ту или иную специальную область знаний. В настоящее время нет общепринятого определения термина, полностью отражающего его суть. Термин является объектом одновременно нескольких наук, поэтому наблюдается несколько подходов к его определению. Так, в логике термин – это любое слово, если ему дана строгая дефиниция. Философы понимают термин как сокращение дефиниции, приравнивая тем самым оба понятия. Социологи рассматривают в качестве термина любое специальное слово, особенно если оно связано с наукой или производством, независимо от его происхождения и наличия у него строгой дефиниции. Лингвисты же понимают под термином именование понятия, а под дефиницией – развёрнутое толкование этого имени [Яковлева 2014: 88].

В языке термины существуют в составе определённой терминологии. В общем языке слово может быть многозначным, но, если слово попадает в определённую терминологию, то оно становится однозначным.

Каждой научной дисциплине, каждому учебному предмету свойственен терминологический аппарат. Русский язык как учебный предмет тоже имеет свою терминологию, работа с которой очень важна на уроках. Изучение лингвистической терминологии с образовательно-познавательной точки зрения создаёт условия для системного подхода при изучении всех разделов русского языка. Однако в практике преподавания возникает проблема терминологической безграмотности обучающихся, затруднения в определении тех или иных научных лингвистических терминов, в понимании их сущности, а также в свободном использовании терминологии в учебной и научно-исследовательской деятельности. Знание обучающимися лингвистической терминологии – одно из важных условий формирования их языковедческой компетенции и орфографической грамотности, овладения умением чтения и анализа произведений различных стилей. Поэтому возникает необходимость создания таких форм работы на уроках русского языка, которые бы способствовали эффективному и системному усвоению терминов обучающимися.

Работа с терминами на уроках русского языка может осуществляться на всех его этапах: при изучении нового материала, его закреплении, проверке усвоения знаний и сформированности умений и навыков.

Обучение приёмам работы с лингвистическими терминами осуществляется в основном в ходе знакомства с новым материалом. По мере объяснения материала учитель вводит термин, а обучающиеся должны записать его, чтобы запомнить его написание. А приём прого-

варивания термина несколько раз вслух позволяет потренироваться в его правильном произношении. Такие приёмы на начальном этапе знакомства с термином способствует установлению связей между различными типами памяти [Любаева 2017].

Другим важным приёмом при знакомстве с термином является работа над выяснением его семантики и этимологии. Это способствует формированию умения анализировать, выделять главное в изучаемом понятии и делать обобщения, то есть такая работа способствует развитию мыслительной деятельности учащихся. Данный приём нужно использовать особенно часто, так как в большинстве случаев смысловое значение термина совпадает с основным содержанием того понятия, которое определено данным термином. Например, при знакомстве с термином «орфография» обучающиеся определяют, что это сложное слово, которое состоит из двух слов: «орфо» – правильно и «графо» – пишу. Обучающиеся самостоятельно сопоставляют понятие с термином, что положительно сказывается на запоминании не только термина, но и его понятийного значения. В этом заключается аналитико-синтетический приём терминологической работы [Любаева 2017].

Очень важно, чтобы в ходе изучения нового материала или на других этапах в системе уроков одни и те же термины использовались в разных учебных ситуациях: произносились учителем, записывались, применялись в ходе практической работы.

Итак, приведённые выше приёмы работы с терминами при изучении нового материала показывают, что они органически вписываются в процесс формирования понятий, способствуют лучшему их усвоению и запоминанию.

Терминологическая работа, начатая при изучении нового материала, должна быть продолжена и при его закреплении. Составление схем и заполнение таблиц – наиболее эффективные приёмы работы с терминами при закреплении знаний. Например, обучающимся предлагается составить схему классификации односоставных предложений или найти ошибки в готовой таблице [Любаева 2017].

Таким образом, работа с терминами на уроках русского языка играет важную роль. Она способствует формированию у обучающихся орфографической грамотности, овладению умениями чтения и анализа произведений различных стилей. Работа с терминами должна иметь систематический характер и заключать в себе разнообразные приёмы для эффективного усвоения терминологического аппарата обучающимися.

Библиографический список

1. Любаева, Л. В. Работа с терминами на уроках русского языка / Л. В. Любаева – URL: https//infourok.ru/rabota-s-terminami-na-urokah-russkogo-yazika-1967796.html

2. Яковлева, А. А. К вопросу о понятии «термин» в современной лингвистике / А. А. Яковлева // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2014. – № 2. – С. 88–94.

А. П. Шпикина
(г. Пенза, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Аннотация. Рассматривается метод проектов на занятиях русским языком. Включает теоретический и практический материал: к основным видам проектов (информационных, ролевых, практико-ориентированных, творческих и исследовательских) предложены примерные темы и способы их реализации в рамках изучения русского языка в 5–11 классах.

Ключевые слова: русский язык, проект, проектно-исследовательская деятельность, виды и темы проектной деятельности.

Главной целью современного российского образования становится переход от репродуктивной передачи знаний, умений и навыков к деятельностной и преобразующей, направленной на полноценное развитие способностей обучающегося. Всесторонне реализовать данный подход позволяет проектная деятельность.

Ценность метода проектов неоспорима: он «позволяет детям выбрать деятельность по интересам, по силам, способствует зарождению мотивации к последующим учебным делам, побуждает школьников добывать новые знания, использовать имеющийся опыт при решении конкретных проблем» [Яковлева 2018]. «Главной особенностью этого метода является обучение на активной основе, через целесообразную деятельность» [Колмакова, Шалков 2015: 231].

Русский язык как учебный предмет – плодотворная почва для проектной деятельности. Эта форма работы даёт ученикам возможность почувствовать предмет, расширить свой словарный запас и кругозор, закрепить имеющиеся грамматические знания, повысить уровень коммуникативных навыков, сформировать умение ориентироваться в информационном пространстве. На уроках русского языка метод проектов следует использовать не вместо систематического предметного обучения, а наряду с ним.

«В процессе обучения русскому языку метод проектов реализуется, когда учащиеся уже имеют определённый багаж знаний по какой-либо теме» [Соколова 2008: 4]. Многообразие типов проектов (исследовательские, творческие, игровые, информационные, практико-ориентированные) даёт учителю-словеснику возможность решать самые разные задачи обучения и воспитания подростков в интересной для них форме.

Так, в качестве информационного проекта учащиеся могут собрать и представить материал на темы: «Русские семейные имена и прозвища: история и современность», «Из жизни устаревших слов», «Новые профессии в современном мире и их названия», «История при-

частий и деепричастий». Практико-ориентированным проектом по русскому языку может стать подборка материалов «Неологизмы XX–XXI вв.» или составление словаря неологизмов. Интересными и, главное, познавательными, являются такие исследовательские проекты, как «Диалектизмы Пензенской области в словаре В. И. Даля», «Заимствованная лексика в наименованиях одежды для подростков», «Язык мессенджеров». При изучении русского языка допустим и творческий проект, например «О современной стихотворной рекламе», который можно представить в виде постановки.

Проекты по русскому языку классифицируются и по продолжительности. «Мини-проекты укладываются в один урок. Их разработка наиболее продуктивна на уроках развития речи» [Соколова 2008: 5]. Например, над мини-проектом «Составление рекламного текста с использованием максимального количества эпитетов» работа ведётся в небольших группах, её продолжительность 20 минут (10 минут на подготовку и по 2 минуты на презентацию каждой группы).

Мини-проекты могут быть реализованы и в качестве домашнего задания: написание сочинения, создание сказки по теме, викторины в картинках, наглядного пособия, кроссворда. В начале 7 класса при изучении тем о языке предлагаем учащимся создать «Терминологический кроссворд», используя в нём названия разделов лингвистики, значимых единиц языка, видов разборов.

Существуют также и краткосрочные проекты по русскому языку, они занимают около 4–6 уроков и выполняются в группах. Пример: проект «Падежный вопрос» (6 класс). Первая группа учащихся вспомнит, с какими предлогами и вспомогательными словами употребляется каждый из падежей; другие – будут искать отличия в разграничении Р. п. и В. п.; задача третьей группы – подбор правил, в которых требуется знание падежа, а четвёртой – создание примеров, когда падеж существительного зависит от его положения в синтаксической конструкции.

Проект «Галерея частей речи» является долгосрочным (6–7 классы). Одним из предметов изучения может стать «Деепричастие»: дети должны усвоить полный объём теоретических сведений по теме, что будет способствовать овладению разнообразными нормами русского литературного языка. «Конечный продукт» оформляется школьниками в виде серии иллюстраций, лингвистических сказок, справочного материала, сборника сочинений, тестов по данной теме.

Заметим, что возрастной критерий также влияет на выбор вида проекта. Так, учащиеся 5–6-х классов проявляют большую склонность к игровым и творческим проектам; 7–8-классники любят работать над практико-ориентированными проектами; старшие подростки успешно справляются с исследовательскими проектами [Яковлева 2018].

Учащимся пятых классов можно предложить выполнить проекты на темы: «Альбом правил русского языка “Кто командует корнями?”», «Похвальное слово знакам препинания», «Имена собственные учащихся 5-х классов», «Лингвистическая сказка о приставках ПРИ- и ПРЕ-», «Весёлая лингвистика в рисунках», «Портрет слова», «У меня зазвонил телефон (этика телефонного общения)», «Утерянные буквы русского алфавита» и др.

Для среднего звена тематика проектов будет отличаться, она требует от учащихся больше аналитических навыков: «Математика в русском языке», «Лексика газетных заголовков», «Ономастика названия магазинов нашего города», «Отражение русского национального характера во фразеологизмах», «Отражение интересов подростков в их речи», «Речевые ошибки в современных российских песнях», «Совпадают ли орфографические правила написания сложных слов в русском и английском языках?».

Старшеклассники смогут проявить свои исследовательские навыки, работая над проектами: «Копилка примеров на правила постановки двоеточия в бессоюзных сложных предложениях», «Необычные знаки препинания (авторская пунктуация в художественных произведениях)», «Прошлое, настоящее и будущее личных писем», «Синтаксическая синонимия сложноподчинённых и простых осложнённых предложений», «Тезисы как вид сжатого текста». Эти темы можно выбрать для создания как индивидуальных проектов, так и для групповой исследовательской деятельности.

Разнообразие учебных проектов по русскому языку для школьников-исследователей является возможностью сделать процесс обучения интереснее, расширить свой учебный арсенал, а затем перенести приобретённый опыт на другие виды учебной и внеучебной работы.

Таким образом, проектная деятельность – оптимальный способ для соединения личностно-ориентированного обучения, современных информационных технологий и самостоятельной работы учащихся. Важной задачей для учителя-словесника является лишь выбор и разработка способа введения метода проектов в систему изучения русского языка.

Библиографический список

1. Колмакова, В. В. Технология проектов в современном образовательном пространстве / В. В. Колмакова, Д. Ю. Шалков // Преподаватель высшей школы в XXI веке : тр. Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Ростовский государственный университет путей сообщения. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. – С. 231–238.

2. Соколова, Ю. А. Учебный проект и возможности его реализации на уроках русского языка / Ю. А. Соколова // Русский язык в школе. – 2008. – № 3. – С. 3–10.

3. Яковлева, О. В. Проектная деятельность на уроках русского языка / О. В. Яковлева. – URL: https://multiurok.ru/files/proektnaia-deiatelnost-na-urokakh-russkogo-iazyk-3.html

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Н. А. Гильдеева
(г. Пенза, Россия)

ЧАСТИЦА *ЧТО НИ НА ЕСТЬ* В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматривается лексикографическое описание аналитической частицы *что ни на есть*. Отмечается активность употребления данной языковой единицы в русской разговорной речи. Выделяются общие и частные особенности рассматриваемой частицы в словарях разных типов. На основании анализа лексикографических источников аналитическая частица *что ни на есть* квалифицируется как фразеологическая. Делается вывод о необходимости более полного лексикографического описания данной языковой единицы.

Ключевые слова: аналитическая частица, стилистическая окраска, лексикографическое описание, фразеологическая частица.

В русской речи активно употребляется аналитическая частица *что ни на есть*. В Национальном корпусе русского языка представлены 832 контекста разных стилей с данной языковой единицей: *Где коня* ***что ни на есть*** *лучшего украл; где корову зарезал, где барана, а где так и в сундук залез да ограбил все деньги у богатых мужичков* (А. Черкасов) – художественный стиль; *«Общая газета», конечно, тоже не могла остаться в стороне – ведь хотя сказочные герои и являются в буквальном смысле слова дутыми, удовольствие от этого праздника будет самым* ***что ни на есть*** *реальным* (Е. Солоухина) – публицистический стиль; *Да не в том, впрочем, и вся-то штука, а в том, мои приятели, что хотят нас, православных, совсем из первейшего* ***что ни на есть*** *российского полка немцами повытеснить!..* (Е. Карнович); *Ихней любви, может быть, самые* ***что ни на есть*** *первостатейные купцы аль генералы какие достойны…*(П. Мельников-Печерский) – разговорный стиль.

Однако, несмотря на активность употребления, в настоящее время данная частица изучена недостаточно полно.

Важнейшим аспектом исследования языковых единиц является их лексикографическое описание, в связи с чем цель данной работы – выяснение того, как представлена частица *что ни на есть* в лексикографических источниках. Для этого мы обратились к словарям разных типов, среди которых:

1. Толковые словари: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999]; «Толковый словарь» Д. Н. Ушакова [Ушаков: электронный ресурс]; «Русский толковый сло-

варь» В. В. Лопатина [Лопатин: электронный ресурс]; «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1988].

2. Фразеологические словари: «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова [Молотков 1994]; «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [Тихонов 2004]; «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова [Фёдоров 2008].

Анализ лексикографического описания аналитической частицы *что ни на есть* в вышеназванных словарях показал, что общим в характеристике частицы является указание на её усилительную семантику. Частными особенностями описания рассматриваемой частицы в разных лексикографических источниках является указание на стилистическую окраску, на наличие экспрессивного потенциала и на особенности употребления.

Так, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова, в статье, посвящённой *что ни на есть*, отмечается просторечный характер частицы и наличие у неё экспрессии [Фёдоров 2008: 225]. Просторечным с точки зрения стилистической окраски считает *что ни на есть* и Д. Н. Ушаков. Он рассматривает это сочетание в словарной статье, посвящённой частице *ни* и отмечает, что оно «употребляется для усиления превосходной степени» [Ушаков: электронный ресурс].

В «Русском толковом словаре» В. В. Лопатина частица *что ни на есть* характеризуется как разговорная. Помимо стилистической окраски, отмечается, что частица «употребляется в значении усиления (обычно при слове «самый»)» [Лопатин: электронный ресурс].

Об экспрессивном потенциале в семантике аналитической частицы *что ни на есть* говорят С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. В «Словаре русского языка» они отмечают, что рассматриваемая частица «выражает усилие и свободную возможность выбора» [Ожегов, Шведова 1999: 817]. А. И. Молотков во «Фразеологическом словаре русского языка» определяет *что ни на есть* как выражение «усилия какого-либо признака или качества кого-либо или чего-либо» [Молотков 1994: 156]. Во «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова также говорится о том, что *что ни на есть* «употребляется для усиления степени проявления качества, признака, соответствуя по значению слову «самый» [Тихонов 2004: 769].

Аналитическая частица *что ни на есть* описывается в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. В нём данная языковая единица рассматривается в словарной статье, посвящённой вопросительно-относительному местоимению *что*. Автор отмечает, что данная частица употребляется в значении «какой только есть, имеется» [Евгеньева 1981–1984: 686].

Включение частицы *что ни на есть* во фразеологические словари русского языка даёт основания классифицировать её как фразеологическую частицу. По мнению Л. А. Григорович, «фразеологические частицы ещё не нашли своего адекватного отражения в лексикографии. Не имея общих принципов подхода к их описанию и толкованию, лексикографы чаще всего либо тем или иным способом привязывают их к «знаменательному» слову, либо попросту отказывают в праве на существование» [Григорович 2015: 47]. Проанализировав описание частицы *что ни на есть* в словарях разных типов, мы убеждаемся в верности этого суждения. Частица *что ни на есть* лишь упоминается в них и не квалифицируется как фразеологическая. В большинстве случаев ей не отводятся отдельные словарные статьи: чаще всего она включается словарную статью, посвящённую частице *ни*, в то время как, на наш взгляд, анализируемая частица является самостоятельной языковой единицей. Кроме того, авторы «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова утверждают, что «сложные союзы, предлоги, частицы и т.п. <…> не могут быть отнесены к фразеологизмам», так как, по их мнению, «фразеологизмы в такой же степени знаменательные единицы языка, как и знаменательные слова» [Молотков 1994: 16].

Таким образом, анализ словарей разных типов показал, что аналитическая частица *что ни на есть* как представитель пока мало изученного класса фразеологических частиц занимает особое место в грамматической системе современного русского языка. Как и другие фразеологические частицы, *что ни на есть* пока не нашла своего полного отражения в лексикографии, однако большое количество разнообразных контекстов, включающих рассматриваемую частицу, свидетельствует об активном её употреблении в русской речи и необходимости более полного лексикографического описания.

Библиографический список

1. Григорович, Л. А. О фразеологических частицах русского языка / Л. А. Григорович // Русская речь. – 2015. – № 5. – С. 45–49.

2. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / А. П. Евгеньева. – Москва, 1988. – Т. 4. – С. 686.

3. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин. – URL: http://www.xn--80aacc4bir7b.xn (дата обращения: 12.02.2020).

4. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 16; 156.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – С. 817.

6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь / Д. Н. Ушаков. – URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=36080 (дата обращения: 12.02.2020).

7. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – Москва, 2008. – С. 225.

А. А. Дариков
(г. Брянск, Россия)

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОТОТИПА

Аннотация. Рассматриваются процессуальные сочетания в их дофразеологическом периоде, которые реализуют собственное лексико-грамматическое значение в свободной синтагматике и, пересекая границы фразеологического оборота, частично продолжают реализовывать ту же семантику – семантику прототипа. Полученные выводы говорят о том, что моделирование фразеологизма, касающееся в основном глагольных конструкций, является, как правило, рудиментным явлением свободной глагольной сочетаемости.

Ключевые слова: фразеологизм, лексико-грамматическое значение, процессуальный компонент, моделирование, архисема, план выражения.

Вопрос о роли моделирования образа устойчивых структур важен уже только потому, что синтаксическое следование составляющих оборота закладывается не сиюминутным выбором языковых средств участника коммуникации, а социально-бытовыми и историко-политическими реалиями этноса на протяжении времени [Karabulatova, Vildanov 2017: 14]. Поэтому следование компонентов как результат определённого моделирования характеризуется своей статичностью, которую принято называть одним из конституционных признаков устойчивого оборота.

К одному из наиболее известных приёмов моделирования устойчивых оборотов следует отнести использование процессуального компонента – глагола, некогда использовавшегося в свободном значении для описания отдельно взятого действия.

Процесс фразеологизации (переход свободного сочетания в устойчивое, или моделирование), или моделирования, характеризуется различными этапами преобразования синтаксического (а затем – семантического) сплава знаменательных (имя существительное, имя прилагательное, глагол) и неполнознаменательных единиц языка (грамматическая фразеология, типа *в течение, между тем как* [Чепасова 2016: 143]).

Вполне очевидно, что в ходе моделирования происходит утрата прежних значений, которые существовали в свободной синтагматике, и возникает приобретение новых, но исключительно в заданной (несвободной) сочетаемости.

К примеру, если рассматривать процессуальный компонент в моделях устойчивых оборотов, то в ходе его фразеологического моделирования можно отметить случаи как ретенции действия, так и субституции.

Например, в таких устойчивых оборотах *утереть нос* ‘превзойти кого-либо’ [Степанова 2003: 352], *вертеться колесом* ‘суетиться’ [Степанова 2003: 245], *водить за нос* ‘обманывать’ [Степанова 2003: 350], *мерить вёрсты* ‘ходить на большое расстояние’ [Степанова 2003: 58], *толочь воду в ступе* ‘заниматься бесполезным трудом’ [Степанова 2003: 75], *дать знать* ‘сообщить’ [Степанова 2003: 207], *напевать в уши* ‘наговаривать на кого-либо’ [Степанова 2003: 553] и др. можно наблюдать то, что глагольный компонент, являясь стержневым, даже в результате метафоризации тем не менее сохраняет в общем плане свою процессуальность.

И обратная ситуация – в свободном употреблении глагольная лексема обозначает некое действие, но при фразеологизации указанная процессуальность утрачивается: *сколько влезет* ‘вдоволь’ [Степанова 2003: 73], *шаром покати* ‘совершенно пусто’ [Степанова 2003: 589] – процессуальность сменяется количественными характеристиками; *как в воду опущенный* ‘унылый вид’ [Степанова 2003: 75], *вырви глаз* ‘1) смелый человек; 2) что-то кислое’ [Степанова 2003: 107] – процессуальность заменяется на атрибутивно-предикативную семантику; *раз плюнуть* ‘без особых усилий’ [Степанова 2003: 400], *рукой подать* ‘недалеко’ [Степанова 2003: 472] – процессуальность заменяется на качественно-обстоятельные значения; *милости просим* ‘вежливое приглашение’ [Степанова 2003: 310], *честь имею* ‘вежливо-официальная форма приветствия’ [Степанова 2003: 220] – процессуальность заменяется на модально-междометную семантику.

Входя в состав синтагматически обусловленной сочетаемости, лексема, десемантизируясь, становится частью фразеологического конгломерата, утрачивает своё первоначальное значение и приобретает общее значение, свойственное всем компонентам в совокупности.

Хотя стоит отменить, что не весь семантический потенциал утрачивает лексема, становясь частью фразеологизма, – некоторые архисемные фрагменты все же сохранены [Vassilenko, Karabulatova 2018: 831].

Так, в обороте *думать думу* ‘размышлять’ [Мокиенко, Никитина 2007: 205] процессуальный компонент в рамках всего оборота реализует то же значение, что и в свободном употреблении (думать хорошо, думать правильно и т.п.) – содержится та же сема – ‘предаваться мыслям’. Но, чаще всего, лексема, попадая в компонентный состав фразеологизма, утрачивает свою семантику, реализуемую за пределами зависимого (фразеологического) сочетания.

Так, в составе фразеологизма *выйти боком* [Фёдоров 2008: 124] глагольный компонент в совокупности с адвербиальным компонентом демонстрируют нелицеприятный исход для индивида, но не само физическое перемещение в пространстве вполоборота.

Дистрибуция главного и зависимого компонентов во фразеологизме во многом подвержена логике. Компонентный состав фразеологизма, содержащий глагол, иногда отбирает в качестве ключевого слова субстантивную часть, при этом процессуальная часть нивелируется: при всей очевидности некоторого процесса важным становится результирующая часть, а не само действие.

Так, например, во фразеологизмах *дать пинка* ‘пнуть’, *дать осечку* ‘не получить желаемого результата’, *дать жизнь* ‘родить’ [Степанова 2003: 171] семантическим центром является не процесс, а то, что обозначено на выходе этого процесса. Терминативность в этих случаях является ключевой уже за счёт того, что семантика данных оборотов обладает слабой идиоматичностью, и все внимание сосредоточено не на том, что субъект передаЁт что-либо объекту (компонент *дать*), а насколько вАжным становится для субъекта консеквенциональная форма этого процесса (*пинок, осечка, жизнь*).

В случае, когда во фразеологически связанном значении реализуется то же значение, что и за пределами оборота, то могут формироваться антонимические пары (*входить в долю – выходить из доли, входить в русло – выходить из русла, входить в доверие – выходить из доверия* [Федоров 2008: 106–107]).

Таким образом, моделирования фразеологического образа на основе глагольного сочетания говорит о том, что взятая за основу формирования образа лексическая процессуальность, как правило, является и процессуальностью фразеологической.

Библиографический список

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Медиа Групп, 2007. – 785 с.

2. Степанова, М. И. Фразеологический словарь русского языка / М. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Виктория плюс, 2003. – 608 с.

3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

4. Чепасова, А. М. Избранные труды : в 2 т. – Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований / А. М. Чепасова. – Челябинск : ЧПГУ, 2016. – 211 с.

5. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity / I. S. Karabulatova, K. S. Vildanov, A. A. Zinchenko, E. N. Vasilishina, A. P. Vassilenko // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. – 2017. – Т. 25. – С. 1–16.

6. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture / A. P. Vassilenko, I. S. Karabulatova, E. N. Vasilishina, R. A. Tukaeva, V. V. Barabash // Opcion. – 2018. – Т. 34, № 85. – С. 825–839.

В. А. Дубинина
(г. Луганск)

ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Аннотация. Исследованы вводные и вставные конструкции в историческом ракурсе. Проанализированы научные работы, посвященные вводным и вставным элементам. Рассмотрен принцип дифференциации вводных и вставных единиц в современном языкознании.

Ключевые слова: вводные и вставные конструкции, вставка, исторический ракурс, синтаксическая категория.

Явление вводных и вставных конструкций, распространённое во многих языках мира, с большей или меньшей активностью употребительно во всех стилях речи, в обеих её формах – устной и письменной. Научно-лингвистическое изучение конструкций со вставными компонентами началось в русистике с XVIII в. Упоминание о вводных конструкциях можно увидеть у М. В. Ломоносова в «Российской грамматике». Так, великий учёный писал: «Вместительное слово или целый разум в речь вмещает без союза и порядочного сочинения: «Меня (кто бы подумалъ) отъ тебя отлучаютъ» [Ломоносов 1952: 58].

Более детально вводные конструкции описаны в работе Н. И. Греча «Практическая грамматика». Он впервые ввёл в научный оборот термин «вводные слова». По мнению учёного, это слова, которые находятся «вне предложения» – на том основании, что с настоящими членами предложения они не соединены ни одной из разновидностей подчинительной связи – ни согласованием, ни управлением, ни примыканием; не отвечают ни на один из вопросов, которые обычно относятся к членам предложения [Греч 1827: 234].

В отечественной лингвистической литературе до сих пор нет единодушия относительно грамматической сущности вводных и вставных единиц. Существуют разные взгляды на природу рассматриваемого явления: морфологический и синтаксический. Сторонниками первой точки зрения были А. Х. Востоков, В. А. Богородицкий и др. В частности, по убеждению А. Х. Востокова, вводные слова генетически, своим происхождением обусловлены ослаблением семантики наречия, глагола, числительного и развитием в некоторых словах названных частей речи своеобразного модального значения в высказываемом говорящим мнении: значение уверенности или неуверенности говорящего в ком-то или в чем-то.

Другой взгляд – синтаксический, начатый Ф. И. Буслаевым, дальнейшее обоснование и углубление нашёл в исследованиях А. А. Потебни, А. М. Пешковского и др. По мнению Ф. И. Буслаева, вводные

слова в русском языке – результат сокращения, редукции или установления в предложениях определённых разновидностей прежних предложений или их частей. Образование предложений происходит на основе подчинительной связи, т.е. вместо сложноподчинённого предложения образуется простое с вводным словом.

Несмотря на это, языковед пользовался термином «вводные предложения», потому что определял их генетически – по происхождению. То есть генетически вводное слово, которое произошло из прежнего предложения, можно считать бывшим вводным предложением, которое употребляется без всякой видимой грамматической связи с той частью предложения, которая образована из членов предложения или даже одного члена предложения [Буслаев 1959: 236]. По убеждению учёного, такое происхождение имеют вводные слова и даже сочетания слов: *ведь, знать, где, дескать, пускай, должно быть*. [Буслаев 1959: 285]. Ф. И. Буслаев впервые обратил внимание на структуру вводных единиц, введя в синтаксическое употребление термин «вводные предложения». Его идея о том, что вводные конструкции образовались из самостоятельных предложений, повлияла на многих учёных, которые углубляли и уточняли её. А. А. Потебня в своём труде «Из записок по русской грамматике» [Потебня 1958: 395] обосновал взгляд на вводные слова как редуцированные предложения и объяснил этимологию ряда вводных слов.

А. А. Шахматов утверждал, что вводные слова – это введённый в предложение своеобразный элемент, то есть редуцированное по смыслу прежнее предложение [Шахматов 1941: 266]. Заслуживает на внимание тот факт, что учёный, в отличие от своих предшественников, акцентирует внимание не только на значении вводных слов, но и на их синтаксической характеристике [Там же].

Дальнейшее изучение этой темы находим в трудах А. М. Пешковского, который ввёл названия – вводные слова и сочетания слов. Вводные слова учёный дифференцирует по значению на три разряда: 1) со значением отношения говорящего к той или иной мысли; 2) со значением адресата высказывания; 3) со значением отношения к предыдущему или следующему событию [Пешковский 1956: 372].

Термины *вводные слова* (*сочетания слов*, *словосочетания* и *предложения*) окончательно устоялись в русистике с 1954 года, когда вышла отдельной книгой вторая часть синтаксиса «Грамматики русского языка», в которой вводные слова рассматриваются как такие, что синтаксически не связаны с предложением и выражают отношение говорящего к высказанному. Они характеризуются с морфологической и семантической сторон. По значению вводные слова делятся на восемь групп. В «Грамматике...» речь идёт не только о вводных словах и сочетаниях слов, но и о вводных предложениях. К тому же чёткой границы между вводными словами и предложениями нет.

Интересны рассуждения учёных относительно синтаксического статуса вводных единиц. В связи с тем, что вводные слова и сочетания слов не связываются связью согласования, управления или примыкания, их издавна называли грамматически не связанными с предложением. Относительно такого толкования вводных слов определённые предостережения сделал Н. М. Шанский. Учёный отмечает, что, находясь в предложении, вводные конструкции представляют собой такой же обязательный его компонент, как самый обычный член предложения [Шанский 1971: 124]. Однако отдельные языковеды склонны рассматривать вводные слова как члены предложения. Например, И. И. Мещанинов одним из первых среди лингвистов назвал вводные слова вводным обособленным членом субъективного отношения [Мещанинов 1978: 186]. А. Г. Руднев доказывает, что вводные слова являются членами предложения, потому что они связываются с предложением особой связью – соотносительной [Руднев 1959: 123].

Однако с установлением понятия о структурной схеме или модели предложения выяснилось, что вводные слова не входят в состав этих единиц. В «Русской грамматике» (1980) подчёркивается, что вводные слова формально и функционально изолированы, а синтаксические связи с любым членом предложения во вводных конструкциях отсутствуют. Вводные слова в этой работе отграничиваются от понятия распространителей предложения и рассматриваются как особые лексико-синтаксические средства выражения субъективной модальности.

Большинство учёных-лингвистов, которые интересовались проблемой вводных и вставных конструкций, направляли внимание на поиски формальных признаков связи вводных единиц с предложением. Так, в исследовании А. И. Аникина высказывается мысль о том, что «вводные слова вплетаются в ткань предложения и являются одним из его компонентов, поскольку употребляются они для наиболее полного выражения того или того содержания, который автор заключает в предложение», а «связь вводных слов с предложением осуществляется интонационно» [Аникин 1956: 22]. История изучения вводных единиц доказывает сложность самого вопроса, а также необходимость многоаспектного подхода к квалификации и классификации этого лингвистического явления.

В отличие от вводных, вставные единицы не изучались в течение длительного периода. Они находились в статусе компонентов, которые усложняли структуру простого предложения. Отделение одного от другого произошло в конце 50-х – начале 60-х годов XX века. Единичные фрагментарные замечания относительно вставных конструкций находим в трудах М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, А. М. Пешковского и др. Но ни М. В. Ломоносов, ни Н. И. Греч, ни А. Х. Востоков не выделяют вставные конструкции из состава ввод-

ных. Только со второй половины XIX века в синтаксической науке сложилась иная концепция, согласно которой термин вводные слова закрепился за грамматически обособленными выражениями субъективного отношения к высказываемому, а вставные предложения – за предложениями, вставленными в другое, но не связанные с ним грамматически. Вставные компоненты были объектом исследования в работах многих языковедов (среди них Г. Н. Акимова, В. В. Бабайцева, Н. С. Валгина, О. В. Меркушева, А. Ф. Прияткина, И. А. Старовойтова и др.).

Впервые на «вставные из соседнего предложения слова» обратил внимание А. А. Шахматов [Шахматов 1941: 273]. Несомненная заслуга учёного в том, что он впервые ввёл в лингвистическое употребление термин «вставные предложения». Рассматривая их выдающуюся сущность, А. А. Шахматов говорит о том, что «в составе предложения могут оказаться слова, которые находят для себя место в предыдущем или в последующем предложении, между тем, как в этом предложении они могут оказаться лишними или такими, которые не оправдываются смыслом предложения» [Там же: 364].

Позже этот вопрос был подробно разработан в академической грамматике русского языка под редакцией В. В. Виноградова [Грамматика русского языка 1954: 167–176]. В этом издании помещён раздел «Вставные предложения, слова и сочетания слов», в котором уже достаточно системно и объёмно, с академической мотивированностью нашли свою характеристику основные структурные и функциональные проявления вставности, определено основное содержание этого понятия, широко проиллюстрированы и прокомментированы довольно многочисленные проявления вставных конструкций.

Проблемой разграничения вводных и вставных конструкций занимался Е. П. Седун. Он проанализировал назначение этих единиц, их функцию и пришёл к выводу, что «вводные» и «вставные» предложения не могут быть принципиально разграничены ни по конструктивно-синтаксическому, ни по интонационному оформлению» [Седун 1959: 187]. Е. П. Седун отмечал, что разграничение между ними возможно лишь до определённой степени, и не исключает объединения этих понятий в синтаксической категории более широкого объёма.

На необходимость разграничения вводных и вставных конструкций обращает внимание В. Тихомиров. Исследовав местоположение вставных элементов в структуре предложения, он пришёл к выводу, что «вставные конструкции могут находиться в середине или в конце основного предложения, занимать постпозицию или составлять абзац; но они не могут находиться в начале предложения» [Тихомиров 1963: 102].

По мнению А. Ф. Прияткиной, функционально-семантическая связь существует между вставкой и усложнением [Прияткина 1990:

162]. Несмотря на это, А. Г. Руднев фактически не признавал категории вставности. Он считал, что вставные слова, сочетания слов и предложения нельзя выделять в особые синтаксические категории, поскольку, эти единицы «не имеют отличных от вводных слов смысловых функций и особого оформления» [Руднев 1959: 139].

Заслуживает внимания мнение А. Ф. Прияткиной относительно функций вставных единиц. Она считает, что к определению функции вставки можно идти двумя путями: от структуры предложения и от структуры высказывания «С точки зрения структуры предложения, вставка – это такой компонент, который не включён в позиционную и синтагматическую структуру предложения, то есть он не соответствует признаку члена предложения, грамматически так или иначе связанного с другими членами, его нельзя определить ни как сочинительный, ни как подчинительный. С точки зрения высказывания, вставка – это его факультативная часть. Она имеет ценность, но как дополнительная информация, отсутствие которой не может повлиять ни на содержание, ни на структуру высказывания» [Прияткина 1990: 159].

По наблюдениям Н. С. Валгиной, с точки зрения структурно-содержательной встроенности вставных конструкций в предложение, они менее тесно связаны с последним, чем вводные конструкции, и поэтому резко выпадают из его структуры. Выражая дополнительные сообщения, они требуют более значительного выделения в составе предложения, нежели вводные конструкции, заключающие в себе, как правило, отношение автора к высказанному, его оценку. Именно эта смысловая самостоятельность вставных конструкций объясняет необходимость использования для их выделения скобок и тире [Валгина 2001: 210].

И. И. Щёболева в своём исследовании «Общая характеристика вставочных конструкций» отмечает: «Всестороннее исследование вставочных конструкций в современном русском языке связано с отграничением их от смежных с ними других синтаксических явлений. Вставочные конструкции относятся к числу синтаксических явлений, осложняющих простое предложение. Вставочные конструкции, будучи носителями дополнительных, побочных замечаний, вступают в особую смысловую связь с тем предложением, в состав которого они входят» [Щёболева 1995: 459].

Мы уже упоминали о том, что вставные конструкции долгое время не отделялись от вводных. Объясняется это способностью тех и других вводить в высказывание некоторую дополнительную информацию по отношению к его основной части. Вместе с тем вводные и вставные элементы часто отличаются друг от друга семантически, а иногда и формальными свойствами (например, невозможность появления вставных конструкций в начале предложения). В целом, сегодня все исследователи признают важность разграничения вставных кон-

струкций и вводных элементов, несмотря на наличие некоторого сходства между ними и существование ряда переходных случаев.

Таким образом, исследования, касающиеся вводных и вставных конструкций, не решают полностью проблему их изучения в современном языкознании. Понятие «вводные и вставные единицы» представляют собой реализацию плана высказывания, связанного со спецификой не только определённого стиля, но и определённого автора. Вводные и вставные компоненты представляют сложный процесс формирования мысли и способствуют реализации намерений автора, а именно: содержат информацию, которая детализирует, придаёт оценочное значение. Именно поэтому изучение этих конструкций в лингвистике и в дальнейшем будет оставаться актуальным вопросом в синтаксисе.

Библиографический список

1. Аникин, А. И. Основные грамматические свойства вводных слов и словосочетаний / А. И. Аникин // Русский язык в школе. – 1956. – № 4. – С. 22–27.

2. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – Москва : Учпедгиз, 1959.

3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2001 – 304 с.

4. Грамматика русского языка: синтаксис. – Москва, 1954. – Т. 2, ч. 1, 2.

5. Греч, Н. И. Практическая грамматика русского языка / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1827. – 526 с.

6. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Труды по филологии (1739–1758). – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 308 с.

7. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Ленинград : Наука, 1978. – 387 с.

8. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва, 1956.

9. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня. – Москва : Учпедгиз, 1958. – Т. 3. – 551 с.

10. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения / А. Ф. Прияткина. – Москва : Высш. шк., 1990. – 176 с.

11. Руднев, А. Г. Синтаксис осложнённого предложения / А. Г. Руднев. – Москва : Учпедгиз, 1959.

12. Седун, Е. П. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях / Е. П. Седун // Славянское языкознание. – Москва : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 186–194.

13. Тихомиров, В. Разграничение вводных и вставных конструкций в современном русском языке / В. Тихомиров // Русский язык в школе. – 1963. – № 6. – С. 100–102.

14. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.

15. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Ленинград : Учпедгиз, 1941.

16. Щёболева, И. И. Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке / И. И. Щёболева // Ученые записки Ростовского-на-Дону государтсвенного педагогического института, 1995. – С. 459–480.

А. Т. Карымшакова
(г. Бишкек, Кыргызстан)

ЭТИМОЛОГИЯ ПОСЛЕЛОГОВ *ЧЕЙИН, ДЕЙРЕ* И ИХ ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

Аннотация. Рассматриваются гипотезы некоторых тюркологов об этимологии происхождения древних послелогов **чейин, дейре**. Несмотря на некоторые разногласия, ученые сошлись во мнении, что эти послелоги произошли от древнего глагола **тег** (кырг.: **тий**; рус: **достигать**). Кроме того, речь пойдет о фонетических разновидностях этих послелогов в древние и средние века.

Ключевые слова: послелоги, этимология, письменные памятники древних и средних веков, фонетические разновидности послелогов.

ЧЕЙИН, ДЕЙРЕ ЖАНДООЧТОРУНУН ЭТИМОЛОГИЯСЫ ЖАНА АЛАРДЫН ЖАЗМА ЭСТЕЛИКТЕРДЕГИ ТЫБЫШТЫК ТУРПАТТАРЫ

Аннотация. Макалада чыгыш теги боюнча эң байыркы болгон **чейин, дейре** жандоочторунун этимологиясы тууралуу айрым түркологдордун гипотезалары чагылдырылат. Алардын этимологиялык анализ жүргүзүүсүндө бир аз ажырымдар кезиккени менен, жыйынтыгында бул жандоочтор байыркы **тег** (кырг.: **тий**; орус: **достигать**) этишинен келип чыккан деген ойду колдошот. Ошондой эле аталган жандоочтордун байыркы жана орто кылымдагы тыбыштык турпаттары тууралуу сөз болот.

Түйүндүү сөздөр: жандоочтор, этимология, байыркы жана орто кылымдагы жазма эстеликтер, жандоочтордун тыбыштык турпаттары.

Азыркы кыргыз тилине **чейин, дейре** тыбыштык турпатта жеткен жандоочтор – чыгыш теги боюнча байыркы жандоочтордон. Булар байыркы жазма эстеликтерде көп түрдүү тыбыштык варианттарда колдонулуп келген. Алардын грамматикализацияланыш деңгээлинин абдан жогору жана жандоочтук милдетте гана келерин түрколог В. Г. Кондратьев белгилеген [Кондратьев 1981: 130].

Бул жандоочтордун этимологиясы боюнча бир катар окумуштуулар өздөрүнүн пикирлерин билдиришкен. Маселен, ак Н. О. Бётлингктин көз карашын якут окумуштуусу Н. Е. Петров өз эмгегинде төмөнкүдөй сыпаттап берет: *тий – 'достигать'* деген этиштен *диери* деген жандооч пайда болгон деп, *тий*, андан *тиер* (побудительный залог) этиши + *и* (аффикс, образующий наречие – кырг. тактооч жасоочу мүчө – К. А.) = *тиери*. Кийин *диери* варианты келип чыкканын билдирерин айтат [Караңыз: 2.Петров 1962: 550]. Академиктин оюн колдоо менен, Н. Е. Петров аны өнүктүрүп, якут тилиндеги **диэри** (достигательный послелог) жандоочу бир чекке жетүү маанисин туюндурган түрк тилдеринде кеңири кезиккен эң байыркы жандоочтун бир вариан-

ты деп билдирет. Андан ары ал рун жазмаларында бул жандооч **теги** формасында кезигет, өз мезгилинде ал *достигать, касаться* деген маанидеги **тег** этишинен пайда болгон **теги** формасындагы чакчыл этиш болгон дейт [Петров 1962: 549]. **Чейин (дейре)** жандоочунун келип чыгышы жөнүндө Н. Е. Петров дагы бир кошумча гипотезаны сунуштайт: Байыркы якут тилинде жалпы түрк тилдерине тиешелүү **тег // тиг** (орусча: *касаться, достигать*) этиштик негиз өзүнөн кийин этиш жасоочу мүчө менен катар, атооч (сөз түркүмүн) жасоочу мүчөнү да кабыл алса керек дейт. Себеби жогорку уңгудан якут тилиндеги **тигис /тиг+ис/** (орусча: *приставать к берегу, доставаться*) жана **тиий /тиг+ий > тиий/** (*достигать*) деген этиш сөздөрдүн жасалышы сыяктуу эле, ошол уңгуга байыркы багыт жөндөмөнүн **-ру/-ры** мүчөсүн жалганышы мүмкүн деген пикирин билдирет. Натыйжада **тегри** деген багыттык, бир чекке жетүү маанисиндеги жандооч (орусча: *направительно-достигательный послелог*) пайда болсо керек деген оюн айтат [Петров 1962: 550-551]. Башкача айтканда, якут тилиндеги *диери* жандоочу байыркы түрк тилиндеги *тегру* жандоочу менен тектеш, тамырлаш болушу толук мүмкүн дейт илимпоз [Петров 1962: 236]. Ал эми А. М. Щербак болсо **чейин (дейре)** жандоочун эки түрдүү уңгу менен байланыштырат. 1. Байыркы түрк тилиндеги **тег** *'достигать, касаться, дотрагиваться'* деген этиш сөздөр менен байланыштырат [Щербак 1987: 87]. 2. **Чек** *'тянуть, тащить'* деген байыркы түрк жана кыргыз тилиндеги сөз деп, андан кыргыз (*чейин*), казак, каракалпак, ногой (*шейин*), татар тилинин диалектиси (*жийын*) жандоочтору пайда болгон деп, кыргыз тилиндегисине далил катары төмөнкү мисалдарды келтирет: *тизесине чейин, көпүрөгө чейин, отуз жашка чейин, согушка чейин* [Щербак 1987: 89].

Жогорудагы көз караштардан тышкары бул маселе боюнча кыргыз илимпозу К. Сейдакматовдун да илимий негизи терең болгон жана ынанымдуу пикирлери бар. Алгач **чейин** жандоочу боюнча автордун оюн окурманга толук жеткиликтүү болуш үчүн кыскартпай берели: “**Чейин** байыркы түрк тилинде *тегин* деген жандооч сөз болгон. Ал *теги, тег* болуп кыскарып да айтылган [ДТС: 546-–547]. Мына ушул *тегин* сөзү *тег+ин* бөлүктөрүнөн куралган. Анын *тег* уңгусу азыркы кыргызча *тий* этишине туура келет, *-ин* мүчөсү этиштин чакчыл формасы. Мындай чакчыл форма азыркы якут тилинде колдонулат. Азыркыча айтканда *тегин* сөзү “тийе” (<*тий+е*) дегенге барабар маани берет. Ошол *тегин* сөзүнүн *т* тыбышы *ч* тыбышына, *г* тыбышы *й* тыбышына өзгөрүүдөн *чейин* сөзү келип чыккан” [Сейдакматов 1988: 249]. **Дейре** жандоочу боюнча К.Сейдакматов: “... *тег* этишине аркылуу мамилесин уюштурган *-ыр* мүчөсү уланып, ага чакчыл *-а* мүчөсү улануудан тегире *(<тег+ир+е)* сөзү жаралган. Ал азыркыча *тийдире (<тий+дир+е)* дегенге барабар келет. Кыргыз тилинин өнүгүшүндө *т* тыбышы *д* тыбышына, *г* тыбышы *й* тыбышына алмашып, *р* тыбышы-

нын алдындагы *и* тыбышы түшүп калган: *тегире>тегре>дегре>дейре*" [Сейдакматов 1988: 74-75].

Жыйынтыктап айтканда, байыркы **тег** этишинен (орусча: *доходить, достигать*) *тий* этишинин пайда болушу жөнүндө жогорудагы окумуштуулар бирдей көз карашты карманышат. Ал эми ага уланган мүчөгө келгенде ар башкача ой айтылганын байкайбыз. Биздин пикирибизче, К.Сейдакматовдун ою (т.а., **чейин, дейре** жандоочторунун тутумундагы **-ин, -а/-е** мүчөлөрү чакчылдын мүчөлөрү экени) таамай жана далилдүү берилген.

ДТСте бул жандоочтун этиштик маанидеги **тег** тупаттагысы (*доходить, достигать*) жана жандоочтук маанидеги **тег, теги, тегин, тегинч, тегү** вариантгары кезигет [Караңыз: 4.ДТС, 1969: 546-549]. Ошондуктан **чейин (дейре**) жандоочунун тыбыштык **тег / теги / тегү / тэгү / тегин / тэгин / тегинч, дегри, дейри / дейин** деген он түрдүү варианттардын уңгусунда байыркы **тег** "*доходить, достигать*" [4.ДТС 1969: 546] деген этиштик маани бар деген жогорудагы ж.б. бир катар окумуштуулардын пикири кубаттоого арзыйт [СИГТЯ 1988: 494; Щербак 1987: 87, 89].

Аталган жандоочтун "Древнетюркский словарда" [4.ДТС 1969: 546, 547, 548, 549], "Орхон-Енисей текстгеринде" [7.ОЕТ 1982: 48, 50, 61 ж.б. беттери], М.Кашкаринин "Диванында..." [ДЛТ.Ин. 1967: 258, 259, 504], Р.Коңурбаеванын эмгегинде [Коңурбаева 2011: 55] ж.б. орто кылымдагы жазма эстеликтерде жогоруда белгиленген он түрдүү (**тег, теги, тегин, тегинч, тегү, тэгү, тэгин дегри, дейри, дейин)** структуралык-фонетикалык түрлөрү кезигет. Бир чети **чейин** (**дейре**) жандоочунун тээ байыркы жазма эстеликтерде түрдүү тыбыштык варианттарда жолугушу, анын ошол замандарда эле колдонулушу жагынан арбын экенинен кабар берет.

Бул жандоочтун көп варианттуулугунун орун алышы жөнүндө А.М.Щербак: "*тег- тегир-* этиштик уңгудан пайда болгон бул жандоочтун көп варианттуулугу үнсүз *г* тыбышынын интервокалдык абалдагы туруксуздугу жана рефлексгеринин бирдей эместиги менен түшүндүрүлөт",- деп оюн андан ары төмөнкү мисалдар менен бышыктаган: "тегин ~ дегин > тейин ~ дейин > тээн ~ дээн > тен ~ ден, тегин ~ дегин > тек ~ дек, тегри ~ дегри > тиери ~ тээри ~ диери ~ дээри > тери ~ дери > тер ~ дер ж.б." .Щербак 1987: 88].

Чейин (**дейре**) жандоочунун **тег** турпаттагысы "Древнетюркский словарда" а) жандоочтук мааниде колдонулат: "послелог до: tabïšγan jïl bešinč aiqa teg в год зайца до пятого месяца", деп берилет. [ДТС 1969: 546]. (Кырг.: Коён жылынын бешинчи айына **чейин** – К.А.). б) **тег** сөзү: 1. *как, словно, будто, подобно* 2. В сочетании с глагольными формами выражает сравнение и соответствует по значению сравнительному союзу и частице *как, как будто,* – деген маанилерде да кезигет [ДТС 1969: 546].

Бул жандоочтун **теги, тегин, тегинч, тегү** турпаттагылары деле “Древнетюркский словарда”: “послелог до, вплоть до” деген семантиканы туюндурат: temir qapïγqa tegi ertimiz мы преследовали [их] до Темир-Капыга (кырг: Темир-Капыгга чейин жорттук, артынан түштүк – К.А.); jeti küngä tegi до семи дней (кырг.: жети күнгө чейин – К.А.) [ДТС 1969: 547]. qïrq jïlqa tegin... к сорока годам... [4.ДТС 1969: 547] (кырг.: кырк жылга чейин – К.А.); bu udnï onunč aj […] qa teginč išlätmäk boldum этого вола я решил использовать [...?] до десятого месяца [ДТС 1969: 548] (кырг.: бул уйду онунчу ай […] га чейин иштетмек болдум – К.А.); tüpiŋä tegü irtä проверь [все] до конца [ДТС 1969: 549] (кырг.: түбүнө чейин изде –К.А.).

Ал эми “Орхон-Енисей тексттеринде негизинен анын **теги** варианты кезигери аныкталды. Анда кезиккен **теги** жандоочтуу сүйлөмдөрдү төмөнкүдөй классификациялап берсек болот: а) мейкиндикти (жер-суу аталыштарын) туюндурган зат атоочтор менен, б) адамзаттык маанидеги зат атоочтор менен да айкашып келиши. Булардын ар бирине мисалдар берели: а). Илгерү Шантуң йазыка теги сүледим, ...биргерү Токуз эрсенке теги сүледим,... Темир капыгка теги сүледим. Йыргару Йир Байырку йирийе теги сүледим, бунча йирке теги йорыттым [ОЕТ 1982: 53]. Кырг.: Илгери (чыгышка) Шантуң жайыкка чейин (дейре) жортуулдадым (чаптым), ...түштүккө Тогуз Эрсенге чейин жортуулдадым, ...Темир-Капкага чейин жортуулдадым. Жогору (түндүккө) Жер байырку жерине дейре жортуулдадым, мынча жерге дейре жорттум (чаптым) [7.ОЕТ 1982: 60]. Көгмен аша кы(ргыз) йириңе теги сүледимиз [ОЕТ 1982: 56]. Кырг.: Көгмөндү аша кыргыз жерине чейин жортуулдадык [ОЕТ 1982: 64]. күн батсыкыңа теги берийе табгачка йырайа йыш(ка теги)... [ОЕТ 1982: 97]. Кырг.: күн батышка чейин, түштүккө табгачка, түндүккө (солго) жыш(ка) чейин (токойго чейин) (чачылды)... [ОЕТ 1982: 99].

б). Бир киси йаңылсар, огушы будуны, бисүкиңе теги кыдмаз ермиш [7.ОЕТ 1982: 53]. Кырг.: Бир киши жаңылса, көп журт тукумуна чейин кетер (жоголор) эле [7.ОЕТ 1982: 61]. (он ок оглың)а татыңа теги, буны көрү, билиң... [7.ОЕТ 1982: 54]. Кырг.: (он ок уулдары) татгарга чейин муну көрүп билгиле... [7.ОЕТ 1982: 62]. Илгерү күн тогсыкта Бөкли каганка теги сүлейү бирмис [7.ОЕТ 1982: 55]. Кырг.: Илгери күн чыгышка Бөкли канга чейин жортуулга барды [7.ОЕТ 1982: 63]. (Астын сызган биз – К. А.).

Жогорку чакан тексттерден эле байкалып тургандай, **теги** (варианттары менен) жандоочу жазма эстеликтерде негизинен барыш жөндөмөдөгү (кээде таандык уланды уланган барыш жөндөмөлүү) түрдүү семантикадагы зат атоочтор менен айкалышып келип, азыркы кыргыз тилиндегидей эле кыймыл-аракеттин мейкиндикке, нерсеге, кээде мезгилге багытталган чегин көрсөтөт.

Чейин (**дейре**) жандоочунун орто кылымдагы эстеликтерде негизинен **тегин, тигин, теги, тегү** тыбыштык турпаттарда кезигерине күбө болдук. Маселен, “Дивандын...” өзбекче котормосунда: қїрқ јїлқа **тегін** баj чїғај тўзlänўр – қирқ йилга**ча** бой билан камбағал тенглашади... [М.К.ДЛТ, III т., 1960: 333]. Ал эми “Дивандын...” кыргызча котормосунда: кырк йылка **тигин** бай чыгай түзлинөр. Кырг.: Кырк жылга **чейин** бай-кедей түзөлөр [М.К. ТТС. I т, 2011: 611; 8.ДЛТ.Ин. 1967: 504]. (Бирок бул жерде бир эле сүйлөмдөгү ошол эле жандоочтун **тегін, тигин** варианттары менен берилиши бир чети араб тамгаларындагы үндүүлөрдүн чектелүү болуп, жазылбай калышы менен байланыштуу деп эсептөөгө да болот).

Күнінің күлінä **тэгў** јағї – қуманинг кулига**ча** душмандир [10.М.К.ДЛТ, III т. 1963: 255]. (Кырг.: Күндөшүнүн күлүнө **чейин** душман –К.А.). Улугка кичигкэ **теги** Вплоть до старых и малых [Кондратьев 1981: 127]. ...Атїм біріä **тэгў** эwдім // Мэні көрўб јэсі ағдї … отим билан унга етиб олдим. Мени кӯриб юнглари хурпайиб кетди [М.К.ДЛТ, I т., 1960: 179; 11.М.К.ТТС, I т., 2011: 319-321]. (Кырг. Атым менен (ага) **чейин** жеттим. Мени көрүп эси ооду – К.А.). Бул сүйлөмдөрдө аталган жандооч айкашкан сөздөрү менен алар аркылуу туюндурулган түшүнүктү акыркы чек катары көрсөтүү үчүн колдонулду.

Чейин, дейре жандоочтору түрк тилдеринде төмөнкү тыбыштык варианттарда жолугат: б.түрк **тег, теги, тигинч**; эски түрк **дегинч**; эски өзб. **дегин // тегин // дегрү // тегинчэ // тегүнчэ**; эски азерб. **дän**; кырг. **чейин, дейре, дейин**; каз. **шейин, дейин**; к.калп. **шейин, дейин, шенем**; ног. **дейим//дери**; ног. (диал.) **дек**; гаг. **дан /ден, дак / дек**; к.балк. **дери**; башк.(диал.). **тери**; кар. **дера//дере//дери//дейин**; түрк **deһin // дек**; түркм. **денеч, ченли, дейин;** як. **диери**; тув. **деер;** хак. **читіре, теере;** ойрот. **дьетире;** шор **четтире;** тофа **чеътири;** чув. **тери** ж.б.

Бир катар түрк тилдеринде, маселен, азербайжан, гагауз, каракалпак, казак, кумык, ногой, татар, түрк, өзбек, уйгур тилдеринде бул жандоочтордун **кадар** деген синоними колдонулат [Щербак 1987: 71]. А.Н.Кононов анын **количество, мера** деген араб тилинен кирген толук маанилүү сөздөн келип чыкканын белгилейт [Кононов 1956: 320]. Ал эми бул маселеге карата К.Сейдакматовдун көз карашы башка экенин көрөбүз. Ал: “...Татар, каракалпак, казак, гагауз, азербайжан тилдеринде **кадар//кәдәр** деген жандооч кыргызча **чейин** деген жандоочтун ордуна колдонулат. Мына ушул сөз да байыркы **тег** деген сөздүн тескерисинен айтылышынан улам **гет+ер>гетер>гедер>гадар** деген түргө келген болуу керек. Ошондо азыркы түрк тилдеринде ар түрдүү формада келген **чейин** деген жандоочтун маанисиндеги сөздөрдүн баары эң алгачкы **тег** деген сөздөн келип чыкканын болжолдошко болот”,-дейт [Сейдакматов 2005:127]. Мындан тышкары башкыр тилинде **чей-**

ин маанисинде **тиклем, хэтле, саклы** терминдери колдонулса, кумык тилинде ушул эле семантикада **ерли**, татар тилинде **чаклы, чак** терминдери да колдонулат. Ошентип, **чейин, дейре** жандоочторунун түрк тилдеринде ар түрдүү аталыштары да орун аларына күбө болобуз.

Библиографический список

1. Кондратьев, В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. / В. Г. Кондратьев. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981.
2. Петров, Н. Е. Служебные имена и послелоги в якутском языке : дис. … канд. филол. наук / Петров Н. Е. – Якутск, 1962.
3. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова) / А. М. Щербак. – Ленинград : Наука, 1987.
4. Древнетюркский словарь. – Ленинград : Наука, 1969.
5. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү / К. Сейдакматов. – Фрунзе : Илим, 1988.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – Москва : Наука, 1988.
7. Орхон-Енисей тексттери / ред. С. Кудайбергенов. – Фрунзе : Илим, 1982.
8. Девону луготит турк. Индекс-лугат / сост.: Г. Абдурахмонов, С. Муттали-бов. – Ташкент : ФАН, 1967.
9. Коңурбаева, Р. «Codex Cumanicus» (XIII–XIV к.) жазма эстелигинин кыргыз тилине катышы / Р. Коңурбаева. – Бишкек, 2011.
10. Кошгарий, М. Девону луготит турк / М. Кошгарий. – Тошкент, 1963. – Т. III.
11. Кашгари, М. Түрк тилдеринин сөздүгү / М. Кошгарий. – Бишкек, 2011. – Т. I.
12. Кошгарий, М. Девону луготит турк / М. Кошгарий. – Тошкент, 1960. – Т. I.
13. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956.
14. Сейдакматов, К. Сөздөрдүн келип чыгыш тарыхынан / К. Сейдакматов. – Бишкек, 2005.

Г. К. Касимова
(г. Пенза, Россия)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Аннотация. Рассматриваются многозначные существительные, содержащие в семантической парадигме терминологические значения. Эти значения, будучи мотивированными общеупотребительными в языке словами, формируются преимущественно в процессах семантической деривации путем метонимических или метафорических переносов.

Ключевые слова: семантическая парадигма, семантический способ словообразования, терминологическое значение, деривация, метонимический перенос, метафорический перенос.

1. Смысловая структура слова представляет собой совокупность его значений со всеми присущими ему стилистическими, эмоциональными, смысловыми оттенками, разнообразно проявляемыми в процессе его функционирования. Большая часть исследуемых многозначных отглагольных существительных представляет собой определённое системное образование, в центре которого в большей части случаев находится процессуальное значение, выступающее мотивирующим для вторичных номинаций, которые формируются в процессах семантической или лексической деривации путем метонимических, либо метафорических переносов.

2. Продуктивным способом в словообразовании выступает аффиксация, в сфере существительных – это суффиксация. Значительная часть в исследуемом массиве представлена девербативами с суффиксами *-ниј-, -к*(а) и нулевым. Их семантическая парадигма включает от двух до 7–8 значений. Большая часть полисемантов содержит в своей структуре 2–4 значения.

Часть анализируемых девербативов включает в свою семантическую парадигму терминологические значения. Термины, как известно, «составляют главную специфику лексики языка науки. Это наиболее информативная часть лексики языка науки. Они делают лексический состав языка науки принципиально отличным от лексики общелитературного язык» [Даниленко 1977: 19]. Под термином мы понимаем лексическую единицу, относящуюся к языку науки, именующую специальное понятие через определенную дефиницию.

3. В. М. Лейчик обращает внимание на то, что с лингвистической точки зрения важен вопрос о том, какое место занимает терминологическое значение в семантической структуре лексической единицы естественного языка, является ли оно главным или второстепенным, первичным или вторичным [Лейчик 2012: 34]. При решении этого вопроса необходимо привлечь к анализу данные толковых и терминологических словарей, что позволит выявить место терминологического значения в смысловой структуре слова.

4. Общеизвестно, что специальная лексика не имеет особых способов образования терминов, а использует способы, функционирующие в общелитературном языке. Продуктивным в языке науки выступает семантический способ словообразования. Как отмечает В. П. Даниленко, «путь приспособления общенародных слов в качестве терминологических наименований проходил через семантическую специализацию, которая начиналась с употребления их в особых контекстах» [Даниленко 1977: 98–99]. Наблюдения показывают продуктивность се-

мантического способа образования терминов, который имеет свою особенность: существующие общеупотребительные слова «без длительной эволюции» (Даниленко) начинают употребляться в качестве терминов.

5. Анализ многозначных существительных, а также специальные исследования показывают использование части общеупотребительных в языке слов в качестве терминологических наименований, именующих специальные понятия определенной сферы.

Материалом для исследования послужили такие лексикографические источники, как Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой, Словообразовательный словарь русского языка А. Н. Тихонова, а также Толковый словарь русского языка конца XX века под ред. Г. Н. Скляревской. Нами было проанализировано более тысячи полисемантов, мотивированных глаголами.

6.1. В исследуемом массиве выделяется несколько групп в зависимости от типа деривации. В одну из них войдут терминологические значения, характеризующие опредмеченное действие: *программирование* (спец. 1.[1]), *отчуждение* (2. Юр.), *спряжение* (грамм.), *забег* (2. Спорт.), *нивелировка* (1. Геод.), *формовка* (1. Спец.), *стык* (2. Спец.) и др.

6.2. Во вторую группу объединены терминологические значения процессуального признака, совмещенные с вторичными предметными номинациями, сформированные в процессах синтаксической и семантической деривации: *вёрстка* (Типогр. 1. – действие, 2. – объект), *котировка* (Фин. 1. – действие, 2. – способ), *орнаментовка* (Иск. 1. – действие, 2. – результат), *пропитка* (Спец. 1. – действие, 2. – средство), *рифмовка* (Лит. 1. – действие, 2. – способ), *смывка* (Спец. 1. – действие, 2. – средство), *уценка* (Торг. 1. – действие, 2. – способ+количество), *выгул* (С.-х. 1. – действие, 2. – место), *вылов* (Спец. 1. – действие, 2. – количество), *подпил* (Спец. 1. – действие, 2. – место) и др.

6.3. В третью группу включены терминологические значения, сформированные в процессе семантической деривации путем метонимических переносов:

Объект действия: *включение* (2. Спец.), *уменьшение* (2. Спец.+ результат), *накладка* (3. Спец.), н*аклейка* (3. Театр.), *раскладка* (3. Спец.) и др.

Результат действия: *выемка* (2. Спец.), *каление* (2. Спец.), *переохлаждение* (2. Физ.), *перечисление* (2. Бухг.), *чеканка* (3. Тех.), *допуск* (2. Тех.), *откат* (2.Воен.) и др.

Средство действия: *отрицание* (4. Грамм.), *набойка* (4. Тех.), *намазка* (2.Спец.), *обсыпка* (2. Спец.), *оцинковка* (2. Спец.) и др.

---

[1] Цифра в скобках означает нумерацию словарного значения слова в лексикографическом источнике.

Орудие, инструмент действия: *выколотка* (2. Спец.), *крепление* (2. Горн.), *блокировка* (2. Ж.-д.), *прижим* (2. Тех.) и др.

Способ действия: *восстановление* (2. Хим.), *закрутка* (4. Спец.), *наведение* (2. Авиа.), *наследование* (2. Юр.), *обертывание* (2. Мед.), *разрядка* (2.Типогр.), *угонка* (2. Охот. – способ, 3. Охот. – результат), *вынос* (3. Спец.), *выпад* (2. Спорт.), *досмотр* (2. Спец.), *заезд* (2. Спорт.), *обмен* (2. Экон.), *подлёт* (2. Авиа.), *привод*[1] (2. Юр.) и др.

Субъект действия: *обвинение* (3. Юр.), *охранение* (2. Воен.), *сопровождение* (4. Воен.) и др.

Место действия: *нагрев* (3. Тех.), *отток* (2. Спец.), *пережим* (2. Спец.), *переруб* (2. Спец.) и др.

6.4. Терминологические значения, сформированные в процессе семантической деривации путем метафорических переносов на основе:

сходства формы: *защипка* (3. Спец.), *залом*[1] (2. Спец.), *излом* (3. Спец.) и др.;

по принципу подобия с каким-либо предметом по характерному для этого предмета признаку (признакам): *затвердение* (2. Мед.), *затяжка* (3. Авиа.), *обвертка* (2. Бот. – метафора), *обертка* (3. Бот. То же, что обвертка во 2-м знач.);

сходства внешнего вида: *наслоение* (2. Геол.), *обнажение* (2. Геол), *омоложение* (Биол), *омолаживание* (2. Сад.), *прослойка* (3. Геол.), *спайка* (4. Биол.), *наплыв* (4. Лес., 5. Кино), *облом* (3. Архит.), *разрез* (4. Горн.) и др.;

функционального сходства: *дробление* (2. Биол.), *напряжение* (4. Физ., 5. Физ., тех.), *натяжение* (2. Мед.), *отражение* (4. Филос.), *опущение* (2. Мед.), *оцепенение* (2. Биол.), *перенапряжение* (2. Электр.), *подчинение* (2. Грамм.), *преломление* (2. Физ.), *приближение* (3. Мат.), *склонение* (2. Грамм.), *сложение* (4. Спец.), *согласование* (2. Грамм.), *соподчинение* (2. Грамм.), *сопротивление* (2. Физ.), *старение* (2. Спец.), *торможение* (2. Физиол.), *управление* (5. Грамм), *усечение* (2. Грамм) и др.

Исследование терминологических значений показывает, что они не изолированы от основного массива лексики, анализ позволяет утверждать, что в их качестве могут употребляться общеупотребительные слова, именующие специальные понятия, относящиеся к сфере науки. При этом в семантической парадигме полисеманта они могут выражать как первичные, так и вторичные значения, называя процесс или предметные номинации.

Библиографический список

1. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – Москва : Наука, 1977. – 247 с.

2. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 5-е изд. – Москва : Либроком, 2012. – 264 с.

3. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. – Москва, 1981–1984.

4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН ; под ред. Г. Н. Скляревской. – Москва : Астрель : АСТ. – 2001.

5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – Москва, 1990.

Ж. Э. Кинжигалиева
(г. Астрахань, Россия)

РАЗВИТИЕ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕКСЕМЫ «МАССОВЫЙ»

Аннотация. Рассматриваются смысловые изменения, которые обнаруживаются в семантике лексемы «массовый» в последние десятилетия, описывается круг устойчивых сочетаний с названным компонентом. В связи с этим проводится сопоставительный анализ данных разных лексикографических источников.

Ключевые слова: лексема, семантическая структура, смысловая реализация, актуализация, номинация.

Научные лингвокультурологические поиски последних лет связаны с решением проблемы взаимосвязи языка, человека и культуры, с определением того, как языковое сознание детерминировано картиной мира представителей определённой культуры.

В свете этого обратимся к дихотомии «элитарная – массовая культура» и рассмотрим смысловой потенциал ядерной лексемы «массовый», формирующей ценностно-понятийное содержание «Массовой культуры».

Анализ лексикографических источников позволяет проследить развитие семантической структуры лексемы «массовый». Полисемантичность данного адъектива обусловлена многозначностью производящей базы – «масса» (например, в ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой выделяется 5 значений). Основными мотивирующими семами формирования, однако, всех лексических значений слова «массовый» являются семы ʻмножество, большое количество чего-либоʼ и ʻширокие слои населенияʼ. Сравним данные, представленные в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (МАСе):

МА́ССОВЫЙ, *-ая, -ое*.

1. Такой, в котором участвуют широкие массы, большое количество людей. *Массовое рабочее движение. Массовые сцены в спектакле.* || Проявляющийся не в единичных случаях, являющийся не единичным. *Массовый героизм.* || Касающийся большого количества людей. *Массовое бедствие. Оружие массового уничтожения.*

2. Предназначенный для широких слоёв населения. *Товары массового потребления.*

3. Принадлежащий к широким массам, являющийся представителем широких масс. *Массовый читатель. Массовый зритель*.

4. Производимый в больших количествах. *Массовое производство. Массовый выпуск товаров.*

Налицо антропоцентричность семантики лексемы «массовый», обслуживающей различные сферы человеческой деятельности и направленной на охват большого числа людей, вовлечённых в ту или иную деятельность. При этом сам номинатив «массы» теряет идеологический характер, который он имел в советское время – ʻо многочисленном по составу социальном слое, выделяющемся своими характерными чертамиʼ [ТСРЯ 1998: 376]. Например: *пролетарские, крестьянские, трудящиеся (=народные) массы*.

В то же время следует отметить, что ещё в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) такие значения лексемы «массовый», как ʻпроизводимый широкими массами, для широких масс, общедоступныйʼ (*массовая литература, массовые зрелища*) и ʻпринадлежащий к массамʼ (*фильм, рассчитанный на массового зрителя*), отмечены как новые, относятся к неологизмам. Не вызывает сомнения, что имя прилагательное «массовый» приобретает широкую употребляемость именно в данных значениях. Этот факт подтверждается информацией, содержащейся в Толковом словаре русского языка под редакцией Г. Н. Скляревской, зафиксировавшем языковые изменения конца XX века и отметившем названные значения как актуализированные.

Частотность употребления, встречаемость в различных дискурсивных практиках способствовали появлению именных устойчивых сочетаний. В «Словаре русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» [Кустова] обнаруживаем довольно внушительный список подобного рода единиц: *массовая апатия, массовая безработица, массовая гибель, массовая демонстрация, массовая забастовка, массовая манифестация, массовая миграция, массовая эпидемия, массовое восстание, массовое дезертирство, массовое заблуждение, массовое недовольство, массовое ограбление, массовое производство, массовое строительство, массовое увлечение, массовое уничтожение, массовый героизм, массовый митинг, массовые аресты, массовые бедствия, массовые выступления, массовые гонения, массовые избиения, массовые кражи, массовые облава, массовые протесты, массовые репрессии, массовые увольнения*. Всего – 29 устойчивых сочетаний с компонентом «массовый».

Такое большое количество языковых единиц свидетельствует о расширении смыслового пространства лексемы «массовый», детер-

минированного *массофикацией*, т.е. «процессом становления массового человека, культуры или какого-либо общественного явления, сопровождающегося качественной подгонкой индивидуального (единичного) под массовое (общее), исключительного под массовый стандарт, когда единичное подстраивается под образцы [Кудряшова 2013: 259].

Действительно, ещё на рубеже веков в языке функционировало всего несколько сочетаний с компонентом «массовый», среди которых одно – *массовые репрессии* – обозначало устаревшую реалию, связанную с советским временем, когда против большого количества людей, объявленных «врагами народа», применялись карательные меры. Другое – *массовые беспорядки* – напротив, выступает номинацией общественного явления, не теряющего своей актуальности и злободневности. В настоящее время у выражения обнаруживается целый ряд синонимичных, являющихся обозначением сходных действий, направленных против общественной безопасности или общественного порядка: *массовая демонстрация, массовая забастовка, массовая манифестация, массовое недовольство, массовые выступления* и т.п. В этой связи уместно вспомнить слова Х. Ортега-и-Гассета, представившего исчерпывающую характеристику «человека массы»: «Человеку массы не дано проектировать и планировать, он всегда плывёт по течению. Поэтому он ничего не создаёт, как бы велики ни были его возможности и его власть» [Ортега-и-Гассет 1989: 135]. В центре внимания философа находятся проблемы общественного сознания и массовой психологии. Масса не чувствует никаких ограничений, ни с кем не считается, нуждается в постоянном руководстве, её историческая незрелость не может вдруг ликвидироваться с развитием демократии.

Язык чутко улавливает и постоянно отражает эти «потоки» массового общественного сознания, облачая их в многочисленные номинации «массового». Например, широкое употребление получает выражение *массовый психоз* – ментефакт, характеризующий психическую эпидемию, в основе которой лежит внушаемость и подражаемость. *Массовый психоз* поражает коллектив или группу людей, где человек теряет нормальную способность к суждениям и становится одержимым [Философская энциклопедия]. Ср.: 1. *«Обречённость на успех» – страшная штука, страшная как и для самого «обречённого», так и для бедных читателей. Первого она губит как талант, вторых лишает возможности критически мыслить, обрекает на массовый психоз, на удобную привычку не размышлять, принимать как должное любую нелепость, изречённую устами «звезды»* (Юлия Друнина. Встреча через четверть века (1967) – НКРЯ). 2. *Хлынула кровь, что никто не замечал. Массовый психоз, транс, осатанение. То один, то другой прикладывался к бутылкам, содержавшими уже явно не кока-кол.* (Н. В. Кожевникова. Колониальный стиль (2003) – НКРЯ).

Следует заметить, что ни один из авторитетных словарей синонимов, вышедших в свет в XX веке, не фиксирует лексем, близких по значению адъективу «массовый». Однако обращение к современным электронным лексикографическим источникам показало, что в языке имеются такие единицы: *валовой*, *вибрационный*, *гуртовой*, *китчевый*, *кичевый*, *массный*, *многочисленный*, *повальный*, *сплошной*, *широкий*, *поголовный* [Словарь синонимов].

Например: 1. *Увлечение гаджетами постепенно* ***принимает повальный характер*** *во всем мире* (Полина Стечкина. Гаджеты и гаджетины // «Бизнес-журнал», 22.01.2004 – НКРЯ). Выражение *принимать повальный характер* употребляется как синонимичное выражению *принимать массовый характер*.

2. *М. Кога также возражает против* ***сплошной приватизации*** *особых юридических лиц, требуя в вопросах реформирования не популистских, а ответственных решений* (Неспешные шаги административной реформы в Японии // «Проблемы Дальнего Востока», 30.12.2002 – НКРЯ). В данном контексте также возможна синонимическая замена – сплошной – массовый.

Об актуальности смыслов, заложенных в семантику слова «массовый», говорит и расширение деривационного поля, в которое входит данная единица. В частности, речь идёт о новообразованиях с компонентом *масс-* (от массовый): *масс-медиа* – ʻсредства массовой информации’ и *масс-культура* – ʻмассовая культура’, вошедших в словари последних десятилетий, а также актуализированная единица *масскульт* – разг. сокр. ʻМассовая культура’ [ТСРЯ 1998: 375].

Само выражение *массовая культура* может рассматриваться как актуальная лингвокультурема, семантика которой мотивирована значением лексемы *массы* – ʻпублика, толпа, некий количественный социальный базис, при определении которого не учитывается качественный показатель’ (сформулировано нами – *Ж. К.*). В этом случае *массовый* (в сочетании *массовая культура*) – ʻслужащий духовной пищей для сознания масс’ (сформулировано нами – *Ж. К.*).

Таким образом, полисемантичная лексема «массовый» на современном этапе развития языка не теряет своей актуальности, приобретая все новые смыслы, что объясняется изменениями в общественном сознании, отражающем условия повседневной жизни, потребности и интересы социальных групп, их идеи, взгляды и представления. Дальнейшего исследования требует изучение специфики вербализации лингвокультуремы «Массовая культура».

Библиографический список

1. Кудряшова, Е. В. Массы / Е. В. Кудряшова // Элитология : энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – Москва : Экон-информ, 2013. – С. 258–259

2. Кустова, Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени / Г. И. Кустова. – URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php (дата обращения: 01.12.2019).

3. Национальный корпус русского языка. – URL: http://www. ruscorpora.ru

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 131–137.

6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981–1984. – URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?p=240 (дата обращения: 16.11.2019).

7. Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. – 2013. – URL: https://dic.academic.ru (дата обращения: 20.12.2019).

8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – Москва : ТЕРРА, 1996. – Т. 2. – 520 с.

9. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / под ред. Г. Н. Скляревской. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

10. Философская энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3126 (дата обращения:18.10.2019).

Л. М. Мазуркевич
(г. Мазыр, Беларусь)

АДМЕТНАСЦІ СЛОВАЎЖЫВАННЯ ФЕМІНІНАТЫВАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ЖАНОЧАЙ ПАЭЗІІ

Аннотация. Лексическая репрезентация образа женщины в текстах стихотворений Р. А. Боровиковой осуществляется посредством использования многочисленных женских личных наименований, которые объединяются в определенные группы по отличительным лексико-семантическим признакам. Рассмотренные названия лиц женского пола являются выразительным художественным средством, содействующим реализации авторского мировосприятия.

Ключевые слова: женская поэзия, лексические единицы, лирическая героиня, феминативы.

Беларуская жаночая паэзія – невычэрпная крыніца шчырых пачуццяў, адлюстраванне духоўнага жыцця грамадства, скарбніца эмацыянальнага вопыту. Тое, як паэтэсы адчуваюць і ўспрымаюць навакольны свет, як яго асэнсоўваюць і адлюстроўваюць, знаходзіць выражэнне ў мастацка-моўнай структуры твора, у сістэме ўсіх яго лексічных, граматычных, тэкставых кампанентаў, у спосабах выяўлення аўтарскай ацэнкі – у індывідуальным аўтарскім стылі. Асаблівасці жаночага ўспрыняцця свету адлюстраваны не толькі ў змесце вершаваных радкоў, але і ў актыўным выкарыстанні ў мове іх фемінінатываў, што ў значнай ступені прадвызначаецца і спецыфікай паэзіі, і сацыяльным становішчам жанчыны ў грамадстве, і яе роляй у

сям'і. Разгледзім адметнасці словаўжывання жаночых асабовых намінацый на матэрыяле вершаў Р. А. Баравіковай, імя якой трывала ўвайшла ў гісторыю нацыянальнай літаратуры, папоўніла залаты фонд беларускай жаночай паэзіі, паколькі, працуючы ў рамках класічнай беларускай паэзіі, паэтка прасачыла і раскрыла самыя патаемныя глыбіні чалавечай душы праз стварэнне адметных лірычных характараў.

Прызнаны той факт, што паэтычныя тэксты адлюстроўваюць моўную асобу аўтара, а жаночыя паэтычныя тэксты, акрамя ўсяго іншага, насычаны абсалютна рознымі нюансамі жаночага светаадчування, а таксама асабістымі ўяўленнямі аб цэлай гаме пачуццяў, найперш аб каханні, аб чалавечых узаемаадносінах, аб прыгажосці, адказнасці, прызначэнні, пошуках і асабістым лёсе. Асабліва выразна абазначана гэта ў лірычных вершах Р. А. Бара-віковай, кожны радок якіх літаральна пранізаны эмоцыяй і глыбінёй думкі, перажытымі пакутамі і шчаслівымі момантамі. Паэтэса такім чынам не "прыглушае", а выразна падкрэслівае жаноцкасць сваёй лірыкі.

Асноўнай тэмай лірыкі Р. А. Баравіковай з'яўляюцца ўзаемаадносіны паміж жанчынай і мужчынам. Інтымная лірыка паэтэсы вызначаецца адметнай шчырасцю, эмацыянальнасцю, тонкім псіхалагізмам. Безумоўна, выяўленчы характар верша ў кожнага мастака слова свой асабісты. Так, Р. А. Баравікова паўстае перад намі эмацыянальнай, парывістай ў сваіх прадчуваннях і пошуках унутранай гармоніі, але ў той жа час заўзятасць спалучаецца з унутранай стрыманасцю. Менавіта тэма кахання абумовіла выкарыстанне ў мове яе вершаў такіх фемінінатываў, якія ўказваюць на адметны статус жанчыны ва ўзаемаадносінах з мужчынам: *Шчыруе ў днях гарэзлівых* ***каханка****, / А я табе* ***каханаю*** *была* [Баравікова, 1990: 143]; *Па вясне завяла гронка / Бэзу каля хаты, / Не* ***каханка*** *і не жонка, / Хто ў тым вінаваты* [Баравікова, 1997: 84]; *Вось і стала я* ***разлучніцай.*** */ Сорам вочанькі заслаў. / Лепш пайшла б ужо за ключніка, / За замкамі каб трымаў* [Баравікова, 1997: 18]; *Не звіняць бранзалеты грэкіні, / І* ***наложніц*** *вакол не чутно, / Можа стацца, – таксама пакіне, – / Манастырскае ў полі акно* [Баравікова, 1990: 132]; *Да той пякучае слязы, / З якой калісьці ткалі* ***ўдовы / Нявестам*** *мілым паясы / На доўгі месяц іх мядовы…* [Баравікова, 1997: 118]; *Каб на самым абрыве палянкі, / Дзе ў калена густая трава, / Ўпадабала я лёс* ***паланянкі*** */ І надломы крутога брыва* [Баравікова, 1990: 70]; *З хаты выбегу, здзіўлёная, / Паглядзець на кругаверць, / Скажуць людзі: "****Улюбёная****, а ідзе, нібы на смерць!"* [Баравікова, 1990: 68].

У асобных сваіх вершах паэтэса параўноўвае сваю лірычную гераіню з сяброўкай або паказвае месца названай асобы ў сваім жыцці: ***Сяброўкі*** *абсталёўваюць кватэры, / Я п'ю ў лясах на досвітку расу…* [Баравікова, 1990: 5]; *Не цалаваць, не думаць, не чакаць, / Хадзіць*

у госці да ***сяброўкі*** *зранку. / З усмешкаю знаёмых сустракаць…* [Баравікова, 1981: 73].

Даволі часта ў паэтычных радках дэманструюцца здольнасці жанчыны, яе схільнасці і магчымасці выконваць розную работу, што дазваляе прасачыць цэлая галерэя створаных вобразаў, звязаных з родам заняткаў жанчыны: *Застыў вясёлым роспісам алей. / Спалох закалыхала слоў калыска. / Стаў пэндзлік непатрэбным… / Як вы блізка!... / (Аддаю ў запісную кніжку юнай* ***паэтэсе;*** *думаючы аб сваім)* [Баравікова, 1997: 192]; *Там рос палын густы і горкі, / Цяпер там талая вада, / І смех завучаны* ***акцёркі****, / І ў доме – чорная нуда…* [Баравікова, 1997: 141]; *Я сёння* ***пастушка****, / Я статак пасу! / Блакітная стужка / Ўпляцецца ў касу* [Баравікова, 1997: 9]; *Разгублена ўздыхаю я / (Старонні скажа: "Ах…дзівачка!"), / Хай бы была яна –* ***жняя****, / Бо* ***жнеек*** *шлях усім вядомы, / Як рэдка хтосьці з іх пяе, – / Часцей зажураны ад стомы* [Баравікова, 1997: 293]; ***Настаўніца****... Паспачуваць / Ёй можна ў нашым спрэчным свеце, / Яе змагла б я апяваць, бо знаю, / Што такое дзеці* [Баравікова, 1997: 293].

У асобную падгрупу вылучаюцца лексічныя адзінкі, што абазначаюць назвы асоб жаночага полу паводле ўзроставага, фізіялагічнага стану, унутраных якасцей і рыс характару, манеры паводзін, дзе пазітыўны пачатак спалучаецца са зменлівасцю і непрадказальнасцю жаночай душы і даволі хуткай зменай жаночага настрою: *Не д'яблік з чараўнічай табакеркі, / А вечар шчодры ўсім раздаў дары… /* ***Дзяўчынкам*** *– лялькі, хлопчыкам – цукеркі, / А мне – твая пяшчота да зары* [Баравікова, 1990: 165]; *Падобны голас мой на ўсхліп / Пакрыўджанай* ***дзяўчынкі****, / Над снежаньскім спакоем ліп / Сваволяць аблачынкі* [Баравікова, 1981: 96]; *Зглыну, і зноў урэжацца абцас / У грунт, дзе столькі рознага хадзіла, – /* ***Дзяўчына*** *з незабудкамі для вас / І чутка, – што дарэмна вас любіла* [Баравікова, 1997: 123]; *Устаць, і слухаць ранні крык шпачыны, / І радавацца свежасці світання, / І ведаць, што ў вачах тваёй* ***жанчыны*** */ Жыву істотай, вартай шкадавання* [Баравікова, 1997: 345]; ***Жанчына****! Сталы мой узрост, – / Вытрэбваюць нямала абавязкаў…* [Баравікова, 1981: 73]; *Прывязацца б душою і целам, / Вочы б сінія прагна любіць, / Колькі помню сябе – ўсё хацела / Я* ***жанчынаю*** *вернаю быць* [Баравікова, 1997: 107]; *Словамі не пэндзлем маляваць, / Тут свае адценкі, свае гамы… / І цікава мне, як будзеш званць, / Калі прыйдзе ўзрост віновай* ***дамы*** [Баравікова, 1997: 322]; *Няхай мне доля мужнасць выкладае, /* ***Жанчыне*** *слёзы дадаюць гадоў… / Стаю на раздарожжы* ***маладая****, / А ў* ***маладое*** *– шмат заўжды шляхоў* [Баравікова, 1990: 143]; *Забаваў летніх* ***шчабятуха****, / Як многа слёз яшчэ пралье!* [Баравікова, 1990: 11]; *Ах, прыйдзе, прыйдзе ясны дзень / На радасць* ***весялушцы****!* [Баравікова, 1990: 24]; *І позірк ваш дакорлівы злаўлю, / Як ловіць промень веснавая хмарка, / Няпраўда! Ну, якая ж я*

дзікарка**, / Хіба вам не відно: я вас люблю* [Баравікова, 1990: 137]; *Выпадкова, без пэўнай прычыны, / Спачувальна і не без ласкі / Мне сказала твая **жанчына**: / Вы, як **ліска з японскай казкі [Баравікова, 1990: 29]; *Баю-бай, мая **гусанька**, / На плячы маім засні… / І сама ты **маладзюсенька**, / І гарыш, нібы ў агні* [Баравікова, 1997: 84]; *А мне ні радасці, ні сну – / Твой цень прымкнуў калькай! / Мо ад таго іду ў вясну / Я завадною **лялькай*** [Баравікова, 1990: 24]; ***Папялушка**! – уздрыгваюць кусты. / Мілая! – бы шкельца заіскрыцца… / Словы, як з мінулага лісты, / **Папялушцы** ўжо даўно за трыццаць* [Баравікова, 1997: 322]; *Нясе цыбулю, хлеба булку. / Пяе – найлепшая з **красунь** – / Пра даўнішняй работы люльку / і капітанскі злы тытунь* [Баравікова, 1990: 119].

Акрамя акрэсленых, вылучаецца і група, што аб'ядноўвае назвы асоб жаночага полу паводле роднасці, сваяцкіх і сямейных адносін: *Што вы ведаеце пра страсць, / Пра душу, расхінутую насцеж, / Хай вам **жонка** адданая дасць / Найсалодкае звонкае шчасце* [Баравікова, 1981: 74]; *Твая **жонка** на ганачку, / А **цешча** ў парозе, / Я ж спяваю "цыганачку" / Да цябе ў дарозе* [Баравікова, 1981: 100]; *Прашумі мне: "**Сястра**, адпачні" / Ты ж маёй адзіноты сааўтар!* [Баравікова, 1981: 71]; *Як ціха яблыні шумяць у нашым садзе, / Давай жа, **мама**, ля акна з табой прысядзем* [Баравікова, 1990: 65]; *Па снезе **мама** йдзе да студні, / Пейзаж адзін малююць будні; / Яму раскажа пра кароўку, / Пра Вольку – хворую **залоўку**, / З пытаннем: а паробіш што?* [Баравікова, 1997: 212].

Відавочна, што межы паасобных разрадаў у пэўнай ступені ўмоўныя, паколькі некаторыя намінацыі могуць адначасова ўваходзіць у некалькі лексіка-семантычных груп. Гэта абумоўлена і полісемантычнасцю многіх жаночых назваў, і семантычнай невыразнасцю некаторых з іх. Сярод вылучаных найменняў часта назіраецца варыянтнасць аднаго і таго ж слова, якой садзейнічаюць і адсутнасць строга вытрыманых граматычных норм, і наяўнасць разгалінаванай сістэмы словаўтварэння.

Такім чынам, можна сведчыць, што фемінінатывы ў мове вершаў Р. А. Баравіковай становяцца істотнай прыкметай аўтарскай паэтычнай манеры, выразным мастацкім сродкам. Жаночыя асабовыя найменні не толькі выконваюць пэўную сэнсавую нагрузку, але і выступаюць адметным спосабам перадачы аўтарскага (жаночага) светаадчування.

Спіс літаратуры

1. Баравікова, Р. Пад небам першага спаткання : Лірыка / Р. Баравікова. – Мінск, 1990.

2. Баравікова, Р. Сад на капелюшыку каханай : Лірыка / Р. Баравікова. – Мінск, 1997.

3. Баравікова, Р. Такое кароткае лета : Лірыка / Р. Баравікова. – Мінск, 1981.

Л. А. Мельникова
(г. Астрахань, Россия;
г. Нанкин, Китай)

ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Предлагается анализ идеографической классификации несклоняемых существительных русского языка, которая может использоваться как альтернативный способ их описания, представленный в разных грамматических пособиях. Тематическое членение слов на примере одной лексико-грамматической группы дает максимальное представление о тематической разнородности несклоняемых единиц в русском языке, позволяя отслеживать реальную картину их динамики на синхроническом срезе.

Ключевые слова: идеографическое поле, несклоняемые имена, грамматическая редукция, тематическая классификация, лексико-грамматическая подсистема, парадигматика, синтагматика.

Вопрос систематизации языковых единиц имеет свою историю в лингвистике: от того, как усваиваются разноуровневые языковые единицы, выстраивается общая картина миропонимания языковой личности. Именно для усовершенствования этого механизма были созданы словари разного типа, которые своей многоаспектностью подтверждают известный трюизм: *словарь – это вселенная в алфавитном порядке*. Упорядочивание понятийной системы на раннем этапе развития личности во многом зависит от ассоциаций и умения соотносить новое с уже известными явлениями. Для того, чтобы отработать одну из существующих методик, достаточно иметь пример описания языковых единиц. Имея опыт изучения несклоняемых существительных в русском языке, мы ограничимся анализом классификации именно этой лексико-грамматической подсистемы.

Прежде нас интересовали «Функциональные особенности несклоняемого имени» [Приорова, Мельникова 2009: 63–70], и во всех наших исследованиях мы в большей степени рассматривали «Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен)» [Приорова 2011] с точки зрения функциональной грамматики. Функциональный аспект изучения языковых единиц с грамматической редукцией предполагает подробное изучение их функций, которые напрямую связаны с речью, поэтому выводы наши сводились к тому, что «Функционирование НИ как языковых единиц в русском языке вписывается в общее движение в речевом потоке, где происходит постоянное пересечение парадигматических осей и последовательное конвертирование внешней синтагматики во внутреннюю» [Приорова, Мельникова 2009: 70]. Сегодня, сталкиваясь в лингвистическом центре с разными неожиданными вопросами,

мы рассматриваем эту лексико-грамматическую группу, прежде всего, с позиции номинативной функции, так как «трудности самостоятельного употребления несклоняемого имени легко устраняются с помощью подставки согласованного определения или притяжательного местоимения» [Приорова, Мельникова 2009: 65].

Связано это с аналогией неизменяемости слов в китайском языке. В китайском языке практически отсутствует грамматика: нужно знать несколько основных послелогов и соблюдать фиксированный порядок слов. Основной процесс изучения китайского языка заключается в запоминании лексики и постановке правильного произношения. Типологически китайский язык, в сравнении с русским, по морфологической классификации относится к языкам изолирующего типа. В нём нет словоизменения, а важен лишь грамматический порядок слов, потому что грамматические значения выражаются порядком слов и служебными словами в предложении. Часть речи можно установить только в контексте, как и у русских несклоняемых существительных: «Гарантом смысла считается контекст» [Приорова, Мельникова 2009: 68]. В китайском языке нет алфавита, один иероглиф означает одно слово. Соответственно, количество выученных иероглифов соответствует, в среднем, 15 000–25 000 словам.

В русской грамматической системе, отличной от китайской, тоже есть слова разных частей речи, чем-то похожие на иероглифы, которые всегда пишутся одинаково. Служебные части речи (предлоги, союзы и частицы) в русском языке не изменяются. Из знаменательных частей речи в русском языке «…в класс неизменяемых слов могли входить несклоняемые имена типа ***радио*** и ***хаки***, глагольные формы – инфинитив и деепричастия *выйдя*, *решая*, наречные образования типа *домой*, *всегда*» [Приорова 2001: 9]. Ближе всех к служебным частям речи – русское наречие. Все эти слова отличаются отсутствием грамматической формы, т.е. наличием грамматической редукции, – иероглифичностью. Номинативная функция существительных – это называние предметов, объектов, явлений и лиц и пр., несклоняемые имена с этой точки зрения описываются в работе И. В. Приоровой «Несклоняемые имена в языке и речи» [Приорова 2008: 1–88], где «предлагается комплексное изучение группы несклоняемых имён в русском языке» [Приорова 2008: 2]. Однако процесс заимствования никто не отменял, и поэтому: «Проблема несклоняемых имён, оставаясь для лингвистики не новой, к началу XXI века выходит за рамки традиционного описания. На сегодняшний день несклоняемые имена объединяют около 2000 слов с предметным значением, более 90 из которых полисемантичны, в том числе цветообозначения, а также обширные ряды антропонимов, топонимов и аббревиатур» [Приорова 2011: 5].

Прежде, в своём исследовании «Идеографическое поле несклоняемых существительных» [Приорова 2001] И. В. Приорова отмечала,

что «Существенную роль в определении класса существительных флективных языков играют морфологические признаки, потому что они имеют легко выделяемое внешнее выражение» [Приорова 2001: 49]. Однако морфологических признаков становится недостаточно, когда дело касается заимствованных слов (*пальто, ателье, беж, инкогнито*), которые в русском языке не имеют однословных аналогов. Если первые два слова *пальто* и *ателье* называют предмет и объект, то *беж* – качество, а *инкогнито* – и лицо, и состояние лица. Если эти слова классифицировать по формальным признакам, то они попадают в один класс с предлогами, союзами и междометиями, т.е. со всеми словами, которые не меняют форму. Если у существительных – только одна словоформа, которая совпадает по звучанию во всех падежах, то значение падежа выражается только в контексте, т.е. синтаксически: *нов**ое** метро открыт**о**, вышли из нового **о** метро, встретились в нов**ом** метро, жители довольны нов**ым** метро*.

В диссертации представлены разные типы классификации, начиная с «Русской грамматики», которая относит «к нулевому склонению <…> слова иноязычного происхождения» [Приорова 2001: 65], называя их несклоняемыми [РГ., 1980. т. 1, § 1221]. Наиболее приемлемой для изучения лексики, на наш взгляд, можно считать тематическую классификацию, предлагаемую И. В. Приоровой [Приорова 2001: 1–178; Приорова 2008: 1–88] для несклоняемых существительных, которую можно применить для изучения всех лексических единиц.

Эта классификация была разработана И. В. Приоровой на основе анализа двух специальных словарей: «Словаря несклоняемых слов» Н. П. Колесникова (1994) и «Словаря неизменяемых иноязычных слов русского языка» Л. А._Брусенской (1997) [Приорова 2001: 87]. Вместо пяти групп по формальному сходству «…исследование несклоняемых существительных предполагает изучение 17 тематических групп, которые были выявлены при лексикографическом анализе» [Приорова 2001: 127]. Причины русской несклоняемости заключаются в том, что грамматическая система русского языка гибкая, в ней уживаются разные типологические признаки, поэтому совокупность неизменяемых форм в русском языке отличается лексико-грамматическим разнообразием. Основную часть несклоняемых существительных составляют слова заимствованные. Мы видим «Чужеродность морфологического облика большинства несклоняемых слов» [Приорова 2001: 87], когда сопоставляем их с флективными изменяемыми словами.

В русской грамматике и для исконно русских слов, и для заимствованных существует один и тот же механизм словоизменения, однако несклоняемые существительные воспринимаются как слова-морфемы, несвойственные русскому языку, и поэтому их можно сопоставить с китайскими иероглифами. В современной теории, как прави-

ло, для существительных используются два типа номинации: тематическая (денотативная) и функциональная (смысловая, сигнификативная). Ещё один тип номинации – таксономическая – ориентируется на внутренние, сущностные (ингерентные) свойства называемых объектов и выражает миропонимание человека. «Номинативные классы имён существительных формируются в соответствии с внутренними свойствами называемых объектов: 1) конкретные / абстрактные; 2) среди конкретных: неодушевлённые / одушевлённые; 3) среди неодушевлённых: наименования растений и их частей, предметов и их частей, тел живых существ, веществ и их частей; 4) среди одушевлённых: наименования людей / животных (антропонимы / зоонимы)» [Приорова 2011: 157]. Номинативная система данного типа отражает основную таксономическую систему, которая впервые была описана Аристотелем при классификации субстанций или сущностей в «дереве Порфирия». Если связь слова легко устанавливается с тематической группой по наименованию основного слова, например, *еда, одежда, СМИ, объекты* и пр., то значит классификация соответствует «идеографической» [Приорова 2011: 157].

Анализ современной действительности показывает, как слова, обозначающие социально значимые реалии, объединяются в один номинативный класс по идеографическому принципу: *работа*, *дом*, *спорт*, *отдых* и пр. Если взять опыт идеографического описания, то можно проследить за изменениями в лексической системе, которые отражают развитие языка при взаимодействии с социальным развитием общества. Обусловливается это не только увеличением новых слов в языке, «…но и особенностями их употребления в речевом пространстве, где актуализируются наиболее значимые и социально востребованные реалии конца XX – начала XXI века» [Приорова 2011: 170]. Идеографическое описание лексики тематически упорядочивает «словарный состав современного русского языка» [Русский семантический словарь], объединяя в одну тематическую группу семантически близкие лексические единицы.

Библиографический список

1. Брусенская, Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка / Л. А. Брусенская. – Ростов-на-Дону, 1997. – 237_с.

2. Приорова, И. В. Идеографическое поле несклоняемых существительных : дис. … канд. филол. наук / Приорова И. В. – Волгоград : ВГПУ, 2001. – 178 с.

3. Приорова, И. В. Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имён) : дис. … д-ра филол. наук / Приорова, И. В. – Астрахань : АГУ, 2011. – 449 с.

4. Приорова, И. В. Функциональные особенности несклоняемого имени / И. В. Приорова, Л. А. Мельникова // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3 (31). – С. 63–70.

5. Приорова, И. В. Несклоняемые имена в языке и речи : учеб. пособие / И. В. Приорова. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 88 с.

6. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 2 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 2000.

О. М. Пахоменкова
(г. Москва, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Фразеологизмы можно рассматривать с точки зрения их социокультурного потенциала. Так, на примере анализа устойчивых оборотов, отражающих нравственные понятия (оборотов социокультурной тематики) в современной речи делается вывод о значимости морально-этических норм в развитии народа, разрушение которых приводит к неупорядоченности общественного сознания.

Ключевые слова: фразеологизм, значение, лингвокультурология, этические нормы, социум, борьба.

В современной лингвистической науке исследователи всё чаще обращаются к историко-культурологическому анализу фразеологии, что позволяет представить её в когнитивном аспекте, который невозможен без диахронического анализа и межъязыкового сопоставления. При этом допускается и субъективистский подход. Однако такой подход может привести к упрощению и переоценке фразеологических единиц (ФЕ), имеющих ярко выраженную национальную коннотацию.

По мнению многих исследователей, именно в языке заключена историческая память народа, именно язык отражает культурный и языковой опыт народа [Телия 1986: 104]. Лингвокультурологические исследования на материале фразеологии позволяют представить многие духовные ценности, созданные отдельными этносами в течение тысячелетий. Фразеология – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [Телия 1996: 9].

Как языковой феномен, фразеологизмы имеют общечеловеческое содержание. Например, во фразеологии находят отражение такие понятия, которые формируются в сфере нравственных, духовных, социальных и культурных взаимоотношений (борьбы) людей в многонациональных социумах.

Обратимся к описанию фразеологизмов, отражающих борьбу за нравственные понятия, борьбу за нормативные социокультурные представления.

Основными нравственными понятиями являются: борьба между добром (польза) и злом; битва за идеал; противостояние горю и несча-

стью; борьба с гордыней; борьба за любовь, честь, правду, святость, совесть, свободу; противостояние силе, зависти, ревности, обману, хитрости и многому другому. Из них выделяются понятия, составляющие общечеловеческие ценности: гуманизм, добро, дружба, милосердие, миролюбие, совесть, справедливость, счастье, человечность и др. Эти понятия встречаются во фразеологии многих языков, например, в русском языке: *дело чести, клясться честью, поручиться честью, добрые намерения, мир не без добрых людей* (здесь и далее примеры фразеологизмов приводятся по [Мокиенко, Никитина 2008]) и др.

Как видим, в основу дефиниции нравственности ложится понятие о форме общественного сознания, отношений, где главными являются отстаивание этических норм, разрушение которых приводит к распаду и хаосу. В любом обществе нужны регуляторы, которые бы организовывали жизнь общества. И таковыми являются: нравственные взгляды, традиции, нормы, принципы, заповеди, цели, оценки, категории добра, совести, чести и др. Поэтому так важно изучать нравственные концепты с разных позиций и стараться донести смысл до тех, кто нуждается в знании. Лексический состав ФЕ с нравственными понятиями в языках может отличаться. Однако их семантика либо близка, либо идентична. Рассмотрим на примере русского языка.

Политические, экономические, социальные и иные изменения, происходящие в мировом сообществе в последние десятилетия, обусловливают актуальность морали и её категорий, в частности категории «честь», которая представлена немногочисленными словообразовательными единицами: *честный, честно, честность, бесчестный, чествовать*, а также синонимом – *почтение* [Ушаков 2005: 1154].

Приведём трактовку этого понятия.

ЧЕСТЬ – это **1.** Моральное, профессиональное, социальное и т.п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих. Например, фразеологизмы: *дело чести; клясться честью; поручиться своей честью; воинская честь* и др. **2.** Почёт, уважение. Знаки внимания, оказываемые кому-либо. Например, ФЕ: *заслуженная честь; оказать честь гостю; отдать честь; делать (сделать) честь* и др. **3.** То, что придаёт кому-либо или чему-либо ценность, достоинство; то, чем гордятся. Например, ФЕ: *честь семьи; честь фирмы; честь заводской марки* и др. **4.** Понятие нравственности. Например, ФЕ: *береги честь смолоду*. Очевидно, что понятие *чести* свидетельствует о высоком уровне культуры народов, о природном чувстве самоуважения, о борьбе в отстаивании национального достоинства [Там же].

Не менее выразительны в лингвокультурологическом отношении и фразеологизмы, имеющие в своём составе компоненты с социокультурной семантикой [Vassilenko, Karabulatova 2018: 831]. В современных средствах массовой информации такие обороты играют важную

роль. Кроме того, большая часть фразеологизмов, функционирующих, например, на страницах современных газет, имеет ярко выраженное оценочное значение, социально маркированное. Социально актуальное значение оборотов в текстах СМИ раскрывается благодаря их метафоризации в определённых социально значимых ситуациях [Белая 2001: 229]. Во фразеологизме, использованных на страницах средств массовой информации, сосредоточена идея борьбы за лучшее в жизни общества на каком-либо этапе, такие фразеологизмы выступают единицами, способными обеспечить социокультурную информацию. В текстах СМИ функционируют фразеологизмы, уже хорошо известные в языке. Эти ФЕ либо выполняют номинативную функцию, информируя о реально происходящих событиях и образно представляя их с целью эмоционального воздействия на читателя, либо допускают в свой состав новые компоненты и подвергаются индивидуально-авторскому переосмыслению, выражают субъективную точку зрения [Karabulatova, Vildanov 2017: 9].

Большинство ФЕ в языке СМИ имеют оценочное значение, выражая положительную или отрицательную характеристику бытия в борьбе за своё место под солнцем: *отмывание грязных денег, попытаться взвинтить ситуацию, сделать «громкое» заявление, участвовать в предвыборной гонке, погода внесла свои коррективы, встретить в штыки, завинчивать гайки, вывести на орбиту* и др.

Таким образом, в процессе развития языка важное место занимают устойчивые обороты, называющие реалии социальной действительности. Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, безусловно, связанного с его культурными традициями.

Библиографический список

1. Белая, А. С. Семантико-прагматический подход к изучению современной фразеологии (на материале прессы) / А. С. Белая // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы междунар. науч. конф. – Гомель, 2001.

2. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – Москва, 1996.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Медиа Групп, 2007.

5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альта-Пресс, 2005.

6. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity / I. S. Karabulatova, K. S. Vildanov, A. A. Zinchenko, E. N. Vasilishina, A. P. Vassilenko // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. – 2017. – Т. 25. – С. 1–16.

7. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture / A. P. Vassilenko, I. S. Karabulatova, E. N. Vasilishina, R. A. Tukaeva, V. V. Barabash // Opcion. – 2018. – Т. 34, № 85. – С. 825–839.

М. Н. Перфилова
(г. Пенза, Россия)

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ *БЕЛЫЙ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются история цветообозначения *белый* в русском языке, семантические особенности колоратива в разных источниках изучения лексики: фольклоре, народных говорах, памятниках письменности. Определены устойчивые и устаревшие цветовые и оценочные значения цветолексемы *белый*.

Ключевые слова: цветообозначение, семантика, оценочная семантика, фольклор, диалект, памятники письменности.

По данным этнографических исследований, белый цвет так или иначе фигурирует в культуре почти всех народов Земли. Следовательно, почти в каждом языке существует особая лексема, обозначающая его. В русском языке традиционно для этого используется цветовое слово *белый*, реже – *снежный*.

Колоратив *белый* существует в нашем языке с очень давних времён. Авторы этимологических словарей традиционно сближают его с «др.-инд. bhālam «блеск», bhāti «светит, сияет» [Фасмер 1986: 149], [Преображенский 1959: 60]. Таким образом, первоначальным значением слова *белый* было «светлый». Оно является для него некой «семантической константой»: наравне со значением «цвет снега, молока, мела» его можно наблюдать и во времена фольклора, и в наше время, то есть в течение всей истории цветообозначения.

Параллельно с световым и цветовым значением колоратив реализовывал оценочную семантику, изначально – амбивалентную, что было характерно для раннего этапа существования цветолексем. Например, в переносном значении «чистый»: *Рука руку моетъ и обѣ бѣлы живутъ* [Даль 1879: 137] (оценка отрицательная, так как речь идёт о показной чистоте) и *Сама собой милéнька, личикомъ бѣлéнька* [Даль 1879: 381] (белое лицо – фольклорный атрибут человеческой красоты). Семантика «чистый» в ключе христианского мировоззрения могла также дополняться коннотативным значением «божественный»: *Съ бѣленькой котомкой – Христосъ на пути* [Даль 1879: 84]).

Амбивалентность оценки у колоронима *белый* ярко проявлялась в пословицах и поговорках, в том числе через противопоставление цветолексеме *чёрный*. Подобная оппозиция цветов символична: «Прилагательное *чёрный* в древних памятниках используется, как и белый,

в христианской символике, где *чёрный* значит, в противоположность *белому*, «принадлежащий тёмным силам», «причастный сонмищу бесов»…» [Базыма 2005: 29]: *Рубашка бѣленька, да душа черненька* [Даль 1879: 613]; *Бѣлъ снѣгъ, да не вкусенъ. Черенъ макъ, да бояре ѣдятъ* [Даль 1879: 81] (во втором случае оценка *белого* отрицательна).

«Светлые» значения, в том числе с точки зрения оценки, сохраняются у колоратива в говорах: «белолицый», «хороший (о жизни)» («*Что за беда, если в Сибирь угодишь? Там тоже белая жизнь*») [СРНГ: 229].

В письменных памятниках XI–XIV вв. значение «белого цвета» зафиксировано в качестве основного (Бё же одёянid dго бёло ако снёгъ). Субстантивируясь, колороним мог иметь семантику «белая риза» (Видё дъва ан%гла въ бёлахъ сёд\ща); наблюдалось оценочное значение в сочетании *белое место* («место, свободное от податей») [Срезневский 1893: 218–219].

В XV–XVII вв. семантический объём колоратива *белый* значительно расширился: в «Словаре русского языка 11–17 вв.» отражены значения «светлый, белёсый», «неокрашенный, светлый, бесцветный», «светлый, ясный, прозрачный», «чистый», а также «имеющий дымоход через трубу», «чистовой, беловой (о документе)», «бельевой, относящийся к белью», «не постриженный в монашество (о духовенстве)», «непорочный, безгрешный» [СРЯ 11–17: 137].

В «Словаре русского языка 18 века» отражены те же значения, что и в XV–XVII веках и отмечается, что колоратив стал частью множества терминологических наименований (следовательно, цветовое слово *белый* стало к XVIII веку орудием научного осмысления мира) [СРЯ 18: 196–197].

Согласно Словарю 1847 года *белый* – «противный чёрному», «подходящий цветом к белому» (светлый), «чистый, не замаранный». Значение «вольный, не платящий подати» даётся в этом словаре с пометкой *стар.*, говорящей о выходе значения слова из активного употребления к XIX веку [Сл. 1847: 95–96].

Малый и Большой академические словари показывают тенденцию к учащению случаев субстантивации слова *белый*: «цвета снега, молока, мела», «очень светлый», «светловолосый, со светлой кожей», «светлокожий (как признак расы)», «ясный, светлый (о времени суток, о свете)», «*устар.* и *обл.* чистый», «в первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее», «*в знач. сущ.* о человеке – бе́лый», «*в знач. сущ.* бе́лые, *мн.* – шашки, шахматные фигуры светлого цвета в отличие от чёрных», «составная часть некоторых зоологических и ботанических названий» [МАС: 78], [БАС: 78]. К XX веку значительно расши-

рилось вхождение колоронима в состав терминологических наименований, что говорит о продолжении её научного использования.

Итак, обращение к различным источникам позволило составить достаточно полную картину семантического объёма цветообозначения *белый*. Наиболее устойчивыми стали для него значения «цвет снега, молока», «светлый», «чистый». Прочие семы, вышедшие из употребления по различным причинам, в том числе по причине исчезновения реалий определённой эпохи, стоит рассматривать как следы исторической многозначности цветового слова.

Библиографический список

1. Базыма, Б. А. Психология цвета: теория и практика / Б. А. Базыма. – Харьков : Речь, 2005. – 112 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург ; Москва : Изд-во М. О. Вольфа, 1879. – Т. 1.
3. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – Москва : ГИС. – Т. I. – 1959.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – Т. 2.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 2000. – Т. 1.
6. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. [редкол.: Ю. С. Сорокин и др.]. – Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1984. – Т. 1.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., 1999. – Т. 1.
8. Словарь современного русского литературного языка. – Москва : Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 1.
9. Словарь церковнославянского и русского языка / сост. вторым отделением Императорской академии наук.– Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1847. – Т. I.
10. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1893. – Т. I.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Прогресс, 1986. – Т. 1.

А. В. Сергеева
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ *НЕ…БЫ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Усиление аналитических тенденций в современном русском языке привело к созданию парной аналитической частицы *не…бы*, выражающей

два основных значения: опасения и предупреждения нежелательного действия. Рассматриваются семантические оттенки значений, усиливающихся с помощью различных лексических и синтаксических средств, а также особенности функционирования данной частицы в предложениях.

Ключевые слова: аналитизм, аналитическая частица, опасение, предупреждение.

В русском языке существуют разные способы выражения грамматических значений: синтетический, при котором грамматическое значение выражается с помощью средств, находящихся в самом слове; аналитический – грамматическое значение передаётся посредством служебных слов, а функции и значение этих форм выявляются в контексте; смешанный (гибридный) – грамматические значения выражаются как вне, так и внутри слова. В. В. Виноградов утверждал, что структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, «аналитическому», более того, «аналитические формы речи <...> усложняются, становятся значительнее и определённее» [Виноградов 1972: 36]. Таким образом, одним из важнейших изменений, затрагивающих всю русскую языковую систему, является тенденция к усилению черт аналитизма.

И. Г. Родионова отмечает, что усиление аналитических тенденций в современном русском языке проявляется не только в морфологии, но и в синтаксисе, и связано оно прежде всего с возрастанием значимости служебных слов (в первую очередь частиц). [Родионова 2014: 9]. Объединяясь, частицы способны образовывать вместе с полнозначным словом аналитическую форму или конструкцию, которая вносит в предложение новый оттенок значения. Также «многокомпонентные частицы сами по себе могут иметь аналитическое строение, но не в любой из них можно установить аналитичность, напротив, возможен синтез» [Лекант 2013: 4]. Образование и функционирование аналитических частиц обусловлено необходимостью оформлять те виды семантико-синтаксических отношений, которые невозможно передать простыми частицами [Родионова 2016: 41].

Среди многих частиц особенно ярко выделяются частицы *не, бы* и *ли*, при объединении которых предложение наполняется новым оттенком значения. Так, частица *не…бы* вносит в предложение значение опасения и предупреждения: ***Не*** *забыть* ***бы*** *чего! Сначала в город... Ты всё записала, что купить-то надо?* (А. Островский); *Итак, почему ж* ***не*** *дать* ***бы*** *мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек* (Н. Гоголь). Частица *не…ли* реализует значение предположения и намерения: *Однако ж* ***не*** *ошибался* ***ли*** *Полозов, предусматривая себе зятя в Бьюмонте?* (Н. Чернышевский); ***Не*** *тряхнуть* ***ли*** *нам в преферанс?* (А. Писемский). В данной статье предметом описания выступает частица *не…бы*.

Рассматривая компоненты анализируемой частицы, можно заметить, что она образована с помощью самостоятельных частиц *не* и *бы*. Известно, что *не* в различных классификациях относится к отрицательной частице, придающей следующему за ней слову противоположное или отрицательное значение, а при инфинитиве указывает на невозможность действия: *Алабин давал обед в Дармштадте; нет,* ***не*** *в Дармштадте, а что-то американское. Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету,* ***не*** *крайнюю, но того направления, которого держалось большинство*; ***Не*** *изменить* ***ли*** *план, Левин? – сказал он, остановив палец на карте* (Л. Толстой). Частица *бы* в сочетании с глаголами прошедшего времени образует сослагательное наклонение со значением предположительной возможности: *Дать бы ей только на извозчика и немножко на булавки, и поехала* ***бы****, и все было* ***бы*** *прекрасно, и был* ***бы*** *я теперь независим, свободен и* ***не*** *испытывал* ***бы*** *этого мучительного и позорного состояния духа* (А. Куприн). В инфинитивных конструкциях данная частица передаёт значение желательности: *У него спросить* ***бы****!.. Это сам и есть?..* (Л. Толстой); *Что я за неженка? Авось не замерзну. Хоть бы поскорей это всё кончилось: сесть* ***бы*** *и ехать* (Л. Толстой). Особый интерес представляет использование данных частиц в одном предложении, и здесь возможно два варианта: во-первых, *не…бы* с глаголами прошедшего времени образует форму сослагательного наклонения, во-вторых, с неспрягаемыми формами глагола образует единую аналитическую частицу, выражающую различные модальные значения. (Ср.: *Если бы не уважение моё к кресту, украшающему грудь вашу, то я, может быть,* ***не*** *остался* ***бы*** *в тех пределах, в которых нахожусь* (А. Герцен); *Едете на Гарь,* ***не*** *наехать* ***бы*** *на пожар* (А. Островский). Следует отметить также случаи употребления конструкции *не…бы* с инфинитивом и с модально-предикативными словами долженствования, необходимости в безличных предложениях, где данные частицы образуют сослагательное наклонение: *Да, – твердила дьячиха, – это нехорошо; этак он, пожалуй, бед наделает, с отчаянья-то… Я уже вечор видела, что он не спал, так лежал на печи; тебе бы, Ефрем Александрыч,* ***не худо бы проведать****, что ли…* (И. Тургенев). Такие предложения отличаются большей экспрессией, лаконичностью, напряженностью в выражении обусловленной возможности, важную роль здесь могут играть междометия с аналогичным значением: *И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал: «****Ох, не надо бы полнеть****!*» (А. Чехов).

Таким образом, одиночные частицы *не* и *бы* образуют пару без главенства одного из компонентов, вместе с инфинитивом совершенного вида создают аналитическую конструкцию с самостоятельными значениями: опасения, предупреждения нежелательного действия. Данный факт подтверждается также и широким употреблением сочетания *не…бы* в разговорной речи и художественных текстах.

Семантика опасения может усиливаться лексическими средствами – словами, выделяющими состояние опасения: *И хватает из кучки шлакоблок (но с осторожкою хватает – **не продрать бы** рукавицу, шлакоблоки дерут **больно**)* (А. Солженицын); ***Как страшно!** В самом деле, **не погубить бы** мне себя, тогда как на мою долю могло бы выпасть великое счастие стать мужем графини Б ***, камергером или дворянским предводителем* (Л. Толстой). Стоящее впереди безличное восклицательное предложение усиливает значения опасения, привлекает внимание читателя, а категория состояния *«страшно»* подчёркивает душевное и эмоционально-психическое состояние говорящего.

Значение опасения усиливается в восклицательных предложениях: *Анна Петровна (садится на стул подле двери). **Не забыть бы чего!** Сначала в город... Ты всё записала, что купить-то надо?* (А. Островский). В данном отрывке и восклицание, и следующее за ним многоточие, показывающее размышления говорящего, и вопросительное предложение подчёркивают неуверенность, опасение.

Ряд вопросительных предложений выделяет сомнения говорящего, в таких высказываниях содержится предупреждение нежелательного действия, совет: *Предположения? Но почему он едет один, а не вместе с ней? И почему, спроси его, **не поехать бы** ей вперёд, а ему после? Продувная бестия!* (А. Чехов). – *Отчего **бы** вам **не жениться** по-настоящему? – спросил он. – Сколько твоя жена хочет за развод?* (А. Чехов). Менее экспрессивны в выражении предупреждения по поводу какого-либо нежелательного действия конструкции *не…бы* с инфинитивом в повествовательных предложениях: *Едете на Гарь, **не наехать бы** на пожар* (И. Тургенев). Стоит отметить, что порядок расположения компонентов парной частицы в подавляющем большинстве закреплён, однако встречаются примеры свободной позиции компонентов частицы: *Только перед четвёртым резом ярко разрумянившийся Сологдин буркнул: «Сучка **бы не зацепить**…»* (А. Солженицын).

Анализ языкового материала также позволил сделать вывод о том, что парная аналитическая частица *не…бы* служит средством выражения разнообразных оттенков гипотетической модальности, которая выражает предположение о возможности совершения действия в будущем или намерения говорящего сделать это: *Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж **не дать бы** мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет…* (Н. Гоголь).

Таким образом, в результате анализа языкового материала было установлено, что самостоятельные частицы *не* и *бы* образуют единую аналитическую частицу со значением опасения, предупреждения нежелательного действия. Этот факт объясняется устойчивостью данного сочетания частиц, их активного использования в художественных текстах. Одиночные частицы *не* и *бы* участвуют в создании сослагательного наклонения с глаголами прошедшего времени, однако с не-

спрягаемыми формами глагола они образуют единую аналитическую частицу, выражающую модальные значения. Семантика опасения и предупреждения выделяется различными лексическими и синтаксическими средствами.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва, 1972.

2. Лекант, П. А. Аналитизм в категории русских частиц / П. А. Лекант // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 1. – С. 1–8. – URL: www.evestnik-mgou.ru

3. Родионова, И. Г. «Не забыть бы чего...». Парная частица *не...бы* в инфинитивных предложениях / И. Г. Родионова // Русская речь. – 2016. – № 2. – С. 41–47.

4. Родионова, И. Г. Аналитические конструкции с парной частицей *не…ли* в современном русском языке / И. Г. Родионова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2014. – № 5. – С. 8–13.

И. Д. Сыромятникова
(г. Пенза, Россия)

ВИДЫ СВЯЗОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СОСТАВНОМ ИМЕННОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Аннотация. Рассматривается одна из разновидностей составного именного обстоятельства в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», содержащая связку в форме деепричастия и присвязочную часть, а также виды связок в составном именном обстоятельстве: фазисные, модальные, логические.

Ключевые слова: составное именное обстоятельство, деепричастие, глагол-связка, присвязочная часть.

В современном русском языке составными именными принято считать члены предложения, включающие связку, выражающую грамматическое значение, и именную (присвязочную) часть, выражающую основное лексическое значение. Система составных именных членов предложения до сих пор является предметом дискуссий лингвистов, предлагающих их различное наименование и подходы к их изучению. Данные члены предложения являются нетипичными по способу выражения, вторичными по соотношению части речи и члена предложения, синкретичными по синтаксической семантике (имеют дополнительные оттенки значения) [Чернова 2003: 39].

Традиционно в системе составных именных членов предложения выделяются только сказуемые, характеризующиеся «раздельным вы-

ражением вещественного и грамматического значений» [Лекант 2017: 82]: *Ростов <…>* ***был определён*** *адъютантом к московскому генерал-губернатору* (Л. Толстой); *Так он* ***казался усталым*** *и* ***сонным*** (Л. Толстой); *Стоит только допустить, что что-нибудь угрожало народному спокойствию, и всякое действие* ***становится оправданным*** (Л. Толстой). Однако, помимо составных именных сказуемых, в русском языке функционируют составные именные второстепенные члены, которые классифицируются на основе семантики члена предложения. Они были выделены и описаны Л. А. Черновой [Чернова 2004].

Одним из составных именных второстепенных членов предложения является составное именное обстоятельство – «член предложения, выраженный сочетанием деепричастия глагола-связки и именного присвязочного слова или сочетанием инфинитива глагола-связки и именного присвязочного слова, обозначающий признак действия глагола-сказуемого» [Чернова 2003: 43]. Иными словами, связка может, например, употребляться не в форме глагола, а в форме деепричастия, которое утратило значение добавочного действия и стало формальным словом. Ср.: *Он никому не сообщил о том, что* ***был шведом*** (Л. Толстой) – связка *быть* в форме глагола прошедшего времени; *Сумасшедший только,* ***будучи шведом****, может заключать союзы с Россией* (Л. Толстой) – связка *быть* в форме деепричастия. С другой стороны: *Долохов, как будто* ***напоминая*** *ему, что ему неприятно было шутить, перебил его* (Л. Толстой) – *напоминая* – деепричастие, обозначающее добавочное действие глагола-сказуемого; *Князь Андрей неприятно засмеялся, опять* ***напоминая*** *своего* ***отца*** (Л. Толстой) – *напоминая* – связка в форме деепричастия в составном именном обстоятельстве.

Исходя из приведённого выше определения, данного Л. А. Черновой, можно сделать вывод о том, что составное именное обстоятельство в современном русском языке функционирует в виде двух разновидностей: 1) обстоятельство, выраженное деепричастием глагола-связки и именным присвязочным словом; 2) обстоятельство, выраженное инфинитивом глагола-связки и именным присвязочным словом. Нами будет рассмотрена первая из них.

Настоящая статья посвящена анализу составных именных обстоятельств в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Выбор данного романа в качестве материала исследования не случаен: он является одним из ярчайших произведений классической мировой литературы и содержит богатый языковой материал, интересный с точки зрения синтаксиса.

Рассматриваемая модель составного именного обстоятельства содержит связки в форме деепричастия, соответствующие следующим видам связок, выделенным П. А. Лекантом в соответствии с их значениями [Лекант 1995]:

1) фазисные со значением становления, возникновения признака: *Жюли в это время, по случаю смерти братьев* ***сделавшись одной из самых богатых невест*** *в Москве, находилась во всем разгаре светских удовольствий* и со значением продолжения обладания признаком: *Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всём ужасе представилась его вина и позор в том, что он,* ***оставшись жив****, потерял два орудия*;

2) модальные, имеющие значение:

– подлинного восприятия признака: *Пржебышевский с почтительною, но достойною учтивостью пригнул рукою ухо к Вейротеру,* ***имея вид человека, поглощенного вниманием***;

– мнимости: *Из ночного тумана вдруг выросла,* ***представляясь*** *громадным* ***слоном****, фигура гусарского унтер-офицера*;

– «притворной» (мнимой) подлинности: *– Милая, на всё есть время, – сказала графиня,* ***притворяясь строгою***;

3) логические сравнительно-сопоставительные: *Печные трубы домов, отвалившиеся стены, живописно* ***напоминая Рейн и Колизей****, тянулись, скрывая друг друга, по обгорелым кварталам.*

Помимо перечисленных выше, в романе используются составные именные обстоятельства со связкой *быть* в форме деепричастия, которую А. М. Пешковский назвал «идеальной» и выделил из числа других: *Денисов,* ***не будучи членом семьи****, <…> весьма интересовался тем, что делалось в Петербурге.*

Таким образом, в числе составных именных членов предложения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» функционируют составные именные обстоятельства, включающие связку в форме деепричастия и присвязочную часть. В данных конструкциях связка может иметь фазисное, модальное или логическое значение.

Библиографический список

1. Лекант, П. А. Функции связок в русском языке / П. А. Лекант // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 90–95.

2. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие / П. А. Лекант. – 2-е изд. – Москва : ИИУ МГОУ, 2017. – 132 с.

3. Чернова, Л. А. Разновидности составных именных членов предложения / Л. А. Чернова // Русская словесность. – 2003. – № 8. – С. 39–43.

4. Чернова, Л. А. Система составных именных членов предложения в современном русском языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Чернова Л. А. – Тамбов, 2004. – 48 с.

М. А. Чмырь
(г. Горловка)

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-фитонимом. Автор выявляет и описывает способы перевода таких фразеологических единиц с английского языка на немецкий, украинский и русский языки на материале англоязычных кинофильмов и их версий на немецком, украинском и русском языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фитоним, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калькирование, описательный перевод.

В настоящее время фразеология является актуальной темой исследования, которой посвящено немалое количество работ, однако интерес к её изучению не исчезает. Фразеология относится к разделу лингвистики, изучающему устойчивые речевые обороты и выражения – фразеологические единицы.

Лингвисты и языковеды по-разному трактуют понятие «фразеология». Например, Н. Д. Фомина считает, что «фразеология − это раздел языкознания, который изучает фразеологизмы, то есть семантически целостные устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи, как и слова, в готовом виде» [Фомина 2001: 3].

Советский лингвист Е. Д. Поливанов является первым ученым, который отнёс фразеологию к лингвистической дисциплине. Он утверждал, что фразеология «займёт обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т.п.) в лингвистической литературе будущего – когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов» [Поливанов 1928: 61].

Русский лингвист А. В. Кунин определяет фразеологию как отдельную науку. Он дал такое определение термину *фразеология*: «фразеология – наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), то есть об устойчивых словосочетаниях с осложненной семантикой» [Кунин 1964: 12].

Каждый язык насыщен фразеологическими единицами, они являются ценным и важным компонентом любого языка. Австрийский филолог А. Г. Назарян называет «фразеологизм единицей с полным или частичным семантическим преобразованием» [Назарян 1987: 119]. Необходимо отметить, что фразеологизмы имеют переносное значение и являются выражениями, которые хорошо знают носители языка. Отметим, что одно и то же понятие может выражаться в разных языках

разными способами. Например, английский фразеологизм *fresh as daisy* имеет устойчивые эквиваленты в немецком (*blühten wie eine Rose*) и русском языках (*свежий, как огурчик*), отличающиеся лексической наполняемостью.

Исследуя фразеологические единицы, М. И. Фомина утверждает, что «фразеологизм – основная единица современной фразеологической системы, единица сложная, многоаспектная, трудно выделяемая из общего числа слов, а тем более словосочетаний, и поэтому трудноопределимая» [Фомина 2001: 304]. Ученый выделяет основные черты фразеологической единицы – многоаспектность, трудновыделяемость и сложность в определении.

Зарубежные лингвисты, изучающие проблемы фразеологии в своих работах, чаще всего используют термин «идиома». Английский ученый Л. П. Смит является одним из первых исследователей идиом. Он утверждал, что слово *idiom* используется в английском языке для обозначения французского термина *idiotisme*, а именно: для обозначения грамматической структуры сочетаний, характерных для английского языка, хотя очень часто значения этих сочетаний невозможно объяснить с грамматической и логической точек зрения [Смит 1959: 14]. Идиомами он называет: фразеологические сочетания, грамматические явления, «двойное» выражение сравнительной и превосходной степени, двойное отрицание, устойчивые повторения тех же слов [Смит 1959: 25].

Вопросу перевода фразеологизмов уделено немало внимания, но по-прежнему данный процесс вызывает различные сложности. Такие учёные как Е. Ф. Арсентьева, Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, А. В. Федоров и многие другие в своих работах по теории и практике перевода выделяют различные способы перевода фразеологизмов. Большинство исследователей, а именно В. Н. Комиссаров, Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова выделяют четыре основных способа перевода фразеологических единиц: метод фразеологического эквивалента, метод фразеологического аналога, калькирование (дословный перевод) и описательный перевод.

В современном медиа-пространстве используется большое количество иностранной аудиовизуальной продукции, которая содержит значительное количество фразеологических единиц с компонентом-фитонимом. Именно на передаче данных единиц в аудиовизуальном переводе мы и хотим остановиться.

Фитонимы – названия растений и их плодов − являются объектом лингвистического изучения и содержатся во многих пословицах, поговорках и в составе фразеологизмов. Растения с древних времён присутствовали в жизни каждого народа и всегда занимали главное место в жизни человека. Термин «фитоним» происходит от греческого слова

φῠτόν «растение» и *ὄνομα* «имя», что в свою очередь обозначает название растения (например, одуванчик, сосна). А. В. Суперанская под термином «фитоним» подразумевает семантическую общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур [Суперанская 1973: 340].

Перевод фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в аудиовизуальном тексте является сложным и трудоёмким процессом. Существует два способа перевода фразеологических единиц с компонентом-фитонимом, функционирующих в англоязычных фильмах: фразеологический (использование эквивалента и аналога) и нефразеологический (калькирование и описание). Фразеологический перевод представляет собой использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени схожести.

Под фразеологическим эквивалентом С. И. Влахов и С. П. Флорин подразумевают то, что фразеологическая единица имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации), т.е. фразеологизм исходного языка, равный фразеологизму в языке перевода, переводится эквивалентом [Влахов 1980: 183].

Приведём примеры использования эквивалента в англоязычных фильмах (названия фильмов указаны в скобках). Например, англ. *apple of discord*, нем. *Apfel der Zwietracht*, укр. *яблуко розбрату*, рус. *яблоко раздора* (Percy Jackson: Sea of Monsters); англ. *a forbidden fruit*, нем. *die verbotene Frucht*, укр. *заборонений плід* (Bohemian Rhapsody); англ. *bitter as wormwood*, нем. *bitter wie ein Wermut*, укр. *гіркий як полин*, рус. *горький как полынь* (Metropolitan); англ. *green as grass*, нем. *grün wie Gras*, укр. *зелений як трава*, рус. *зелёный как трава* (Girl with a pearl earring); англ. *tremble like an aspen leaf*, нем. *zittern wie Espenlaub*, укр. *тремтіти як осиковий лист*, рус. *дрожать как осиновый лист* (The Quick and the Dead); англ. *a hard nut*, нем. *eine harte nuss*, укр. *міцний горішок*, рус. *крепкий орешек* (Bad news Bears); англ. *grasp at straws*, нем. *sich an einen Strohhalm klammern*, укр. *хапатися за соломинку*, рус. *хвататься за соломинку* (Entourage); англ. *a hothouse plant*, нем. *Treibhauspflanze*, укр. *теплична рослина*, рус. *тепличное растение* (The Sopranos); англ. *pull chestnuts out of the fire*, нем. *die Kastanien aus dem Feuer holen*, укр. *тягати каштани з вогню*, рус. *таскать каштаны из огня* (Breaking Bad); англ. *rest on one's laurels*, нем. *aus seinen Lorbeeren ausruhen*, укр. *спочивати на лаврах*, рус. *почивать на лаврах* (Pretty Little Liars (SO1E19)).

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, фразеологическую единицу можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ, приблизительно равный фразеологизму ПЯ, переводится вариантом (фразеологическим аналогом) [Влахов 1980: 183].

Например, англ. *fresh as daisy*, нем. *blühten wie eine Rose*, *рус.свежий, как огурчик* (A Streetcar Named Desire); англ. *read smth in tea-leaves*, нем. *aus dem Kaffeegrund wahrsagen*, укр. *ворожити на бобах*, рус. *гадать по кофейной гуще* (Friends (SO8E17)); англ. *measure smb's corn by one's own bushel*, нем. *alle über einen Kamm scheren*, укр. *міряти на свій копил* (Life Sentence); англ. *the grass is always greener on the other side of the fence*, нем. *auf des Nachbars Feld steht das Korn besser*, укр. *в чужому оці і скалку видно, а у своєму і колоди не побачиш*, рус. *в чужом огороде всегда трава зеленее* (Meet Me in St. Louis); англ. *large streams from little fountains flow, tall oaks from little acorns grow*, нем. *viele Bäche machen einen Strom*, укр. *з хати по нитці – сиротi свитина*, рус. *собирай по ягодке – наберешь кузовок* (Stripes); англ. *little strokes fell great oaks*, нем. *kleine Streiche fällen eine grosse Eiche*, укр. *і крапля камінь точить*, рус. *вода камень точит* (The Great Outdoors); англ. *a tree is known by its fruit*, нем. *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*, укр. *яке коріння, таке й насіння*, рус. *от яблони яблоко, от ели шишка* (Carlito's Way).

Переводоведы С. И. Влахов и С. П. Флорин считают, что предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения фразеологической единицы значениями её компонентов. То есть калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя смысл всего высказывания, а не значения составляющих его частей. Такой перевод используется, во-первых, в отношении образных фразеологических единиц, главным образом фразеологических единств, сохранивших метафоричность; во-вторых, ряд пословиц, в первую очередь таких, которые не имеют подтекста. Этим приёмом можно также передать и некоторые устойчивые сравнения, но только убедившись, что носитель языка воспримет их правильно [Влахов 1980: 195].

Например, англ. *a bad tree does not yield good apples*, нем. *ein fauler Baum kann nicht gute Früchte bringen*, укр. *не може погане дерево принести добрі плоди*, рус. *плохое дерево не приносит хорошие плоды* (Ever After: Cinderella Story); англ. *April showers bring May flowers*, нем. *der April macht die blumen und der Mai hat den Dank dafür*, укр. *квітень – з водою, а травень – з травою*, рус. *в апреле дожди, а в мае – цветы* (Billy Madison); англ. *a flower blooms more than once*, нем. *die Blume blüht mehr als einmal*, укр. *квітка цвіте не один раз*, рус. *цветок цветет не один раз* (Vegas Vacation); англ. *an apple a day keeps the doctor away, нем. einen Apfel pro Tag, mit dem Doktor keine Plag*, укр. *по яблуку в день – і обійдешся без лікаря*, рус. *кто яблоко в день съедает, у того доктор не бывает* (The Big Bang Theory); англ. *he knows how many beans make five*, нем. *er weiß, wie viele Bohnen in fünf Stücken sind*, укр. *він знає, скільки бобів в п'яти штуках*, рус. *он знает, сколько бобов в пяти штуках* (Fast Five); англ. *one rotten apple spoils the whole barrel*,

нем. *ein fauler Apfel verdirbt den ganzen Korb*, укр. *гниле яблуко псує сусідні*, рус. *испорченное яблоко портит всю корзину яблок* (The Untouchables).

Необходимо отметить, что в случае, если фразеологическая единица не имеет в языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов, то передать её можно нефразеологическими средствами, а именно с помощью описательного способа перевода. «Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неизменным стремлением к фразеологизации или хотя бы намеку и на коннотативные значения» [Влахов 1980: 196].

Рассмотрим фразеологические единицы с компонентом-фитонимом, отобранные из мультсериала The Simpsons. Английское выражение *spill the beans* означает «раскрыть тайну, проболтать секрет». В украинском и русском варианте мультсериала данный фразеологизм передаётся с помощью описательного способа перевода – укр. *викладай усе*, рус. *выкладывай историю*. В немецкоязычной версии представлен фразеологический аналог *spucken wahre Worte aus*, который имеет значение «немедленно всё рассказать, рассказать истину» (The Simpsons [S24E14]).

Фразеологическая единица *small potatoes* означает «пустяк, ерунду, что-либо незначительное). В немецкоязычном переводе данный фразеологизм опускается, в украинском переводится с помощью аналога *це все квіточки*, т.е. означает, что трудности только начинаются, худшее впереди; а в русскоязычной версии указанное выражение передано с помощью описательного перевода – *ерунда* (The Simpsons [S01E03]).

Следующее выражение – *drop like a hot potato* – имеет значение «отказаться, избавиться от чего-либо неприятного». В немецкоязычной версии употребляют описательный способ (*werden abspringen*), в украинской версии используют метод калькирования (*кинуть як горячу картоплину*), в русском переводе используется аналог (*выкинуть за борт*), то есть избавиться от чего-либо (The Simpsons [S21E10]).

Фразеологизм *push up daisies* означает «отправиться на тот свет, сыграть в ящик, умереть». В немецком переводе используется метод опущения, в украинском и русском языках употребляются фразеологические аналоги: укр. *лежати глибоко у землі*, рус. *дать дуба* (The Simpsons [S13E12]).

Выражение *late bloomer* означает «человека, который отстаёт в развитии от своих сверстников». В немецкой версии мультсериала данная единица переводится с помощью аналога *Spätzünder*, обознача-

ющего медленно соображающего человека; в украинской версии рассматриваемый фразеологизм переводится с помощью описательного перевода (*ещё раскроешься*); в версии на русском языке данный фразеологизм опускается (The Simpsons [S02E01]).

Таким образом, фразеологические единицы с компонентом-фитонимом в различных фильмах и мультфильмах могут переводится с помощью фразеологического аналога или фразеологического эквивалента, а также путём калькирования и описательного перевода. Стоит отметить, что фразеологические единицы с компонентом-фитонимом играют важную роль в продукции киноиндустрии, поскольку они отображают менталитет и обычаи страны, а также обогащают и насыщают каждый язык.

Библиографический список

1. Влахов, С. В. Непереводимое в переводе / С. В. Влахов, С. С. Флорин. – Москва, 1980.

2. Кунин, А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А. В. Кунин // Тетради переводчика. – 1964. – № 2. – С. 52.

3. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – Москва, 1987.

4. Поливанов, Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е. Д. Поливанов. – Ленинград, 1928.

5. Смит, Л. П. Фразеология английского языка / Л. П. Смит. – Москва, 1959.

6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва, 1973.

7. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – Москва, 2001.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е. Н. Антонова, Е. А. Зацепина
(г. Москва, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИЙНОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ

Аннотация. Сделана попытка обзора современного поэтического медиадискурса с позиций фразеологического учения. Проведен анализ лингвокультурологически значимых единиц устойчивого характера, зафиксированных в русском медиапространстве в таких образно-лаконичных жанрах, как поэтические демотиваторы. Отобранный языковой материал является своеобразным индикатором развития социума и демонстрирует важные вехи лингвокультурологического процесса.

Ключевые слова: поэтический дискурс, медиафразеология, лингвопоэтика, русский язык, современные демотиваторы.

Познание культуры народа через его язык представляется, пожалуй, одним из важнейших путей добычи информации. В свою очередь изучение языка народа – это прежде всего постижение его фольклорных традиций, предпочтений и форм вербализации мировоззренческих концептов. И как известно, практически ни одно фольклорно-поэтическое произведение не обходится без образного носителя народной мудрости – фразеологии. В настоящее время данной филологической дисциплине посвящено множество научных трудов, а лингвистические категории рассматриваются не изолированно, а в *дискурсе*, который, являясь многозначным термином, представляет собой монологическое языковое полотно, развивающееся и реализующееся в конкретных речевых ситуациях, в письменных и устных текстах. Повсеместно используются филологами дискурсивные формы изучения того или иного языкового явления [Антонова 2017: 78–83; Ломакина 2018: 254–260; Мокиенко 2018: 202–205].

Фразеология как самостоятельная научная область сформировалась в русском языкознании к 40-м гг. XX в. во многом благодаря трудам академика В. В. Виноградова с опорой на положения Ш. Балли. В связи с этим в центр внимания исследователей встают вопросы, определяющие специфику фразеологических единиц (ФЕ), разграничение и сближение функций ФЕ и самостоятельного слова или словосочетания, структуры ФЕ, некоторые другие вопросы. Фразеологические обороты входят в состав языка как самостоятельно функционирующие единицы, утратившие признаки и семантику своих компонентов.

Фразеологическая структура представляет собой комплекс элементов, не относящихся к словам, поскольку они лишены семантиче-

ской самостоятельности, а большинство ФЕ обладает метафорической основой, связанной с различными процессами в системе словосочетаний [Сычёва 2015: 8–9].

Лингвокультурологический подход к интерпретации синтагматических процессов в дискурсе позволяет расширить исследовательский спектр при аналитико-синтетических формах работы с художественным текстом. В то же время тяготение современной науки к множественности и разносторонности исследовательских подходов оправдывает дескриптивно-прагматические эксперименты как с узуальным, так и с окказиональным материалом, как в области лингвистики, так и при функциональной контаминации различных отраслей знания. Фразеологическое учение в хронотопическом аспекте получило широкое распространение у современных ученых, однако при тщательной и последовательной проработке фундаментальных вопросов, обнажается ряд языковедческих лакун, нуждающихся в теоретико-прикладном заполнении.

В связи с интенсивным развитием фразеологии в системе лингвистического учения в XX–XXI вв. обостряется интерес к авторской фразеологии, так как художественные тексты создают благоприятные условия для контекстуальной фразеологизации, основанной на важнейших характеристиках ФЕ, а именно: метафоричности, образности, экспрессивно-эмоциональных коннотациях [Сычёва 2015: 10].

Разноаспектные исследования русской лингвокультуры посвящены также функционированию и этимологии ФЕ на различных этапах развития языка. В сферу рассмотрения попадают и устаревшие обороты, возникновение которых относят к более раннему периоду развития нации, и обороты, являющиеся языковыми средствами активного вербального запаса, и фразеологические неологизмы. Происхождение последних имеет разные основания, такие как трансформационные процессы в существующих ФЕ, калькирование устойчивых сочетаний слов других языков, окказиональные манипуляция с языковым материалом и т.д. В современную эпоху информационных технологий важной характеристикой фразеологии является ее медийность. Вообще *медиа* как понятие имеет обширный семантический диапазон, включая коммуникативную сферу, в том числе СМИ, пути, методы, способы, возможности передачи информационных ресурсов [Маклюэн 2007]. Эту гетерогенную систему принято называть медиапространством.

Безусловно, медийные единицы языка являются индикаторами культурно-исторического процесса, и отнюдь не последнюю роль играет в этом процессе фразеология. Следовательно, имеются основания говорить о медиафразеологии как элементе когнитивно-креативной коммуникации, проявляющейся в первую очередь в журналистике (как одном из основных носителей медийности) или поэзии (как лаконич-

ном и общедоступном жанре литературы). Возникающие медиафразеологические конструкции (в данном случае речь идет в первую очередь об окказиональных ФЕ) функционируют в речи многих носителей языка, понятны и воспроизводимы, но воспринимаются как новые до тех пор, пока не произойдет их фиксация в лексикографических базах, сначала в окказиональных, затем в узуальных. Данный процесс долог и связан напрямую с актуальными проблемами культуры речи, затрагивающими функционирование лексико-фразеологических новообразований в фасете лингвокультуры.

Поскольку фразеологический пласт языка по определению предполагает образность и частое включение иронии или сатиры (как имплицитной, так и эксплицитной), постольку медиафразеология отчетливо проявляется в поэтических демотиваторах [Демотиваторы в стихах 2019].

Данное языковое явление представляет собой своеобразное зеркало народных умонастроений, юмористически или сатирически ориентированное, функционирующее преимущественно в медиапространстве виртуального мира. Интернет в свою очередь стал одним из главных индикаторов культуры (по крайней мере в России) и поглотил внушительную часть носителей русского языка. Происходит формирование одного из типов лингвокультурологических маркеров нового времени. Шутливая форма призвана прикрывать острые социальные проблемы, создавать все условия для возникновения устойчивых структур. Таким образом, медиафразеологическая огранка присуща большинству поэтических демотиваторов, так как форма малого жанра, особенно оснащенного сатирой, предполагает заключение потенциально крылатых смыслов в одной или нескольких строфах текста. Авторы (преимущественно анонимные) острят на злободневные темы действительности, изобретая фразы, которые позже будут повторяться в народных массах, или наполняя обновленной семантикой уже известную фразеологию. К примеру, в Интернете можно найти стихотворение Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…» с отметкой «Лучшие демотиваторы с 1904 года». Наблюдается расширение медиапространства путем когнитивного объединения двух столетий.

Отдельным видом демотиваторов являются стихи из детских книжек, обрамленные едкими заголовками. Медиафразеологический потенциал может быть заложен как в самом тексте, так и в комментарии к нему. «Поэзия – удел избранных» – приписка к так называемому детскому стихотворению, основанному на многократном дублировании нескольких слов: семикратное повторение фразы *Такса едет на такси* подытоживается глубоко информативной строчкой *Всё. Приехали. Мерси*. Колкие замечания типа «Остановите наркоманию среди детских писателей» (кстати, эта фраза уже воспринимается как афори-

стичная) клеймит не менее странные тексты, например: *…Над землей арбуз летит, / Он чирикает, свистит: / – Я – горчица, я – лимон! / Я закрылся на ремонт!* Контекст лишён смысла, однако медиафразеологический потенциал присутствует уже за счёт свободного доступа в Интернете.

Увеличение исследовательского спроса на аутентичные языковые явления, совмещающие хорошо изученные лексико-семантические характеристики и испытывающие на себе новые лингвокультурологические веяния, объясняет интерес к данной теме. Фразеологический каркас русского языка продолжает непрерывно развиваться и пополняться за счет культурных, политических, экономических, социальных, собственно лингвистических и иных факторов. Как известно, мир людей представляет собой общество, и его социально-духовное устройство характеризуется различными коммуникативными связями, возникающими в процессе человеческой жизнедеятельности, направленной на удовлетворение физических, физиологических, этнокультурных, религиозно-нравственных и прочих потребностей. На протяжении веков аксиологические метаморфозы оказывают влияние на лингвокультуру [Антонова 2018: 199–203], что отражается в том числе в дискурсе поэтической фразеологии. В силу жанровой лаконичности стихотворчество является первым проводником духовного наследия любой эпохи, особенно на фразеологическом уровне, охватывая все сферы жизни социума: от внешнеполитических до гендерных.

Например, о том, как мужчины способны паниковать из-за незначительной простуды, написано немало анекдотов и занимательных историй, поэтому создатели комично-афористичных зарисовок не могли не отреагировать: *О, боже! Я почти вдова… / У мужа тридцать семь и два…*

Скверные тексты графоманов высмеиваются с характерными комментариями типа «Питерская поэзия – классикам наступают на пятки» (в этом слогане, как видим, присутствует семантически нагруженный фразеологизм). Здесь уместно вспомнить и шутливое стихотворение «Она была ничё такая…», обличающее ущербность речи современной молодежи. Скудный вербальный арсенал текста – это и индикатор лингвокультурологического процесса, и аллегория, и каламбур, и открытый показатель уровня речевого развития современников. Так, первая строфа выглядит следующим образом: *Она была ничё такая… / Я подхожу, короче, к ней: / А ты ничё вообще такая – / Я говорю, короче, ей.* Сочетание слов *она ничё такая* в просторечиях давно функционирует в готовом виде, следовательно, содержит фразеологические коннотации, а многократный повтор повсеместно распространенного слова-«сорняка» *короче* усиливает эффект устойчивости.

Приведенные примеры свидетельствуют о народном стремлении зарифмовать ключевые вехи своей лингвокультуры, создавая несерьез-

ные стихи на злободневные темы. Практически всегда эти строки содержат большой медиафразеологический потенциал.

В данной работе предпринята попытка актуализировать представление о медиафразеологических дескрипциях русского поэтического дискурса в синхронии лингвокультурологического процесса. В работе продемонстрировано воздействие духовно-ценностной ориентации эпохи на структурно-семантическую вербализацию культурных концептов. Немаловажную роль играет тот факт, что языковедческие исследования современной науки находятся в тесной взаимосвязи с прочими социально-гуманитарными учениями, поэтому прослеживается тенденция формирования новых исследовательских областей на пересечении уже сложившихся. В связи с этим перманентную популярность приобрела лингвокультурология как симбиоз лингвистики и культурологии, основанный на взаимном влиянии аксиологического хронотопа и узуса в развитии.

Библиографический список

1. Антонова, Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии / Е. Н. Антонова // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. – Тула, 2018. – С. 199–203.

2. Антонова, Е. Н. Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурс-анализа филологической поэзии / Е. Н. Антонова // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы : материалы докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2017. – С. 78–83.

3. Демотиваторы в стихах. – URL: https://yandex.ru/images/search?text (дата обращения: 19.12.2019).

4. Ломакина О. В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект / О. В. Ломакина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. – Тула, 2018. – С. 254–260.

5. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – Москва, 2007.

6. Мокиенко, В. М. Национальное и интернациональное в русской паремиологии / В. М. Мокиенко // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2018. – С. 202–205.

7. Сычёва, Е. Н. Поэтическая фразеология и афористика Ф. И. Тютчева (структурно-семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сычёва Е. Н. – Брянск, 2015.

Т. В. Бахвалова, А. Р. Попова
(г. Орёл, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА СРЕДСТВАМИ АГНОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ-ОРЛОВЦА И. Е. ВОЛЬНОВА)

Аннотация. На материале произведений орловского писателя И. Е. Вольнова рассматриваются средства выражения функционально-семантической категории агентивности. Описывается система агнонимических лексем и фразеологизмов, номинирующих и характеризующих персонажей.

Ключевые слова: агноним, личные существительные, фразеологизм, персонаж, художественный текст, Иван Вольнов.

Художественный текст антропоцентричен по своей сути: в нём неизбежно проявляется личностное начало писателя и воплощается образ автора, фигурируют персонажи как самостоятельные мыслящие и действующие личности, и, наконец, подразумевается потенциальный читатель.

Антропоцентризм художественного текста воплощается в так называемом антропоцентрическом триединстве, или треугольнике, состоящем из трёх антропоцентров: автора, читателя, персонажа [Гончарова 2014: 57].

Языковая репрезентация антропоцентризма как сущностной характеристики художественного текста многопланова. Разнообразны и лексико-фразеологические средства, именующие и / или характеризующие персонаж. Лексические единицы и устойчивые словосочетания со значением лица, или агентивы, образуют особую категорию в системе языка – категорию агентивности [Бахвалова 1996: 5–6].

В значительных по объёму эпических произведениях либо в циклах произведений, отражающих срез жизни общества на определённом историческом этапе, лексико-фразеологический фонд обрисовки персонажей приобретает особую роль – как содержательную, так и стилистическую. Посредством системы наименований, обозначающих человека, передаются внешние и внутренние характеристики персонажа. Данная система языковых единиц даёт представление как об отдельных героях, так и об их взаимоотношениях, «видении» друг друга. Агентивы – удобное, компактное средство передачи позиции, взгляда автора на изображаемых им персонажей.

Проявление антропоцентричности языка есть одновременно одно из проявлений идиостиля автора. Яркая индивидуальная творческая манера писателя-орловца Иван Егоровича Вольнова (1885–1931) не вызывает сомнений: автор погружает читателя в особую языковую среду, в быт и нравы орловской деревни на рубеже XIX–XX вв.

Материалом настоящей работы послужили известные произведения И. Е. Вольнова: автобиографическая «Повесть о днях моей жизни» и ряд рассказов, близких «Повести» по содержанию, хронотопу и языку.

Больше столетия отделяет нашего современника от времени, изображённого в произведениях орловского писателя. Быт и уклад жизни дореволюционного крестьянина на Орловщине в большинстве своём малознакомы или незнакомы читателю.

Тексты писателя насыщены словами-агнонимами, то есть такими номинативными единицами, «которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю» [Морковкин 1997: 119]. Агнонимическая лексика нашла отражение в словаре Т. В. Бахваловой и А. Р. Поповой «Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова)», содержащем 1269 неизвестных и малоизвестных слов и устойчивых словосочетаний [Бахвалова 2010]. Среди агнонимов немало лексических и фразеологических единиц, относящихся к человеку, передающих характеристику героев произведений в самых разных планах, с разных точек зрения, знание и понимание значения которых даёт читателю полную реалистическую и психологическую картину событий и лиц, изображённых в произведениях писателя.

Человек показан как единица социума, занимающая в нём определённое положение. Наибольшее число наименований относится к крестьянам, что отражает преимущественный состав персонажей в произведениях: *живáя душá* «любой крестьянин (мужчина, женщина, ребенок), на которого выделялся участок земли», *мужикóвская душá* «крестьянин-мужчина, глава семьи, на которого выделялся участок земли», *оброчник* «крестьянин, находящийся на оброке», *серя́к* «простой, относящийся к непривилегированному классу человек; мужик», *чернолю́дье, чёрный нарóд, чёрные – собир.* «люди, принадлежащие к непривилегированным сословиям, слоям общества; простолюдины, простой народ»; *колоко́льная дворя́нка – шутл*. «представительница духовного сословия».

Для жителя сельской местности очень важным является его ближайшее окружение – односельчане, а также живущие рядом с ними выходцы из других мест, для наименования которых используются единицы с агентивным значением: *однодерев**е́**нец*, *односе́лец*, *чужедеревé**н**ский, полéха/полéшка* «житель/жительница лесной полосы Орловской губернии (южного Полесья)» и др.

Человек детально характеризуется и по положению в семье, по родственным связям (немаловажно отметить, что эти единицы фигурируют преимущественно в речи персонажей). Преобладание наименований лиц мужского пола объясняется как особенностью содержания произведений, так и ярко выраженным разным социальным положением лиц мужского и женского пола в сельской местности в дореволюци-

онной России: *больша́к* «старший сын», *перва́к* «старший сын; первенец», *после́дыш* «последний ребёнок в семье», *алма́н* «о неродном сыне, пасынке»; *брате́нник* «брат», *поле́тки* «о братьях, из которых один старше другого на год»; *ба́тя* «о мужчине, являющемся главой семьи», *матя́ка* «женщина по отношению к своим детям; мать», *няня́ка* «тётя по отношению к племянникам», *снoха́ч* «свекор, находящийся в половой связи со снохой – женой сына» и др.

Широко представлены наименования человека по роду занятий, ремеслу, должности: *красноря́дец* «торговец в красном ряду – торговом ряду, где продавался красный товар – ткани, мануфактура», *набо́йщик* «человек, занимающийся нанесением на ткань узора посредством особых печатных досок», *сини́льщик* «кустарь, занимавшийся окраской холстов», *сиде́лец* «продавец в винной лавке», *щети́нник* «скупщик щетины»; *старшина́* «должностное лицо крестьянского самоуправления», *бурми́стр* «управляющий имением и крестьянами помещика», *деся́тский* «помощник старосты, который ведал нарядом крестьян на работы» и др.

Агентивы отражают во всём многообразии образ жизни крестьянина, его праздники и будни, ср. *богоно́сец* «человек, носящий икону во время крестного хода на святой неделе или вообще во время крестного хода» – *С рассветом в кухню к Евлампию пришли богоносцы, мужики-оброчники, помогавшие духовенству обносить иконы по приходу*; *колоту́шечник* «ночной сторож (с колотушкой)» – *Сквозь забитые одеждой окна мягко гудел колокол: церковный сторож отбивал часы; скрипел снег под ногами колотушечника*.

Наименования со значением лица показывают также и персонажей, совершающих асоциальные действия: *шапкодёр* «тот, кто занимается воровством; вор», *ушку́йник* «вольный человек, занимающийся разбоем», *лошево́д, лошево́дина* «конокрад» и др.

Разнообразны оценочные агентивы.

Актуальны наименования человека по материальному положению, достатку, причём ввиду особенностей содержания текста и системы героев преобладают наименования людей крайне бедных: *беспорто́шный* «очень бедный крестьянин», *голодра́ный* «неимущий, бедный человек», *гольтепа́ – собир.* «бедняки, неимущие», *лоску́тник, лохмо́тник* «крайне бедный человек, который ходит в изношенной ветхой одежде», *нищета́ сверленая – собир.* «крайне бедные, нищие люди; нищета», но ср. *богачо́к* «богатый человек, богач», *с карма́ном* «о богатом, зажиточном человеке». Конкретные характеристики бедных, малоимущих лиц женского и мужского пола неодинаковы. Так, по отношению к крайне бедной женщине употреблено слово *бесподста́вница*, мотивационная и деривационная основа которого связана со словом *подста́ва*, обозначающего нижнюю часть женской рубахи. Трудно себе

представить женщину, у которой не было бы куска домотканого холста на подставу. Не иметь подставы – это не только быть очень бедным, но и не иметь нижнего белья, прикрывающего тело от талии книзу, что могло вызывать только резкое осуждение. О крестьянине же, не имеющем лошади в своём хозяйстве, говорили *безлоша́дник – Теперь вас будут звать безлошадниками, нищетой несчастной*.

Многочисленны агентивы, передающие характеристику человека. Чаще всего это отрицательные характеристики, которые чётко дифференцированы: автору (и героям) важна не только общая негативная оценка, но и конкретный её параметр. Осмыслению и оценке подвергаются как внешние, так и внутренние качества.

Отрицательно оценивается худой, слабый человек: *бёрдо бёрдом* «об очень худом, сухощавом человеке», *коши́ная смерть* «о хилом, слабом человеке», *недоде́лух* «тщедушный, слабосильный человек маленького роста». Объектом резкого недовольства может выступать и внешний вид в целом: *страхолю́д* «страшный на вид человек», *чёрт лесно́й* «о человеке отталкивающей внешности, грязном, неряшливо одетом, растрепанном».

Но гораздо активнее в речи героев представлены психологические характеристики. Например, злой, жестокий человек номинируется следующим образом: *азия́т, а́спид* «беспощадный, жестокий человек; изверг», *василиск* «тиран, мучитель», *душегу́бина, живоре́з, кожелу́п* «злой, жестокий человек», *козю́ля* «злой, недоброжелательный человек» и др.

Интеллектуальная характеристика персонажа передаётся разнообразными лексемами и устойчивыми словосочетаниями. Негативную оценку содержат следующие номинанты: *дура́к гнило́й, дура́к не на́шего бо́га, дура́к полоро́тый, дуроло́м непу́тный, глумно́й, козёл глумно́й, облу́пленный* и др. В отличие от агентивов, обозначающих глупого, бестолкового человека, наименования человека, отличающегося умом, смекалкой, единичны, например, *о двух мозга́х – Лукьян Калиныч-то? Это голова – о двух мозгах*.

В произведениях И. Е. Вольнова хорошо представлены приоритетные, наиболее значимые сферы жизни сельского труженика. Для крестьянина важна трудовая деятельность, которая и становится поводом для ярких оценок. Негативное отношение вызывают неумелые, нежелающие трудиться, ленивые люди: *нерачи́тель* «бесхозяйственный, беззаботный, нерачительный человек», *непря́ха* «женщина, не умевшая или ленившаяся прясть», *кока́ра* «о женщине, которой, с точки зрения говорящего, лень двигаться, активно работать» – *Эй, кокоры, шевелите пальцами-то поспорее, не телитесь, – языком много не напрядешь...*

В тексте повести и анализируемых рассказах нашли отражение и наименования, отрицательно оценивающие человека за его пустосло-

вие: *плете́нь* «о том, кто говорит нечто нелепое», *ме́льница пуста́я* «о человеке, говорящем вздор, глупость» и др.

Развратный человек именуется как *блу́дня* «тот, кто вступает в незаконную половую связь», *жеребе́ц стоя́лый* «о похотливом мужчине», *фуфлы́га* «гуляка, развратник», *яру́нья – презрит.* «похотливая женщина».

Немало в текстах лексических и фразеологических единиц, употребляемых бранно по отношению к человеку. Изнуряющий труд, беспросветная нищета, притеснения со стороны тех, в чьих руках находятся материальные блага (а значит, и власть), разочарование в собственной судьбе послужили причиной того, что герои испытывают потребность в речевой агрессии, стремятся «сорвать зло» на родственнике, односельчанине. Бранные лексемы в повести и рассказах И. Е Вольнова являются как общеизвестными и общеупотребительными (*а́спид, дья́вол, пёс, мразь*), так и диалектными (*коро́ста, ля́рва, нехаля́ва*).

Бранные выражения отличаются разнообразием и оригинальностью, их внутренняя форма прозрачна, однако не является безусловно определяющей – на первый план выступает общее негативное значение. Таковые выражения образованы посредством метафорических переносов различных типов; например, «мифическое существо, нечистая сила – человек»: *анчу́тка безборо́дый* – ср. в орловских говорах слово *анчу́тка* известно в значениях «нечистая сила, водяной» [СОГ:1:45–46], «черт, дьявол, бес; антихрист» *Орл.* [СРНГ:1:262], а также *сатана́ кургу́зая, чёрт голобо́кий, чёрт лохма́тый, чёрт лу́пленый, чёрт трёпаный.* Отмечаются и переносы значения «животное – человек», положенные в основу бранных выражений: *облязья́н бескопы́тный* (искаженное *обезьяна*), *свинья́ косоры́лая, свинья́ пуза́тая, ме́рин долгогривый, коро́вья пришлёпка, тварь безживо́тная* и др. Бранные устойчивые сочетания образуются также на базе агентивов, например, лексема *ше́льма,* имеющая значение «мошенник, нечестный человек; негодяй» и статус *Простореч*. [БАС:17:1343], выступила в качестве опорного компонента в бранных выражениях *ше́льма коро́стовая, ше́льма крученая*.

Как видим, агнонимическая лексика и фразеология, относящаяся к отдельным персонажам, показывает человека в социальной, производственной сфере, семейных отношениях, позволяют «увидеть» его личностные, индивидуальные особенности – всё это является ярким проявлением антропоцентричности творчества И. Е. Вольнова.

Агентивные единицы, нередко являющиеся самохарактеристиками или взаимными характеристиками, дают представление о том, что, с точки зрения окружающих, традиционно является самым важным, ценным, приоритетным в личности человека, а что вызывает негативное отношение, порицается и осуждается.

Произведения И. Е. Вольнова, детально воссоздающие жизнь крестьянина на Орловщине на рубеже XIX–XX вв., не только имеют историческую, этнографическую, художественную ценность, но и не менее актуальны в плане изучения лексических и фразеологических историзмов, архаизмов, диалектной лексики: лексикон автора и в особенности речь персонажей изобилует такими языковыми единицами.

Библиографический список

1. Бахвалова, Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности / Т. В. Бахвалова. – Орёл, 1996. – 240 с.
2. Бахвалова, Т. В. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова) / Т. В. Бахвалова, А. Р. Попова. – Орёл : Изд-во ОГУ, 2010. – 240 с.
3. Вольнов, И. Избранное. Повести, рассказы, очерки / И. Вольнов. – Москва : Художественная литература, 1956. – 623 с.
4. Вольнов, И. Е. Повесть о днях моей жизни. Крестьянская хроника / И. Е. Вольнов. – Москва : Советская Россия, 1976. – 398 с.
5. Гончарова, Е. А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – Москва : АСТ, 2014. – 365 с.
6. Морковкин, В. В. Русские агнонимы. / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – Москва : Астра семь : Русские словари, 1997. – 414 с.
7. Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 1–4; Орёл, 1992–2016. – Вып. 5–17.
8. Словарь русских народных говоров. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2019. – Вып. 1–51.
9. Словарь современного русского литературного языка. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.

О. А. Белякова
(г. Орёл, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»)

Аннотация. Рассматривается колоративная (цветовая) лексика, используемая в описании портрета в романе И. С. Тургенева «Накануне». Указывается, что цветовая лексика способствует созданию представления о возрасте героев, о социальном происхождении персонажей, используется в описании деталей одежды, свидетельствует о национальной принадлежности, о физическом и душевном состоянии.

Ключевые слова: колоративная (цветовая) лексика, портрет, цветообозначение, лексема.

Колоративная (цветовая) лексика – группа слов и словосочетаний, выражающих значение цвета [Зубарева 2013: 1]. В эту группу

входят языковые или речевые единицы, включающие в себя корневую сему, связанную с цветообозначением. Колоративная лексика в прямом значении чаще всего выполняет описательную функцию, но может выступать и в образном значении, а также использоваться для передачи индивидуального авторского стиля [Зубарева 2013: 1].

В художественном тексте цвет не только отражает фактическую реальность, помогая читателю лучше воссоздать картину происходящего, почувствовать нужную атмосферу, понять состояние и эмоции героев, но и несёт в себе символическое значение.

Великим мастером колористического искусства признан И. С. Тургенев. Многочисленные исследования колористического аспекта в произведениях И. С. Тургенева указывают на богатство и разнообразие цветовой лексики и свидетельствуют о значимости цвета в его творчестве.

Рассмотрим употребление цветовой лексики в романе И. С. Тургенева «Накануне» в описании портрета.

Методом сплошной выборки нами было собрано 156 лексем, обозначающих цвет.

Цветовая лексика в романе чаще всего используется для описания портрета. Портретная лексика составляет 59,6 % от всех примеров.

Как отмечает Е. А. Бурштинская, цвет становится одним из выразительных средств характеристики действующих персонажей [Бурштинская 2000: 164].

Дополняя другие детали портретов персонажей, цвет может указывать на такие черты как:

– возраст; *голубой* и *розовый* цвета встречаются в основном в одежде молодых героев: *На нем было просторное белое пальто вроде блузы;* ***голубой*** *платок охватывал его тонкую шею, измятая соломенная шляпа валялась в траве возле него*; *Молодая девушка, в широкой соломенной шляпе, с* ***розовым*** *зонтиком на плече, показалась в это мгновение на тропинке, по которой шли приятели*;

табачный – деталь в одежде пожилых людей: *Увар Иванович носил просторный сюртук* ***табачного*** *цвета и белый платок на шее...*; также *жёлтый* цвет лица свидетельствует о возрасте человека (пожилого): *...старушка заметила это движение, и лицо её, сморщенное и* ***жёлтое****, но когда-то красивое, оживилось*;

– социальный статус; *белые* руки указывают на принадлежность к аристократии: *Было что-то детски-миловидное, что-то привлекательно изящное в мелких чертах его свежего, круглого лица, в его сладких карих глазах, красивых выпуклых губках и* ***белых*** *ручках.*

Отсутствие разнообразия ярких оттенков в одежде, использование преимущественно ахроматических цветов (чёрного, белого и серого) также говорит о принадлежности персонажа к дворянскому сосло-

вию: *На нем было просторное* ***белое*** *пальто вроде блузы…*; *…неловкость сказывалась в самом положении его рук, его туловища, плотно охваченного коротким* ***черным*** *сюртучком, его длинных ног с поднятыми коленями, подобных задним ножкам стрекозы.*

Пёстрый колорит, образованный яркими, сочными красками, характерен для простолюдинов: *Девушка, с виду горничная, стояла в лавке спиной к порогу и торговалась с хозяином: из-под* ***красного*** *платка, который она накинула себе на голову и придерживала обнажённой рукой у подбородка, едва виднелась её круглая щёчка и тонкая шейка*; *…он сперва прислал свою дочку, девочку лет семи, с огромным* ***пёстрым*** *платком на голове…*;

– национальность; у русских волосы часто русого цвета: *Её* ***темно-русая*** *коса спускалась низко на тонкую шею*; немки, как правило, белокуры: *Эта Zoé, или, говоря точнее, Зоя Никитишна Мюллер, была миленькая, немного косенькая русская немочка с раздвоенным на конце носиком и красными крошечными губками,* ***белокурая****, пухленькая*; персонажи болгарского происхождения смуглы и черноволосы: *Иностранное происхождение Инсарова (он был болгар родом) ещё яснее сказывалось в его наружности: это был молодой человек лет двадцати пяти, худощавый и жилистый, с впалою грудью, с узловатыми руками; черты лица имел он резкие, нос с горбиной,* ***иссиня-чёрные*** *прямые волосы, небольшой лоб, небольшие, пристально глядевшие, углублённые глаза, густые брови…*; *Лица* ***смуглые****, широкоскулые, тупые, с ястребиными носами, лет каждому за сорок, одеты плохо, в пыли, в поту, с виду ремесленники — не ремесленники и не господа...*

– состояние физического здоровья; *жёлтый* и *бледный*, часто в сочетании с упоминанием худобы, указывают на болезненное состояние: *«Боже мой, болгар, умирающий, голос как из бочки, глаза как лукошко, скелет скелетом, сюртук на нем с чужого плеча,* ***жёлт*** *как пупавка – и она его жена, она его любит... да это сон какой-то...»*; *Анна Васильевна встретила его ласково, попеняла ему, что он совсем их забыл, и, найдя его* ***бледным****, осведомилась о его здоровье…*; *Он закрыл глаза и лежал неподвижно, весь* ***бледный*** *и худой.*

– душевное состояние (красный и бледный цвета используются для описания различных эмоций персонажей: смущения, радости, удивления, гнева, горя, волнения, раздражения и т.д.): *Елена слегка* ***покраснела*** *и протянула Шубину руку*; *Вдруг она* ***покраснела*** *и спрятала своё лицо на его груди*; *Имя Инсарова в первый раз в течение дня произносилось перед Еленой; она почувствовала, что* ***покраснела****…*; *… она возмущалась, хотя* ***краснеть*** *ей было не за что…*; *У Елены глаза были* ***красны****: она оставила мать свою лежащую в обмороке…*; *– Оттого что вы осмелились беспокоить даму, – проговорил Инсаров и вдруг* ***побледнел****, – оттого что вы пьяны*; *Страшная* ***бледность*** *покрыла её*

лицо, она подошла к ширмам, заглянула за них, всплеснула руками и окаменела. Для этой цели И. С. Тургенев использует прилагательные, глаголы и существительные со значением цвета.

Внутренний облик персонажей раскрывается через их внешность, в том числе цветовую характеристику. С особой тщательностью писатель работал над изображением глаз – «зеркала души». Для этого он использует колористические лексемы: *Один, на вид лет двадцати трёх, высокого роста, черномазый, с острым и немного кривым носом, высоким лбом и сдержанною улыбкой на широких губах, лежал на спине и задумчиво глядел вдаль, слегка прищурив свои небольшие* ***серые*** *глазки…*; *Было что-то детски-миловидное, что-то привлекательно изящное в мелких чертах его свежего, круглого лица, в его сладких* ***карих*** *глазах…*; *…и всё в ней тогда – её* ***чёрные****, быстрые, почти звериные глаза, её загорелые руки, глухой голосок, даже её изорванное платье – казалось Елене чем-то особенным…*; *…Увар Иванович Стахов, троюродный дядя Николая Артемьевича, отставной корнет лет шестидесяти, человек тучный до неподвижности, с сонливыми* ***жёлтыми*** *глазками…*; *Отставной прокурор выслушал его внимательно, понюхивая табачок из табакерки и искоса посматривая на гостя своими лукавыми, тоже* ***табачного*** *цвету, глазками… Жёлтый* и *табачный* цвет И. С. Тургенев использует в описании глаз эпизодических героев, хотя в словарях эти прилагательные не фиксируются для этой цели. Например, в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка 1998].

С помощью цвета выражается отношение автора к героям. При этом подбирается гармоничное или дисгармоничное сочетание цветов.

Дисгармоничным выглядит пёстрое сочетание спектральных цветов, свидетельствующее об отсутствии у персонажей художественного вкуса: *Одета она была до наивности пестро и плохо:* ***красная*** *сетка покрывала её волосы, платье из полинялого* ***голубого*** *атласа давило ей грудь…*

Белый и *розовый* цвета в портретах персонажей не только описывают объективные детали внешности, но и указывают на разграничение живого и неживого миров.

Розовый цвет несёт в себе земное начало, ассоциируется с молодостью, иногда уже ушедшей: *Будущий муж Анны Васильевны, Николай Артемьевич Стахов, завоевал её на одном из этих балов, где она была в «прелестном* ***розовом*** *платье с куафюрой из маленьких роз».*

Белый цвет соотносится с неживым миром. Елене снится сон, в котором *белый* цвет становится главным символом: *Но какой-то* ***белый*** *вихорь налетает на волны... всё закружилось, смешалось...*; *Елена осматривается: по-прежнему всё* ***бело*** *вокруг; но это снег, снег, бесконечный снег*; *Высокие* ***белые*** *башни с серебряными главами...* Этот

сон как будто изображает загробный мир, а Инсаров, уже в реальности, связан с этим миром, является его частью: *Она быстро подняла голову, обернулась и обомлела: Инсаров, **белый**, как снег, снег её сна, приподнялся до половины с дивана и глядел на неё большими, светлыми, страшными глазами.*

Та же оппозиция *белый – розовый* присутствует и в описаниях внешности Елены в разное время. Если в самом начале делается акцент на *розовом* цвете её рук, то позже цвет её кожи уже описывается как *белый*: *Руки у ней были узкие, **розовые**, с длинными пальцами…*; *Он принялся сперва расстёгивать, потом стаскивать одну перчатку, стащил её до половины и жадно прильнул губами к **забелевшей** под нею тонкой и нежной кисти*; *Всё её тело расцвело, и волосы, казалось, пышнее и гуще лежали вдоль **белого** лба и свежих щёк.*

Наиболее частотными цветообозначениями в описании портретов в романе И. С. Тургенева «Накануне» являются *бледный* (21,5 %), *красный* (17,2 %), *белый* (11,8 %) и *чёрный* (9,7 %). Реже встречаются *серый* и *розовый* цвета по 6,5 %. Единичными примерами представлены другие цвета и оттенки: *зелёный, голубой, жёлтый, седой, карий, табачный, тёмно-русый, гороховый, лиловый, смуглый, пёстрый.*

По мнению Е. А. Бурштинской, «стремясь к объективному повествованию, И. С. Тургенев не признаёт «безличной» художественности, что находит отражение и в искусстве колорита, в тщательном подборе цветовых характеристик» [Бурштинская 2000: 168].

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 15.11.2019).

2. Бурштинская, Е. А. Цвет как аспект литературного портрета в художественной прозе И. С. Тургенева : дис. … канд. филол. наук / Бурштинская Е. А. – Череповец, 2000. – 195 с.

3. Зубарева, А. В. Проблематика колоративной лексики в современной лингвистике / А. В. Зубарева. – Ростов-на-Дону, 2013. – 10 с.

Е. М. Вавилова
(г. Заречный, Россия)

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

Аннотация. Указываются названия народных музыкальных инструментов, встречающиеся в поэтических произведениях А. С. Пушкина, также перечисляются способы их словообразования.

Ключевые слова: названия музыкальных инструментов, способы словообразования.

С самого раннего детства мы знакомы с русскими народными музыкальными инструментами. А. С. Пушкин – один из выдающихся русских писателей XIX века. Александр Сергеевич пользуется популярностью среди наших и зарубежных читателей. Его перу принадлежат такие работы, как «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», «Дубровский» и многие другие. Произведения автора проникнуты народными мотивами (народные сказки, народные приметы, праздники…).

Во многих произведениях великого поэта употребляются названия народных музыкальных инструментов как в прямом, так и в переносном значении. В переносном значении для создания образа поэзии, поэтического вдохновения, применяются наименования **лира, цевница, труба, свирель** [Пескова 1999: 51]. Другие музыкальные инструменты выполняют в текстах А. С. Пушкина номинативную функцию. Представляют большой интерес сведения о том, какие музыкальные инструменты были известны во времена Пушкина, в каких жизненных ситуациях, в каких социальных кругах они использовались.

Народные музыкальные инструменты – это яркая страница истории славян в целом и русского народа в частности. Они обнаруживают богатство русской души, творческий нрав, свидетельствуют о высокой материальной и духовной культуре. Народные музыкальные инструменты являются одним из ярких подтверждений мелодичного характера русской музыки, её многоголосия. В прошлом в музыке славян широко использовались скрипка, цимбалы, колесная лира, волынка, гусли и другие народные музыкальные инструменты, которые делались вручную.

Своими корнями русские народные музыкальные инструменты достигают времен Киевской Руси. Древнерусские гусли, продольные флейты, свирели, бубны, трещотки, деревянные коробочки, рубели, колотушки, ложки, сопель, дудки, глиняные свистульки, жалейки, волынки, пищалки, погремушки, жужжалки, фурчалки, ревуны, балалайки, домры и другие музыкальные инструменты были изготовлены из натурального материала – такого, как дерево или глина. Все эти народные музыкальные инструменты вошли в музыкальную культуру славянских народов.

Русский народ свою жизнь всегда окружал песнями и музыкой, льющейся из народных инструментов. С малых лет каждый владел навыками изготовления немудреных инструментов и знал, как на нём играть. Так из куска глины можно было изготовить свистульку или окарину, а из дощечки – трещотку.

Для русского человека в XXI веке таким родным инструментом является гармонь. Остановите сейчас молодого человека и попросите назвать хоть несколько известных ему народных инструментов, список этот будет очень мал. А ведь это огромный пласт русской культуры, которая почти забыта.

Почему мы утратили эту традицию? Почему не знаем своих народных инструментов и не слышим их прекрасных звуков?

Сложно ответить на этот вопрос, шло время, что-то забывалось, что-то запрещалось, так, например, средневековая христианская Русь не раз ополчалась на народных музыкантов. Крестьянам и городскому люду под угрозой штрафа запрещалось держать у себя народные инструменты, тем более на них играть.

«…Чтобы они (крестьяне) бесовские игры в сопели и в гусли и в гудки и в домры не играли и в домах у себя не держали... А кто, забыв страх божий и смертный час, учинит играть и всякие игры у себя держать – править пени по пяти рублев на человека…» (Из юридических актов XVII века, стилистика и орфография сохранены).

В романе «Евгений Онегин» – «энциклопедии русской жизни» – музыка звучит на столичных и деревенских балах, в деревенской гостиной, в театре, в избушке, над Невой и на берегу безымянной речки... Автор крупным планом показывает нам музыкальные инструменты:

...Смычку волшебному послушна
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина... (скрипка в петербургском театре);

...Рёвом скрыпок заглушён
Ревнивый шёпот модных жён (в столице на балу);

...рожок
Пастуший будит селянина;

...Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались...
(на именинах Татьяны);

Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды (Ленский накануне дуэли);
Потом приносят и гитару...
и т.п.

В этом произведении мы встретились с такими музыкальными инструментами, как скрипка – струнно-смычковый музыкальный инструмент. Некоторые источники указывают на происхождение скрипки от польского инструмента «скрипица» или от российской «скрипели»,

появление которых относится к XV веку. Долгое время скрипка считалась простонародным инструментом и не звучала сольно. На ней играли бродячие музыканты, а основным местом её звучания были трактиры и кабаки.

В этом же произведении находим упоминание и о другом струнном инструменте – гитаре. Слово *гитара* (англ. *guitar*), согласно Оксфордскому словарю, берёт начало от греческого слова *kithara* «кифара», однако через посредство арабского *qītār.*

Также в романе встречаются названия инструментов:

– пастуший *рожок* (от сущ. рог, из праслав. *rog)*;

– *фагот* (от нем. *Fagott* (← ит. *fagotto* «пучок», «сверток»,) – духовой музыкальный инструмент;

– *флейта* (фр. *flute*, нем. *Flote*, от дат. *flare* «дуть») – медноду-ховой;

– *клавикорд* – (лат. *clavis* «ключ» и греческого *chorde* «струна»), струнный клавишно ударный музыкальный инструмент.

В ряде произведений А. С. Пушкина упоминаются музыкальные инструменты, характерные для традиционной культуры. Названия струнных инструментов гудка и гуслей присутствуют в реплике отца Варлаама в трагедии «Борис Годунов», написанной в годы ссылки в Михайловском: «*Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино...*».

Гудок (происхождение неизвестно) – простейший музыкальный инструмент струнного типа. Его изображения встречаются в средневековой псковской фресковой живописи и обнаруживаются в археологических раскопах. *Гусли* (происхождение неизвестно) – инструмент, присутствовавший в музыкальной культуре всех слоев населения Древней Руси. В княжеской поэме «Руслан и Людмила»:

...Князья и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею...

Тимпаны (греч. *tympanon*) – ударный музыкальный инструмент.

Бубны (происходит от праслав. *bǫbьnъ*) – ударный инструмент.

Тем же древнерусским колоритом окутана пушкинская метафора в отрывке «Как счастлив я...», написанном в Псковской губернии 23 ноября 1826 года:

А речь её... Какие звуки могут
Сравниться с ней – младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли…

Несмотря на отсутствие в пушкинских текстах простонародного употребления слова «гусли», известно, что вплоть до второй половины XX века крыловидные гусли были «домашним» инструментом в крестьянских домах деревень Псковской области. Об этом свидетельствуют данные этнофольклорных экспедиций. Название «балалайка» присутствует в строфах «Путешествия Онегина» и связана с музыкальной инструментовкой танца под названием *«трепак»*, исторически восходящего к процессу обработки льна:

Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка.
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Балалайка (от «*балабайка*, *балабойка»*) – струнно-щипковый музыкальный инструмент [Даль 1955: 23].

В романе «Евгений Онегин» упоминается *рожок* в качестве пастушьего инструмента:

...Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне всё равно.

Одним из самых интересных разделов лингвистики является словообразование, так как оно даёт нам понять, как и откуда произошло это слово. Выделяют следующие способы:

Приставочный – способ образования слова путём присоединения приставки к целому слову.

Суффиксальный – способ образования слова путём присоединения суффикса к основе слова.

Приставочно-суффиксальный – способ образования слова путём одновременного присоединения приставки (префикса) и суффикса к основе слова.

Бессуффиксный – образование слова без суффикса.

Сложение:

- слов;
- частей слов;
- частей слов с суффиксацией;
- первых букв или звуков слов.

Все перечисленные способы называются *морфологическими*.

Слова в русском языке могут образовываться *неморфологическими* способами.

К ним относятся:

- изменение значения существующего слова;
- переход слова из одной части речи в другую;
- слияние слов в словосочетания.

Рассмотренные названия инструментов образованы следующими способами:

1. СКРИПКА ← СКРИПИЦА (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
2. РОЖОК ← РОГ (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
3. КЛАВИКОРД ← КЛАВИ(CLAVIS) + КОРД(CHORDE) (СЛОЖЕНИЕ ДВУХ ОСНОВ)
4. ГУДОК ← ГУДЕТЬ (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
5. ГУСЛИ ← ГОНДТИ (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
6. СВИРЕЛЬ ← СВИР (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
7. БАЛАЛАЙКА ← БАЛАБОЙКА (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)
8. ДУДКА ← ДУДА (СУФФИКСАЛЬНЫЙ)

Музыкальная культура России пушкинского времени многогранна.

Наличие того или иного инструмента зависело от места исполнения – домашнее исполнение, местный деревенский праздник, ярмарка, собиравшая приезжих музыкантов, носителей иной музыкальной традиции. Кроме того, различие в наборе музыкальных инструментов могло быть продиктовано национальной пестротой населения и влиянием культуры соседних регионов.

Библиографический список

1. Хозяйство и быт русских крестьян / А. С. Бежкович и др. – Москва : Советская Россия, 1959.
2. Бычков, В. Н. Музыкальные инструменты / В. Н. Бычков. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2000.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : ГИС, 1955.
4. Виноградов, В. В. Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы / В. В. Виноградов // Русская речь. – 1990. – № 3-6.
5. Новосельский, А. Н. Очерки по истории русских народных инструментов / А. Н. Новосельский. – Москва : Госмузиздат, 1931.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – Москва : Азъ, 1992. – 955 с. ; 1993. – 955 с.
7. Пескова, Н. С. Переносное употребление названий музыкальных инструментов в поэтических произведениях А. С. Пушкина : тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию университета / Н. С. Пескова. – Пенза, 1999.
8. Пушкин, А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1986.
9. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва : Международные отношения, 1994.
10. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь. – Москва, 1997. – 576 с.
11. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1971.

Г. Е. Горланов
(г. Пенза, Россия)

ЛЕКСИКА КАК ПРИЁМ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «АВВАКУМ»

Аннотация. Идет речь об использовании старославянизмов и церковной лексики автором поэмы «Аввакум». За образец применения устаревших для современного русского языка слов В. Д. Фёдоров брал тексты «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». В некоторых случаях такая лексика бралась из текста без каких-либо изменений, а в других случаях, в целях большего понимания текста, слова использовались в изменённом виде, но точно характеризующих атмосферу жизни россиян в XVII веке.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, патриарх Никон, Степан Разин, Россия, русский язык.

О жизни древней Руси XVII века, о неистовом протопопе Аввакуме (1621–1682), о церковных преобразованиях Никона (1605–1681) повествуется в поэме Василия Фёдорова «Аввакум» [Фёдоров 1987: 222–231]. Поэма «Аввакум» создавалась после трёх веков свершения трагической реформы Никона, в 1964 году. Когда же читаешь строчки нашего современника, то будто попадаешь в ту далёкую эпоху и переживаешь вместе со всем русским народом за будущее страны. А это будущее ассоциируется с восстанием Степана Разина и последующими событиями, которые могли бы разрушить все распри по поводу Российской Православной Церкви. Всё потому, что автор проделал огромную работу по собиранию материала не только по творчеству своего коллеги, писателя Аввакума Петровича Петрова, но и патриарха всея Руси Никона (такой занимал высокий пост), одного из просвещённых людей своего времени, имевшего большую личную библиотеку.

Обращает внимание в поэме обилие церковнославянской и старославянской лексики. Вот некоторые из них: «Налетели бесы – и пошёл извратъ»; «Оперва, чтоб в храмы не вошла корысть»; «В ангельские ризы плутня не рядилась»; «Знамение бысть: в красный день над Русью солнышко затмилось; «Окаянный Никон, смиренький дотоле, на срамных совят»; «Осерчал всевышний»; «И за два перста пред очи прямо с литургии»; «Что не даст потачки», «Встали супротивно драться на кулачках»; «– Нако-сь, сын кобылий… Худу не учи!» В языке поэмы автору удалось отразить типичные черты эпохи XVII века. В русском литературном языке этого времени намечается разграничение «красноречий» и «просторечий».

Академик В. В. Виноградов находит в литературном наследии Аввакума отражение процессов, которые протекали в русском языке XVII века. «Красные слова» (красноречие), церковно-книжная речь и просторечие – указывает учёный, – чередуясь и сочетаясь, в стиле Ав-

вакума вступают в тесное взаимодействие и новый синтез» [Виноградов 1923: 137]. Используемое литературное просторечие сам протопоп называл «вяканьем» и, соответственно, оно расходилось с принятыми в «славенском диалекте» нормам. Многие лингвисты относили такое явление к новаторству стиля Аввакума. Применение «вяканья» в «Житии…» используется вполне осознано и противостоит высоким «эллино-славянским стилям».

Отголоски того далёкого времени нашли своё отражение в строчках поэмы, в развязывании самого конфликта:

Никон протопопа
Норовит крестом,
Протопоп владыку
Норовит цепями…
– Отрекайся!
– Верю! –
Учинили шум,
В непотребной ссоре
Святость позабыли.
– Покорись владыке! –
Буйный Аввакум
Плюнул на владыку:
– Нако-сь, Сын кобылий!

Кстати, детей своих автор «Жития…» называл ласково «кобельками», а самого себя сравнивал с собачкой («что собачка в соломе лежу на брюхе»). Стоило Фёдорову убрать суффиксы ласкательные, как текст приобрёл совершенно другую окраску. Всякие чудеса может делать «могучий» русский язык.

Два вершителя судеб России по биографии имели много общего. «Связанные прежде / Больше, чем родством, / Нынче повстречались / Больше, чем врагами». Никон и Аввакум – земляки, оба рождены в соседних сёлах Нижегородской губернии. Впрочем, все четыре главных героя (в их число входит и повествователь, участвующий в сюжетной канве) по родословной национальной линии относятся к народности эрзя.

Протопоп Аввакум, будучи высокообразованным для своего времени человеком, писал в «Житии…»: «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской народный язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет… Того ради я не брезгую красноречии и не уничижаю своего языка русского» [Житие… 1927: 153].

Василий Фёдоров, знакомый с «теорией вяканья» Аввакума, умело использует её в тексте поэмы. Так, строчка «Налетели бесы – и пошёл извpат» взята из «Жития». У Аввакума: «Бился я з бесами, что

с собаками, – недели с три за грех мой», «…да в руках чоткичем от бесов баронюся». В поэме Фёдорова есть необычное слово «оперва». Аввакум часто использует слова, изображающие последовательность событий: «посем», «потом», «а се по мале мале времени», «помале», «после того вскоре», «напоследок», «егда», «в то время», «а опосле тово», «в те же поры», «тотъчас», «на другой год», «в те поры», «тогда», «как привезли меня», «ныне» и другие. Выражение «знамение бысть» взято непосредственно из текста «Жития…». У Аввакума: «…высть же я в третий день приалчен, – сиречь есть отец ми бысть священин Пётр, мати-Мария, инок Марфа».

Читая выражение в поэме «Стали супротивно драться на кулачках», следует иметь в виду более широкий смысл слова «супротив», бытовавшего в XVII веке. В данном случае надо понимать не только однозначное понятие «против». Описание драки («драться на кулачках») дополнится новыми смысловыми оттенками, если помнить о широком контексте слова. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля читаем: «супротивно, прекословие, сопротивление, супротивность на деле, супротивникъ – ица, сопротивномъ, противномъ, «состязатель, супостатъ, врагъ, ворогъ, неприятель» [Даль 1978, т. 4: 361].

Подобное можно сказать и о слове «окаянный», употреблённом при характеристике Никона – «Окаянный Никон, смирненький дотоле». Синонимика слова весьма богатая. Перечислим некоторые из них: проклятый, нечестивый, изверженный, отчуждённый, преданный общему поруганию, недостойный, жалкий, погибший духовно, несчастный… И. А. Бунин выражением «Окаянные дни» назовёт целую эпоху, наступившую в России после революции 1917 года. Василий Фёдоров, принявший сторону Аввакума в дискуссиях о вере, внесёт оттенок религиозности и будет подразумевать погибшего духовно, в котором сосредоточился злой бесовский дух, сатана на время занял душу Никона. Так расценивал реформы патриарха русского и протопоп Аввакум, оттого-то и «Крестит он и крестит / Свой опальный лоб; / Гневный, / Шлёт проклятья / Дьявольскому скопу».

Сторонник старообрядческой веры, эрзянин Аввакум с негодованием отвергает нововведения Никона: «Грекам ли учить нас божеским наукам? / Своего-то бога / Греки не спасли, / Храмы Константина / Уступили туркам!» Истинная же трагедия протопопа, по разумению автора поэмы, заключается в том, что он не сумел распознать душу русского человек. Кульминационная вершина произведения – встреча Аввакума с крестьянским вожаком Стенькой Разиным, который в интерпретации автора по своим волевым качествам нисколько не уступает протопопу. От встречи с вольным казаком «первый раз сердце протопопа дрогнуло в ознобе», так как в его больших очах кипела

неведомая религиозному фанатику «высокая вера», в которой «не было ни бога, ни смиренья». Соедини они свои усилия, как много доброго могли принести России эти сильные люди. Оттого-то с такой горячей взволнованностью прорывается голос рассказчика: «Стойте! / Сговоритесь, / Чёрт вас подери! / Не играйте слепо / Судьбами России». Разошлись, однако, их жизненные пути. Смертный огонь ждал Аввакума, лобная плаха – Стеньку Разина. Так драматично заканчивается эта русская трагедия.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума / В. В. Виноградов // Русская речь. – Вып. 1. – Ленинград, 1923.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль.– Москва : Русский язык, 1978. – Т. 1–4.

3. Житие протопопа Аввакума. Памятники истории старообрядчества XVII века. Книга первая. – Вып. 1. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1927. – 153 с.

4. Фёдоров, В. Д. Собрание сочинений : в 5 т. / В. Д. Фёдоров. – Москва : Современник, 1987. – Т. 2. – С. 222–231.

А. В. Дудка
(г. Луганск)

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕОГРАФА КАК ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

Аннотация. Проводится анализ использования автором речи персонажа в качестве способа раскрытия его мировоззрения и жизненной позиции. Подчеркивается роль косвенных характеристик. Оценку личности героя дают разные персонажи, и каждый видит в нем то, что важнее для самого оценивающего.

Ключевые слова: речевая характеристика, герой времени, портрет-впечатление, ирония, афористичность.

Речь героя – одна из самых важных составляющих его образа. Она наиболее полно передаёт мировоззрение персонажа, его стиль жизни. Л. Гинзбург в книге «О литературном герое» утверждает, что *«герой может обнаруживаться в самых разных формах: упоминание о нем в речах других действующих лиц, повествование автора или рассказчика о связанных с персонажем событиях, анализ его характера, изображение его переживаний, мыслей, речей, наружности, сцены, в которых он принимает участие словами, жестами, действиями и проч. »* [Гинзбург 1979: 89]. Однако исследователь подчёркивает важность именно речевой характеристики персонажа: *«Среди всех средств литературного изображения человека особое место принадлежит внешней и внутренней речи действующих лиц. Только строя речь чело-*

века, писатель пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда предмету изображения. Прямая речь персонажей обладает поэтому возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [Гинзбург 1979: 150].

Для создания речевой характеристики главного героя романа «Географ глобус пропил» А. Иванов пользуется разнообразными приёмами комического. Прежде всего – это юмор. Речь Географа изобилует шутками: *«Снаружи шоколадка, а внутри кокос. Поначалу сладко, а потом понос»* [2, с. 13]; *«А ты всё лежишь, как окурок в писсуаре»* [2, с. 220]; *«А что со мною случилось? Ты узнала, что я неизлечимо болен, и это скорее всего гонорея?»* [2, с. 284]. Но подобный юмор негативно воспринимается другими персонажами романа. Надя, жена героя, устала от бесконечного потока острот своего мужа: *«Слова от тебя человеческого не дождёшься, одни шутки!..»* [2, с. 82]. Сравнивая с ним его друга Будкина, она замечает: *«Шутки, как у моего мужа – такие же идиотские»* [2, с. 15]. К тому же, Надя утверждает, что подобное поведение Служкина обусловлено ограниченностью его личности: *«Так у тебя кроме шуточек и нет ничего больше!.. Пусто за душой! Ты шуточками только пустоту свою прикрываешь!»* [2, с. 82]. С ней солидарна и коллега героя Кира Валерьевна: *«Что-то у тебя как ни история, так анекдот, и везде ты придурком выглядишь»* [2, с. 217]. Даже девятиклассница Маша во время похода ждёт от Служкина совсем не шуток, а ответственного поведения: *«А вы всегда пьяный, орете, гадости говорите, глупости всякие делаете, с пацанами паясничаете, анекдоты рассказываете… Вам надо держать себя в руках, быть нормальным человеком…»* [2, с. 399]. Таким образом, по мнению персонажей, эта черта характера героя выводит его за рамки общепринятой «нормальности». Они полагают, что с помощью юмора Географ прячется от проблем, отгораживается от реальности. На самом деле шутки помогают герою преодолевать тяготы жизни без злости и обид. Это качество Сашенька Рунева считает настоящим мужеством: *«Что мне нравится в тебе, Витя, так это то, что ты даже в самые горькие минуты не теряешь чувства юмора… Хорошо тебе. Меня на такое мужество никогда не хватает»* [2, с. 284]. Сам же Географ объясняет свою позицию так: *«Без шутки жить жутко»* [2, с. 82].

В своей речи Географ часто использует иронию. Он иронизирует над окружающими: *«Какая рожа, такая и фамилия»* [2, с. 12]; *«Точность – вежливость свиней»* [2, с. 13]; *«Я же тебе рассказывал – у него с отцом своя фирма при станции техобслуживания. Он там обслуживает тех за деньги»* [2, с. 15]. Но зачастую в речи Географа отражена самоирония*: «Есть, да не про мою честь»* [2, с. 41] *«Язык Златоуста, да мыслей не густо»*[2, с. 197]; *«Если не найдется желающих пред именем моим смиренно преклонить колени, я не удавлюсь»* [2,

с. 14]; *«Я же отец семейства, народный учитель…»* [2, с. 91]. Подобную самокритичность герой объясняет тем, что способен видеть свои несовершенства и дать адекватную оценку себе как личности: *«Посмеяться над собой – значит лишить этой возможности других»*[2, с. 61]. С помощью самоиронии автор как будто смещает полюса: субъективная оценка Географом самого себя кажется читателю более объективной, чем собственно объективная оценка его личности окружающими.

Речь Географа афористична. К каждой ситуации он находит меткую фразу собственного сочинения: *«Дракула бы прослезился»* [2, с. 28]; *«Нету толка, когда в заду иголка»* [2, с. 27]. Однако встречаются и всем известные фразеологизмы: *«В плечах аршин, а на плечах кувшин»* [2, с. 47]; *«Вольный художник – это босой сапожник. Всё умеет, ничего не имеет»* [2, с. 37]; *«Как говорится, первый блин комом…»* [2, с. 25]. Таким образом, вводя в произведение элементы фольклора, автор делает образ Географа народным, приближает его к героям деревенской прозы. Большинство высказываний Служкина метафоричны, и именно в них заключена жизненная философия героя.

Речь Географа нельзя назвать нормативной: он использует сниженную лексику, нецензурную брань. Хотя он и общается со школьниками, прибегая к молодежному слэнгу, это не является показателем его малообразованности. В текст включены лирические элементы – стихотворения собственного сочинения, которые демонстрируют владение Географа литературным языком. Служкин пародирует произведение «Прохожий» М. Цветаевой своей «Эпитафией Петрову», написанной еще в детстве:

«Помедли, случайный прохожий,
У этих гранитных плит.
Здесь тело Петрова Алеши
В дубовом гробу лежит.
Петров на общем фоне казался
Чище, чем горный снег,
И враз на него равнялся
Каждый плохой человек» [2, с. 38].

В романе «Географ глобус пропил» находим цитаты из классических произведений, значение которых главный герой искажает в зависимости от контекста употребления. Например, строки из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: *«Променял друга на рюмку, правда, очень хорошего, коньяка»*[2, с. 275] (Ср. ориг. *«Ты покинул бедного Бегемота, променяв его на стакан – правда, очень хорошего – коньяку!»*), из стихотворений А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: *«Но долго буду тем любезен я народу, <…> что чувства добрые я ли**т**рой пробуждал»*[2, с. 96] (Ср. ориг. *«И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал»*) и «Пророк»:

«Жег глаголом, да назвали балаболом» [2, с. 61] (Ср. ориг. *«Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей»*). Обилие цитат из произведений А. Пушкина свидетельствует о том, что он любимый автор героя. Служкин приравнивает чувства, испытываемые им к жене и дочери, к чувствам, которые он питает к творчеству поэта: *«Я ведь тоже разрываюсь от любви… <…> К тебе… К Таточке… К Будкину… К Пушкину…»* [2, с. 215].

Речь Географа эмоциональна. Об этом свидетельствуют авторские характеристики: *«мрачно хмыкнул»* [2, с. 166], *«блекло ответил»* [2, с. 159], *«виновато сознался»* [20, с. 107], *«пренебрежительно заявил»* [2, с. 98], *«буркнул»* [2, с. 85], *«мягко попросил»* [2, с. 83], *«дребезжал»* [2, с. 87], *«сварливо ответил»* [2, с. 50], *«скептически хмыкнул»* [2, с. 32]. К тому же, герой часто использует невербальные средства общения: *«пожал плечами»* [2, с. 86], *«кивнул»* [2 ,с. 90], *«отмахивался»* [2, с. 50], *«показал рога из пальцев»* [2, с. 268], *«сделал страшные глаза, кивнул на Надю, которая в это время отвернулась к плите, и изобразил удар в челюсть»* [2, с. 15]. Проанализировав реплики персонажа, мы пришли к выводу, что наиболее частотным является глагол «согласился». Его использование позволило автору подчеркивает одну из важнейших черт характера Географа – умение идти на компромисс, слышать точку зрения другого человека.

А. Иванов дает портретную характеристику главного героя романа с помощью комментариев других персонажей, создавая портрет-впечатление. Причем портрет этот статический, герой не меняется на протяжении всего произведения. Через косвенные характеристики автор также выражает свое отношение к герою. Большинство персонажей осуждает поведение Служкина. Обиженная на мужа Надя постоянно упрекает его: *«Живешь от пьянки до пьянки, неизвестно о чем думаешь…»* [2, с. 23]. Будкин, хвастаясь своей машиной, не упускает возможности сказать: *«Ты лентяй, Витус. <…> Идеалист и неумеха. Только языком чесать и горазд»* [2, с. 15]. Кира Валерьевна видит гордыню в поведении Географа: *«С одной стороны, ты этим самоуничижением маскируешь гордыню, как миллионер маскируется дырявыми башмаками. А с другой стороны, тем самым ты и выдаешь себя с головой. <…> Но ты похож на бетономешалку: крутить ее легко, а с места не сдвинешь и внутри – бетон»*[2, с. 217-218]. Кира полагает, что это маска Географа, *«пластическая операция на душе»*[2, с. 218]. Однако те характеристики, которые герои дают Географу, являются ключевыми для понимания, в первую очередь, их внутреннего мира. Они видят в герое те черты, которые присущи им самим.

А. Иванов углубляет речевую характеристику главного героя с помощью внутренних монологов. В большинстве своем они пред-

ставлены на страницах глав, повествующих о походе, написанных от имени Географа. Следует отметить, что внутренние монологи мы видим только у главного героя, остальные персонажи не рефлексируют. С помощью внутренних монологов мы узнаем о чувствах и переживаниях Географа, о том, как на протяжении похода меняется его отношение к девятикласснице Маше, как он принимает трудные и порой судьбоносные решения: *«Мне стыдно перед отцами. Свергли меня – мало, да? Опять напился! Изолировал их от девочек – мол, держать себя в руках не умеете. Не доверяю, мол. А сам?.. Бивень! Все. Самобичевание изнурило меня. <…> Я решил: кончено. Маши больше нет. Я никого не люблю»* [2, с. 334]. Служкин предстает перед нами мужественным, сильным, самоотверженным, в то же время внутренние монологи указывают на его мягкость, чуткость и ранимое сердце: *«Мысли мои оттаивают и текут тем же руслом, что и вчера: Маша, Маша, Маша… Но утро вечера мудренее. Моя душа уже не горит сплошь болью, как накануне. От той боли – только длинная кровавая полоса. Я уже знаю, где я порезался, а где цел. Боль нашла свое место»* [2, с. 373–374]. Истязающие героя раздумья показывают, как борются внутри «маленького человека» любовь и совесть.

Подводя итог, можно сказать, что А. Иванов на страницах своего романа создал героя с особым речевым портретом. Речь Географа полна юмора, иронии (в том числе и самоиронии), афористична, не подчиняется языковым нормам, но в то же время в ней присутствуют элементы литературного языка, скрытые цитаты из произведений классики, искаженные в зависимости от контекста употребления. Именно это делает Географа особенным в ряду других персонажей, подчеркивает его амбивалентность. Мировоззрение героя и его психологическое состояние позволяют постичь внутренние монологи, а косвенные характеристики, данные Географу, зеркально отражаясь, описывают других персонажей романа. Таким образом, мы приходим к выводу, что в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» речевые характеристики являются одним из средств создания образа Виктора Служкина как героя времени.

Библиогафический список

1. Гинзбург, Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Санкт-Петербург : Советский писатель, 1979. – 224 с.

2. Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 448 с.

3. Московкина, Е. Мотивы русской классической литературы в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» / Е. Московкина // Культура и текст. – 2014. – № 3 (18). – С. 60–75.

Д. А. Еськова, М. П. Болотская
(г. Пенза, Россия)

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ПОЭЗИИ В. В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. На материале текстов поэтических произведений В. В. Маяковского анализируются формы числа имен существительных, которые используются не только для выражения количественного значения, но и для передачи оценочных, эмоциональных оттенков в семантике слова. Рассматриваются основные приемы возможного использования форм числа для создания экспрессивности.

Ключевые слова: категория числа, В. В. Маяковский, формы единственного и множественного числа существительных.

Учитывая смысловое и формальное строение категории числа имён существительных в русском языке, можно выделить следующие приёмы возможного использования форм числа для выразительности, эмоциональности речи:

1) замена форм единственного числа на множественное и наоборот у существительных, имеющих соотносительные формы числа, то есть у конкретных существительных;

2) использование форм числа для выражения эмоциональных оттенков в силу семантической сложности строения этой категории;

3) использование избыточных форм числа существительных для выражения эмоциональных оттенков.

Такое применение форм возможно в стилистически окрашенной речи. Наиболее интересным представляется экспрессивное употребление форм числа в художественной речи, особенно поэтической. В творчестве В. В. Маяковского широко используются выразительные возможности форм числа существительных.

Применение форм единственного числа вместо множественного усиливает значение слова [Винокур 1943: 91], оно становится полновеснее, делается упор на лексическом значении слова, например: *«Просто избранных из бранных / одаривали **гвоздикой**»* («Великолепные нелепости»); *«Серых / масок / Немигающий **глаз** − / уставили / в триста баллонов газа»* («Пролетарий, в зародыше задуши войну!»).

Форма множественного числа заменяется на единственное, для того чтобы представить группы, классы людей в обобщённо-собирательном значении, как одно неделимое целое: *«В любом учреждении / есть **подхалим**»* («Общее руководство для начинающих подхалимов»); *«**Обыватель** − / многосортен. / На любые / вкусы / есть»* («Плюшкин»). Это помогает поэту высмеивать и обличать бюрократизм, обывательщину, взяточничество, подхалимство.

Замена форм единственного числа на множественное сопровождается обычно конкретизацией лексического значения. Типичным является употребление отвлечённых имён существительных в значении конкретных: *«Легло на город громадное горе / и сотни махоньких* ***горь»*** («Владимир Маяковский. Трагедия»); *«Пока выкипячивают, рифмами пиликая, / из* ***любовей*** *и соловьев какое-то варево»* («Облако в штанах»); *«Это сквозь жизнь я тащу / миллионы огромных чистых* ***любовей*** */ и миллионы миллионов маленьких грязных* ***любят****»* («Облако в штанах»); *«Меньше чем у нищего копеек, / у вас изумрудов* ***безумий****»* («Облако в штанах»).

Собственные имена, которые в форме множественного числа получают значение обобщенного, типического предмета мысли и почти всегда риторичны, передают повышенную эмоцию, например патетическое настроение, гнев, отчаяние, сарказм, презрительную насмешку и т.п. [Винокур 1943: 58]: *«Он раз чуме приблизился троном, / смелостью смерть поправ, − / я каждый день иду к зачумленным / по тысячам русских* ***Яфф****!»* («Я и Наполеон»); *«Он раз, не дрогнув, стал под пули / и славится столетий сто, − / а я прошел в одном лишь июле / тысячу* ***Аркольских мостов****!»* («Я и Наполеон»); *«Наоткрываем десятки* ***Америк****, / в неведомых полюсах вынежим отдых»* («Эй!»); *«Моих желаний разнузданной орде / не хватит золота всех* ***Калифорний****»* («Себе, любимому»). Топонимы в данных контекстах уже не называют определённые географические объекты, а вообще указывают государства, живущие обособленно, враждующие друг с другом [Волощенко 2010: 181].

В обобщённо-собирательном значении могут употребляться и антропонимы: *«Это вам – / упитанные баритоны – / от Адама / до наших лет,/ потрясающие театрами именуемые притоны / ариями* ***Ромеов и Джульетт****»* («Приказ № 2 армии искусств»); *«Плевать, что нет / у* ***Гомеров и Овидиев*** */ людей, как мы, / от копоти в оспе»* («Облако в штанах»).

Вещественные существительные в форме множественного в художественном тексте, несомненно, получают эмоциональное звучание: *«Вино и поэзия, / и если её / хоть раз / по-настоящему испили рты, / её / не заменит / никакое* ***питьё****, / никакие* ***пива****, / никакие* ***спирты****»* («Маруся отравилась»).

Экспрессивную функцию может выполнять не замена единственного числа на множественное, а замена одной флексии на другую, например: *«Входит / красавица в зал / в* ***мехи*** */ и бусы оправленная»* («Письмо товарищу Кострову»).

При использовании вещественных существительных в форме множественного числа чувствуется экспрессия фамильярной речи: ***«Чаи*** *гони, / гони, поэт, варенье!»* («Необычайное приключение»);

*«Даже вороны / исчезают, / чуя, / что, дымясь, / тянется / слащавый, / тошнотворный / дух / зажариваемых **мяс**»* («Сволочи!»).

В лирике В. В. Маяковского прослеживается тенденция к использованию имен существительных в формах множественного числа в различных добавочных значениях. В определённых случаях происходит расширение семантики формы множественного числа вещественных существительных со значением большого количества: *«Если быка трудом уморят − / он уйдёт, / разляжется в холодных **водах**»* («Лиличка!»); *«К щам / любому / нужны **хлеба**: и рабочим, / и крестьянам, и поэтам»* («Враги хлеба»).

Довольно часто в поэзии В. В. Маяковского используется множественное число существительного «дым». Названная словоформа превращается в сквозной образ-символ, проходящий через всё творчество поэта [Гаспаров 1995: 395]: *«Чья злоба надвое землю сломала? / Кто вздыбши **дымы** над заревом боен? Или солнца / одного / на всех мало? / Или небо над нами мало голубое?!»* («Революция»); *«Кто схватит улиц рвущийся вымах! / Кто может распутать тоннелей подкопы! Кто их остановит, / по воздуху / в **дымах** / аэропланами буравящих копоть!»* («Человек»); *«Здесь город был, / Бессмысленный город, / выпутанный в **дымы** трубного леса. / В этом самом городе / скоро / ночи начнутся / остекленелые, / белесые»* («Человек»). Формы числа имён существительных в поэзии В. В. Маяковского применяются для выражения ярких, зримых образов. «Дымы» (часто символизируют город) – символ разрушающей силы, уродующей быт и жизнь человека.

Формы числа существительных в поэтических произведениях В. В. Маяковского получают различные контекстные смысловые оттенки. Поэт максимально использовал в творчестве выразительные возможности категории числа существительных, их широкий диапазон значений, от элементарных количественных до эмоциональных, экспрессивно-стилистических.

Библиографический список

1. Винокур, Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – Москва, 1943.

2. Волощенко, В. Г. Грамматическая категория числа в русском и японском языках: к постановке проблемы / В. Г. Волощенко // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 176–181.

3. Гаспаров, М. Л. Владимир Маяковский / М. Л. Гаспаров // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. – Москва, 1995. – С. 363–395.

Т. Г. Ефимова
(г. Орёл, Россия)

СОБЫТИЙНО-СИТУАТИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

Аннотация. Рассматривается одна семантическая разновидность пространственных отношений – событийно-ситуативная локализация в повести И. С. Тургенева «Ася». Анализируется связь этой локализации с акциональностью, бытийностью, статуальностью. Выявляется частота употребления каждой характеристики в указанной повести; указывается способ выражения событийно-ситуативной локализации, пространственные отношения предопределяют развитие сюжета произведения.

Ключевые слова: локализация, пространственные отношения, событийно-ситуативная локализация, обстоятельства места.

Под пространственными отношениями мы понимаем обстоятельственные отношения, которые устанавливаются в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых указывает на место действия, перемещение объектов в пространстве, местонахождение предметов относительно друг друга и т.д. В зависимости от этого выделяются разные локализации. Остановимся на событийно-ситуативной, особенностях её употребления в повести И. С. Тургенева «Ася».

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «события мыслятся как происходящие не в пространстве «безграничного мира», а в его более узкой сфере – сфере личности, семьи, группы людей, коллектива, общества…» [Арутюнова 1988: 71].

Л. Н. Федосеева в качестве признаков событий, «пронизанных» пространственными отношениями, выделяет: статичность / динамичность, моментальность / длительность / повторяемость, пространственно-временную локализованность и т.д. [Федосеева 1994: 86]. В разных сочетаниях они отражаются в семантической структуре многих типов предложений (акциональных, бытийных, статальных и др.), вследствие чего получают полную характеристику в определённых синтаксических моделях, способствуют концептуальному анализу событий, то есть позволяют дифференцировать их.

Категория пространственных отношений в первую очередь связана с событийностью, ситуативностью, её основная функция – помещать в себе что-то, включать в себя что-то. Поэтому понятие «пространство» и понимается как нечто, в рамках чего может находиться объект или иметь место действия или события.

Событийно-ситуативная локализация в повести И. С. Тургенева «Ася» составляет 101 употребление (всего в произведении 291 обстоятельство места). Данная локализация самая распространённая. Это связано с тем, что «повесть написана в форме рассказа Н. Н. о том, как

много лет назад он путешествовал по Европе и в небольшом немецком городке встретился и подружился с русскими: Гагиным и его сестрой Асей. Рассказчик сообщает не только о событиях, беседах, описывает обстановку, но, и главное, воспроизводит историю своей любви, вновь переживает былое» [Калинина 1994: 85]. Мотив странствия предполагает смену пространства, а следовательно, и новые ситуации в жизни героя.

36 примеров насчитывает акциональная характеристика в пространстве, что составляет 35,6% от материала данной локализации. Особый интерес вызывает оппозиция акциональности рассказчика и Аси. Герой Н. Н. живёт «без оглядки», что «подразумевает абсолютную свободу хотений и действий без каких бы то ни было нравственных обязательств со своей стороны» [Харитонова 1994: 78]. Но он всё-таки не утратил способности отличать добро от зла. В поведении Аси присутствуют элементы театральности: 1) *Она прижалась* ***в уголок***.

Оттенок акциональности приобретают глаголы *встретить и очутиться:* 1) *Ася встретила нас* ***на*** *самом* ***пороге*** *дома*; 2) *Мы очутились* ***на*** *небольшом* ***дворике.*** Полнота жизни, бесцельное странствование героя перемещают его в различные пространства неслучайно с помощью глагола *очутиться*.

Событийно-ситуативная сторона повести также развивается с помощью второстепенных героев: 1) ***На улице*** *собралось довольно много народа*; *2)****В уголке*** *старушка вязала чулок.*

Второй по частоте употребления является характеристика «функционирования предмета в пространстве» – 21 употребление, что составляет 20,8 % от материала данной локализации: 1) *Каменья мостовой чётко* рисовались ***в*** *её неподвижных* ***луча****х*; 2) *Такой точно коммерш происходил* ***в г. Л.*** В большинстве своём действует природа. Писатель очеловечивает каждую грань пейзажа, делая её своеобразным символом. Через эти символы происходит расширение пространства: 1) *Стройный облик её отчётливо и красиво рисовался* ***на*** *ясном* ***небе.*** Чаще всего расширение пространства происходит в сумерках или в темноте: 1) ***В одном месте*** *он горел багряным золотом заката*; 2) *Освещённое окно* ***в третьем этаже*** *стукнуло и скрылось*. О. Н. Харитонова пишет, что «сам герой признаётся, что «не любил так называемых красот» природы, «не любил, чтобы она навязывалась, мешала сосредоточить внимание на человеке». Не случайно автор, знакомя читателя с З., живописует его в ночное время суток, когда городок «жутко и мирно дремлет» [Харитонова 1994: 78]. Например: 1) *Огни зажглись* ***в городе***; 2) *И* ***в*** *этой тёмной, холодной* ***глубине*** *тоже колыхались, дрожали звёзды*. Обосновавшись в З., герой чувствует себя комфортно, быть может, потому, что спокойный размеренный ритм жизни З. удивительным образом соответствует биоритму его собствен-

ного организма. Неторопливо прогуливается Н. Н. по тихим улочкам или мирно посиживает на берегу речки, проводя время в приятном созерцании. Некая таинственность и загадочность пространства заставляет читателя остановиться на рассказчике, попытаться открыть его внешнюю гармонию.

Центральным образом всякого романтического пространства выступает *луна*: 1) *Луна, казалось, пристально глядела на него* ***с*** *чистого* ***неба***. Образ луны очеловечен автором повести, но содержание традиционного приёма олицетворения осложнено у Тургенева указанием на связь двух миров – природного и социального. Кажущуюся гармонию пространства дополняют заброшенные здания, первозданная природа и волшебное пение соловья: 1) *Дорога к развалине вилась* ***по скату*** *узкой лесистой долины*; 2) *Соловей запел* ***на берегу.*** *За видимой умиротворённостью ощутим напряжённый пульс идущей своим чередом жизни*.

Раскрыть наносную гармонию главного персонажа помогает пространство уже другого города Л., в котором Н. Н. познакомился с Асей: 1) *Коммерш происходил* ***в городе Л***. Это знаковое пространство для них, ведь именно здесь миссия наставника, с наивной доверчивостью возложенная на героя Асей, оказалась Н. Н. не по плечу. В Л. жизнь бьёт ключом, там нет следа той тишины и умиротворения, что характерна для З.: играет громкая музыка, развеваются флаги.

Третья по частотности – характеристика бытийности, которая насчитывает 17 употреблений, что составляет 16,8 % от материала данной локализации: 1) ***В небе*** *не было покоя*; 2) ***На*** *противоположном* ***берегу*** *находился городок Л.*; 3) *Есть* ***на свете*** *такие счастливые лица*. Характеристика бытийности реализуется в конкретизаторах наличия или отсутствия предмета или субъекта в пространстве. Наличие субъектов в пространстве насчитывает 11 примеров: 1) *Мы живём* ***за городом***; 2) *Я жил* ***в*** *немецком небольшом* ***городишке З.*** Отсутствие субъекта в пространстве представлено 6 примерами: 1) *Татьяна уже не жила тогда* ***в*** *господском* ***доме***; 2) *Я* ***в Л***. *не бывал*. Такая разница в употреблении конкретизаторов зависит от того, что повествование ведётся от первого лица, и рассказчик вновь переживает события прошлого. Поэтому эмоциональность и взволнованность героя позволяют рассказать только о ярких моментах присутствия в пространстве, а не анализировать и отбирать различный материал.

В повести «Ася» характеристика бытийности связана с глаголом «жить»: 1) *Дядя этот жил постоянно* ***в Петербурге***; 2) *Я жил… на левом* ***берегу*** *Рейна.* Повесть затрагивает только прошлое рассказчика. Н. Н. предал Асю, а тем самым и самого себя, свои надежды. Любовь стала проверкой личностной состоятельности героя, и он её не выдержал. Он живёт в одиночестве, а в грустные минуты перебирает Асины записки. Ася же не приемлет никаких условностей, не выверяет свои

действия в соответствии с канонами этикета. Она всегда будет жить в голове и сердце Н. Н.

«Статуальная» характеристика насчитывает 12 употреблений (11,9 %): 1) *Ася осталась* ***дома***; 2) *Гагин обязался сидеть* ***дома***; 3) *Час спустя я опять сидел* ***в постели.*** Статичность свойственна в большинстве своём Асе (8 примеров): 1) ***На уступе****, точно, сидела Ася*; 2) *Она вернулась через час, остановилась* ***в дверях***. Ася стремится понравиться господину Н. Н., увлечь его за собой и надевает маски то статной дамы, то ветреной барышни, то бесстрашной и своевольной девчонки. На некоторое время статичность какой-либо роли заставляет Асю заняться процессом самопознания. Однако эта статика быстро превращается в динамику: Ася способна сменить пространственное положение, у неё изменчивое лицо, по мнению рассказчика.

В повести «Ася» «статуальная» характеристика не затрагивает неодушевлённые предметы.

9 примеров (8,9 %) в анализируемом произведении составляет характеристика зрительного и слухового восприятия субъекта. Локализация зрительного восприятия насчитывает 7 употреблений, т.е. 7,8 % от материала данной локализации: 1) *Я мельком увидал* ***за границей*** *женщину*; 2) ***В Петербурге*** *видела же она молодых людей?* 3) *Я увидел свет* ***в комнате*** *Аси*; 4) *Никого уже не было видно* ***на*** *противоположном* ***берегу***. Зрительное восприятие связано не только с глаголами *видеть, увидеть* (*увидать*), но и с глаголом *застовать* т.е. найти, увидеть в каком-нибудь месте, положении, состоянии [Федосеева 2004: 67]: 1) *Я застал обоих* ***в гостиной***.

Слуховая локализация пространства насчитывает 1 употребление в косвенном падеже имени существительного, зависимого от глагола *раздаваться*. С. И. Ожегов отмечает следующее значение у этого глагола: «О звуках: стать слышным» [Ожегов 1988: 594].

В повести «Ася» встретилась характеристика пространства, основанная на восприятии обонянием: 1) *Я…ощутил тонкий запах смолы* ***по лесам***.

Менее распространена в анализируемом произведении локализация состояния окружающей среды – 2 примера: 1) ***На дворе*** *уже совсем стемнело*; 2) ***В*** *небольшой* ***комнате*** *было довольно темно*.

Такие локализации, как локализация речевого общения, состояния субъекта, характеристика оценки места события, фазисная характеристика действия представлены единичными примерами: 1) ***На*** *одном* ***опасном месте*** *она нарочно вскрикнула*; 2) ***В толпе*** *мне было всегда особенно легко*; 3) *– Хорошо* ***в горах***? 4) *Мы станем ужинать* ***на воздухе***.

В повести «Ася» можно выделить и так называемые «индивидуальные пространства»: 1) ***В городе Л.*** *играли вальс*; 2) *Я жил* ***в*** *немец-*

ком небольшом ***городке З.***; 3) *И вот мы с ней* ***на берегах Рейна***; 4) *Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни* ***в России***; 5) ***В Лондоне*** *все мои розыски остались тщетными*.

Названия городов, в которых разворачивается вся история любви, сокращены до заглавной буквы с целью типизации пространства, а также для создания атмосферы интимности. Следует отметить, что города в повести выбраны не случайно, ведь Тургенев начинал реализовывать свой замысел творения в немецком городе Зинциг (наш городок З.), где ему всё знакомо. Город Л. – Линц.

Наиболее распространённым выражением событийно-ситуативной локализации в повести «Ася» является имя существительное в предложном падеже с предлогом *в*: 1) *Оставаться ей* ***в пансионе*** *было невозможно*; 2) *Мы живём…* ***в винограднике****…*

Через имена собственные пространство повести расширяется прямо и опосредовано. Всё, что происходит с героями в пределах двух немецких городов, – это прямое расширение пространства. Пространства, которые включаются в основное с помощью второстепенных героев, пространство, которое появляется после всей истории, то есть поиски Н. Н., – это уже опосредованное пространство.

Менее распространённым способом выступает выражение обстоятельств места с помощью наречий и местоимений.

Анализ пространственных отношений в повести «Ася» показывает, что языковые закономерности могут предопределить кульминацию и развязку поставленных в произведении проблем. Так, «возвышенное» пространство Аси оказало решающее влияние при столкновении с «тёмным» пространством рассказчика. Внешняя гармония разрушилась.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988.

2. Калинина, И. В. История одной любви / И. В. Калинина // Литература в школе. – 1994. – № 6. – С. 85–87.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Русский язык, 1988.

4. Федосеева, Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке: семантика и средства выражения : дис. … канд. филол. наук / Федосеева Л. Н. – Рязань, 2004.

5. Харитонова, О. Н. Повесть И. С. Тургенева «Ася» на уроках литературы в VIII классе / О. Н. Харитонова // Литература в школе. – 1994. – № 6. – С. 77–84.

О. М. Жабина
(г. Тула, Россия)

МЕТАФОРА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «НА РАННИХ ПОЕЗДАХ»

Аннотация. Проанализированы и выявлены особенности метафор в сборнике стихотворений Бориса Пастернака «На ранних поездах». Детально рассматривается метафора как основной троп поэзии Пастернака, показываются изменения метафоризма зрелого творчества поэта.

Ключевые слова: метафора, метафоризм, антиномия.

В сборник «На ранних поездах», изданный во время Великой Отечественной войны в 1943 году, вошло 25 стихотворений. Книга была составлена из четырёх циклов, два из которых «Художник» и «Из летних записок» полностью печатались в журналах «Знамя» и «Новый мир» в 1936 году. Открывали книгу 5 стихотворений, написанные в первые месяцы войны, последним шёл цикл «Переделкино». «Не облечённую уподоблениями, прямую и прозрачную речь в поэзии» Пастернак считал следующей стадией выражения мысли, «отлежавшейся, определившей свой смысл и только совершенствующей своё выражение в неметафорическом утверждении».

В очерке «Люди и положения» Пастернак признавался: «Я не люблю своего стиля до 1940 года… Мне чужд общий тогда распад форм, оскудение мысли, засорённый и неровный слог» [Пастернак 2004: 329]. Такой излишне категоричный вывод объясняется высокой оценкой достижений весны 1941 года, осознанных автором как создание новой поэтики.

Ахматова вспоминала о своей встрече с Пастернаком в это время: «В июле 1941 года, когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: "Я написал 9 стихотворений. Сейчас приду читать". И пришёл. Сказал: "Это только начало – я распишусь"» [Пастернак 1989: 544].

И если в стихотворениях «Второго рождения» были сформулированы принципы естественности и простоты в искусстве, то в сборнике «На ранних поездах» они были осуществлены на практике.

Но метафоричность Пастернака никуда не исчезает, она принимает качественно новый вид. Поэт сознательно ограничивает метафоричность частности, при этом сокращая до минимума образную структуру стихотворения, он увеличивает общую метафоричность произведений в целом. Когда-то в письме С. Спасскому 30 апреля 1933 года он рисовал достижимый «только в идее» предел своего стремления к «незаметному стилю», который предполагает полновесную значимость каждого слова: «Лишь на какой-то высоте может она себе позволить последнюю и широчайшую метафору самоуподобления

простому человеку, пользующемуся языком как естественным средством общенья. Только на этой вершине удаётся ей этот распространённейший до последней воздушности (и уже драматический) образ, который она оставляет не обнесенным рамою частного метафоризма, потому что он должен сдерживаться (если не распадается) метафоризмом энергии, его пропитавшей. Тогда только и значат все слова, и самая серость их точного смысла становится музыкой» [Пастернак 1989: 549].

Стихотворный сборник «На ранних поездах» стал определённым шагом в этом движении, обусловленным всем предшествующим развитием поэтического мастерства, требовавшим ясности и трезвости мысли.

Основные темы творчества поэта находят свою реализацию в этом сборнике – темы смерти и бессмертия, поэта и поэзии. К теме города, пронизывающей творчество 20-х годов, примыкает «дачная» тема. Широко представлена тема природы. Определяется отношение художника к истории. Стихотворение «Город» [Пастернак 2003: 111–112] представляет собой новый вариант традиционной темы современного города как живого воплощения истории.

Он создал тысячи диковин
И может не бояться стуж.
Он с ног до головы духовен
Мильоном в нём живущих душ.

Когда надменно, руки фетром,
В снега он смотрит свысока,
Он роще кажется бессмертным:
Здесь ель да шишки, там – века.
И разве он и впрямь не вечен,
Когда зимой, с разбега вдаль,
Он всем скрещеньем поперечин
Вонзает в запад магистраль.

Пастернак даёт городу метафору Творца: «создал», «бессмертный», «вечен», «духовен». Поэт не противопоставляет город и природу, для него и то и другое – жизнь, вечность. Так, в стихотворении «Сосны» [Пастернак 2003: 107] переделкинского цикла он пишет:

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болей и эпидемий
И от смертей освобождены.

Метафора вечности, бессмертия распространяется на мир природы и поэта, который к нему причастен. А. А. Ахматова писала: «Природа всю жизнь была его единственной и полноправной музой, его тайной собеседницей, его Невестой и возлюбленной, его женой и вдо-

вой – она была ему тем же, чем была Россия – Блоку. Он остался ей верен до конца, и она по-царски награждала его» [Ахматова 2001: 153].

Но природа для Пастернака – не предмет для пейзажных зарисовок, это – другое название жизни, пример душевного здоровья, естественности и красоты, которые нужно перенести в искусство, приобщить к духовному миру человека. Критика, обвинявшая поэзию Пастернака 20-х годов в «комнатности», теперь наградила его устойчивым определением «дачника». Но если искусство XX века есть по преимуществу искусство большого города, то вполне естественно, что современный человек сталкивался с природой именно на даче, и его размышления рождаются под впечатлением бедного загородного пейзажа. *Края непуганых птиц* остаются экзотикой, и сердцу горожанина по-прежнему скажут больше *песчаный косогор – перед калиткой две рябины.*

Цикл «Переделкино» стал определяющим в новой поэтике Пастернака. Посылая книгу «На ранних поездах» в осаждённый Ленинград О. Фрейденберг, Пастернак писал 5 ноября 1943 года: «Посылаю тебе книжечку, слишком тощую, очень запоздалую и чересчур ничтожную, чтобы можно было о ней говорить. В ней есть только несколько здоровых страниц, написанных по-настоящему. Это цикл начала 1941 года «Переделкино» (в конце книги). Это образец того, как стал бы я теперь писать вообще, если бы мог заниматься свободною оригинальной работой. Это было перед самой войной» [Пастернак 1989: 550].

В цикле показаны все времена года и опытный, уже анализирующий прошедшую жизнь взгляд художника. Прежняя метафора *дорога – жизнь* осмысляется по-новому:

Поезд ушёл. Насыпь черна.

Где я дорогу впотьмах раздобуду.

Неузнаваемая сторона, хоть я и сутки отсюда [Пастернак 2003: 116].

Новый взгляд, новые ощущения, *это поле не новое чудо, это, как прежде снова весна*. «Новое» и «снова» – метафора возрождения была одной из главных в творчестве Пастернака.

Звук, оттенок, ощущение, деталь – это всё часть жизни, сама жизнь, и поэтому «речь половодья – бред бытия». В этом «новом чуде» бытия, в этой действительности находит своё место сказка. В сборнике сильны сказочные мотивы. Приход зимы воспринимается как маскарад:

Опять эти белые мухи,

И крыши, и святочный дед,

И трубы, и лес лопоухий

Шутом маскарадным одет [Пастернак 2003: 110].

Замирание, умирание природы – *сквозь жёлтый ужас листьев уставилась зима* – сначала наводит ужас, но в этой смерти начало новой жизни, бессмертие, вечность.

И белому мёртвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даёшь» [Пастернак 2003: 108–109].

Как и прежде соединяя несоединимое («дух сквозняка»), Пастернак делает метафорой жизни танец, ёлку, зимний праздник, которая как пламя свечи гаснет.

И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задувающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. Фук. Фук. Фук [Пастернак 2003: 112–113].

Повторяющиеся глухие согласные и гласный *у* создают образ последнего дуновения, выдоха – метафора смерти.

А в будущем, в бесконечности, в бессмертии у Пастернака Россия:

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты [Пастернак 2003: 115].

Сочетая антиномии (*на улице ни зги, лесная темь – света хитрые морщины*; *горячая духота вагона – обдавало черемуховым свежим мылом; надмирно высились созвездья – выходим из метро*) Пастернак завершает заглавное стихотворение сборника метафорой прекрасного будущего.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду [Пастернак 2003: 116].

Когда-то Маяковский писал: «Не обязательно писать о войне, но обязательно писать войной». Именно «войной» написаны «Стихи о войне» сборника «На ранних поездах», потому что они выбиваются из общего потока стихотворений о войне того периода. Освобождение от врагов у Пастернака идёт от внутренней свободы, от причастности к прошлой жизни, к культуре, к природе, к прекрасному.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана [Пастернак 2003: 125].

Война воспринимается поэтом, как нарушение сказки (мотив сказки в этом цикле также широко представлен), которая выступает здесь как метафора детства.

Мальчик маленький в кроватке,
Бури озверелый рев.
Каркающих стай девятки
Разлетаются с дерев.
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре [Пастернак 2003: 123].

Враг – вихрь, буря, змей, чешуя дракона. Пастернак обращается к легенде о Георгии-победоносце, к прошлому, и снова родина выступает метафорой будущего.

И родина, как голос пущи,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою берёзовой.

Он перешёл земли границы,
И будущность как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная [Пастернак 2003: 145].

Поэт избегает изображать батальные сцены, а предпочитает рисовать жизнь, именно жизнь, ассоциируя её с России волшебной книгой, с почкой берёзовой, с ширью небесной.

Всепроникаемость, взаимосвязь всего сущего в сборнике «На ранних поездах» выражает себя не на открытой площади исторических битв. Она, эта связь всего со всем, безусловно «уже», так как опирается на ближние контакты, но в то же время она и «шире», ибо объясняет сферу общечеловеческого. Пастернак исходит из очевидных, наличных ценностей жизни, которые всегда «вот тут», под боком, и даже могут кому-то показаться «малыми», но которые тем не менее оправдывают и укрепляют все бытие.

Вторжение действительности в сознание поэта преображало эту действительность, делало её «видимой» читателю стихотворения. Если в ранней лирике Пастернак строит свои стихотворения, нанизывая ассоциации и образы, обновляя метафоры, чтобы показать цепь сменяющихся картин, то в зрелом творчестве он разворачивает метафору на всё стихотворение, и ассоциации принадлежат всё же к одной метафоре, к одному образу.

Библиографический список

1. Ахматова, А. А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5 / А. А. Ахматова : Биографическая проза; Pro domo sua; Рецензии. Интервью. – Москва : Эллис Лак. – 2001.

2. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959 / сост. и коммент. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак / Б. Л. Пастернак. – Москва : СЛОВО/SLOVO, 2003.

3. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 3: Повести. Статьи. Эссе. / сост. и коммент. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак / Б. Л. Пастернак. – Москва : СЛОВО/SLOVO, 2003.

4. Пастернак, Е. Б. Борис Пастернак: материалы для биографии / Е. Б. Пастернак. – Москва, 1989.

А. М. Зайцева
(г. Пенза, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Аннотация. Исследуются особенности вербализации концепта «родина» в поэзии Сергея Есенина. Выбранный концепт является одним из важнейших в творчестве поэта. Языковой анализ концепта соотносительно с мировоззрением С. Есенина позволил установить, что чаще всего он представлен лексемами *родина* (*Родина*), *Русь*, *Россия*, *отчизна* и др. При анализе особое внимание уделяется лексическим средствам, представляющим семантические поля и выразительным средствам языка, позволяющим глубже раскрыть концептуальную составляющую творчества поэта.

Ключевые слова: концепт, поэзия С. Есенина, Родина, вербализация концепта, семантические поля.

Термин «концепт» стал достоянием лингвистики в середине XX в., впервые употреблён в 1928 г. в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Автор определял концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 30].

Поэтическое наследие Сергея Есенина богато и разнообразно. Исследованием его произведений активно занимались такие ученые, как Л. Л. Бельская, С. П. Кошечкин, Н. М. Любимов и др. Следует отметить, что многие работы носят литературоведческий характер, а языковая картина мира поэта остается недостаточно изученной. Когнитивная лингвистика является развивающимся направлением современного языкознания, которое рассматривает вопросы хранения и способы передачи в языке информации о мире. За относительно небольшой период становления данной дисциплины учёными В. В. Виноградовым, Д. С. Лихачёвым, С. А. Аскольдовым, Е. И. Ярославцевой, В. А. Масловой, А. Вежбицкой и др. были разработаны теория и методика исследования языка художественных произведений.

Цель работы – исследование части языковой картины мира С. Есенина. Языковая картина мира поэта, выраженная в его стихах и поэмах [Маслова 2004: 256], включает в себя универсальные, национальные и индивидуально-авторские концепты и отличается их слож-

ным взаимодействием. Исследование концепта «родина», одного из важнейших для поэта, позволяет увидеть уникальность его соотношения с другими концептами и своеобразие русской национальной картины мира.

Возникают следующие задачи: определение места концепта «родина» в языковой картине мира С. Есенина и исследование его структуры, выявление индивидуально-авторских особенностей презентации окружающего мира в национальном контексте, обнаружение связи концепта «родина» с другими значимыми для русского человека концептами.

Концепт «родина» является одним из базовых русских национальных концептов. Наряду с концептами «любовь», «добро», «тоска», «жизнь», «милосердие» он составляет русскую языковую картину мира.

Концепт «родина» – один из важнейших в творчестве С. Есенина. Об этом можно судить, например, по названиям его стихотворений: «Гой ты, Русь, моя родная…», «Руси», «О родина!», «Русь» и т.п.

Концепт «родина» у Сергея Есенина очень сложный. С одной стороны, в нём отразилась история формирования русского общества (прошлое России, уклад, культура и др.), субъективное восприятие настоящего и представления-мечты о будущем, с другой – данное понятие вбирает в себя конкретные предметы, явления действительности (природа, социум и др.).

Говоря о родине, поэт использует следующие слова: *Русь*, *Россия*, *Руссия*, *родина*, *земля*, *сторона*, *страна*, *сторонка*, *отчизна*, *край*, *кров*, *место*, *очаг*, *дом* и др., выступая в качестве синонимов. Например: «Не в моего ты бога верила, // Россия, родина моя!», «Гибни, край мой! // Гибни, Русь моя... » и др. Для называния родины поэт придумывает новые слова. К примеру, слово *Руссия* было создано в результате соединения слов *Русь* и *Россия*: «По тебе молюся я // Из мужичьих мест; // Из прозревшей Руссии // Он несёт свой крест» («Пришествие», 1919).

Несмотря на то, что слова *Русь*, *Россия*, *сторона*, *край* и др., используемые С. Есениным для наименования родины, употребляются как синонимы, не всегда обозначают одно и то же понятие, так как представление о величине родины у поэта постоянно претерпевало изменения. Родина могла ассоциироваться с родным селом или губернией, где родился лирический герой («Я покинул родимый дом, // Голубую оставил Русь», «Гой ты, Русь, моя родная, // Хаты – в ризах образа.», «Край ты мой заброшенный, // Край ты мой, пустырь, // Сенокос некошеный, // Лес да монастырь», др.), а также со всей территорией Российской империи («И знакомые взору просторы // Уж не так под луной хороши. // Буераки, пеньки. косогоры // Обпечалили русскую ширь», «Я буду воспевать // Всем существом в поэте // Шестую часть земли // С названьем кратким ″Русь″»).

В произведениях С. Есенина очень много русских имен собственных: названия городов (Москва, Челябинск, Тамбов, Казань, Питер и др.), улиц (Тверской бульвар и др.), рек и морей (Нева, Дон, Каспий и др.), губерний (Рязанская, Тверская и др.), целых регионов (Сибирь, Урал и др.), что способствует концептуализации понятия «родина». Можно проследить определённую специфику в восприятии лирическим героем поэта российских городов. Например, прослеживается неприязнь к Москве. Она ассоциируется с тиранией, антихристом («Пусть знает, пусть слышит Москва – // На расправы её мы взбыстрим», «Царь московский антихриста вызывает » и др.). Заметно выделение среди русских городов Новгорода и Петербурга, являющимися символами свободы и воли («Но сильней всего // Те встревожены. // Кто не хочет сдать // Вольный Питер-град», «Берегись ты теперь, гордый Новоград!»).

Концепт «родина» в поэзии Сергея Есенина включает в себя такие семантические поля, как 'природа', 'пространство', 'народ', 'история', 'культура', 'религия' и др. Они, постоянно взаимодействуя между собой, накладываются друг на друга и образуют единое языковое целое.

Семантическое поле 'пространство' концептуализируют существительные *равнина, дорога, земля, гора, поле, пашня, лес, ширь, буераки, равнинность* и др.; семантическое поле 'народ' – слова *россияне, гражданин, родимый, родной, люд, россы, житель, мужик* и др.; семантическое поле 'населённые пункты' – существительные *город, деревня, село, изба, дом, окно* и др. Многочисленным является семантическое поле 'религия'. В представлении С. Есенина его родина является православной по духу, поэтому в текстах встречаются: библейские имена (Иисус Христос, Мария, Ирод, Иуда, апостол Андрей, Авраам, Лот, Петр и др.); названия «святых» мест или мест паломничества (Иордань, Назарет и др.); верующих людей (послушник, инок и др.); предметов культа (крест, образ, риза, лампада, божница и др.). Многие слова могут принадлежать сразу к нескольким семантическим полям.

Лирический герой поэта часто признается в любви к родине, почитает и уважает её. Передать это отношение позволяют такие глаголы, как *верить, молиться, любить, думать* («О Русь, покойный уголок, // Тебя люблю, тебе и верую» и др.).

В поэзии Сергея Есенина концепт «родина» связан с темой странничества, пути, дороги: «Не вернусь я в отчий дом, // Вечно странствующий странник. // Об ушедшем над прудом // Пусть тоскует конопляник», «Снег у крыльца как песок зыбучий. // Вот при такой же луне без слов, // Шапку из кошки на лоб нахлобучив, // Тайно покинул я отчий кров» и др.

С характерной для поэта склонностью одушевлять всё живое, всё окружающее его, он и к России обращается как к любимому, родному, близкому ему человеку: «Гой ты, Русь, моя родная». Об отношении лирического героя к родине говорят определения, подбираемые к словам *Русь*, *край*, *родина*, *сторона*, *земля*. К слову *Русь* поэт выбирает такие определения, как *родная*, *задремавшая*, *голубая*, *деревянная*, *берёзовая*, *любимая*, *бесприютная* и др. *Край* Есенин называет *родным*, *любимым*, *заброшенным*, *задумчивым*, *нежным* и др. *Родина* для поэта *милая* и *кроткая*. К слову *сторона* выбирает определения *далёкая*, *азиатская* и др. *Землю* называет *неразгаданной*, *прекрасной*, *нездешней* и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «родина» в поэзии С. Есенина занимает важное место. Анализ творческого наследия поэта показал, что исследуемый концепт вербализуется лексемами *Родина, Русь, край* и др. и тесно связан с другими концептами. Они позволяют более полно отразить языковую картину мира поэта Сергея Есенина.

Библиографический список

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / под ред. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 21–41.

2. Бельская, Л. Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина : кн. для учителя / Л. Л. Бельская. – Москва : Просвещение, 1990.

3. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 3 т. / С. А. Есенин. – Москва : Правда, 1983.

4. Коржан, В. В. Есенин и народная поэзия / В. В. Коржан. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1969.

5. Марченко, А. М. Поэтический мир Есенина / А. М. Марченко. – 2-е изд., доп. – Москва : Советский писатель, 1989.

6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004.

Л. Л. Карапетян
(г. Пенза, Россия)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНСТРАСТА В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Аннотация. Рассмотрены способы выражения контраста в поэзии М. Ю. Лермонтова на разных языковых уровнях. Определены виды словообразовательных антонимов, функционирующих в стихотворениях поэта. Выявлены синтаксические функции антонимов и проанализированы группы лексических антонимов в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: контрастность, антонимия, антонимы, языковые уровни, поэзия М. Ю. Лермонтова.

При рассмотрении риторических фигур, построенных по принципу контраста, выявляется «ситуация контраста», создание которой обусловлено функционированием единиц различного уровня – интонацией, порядком слов, союзами, частицами, словами с антонимичной семантикой [Кузнецова: 1998: 4] и др. Создавая поэтические тексты, М. Ю. Лермонтов использует яркие выразительные средства языка, основанные на контрасте. Так как понятие контраста связано, прежде всего, с явлением антонимии, стоит рассмотреть те способы выражения контраста, которые базируются именно на этом языковом явлении.

Рассмотрим способы выражения контраста в поэзии М. Ю. Лермонтова на словообразовательном уровне.

Словообразование русского языка располагает богатым арсеналом средств для выражения словообразовательной антонимии (антонимия производных слов) разных типов. То есть особый статус производных антонимов состоит в том, что они в отличие от непроизводных включаются не только в лексическую, но и в словообразовательную систему.

Многообразие типов словообразовательных антонимов свидетельствует об их существенной роли в систематизации лексического состава русского языка, причём по отношению к основной комплексной единице словообразования словообразовательному гнезду можно выделить два основных типа: словообразовательные антонимы внутри одного словообразовательного гнезда (весёлый – невесёлый, красиво – некрасиво, входить – выходить, усатый – безусый) и антонимы, соединяющие разные словообразовательные гнезда, образуя антонимические гнёзда (север – юг, северянин – южанин, северянка – южанка, северный – южный; широкий – узкий, широковатый – узковатый, широконький – узенький и т.д.) [Собирова 2014: 282].

Словообразовательные антонимы внутри одного словообразовательного гнезда как правило являются однокоренными. В творчестве М. Ю. Лермонтова можно увидеть следующие примеры: «уж, верно, час она / Их *расплетала*, *заплетала*!», «С минуту лишь с бульвара *прибежав*, / Я взял перо …», «Я *убежал*. О, я как брат / Обняться с бурей был бы рад!»; «И *входит* он, любить готовый...», «*Выхожу* один я на дорогу...»; «С душой, *открытой* для добра» / «*Закрой* глаза, творец небес!».

В стихотворении поэта «Земля и небо» яркий пример антонимов, соединяющих разные словообразовательные гнезда, которые, в свою очередь, наоборот, являются разнокоренными: «Как *землю* нам больше *небес* не любить? / Нам *небесное* счастье темно; / Хоть счастье *земное* и меньше в сто раз...».

Внутри одного поэтического произведения автора с большой редкостью можно наблюдать однокоренные словообразовательные антонимы, гораздо чаще встречаются разнокоренные.

Рассмотрим способы выражения контраста в поэзии поэта на морфологическом уровне.

Как мы сказали выше, антонимический ряд составляют слова, принадлежащие к одной и той же части речи. В антонимические отношения вступают как знаменательные части речи (существительные, глаголы, прилагательные и др.), так и служебные (например, предлоги: в – из, над – под, с – без и др.). Не имеют антонимов имена собственные, имена числительные, большинство местоимений и практически все термины.

В произведениях М. Ю. Лермонтова, по нашим наблюдениям, большая часть антонимов относится к такой части речи, как имя существительное: «Меж *радостью* и *горестью* срединой, / Моё теснилось сердце», «И так уж было решено, / Что *жизнь* и *смерть* – все за одно!!!», «Потом *страданьем* и *тревогой* / За *дни блаженства* заплатил», «Прекрасна, как *ангел* небесный, / Как *демон*, коварна и зла» и т.д.

Также в творчестве поэта есть большое количество антонимов, относящихся к другим частям речи: прилагательным «Когда любил в огне мучений злых / Я женщин *мертвых* более *живых*», «Меж тем вдали то *грустный*, то *веселый* / Раздался звук обычной баркаролы» «Я любим, / Хоть только существом одним, / Хоть в *первый* и *последний* раз»; глаголам «Или не знал – или забыл, / Как *ненавидел* и *любил*», «Я *хладею* и *горю*, / Сам с собою говорю»; наречиям «Что мешает в час такой / Наполнить сердце, жившее так *много* / И так *недолго* с смутною тревогой?», «И жизнь всечасно кочевая, / Труды, заботы *ночь и днем*», «Тихонько всадник проезжал, / Кругом, *налево и направо*»; предлогам «*Под* ним струя светлей лазури, / *Над* ним луч солнца золотой».

Можно сделать вывод, что именно поэтические слова, выраженные именами существительными, в большей мере, чем остальные части речи вступают в антонимические отношения. Меньше всего антонимов встречается среди служебных частей речи.

Лексические антонимы – слова, противоположные по лексическому значению. Стилистической особенностью многих стихотворений М. Ю. Лермонтова на уровне лексики является неоднократное использование антонимов различных типов. Это помогает поэту создавать образы удивительно контрастные, а также противопоставлять внутренний мир лирического героя внешнему, что является одним из ведущих мотивов творчества поэта. Рассмотрим наиболее яркие примеры: «Когда росой обрызганный душистой, / Румяным *вечером* иль *утра* в час златой, / Из-под куста мне ландыш серебристый /Приветливо кивает головой».

Антонимы, представленные в этом стихотворении, обозначают временные и пространственные отношения. Данные языковые антони-

мы являются разнокоренными. По смыслу они контрарные (градуальные), так как выражают крайние симметричные члены какого-либо упорядоченного множества (обозначающего различные ступени, грани проявления чего-либо, т.е. представляющего собой некий градационный ряд) [Алефиренко 2004: 223]: УТРО – ВЕЧЕР (крайние точки градационного ряда, в котором есть еще промежуточные понятия о времени суток: день, ночь.): «И черные глаза, остановясь на мне, / Исполнены таинственной печали, / Как сталь твоя при трепетном огне, / То вдруг *тускнели,* то *сверкали…*».

В приведённом отрывке из стихотворения «Кинжал» можно увидеть разнокоренные речевые антонимы, которые по смыслу являются также контрарными, так как эти антонимы могут выражать противоположные качества, постепенно возрастающие или убывающие, как и в стихотворении «Дума»: «И *ненавидим* мы, и *любим* мы случайно, / Ничем, не жертвуя ни *злобе*, ни *любви*, / И царствует в *душе* какой-то *холод* тайный, / Когда *огонь* кипит в *крови…*».

В сложную антитезу вовлечено несколько антонимических пар. Первая пара – *ненавидим / любим* – пара языковых антонимов, обозначающих эмоциональное действие. Это разнокоренные векторные антонимы, обозначающие разнонаправленные действия. В данном отрывке *любовь* противопоставляется *злобе*, тем самым слова вступают в антонимические отношения и становятся речевыми антонимами. Ещё одной парой, антонимичность которых обусловлена контекстом, выступают слова *душа и кровь.* В особый тип антонимических отношений вступают слова *холод и огонь.* Антонимичность этих слов вновь обусловлена контекстом. Это речевые антонимы, поэтому если рассматривать эти слова вне контекста, то они не являются антонимами. Слово «огонь» может нести разную смысловую нагрузку и поэтому подобрать антоним к нему, не учитывая контекста, невозможно, так как антонимы в одних случаях будут разными, а в других – их и вовсе нельзя подобрать. *Душа – кровь, холод – огонь, любовь – злоба* – это все примеры комплементарных антонимов, так как в данном контексте они обозначают взаимоисключающие, противоречащие друг другу качества и понятия: «В сырой земле и в яме *неглубокой* – / Там спит герой, друзья! – Наполеон!» («Наполеон»), «В *глубокой* теснине Дарьяла, / Где роется Терек во мгле» («Тамара»)

Слова *глубокой и неглубокой* являются однокоренными языковыми антонимами.

Таким образом, наиболее продуктивными в произведениях поэта можно назвать разнокоренные антонимы, которые по смысловому типу довольно сложно разграничить, так как они являются контекстуальными. Такого рода антонимы возникают в определённом контексте или

в конкретной речевой ситуации, взятые вне контекста или вне речевой обстановки, они перестают быть антонимами.

Закономерным является то, что антонимы могут выполнять различные синтаксические функции. Это зависит в первую очередь от частеречной принадлежности слов.

Вновь обратимся к вышеприведенному отрывку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума», чтобы рассмотреть способы выражения контраста на синтаксическом уровне.

Ненавидим и любим – это однородные простые глагольные сказуемые, выраженные глаголами. *Не жертвуя* «чему?» ***ни злобе, ни любви*** – это косвенные дополнения, выраженные именами существительными в дательном падеже. *И царствует в душе какой-то* ***холод*** *тайный* – «холод» является предметом речи, действие которого выражается сказуемым «царствует», таким образом, можно сказать, что «холод» – подлежащее. Аналогичная ситуация и с его антонимической парой «огонь». *Огонь* «что делает?» *кипит*. *Холод царствует* «где?» – *в душе / огонь кипит* «где?» *в крови*. «В душе» и «в крови» являются обстоятельствами места. Из приведенных примеров становится понятно, что антонимы в стихотворных текстах Лермонтова могут выполнять любую синтаксическую функцию в предложении. Логично, что антонимы одной и той же антонимической пары выполняю одинаковые функции.

Таким образом, языковая система контраста в творчестве М. Ю. Лермонтова отличается сложностью, многообразием именно потому, что является воплощением одного из основных творческих принципов художника, обусловленного особенностями мировосприятия, творческого мышления, художественного метода, менталитета, отражающегося во всех языковых элементах художественной структуры его произведений.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Академия, 2004.

2. Кузнецова, А. В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова А. В. – Ростов-на-Дону, 1998.

3. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени: Стихотворения. Поэмы. Роман / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Эксмо, сер.: Русская классика, 2014.

4. Собирова, Б. Б. Антонимия как языковое явление / Б. Б. Собирова // Молодой учёный. – 2014. – № 4. – С. 281–283.

М. К. Клименчук
(г. Владивосток, Россия)

ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ СОЗДАНИИ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ДИСКУРСЕ С. Д. ДОВЛАТОВА

Аннотация. Представлен анализ функционирования языковой игры как средства создания комического дискурсе С. Д. Довлатова. На примере повестей «Компромисс» и «Филиал» были рассмотрены такие разновидности языковой игры, как парономазия и многозначность. Проанализированные примеры подтвердили, что языковая игра является одним из самых продуктивных средств комического в прозе С. Д. Довлатова.

Ключевые слова: дискурс, С. Д. Довлатов, языковая игра, парономазия, многозначность, комическое.

Комическое является одной из самых сложных эстетических категорий, к изучению которой в разное время обращались философы, эстетики, литературоведы. Лингвистика не стала исключением и внесла свой вклад в изучение комического, в частности, исследователи-лингвисты обращают внимание на языковые средства и приёмы создания комического эффекта в различных текстах. Развивающийся в современной антропоцентрической лингвистике интерес к анализу языка художественных произведений обусловливает актуальность темы исследования. Цель работы – описать функционирование языковой игры в дискурсе С. Д. Довлатова.

Особенностью произведений С. Д. Довлатова, советского и американского прозаика и журналиста, является комический эффект, который реализуется на всех уровнях языковой системы. Анализ прозы С. Д. Довлатова показал, что языковая игра является одним из центральных и эффективных средств для передачи комического эффекта, использованных писателем. Игра слов в произведениях С. Д. Довлатова реализуется через парономазию и многозначность.

Приведём примеры.

1. Парономазия.

Слушайте, я хохму придумал: «Все люди делятся на ***большевиков*** *и* ***башлевиков****...»* [Довлатов 1981].

В данном примере обыгрываются пароним «большевик» и авторский неологизм «башлевик». Очевидно, герой, создавая такую языковую игру, основывался и на значении данных слов. Так, исходя из речи героя, большевик – человек, имеющий престижное место работы, а «башлевик» – простой рабочий (отталкиваясь от значения слова «башлять» – «зарабатывать деньги, финансировать кого-либо» [Елистратов 2000: 30]).

Следующий пример иллюстрирует столкновение паронимов «посторонний» («тот, кто не состоит в близких отношениях с кем-либо;

чужой» [Ефремова 2000]) – «потусторонний» («нездешний, не земной; загробный» [Там же]). Герой произведения, недовольный ответом женщины, с иронией переозвучивает сказанное ею слово:

Навстречу шла женщина в белом халате.

*– **Посторонним** сюда нельзя.*

*– А **потусторонним**, – спрашиваю, – можно?* [Довлатов 1981].

В следующем примере языковая игра создается путем столкновения паронимов:

Своеобразный ты человек. В Калифорнию ехать не хочешь. О будущей России не задумываешься.

*– Я еще с прошлым не разобрался… И вообще, что тут думать? **Поживём – увидим**.*

*– **Увидим**, – согласился редактор, – **если доживём*** [Довлатов 1989].

Здесь сталкиваются паронимы «доживём» – «поживём». Употребляя устойчивое выражение «поживем – увидим», герой произведения дает своему собеседнику понять, что то, о чем они говорят, пока не известно для него. Однако собеседник отвечает герою репликой, в которой выражение «поживём – увидим» иронично заменяется на «увидим, если доживём». Говорящий таким образом вносит в значение фразы новый смысл.

2. Многозначность.

Выпив буквально две рюмки, Хлопина, становилась опасной. Если ей что-то не нравилось, она не подбирала выражений. Помню, она кричала заместителю редактора молодежной газеты Вейсблату:

*– Нет, вы только послушайте! Он же **тёмный**, как **Армстронг**! Его в гараж механиком не примут!* [Довлатов 1981].

Здесь языковая игра основана на многозначности слова: «тёмный» в значении «неграмотный, невежественный, некультурный» [Ефремова 2000] и «темный» как описание цвета кожи.

<…> Зарабатываем больше тысячи в неделю. Через день по ресторанам ходим. Что хотим заказываем: сациви, бастурму, шашлык на ребрышках…

– Не похоже, – говорю, – вы тощий.

Таксист снова поглядел на меня:

*– Так ведь я **кушаю**. Но и меня **кушают**…* [Довлатов 1989].

В данном примере комический эффект создается путем использования в приведенном контексте многозначного просторечного слова «кушать». В первой реплике слова употреблено в прямом значении – принимать пищу, во второй фразе значение слова изменяется и воспринимается с другим смыслом – под фразой «меня кушают» герой понимает не прием пищи, а, очевидно, упреки, брань (есть – «бранить, изводить упреками» [Ефремова 2000]).

Таким образом, проведённый анализ феномена языковой игры, основанной на парономазии и многозначности, показал её эффективность при экспликации комического эффекта в дискурсе С. Д. Довлатова.

Библиографический список

1. Влавацкая, М. В. Языковые особенности создания комического эффекта в аспекте сочетаемости слов / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1, ч. 2. – С. 94–99.

2. Довлатов, С. Д. Компромисс / С. Д. Довлатов. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1981. – URL: http://sergeidovlatov.com/books/compromiss.html

3. Довлатов, С. Д. Филиал / С. Д. Довлатов // Звезда. – № 10. – 1989. – URL: http://sergeidovlatov.com/books/filial.html

4. Елистратов, В. С. Словарь русского арго / В. С. Елистратов. – Москва : Русские словари, 2002. – 694 с.

5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – URL: https://www.efremova.info/.

6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

А. Ксёнжек
(г. Краков, Польша)

МОДЕРНИСТСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА)

Аннотация. Исследуется проблема образования авторских неологизмов в модернистской поэзии. Дается характеристика окказионализмов и рассматриваются их функции в поэтических произведениях. В дальнейшем проводится анализ особенностей словообразовательной деятельности основателя эгофутуризма Игоря Северянина. Особому рассмотрению подвергаются образованные им неологизмы, содержащие заимствованные компоненты.

Ключевые слова: модернизм, неологизмы, функции новообразований, Игорь Северянин, иноязычные компоненты.

Литература Серебряного века представляет собой широкий спектр модернистских тенденций, развитие которых привело к значительным изменениям в восприятии роли поэзии. Отказ от реалистической манеры представления художественного образа, а также поиски эффективных способов воздействия на публику нашли отражение в новаторских экспериментах с формой и звуковой организацией стиха. Одним из наиболее активно применяемых средств художественной выразительности стало образование авторских неологизмов, заключаю-

щих в своей сложной семантике различные смыслы и утверждающих индивидуальность стиля модернистского поэта. Новые приёмы словообразовательной игры дали автором почти бескрайнюю свободу в создании лексем, обуславливая широкое поле для творческой деятельности и самовыражения.

На возникновение модернистских течений оказали влияние кардинальные изменения в культурной парадигме Европы конца XIX века. Ищущие гармонию в быстро меняющемся мире поэты стремились к усовершенствованию эстетики поэзии, заново воспринимаемой как высшая форма духовной деятельности человека. С другой стороны, рост городов, техническая революция и изменения в структуре общества вызывали интерес интеллигенции к внешним аспектам существования, таким как роскошь, движение и техника. Данное явление сопровождалось кризисом общественной этики и морали, связанным с отрицанием идеи исторического прогресса и ответственности за развитие общества [Барковская 1999: 6-15].

Сам термин «модернизм» охватывает неоднородные, часто антагонистичные направления в искусстве, возникшие на рубеже XIX и XX веков. Однако при сопоставлении их с предыдущими течениями, определившими характер традиционной литературы, можно заметить отдельные сходства. Для модернистских тенденций характерны: кризис системы ценностей, основанной на христианской традиции, сильный субъективизм в восприятии мира, а также склонность поэтов и художников к самоанализу. В модернистских произведениях преобладает антиутопия и отвержение идеализированного образа действительности. В поэтических произведениях подчёркивается сильная связь содержания стиха с его формальной организацией, все более отличающейся от закреплённых в традиции образцов. Наряду с отходом от рифмы и деформациями ритмической организации стихов, поэты обращаются к образованию окказионализмов, позволяющих передать новые значения и смыслы.

Как отмечает В. В. Лопатин, авторские неологизмы отличаются особой экспрессией, эмоциональной нагрузкой и более верно, чем узуальные слова, передают заложенные писателем идеи [Лопатин 1973: 65]. В модернистских текстах окказиональные слова выполняют множество функций. Основные из них выделила Т. Н. Коршунова, исследующая язык Игоря Северянина. К ним относятся следующие функции: номинативная (именование реалий, представленных в поэтическом тексте), деривационная (заполнение лексических лакун), компрессивная (ограничение средств выражения при передаче широких смыслов), коннотативная (выражение оценок и внутреннего состояния лирического героя), акцентная (выделение важнейших смыслов, требующих усиленного внимания читателя), инструментальная (обеспечение звукового порядка стихотворения), верификационная (сохранение

точности рифмы и ритма), эстетическая (создание определенной картины в произведении) и текстообразующая (обеспечение связности текста) [Коршунова 1999: 187-210]. Неологизмы могут выполнять несколько функций одновременно, составляя неотъемлемый компонент произведения (полифункциональные неологизмы). В поэтическом тексте они выступают преимущественно в роли метафор, передавая переносные значения определённых фраз, либо целого стихотворения.

Отдельной характеристикой обладают заимствования, либо неологизмы, образованные на базе заимствованных корней и аффиксов. Их употребление может быть вызвано социально-психологическим фактором, согласно которому заимствованные слова воспринимаются в обществе как более престижные, чем их синонимы в родном языке. Итак, в эпохе моды на французский язык, в русскую литературную лексику был заимствован целый ряд французских лексем, среди которых многочисленные вошли в широкое употребление. Заимствования могут служить также средством стилизации, передавая особенности языка литературного героя, как правило, представителя высших слоёв общества. С другой стороны, чрезмерное употребление заимствованных слов может вызвать иронический эффект, что служит передаче субъективной оценки автора. С помощью такой гиперболы, поэт косвенно придаёт данному персонажу отрицательные черты, а также критикует определённые навыки, выступающие в обществе. Чужеродные слова могут также употребляться с целью избегания речевого шаблона. Им присущ характер новизны, имеющий целью привлечь внимание читателя.

Наряду с вышеуказанным, одной из важнейших функций заимствований как вида неологизмов является номинация. Заимствованные единицы называют реалии жизни других народов, а также предметы и явления, не имеющие эквивалента в русской лексике. Е. Н. Матвеева отмечает, что варваризмы выполняют изобразительную функцию и служат сохранению экзотического колорита изображённого мира. Они выступают в роли фона в произведениях, действие которых разворачивается в зарубежных странах [Матвеева 2009: 70–76]. Иногда они сами составляют объект рассуждений, либо элемент описания, представляемый как редкий и изысканный.

Особым видом заимствований, с точки зрения семантики, является сочетание иноязычных корней и русских аффиксов или окончаний. Возникший таким путём межъязыковой гибрид содержит семантические элементы двух языковых систем, которые взаимно обогащаются новыми значениями. Данные новообразования охватывают реалии жизни разных обществ, что обеспечивает их уникальный характер. С другой стороны, наличие иноязычного компонента может усложнить понятие смысла неологизма, придавая высказыванию оттенок манерности и чрезмерной элоквенции. Данный факт используется некоторы-

ми писателями при карикатуризации речи персонажей. Иногда применение неологизмов-гибридов составляет нетипичный вид игры между автором и читателем в литературном мотиве ‘поэт и толпа’, в котором подчёркивается индивидуальность художника и невозможность понять его обществом. В данном случае неологизмы-заимствования являются средством умышленного затаивания значения слов, требующим от читателя особого внимания. Такую игру активно использовал Игорь Северянин, который сам подчёркивал в «Эпилоге футуризма»: «Я, гений Игорь Северянин, / Своей победой упоен (...) Я одинок в своей задаче!» [Северянин 2014: 106].

Основатель эгофутуризма Игорь Лотарев, принявший в 1907 году псевдоним Игорь-Северянин (записываемый тогда через дефис) считается одним из наиболее плодотворных поэтов-лингвистов. В лексиконе его новообразований, составленном В. В. Никульцевой, насчитывается около 3300 единиц [Никульцева 2008: 7]. Большинство из них построено по узуальным словообразовательным моделям, к которым относятся суффиксация (‘адъютантэсса’, ‘рондолить’), интерфиксация (‘волособлонды’), а также сложение (‘алогубы-цветики’). Особенностью его идиостиля является равным образом создание семантических неологизмов, нередко на основе диалектизмов (‘зелёнец’ в значении оттенка зелёного цвета). В своих лингвистических экспериментах поэт использует регулярные аффиксы, практически не обращаясь к образованию новых. Среди его окказионализмов особую роль играют также заимствования, выступающие в транслитерированной форме (‘брэкфэст’, ‘кюрасо’) или графически не освоенные (‘bon vivant’, ‘en deux’, ‘Pü hajö gi’). Данные лексемы служат средством стилизации речи героев, придают высказываниям манерный или иронический оттенок. Они являются отражением космополитических взглядов русского общества конца XIX века с его модой на французский и английский языки.

Наряду с прямыми заимствованиями, в творчестве Игоря Северянина появляются неологизмы, сочетающие иноязычные и русские компоненты. Поэт образует свои окказионализмы на базе французского (‘апашевый’, ‘кэнзель’, ‘санжёнистый’, ‘бильедушка’), латинского (‘виорель’, ‘квинтина’), итальянского (‘диссо-родно’, ‘пианый’), английского (‘бётерфлейный’, ‘предлёнчный’), немецкого (‘ингерманландка’, ‘остзейский’), греческого (‘заморскофильство’, ‘эстеросы’), арабского (‘газэлловый’) и польского (‘непанин’) языков. В большинстве неологизмов данного типа в виде заимствованных элементов выступают иноязычные корни, к которым присоединяются русские аффиксы. В их написании поэт преимущественно соблюдает нормы орфографии русского языка. Использованные им суффиксы выступают регулярно в синхронном словообразовании, а их выбор объясняется не только семантикой, но также звуковыми особенностями, позволяющими сохранить рифму и ритмическую организацию стихотворения.

Использование иноязычных вкраплений в неологизмах Игоря Северянина связано со стремлением создать эклектическую поэзию, сочетающую образцы западноевропейских течений конца XIX века, в том числе итальянского футуризма и французской салонной литературы, с традициями русской поэзии, обогащённой фольклорными мотивами и диалектизмами. В жизни общества данного периода возникают новые явления и предметы, которым поэт даёт наименования в отнесении к культуре других народов, например ‘бильедушка’ (любовная записка), ‘ландолет’ (автомобиль с открытым верхом). В самой поэзии появляются новые формы, представляющие собой авторские эксперименты Игоря Северянина (‘миньонет’, ‘кэнзель’) или возрождение древних европейских форм, не выступающий раньше в русской литературе (‘рондель’). С целью придать относящимся к ним неологизмам официальное, научное звучание, поэт перенимает иноязычные лексемы (например, числительное ‘quinze’ из французского языка) по аналогии с узуальными названиями из теории литературы (напр. ‘секстина’, ‘октава’). Неологизмы Игоря Северянина не ограничиваются лишь номинативной функцией. Они составляют изысканные метафоры и сравнения, наполненные экзотическим колоритом, как в случае прилагательного ‘люнелевый’ (сладкий, опьяняющий, подобно вину люнель) или ‘аморимый’ (ослепленный чем-либо, как любовью). Во всех вышеприведенных случаях поэт стремится создать сложные лексемы, объединяющие элементы разных языковых систем. С их помощью автор провоцирует читателя, требуя от него бдительности и специальной подготовки для понимания изысканных смыслов и небанальных поэтических приемов.

Среди всех неологизмов Игоря Северянина, образованных на базе иноязычных компонентов, самую многочисленную группу составляют лексемы, содержащие французские корни. Романская культура очень близка творчеству Игоря Северянина, о чем свидетельствует первый официальный псевдоним поэта – Граф Евграф д’Аксангграф (фр. ‘accent grave’). В своих ранних произведениях поэт нередко отображает реалии жизни представителей привилегированных классов, подражающих французским обычаям. Образованные им неологизмы часто используются для выражения критики русской аристократии и иронизируют высказывания персонажей (‘демимонденка’ – женщина полусвета, ‘пат’ – лесть, ‘санжёнистый’ – бесстыдный). В иных случаях они выполняют противоположную функцию – отражают пристрастие лирического героя к роскоши и быстрому темпу современной жизни (‘beaumonde’овый’ – роскошный, ‘гривуазно’ – игриво, ‘мускатлюнельно’ – сладко). Особыми с точки зрения фонетики являются слова-гибриды, содержащие графически неосвоенные французские компоненты. К ним относятся такие единицы, как: ‘berceuse’ный’, ‘beaumonde’овый’, ‘Moderne-Голгофа’, ‘monstre-дитя’. Они содержат

прямую отсылку к исходным словам, сохраняют чужеродное звучание и характер поэтической новизны, являющейся нередко самоцелью модернистских поисков формы.

Особенно интересными неологизмами Игоря Северянина считаются также новообразования с латинским корнем ‘эго’ (лат. ‘я’). Репрезентативным для них является название литературного течения, созданного самим поэтом – эгофутуризма. Хотя развитию данного направления Игорь Северянин посвятил лишь два года („Пролог эгофутуризма” был издан в 1911, а „Эпилог эгофутуризма” – в 1912 году), он успел сформулировать его основные принципы, к которым относятся утверждение центральной позиции поэта в его творчестве, поиски новых форм выражения без отвержения литературных традиций, а также создание осмысленных неологизмов и смелых поэтических образов [Ахмедова 2008: 152]. К идеям самого футуризма поэт относится выборочно. Как отметил литературный критик В. Ходасевич, Игорь Северянин обращается к провозглашённым итальянскими футуристами культу силы и молодости, а также культуре будущего, олицетворённой в городской жизни и технике, однако он не отвергает культурных достояний прошлого, что подтверждается регулярностью большинства стихотворений [Ходасевич 1914]. Его главной целью стало ‘самоутверждение личности’ [Ахмедова 2008: 152], проявляющееся в сильном авторском индивидуализме. Отсюда происходят следующие неологизмы с корнем ‘эго’, такие как: ‘эгобог’ (человек и бог), ‘эготворчество’ (творчество, направленное на самого себя), ‘эгополонез’ (полонез одного человека). В названиях новых поэтических форм, созданных поэтом, также появляется латинский компонент (‘эго-рондола’, ‘эго-элегия’). Данные неологизмы подчёркивают самобытность стиля Игоря Северянина, провозглашают высшую ценность личности в художественной деятельности.

Несмотря на факт, что неологизмы, как средство художественной выразительности, сопутствовали литературе с давних времён, пик их употребления пришёлся на начало XX века, когда новизна формы стала играть особую роль в творчестве представителей различных модернистских течений. Писатели использовали неологизмы не только для описания новых явлений, но также с целью стилизации, придания экспрессии высказыванию, передачи неоднозначных идеей и субъективной оценки автора. Отдельную группу составляют, образованные преимущественно Игорем Северяниным, неологизмы, содержащие как исконно русские, так и заимствованные элементы. Их особая образность и сложная семантика свидетельствуют о большом художественном мастерстве поэта, который воспринимал словотворчество как ответ на поиски новой формы и новых значений в поэзии.

Библиографический список

1. Ахмедова, Ю. А. Эгофутуризм Игоря Северянина / Ю. А. Ахмедова // Значение. Понимание. Умение. – 2008. – № 1. – С. 152–156.
2. Барковская, Н. В. Поэзия «Серебряного века» / Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 1999.
3. Коршунова, Т. Н. Семантико-деривационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Игоря Северянина : автореф. дис. … канд. филол. наук / Коршунова Т. Н. – Орёл, 1999.
4. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – Москва, 1973.
5. Матвеева, Е. Н. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина) / Е. Н. Матвеева. – Барнаул, 2009.
6. Никульцева, В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / В. В. Никульцева. – Москва, 2008.
7. Северянин, И. Полное собрание сочинений в одном томе / И. Северянин ; отв. ред. М. Петров. – Москва, 2014.
8. Ходасевич, В. Игорь Северянин и футуризм / В. Ходасевич // Русские ведомости. – Москва, 1914. – URL: http://lit-info.ru/ (дата обращения: 10.02.2020).

Н. Г. Кузнецова
(г. Пенза, Россия)

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ РЕАЛИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»

Аннотация. Выявлены языковые особенности в раскрытии В. Г. Распутиным такого аспекта, как культура и быт русского крестьянства. Выявлен и обозначен ряд художественных приемов, используемых писателем.

Ключевые слова: культура, быт, изба, мельница, кладбище, самовар, олицетворение, эпитет, метафора, лексический состав, художественная деталь.

Одна из ярчайших граней писательского дара В. Г. Распутина – изображение культуры и быта русского крестьянства. Остров Матёра должен быть потоплен во имя великой цели – строительства гидроэлектростанции. Будут лишены Родины сотни людей, кровно связанных с этой землёй. Здесь родились, выросли и покоятся их отцы, деды, прадеды. С болью осознаёт происходящее старуха Дарья – сильная, мужественная старуха, нравственная опора жителей Матеры. Обращает на себя внимание художественная деталь в её портретной характеристике – «сухие, со змеиной кожей, острые губы» [Распутин: 1976]. Как известно, змея по народным поверьям – символ мудрости, знания. Даже сейчас, когда вот-вот потопят Матёру, а Дарья ничем не может помочь, люди все равно «шли к ней, чтобы рядом с Дарьей и себя почув-

ствовать тоже смелей и надёжней» [Распутин: 1976]. Но силы быть сильной ей даёт Матёра. Величественность образу Матёры придают могучая Ангара, омывающая её берега; бессмертный «царский лиственъ», которого не берут ни топор, ни огонь; покровительство «хозяина Острова», некоего загадочного, неуловимого зверька. Не случайно сравнение «лиственя» с «пастухом», возглавляющим стадо [Распутин: 1976]. Крестьяне с уважением относились к пастухам, ведь от них зависело благополучие крестьян. Эпитеты, подобранные писателем, возвеличивают образ «лиственя»: это «наглавное, державное дерево» [Распутин: 1976]. В системе нравственных ценностей русского крестьянства важная роль принадлежит родному дому. «По своей значимости «родной дом» находился в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть, жизнь, добро, зло, бог, совесть, родина, земля мать, отец» [Белов: 1982]. Изба для Дарьи подобна живому человеку. Беспутный Петруха поджигает свой дом. Для Дарьи это всё равно что убить человека. Важно обратить внимание на эпитет «живая». «Он живую избу спалил», – говорит она его матери [Распутин: 1976]. К эпитету «живой», освещая образ дома, Распутин обращается не раз. Вот Дарья, присев на завалинку, «прислоняется» к избе, словно к родному человеку в поисках утешения, и «чувствует» спиной её «тёплое и живое дерево» [Распутин: 1976]. Утрату отчего дома Дарья воспринимает как утрату близкого человека. Словно провожая его в последний путь, героиня повести моет и белит свою избу. И после этого «обряда» «вся изба сразу приняла скорбный и отрешённый, застывший лик» [Распутин: 1976].Эпитеты из разряда высокой лексики («скорбный», «отрешённый», «застывший») и метафора «лик» подчёркивают трагизм ситуации, в которой оказалась Дарья. Предметы обихода, окружающие крестьян в родном доме, очень дороги им, ведь над их изготовлением они с любовью трудились; предметы эти согревали, создавали уют. Старуха Настасья, прощаясь с домом, обращается «с ласковым приговором» к «старенькому половику»: «Тебе ли, родненький, в город ехать, жизню менять? Оставайся, где лежал, дома оставайся»… А потом стала наговаривать чуть не всему, к чему прикасалась. «А ты поедем, поедем, не прячься. Тебя я не оставлю» [Распутин: 1976]. «Из веку в век почитали в доме трёх хозяев – самого, кто главный в семье, русскую печь и самовар», – отмечает Распутин. Их «уважали»; «без них, как правило, не раскрывали белого дня»; «с их наказа и почина делались все остальные дела» [Распутин: 1976]. Создаётся впечатление, что речь идёт о людях – пожилых, умудрённых опытом, близких, к которым можно обратиться за советом и помощью. Перед «уходом» из родного дома Настасья в последний раз протопила печь... «Как холодную печку после себя оставлять», – рассуждает старуха [Распутин: 1976]. Дарья (прежде чем отдать свой дом поджигателям), «подмазала» печку. Русская печь являлась «материально-нравственным центром»

крестьянской семьи; это был «никогда не остывающий семейный очаг. Печь кормила, поила, лечила и утешала» [Белов: 1982]. Героини повести Распутина с особым почтением относятся к такому предмету домашнего быта, как самовар. Они часто и подолгу «сиживают» у самовара, с наслаждением пьют чай. «Без самовара, как без хлеба, изба выглядела неполноценной» [Белов: 1982]. «Шумящий, кипящий самовар и впрямь как бы оживал и одухотворялся» [Белов: 1982] Дарья про себя давно решила, что «самовар она не отменит, будет ставить его хоть в кровати» [Распутин: 1976] Она убеждена, что «без самовара всё равно не чай», а «водопой», ведь в самоваре «чай живой» [Распутин: 1976]. Что означает эпитет «живой»? «Живой чай», как и живая вода в русских сказках, даёт физические и душевные силы, бодрость. Писатель, обращаясь к этому атрибуту крестьянского быта, использует приём олицетворения: «потревоженный самовар тоненько засопел» [Распутин: 1976]; «… заслуженный, вспоивший, вскормивший его самовар кинул» [Распутин: 1976]. Распутин отмечает: «Стол без самоварного возглавия – это уже и не стол, а так… кормушка, как у птиц и зверей, ни приятности, ни чинности» [Распутин: 1976]. Сравнение стола, лишённого «самоварного возглавия», с птичьей «кормушкой» говорит о том, что самовар воспринимался крестьянами как признак домашнего благополучия и выражение бытовой народной эстетики. Важный образ-символ повести – кладбище. «Неприкосновенность кладбищ долго соблюдалась свято, и в 1672 году, когда до сведения царя дошло, что в Архангельске на месте, где было кладбище, поставили торговые амбары, царь велел их снести». [Костомаров: 1993]. Н. И. Костомаров отмечает: «Издавна могилы родителей и предков были святыней для русского народа…» [Костомаров: 1993]. В повести эта неприкосновенность нарушается. Обращает на себя внимание лексический состав, подобранный писателем для характеристики людей, пришедших уничтожить святыню (кладбище): для жителей Матёры это «нехристи», «ироды», «черти», у которых за страшный грех должны «отсохнуть» руки. Грустным выглядит обречённое уйти под воду сельское кладбище: «сиротливые, оголённые могилы, сведённые в одинаково немые холмики» [Распутин: 1976]. Русскую деревню прошлых лет невозможно себе представить без мельницы. Мельница была кормилицей крестьянина. Именно поэтому гибель мельницы в повести Распутина (её подожгли) воспринимается жителями села как утрата дорогого существа. Дарья будит Катерину: «Сколь она нам, христовенькая, хлебушка перемолола. Собирайся, хошь мы ей покажемся. Пускай хошь нас послед увидит» [Распутин: 1976]. Создаётся впечатление, что речь идёт о дорогом человеке, от которого при жизни исходили тепло и поддержка, но которому «выпало» умирать в одиночестве, лишённом поддержки близких. А близкие узнают об этом – и спешат проститься с ним. Обращают на себя внимание уважение и благодарность, заклю-

чающиеся в удачно подобранном писателем эпитете «христовенькая»: образ мельницы писатель окружает ореолом святости, отдавая предпочтение уменьшительно-ласкательной форме. Нельзя не отметить и почтительно-ласковое отношение к хлебу: «хлебушек».

Библиографический список

1. Белов, В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Москва, 1982. – 293 с.

2. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – Москва, 1993. – 271 с.

3. Распутин, В. Г. Повести / В. Г. Распутин. – Москва : Молодая гвардия, 1976. – 656 с.

М. Г. Луннова, И. С. Гришина
(г. Пенза, Россия)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. АХМАТОВОЙ

Аннотация. Анализируются грамматические средства контрастности в поэтических текстах А. А. Ахматовой, которые реализуются при помощи противопоставления видо-временных форм глаголов, служащих для построения хронотопа произведения или для изображения эволюции духовного состояния лирического героя, и антонимирования местоименных слов различных лексико-семантических разрядов, отражающих контрастность на уровне образной системы.

Ключевые слова: контрастность, А. Ахматова грамматическое противопоставление, местоименные формы, видо-временные глагольные формы.

Анну Ахматову можно назвать поэтом контрастного восприятия действительности. Особенности мировосприятия поэтессы отразились в её творчестве на всех уровнях текста: идейно-композиционном, образном, лингвистическом.

Термин «контрастность» в работе «О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски)» употребил В. В. Виноградов [Виноградов 1925: 32], вслед за ним этим термином пользовались и другие исследователи. В работах учёных термин «контрастность» употребляется как «общий принцип организации синтактико-стилистических приёмов, заключающийся в противопоставлении различных элементов текста» [Голованова 2015: 1140].

Основными лингвистическими средствами выражения контрастности является антонимированная лексика разных и грамматические противопоставления, которые являются основой для создания различных стилистических фигур. Изучение грамматических особенностей

выражения контрастности в художественном тексте позволяет судить о некоторых чертах идиостиля автора.

В произведениях А. Ахматовой противопоставляются различные местоименные формы: личные (*я, ты, вы, она, они*); указательные (*этот, тот* и их варианты) и определительные (*другой* и варианты) местоимения, а также слова *один, другой, третий*, частеречная принадлежность которых в науке определяется неоднозначно. Мы будем рассматривать слова *один, другой, третий* в качестве местоименных слов, потому что, на наш взгляд, они обладают неполной номинативной, когнитивной и информационной функцией, не самостоятельны в своих значениях и наполняются содержанием только в контексте, заменяя слова самостоятельных частей речи [Жеребило 2010: 192].

Контрастность непредикативных единиц в поэзии А. Ахматовой выражается, во-первых, через противопоставление личного местоимения *я* другим местоимённым словам (*я – ты, я – вы*; *я – те*), например: ***Я*** *забыла* ***ваши*** *уроки, / Краснобаи и лжепророки,* / *Но* ***меня*** *не забыли* ***вы*** («Поэма без героя», 1940–1962). В этом примере противопоставление личных местоимений поддерживается повтором глагола *забыть* с частицей *не,* местоимениями *ваши* и *меня,* а также противительным союзом *но*.

Подобные противопоставления личных местоимений отражают самоидентификацию автора в обществе («Не с теми я, кто бросил землю…» (1922)), раскрывают тему несчастной любви в творчестве поэтессы («Не будем пить из одного стакана…» (1913)). И хотя лирическое «я» нельзя полностью отождествлять с поэтом, автобиографизм этих произведений А. А. Ахматовой очевиден.

Во-вторых, контрастность на морфологическом уровне реализуется с помощью таких оппозиций, где один член выражен личным местоимением второго или третьего лица, а второй – определительным местоимением *другие* (*ты – другие, она – другие*). Эти оппозиции помогают выделить важного героя произведения (собеседника или объекта речи) из общей массы людей: ***Она*** *одна со мною говорит,* / *Когда* ***другие*** *подойти боятся* («Музыка», 1957). В этом стихотворении музыка *(она)* олицетворяется, и при помощи контрастности местоимённых форм подчёркивается важность её значения в жизни автора. Противопоставление внутри оппозиции выражается и на уровне категории числа: *она* (ед. ч.) – *другие* (мн. ч.).

В-третьих, контрастные отношения в тексте реализует пара указательных местоимений *этот – тот* (и её варианты), и примыкающая к ним оппозиция *эта – другая*. Названные местоимения, как правило, в контексте имеют эмотивную силу, указывая на крайние проявления описанной реалии: *Поминать царя да барина / Станет праздничная Русь / Крепким словом, прибауткою / За беседою хмельной;* / ***Тот*** *– за-*

*бористою шуткою, / **Этот** – пьяною слезой* («Пива светлого наварено…», 1921).

Однако названные противопоставленные местоимения могут выполнять и основную функцию, указывая на предметы и выделяя их из класса им подобных: ***Эта** песня пета, / Пета, да **не эта** / А **другая** тоже / На неё похожа...* («Дорожная, или Голос из темноты», 1941)

Обычно контрастность в подобных конструкциях размыта, однако в приведённом примере она подчёркивается за счёт употребления противительного союза *а*.

И, наконец, средством выражения контрастности на морфологическом уровне в поэзии А. Ахматовой является самая продуктивная в текстах поэтессы группа таких местоимённых слов и субстантивированного числительного как *один – другой – третий*, причём третий член сопоставительной конструкции часто не используется: *С **одной** ещё сладить могу я, / Но кто мне подсунул **другую**, / И как с ней теперь совладать. / **В одной** – и сознанье, и память, / И выдержка лучших времён. / **В другой** – негасимое пламя* («Стряслось небывалое, злое…», 1963).

Контрастность в подобных примерах усиливается через противопоставление характеристик указанных местоименных слов, а также с помощью параллелизма синтаксических конструкций.

Следует отметить, что в 15 из 16 анализируемых противопоставлений местоимённые формы в тексте функционируют как существительные и лишь в одной оппозиции используются местоимения-прилагательные. Это свидетельствует о предметности образов, создаваемых А. Ахматовой в своём поэтическом творчестве.

Характерной особенностью идиостиля А. Ахматовой является выражение контрастности с помощью противопоставления видовременных форм глагола.

Наиболее ярко контрастность в этом случае проявляется при использовании грамматической антитезы, характеризующейся тем, что её компоненты, словоформы одной лексемы, противопоставлены лишь своими грамматическими значениями. Грамматическая антитеза в поэзии А. А. Ахматовой выражается противопоставлением внутри категорий вида (9 грамматических оппозиций), времени (12 грамматических оппозиций) и залога (1 грамматическая оппозиция).

Использование видовых пар глаголов в тексте помогает автору добиться особенной экспрессивности и выразительности речи: *Ты **называл** её бедой и горем, / А радостью ни разу **не назвал*** («И последнее», 1963).

Противопоставленные по виду формы, усиленные отрицательной частицей *не*, вместе со сложной антитезой *беда и горе – радость* характеризуют отношение к лирической героине.

В другом произведении противопоставление внутри видовой пары глаголов создаёт эффект возвращения в прошлое, усиливающийся употреблением сравнительного союза *как будто*: *Как будто* ***прощаюсь*** *снова / С тем, с чем давно* ***простилась****…* («Поэма без героя», 1940–1962).

Использование видовых пар глагола с частицей *не* при лексеме совершенного вида подчёркивает невозможность достижения результата действия: *И,* ***привыкая*** *к ней,* ***привыкнуть*** *не могу, / Как к неотступному и зоркому врагу …* («То, что я делаю, способен делать каждый…», 1941).

В текстах поэтессы употребляются также антонимированные глаголы, противопоставленные по виду (5 оппозиций): ***Уходи****! О, зачем ты* ***пришёл*** («О, молчи! От волнующих страстных речей…», 1904-1905).

Часто А. А. Ахматова использует грамматическую антитезу, выраженную противопоставлением временных форм глагола (13 грамматических оппозиций). Различение темпоральных форм глагола в одном текстовом единстве может быть использовано для:

1) указания на возобновление действия, повторение описанной ситуации в жизни лирической героини: *Как тебе, сынок, в тюрьму / Ночи белые* ***глядели****, / Как они опять* ***глядят*** */ Ястребиным жарким оком, / О твоём кресте высоком / И о смерти говорят* («Реквием», 1934–1963).

2) подчёркивания непрерывности действия: ***Было*** *горе,* ***будет*** *горе, / Горю* ***нет*** *конца…* («Колыбельная», 1915).

Антонимированные глаголы и различные формы одного глагола, употреблённые в едином контексте и противопоставленные по времени (21 грамматическая оппозиция), чаще всего выражают противопоставление прошлого и настоящего (11 грамматических оппозиций, в том числе и противопоставлений словоформ одного глагола), например: *А то, что прежде* ***пело*** *во мне, / Томительно* ***рыдает*** («Пришли и сказали: «Умер твой брат» ...», 1910).

Также противопоставления глаголов по времени выражают контрастность между прошлым и будущим (8 грамматических оппозиций), например: *Я в ноги ему, как войдёт,* ***поклонюсь****, / А прежде* ***кивала*** *едва* («Ангел, три года хранивший меня…», 1922).

Только дважды в поэзии А. Ахматовой встречается грамматическое противопоставление глаголов настоящего и будущего времени: *Я только* ***сею****.* ***Собирать / Придут*** *другие. Что же!* («Песня о песне», 1916).

Грамматическое противопоставление глаголов по времени является показателем динамики эмоционального состояния и чувств лирического героя в соответствии с течением времени. Таким образом,

в поэтических текстах А. А. Ахматовой выявлено 28 грамматических противопоставлений по виду / времени / виду и времени.

Интересно также противопоставление залоговых форм глагола в стихотворении А. Ахматовой «Шелестит о прошлом старый дуб…» (1911): *Как давно я знаю твой ответ:* / *Я* ***люблю*** *и* ***не была любима.***

Утверждение глагола действительного залога и отрицание страдательного причастия подчёркивают любовную драму лирической героини.

Таким образом, ведущим способом реализации контраста на уровне грамматических форм глагола в творчестве А. Ахматовой является противопоставление по времени, что свидетельствует о стремлении поэтессы раскрыть характер лирического героя в динамике, подчеркнуть его стремление к рефлексии.

Итак, анализ грамматических средств выражения контрастности позволил выделить некоторые черты идиостиля поэтессы: особый психологизм, сюжетность поэтических произведений. На грамматическом уровне контрастность в поэтических текстах А. А. Ахматовой наиболее часто реализуется при помощи противопоставления видо-временных форм глаголов, которые служат для построения хронотопа произведения или для изображения эволюции духовного состояния лирического героя, и противопоставления местоимённых слов различных лексико-семантических разрядов, отражающих контрастность на уровне образной системы.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – Москва, 1981.

2. Голованова, Г. С. Контраст как способ концептуальной организации художественного пространства (опыт анализа рассказа В. М. Шукшина «Крепкий мужик» в вузе) / Г. С. Голованова, З. Н. Бакалова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 1 (5). – С. 1137–1142.

3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010.

4. Лебедев, И. В. Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература / И. В. Лебедев // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – № 3. – С. 14–20.

Ю. Р. Мамаева
(г. Пенза, Россия)

ТЕМАТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. ГУБЕРМАНА

Аннотация. Анализируется тематика поэтических произведений И. Губермана: рассматриваются темы любви, религии, Бога, молодости, старости, власти, добра, зла и др.

Ключевые слова: тематика поэтических произведений, И. Губерман, поэзия.

Рассмотрим основные темы стихов Игоря Губермана, отличающихся житейской мудростью и юмором.

И. Губерман со свойственной ему резкостью и сарказмом рассуждает об отношениях мужчины и женщины. Для него женщина – не объект восхищения, а хитрое, сварливое, «искусственное» существо. Мужчина же непременно неверен, ленив и распутен. По мнению автора, не существует духовных, чистых отношений между мужчиной и женщиной, есть только связи, ведущие к «грехопадению». Лирический герой, приближенный к образу поэта, часто признаётся, что ничуть не отличается от окружающих:

Вполне владеть своей женой
и управлять своим семейством –
куда труднее, чем страной,
хотя и мельче по злодействам.

В поэтические строки поэт вкладывает основные постулаты философии жизни, смерти, оголённый смысл их вечного противоборства:

В конце земного срока своего,
Готов уже в последнюю дорогу,
Я счастлив, что не должен ничего,
Нигде и никому. И даже Богу.

Поэт не ставит перед собой задачи бороться с религиями и верующими, но одновременно он защищает права тех людей, в том числе и своё личное право, на то, чтобы иметь иные взгляды и убеждения. Его антирелигиозные четверостишия чаще всего являются реакцией на попытки определённых сил подчинить человека себе с помощью вживления религий в систему государственного управления.

Чаще всего люди воспринимают Бога как некую могущественную инстанцию, которая неотступно следит за каждым их шагом и требует соблюдения строгих житейских правил со всякого рода запретами и ограничениями. Малейшее их нарушение влечёт за собой суровые наказания. Самое страшное из них – смерть со всякого рода сопровождающими её мучениями и лишениями. Это-то в основном и угнетает большинство людей. А вот что пишет Игорь Губерман:

О жизни за гробом забота
совсем не терзает меня;
вливаясь в извечное что-то,
уже это буду не я.

Всемогущество Бога противопоставляется слабости человека. Молитва – это признание человека в собственной слабости, и Богу нравится такое признание. Бесы, в свою очередь, пользуются человече-

скими слабостями. Всё взаимосвязано. Не будь бесов – не было бы нужды в Боге. Вот о том и гарик:

Все твари зла – их жутко много –
нужны по замыслу небес,
ведь очень часто к вере в Бога
нас обращает мелкий бес.

Для Губермана Бог если и существует, то лишь как собеседник, сидящий рядом, за одним столом. Собеседник, которого можно фамильярно подначить, хлопнуть по плечу, найдя предлог для диалога:

«Как ты сварил такой бульон?» –
спрошу я вежливо у Бога.
«По пьянке», – грустно скажет Он.

Тема молодости и старости – это частная философская тема, связанная с темой времени, темой жизни и смерти. Старость имеет множество пороков. Старость – это усыхание всех желаний, всех помыслов, Губерман посвятил этому немало своих стихотворений:

Увы, всему на свете есть предел.
Облез фасад, и высохли стропила.
В автобусе на девку поглядел –
она мне молча место уступил.

И. Губерман говорит о том, что, пока человек молод, он должен быть энергичным, весёлым, делать то, что он хочет и с улыбкой вспоминать об этом («Живи светло и безрассудно»). Поэт уверен: не нужно задумываться о приближающейся старости, она всё равно настигнет и от неё никуда не деться. А молодость – это всегда надежды, избыток сил и веры в жизнь:

Я жизнь свою листал сегодня ночью,
в ней лучшие года ища пристрастно,
и видел, несомненно и воочию,
что лучшие – когда я жил опасно.

И. Губерман негативно относится к власти, он насмехается над ней:

Люблю за честность нашу власть,
нигде столь честной не найду,
опасно только душу класть
у этой власти на виду.

Душа Игоря Губермана болит и за Россию, и за Израиль: «За Россию я испытываю стыд и боль, а за Израиль – страх и гордость…». Любимая ему страна, принесла слишком много горя в его жизнь:

Прощай, Россия, и прости,
я встречу смерть уже в разлуке –
от пули, голода, тоски,
но не от мерзости и скуки.

Евреи очень хитрые люди; кроме того, они славятся своей жадностью:

Везде, где слышен хруст рублей
и тонко звякает копейка,
невдалеке сидит еврей
или по крайности еврейка.

Евреи живут дольше и активнее, чем окружающие их народы:

Сквозь бытия необратимость
евреев движет вдоль столетий
их кроткая неукротимость
упрямства выжить на планете.

Автор часто размышляет о вечных темах: добре и зле. В данном четверостишии Игорь Губерман показывает реальную жизнь без прикрас, где зло возвышается над добром:

Добро уныло и занудливо,
и постный вид, и ходит боком,
а зло обидно и причудливо,
со вкусом, запахом и соком.

Булгаковские мотивы отразились в стихотворениях Игоря Губермана:

Вырастили вместе свет и мрак
атомного взрыва шампиньон;
Богу сатана совсем не враг,
а соавтор, друг и компаньон.

Второе четверостишие напоминает рассуждения Воланда о добре и зле, свете и тьме, и том, что они не могут существовать друг без друга.

Читая «Гарики» Игоря Губермана, понимаешь, что у этого человека огромный талант: так метко и лаконично подметить все те злободневные проблемы и курьезы, которые знакомы каждому, может только гений пера. И что самое главное, понимаешь – с суетой дней автор знаком не понаслышке, поэтому его стихи настолько жизненны, что веришь каждому слову.

Библиографический список

1. Губерман, И. Гарики и проза / И. Губерман. – Москва : Эксмо, 2016. – 736 с.

Н. И. Мартирян
(г. Ереван, Армения)

ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ РАННИХ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. Проводится анализ некоторых ранних рассказов А. П. Чехова, созданных в 1883–1884 гг., где вербальная и невербальная характеристика героев и автора – одно из главных средств психологической характеристики героя, важнейшее средство достижения комического эффекта и в подавляющем большинстве случаев необходимый элемент характеристики комического персонажа Чехова.

Ключевые слова: художественный текст, вербальная и невербальная коммуникация, персонаж, характеристика.

Характеристика личностных особенностей персонажей в художественном тексте заметно отличается от характеристики этих же особенностей человека в повседневной жизни, поэтому мы сделали попытку исследовать вербальное и невербальное поведение героев художественной литературы в лингвистическом аспекте.

Современная лингвистическая наука не подвергает сомнению выделение двух каналов передачи информации – вербального и невербального – в процессе коммуникации. Особенности функционирования вербальных и невербальных средств характеристики персонажей в языке любого писателя привлекают внимание исследователей-лингвистов, поскольку потенциальные возможности единиц языка проявляются только в контексте. Вербальное общение, являясь основным видом человеческой коммуникации, сопровождается различными несловесными действиями, которые помогают понять речевой текст. Для эффективного общения участникам коммуникации необходимо понять не только вербальную сторону коммуникации, но и правильно интерпретировать невербальную, визуальную информацию, которая передаётся с помощью мимики, жестов, телодвижений, темпа и тембра речи. Всё это указывает на то, что «хотя и язык является самым эффективным и продуктивным инструментом общения, всё же это не единственное средство коммуникации» [Садохин 2004: 151]. Основными формами речевой коммуникации являются диалог и монолог.

Согласно А. П. Садохину, «под невербальной коммуникацией нужно понимать совокупность неязыковых средств, символов и знаков, использующихся для передачи информации и сообщений в процессе общения» [Садохин 2004: 152]. В широком смысле понятие «невербальная коммуникация» практически отождествляется с понятием «невербальное поведение» и означает социально обусловленную систему взаимодействия, в структуре которой преобладают непроизвольные, неосознаваемые комплексы движений, выражающие личностную

неповторимость человека» [Василик 2005: 295]. Особенностью невербального «языка» тела является то, что «его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному способу общения» [Десмонд 2010: 3-4]. Осмыслить и интегрировать невербальный мир художественного произведения можно в том случае, если декодировать невербальное речевое поведение языковыми средствами.

Как в плане анализа скрытых возможностей лексико-грамматических единиц, так и в плане обнаружения закономерностей взаимодействия и взаимовлияния языковых средств проза А. П. Чехова представляет особый интерес, потому что создание автором типично чеховских художественных образов, решение композиционных задач, воплощение идейных замыслов невозможно без «чеховского» языкового материала. А. П. Чехов показывает огромные по своей важности проблемы на ограниченном объеме текста, что становится возможным только благодаря максимальной нагрузке языковых единиц, максимальному использованию их потенциальных возможностей.

Ранние рассказы Чехова носят юмористический характер. Он рисовал бытовые, как будто незначительные эпизоды, которые складывались в общую картину жизни. Многие рассказы написаны в виде сценки, комизм которой вытекает из диалога персонажей. В основе чеховского юмора лежит столкновение несовместимых понятий, разных правил и форм поведения.

Ранние юмористические рассказы А. П. Чехова отличаются рядом особенностей: заглавие рассказа всегда простое, краткое. В начале есть короткое вступление, дающее полную информацию о месте событий, времени, героях. В основе сюжета лежит случай из жизни. Монологов мало, большое внимание уделяется диалогу. В рассказах небольшое количество персонажей (обычно их 3-4). Отсутствуют подробные пейзажные зарисовки и портретные характеристики. Подробное описание заменено наличием “говорящей” детали. Например, длинный подбородок Луизы в рассказе «Толстый и тонкий» или шинель в рассказе «Хамелеон».

Нами для анализа выбрано четыре рассказа раннего Чехова. Это рассказы «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Дочь Альбиона» (1883), «Хамелеон» (1884). Выбор этих рассказов обусловлен их направленностью: взаимоотношение людей, которые стоят на разных ступенях иерархической лестницы. Наиболее характерной для творчества раннего Чехова оказывается причастность его героев к одной и той же ситуации.

В рассказе «Смерть чиновника» (1883) вербальное поведение Червякова выражается двумя основными чувствами: страха и вины: «Извините, ваше-ство, я вас обрызгал… я нечаянно». «Я вас обрызгал,

ваше-ство… Простите… Я ведь… не то чтобы...». «Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!»

Невербальное поведение Червякова также характеризует его только негативно. Не говоря уже о знаменитом чихании, вот как описывает А. П. Чехов героя: «лицо поморщилось», «глаза подкатились», «он сконфузился» «подозрительно поглядел», «глупо улыбнулся» и т.д. Мы можем отметить, что и мимика, и улыбка, и взгляд экзекутора не вызывают у автора и читателя симпатии.

Генерал Бризжалов характеризуется вербально в основном тоже двумя чувствами: это недоумение и гнев: «Ах, полноте… Я уж забыл, а вы всё о том же!», « Какие пустяки… Бог знает что! Вам что угодно?», «Да вы просто смеётесь, милостисдарь!», «Пошёл вон!!! – гаркнул генерал».

Невербальное поведение генерала тоже демонстрирует эти два чувства: он «состроил плаксивое лицо», «поднял вопрошающие глаза» и т.д., а в конце «посинел», «затопал ногами».

Первое, что обращает на себя внимание в «Смерти чиновника», – явное несоответствие между ведущим к печальному концу сюжетом и тем, как он рассказывается. Рассказ начинается со слова «смерть» в заглавии и заканчивается словом «помер». А тон повествования несерьёзен, даже игрив. Забавны имена персонажей (Червяков, Бризжалов), комична и неприятна настырность, с которой Червяков пристаёт с извинениями к нечаянно обрызганному им генералу. Чехов показывает анекдотическое происшествие, но касается при этом весьма серьёзных вещей. Сквозь анекдотическую ситуацию проступает критика рабской психологии маленького человека. Главный герой рассказ – мундир. Чехов смеется над Червяковым, который от страха перед высоким чином «не снимая вицмундира лёг на диван и... помер». Разгадка язвительности этого смеха в том, что Червяков – это уже не человек, а маленький чин, и умирает не человек, а искажение его.

В рассказе «Толстый и тонкий» (1883) четыре персонажа, из которых говорят только двое. Толстый Миша и Тонкий Порфирий. Жена и сын Порфирия характеризуются только с невербальной точки зрения. Изумление, искренняя радость, удовлетворение Толстого сменяются недоумением и отвращением. «Голубчик, милый мой, друг» – и « к чему тут это чинопочитание», восторженный взгляд сменяется на «поморщился и отвернулся», «его стошнило».

А изумление и радость Тонкого сменяются подобострастием. «Милый мой, красавец, душонок и щеголь» превращаются в «ваше превосходительство и вельможу». Ещё более выразительно невербальное поведение Порфирия: сперва «изумился», а потом «побледнел», «окаменел», «съёжился», «сгорбился», «сузился», «пожал три пальца», «поклонился всем туловищем» и т.д. Нафанаил сначала «спрятался

за спину отца», а после «вытянулся во фрунт» (сравним: «длинный подбородок жены стал еще длиннее»), «застегнул все пуговки своего мундира», «шаркнул ногой». И если вначале «оба (толстый и тонкий) были приятно ошеломлены», то в конце уже семья Порфирия – «все трое были приятно ошеломлены». Знаменитая метаморфоза, которая происходит с «тонким», его семейством и даже багажом в рассказе «Толстый и тонкий», вызвана не чёрствостью или грубостью со стороны генерала, наоборот, он пытается остановить приятеля школьных лет, который перебарщивает в чинопочитании. «Тонкий» подличает и пресмыкается, даже когда его к этому никто не принуждает. Точно так же ведёт себя и Червяков, который ценой жизни доказывает своё право демонстрировать почтительность и собственное ничтожество перед «персонами». И «тонкий», и Червяков страдают не от унижения, а от прямо противоположного: оттого, что их могут заподозрить в нежелании унижаться.

В рассказе «Дочь Альбиона» (1883) речь помещика Грябова изобилует бранными словами «каторжный», «дурак», «чертовка», «каналья», «подлая» и т.д. Он употребляет много восклицательных конструкций: «Да чёрт с ней! Всё одно, ни бельмеса по-русски не смыслит. Ты её хоть хвали, хоть брани – ей всё равно! Ты на нос посмотри! От одного носа в обморок упадешь! Сидим по целым дням вместе, и хоть бы одно слово!» Что же касается невербального поведения, то неподвижное сидение рядом с англичанкой на берегу превращается в гнусное издевательство сытого барина над человеком одиноким и зависимым, когда Грябов раздевается, стоит голым, чтобы остыть, а потом лезет в воду.

Не вызывает симпатий и англичанка-гувернантка. А. П. Чехов отмечает только быстро сказанную длинную английскую фразу. А невербальное её поведение характеризуется следующим образом: «Англичанка, услышав свое имя, медленно повела нос в сторону Грябова и измерила его презрительным взглядом. С Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрением. И всё это молча, важно и медленно». На протяжении всего рассказа отмечается движение бровями и носом.

Единственный персонаж, который ведёт себя прилично, – это предводитель дворянства Отцов, пытающийся остановить Грябова, правда, без особого успеха: «Но… ты с ума сошел? Бранишься при даме… и её же»; «Да полезай скорей в воду или прикройся чем-нибудь! Скотина!» Его невербальное поведение выдержано в смеховой гамме: «прыснул – засмеялся – хохотал в кулак – ухватился за живот – покраснел и от смеха и от конфуза».

В рассказе «Хамелеон» (1884) А. П. Чехов создаёт сатирический образ полицейского надзирателя Очумелова, который не имеет своего мнения даже по пустяковым вопросам и в угоду вышестоящим может

принять любое, самое абсурдное объяснение. Мгновенные переходы от хамства к холопству получают обобщающий смысл. Повторяется ситуация выяснения «чья собака?», несколько раз меняется ответ на этот вопрос, и столько же раз меняется реакция Очумелова. Речь его выдаёт грубого, необразованного человека: «Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!». Что же касается невербального поведения, то, не считая покашливания и шевеления бровями, процесс надевания и снимая пальто с помощью Елдырина стал примером хрестоматийного «хамелеонства».

В рассказах Чехова практически все персонажи более или менее похожи на бездушные автоматы, и моторика их невольных движений приобретает характер чего-то рокового, хотя персонажи различаются не только общественным положением, но и индивидуально-психологическими реакциями. Например, в образе «тонкого» Порфирия изначально заложены черты автоматизма, и поэтому, когда рефлекторная реакция после выяснения чина бывшего школьного товарища переводит речь в другой тон, то всё равно продолжается варьирование одних и тех же слов: «Сын мой Нафанаил, жена Луиза, лютеранка».

В «Смерти чиновника» и «Хамелеоне» повторяемость фраз и действий персонажей доведена почти до абсурда. А в «Дочери Альбиона» ничего: ни приезд Отцова, ни отсутствие клева, ни бесстыдное раздевание – не могут помешать рыбной ловле Грябова и гувернантки.

Демонстрация вербального и невербального поведения персонажа в тексте художественного произведения – одно из важнейших средств реализации авторского замысла и оценок. Чем богаче язык многообразных нюансов вербального и невербального поведения, тем глубже проникновение в замысел автора. В тексте художественного произведения наблюдается большая продуманность в выборе тех или иных вербальных средств, описывающих невербальное поведение персонажей, с целью создания наилучшей характеристики персонажа, как портретной, так и психологической.

В центре нашего внимания в настоящем исследовании находятся взаимоотношения героев, где вербальное и невербальное поведение определяет не только характеры героев, особенности их взаимоотношений, но и манеру поведения людей.

Выявление общих и индивидуально-авторских способов словесной передачи невербального поведения в художественном произведении позволяет проводить стилистический анализ текста, проникать в творческую лабораторию писателя и в конечном итоге полнее осознавать идейно-художественный замысел произведения.

Наблюдения за вербальной и невербальной организацией речи персонажей показали, что именно сочетание вербальных и невербальных компонентов являются знаковыми в манифестации мысли, опре-

делённых видов социального воздействия и прагматических установок в структуре ранних рассказов А. П. Чехова [см. Музычук 2013: http://].

Библиографический список

1. Десмонд, М. Библия языка телодвижений / М. Десмонд. – Москва : Эксмо, 2010.

2. Музычук, Т. Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации на материале русской художественной прозы) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Музычук Т. Л. – Москва, 2013. – URL: http://cheloveknauka.com/neverbalnaya-sostavlyayuschaya-diskursa-personazha-v-modeli-i-yazykovoy-reprezentatsii)

3. Основы теории коммуникации / под ред. М. А. Василика. – Москва : Гардарики, 2005.

4. Основы межкультурной коммуникации : учеб. для вузов / под ред. А. П. Садохина. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

А. В. Морозов
(г. Пенза, Россия)

КОНЦЕПТ «ГОРОД» В ПОВЕСТИ Д. РУБИНОЙ «ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ»

Аннотация. Рассмотрен концепт «город» в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев», проанализированы репрезентирующие его лексико-семантические поля, выявлены и охарактеризованы зоны ядра, ближней и дальней периферии концепта.

Ключевые слова: концепт «город», лексико-семантическое поле, репрезентация, ядро, периферия.

Определение понятия «концепт» впервые было представлено С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году. Учёный рассматривал концепт как ментальное образование, служащее для замещения множества предметов одного рода [Аскольдов-Алексеев 1997: 267]. Его точку зрения развивал Д. С. Лихачёв, считавший, что концепт – ментальная единица, отражающая в сознании одно из значений слов с учетом личного опыта человека [Лихачёв 1997: 280].

В процессе развития когнитивной лингвистики как науки появляется больше определений и толкований концепта. Е. С. Кубрякова называет концепт оперативной единицей памяти, отмечая тем самым, что процесс мышления включает в себя постоянную (оперативную) смену концептов [Кубрякова 1999: 6]. По Ю. С. Степанову, концепт – это идея (ментальное образование), включающая несколько признаков: конкретных, абстрактных, ассоциативных, эмоциональных, оценочных, содержащая историю формирования концепта [Степанов 1997: 524].

Учёный тем самым подчёркивает, что концепты не формируются один раз и остаются в нашем сознании неизменными, они претерпевают постоянную эволюцию.

Наиболее полным и точным считается определение концепта, данное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в монографии «Когнитивная лингвистика». Концепт определяется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2010: 212].

В структуре концепта З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют ядро и периферию. Ядро включает в себя прямые номинации концепта непосредственно, периферия – номинации отдельных когнитивных признаков, которые раскрывают содержание концепта [Попова, Стернин 2010: 47].

В данной статье будет рассмотрена репрезентация концепта «город» в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев». Количество лексем, отобранных для анализа, – 97, общее количество словоупотреблений – 255.

Ядро концепта «город» в «Высокой воде венецианцев» представлено нарицательным существительным *город* и именами собственными – названиями четырех городов (*Венеция, Москва, Ленинград, Иерусалим*). Ближняя периферия представлена лексемами нескольких семантических полей: *жители*, *архитектурные объекты*, *улицы* и *каналы*, *животные*. Дальняя периферия представлена лексико-семантическим полем слов тематической группы *цвет*.

Нарицательное существительное *город* в тексте повести встречается 11 раз. Во всех случаях, когда под «городом» подразумевается Венеция, Д. Рубина использует или указательное местоимение *этот* (7 словоупотреблений) или имя прилагательное *обреченный* (4 словоупотребления).

Дважды упоминается *Москва* (корневая морфема *москв-* встречается в составе существительного и прилагательного), всегда в сопоставлении с Ленинградом: «*По сравнению с Москвой*, Ленинград представал очень заграничным, очень прогрессивным городом», «один [внук] – ленинградский, *другая [внучка] – московская*». *Ленинград* упоминается пять раз, поскольку в нем жил умерший брат героини Антоша, размышления о судьбе которого пронизывают весь текст повести. Трижды упоминается *Иерусалим* (корневая лексема *иерусалим-* встречается в составе существительных и прилагательных).

Самое частотное название города в повести – *Венеция* (12 словоупотреблений): «на горизонте лежала *Венеция*», «я в *Венеции*», «величие *Венеции*». Встречается также образованное от него имя прилагательное (16 словоупотреблений): «из здания *венецианского* вокзала», «*венецианский* карнавал», «*венецианская* маска»; существительные со значением «житель города» (7 словоупотреблений): «руки на картинах *венецианцев*», «Высокая вода *венецианцев*», «*венецианцы* всегда готовы к появлению "высокой воды"».

Рассмотрим структуру ближней периферии. Лексико-семантическое поле *жители города* представлено упоминаниями безликой *толпы* или *публики* (8 словоупотреблений: «вместе с *толпой* и за *толпой*», «поверх *толпы*, над фонарями», «*толпа* не поредела», «ресторан, забитый *публикой*», «мимо фланировала *публика*» и др.), описаниями жителей, которые представляют собой *толпу*, но не совершенно обезличены, охарактеризованы по какому-то одному признаку: по роду занятий (*официанты, карабинеры, гондольеры, студенты*) – 14, из них 3 – *туристы*, возрасту (*подростки, старухи*) – 5, этнической принадлежности (*мавры*) – 2. Присутствуют упоминания отдельных людей: без определений (*аккордеонист, матрос, торговец*) – 4, с определениями (*смуглый поющий* гондольер; девочка *лет пятнадцати, некрасивая, длинноносая*; старик *в голубом белье, рыжий дюжий* капитан *с обнаженной шпагой*) – 13. Венеция в повести представлена густонаселенным городом, где на улицах всегда людно.

Описание животных немногочисленно, упоминаются лишь *собаки* (2 словоупотребления), *голуби* (4) и *щенок (2)*, которого героиня повести находит на крыльце гостиницы.

По ходу повествования Дина Рубина упоминает пять венецианских улиц: *Калле дель Анжело, Фата-Моргана, Калле Каноника, Калле дель Форно, Санта-Кроче* и канал *Рио де Сан-Джулиано*.

Общее количество названных достопримечательностей – 11, среди них: *Новые Прокурации,* тюрьма *Поцци,* площадь *Сан-Марко*, дворцы (*Дожей, Палаццо Дарио*), крупные мосты (*Академии, Риальто*), церкви (*Сан-Джорджо Маджоре, Сан-Джулиано, Санта-Мария Формоса*) собор *Сан-Марко*.

Отдельно необходимо отметить мосты, которые героиня повести встречает повсюду. В ходе исследования выявлено 5 словоупотреблений лексем «мост», не включая мосты Академии и Риальто, 11 – «мостик», 11 – «мосток».

К дальней периферии концепта «город» нами были отнесены лексемы семантического поля «цвет». Все они могут быть распределены по 5 группам: обозначающие собственно цвет и его оттенки (*белая* лагуна, *медно-каштановые* пряди волос), характеризующие освещенность (в *сумеречном* мире, из *полутемного* бара), характеризующие ин-

тенсивность цвета (*смутный* гондольер, пучки *бледного* редиса), указывающее на многообразие или однообразие цветов (*четырехцветные* колпаки), характеризующие цвет с элементом метафоричности в семантике (*обшарпанный солнцем* ставень, в *стеклянной* воде канала). Общее количество отобранных лексем – 45, (97 словоупотреблений).

Оттенки цветов полностью отсутствуют только при упоминании белого (11 словоупотреблений) и черного (7 словоупотреблений). Количество упоминаний желтого и его оттенков – 11, красного – 19, синего – 21. Причина преобладания последних двух цветов: красный – цвет кирпича, из которого построены здания, синий – цвет воды каналов.

Количество словоупотреблений лексем со значением цвета наибольшее в сравнении со всеми остальными семантическими группами. Концепт «город», в представлении Дины Рубиной – не столько совокупность архитектурных объектов и жителей, сколько палитра с обилием цветов (44 % от общего числа лексем – слова со значением цвета).

Библиографический список

1. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.

2. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура : материалы междунар. конф. – Тамбов, 1999. – Ч. 1. – С. 6–13.

3. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – Москва : Academia, 1997. – С. 280–287.

4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2010. – 314 с.

5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва, 1997. – 825 с.

Д. И. Никитина
(г. Пенза, Россия)

АНТОНИМЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОЭМЕ А. А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Аннотация. Представлен опыт анализа произведения А. А. Блока «Двенадцать». Рассматривается вопрос о лексических конструкциях с противоположным значением, их типы и приемы использования в поэме. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что поэт использовал в поэме различные типы антонимов.

Ключевые слова: А. А. Блок, поэма «Двенадцать», антонимы, антитеза, оксюморон, контраст.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике произведений А. А. Блока является соотносительное противопоставление двух и более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. В лингвистике такие слова называются антонимами (гр. anti – против + onyma – имя).

Блок, как поэт контраста, часто использует контекстуальные антонимы, то есть слова, которые становятся антонимичными в определённом контексте.

Это и определяет особый язык его произведений, одновременно являясь основой для словотворчества.

Важным семантическим отношением лексических единиц является антонимия. Учёные-языковеды считают, что вопрос об антонимии был и остается одним из наиболее сложных вопросов в лексикологии. Антонимия относится к той области языкознания, которая привлекает внимание исследователей на каждом новом этапе развития этой науки и требует каждый раз пересмотра и дополнительной разработки.

Большинство учёных рассматривают антонимию как составную часть лексикологии. Однако явление антонимии невозможно рассматривать в отрыве от речевого аспекта, в частности от художественной речи, в которой смысловые расхождения и сближения слов проявляются гораздо шире, активнее, чем в системе языка или даже в общеупотребительной речи. Как известно, антонимы, являются лексической основой стилистических фигур антитезы, оксюморона и др., которые составляют необходимый элемент любого художественного произведения.

На основе конкретной поэмы А. А. Блока «Двенадцать» выявим антонимы и оппозиции. Но вначале определим терминологию затрагиваемой проблемы статьи.

Антонимы как яркое стилистическое средство языка лежат в основе таких стилистических приёмов, как антитеза, контраст, оксюморон.

Среди антонимов можно различать, во-первых, противопоставления грамматические, языковые, во-вторых, – точные, явные, прямые (произвол – закон, свет – тьма, друг – враг, рай – ад и т.п. – приводимые в словарях антонимов), а также речевые (не являющиеся точными антонимами) или поэтические оппозиции (Чёрный вечер // Белый снег), т.е. противопоставления образного характера, не строго выраженной антонимичности лирических образов.

На резком противопоставлении слов-антонимов построена одна из стилистических фигур – *антитеза* (противопоставление) – характеристика путём сопоставления двух противоположных явлений или признаков. Основная стилистическая функция антонимов – быть лек-

сическим средством выражения антитезы. *Антитеза* как стилистический приём распространена в поэтическом творчестве А. А. Блока. В ней наиболее ярко проявляется содержательная сущность антонимов в результате их резкого противопоставления. Поэт широко использует как простые, так и сложные антитезы.

Простая антитеза представляет собою противопоставление одной, двух и более пар антонимов, например:

Чёрный вечер // *Белый* снег; *Черная* злоба // *Святая* злоба; Ветер *весёлый* // *и зол и рад.*

В сложной антитезе содержание противоположных слов дополняется, разворачивается с помощью других слов, в том числе и антонимов, например, когда в поэме «Двенадцать» ненависть проявляется и как святое чувство:

Чёрная злоба*, святая* злоба.

и как святотатство:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в *Святую Русь* –
В кондовую,
В изящную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!

Сложной антитезой является и один из главных мотивов произведения. Ей и завершается поэма:

Позади – голодный пёс,
В белом венчике из роз
Впереди Исус Христос.

Этой антитезой А. А. Блок заложил символический образ нового и старого мира, соединяя их воедино, так как они не могут существовать друг без друга. Образ Христа – залог будущего света, символ лучшего, знак веры. Христос в поэме антитеза «псу», который представляет собой воплощение зла, центральному знаку старого мира.

Другим стилистическим приёмом, который строится на сопоставлении антонимических значений, является *оксюморон* (гр. oxymoron – букв. остроумно-глупое) – фигура речи, при которой соединяются логически несовместимые понятия: живой труп, мёртвые души, звонкая тишина.

Стилистическое использование **оксюморона** в поэме Блока связано, прежде всего, с изображением «душевного состояния» красноармейцев: «чёрная злоба, *святая* злоба», показывая, как кипит злоба у красногвардейцев, которые очень долгое время терпели тёмное время и находятся в ожидании светлого времени, «святая злоба» помогает придать большей чувственности, или использование оксюморона «мировой *пожар в крови*… Господи, благослови!», чтобы показать картину

революции и чувства красноармейцев в происходящем, или чувства Петьки, который по случайности убил свою возлюбленную, а затем страдал от содеянного:

Лишь у *бедного убийцы*
не видать совсем лица
Замотал платок на шее –
Не оправиться никак.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в следующем примере:

А вот и долгополый
Сторонкой за сугроб
Что нынче не весёлый
Товарищ поп?

Специфика значения оксюморона определяется тем, что одно из проявлений предмета изображения определяется через противоположное ему (противоположный признак лица, предмета, состояния, явления; противоположный объект действия, результат действия и т.д.)

Все рассмотренные нами ранее стилистические приёмы (антитеза, оксюморон) базируются на принципе **контрастности и являются фигурами контраста.** Творчеству А. А. Блока характерно наличие контрастности.

Чёрное и белое – самый явный, самый резкий контраст поэмы. И не только цветовой. Так как в символическом, переносном значении белый цвет связывается с добром, чистотой, святость, а чёрный, напротив, – со злом, грязью, грехом. В этом контрасте воплощена центральная антитеза поэмы – антитеза старого и нового мира. Контрастные образы поэмы многомерны и противоречивы. Старый мир и жесток, и опасен одновременно. Новый мир – и жесток, и стихиен, и свят. В стихии нет и не может быть простых построений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в произведении А. А. Блока антонимы служат отражением дисгармонического мира. В поэме «Двенадцать» Блок с помощью указанных лексических единиц охватывает разные уровни их структуры, упорядочивает и организует художественный текст.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва, 2004.

2. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – Москва ; Ленинград, 1960. – Т. 3

3. Введенская, Л. А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах / Л. А. Введенская // Краткие очерки по русскому языку. – Вып. 2. – Курск, 1966. – С. 128–135.

4. Максимов, Д. Е. Поэзия и проза А. Блока / Д. Е. Максимов. – Ленинград, 1975.

5. Минц, З. Г. Блок и русский символизм / З. Г. Минц. – Москва, 1980.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва, 1978.

7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожина. – Москва, 2003.

Т. А. Пономарёва
(г. Луганск)

КОЛОРАТИВЫ «БЕЛЫЙ» – «ЧЕРНЫЙ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности цветообозначений, используемых И. Бродским в поэтических переводах. Цветовидение И. Бродского строится на его убежденности в божественном приоритете Языка, Слова, Поэзии. Такую убеждённость подтверждает цвето-семантическая оппозиция «белый – черный», состоящая из двух доминирующих колоративов, которые символизируют цвет чистого листа бумаги и цвет возникающих на нем букв.

Ключевые слова: колористика, переводная поэзия, колоративы «белый», «черный».

Важной чертой идиостиля поэта является его колористика – видение и отображение картины мира с помощью тех или иных цветов. Обращение к колористике И. Бродского объясняется тем, что именно цветовидение этого поэта строится на его убеждённости в божественном приоритете Языка, Слова, Поэзии.

Изучению цветообозначений в оригинальной лирике И. Бродского посвящено несколько диссертаций (А. В. Трифонова (2014), И. Е. Цегельник (2007) и др.). В 2016 г. вышел «Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского» В. Полухиной, в котором исследовано 1725 стихов и набросков на русском языке и более 200 стихов, написанных И. Бродским на английском языке.

Особенности колористики поэтических переводов И. Бродского целостному анализу не подвергались.

Цель данной статьи – попытка анализа цветового отображения картины мира в переводной поэзии Иосифа Бродского.

И. Бродский переводил с разных языков; для своих переводов он выбирал стихи, близкие собственной системе мироощущения, мировидению. Ему удаётся «прочесть в переводимом своё как чужое или, напротив, увидеть чужое как своё» [Кузьмина 2001: 101]. Поэтому поэтические переводы И. Бродского можно, на наш взгляд, рассматривать как составляющую его художественной картины мира.

Для Бродского-переводчика остаётся важным сохранение общей тональности оригинала. По его мнению, две опасности, с которыми сталкивается переводчик, – это неточность и искушение придумать что-то своё, чего нет в оригинале. «Если в переводе есть какие-то украшения, то это – очевидные утраты. Но перевод – утрата по определению» [Бродский 2000: 184-185].

Таким образом, можно утверждать, что каждый перевод – интерпретация по своей сути, при которой неизбежны потери, как неизбежны и приобретения, связанные с творческой индивидуальностью переводчика. Поэтому переводное произведение, а поэтическое – тем более, представляет собой совмещение двух языковых и художественных картин мира – автора, с его отношением к изображаемому, и переводчика с собственным видением, собственным прочтением оригинала.

Помня о «лингвоцентризме» поэтики И. Бродского, можно утверждать, что в его колористике (при многообразии и других цветообозначений) преобладают два цвета, символизирующих лист бумаги, заполняемый буквами, – белый и чёрный. Наблюдения подтверждают такое утверждение. Анализ переводных произведений И. Бродского позволяет говорить о доминировании в них этих же цветов, являющихся главными и в его оригинальной поэзии: белого и чёрного.

Чёрный цвет обладает дуалистической оценочностью: в разных культурах и национальных картинах мира она может быть как положительной, так и отрицательной. Чёрный – символический аналог белому цвету и абсолюту, поскольку может выражать как абсолютную полноту, так и абсолютную пустоту. Часто этот цвет служит для обозначения мрака, хаоса и смерти [Энциклопедия символов 2002: 531]. Чёрный цвет может символизировать время в противоположность белому, выражающему вечность [Энциклопедия символов 2002: 533]. Во многих культурах чёрный цвет воспринимается как символ смерти, горя, траура, а также как символ торжественности какого-либо события.

Традиционное для большинства культур мира восприятие чёрного цвета как цвета горя и страдания отражено и в переводной поэзии И. Бродского:

Звучи ж, напев, где даже радость тайным
горчит неторопливым причитаньем,
где чёрная рыдает нищета.

(К. Паламас. «Восток») (Переводы И. Бродского цитируются по [Бродский 2001])

Безумье – черней тюрьмы.
Безумьем поражена,
отвергнутая жена
в темницу погружена.

(Еврипид. Пролог и хоры из трагедии «Медея»)

Пускай аэроплан, свой объясняя вой,
Начертит в небесах «Он мёртв» над головой,
И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть,
Регулировщики – в перчатках черных пусть.
(У. Х. Оден. «Часы останови, забудь про телефон…»)

Встречаем в переводах И. Бродского традиционную интерпретацию и белого цвета как символа чистоты, непорочности, возвышенности, святости. Белый цвет является цветом рая:

Мой нежный фавн уходит, ах,
В Рай лебедей и черепах,
Где горностаи по весне
И агнцы спорят в белизне.
<…>
У ног моих и ляжешь ты,
Из алебастра – чистоты
Небесной: белизною тел
Небесных на земле ты бел.
(Э. Марвелл. «Нимфа, оплакивающая смерть своего фавна»)

Анализ стихотворения-оригинала показывает, что Э. Марвелл в приведённом фрагменте использовал только два колоратива, один из которых – *milk-white* – отличается от колоратива Бродского (*с белизной*) (*With milk-white Lambs, and Ermins pure / <…> For I would have thine Image be / White as I can, though not as Thee*) [Marvell 1952: 19].

Обратимся к ещё одному фрагменту.

Клятвы днесь – что ковёр, который в грязи расстелен.
Места, где честь живёт, вам не покажет эллин.
Разве – ткнёт пальцем вверх; знать, небосвод побелен.
(Еврипид. Пролог и хоры из трагедии «Медея»)

Применение к описанию метафизической субстанции – небосвода – глагола-колоратива, обозначающего реальное физическое действие, способствует стиранию границ между земным и внеземным мирами.

В поэтической картине мира И. Бродского белый – цвет чистоты и невинности, цвет снега и зимы – часто символизирует одиночество и холодность не только окружающего пейзажа, но и внутреннего мира человека:

Рыдала женщина. Снаружи
снежок клубился. И сиротство
той женщины и краткость стужи
какое-то имели сходство.
<…>

И в женщине, лицо склонившей,
себя слезами обогревшей,
всё больше было сходства с нищей
землёй, от снега побелевшей.
(О. Чиладзе. «Комната»)

Оппозиция «белый – чёрный» в переводах Бродского часто связана с оппозициями «день – ночь», «жизнь – смерть»:

То не луна бледна а чёрного скакуна
грива черна длинна ниже подков она
и в неё вплетена чёрная роза сна.
(Ф. Галас. «Наш пейзаж»)

Профиль мёртвой луны небосвод покидает с тоской
Так белеет лицо исчезая в одном из отверстий
крематория Все задвигается чёрной доской
с именами созвездий.
(Ф. Галас. «Тишина»)

Слова-концепты взаимодействуют, проникают друг в друга. Способствуют такому взаимопроникновению концептов в лирическом сюжете цветовые обозначения, которые актуализируют свойства концепта. Цветовые оппозиции обостряют оппозиции метафизические. Кроме того, семантику оппозиций подчёркивают и другие языковые средства: грамматические (краткие формы прилагательных в первом фрагменте), метафоры-загадки (*вплетена чёрная роза сна, чёрная доска с именами созвездий*), отрицательное сравнение (первый фрагмент) и сравнение, реализуемое через приём синтаксического параллелизма (второй фрагмент).

На оппозиции «белый – чёрный», включающей метафизические противопоставления и сакральные смыслы, построен лирический сюжет перевода стихотворения Р. Уилбера «Чёрный индюк»:

Отряд из девяти цыплят –
Все молоды, белы, как на подбор –
Бредёт через засыпанный мякиной
И стружкой двор.
<…>
Не ярок и не тускл,
Во двор индюк вступает в этот миг,
Таинственный, величественный, словно
Туз пик.
<…>

Сопровождая плеск
Хвоста и старых перьев взмах
Тем хладным шумом, с коим ветер гонит
Бумажный прах,
Над кривизною ног
Огромный, чёрный движется живот,
Как туча над кустом, как бриг поверх
Мятежных вод.
Костистая глава
На шее, отдающей синевой,
Как маска, снятая с лица святого, тусклый
И суетности чуждый свой
Взор устремляет на
Весь этот кукарекающий сброд,
Чьи вопли, день за днём, с вульгарным пылом
Творят восход.

Лирический сюжет перевода стихотворения Десанки Максимович «В бурю», также основанный на подобных цвето-семантических оппозициях, представляет собой взаимосвязь разных концептов: от общепоэтических – «одиночество», «смерть» – до индивидуально-авторских («холм»). Благодаря транспозиции индивидуальных концептов происходит внедрение в «чужую» картину мира – картину мира автора оригинала. Включению слов-концептов в реальный жизненный контекст, что является яркой чертой идиостиля И. Бродского, способствуют цветовые номинации:

Кто-то весь вечер упрямо
стоит на холме. Поверь,
не разобрать мне, мама,
то человек или ель.
<…>
Над ним распластала крылья
туча, черна, нема.
Пусти меня, мама, или
ступай позови сама.
Гром над холмами страшен.
Отвори ему дверь.
Пусть спрячется в доме нашем
тот человек или ель,
что глядит до сих пор
в наш белый и скромный двор.
Там, на холме, скитальцем
стоит он один. Пусти!

Дай моим тонким пальцам
молнию отвести.

Особое отношение И. Бродского к белому цвету (цвету чистого листа бумаги) и чёрному цвету (цвету букв, складывающихся в слова) прослеживается не только в оригинальной, но и в переводной поэзии:

…белый лист под пером – награда
превыше истории, звёзд и боли.
(Д. Чиарди. «Дар»)

Был в плену солоноватой влаги
завернут мир безрадостного детства,
но из чернил возникли на бумаге
зелёный склон и хохолок младенца.
Боль, от которой никуда не деться,
не стоит слов. При всей своей отваге,
страшатся рифмы грустного соседства.
Ни об одном не сожалея шаге,
все повторил бы я, родись вторично
Бесславие моё мне безразлично…
(У. Саба. «Автобиография»)

Чёрный (и его производные) в данных контекстах из слова преобразуется в символ, семантика которого расширяется: чёрный уже не только обозначение цвета, но и воплощение букв, слов, текстов, а следовательно, памяти, культуры, человеческого бытия.

Слово, по Бродскому, выше всего. Мысль о том, что только язык (и поэзия как высшая форма существования языка) способен преодолеть смерть, время и пространство, звучит как в оригинальной поэзии, эссе, интервью, лекциях, так и в переводах.

Такую убеждённость в божественном приоритете языка подтверждает цвето-семантическая оппозиция «белый – чёрный», состоящая из двух основных цветов колористики Иосифа Бродского, которые символизируют цвет чистого листа бумаги и цвет возникающих на нём букв.

Библиографический список

1. Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – Москва : Захаров, 2000.

2. Бродский, И. В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах / И. Бродский. – Санкт-Петербург : Звезда, 2001.

3. Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н. А. Кузьмина // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. – Москва : Азбуковник, 2001. – С. 97–111.

4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост.: В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер, А. Егазаров. – Москва : Изд-во Астрель: МИФ : АСТ, 2002. – 556 с.

5. Marvell, A. The poems / A. Marvell. – London : Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

Т. Ю. Саенкова
(г. Пенза, Россия)

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РОМАНЕ Л. Е. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Аннотация. Работа посвящена специфике вербализации концепта «дом» в романе Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети». Проанализированы синтагматические ряды лексемы «дом», выделены его основные лексические репрезентанты. Было обнаружено, что концепт «дом» в текстовом пространстве романа Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети» имеет важнейшее символическое значение, а также в романе происходит расширение объема универсального концепта «дом».

Ключевые слова: вербализация, концепт «дом», культура, лексема.

Говоря о языковой картине мира, нельзя не учитывать влияния на неё концептов как её важных структурных единиц, отражающих особенности мышления носителя языка, а также его национально-культурных особенностей. Концепт – это ментальная единица, которая передаёт сведения об окружающей действительности, обслуживающие сферу культуры того или иного народа и обладающие языковым выражением.

Концепт «дом» является одним из базовых, универсальных для русского языка. Он представляет собой архетипический образ, имеющий огромное значение для культуры русского народа на протяжении многих веков её развития. Рассматриваемый нами концепт находит своё воплощение как в художественных произведениях прошлого, так и в творчестве современных писателей. Для писательницы Л. Е. Улицкой особенно важно использование в своих произведениях концепта «дом» («Пиковая Дама», «Сонечка», «Казус Кукоцкого» и др.). При исследовании языкового материала можно отметить, что в текстовом пространстве автора лексема «дом» в большинстве случаев используется для обозначения семьи, важно и объяснение концепта с помощью атрибутивных словосочетаний как положительной, так и негативной эмоциональной окраски [Карелова 2009: 3]. Особенно ярко проявляется специфика вербализации концепта «дом» в романе Л. Е. Улицкой «Медея и её дети».

В произведении можно увидеть противопоставление двух воплощений исследуемого концепта, которые представлены через описа-

ния дома Валерия Бутонова и дома главной героини Медеи Синопли. Концепт «дом» выражается при описании дома Валерия Бутонова с помощью таких лексем, как: *дом, земля, двор, калитка, крыльцо, кухня, уборная, чердак, свалка, рухлядь, сундуки* и др. Начинается это описание с воспоминаний о доме героя, где он провёл «всё своё длинное детство» [Улицкая 2019: 114]. «Родиной Валерия Бутонова было Расторгуево»; «Он жил <…> в приземистом частном доме, давно грозившем развалиться» [Улицкая 2019: 114]. Герой проводил своё время, «вися на хлипких заборах или вбивая в стоптанную пригородную землю трофейный перочинный нож» [Улицкая 2019: 114]. Нам представлены картины родной земли, радостные времена, проведённые с семьёй. Лексема «дом» образует в тексте романа синтагматический ряд с именами прилагательными *материнский, ветхий, расторгуевский, приземистый, частный* и др. Подобный ряд образуется и с причастиями/причастными оборотами: *давно грозившем развалиться, недостроенный, наполовину отремонтированный.* Дом характеризуется и с помощью имени существительного *в шрамах.* Данные ряды дают возможность определить семантические признаки концепта в отношении размера дома, его внешнего вида, принадлежности определённой семье, также характеризует некоторые внутрисемейные отношения. При этом нельзя не отметить, что описание дома Валерия Бутонова, особенно его внутренне устройство, даётся Л. Е. Улицкой в негативных красках, с использованием экспрессивной лексики: «дырявые корыта, баки, рухлядь столетнего накопления»; «на чердаке была настоящая свалка»; «изодранное кресло» [Улицкая 2019: 228]. Она использует важную метафору, дающую яркую характеристику не только жилищу героя, но ему самому: «В доме Бутонова было прохладно – дом тепла не держал» [Улицкая 2019: 230]. Эти слова подчеркивают отсутствие тепла и в его доме, и человеческого тепла в нём самом.

Дом Медеи Синопли представлен в романе куда шире и трактуется Л. Е. Улицкой уже положительно. В качестве лексических репрезентантов концепта «дом» выступают *дом, жилье, усадьба, комната, кухня, печурка, посёлок* и др. Содержание концепта расширяется, оно начинает включать в себя не только понимание дома как места проживания, материального объекта, но и как любого места вообще, которое человек называет своим домом. Именно в связи с этим в романе в концепт «дом» входит, например, и посёлок, и весь Крым. Дом в романе неотделим от личности самой Медеи. Говоря о происхождении героини, автор в первую очередь делает указание на дом: «Родом она была из Феодосии, вернее, из огромного, некогда стройного дома в греческой колонии, давно слившейся с феодосийской окраиной. Ко времени её рождения дом потерял изначальную стройность, разросся пристройками, террасами и верандами...» [Улицкая 2019: 8]. Здесь также фор-

мируется синтагматический ряд лексемы «дом» словами разных частей речи, например, имён существительных: *традиции (дома), уклад (дома), (дом) Медеи*; имён прилагательных: *огромный, некогда стройный, четырехкомнатный, крымский, ветхий*; глаголов: *потерял (стройность), разросся (пристройками, террасами, верандами), наполнился (звуками), притягивает;* причастий/причастных оборотов: *спящий, давно слившийся с феодосийской долиной;* наречий: *(в доме) многолюдно* и пр. Интересным является тот факт, что вербализация концепта «дом» в романе происходит в том числе с помощью употребления контекстуальных антонимов (дом – жильё) и контекстуальных синонимов (дом – земля). Дом для Медеи – это родина, самое главное место, которое настолько же родное, как и земля, где она живёт. Когда от Медеи уезжают родственники, дом она начинает называть жильём, подчёркивая тем самым, что дом может именоваться домом только тогда, когда он наполнен близкими людьми, семьёй.

Дом Медеи – не просто жилой дом с многочисленными пристройками, это дом, дающий силы, радость жизни, это колодец, из которого пьёшь, утоляя жажду. Домашние традиции – неотъемлемая часть концепта «дом». Их целое множество в семейном укладе Медеи: «Это был один из обычаев дома: после захода солнца не ходить к колодцу. Из уважения к Медее и этот, и другие необъяснимые законы всеми жильцами строго соблюдались. Впрочем, чем закон необъяснимей, тем и убедительней» <…> «Это была ещё одна семейная традиция – кормить детей за отдельным столом» [Улицкая 2019: 43]. Таким образом, мы видим, что в романе «Медея и её дети» концепт «дом» неотделим от концепта «семья». Дом Медеи – это настоящий священный храм: «Это удивительно приятное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех её членов даже не знаешь в лицо, и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего» [Улицкая 2019: 347].

Можно сделать вывод о том, что концепт «дом» в текстовом пространстве романа Л. Е. Улицкой «Медея и её дети» имеет важнейшее символическое значение. Понимание этого базового концепта расширяется до восприятия дома не только как места проживания, материального объекта, но и как любого места вообще, которое человек называет своим домом. Вместе с вербализацией всех компонентов общеязыкового концепта «дом» в романе Л. Е. Улицкой одним из ядерных является когнитивный признак «семья». Описание дома здесь является прямой характеристикой его хозяина, что мы увидели на примере домов Валерия Бутонова и Медеи Синопли. Лексема «дом» реализуется в тексте произведения совокупностью лексико-семантических вариантов, таких как *«строение», уют», «семья»*. Таким образом, можно утверждать, что в текстовом пространстве романа «Медея и её

дети» очевидно расширение объёма общеязыкового, базового концепта «дом», что подтверждается вышеизложенным анализом лексических репрезентантов концепта.

Библиографический список

1. Карелова, И. И. Национальная концептосфера и идиоконцептосфера (на материале произведений Л. Е. Улицкой) / И. И. Карелова. – Казань : Изд-во КГТУ, 2009.
2. Чистякова, О. Н. Концепт «семья» в повести Л. Улицкой «Медея и её дети» / О. Н. Чистякова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : тр. и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. – С. 278–279.
3. Улицкая, Л. Е. Медея и её дети / Л. Е. Улицкая. – Москва : АСТ, 2019. – 346 с.

М. О. Селивёрстова, М. П. Болотская
(г. Пенза, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

Аннотация. Рассматриваются основные мотивы творчества Веры Полозковой, отмечаются особенности поэтического языка современного русского поэта, анализируются средства создания эмоциональности поэтического текста.

Ключевые слова: Вера Полозкова, тематическое своеобразие, поэзия.

Особенность поэзии Веры Полозковой – это искренность, эмоциональность. Поэтессу больше всего волнуют такие темы, как любовь, свобода, счастье – всё то, что волнует и современного человека. Возможно, поэтому Вера столь популярна среди молодёжи, ведь она выразила в своем творчестве её вкусы и настроения [Полозкова 2014].

Можно говорить о том, что тема любви в поэзии Веры Полозковой – главенствующая. Эта любовь всегда несчастливая, обречённая: *«Ни врагу пожелать, ни близкому объяснить»*. Лирический герой словно мечтает о том, чтобы чувство прошло, исчезло, но не может ничего изменить в своей душе: *«И – нет, ничего не дергается внутри»*. Лишь в одном стихотворении поэтесса чётко представляет свое светлое будущее вместе с возлюбленным, и это стихотворение она называет «Мантра»: *«Да, и мы с тобой просыпаемся завтра старыми / И в одной постели на этот раз».* В минуты особой тоски лирический герой даже отрекается от своих переживаний, старательно создаёт иллюзию того, что чувства этого словно и не было. Этот мотив выразился в стихотворении «Давай будет так».

Любовь в представлении Веры Полозковой – это обязательно работа двоих, чувство, которое испытывают и мужчина, и женщина. В стихотворении под названием «Вечерняя» поэтесса изображает мужскую точку зрения, выставляет её на первый план. Раскрывается образ мужчины, которому так часто лирическая героиня противопоставляет себя, пытаясь понять его мысли. Она показывает, как в таких отношениях сложно приходится мужчине, когда девушка требует от него эмоций, которые он не может выразить: *«Мне гнусно быть у тебя в долгу, да и ты не рада»* [Полозкова 2014: 76].

Главным героем поэзии Верой Полозковой является мужчина, с которым женщина напрасно пытается найти своё счастье, между ними всегда появляются преграды: остывшие чувства, незабытое прошлое, расстояния, горечь обид и потерь. Отсюда вытекает тема расставания, она главенствующая в первом сборнике поэтессы «Фотосинтез». Поэтесса словно сосредоточена на разлуке и последующем одиночестве. Она разбирает это чувство, детально изучает его. Мужчина в отношениях, описанных Верой Полозковой, чаще всего не может испытать ответного чувства, но не бежит от объяснений с женщиной. Поэтесса не стремится обнажить грубую мужскую сущность человеческой души, она сама признает, что в чём-то мужской пол сильнее и этим вызывает уважение со стороны лирической героини. Расстояние, возникшее между возлюбленными, находится в постоянном изменении: то растягивается (*«как от острова до острова»*), то сжимается (*«равно ночи в поезде»*). Однако это расставание всегда является мощным толчком к творчеству, вдохновением поэтессы, поэтому в некотором роде можно говорить о том, что она сама ищет эти эмоции (*«Не уходи с горизонта...»*).

Тема любви тесно связана с темой счастья: счастье для поэтессы всегда неуловимо, оно не образе жизни, не в людях, а в мимолётных состояниях. Вот как описывает счастье поэтесса в одноименном стихотворении:

Потому что счастье не интервал – кварта, квинта, секста,
Не зависит от места бегства, состава теста,
Счастье – это когда запнулся в начале текста,
А тебе подсказывают из зала (*Счастье…, 2007*).

Говоря о счастье, поэтесса утверждает, его реально испытать каждому в своей жизни, в том числе лирическому герою, окружённому урбанистическими пейзажами. Тема города – сквозная во всём творчестве Веры Полозковой. Так или иначе она затрагивается практически во всех стихотворениях, ведь именно в изображении окружающего мира и проявляются скрытые эмоции героев стихотворений (*«Вот был город как город, а стал затопленный батискаф..»*). Образ города не статичен, он, как и другие образы в произведениях Веры Полозковой,

изменчив. В зависимости от замысла автора город может быть дружелюбным по отношению к персонажам или враждебным: *«Здесь всегда все не так: весна не к месту, зима не по росту»*. Однако именно с этим «эгоистичным» городом и связан неразрывно человек: *«Мы из этого города выплавлены и сотканы».* Вид рифмы делит стихотворение «Город» на смысловые блоки. Вера Полозкова сочетает дактилическую рифму (*«габаритными – ритмами – бритвами»*), женскую (*«он смеётся нами», «говорит нами»*) и мужскую (*«нить – винить»*). Так создаётся сложный рифменный рисунок стихотворения [Полозкова 2014: 98].

Из-за этого противостояния духовной сущности человека и городской суеты может возникнуть главный конфликт стихотворения, например: *«Зря всемогущий Демиург не сотворил немного ближе Москву и Екатеринбург...»*. В этих строках подчеркивается сожаление поэтессы о том, как далеки Москва – место жительства Веры Полозковой, Екатеринбург – родной город лучшей подруги поэта – Эльвиры Павловны. Таким психологизмом и объясняется то, что поэтесса изображает город всегда в переходные состояния – либо осенью, либо весной.

Из такого мрачного пейзажа лирический герой стремится сбежать, и поэтому все чаще в стихотворениях Веры Полозковой появляется мотив вокзала. Он предстает как в буквальном смысле: *«у меня ночной пятьдесят шестой»*, так и в переносном: *«не сходи с моих рельс».* Однако эти поезда, вагоны, перроны не приносят должного облечения, и в конце поэтесса пишет: *«я проснусь на конечной от неожиданной тишины. и безропотно освобожу вагон»* [Полозкова 2015: 58].

Время в текстах поэтических произведений измеряется расстоянием: *«От тебя до меня Расстояние, равное лучшей повести Бунина; равное речи в поезде От Південного до Киевского вокзала. Расстояние, равное “главного не сказала”», а «расстояние – лучший врач».* Так рождается «Индийский цикл» – 14 стихотворений о путешествиях Веры Полозковой по Индии.

Бог в понимании Веры Полозковой меняется свои внешние оболочки и предстает перед читателем в разных обличиях (*«Господь», «Вечный», «Отче», «Боже», «Боженька», «Папа», «Серый Волк», «Судья», «Мой великий кардиотерапевт», «Верховный Электрик»* и др.). Однако все эти слова в некотором роде теряют свой священный смысл, и образ Бога сближается с конкретикой повседневной жизни и способствуют проявлению практических навыков. Происходит антропоморфизация, под которой мы понимаем переход божественного существа из сакральной области в область реальных людей: *«Был бы Бог милосерд – заливал бы монтажной пеной», «или даже не бог, а какой-нибудь его зам... – ну привет, вот бог, а его генерал...».* Несмотря на

«очеловечение» Бога, он всё же остается абстрактной категорией, такой, с которой связаны все важнейшие жизненные ценности и понятия, такие как любовь (*«Сто “виват” тебе, о Великая ... Богом… посланная...чума...»);* смерть (*«Хью совсем не боялся смерти, а все твердили: “И не надейся От нее даже самый смелый не уходил”»*); музыка (*«так что слушай, садись и слушай божий ритмичный смех»*).

Среди обыденности автор видит исключительность характера каждого, в сердце каждого – неразрешённую проблему и душевную драму. Это и определяет творчество Веры Полозковой.

Библиографический список

1. Полозкова, В. Непоэмание / В. Полозкова. – Москва : Livebook, 2014. – 224 с.

2. Полозкова, В. Осточерчение / В. Полозкова. – Москва : Livebook, 2014. – 184 с.

3. Полозкова, В. Фотосинтез / В. Полозкова, О. Паволга. – Москва : Livebook, 2015. – 112 с.

Г. Ю. Семенова
(г. Владивосток, Россия)

ПОНЯТИЯ «СОН» И «БЕССОННИЦА» В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. Представлены анализ и сопоставление понятий «Сон» и «Бессонница» в ранней лирике М. И. Цветаевой. В результате исследования были выделены лексемы, входящие в тематические группы, представляющие исследуемые понятия, связи с другими тематическими группами. Понятие «Сон» в рассмотренной лирике наделяется в основном отрицательными коннотациями. Понятие «Бессонница» является амбивалентным.

Ключевые слова: сон, бессонница, тематическая группа, понятие, М. И. Цветаева.

Слово в языке – хранитель накопленных знаний и представлений о мире. Все слова в языке находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности, то есть в системе. В языке выделяется лексическая система, в рамках которой выявляются следующие лексические объединения: семантическое поле, тематическая группа, лексико-семантическая группа, лексическая категория.

Данное исследование выполнено в русле антропоцентрической парадигмы и представляет собой изучение языковой картины мира М. И. Цветаевой. Цель работы – выявить индивидуально-авторские коннотации понятий «Бессонница» и «Сон» через выделение и анализ одноименных тематических групп на материале ранней лирики

М. И. Цветаевой. Тематическая группа (ТГ) – «структура, включающая в себя базовое слово-идеологему, объединяющая вокруг себя, и подчиняя себе варианты общей темы и общего комплексного смысла» [Казарин 1999: 183].

В результате анализа было выделено, что в ТГ «Сон» входят следующие лексемы и словосочетания: *сон* (29), *спать* (26), *сонный* (7), *спящий* (3), *сниться* (2), *засыпать* (2), *уснуть* (2), *проспать* (1), *сновидец* (1), *выспаться* (1), *снотворный* (1), *сомкнутые веки* (1). ТГ «Бессонница» включает: *бессонница*, *бессонный*, *(не) спать*, *просыпаться*, *уносить (сон)*.

Мы проанализировали употребление лексем в контекстах стихотворений, чтобы выделить тематические группы, с которыми связаны ТГ «Сон» и «Бессонница».

ТГ «Сон» связана с ТГ «Религия», «Смерть», «Ночь», «Движение», «Зрение», «Тело», «Природа», «Дом».

ТГ «Бессонница» связана с ТГ: «Тело», «Ночь», «Свет», «Круг», «Религия», «Дом», «Природа», «Дружба», «Движение», «Мучение», «Смерть», «Зрение».

ТГ «Сон» и «Бессонница» тесно связаны с ТГ «Религия», в которую входят лексемы и словосочетания: *аминь* (2), *Бог* (2), *певчий* (2), *(не) молиться* (2), *безгрешность* (1), *святилище* (1), *фимиам* (1), *ладан* (1), *(не) клясться* (1), *труба* (1), *терн* (1), *рай* (1), *хор* (1), *сад* (1), *Эдем* (1), *блаженный* (1), *Иверская колыбель* (1), *купол* (1), *колокол* (1), *Богородица* (1), *ладан* (1), *идол* (1), *помолиться* (1), *идолопоклонница* (1), *чтец* (1), *серафим* (1), *воспеть* (1), *славословить* (1), *святой* (1), *икона* (1), *звонарь* (1), *класть поклоны* (1). Например:

*Чтобы – **спалось** – легче,*
*Буду – тебе – **певчим***

(«Обвела мне глаза кольцом») [Цветаева 1990: 61].

В связи с ТГ «Бессонница» в ТГ «Религия» выделяются лексемы, репрезентирующие христианскую тему (*Богородица*, *серафим*, *купол* и др.) и представляющие тему языческую (*идол*, *идолопоклонница* и др.). Лексемы из ТГ «Бессонница» в сочетании с лексикой, эксплицирующую тему христианства, приобретают положительные коннотации. Например:

*После **бессонной** ночи слабеет тело,*
*После **бессонной** ночи слабеют руки,*
В медленных жилах еще занывают стрелы –
*И улыбаешься людям, как **серафим**.*

(«После бессонной ночи слабеет тело») [Цветаева 1990: 63].

Так, серафимы, согласно христианской мифологии, – «”огненные” ангелы, наиболее приближенные к Богу» [Мифологический словарь], имеющие способность очищать огнём.

Наиболее яркая связь ТГ «Сон» наблюдается с ТГ «Смерть», в которую входят лексемы и словосочетания: *вечный сон* (2), *себялюбивый сон* (1), *одинокий сон* (1), *вольный сон* (1), *гроб* (1), *Ваганьково* (1), *ложиться* (1), *положить* (1), *гробница* (1), *земля* (1), *мертво* (1), *смерть* (1), *зарево* (1), *каменные плиты* (1). М. И. Цветаева использует традиционный перифраз для слова «смерть» – «вечный сон» и индивидуально-авторские перифразы: «себялюбивый сон», «одинокий сон», «вольный сон», а также «вечный дом», который можно интерпретировать как «гроб»:

И первый ком о крышку ***гроба*** *грянет, –*
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
(«Настанет день») [Цветаева 1990: 55].

ТГ «Бессонница» также имеет связь с данной группой, а именно с лексемами и словосочетаниями *уснуть под землею* (1), *вечный сон = смерть* (2), *вечный дом* (1), *выспаться в земле* (1), *гроб* (1). Но эта связь намного слабее и несет отрицательные коннотации. Лирическая героиня обрекает себя на смерть из-за бессонницы:

И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле ***не давали уснуть*** *друг другу.*
(«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!» [Там же: 49].

Она боится сна, который царит в ограниченном пространстве, а ограниченное пространство представлено домом, там сон для нее равен смерти:

Не спи*! крепись! говорю добром!*
А то – ***вечный сон****! а то –* ***вечный дом****!*
(«Кто спит по ночам? Никто не спит!») [Цветаева 1990: 65].

В ТГ «Дом» входят лексемы: *дом* (7), *окно* (5), *бездомный* (2) (антоним), *жилье* (1) *двери* (1), *ворота* (1), *дворцы* (1). Лексема «дом» наделена поэтом отрицательными и положительными коннотациями. Отрицательными коннотациями наделен «сонный дом» – замкнутое пространство, из которого необходимо вырваться, чтобы спастись, и этот способ – бессонница, поэтому «бессонный дом» наделен положительными коннотациями.

Интересно, что «вечный дом» приравнивается к гробу. Мы предполагаем, что это связано с тем, что слово «домовина» и гроб являются синонимами. Например:

Не спи*! крепись! говорю добром!*
А то – вечный сон! а то – ***вечный дом****!*
(«Кто спит по ночам? Никто не спит!») [Там же: 65].

«Бессонный дом», напротив, несет положительные коннотации. «Бессонный дом» и окно, «где не спят» – это то, что необходимо сберечь с помощью молитвы:

<…>
Помолись, дружок, за ***бессонный дом****,*
За ***окно*** *с огнем!*
(«Вот опять окно…») [Там же: 66].

Во время бессонницы лирическая героиня находится в постоянном движении. Этим объясняется связь ТГ «Бессонница» и «Сон» с ТГ «Движение»: *идти* (2)*, ворваться* (1)*, путь* (2), *плыть* (1), *кочевье* (1), *проплывать* (1), *лететь* (1), *шаг* (1) *выйти* (1), *идти* (1), *выступить* (1), *странница* (1). Например:

В огромном городе моем – ночь.
Из ***дома сонного*** *иду – прочь.*
Июльский ветер мне метет – ***путь***
(«В огромном городе моем – ночь…») [Там же: 63].

Одной из самых частотных групп, с которыми связана ТГ «Бессонница», является ТГ «Тело»: *руки* (8) / *рученьки* (1), *глаза* (8) / *очи* (2), *губы* (5) / *уста* (2), *зрачок* (3), *черноглазый* (1), *тело* (1), *голова* (1), *височные ямы* (1), *лицо* (1) / *личико* (1), *палец* (1), *глаза* (3), *руки* (2), *глазницы* (1), *ресницы* (1). Связь данной ТГ с ТГ «Сон» намного слабее.

В рассмотренной лирике нами были выявлены индивидуально-авторские ассоциации поэта. Так, бессонница соотнесена с образом рук и губ. Лексема «руки» в связи с бессонницей вводит мотив единения – разъединения душ, в связи со сном, наоборот, наблюдается только мотив единения, что влияет на понимание значения лексем «сон» и «бессонница» в идиостиле М. Цветаевой. Например:

Спи*,* ***бессонная****.*
<…>
Вот и выпущены из ***рук***
Твои ***рученьки***
(«Обвела мне глаза кольцом…») [Цветаева 1990: 61];

Вот опять окно,
Где опять **не спят**.
<…>
Или просто – **рук**
Не разнимут двое.
(«Вот опять окно») [Там же: 66].

Спят*, не разнимая* ***рук****,*
С братом – брат,
С другом – друг.
(«Спят, не разнимая рук») [Там же: 103].

С помощью лексем «очи» и «уста», которые имеют стилистическую помету «поэтическое, книжное» [Ушаков 2001: 189, 491], происходит приближение к таинственному, сакральному, лирическая героиня как будто проходит через обряд посвящения:

***Бессонница**! Друг мой!*
<…>
*Раздвинь **уста**!*
*Всей негой **уст***
(«Бессонница! Друг мой!») [Цветаева 1990: 66];

Тебе одной ночами кладу поклоны,
*И все твоими **очами** глядят иконы!*
(«У тонкой проволоки над волной овсов…») [Там же: 84].

ТГ «Сон» и «Бессонница» связаны с ТГ «Зрение», которая включает следующие лексемы: *видеть* (4), *увидеть* (1), *увидеться* (1), *(не) глядеть* (4), *видеть* (1). Интересно, то, что через мотив виденья и связь со сном создается особый мир, где можно встретиться, соединиться с близкими, а во время бессонницы лирическая героиня описывает только то, что встречает на своем пути:

*Когда **увидимся**? – Во сне.*
(«Смывает лучшие румяна») [Там же: 100];

*Я **видела бессонницу** леса*
(«Ныне я гость небесный») [Там же: 64].

Нами были выделены и группы, которые связаны только с одной из ТГ. Так, например, ТГ «Бессонница» связана с ТГ «Круг», в которую входят следующие лексемы: *круг* (11), *кольцо* (4), *венец* (3), *обвить* (1), *оплести* (1), *увенчать* (1), *круглый* (1). Интересно, что образ кольца приносит бессонницу и одиночество своему обладателю:

*Дарю тебе железное **кольцо**:*
***Бессонницу** – восторг – и безнадежность.*
<…>
Тогда молчи и прижимай к губам
*Железное **кольцо** на пальце смуглом.*
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
*Один – как Бог в своем железном **круге**!*
(«П. Антокольскому») [Цветаева 1990: 118].

Так бессонница с помощью определенных действий, направленные на лирическую героиню, не дает ей погрузиться в сон:

***Обвела** мне **глаза** кольцом*
*Теневым – **бессонница**.*
Оплела** мне глаза **бессонница
Теневым венцом.
(«Обвела мне глаза кольцом») [Там же: 61].

Итак, понятие «Сон» в лирике М. И. Цветаевой наделяется, в основном, отрицательными коннотациями, что выявляется через тесную связь ТГ «Сон» и «Смерть». На это указывают индивидуально-авторские перифразы *себялюбивый сон*, *одинокий сон*, которые обозначают смерть. Сон царит в ограниченном пространстве, которое лирическая героиня стремится покинуть. Но отмечаются и положительные конно-

тации: во сне появляется возможность соединиться с близкими людьми. А связь с темой религии говорит о том, что через сон лирическая героиня может приобщиться к сакральному. Бессонница и сон тесно связаны с темой дома, который наделен поэтом отрицательными и положительными коннотациями. Отрицательными коннотациями наделен «сонный дом», он представляет собой замкнутое пространство, из которого необходимо освободиться, и бессонница позволяет ей вырваться из этого места. Понятие «Бессонница» является амбивалентным. С одной стороны, бессонница связана с мучениями, которые испытывает лирическая героиня в состоянии без сна, с другой стороны, с темой религии, что дает возможность осмыслять этот образ как сакральный, так лирическая героиня приближается к божественному, трансцендентному. Во время бессонницы лирическая героиня может соединиться с близкими людьми, что проявляется через связь с темой дружбы. Связь с данной темой прослеживается и в том, что и лирическая героиня, и бессонница называют друг друга подругами.

Библиографический список

1. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как система : монография / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Уральский ун-т, 1999. – 260 с.

2. Мифологический словарь. – URL: https://myth.slovaronline.com/ (дата обращения: 19.02.2020).

3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Вече. Мир книги, 2001. – Т. 1–4. – 2142 с.

4. Цветаева, М. И. Стихотворения. Поэмы / М. И. Цветаева. – Владивосток : Дальневост. ун-т, 1990. – 836 с.

О. В. Сергушкова, Е. А. Зеро
(г. Мозырь, Беларусь)

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОСКЛИЦАНИЯ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация. В исследовании анализируются риторические восклицания в текстах художественных произведений И. С. Тургенева с точки зрения их участия в решении авторских задач. Очерчен круг данных конструкций, выделены маркеры эксклamации: междометия, частицы, местоимения, наречия, фразеологизмы, редупликация, которые выражают или акцентуируют чувства, эмоциональные состояния, желания, а также поведение и когнитивные реакции, мотивированные отрицательной или положительной оценкой. Определяются эмоционально-эстетические функции риторических восклицаний.

Ключевые слова: риторическое восклицание, оценка, эмоциональная реакция, чувство, экспрессивность, функция.

Воздействующая функция текста художественного произведения зависит от таланта адресата. Авторитет языковой личности И. С. Тургенева очень высок. Писатель принадлежит к ряду тех великих русских мастеров слова XIX века, которым удалось с помощью обычных языковых единиц структурировать новый, «возможный», мир, до сих интересный и важный для всех. Здесь нет случайных описаний, эпизодов, персонажей, деталей, всё подчинено авторской интенции, решению коммуникативно-эстетических задач. Этот громадный и сложно структурированный мир давно привлекает к себе внимание и читателей, и учёных, пытающихся понять и объяснить его. Но, словно двигаясь по герменевтическому кругу времени, тургеневский мир всякий раз открывает ещё плохо знакомое нам пространство как объект для анализа. Для писателя-реалиста Тургенева в его творениях была очень важна правда жизни и её восприятия, правда мыслей, суждений, чувств, состояний. Может быть, поэтому в текстах его произведений почти все вербально выраженные попытки описать окружающее (природу, людей, их жизнь, любовь, смерть...) экспрессивны, то есть выразительны. Человек всегда – сознательно или не отдавая себе отчёта, выражая это в своих словах, поступках или скрывая – оценивает события как хорошие (то есть желательные) или плохие (нежелательные для него). Оценка может варьироваться не только по знаку, но и по силе реакции, субъективного отношения к действительности. С оценкой тесно связана эмоциональность, на наш взгляд, они взаимно мотивированы: оценочность как признак экспрессивности всегда имеет эмоциональный характер, а эмоциональность всегда проявляется вместе с оценочностью как её результат. Степень экспрессивности, то есть её интенсивность, тоже может быть разной. Таким образом, экспрессивность включает категории оценочности, эмотивности и интенсивности.

Цель настоящего исследования – изучить и описать риторические восклицания в текстах писателя как одно из главных средств структурирования в них эмотивного фона и маркировки их выразительности, обозначенной на письме восклицательным знаком и ощущаемой адресантами через эмоционально-эстетические функции рассматриваемых синтаксических построений.

Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи: 1) выделить типы функционально и структурно разных риторических восклицаний; 2) выявить маркеры экскламации; 3) определить эмоционально-эстетические функции анализируемых конструкций.

Результатами исследования являются следующие положения и выводы.

В текстах произведений И. Тургенева очень много восклицательных предложений, предназначенных для выражения сильных чувств и

переживаний персонажей, а также для сообщения о поведении героев произведений, мотивированном эмоциональной реакцией на ситуацию. Их высокая частотность способствует повышению экспрессивности. Разнообразные эмоционально-эстетические функции, а также вариативность способов и средств структурирования восклицательных конструкций предопределяют их таксономию, под которой понимается видо-родовая иерархия разновидностей данной категории (таксонов), каждая из которых имеет свои дифференциальные признаки. Наиболее чётко они выражены у риторических восклицаний, анализу которых посвящена данная работа.

Риторические восклицания (лат. exclamation) – это стилистические фигуры, имеющие свои, специфические, показатели экскламации, обусловливающие разные типы данных фигур. В текстах И. С. Тургенева такими показателями выступают отличающиеся друг от друга структурно-морфологическими признаками языковые единицы, эмоционально-эстетические функции которых близки к функциям, отмеченным в [3], или совпадают с ними, но могут быть и индивидуальными, обусловленными данным конкретным контекстом. Рассматриваемые единицы используются для усиления экспрессивности выражений за счёт акцентуации эмоционально-субъективного отношения к ситуации, которое конкретизируется в тексте, причём часто при её декодировании в сознании адресата актуализируются сведения из вертикального контекста, интертекста или всего доступного дискурса.

Маркерами экскламации в текстах И. С. Тургенева являются:

1) междометия «боже», «о», «ага», «ого», «увы», «тьфу», «а», «ах», «эх», «фу», «гей», «гм» и др. Они употребляются при высказываниях или в высказываниях, выражающих или подчёркивающих какие-либо чувства, отношение к ситуации, эмоциональные состояния, желания, а также обусловленные ими когнитивные реакции и поведение героев. Например, восторг: (1) *...когда я кончил.. немец с умилением произнёс: «**Боже**! как прекрасно!»* [4, 18]. Оценка гётевского «Фауста» даётся именно немцем Шиммелем, у которого эта поэма, прочитанная на родном для него языке, действительно вызывает такое чувство; боязнь: (2) *...тревога в нём... всё не унималась. **О,** как Базаров посмеялся... если б он узнал, что в нём тогда происходило!* [3, 511]. Это чувство каузировано идейно-тематическим содержанием романа, начиная с его названия – «Отцы и дети»: Николай Петрович Кирсанов действительно боялся иронии Базарова, считавшего ненужным и смешным всё, что не приносит реальной пользы; удовлетворение: (3) ***Ага!** – воскликнул он, – я вижу, вы начали срисовывать мой пейзаж...* [4, 150]; злорадство: (4) ***Ага!** На своём молоке обжёгся, на чужую воду дует* [3, 490]. С помощью одного и того же междометия в (3) подчёркивается главная черта Паншина – его самовлюблённость, а в (4) – негативное

чувство, которое вызывают у Базарова аристократические манеры и образ жизни Павла Петровича, ставшие причинами его роковой страсти; ирония: (5) *Злое не должно быть красивым! /// **Ого!** какие умозрения!* – *заметил Петр Алексеич, – куда мы удалились от стихов!* [5]. В приведённом микротексте особенно отчётливо проявляется диффузная функция междометия «ого», предопределяющая его использование для акцентуации сложного чувства, в котором смешались удивление, неодобрение и ирония, что мотивировано содержанием всего произведения: Веретьеву не нравится Астахов, кажущийся ему холодным и расчётливым человеком, поэтому его раздражает обсуждение прочитанного им стихотворения Пушкина «Анчар»; показное сожаление: (6) *Послушайте, сударыня, – начал он* (**Лаврецкий.** – *О. С.*)*... < ... > Я не знаю, зачем вам угодно было пожаловать сюда: вероятно, у вас денег больше не стало. /// – **Увы!** вы оскорбляете меня, – прошептала Варвара Павловна* [4, 210]. Жена главного героя «Дворянского гнезда» блестяще разыгрывает роль несчастной грешницы, но на самом деле ничуть не раскаивается и не печалится, её речь фальшива, так как не отражает подлинных эмоций. Выделенное междометие употребляется здесь в функции риторического высказывания – характерного театрального приёма структурирования патопеи как нарочитой демонстрации чувств [Москвин 2019: 1].

Примечание: здесь и далее текстовые фрагменты выделены курсивом, рассматриваемые языковые единицы – полужирным курсивом; восклицательный знак – двойным подчёркиванием.

2) частицы «да», «нет», «вот», «как» «полноте», с помощью которых (при риторических восклицаниях или в них) акцентуируются речевые и поведенческие реакции, а также чувства и психические состояния, мотивированные отрицательной или положительной оценкой ситуации. Например, удивление: (7) ***Да!** вообрази, на другой день... слышу я вдруг – чей-то... женский голос поёт...* [4, 24]. Здесь названное чувство вызвано неожиданным поступком героини «Фауста»; укоризна: (9) *А ты танцуешь с Машей? – спросила Надежда Алексеевна... брата. /// Да, – сказал он равнодушно. /// **Да! да!** – повторила Надежда Алексеевна с укоризной...* [5]. Эмоциональная реакция, вызванная негативным отношением к ситуации, названа в самом микротексте, экспрессивность которого усилена редупликацией; отрицание, несогласие, акцентуируемое частицей «нет»: (9) *...что касается до времени – отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня. **Нет**, брат, это всё распущенность, пустота!* [3, 490]; досада: (10) *Лаврецкий... < ... > ...отворил дверь... < ... > ...хозяйка дома воскликнула: «**Вот** неожиданно!» – и слегка нахмурила брови* [4, 194]. Такая эмоциональная реакция вызвана негативным отношением к Лаврецкому его тёти, о чём сообщается в предшествующей главе, т.е. значение частицы не только обусловлено отдалённым предшествую-

щим контекстом, но и эксплицировано в нём другими языковыми средствами, в данном случае лексическими. И др.;

3) восклицательные устойчивые сочетания с повышенной экспрессивностью, функционирующие чаще всего как частицы. Это языковые единицы, употребление которых в речи свидетельствует о превышающем норму психическом напряжении адресантов. Они бытуют исключительно в разговорной речи. Вслед за авторами [2] мы не дифференцируем такие конструкции, квалифицируя все подобные языковые явления как устойчивые сочетания. Они так же, как конструкции с междометиями и частицами {см. пункты 1) и 2)}, употребляются с целью структурирования общей эмоциональной окрашенности речи, а их конкретные эмоционально-эстетические значения (функции) выражаются с опорой на содержание. Например, осуждение: (11) *...голова вся седая, а что рот раскроет, то солжёт или насплетничает.* ***А ещё*** *статский советник****!*** [4, 141]; согласие, уверенность в правильности своей оценки, подчёркнутые усилительной частицей «ещё бы» в значении «конечно» [2, т. I, 468]: (12) *...как он* (**Гедеоновский**. – *О. С.*) *покойному мужу был предан****!*** *– проговорила Марья Дмитриевна… /// **Ещё бы****!*** *тот его за уши из грязи вытащил, – проворчала Марфа Тимофеевна…* [4, 141]; неудовольствие: (13) *А правда ли, – перебивал его* (**Антона.** – *О. С.*) *Лаврецкий, – её* (**Глафиру Петровну.** – *О. С.*) *старой колотовкой звали? /// **Да ведь кто** звал****!*** *– возражал с неудовольствием Антон* [4, 177]. В риторическом восклицании, предполагающем отрицательный ответ «никто», употребляется устойчивое выражение, в состав которого входят местоимение и усилительные частицы «да» «ведь», служащие для придания высказыванию большей силы, выразительности [2, т. I, 145, 359]; отказ: (16) *...я не поэт,* ***куда мне****! Но что-нибудь в этом роде...* [4, 178], [2, т. II, 145]. Здесь значение устойчивого сочетания в функции просторечной частицы мотивировано чувством глубокого сожаления Лемма об отсутствии у него поэтических способностей и невозможности удовлетворить просьбу Лаврецкого; полуодобрение, выраженное устойчивым сочетанием, имеющим значение «ничего, сойдёт» [2, т. I, 631]; (14) *Мысль о завтрашнем поединке... придавала блеск и оживление его* (**Астахова**. – О. С.) *речам; ...он позволил себе небольшие преувеличения в выражении чувств своих... «**Куда ни шло****!**» – думал он* [5]; гнев как эмоциональное состояние персонажа, акцентуируемое просторечными фразеологизмами, употребление которых каузировано в данном микротексте не только лексически (словом «нелепость»), но и привлеченными писателем сведениями из другой области знаний, лежащей за пределами данного текста, то есть пресуппозицией: (15) *Надо будет секунданта сыскать, – продолжал он свои размышления, – а где его,* ***к чёрту****, найти? Веретьева нельзя, других я никого не знаю,* ***чёрт знает, что за*** *нелепость* ***такая****!" /// Владимир Сергеич, когда сердился, любил поминать чёрта* [5] и др.;

4) местоимения «*какой», «каков», «сколько», «столько», «такой», «этот», «что (это) за», «чего»* (в значении «очень многое» [2, т. IV, 685]), разговорные «*экой», «экий*», просторечное «*эдакий»*, определительное просторечное «*что»*. Эти местоимения в риторических восклицаниях, как правило, маркируют повышенную эмоциональность, поэтому близки к группе словоформ со значением меры, степени проявления признака. Например: (16) *Ах,* ***какая*** *славная лошадь****!*** [4, 143]; (17) ***...****Федор Иваныч! У вас в Лавриках* ***такой*** *чудесный дом****!*** [4, 151]; *Мне очень хорошо было. < … > А* ***что*** *слышалось птиц****!*** [4, 7]; (18) *Вот я опять в своём старом гнезде, в котором не был… целых девять лет.* ***Чего, чего*** *не перебывало в эти девять лет****!*** [4, 7]; (19) *Сергей Петрович... по-французски не говорит... /// < … > По-французски не говорит, –* ***эка*** *беда****!*** [4, 141]; (20) *Да вот... лёгок на помине...* ***Экой*** *длинный, словно аист****!*** [4, 141]; (21) ***Сколько звёзд!*** *– медленно проговорил он* (**Шиммель**. – *О. С.*) [5, 18] и др.;

4) наречия «как», «так» в усилительной функции, подчёркивающие несогасие: (21) ***Как*** *вы всегда строго о нём отзываетесь****!*** < … > (22) ***...как*** *он покойному мужу был предан****!*** *– проговорила Дарья Дмитриевна…*[4, 141]; отчаяние: (23) ***Как*** *мне тяжело****!*** ***как*** *я её люблю****!*** [4, 26]; боль: (24) ***Как*** *внезапно обрушился этот удар на мою голову****!*** [4, 26]; восторг: (25) ***Как*** *подействовала на меня вся великолепная первая сцена****!*** [4, 9]; (26) уверенность: ***Так*** *я никогда не любил, нет, никогда****!*** [4, 26] и др.;

3) усиленная редупликация, под которой понимается стилистическая фигура, полученная в результате двухкратного или (реже) трёхкратного контактного повторения слова, словосочетания, а также предложения или предикативной единицы сложного предложения. Данные стилистические фигуры не только указывают на длительность действия, но и выполняют эмоционально-эстетические и характерологические функции. Например: (27) ***Живей, живей****, ребята, подсобляйте, – воскликнул Николай Петрович, – на водку будет****!*** [3, 469]; *...чудовищная волна обхватывает весь круг небосклона. /// Она* ***летит, летит*** *на нас****!*** [6: «Сон»]; (28) ***...я так несчастна, так несчастна****!* *– воскликнула г-жа Лаврецкая и залилась слезами...* [4, 207]; (29) *Высоко над толпою... стоял его соперник, молодой поэт Юлий… А народ вопил кругом: /// –* ***Слава****!* ***Слава****!* ***Слава*** *бессмертному Юлию****!*** [6: «Два четверостишия»] и др.

Таким образом, риторические восклицания имеют свои, специфические, признаки, к которым прежде всего относятся такие показатели эксклямации, как междометия, частицы, эмоционально-экспрессивные устойчивые обороты, редупликация, а также местоимения и наречия, которые маркируют повышенную эмоциональность субъектов. Данные построения структурируют эмоциональный фон

произведений, усиливают экспрессивность речи, употребляясь для сообщений о высоком накале страстей, выделяют важнейшие смысловые моменты повествования. В этих конструкциях реализуются самые разные субъективно-модальные значения, выражаются или акцентуируются какие-либо чувства, отношение к ситуации, эмоциональные состояния, желания, а также когнитивные реакции и поведение героев, мотивированные отрицательной или положительной оценкой: восторг, радость, наслаждение, интерес, страх, боязнь, возмущение, гнев, удивление, уверенность, злорадство, просьба, мольба, одобрение, ирония, согласие и др. В художественной речи И. С. Тургенева много риторических восклицаний. Это одна из любимых его стилистических фигур, соответствующая языковым вкусам и пристрастиям автора, лингвистическому укладу его писательского мышления.

Библиографический список

1. Москвин, В. П. Риторика и теория аргументации : учеб. для вузов. – 3-е изд., пер. и доп. / В. П. Москвин. – Москва : Юрайт. – 2019. – 725 с.

2. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1981–1984.

3. Тургенев, И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Москва : Худож. лит., 1971. – 672 с.

4. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1: Повести и романы 1860–1876 / И. С. Тургенев. – Москва : Худож. лит., 1980. – 446 с.

5. Тургенев, И. С. Затишье / И. С. Тургенев // ЛитМир – Электронная библиотека. – URL: https://www.litmir.me/br/?b=124494 (дата обращения: 25.02.2020).

6. Тургенев, И. С. Затишье / Полное собрание сочинений : в 30 т. / И. С. Тургенев. – Москва : Наука, 1982. – Т. 10. – URL: https://ilibrary.ru/text/1378/index.html (дата обращения: 25.02.2020).

Л. Р. Сидоркова
(г. Бухара, Узбекистан)

СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА

Аннотация. Рассматривается проблема стилистической маркированности лексических единиц, представляющей наличие у них одного или нескольких исторически изменчивых коннотативных значений, способных по-разному проявляться в языке и художественной речи. Стилистически окрашенные лексемы в произведениях того или иного автора образуют определенную систему и являются одной из составляющих его оригинального идиостиля. Одним из мастеров русского слова, в произведениях которого чрезвычайно широко представлен спектр функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных коннотаций, является М. А. Булгаков. Проведен анализ смешения стилей как одного из художественных приемов ор-

ганизации текста, характерных для творчества этого писателя. Анализируется данный прием на примерах повестей «Дьяволиада», «Собачье сердце», «Роковые яйца», сатирических рассказов, где смешиваются канцелярские штампы или высокая лексика и стиль разговорно-просторечный. Автор доказывает, что смешение стилей у М. А. Булгакова является характерным приёмом создания сатирического эффекта, одним из средств выразительности, способом активизации возможностей подтекста и отображения собственного отношения к описываемым явлениям.

Ключевые слова: стилистическая маркированность, смешение стилей, коннотация, канцелярский, разговорный, вторичный смысл, комический эффект, языковая характеристика.

В. В. Виноградов характеризует творчество писателей как «самодеятельность субъекта литературы, который находится в меняющихся структурных связях субъектов бытовой речи» [Виноградов 1980: 85], подчёркивая тем самым, что общеязыковые особенности способны смешиваться, трансформироваться, переосмысливаться в художественной речи. Мы считаем, что это положение можно отнести и к особенностям стилистической маркированности слов.

Стилистическая маркированность имеет большую традицию изучения. В разное время этой проблемой занимались Ю. Д. Апресян, Ю. А. Бельчиков, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, И. Р. Гальперин, А. И. Ефимов, М. Н. Кожина, Е. Ф. Петрищева, Д. Э. Розенталь, Ю. М. Скребнев, В. И. Шаховский и др. Однако многоплановость понятия «стилистическая маркированность» предполагает, что в этой области существуют большие возможности раскрытия ещё не познанных закономерностей языка и речи. Цель данной статьи – описать смешение стилей как один из характерных для М. Булгакова приёмов использования стилистически окрашенной лексики, получающей в тексте дополнительную смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку.

В языке писателя в соответствии с его творческим замыслом, эстетическими идеями и индивидуальным вкусом переплетены самые разнообразные стороны общенародного языка и окказиональных средств выражения. Поэтому именно в художественных текстах можно обнаружить все богатство коннотативных оттенков слов и особенностей их актуализации. М. А. Булгаков является одним из мастеров русского слова, в творчестве которого чрезвычайно широко представлен спектр функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных коннотаций.

Тематика прозы М. А. Булгакова широка и многообразна. Продолжая линию русской сатиры Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова и др., М. А. Булгаков создал свой неповторимый стиль, свою особую систему художественных приёмов использования стилистически маркированной лексики: повтор одного и того же стилистически окрашенного слова, нанизывание слов с одинаковой

стилистической окраской, градационный ряд коннотаций, использование деминутивов и др.

Одним из таких приёмов является смешение стилей. В. В. Новиков отмечает, что М. А. Булгаков «*создал новое жанровое образование – жанр сатирической научно-фантастической повести, сочетая в ней строгий реализм с фантазией учёного и придавая ситуациям и образам притчеобразный философский смысл*» [Новиков 1996: 15]. Такое смешение жанров потребовало от писателя и смешения стилистических средств.

Известно, что в языке художественной литературы могут использоваться элементы любых функциональных стилей, но у М. А. Булгакова их переплетение зачастую бывает преднамеренным, выступая как приём организации текста, как одно из средств реализации авторского замысла. Смешение стилей не только отражает хаос жизни 20-х годов XX века, наполненной глобальными экономическими и политическими преобразованиями, но и позволяет автору в гротескной форме косвенно выразить своё отношение к революции как к антигуманному научному эксперименту.

Этот приём характерен для многих произведений М. А. Булгакова, особенно для повестей «Дьяволиада», «Собачье сердце», «Роковые яйца», сатирических рассказов.

Например, в «Дьяволиаде» часто наблюдается смешение канцелярского стиля с разговорно-просторечным. Описывая метания маленького человека, делопроизводителя Короткова, в «*машинной жути*» бюрократизма, писатель вводит в канцелярский стиль сниженную лексику, вызывая комический эффект. Так, заведующий «Бюро лицензий», к которому Коротков обращается не иначе как «*товарищ блондин*», выдаёт ему справку:

***Предъявитель сего** есть действительно **предъявитель**, а не какая-нибудь **шантрапа**.*

Такие пародийные формулировки, демонстрируя всю уродливость и алогизм работы чиновничьего механизма, помогают М. А. Булгакову полнее выразить своё негативное отношение к описываемому явлению.

Подобного рода стилистическое смешение лексических пластов является яркой чертой языковой характеристики Шарикова – героя повести «Собачье сердце». Это образ эволюционизирующий. В начале произведения перед читателем предстаёт существо, которое без внешнего влияния могло бы достигнуть только «вершин» развития своего трижды судимого донора Клима Чугункина. Отсюда и его первые слова: *«подлец», «я тебе покажу», «отлезь, гнида», «в очередь, сукины дети»* и т.п. Однако в общении со Швондером он усваивает ряд официальных штампов, что приводит к смешению стилей в его речи: «***Ухватили животную**, исполосовали **ножиком** голову... Я **иск**, мо-*

жет, ***имею право предъявить***». Комизм усиливается, когда в реплики Шарикова автор вставляет отдельные слова высокого стиля типа «*благоволите»*, характерные для речи профессора Преображенского.

В рассказе «Мадмазель Жанна» мы видим ещё более пёструю картину. Личность (так Булгаков иронически называет прохвоста-ведущего), представляя «*прорицательницу и медиумистку мадмазель Жанну из Парижа и Сицилии*», старается как можно сильнее заинтриговать публику, показать свой высокий уровень кругозора и образованности. При этом в его речи смешивается и научная, и канцелярская, и публицистическая лексика:

Все построено исключительно на ***силах природы*** *с разрешения* ***месткома*** *и* ***культурно-просветительной комиссии*** *и представляет собой* ***виталлопатию*** *на основе* ***гипнотизма*** *по учению индийских факиров,* ***угнетённых*** *английским* ***империализмом***.

Глубокое невежество, звучащее в словах личности, – это не индивидуальная характеристика одного конкретного персонажа, это обобщение. Ведь ему внимает и аплодирует целый зал. Таким способом при небольшом объёме и относительной простоте сюжета в данном рассказе проявляются вторичные смыслы, скрытые в тексте под разностильным элементами.

В авторской речи произведений М. А. Булгакова часто встречается повествование, выдержанное в стиле, присущем конкретному, как правило, осмеиваемому персонажу. Писатель как бы подстраивается под изображаемого героя, вкрапливая в свою речь чуждые элементы. Это позволяет ему на основе контраста двух разных стилей более ярко и выпукло обрисовать не только особенности речи данного персонажа, но и передать образ и ход его мыслей, раскрыть его психологию. Например, изображая в рассказе «Паршивый тип» лентяя и бездельника слесаря Пузырева, М. Булгаков незаметно переходит с нейтрального стиля описания на разговорно-просторечный, свойственный его герою, отчего авторская речь начинает изобиловать выражениями типа «*спер пять порошков кофеину*», «*слопал сразу*», «*докторша Микстурина*» и т.п. Такие выражения на фоне основной строгой манеры повествования дают писателю возможность создать комический эффект при лаконичной форме изложения.

Подобным образом построены и рассказы, в которых речь ведётся от имени самих героев: «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева», «Летучий голландец», «Самоцветный быт» и др.

Итак, смешение стилей у М. А. Булгакова является характерным приёмом создания сатирического эффекта, одним из средств выразительности, способом активизации возможностей подтекста за счёт использования стилистически маркированной лексики и отображения собственного отношения к описываемым явлениям.

Библиографический список

1. Булгаков, М. А. Записки покойника / М. А. Булгаков. – Ташкент : Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1990. – 656 с.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды о языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
3. Новиков, В. В. Михаил Булгаков – художник / В. В. Новиков. – Москва : Московский рабочий, 1996. – 357 с.

А. В. Стройков
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫК ПЛАТОНОВА – ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Проведен анализ литературного наследия А. П. Платонова (1899–1951) – одного из ярчайших представителей отечественной и мировой изящной словесности. В исследовании освещены основные художественные особенности его поэтики. Особое внимание уделено феномену «платоновского косноязычия». Показана взаимосвязь речевой манеры писателя с его представлениями о назначении искусства и философско-политическими взглядами.

Ключевые слова: А. П. Платонов, платоновское косноязычие, платоновский утопизм, русская литература XX века, пролетарская культура, русский космизм.

I. Беглый биографический очерк. Андрей Платонович Платонов (фамилия при рождении – Климентов, впоследствии литератор сменил её) появился на свет летом 1899 года в Ямской Слободе города Воронежа. Отец будущего писателя, Платон Фирсович Климентов, работавший машинистом и слесарем в железнодорожных мастерских, был ещё и изобретателем-самоучкой, что сделало его местной знаменитостью, а мать, Мария Васильевна, дочь часового мастера, вела домашнее хозяйство. Мальчику, росшему в многодетной семье, пришлось рано повзрослеть и приобщиться к труду.

В 1906 году он поступил в церковно-приходскую школу, с 1909 по 1913 гг. учился в городской четырёхклассной школе. Юноше довелось работать литейщиком на трубном заводе, изготавливать мельничные жернова в воронежских мастерских.

В 1918 году Платонов стал студентом физико-математического отделения Воронежского университета, но вскоре перевёлся на историко-филологическое. Позднее, снова резко изменив планы, юноша поступил в Воронежский рабочий железнодорожный политехникум, который успешно окончил в 1921 году. Унаследовав от отца страсть к изобретательству, он стал обладателем ряда патентов (правда, далеко не все технические замыслы Платонова получили воплощение; некоторые из них были и вовсе неосуществимы [Чубаров 2010: 92]).

Мобилизованный в ряды РККА, Платонов успел поучаствовать в Гражданской войне.

Литературным творчеством интересующий нас автор увлёкся в достаточно раннем возрасте. В двенадцать лет Платонов начал сочинять стихи, а позднее обратился к художественной прозе, критике и публицистике. На рубеже 1910-х–1920-х гг. писатель стал постоянным корреспондентом ряда воронежских газет. В 1922 году была издана его первая книга – сборник стихов «Голубая глубина».

Несколько лет (вплоть до 1926 года) Платонов занимал ряд административных должностей, принимая активное участие в мероприятиях по борьбе с засухой и массовым голодом. Несмотря на огромную служебную нагрузку, писатель не оставлял литературную деятельность.

После публикации в 1929 году рассказа «Усомнившийся Макар» Платонов подвергся ожесточённой травле со стороны официозной критики и навсегда попал в когорту «идеологически вредных» авторов.

В конце 1930-х гг. писатель перенёс тяжелейший удар судьбы: под каток сталинских репрессий попал его сын, пятнадцатилетний Платон. В заключении молодой человек заболел туберкулёзом, от которого умер вскоре после освобождения.

Во время Великой Отечественной войны Платонов служил военным корреспондентом, публиковал очерки, заметки и рассказы, посвящённые фронтовым будням и мужеству советских солдат.

Умер Платонов в январе 1951 года. Значительная часть его произведений дошла до читателя лишь спустя десятилетия после смерти автора. Потребовалось немало времени, чтобы художественное наследие писателя было оценено по достоинству.

II. Общая эстетическая характеристика. Общим местом в современном литературоведении стало представление о том, что А. П. Платонов является «создателем нового художественного языка, характеризующегося склонностью к универсальным обобщениям, многозначностью слов и образов…» [История русской литературы XX века: 215]. Также отмечается, что «…платоновские произведения с их притчеобразностью,… усложнённостью сюжета и характеров посвящены трагедии человеческого одиночества в мире и поискам способов её преодоления» [История русской литературы XX века: 215].

Многие тексты Платонова имеют весьма оригинальную нарративную структуру: писатель часто прибегал «…к заранее не планируемому повествованию, единство которого задаётся непосредственно неэксплицируемой логикой идей, накладывающейся на резонирующую с ней тему… путешествий и приключений героев в поисках коммунизма или его строительства» [Чубаров 2010: 100].

Традиционный для платоновского творчества конфликт носит предельный, «метафизический» характер (Человечество vs. Мир). В его основе – сочетание трёх семантических доминант: коллективизма, машинизма и космизма [Стройков 2018]. Данный аспект художественного мира Платонова (к нему мы ещё вернёмся) во многом обусловлен влиянием на писателя идей Н. Ф. Фёдорова [Стройков 2018]. Следует также отметить связь такого типа коллизии с циклическим архетипом времени [Стройков 2018: 61].

Хотелось бы ещё обратить внимание на частое использование Платоновым библейских мифологем. На переосмыслении библейских мотивов, сюжетов и образов у него нередко основываются авторские «варианты» эсхатологии и космогонии.

III. Язык Платонова – язык революции. Важнейшей чертой платоновских текстов является неповторимое стилистическое своеобразие. Исследователи говорят о «примитивизме» писателя, «платоновском косноязычии», проявляющемся в «сложном синтаксисе с избыточными придаточными, ненормативным управлением и согласованием словосочетаний» [История русской литературы XX века: 218].

Нестандартностью, «неправильностью» речевой манеры обусловлена трудность визуализации многих картин и эпизодов, изображаемых автором [Чубаров 2010: 96–97]. В этой особой стилистической структуре заключается уникальность «платоновского косноязычия»: «Писательская стратегия Платонова вообще не предполагает прямой визуализации образа, а для понимания смысла предполагается более длинный обходной путь. Его можно назвать открытием точки машинного зрения внутри самого письма…

Подобные невизуализируемые ни средствами кино, ни даже в воображении сцены можно назвать в прямом смысле трансгрессирующими чувственность, но при этом приучающими её к восприятию скрытой или вытесняемой нашим пугливым сознанием действительности…

…В случае Платонова можно говорить об отложенном эффекте зримости, причём разворачивающемся на совершенно другой сцене… до конца визуализировать ключевые сцены его прозы не удаётся, потому что они не сводятся к картинке и наслаждению ею, а предполагают переструктурирование самой реальности с непредрешённым визуальным результатом» [Чубаров 2010: 96–97].

Итак, язык Платонова призван особым образом воздействовать на сознание читателя. Конечная, предельная его задача – радикальное переформатирование человеческого мышления.

Широко распространено представление о Платонове как непримиримом критике коммунистического проекта. Эта точка зрения, однако, требует существенной корректировки. Действительно, писатель, создавший ряд мрачных антиутопий («Чевенгур», «Котлован», «Мусор-

ный ветер» и др.), не раз с поразительной художественной честностью изображал «тёмные» стороны советской действительности. Но, признавая негативные следствия социалистического строительства, Платонов отнюдь не отрекался от благого замысла. Писатель стремился отыскать путь ненасильственного, «безболезненного» воплощения утопии.

Платонов не был противником пролетарской революции. Более того, писатель мыслил себя её деятельным участником. Однако он понимал революцию «по-своему». Платонов, если можно так выразиться, был своего рода «еретиком революции».

По Платонову, достижение коммунизма ещё не является итоговой целью человечества. Писатель мыслил куда более «глобально». В его стихах, художественной прозе, публицистических высказываниях звучит призыв к уничтожению Вселенной и последующему её пересозданию на лучших началах. Наравне с постулатами марксизма и концепцией «пролетарской культуры» на Платонова оказали сильнейшее влияние идеи основателя русского космизма Н. Ф. Фёдорова, мечтавшего об объединении человечества ради обуздания слепых сил природы, победы над смертью и воскрешения усопших [Стройков 2018].

Себя писатель воспринимал как «социального инженера», а свои произведения – как особые «недоделанные» нарративные структуры, оказывающие «провоцирующее» действие на внешнюю реальность [Чубаров 2010: 110, 102].

Платонов был не только еретиком революции, но и еретиком языка. Его речевая манера, «преодолевающая» языковую нормативность, отражает революционность авторского мышления. «Изобретённое» писателем косноязычие, разумеется, неотделимо от платоновского утопизма: «…он (*Платонов – А. С.*) считал изменение порядка языка первым шагом к изменению действительности» [Чубаров 2010: 93].

Библиографический список

1. История русской литературы XX века : учеб. для бакалавров : в 2 ч / В. В. Агеносов, К. Н. Анкудинов, А. Ю. Большакова и др. ; под общ. ред. В. В. Агеносова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – Ч. 2. – 687 с.

2. Стройков, А. В. Мифопоэтика Андрея Платонова / А. В. Стройков // Вестник магистратуры. – 2018. – № 7. – С. 53–62.

3. Чубаров, И. М. «Литературные» машины Андрея Платонова / И. М. Чубаров // Логос. – 2010. – № 1. – С. 90–111.

Л. А. Хантаева
(г. Пенза, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ АФОРИЗМОВ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Аннотация. Дается общее понятие об афоризме, раскрывается тематическая разноплановость кратких изречений в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Выявлена наиболее обширная тематическая группа афоризмов. Приведены обоснования данного факта.

Ключевые слова: афоризм, тематическое разнообразие, роман Л. Н. Толстого «Война и мир».

Афоризм – изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-л. оригинальную мысль [Евгеньева 1999]. В афоризме достигается предельная концентрация непосредственного сообщения, в котором мысль воспринимается окружающими слушателями или читателем.

В науке существует большое количество определений термина «афоризм», они варьируются в зависимости от эпохи, страны, взглядов конкретного учёного. Изучение специфики функционирования афоризма и его видовых особенностей затрудняет тот факт, что до сих пор не имеется чёткого, общепринятого определения жанровых границ афоризма, нет упорядоченной классификации различных его видов. По этой причине в справочной литературе встречаются противоречивые сведения. Однако бесспорными и общепризнанными являются такие свойства афоризма, как лаконичность и обобщённость.

Афоризмы рождаются как самостоятельно, в качестве отдельных произведений, так и в контексте научных, философских и художественных текстов.

Наш научный интерес связан с изучением афоризмов, содержащихся в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». Данное произведение, помимо всего прочего, отличает широта тематического круга кратких изречений. Афоризмы из романа стали достоянием нации, богатством нашей культуры. Они встречаются и в речи героев, и в авторских отступлениях. Объём афоризмов изменяется по мере введения новых действующих лиц, в речи которых эти единицы начинают выполнять свои функции. Всё это в совокупности придает глубину смысла и мудрость произведению в целом.

Все афористические выражения, содержащиеся в романе-эпопее, представилось возможным распределить на тематические группы:

1. Нравственные ценности человека:

Как можно быть здоровой, когда нравственно страдаешь? (А. П. Шерер); *Кто всё поймёт, тот всё и простит* (княжна Марья

Болконская); *Есть только две добродетели: деятельность и ум* (кн. Н. А. Болконский); *Наслаждение делать добро есть единственное верное счастие жизни* (Пьер Б.); *Надо быть снисходительным к маленьким слабостям; у кого их нет* (княжна Марья Болконская); *Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Мы не имеем права наказывать. И ты поймёшь счастье прощать* (княжна Марья Б.).

2. Человеческие пороки:

Есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие (кн. Н. А. Болконский); *Я не из-за денег женюсь, я считаю это неблагородно, но надо, чтобы жена принесла своё, а муж своё* (Берг); *Ах, деньги, граф, деньги, сколько от них горя на свете!* (графиня Наталья Ростова).

3. О жизни и смерти, о смысле жизни:

Я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счастие жизни (А. П. Шерер); *Всё кажется хорошим, что было прежде* (кн. Андрей Болконский); *В минуты отъезда и перемены жизни, на людей, способных обдумывать свои поступки, обыкновенно находит серьёзное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно поверяется прошедшее и делаются планы будущего* (Автор); *Коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся* (Тушин); *Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлечённее её интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы* (Автор).

4. Отношения между людьми:

В самых лучших, дружеских и простых отношениях лесть или похвала необходимы (Автор); *Всегда лучше перекланяться, чем недокланяться* (Автор); *Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатиях и антипатиях* (кн. Андрей Болконский).

5. О войне, военной службе:

Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны бы не было (кн. Андрей Болконский); *Вы думаете, что очень легко брать маршалов, сидя на диване перед камином* (Билибин); *Уже раз пойдя по карьере военной службы, надо стараться сделать, коль возможно, блестящую карьеру* (Борис Друбецкой); *Каждый генерал и солдат чувствовали своё ничтожество, сознавая себя песчинкой в этом море людей, и вместе чувствовали своё могущество, сознавая себя частью этого огромного целого* (Автор); *Соединение австрийской отчетливости с русской храбростию – чего ж вы хотите ещё?* (Долгоруков); *Как в механизме часов, так и в механизме военного дела, так же неудержимо до последнего результата раз данное движение, и так же безучастно неподвижны, за момент до передачи движения, части*

механизма, до которых ещё не дошло дело (Автор); *Будет ли завтра победа, или поражение, слава русского оружия застрахована* (Билибин); *Солдат в движении так же окружён, ограничен и влеком своим полком, как моря кораблём, на котором он находится* (Автор).

6. Религия, вера:

Ах, ежели бы не было у нас утешения религии, жизнь была бы очень печальна (княжна Марья Болконская); *Человечество забыло законы своего божественного спасителя, учившего нас любви и прощению обид, и что оно полагает главное достоинство своё в искусстве убивать друг друга* (княжна Марья Болконская); *Только одна религия может нас уже не говорю утешить, но избавить от отчаяния; одна религия может объяснить нам то, чего без её помощи не может понять человек: для чего, зачем существа добрые, возвышенные, умеющие находить счастие в жизни, никому не только не вредящие, но необходимые для счастия других, – призываются к богу, а остаются жить злые, бесполезные, вредные или такие, которые в тягость себе и другим* (княжна Марья Болконская).

7. Государственное устройство:

Всякая насильственная реформа достойна порицания потому, что нимало не исправит зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому, что мудрость не имеет нужды в насилии (Пьер Б.); *Царь – есть раб истории* (Автор); *Государь должен находиться при армии только тогда, когда он полководец* (Наполеон); *Большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа* (Наполеон).

8. Любовь. Отношения между мужчиной и женщиной:

Свяжи себя с женщиной – и, как скованный колодник, теряешь всякую свободу (кн. Андрей Болконский); *Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин* (кн. Василий К.); *Чем менее нравится женщина, тем она бывает постояннее* (кн. Андрей Болконский); *Браки совершаются на небесах* (графиня Наталья Ростова); *Но этот любящий мучитель, – самый жестокий оттого, что он любил и за то мучил себя и её* (Автор); *Если вы кого-нибудь любите… это ещё не причина, чтобы запереть себя* (графиня Элен Безухова); *Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу* (кн. Андрей Болконский).

Писательский стиль Л. Н. Толстого уникален, и его мудрость олицетворяется в применении афоризмов в тексте романа. Как можно видеть из примеров высказываний, афоризмы в произведении разноплановы по тематике. «Пилотное» исследование материала показало, что преобладают афоризмы на тему войны, военной службы, что связано с изначальным идейным замыслом всего произведения.

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» – произведение вне времени, глубокое по смыслу, уникальное по стилю и мудрое по значимости для современного читателя. Автор будто делится с нами, современными читателями, опытом, который столь ценен и важен для всех поколений.

Библиографический список

1. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / А. П. Евгеньева. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1999. – URL: http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp
2. Толстой, Л. Н. Война и мир : в 4 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : Правда, 1978.

П. В. Ходос
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПЛИМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. РУБИНОЙ

Аннотация. Характеризуется комплимент как лингвокоммуникативная единица, рассматриваются особенности и классификация данных конструкций. Проводится анализ особенностей функционирования разных видов комплиментов в творчестве Д. Рубиной.

Ключевые слова: комплимент, Д. Рубина, функционирование, адресат, адресант комплимента.

В современной лингвистике активно рассматривается комплимент как единица коммуникации и функционирование данной конструкции в различных областях. Комплимент – одна из важнейших форм речевого этикета, позволяющая воздействовать на адресата: расположить его к себе, улучшить его эмоциональное состояние.

Комплимент как средство гармонизации межличностного взаимодействия входит в круг исследования различных научных областей: лингводидактики, прагматики, лингвокультурологии, культурологии, практической психологии и т.д. В языкознании данная область исследована не достаточно и представляет интерес.

Цель данной работы – рассмотреть особенности функционирования комплимента в творчестве Дины Рубиной. Данная тема актуальна, так как Рубина является современным писателем, ее произведения не исследованы в достаточной мере и являются интересным материалом для наблюдения над языком.

Комплимент (фр. *compliment*) – это «эмотивное высказывание, в котором адресант, как правило, выражает эмоции радости, восторга,

восхищения, гордости за адресата» [Двинянова 1999: 34]. Комплимент – выражение реально существующих достоинств собеседника, целью его является доставить удовольствие собеседнику, при этом адресант не получает личной выгоды.

В произведениях Дины Рубиной содержатся различные виды данных конструкций. И. С. Морозова классифицирует комплимент относительно того, что он подчеркивает: комплимент внешности, внутренним качествам, способностям и т.д. [Морозова 1999: 15].

На основе этой классификации в текстах Д. Рубиной можно выделить комплименты, объектами которых становится внешность человека. В данной конструкции может отмечаться удачная прическа, макияж, фигура, черты лица. Это наиболее распространенный объект комплимента в произведениях писательницы. Адресатами таких комплиментов чаще всего становятся женщины: *«С полминуты разглядывал меня на пороге кабинета, сощурившись и гоняя рукою дым. – Как тебе удается так худеть?»* («Синдикат»); *«– Как мой новый носик? – Обворожителен, – отозвался он на зевке… Чудный милый носик, моя Психея»* («Голос»). Реже такие комплименты адресованы мужчинам: *«Захар не удержался и, прикоснувшись губами к его щеке, проговорил: – Ты такой стал красивый…»* («Белая голубка Кордовы»). Часто внимание обращается на руки и волосы человека: «*изумительные руки», «красивые руки», «…вам идёт «каре», «…вот это ку-у-удри!»*. Внимание может обращаться и на черты лица: «*чеканный подбородок», «мощно вылепленные надбровные дуги»*. В таких конструкциях широко используются имена существительные с оценочным значением: *симпатяга, прелесть, куколка, красавица, красотка, красуля.* Также используются сравнения: «*…похожа на Дину Верни», «…вы так похожи на Маноло», «Амазонка!», «…мадонна!», «…ты похож на старика Вольтера», «…императрица…», «…Ты красива, как Юдифь Джорджоне».*

Немного реже в произведениях писательницы встречаются комплименты уму, способностям, талантам человека: *«Между тем вы носитель редчайшего дара! Ваши голосовые данные – алмаз, и до бриллианта ему совсем недалеко»* («Голос»); «У тебя вон руки золотые, я твоих кукол видал» («Синдром Петрушки»); *«– Ты моя умница. Ты – самая вострая, самая приметливая… самая-самая»* («Блудный сын»). Наиболее распространены комплименты природным данным человека: «*точный глаз», «хорошая, мастеровая рука», «гибкая рука», «золотая голова», «гениальный слух», «природная эластичность голоса».* Встречается большое количество комплиментов уровню владения каким-либо языком: «*великолепный иврит», «хороший испанский», «блестящий язык».* В таких конструкциях писательница использует эпитеты: *фантастическая, способная, блистательный.*

Нередко в произведениях встречаются комплименты действиям, результатам действий адресата. Может одобряться и поступок, и поведение в целом. После комплиментов внешнему виду это наиболее распространенный вид конструкций в произведении. В таких конструкциях используются наречия с оценочным значением: *неплохо, замечательно, здоров, потрясающе, красиво,* а так же существительные с оценочным значением: *молодчина*, *умница.* Кроме этого, используются имена прилагательные разных степеней сравнения: *лучший*, *лучше.* Велика частотность использования эпитетов: *живой*, *горячий*, *морской*, *классный*, *преданный.*

Реже комплимент относится к элементу гардероба адресата: *«–А платье! Твое новое обалденное платье!!!»* («Блудный сын»); *«– Ты знаешь, что тебе очень идет фрак?... Ты в нем такой стройный… даже высокий!»* («Блудный сын»). В этом случае распространено использование конструкций «*тебе идет», «тебе пойдет».* Также используются эпитеты: *обалденное*, *потрясающая.*

Присутствуют в произведениях Рубиной и комплименты внутренним качествам людей. В таком комплименте отмечаются душевные и моральные качества человека: *«Вы такой щедрый» (*«Голос»); *«– Ты такая смелая, я восхищаюсь тобой!»* («Бабий ветер»). В данных конструкциях нередко используются эпитеты, выраженные полными формами прилагательных *нежная*, *трепетная*, *славный*, а также краткими формами: *прекрасна*, *изумительна*, *великолепна*. Кроме этого, велика частотность употребления указательного местоимения *такая.*

Реже присутствуют комплименты возрасту адресата. В этом случае возраст собеседника преуменьшается: *«– Никакой не старикашка, ты что, чико! – возмущалась она. – Немного морщинок на лбу… ну, и тут, возле рта. И ни одного седого волоса* («Белая голубка Кордовы»); *«– Вы-то – мальчишка, – проговорил он с улыбчивым вздохом. – А я отлично помню середину пятидесятых. Вы тогда еще не родились, верно?»* («Синдром Петрушки»). В таких конструкциях используются такие существительные как *старикашка, мальчишка*, разговорные выражения: *«ты в соку»*.

В некоторых случаях комплимент относится не к адресату, а к его родственникам. Конструкции данного вида встречаются в произведениях реже всего: *«– Потрясающе!...Представляете, какое образное мышление?...Катя, у вас очень талантливый ребенок! Купите ей цветные карандаши, пусть рисует»; «Если б вы знали, Вера, из какой замечательной семьи вы произошли!»* («На солнечной стороне улицы»).

Таким образом, Дина Рубина в своих произведениях активно использует комплименты разных видов. Исследование данных конструкций позволяет определить особенности языка произведений писательницы.

Библиографический список

1. Двинянова, Г. С. Комплимент в английской лингвокультуре конца XX века (этнокультурный, прагматический и гендерный аспекты) / Г. С. Двинянова. – Пермь, 1999.

2. Морозова, И. С. Комплименты и их роль в общении / И. С. Морозова // Проблемы языковедения и литературоведения: динамический аспект. – Пермь, 1999.

3. Мудрова, Е. В. Комплимент в наши дни на материале из Интернета / Е. В. Мудрова // Киберленинка. – 2007. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompliment-v- nashi-dni-na-materiale-iz-interneta (дата обращения: 21.02.2020).

4. Ташкина, О. С. Комплимент в современной коммуникации : учеб. материалы / О. С. Ташкина. – 2010. – URL: https://works.doklad.ru/view/mYZVCNnSSUo/all.html (дата обращения: 21.02.2020).

В. Шетэля
(г. Москва, Россия;
г. Варшава, Польша)

ЛЕКСИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И. А. БУНИНА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Отмечены научно-технические новинки в поэтической строке И. А. Бунина. Поэт, как свидетель эпохи, употреблял в своих поэтических текстах термины, тематически связанные с транспортом, сообщением, со всем тем, что улучшало быт общества. В статье делается попытка раскрыть смыслы строк, в которых научно-технический термин отсутствует или же скрывается в словах, значение которых не всегда понятно. По возможности в статье дается история терминов в русском языке и их употребление другими авторами.

Ключевые слова: заимствование, поэтическая строка, семантика, словарь, термин.

И. А. Бунин, как свидетель событий своего времени, свидетель прогресса, не мог не отметить в своих произведениях те изменения, которые происходили на его глазах в научно-технических областях. В бунинской поэтической строке, а на поэзию мы обратили внимание, употреблены термины, относящиеся к разным областям науки, техники, которые указывают на уходящую и наступающую эпоху.

Какие разные картины рисует И. А. Бунин при описании судна на паровой тяге в начале XX века, и как эта картина отличаются от образа, созданного при помощи слова **пироскаф** – «пароход», в прозе у А. С. Пушкина. Время создания этих текстов разделяет не один десяток лет.

«Из чёрных труб «Марокко» Восходит дым. Зеленая волна Стальною сажей, блестками полна… Вот пар взлетел – и трубы призывно заревели в высоту» [Бунин 1985: 143]. В этом фрагменте стихо-

творения «Рассвет» нет наименования пароход (оно здесь подразумевается), но оно есть в других произведениях этого автора. Например: «Огромный, красный, старый пароход У мола стал, вернувшись из Сиднея» [Бунин 1985: 121]. Термин **пароход** обычное, устоявшееся для того времени название судна, выполняющего свою транспортную функцию на море.

В прозе А. С. Пушкина не находим термина **пароход**, но имеется у него термин **пироскаф** (греч. сложение πυρ – „огонь” + σκάφος – „судно”) – это термин, заменяемый в скором времени термином **пароход**, на что и указывают словари, см.: «*гр*. – пароход» [Гавкин 1912: 497].

У Пушкина **пироскаф** это нечто светлое, без дыма, пара и сажи: «Уже воображал себе на пироскафе (…) Пироскаф тронулся: морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег…» [Пушкин 1986: 343]. Совсем разный подход в создании текста при помощи, названных здесь терминов. У Пушкина **пироскаф** это техническая новинка, о которой поэт тут же сообщил, а у Бунина привычное для всех судно, названное термином **пароход**, которым еще так недавно называли локомотив.

Важная техническая информация о прогрессе в области телеграфа передается, на наш взгляд, в следующе бунинской строке: «Пчелоеды… отдыхают На золотистых нитях телеграфа» [Бунин 1977: 195]. Стихотворение «Цейлон», написанное в 1916 г., подтверждает, что в это время телеграф уже не был семафорным, а сообщения передавались ***еще*** по проводам. Если разобраться в истории слова телеграф (франц. télégraphe < греч. τηλε – „далеко” + γράφω – „пишу”), то в XVIII веке простым *телеграфом* был матрос с флажками. Ближе к середине века телеграфом называли вышку с сигнальными знаками (семафор).

К середине XIX в. данная техническая новинка значительно усовершенствуется. Словарь иностранных слов Гавкина поясняет: «**телеграф** – аппарат для быстрой передачи сведений на более или менее отдаленное расстояние по проволоке, посредством электрического тока, магнитной иглы, различные колебания которой обозначают ту или другую букву» [Гавкин 1912: 633]. Возможно, что уже о таком телеграфе пишет В. Г. Короленко: «Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа» [Короленко 1954: 8]. В бунинской строке говорится об электрическом проводном телеграфе. Нет упоминании о подводном, беспроводном телеграфе, или же об акустическом телеграфе, т.е. о телефоне, о которых поэт уже должен был знать. В бунинской строке имеются «нити телеграфа», что создает также определенный поэтический образ.

Вероятно, употребленное И. А. Буниным слово **дормез** (франц. dormeuse от dormir – „спать”) – «дорожная карета, в которой можно лежать вытянувшись» [Даль 1880: 1, 473] также связано с уходящей эпохой или может быть это ироническое использование слова для названия странного экипажа. См. бунинское стихотворение 1916 г.: «… и вижу – сзади Несется с гулом, полный клади, на дышле с фонарем, дормез» [Бунин 1985: 192]. Информацию о продаже дормеза можно найти в газете в самом начале XIX века: «Продается Венская Карета, дормез» [Известия к Санкт-Петербург ведомостям 1810: 43, 637]. В своих воспоминаниях А.А. Фет отмечал: «четвероместный дормез, каких при железных дорогах и менее выносливых лошадях теперь уже не делают – с раскидными постелями, с большим зеркалом… со всевозможными туалетными приспособлениями и ревербером для ночного чтения» [Фет 1983: 369].

Действительно, новым словом в русском языке является слово **велосипед** (из ст.- франц. vèlocipéde от лат. vēlōx – „быстрый” + pede(m) – „нога”) – «средство быстрого передвижения, рама на двух колесах, следующих одна за другим и приводимых во вращение ногами седока» [Черных 1993: 1, 140]. И. А. Бунин употребил это слово в своей поэтической строке: «Промелькнет Велосипед бесшумным махом птицы» [Бунин 1977: 126]. Вероятней всего это первое употребление слова в стихотворной строке. Слово в эту пору употреблялось также в прозаических произведениях, см.: в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой: «Ещё я говорила, что его верховую лошадь, его спаржу и фрукты, его благотворительность, велосипеды и пр., – все это я ему доставлю…» [Толстая 2013: 47] и у А. П. Чехова: «Идем, и вдруг, можете себе представить, катит на велосипеде Коваленко, а за ним Варенька тоже на велосипеде, красная, заморенная, но веселая, радостная» [Чехов 1985: 9, 229].

Таким образом, отметим, что в стихотворной строке И. А. Бунина прямо или косвенно отмечены новинки научно-техническим прогресса его времени. Таким новым словом, в начале XX века, будет слово **велосипед** впервые в стихотворной строке, вероятно, употребленном именно у Бунина. В статье делается попытка раскрыть смыслы строк, в которых научно-технический термин отсутствует или же скрывается в словах, значение которых не всегда понятно. По части это слова отжившие свой век. По возможности раскрываем история терминов в русском языке и их употребление другими авторами.

Библиографический список

1. Бунин, И. А. Стихотворения / И. А. Бунин ; худож. В. Серебряков. – Москва : Худ. лит., 1985.

2. Бунин, И. А. Избранное. Стихотворения. Переводы / сост. О. Михайлова / И. А. Бунин. – Москва : Моск. Рабочий, 1977.

3. Гавкин, И. И. Краткий словарь иностранных слов / И. И. Гавкин. – 60-е. изд. – Санкт-Петербург ; Киев ; Харьков, 1912.

4. Известия к Санкт-Петербургским ведомостям : газета. – Санкт-Петербург, 1853. – № 132.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Санкт-Петербург ; Москва, 1880. – Т. 1.

6. Короленко, В. Г. В дурном обществе / В. Г. Короленко // Собр. соч. : в 10 т. // В. Г. Короленко. – Москва : Гос. изд. худож. лит., 1954. – Т. 2.

7. Пушкин, А. С. Участь моя решена… // Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Худ. лит., 1986. – Т. 3.

8. Салтыков-Щедрин, М. Е. Мелочи жизни // Собр. соч. / М. Е. Салтыков-Щедрин – Москва : Правда, 1951. – Т. 11. – С. 145–450.

9. Софья Толстая. Воспоминания / сост. И. Андреев. – Москва : РИПОЛ классик, 2013.

10. Фет, А. А. Воспоминания / А. А. Фет. – Москва : Правда, 1983.

11. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – Москва : Рус. яз., 1993. – Т. 1–2.

12. Чехов, А. П. Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – Москва : Правда, 1985. – Т. 1–12.

Н. А. Шидловская
(г. Пенза, Россия)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Рассматриваются тематические группы вопросительных предложений в ранней лирике С. А. Есенина, объединяемые на основе коммуникативно-прагматического аспекта. Было выделено 11 коммуникативно-прагматических групп вопросительных предложений: о природе, о любви, о жизни и смысле жизни, о России, о деревне, о радости и печали, вопросы к самому себе и о самом себе, к людям и о людях, вопросы к Богу, вопросы на исторические темы, общие вопросы.

Ключевые слова: вопрос, вопросительное предложение, коммуникативно-прагматический аспект вопросительных предложений.

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября 1895 года в селе Константиново Рязанской области, он считается «самым крестьянским» поэтом в России, воспевавшим в своих произведениях «деревянную Русь» [Лекманов 2011]. Первый сборник поэта «Радуница» выпущен в 1916 году, в качестве названия выбран день, когда почитают умерших, и тогда же, по поверьям, наступает весна. Такая связь природного и духовного наблюдалась на протяжении всего творческого пути поэта [Лекманов 2011: 97].

Границей между ранним и поздним творчеством С. А. Есенина считается 1920 год, когда в стихотворениях поэта появляются мотивы «разворочённого бурей быта», пьяной удали, надрывной тоски [Лекманов 2011: 403].

Ранняя лирика Есенина в целом кажется более «лёгкой», в ней много произведений посвящено природе, деревне, юношеским впечатлениям поэта. Хотя уже в этот период творчества в вопросительных предложениях, употреблённых С. А. Есениным в своих стихах, встречаются философские, риторические вопросы, поэт задумывается и о смысле жизни, и о судьбе страны, русской деревни и русского народа.

А. Н. Гвоздев в качестве особой функции вопросительных предложений выделяет их участие в создании характера лирического героя в художественном произведении [Гвоздев 1965: 90]. Например, использование большого количества риторических вопросов свидетельствует о склонности к размышлениям, самоанализу. Кроме того, многие вопросительные предложения содержат в себе эмоционально-оттеночное значение, и употребление таких видов вопросительных предложений также может охарактеризовать героя произведения или самого автора. Поэтому мы считаем, что исследование вопросительных предложений в произведениях конкретного автора, в частности С. А. Есенина, во многом поможет раскрыть творческий замысел поэта и глубже проникнуть в его внутренний мир.

В произведениях, созданных С. А. Есениным на раннем этапе творчества, было выявлено 87 вопросительных предложений. Коммуникативно-прагматический аспект характеристики вопросительных предложений в лирике С. А. Есенина предполагает выделение тем, группирующихся в зависимости от адресата или тематики произведения. В ранней лирике С. А. Есенина нами было выделено 11 коммуникативно-прагматических групп вопросительных предложений: 1 – о природе, 2 – о любви, 3 – о жизни и смысле жизни, 4 – о России, 5 – о деревне (в том числе как о своей родине), 6 – о радости и печали, 7 – вопросы к самому себе и о самом себе, 8 – вопросы к людям и о людях (среди них – вопросы к своим родным), 9 – вопросы, обращённые к Богу, 10 – вопросы на исторические темы, 11 – общие вопросы.

Рассмотрим каждую из названных коммуникативно-прагматических групп.

Самой многочисленной оказалась группа **общих вопросов**, не отражающих смысловую нагрузку момента или произведения в целом. К этой группе мы отнесли 15 вопросительных предложений, в которых либо нет конкретного адресата, либо адресат не несёт в себе никакого символического значения. К этой группе относятся собственно-вопросительные предложения, поставленные с целью что-либо узнать, либо вопросительные предложения, употреблённые для диалогизации

повествования, оживления текста, либо для связи информации, преподносимой говорящими. Кроме того, некоторые вопросительные предложения этой группы выполняют в тексте эмоционально-экспрессивную функцию. Это, например, собственно-вопросительные предложения: *Кто ж катался здесь украдкой?* («Что это такое?», 1914 г.); *Друг… ты откуда?* («Пришествие», 1917 г.); *На кого ж похож ты, светлоглазый отрок?* («Ус», 1914 г.) и т.п.; риторические вопросы: *Разве воды текут обратно?* («Вот такой, какой есть», 1919 г.); *Ну а как теперь уж спать?* («Бабушкины сказки», 1915 г.) и др.

В первую очередь Сергей Есенин ассоциируется у читателей со стихотворениями на тему природы. В ранней лирике поэта эта тема действительно оказывается одной из наиболее частотных. Мы выявили 13 вопросительных предложений, **обращённых к природе**. Есенин как бы интересуется всем вокруг: небом: *Небо ль такое белое / Иль солью выцвела вода?;* следами на снегу: *Из-за ёлки бы высокой / Подсмотрел я на кругу: / Кто глубокий след далёкий / Оставляет на снегу?*, задаёт вопросы деревьям, звёздам – практически всему и обо всём, что видит. В этом есть даже некая детская наивность. В то же время поэт задаёт все эти вопросы не людям, а природе, вероятно, потому, что людям он доверяет гораздо меньше.

В частности, в стихотворении «Звёзды», самом раннем из произведений, в которых были выявлены вопросительные предложения, состоящем всего из семи предложений, четыре предложения являются вопросительными: *Что вы храните в себе, что скрываете? / Звёзды, таящие мысли глубокие, / Силой какою вы душу пленяете?», «Что в вас прекрасного, что в вас могучего? / Чем увлекаете, звёзды небесные, / Силу великую знания жгучего? / И почему так, когда вы сияете, / Маните в небо, в объятья широкие?* Такая насыщенность вопросами может свидетельствовать и о свойственной юношеству любознательности, и о поиске самого себя в жизни в целом и на творческом пути в частности.

Среди вопросов в вопросительных предложениях данной группы наблюдается и перекличка с любовной темой. Например, в стихотворении «Зелёная причёска…», написанном в 1918 г. и посвящённом Л. И. Кашиной, в описании берёзы очевидно сравнение с девушкой: *Зелёная прическа, / Девическая грудь, / О тонкая берёзка, / Что загляделась в пруд?*

На начальном этапе творчества **тема России** звучит мягко и поэтично. В эту группу мы отнесли 12 вопросительных предложений этого периода. Например, вопрос из стихотворения «На плетнях висят баранки…» 1915 года: *Ты ли, Русь, тропой-дорогой / Разметала ал наряд?*. В стихотворении «Небесный барабанщик» 1918 года, посвящённого революции, после слов: *Да здравствует революция / На земле*

и на небесах! – звучат два соответствующих вопроса: *Что нам слюна иконная / В наши ворота в высь? // Нам ли страшны полководцы / Белого стада горилл?* – в которых выражено отношение поэта к происходящему: тогда он восторженно принимал революцию и вслед за коммунистами отвергал Бога и подчёркнуто негативно высказывался против «белых», сравнивая их со стадом горилл.

Однако позже в вопросах Есенина о своей стране уже нет такого энтузиазма. Уже в стихотворении «Иорданская голубица» того же 1918 года поэт пишет: *Не ты ль так плачешь в небе, отчалившая Русь?* В эпитет *отчалившая*, применённый автором к обращению *Русь*, С. А. Есенин вложил разочарование в революции, а в сам вопрос «не ты ль так плачешь?» – сожаление, сочувствие стране. А в 1919 году в стихотворении «Кобыльи корабли» Есенин уже и вовсе не понимает, чем стала его страна, подчеркивая это несколькими вопросами подряд: *Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?* Даже в этих вопросах чувствуется, что Есенин любит свою страну, обращаясь к ней обращением с притяжательным местоимением *моя*, и поэту больно не узнавать свою Родину, изменившуюся за последние пару лет до неузнаваемости.

Близка к теме России и **тема деревни**. К этой группе относится 8 вопросительных предложениях из ранней лирики С. А. Есенина. *Чёрная, потом пропахшая выть, как мне тебя не ласкать, не любить?* – пишет Сергей Есенин в 1914 году. Не понаслышке зная тяжёлую крестьянскую долю, Есенин обеспокоен ей и в своих стихах: *Или нет в тебе жалости нежной / Ко страдальцу сохи с бороной?; Иль не слышишь, он плачется долей / В своей песне, идя бороздой?* («Брату человеку», 1912 г.). Уехав в Москву, поэт тоскует по родной деревне. Эта тяга к родным местам отражена, к примеру, в вопросе: *Где ты, где ты, отчий дом?* – дважды повторяющемся в одноимённом стихотворении 1917 года, и в вопросе: *Где ты… Где моя родина?* – из произведения «Сельский часослов» 1918 года.

7 вопросительных предложений обнаружено в ранних произведениях С. А. Есенина на тему **радости и печали**. 5 вопросов данной группы звучат в уже упомянутом цикле «Больные думы», название которого говорит само за себя. Например: *Звуки печали, скорбные звуки, / Долго ль меня вам томить? / Скоро ли кончатся тяжкие муки, / Скоро ль спокойно мне жить?* («Звуки печали»). Стихотворение «Закружилась листва золотая», которое поэт завершает вопросом: *Где ты, где моя тихая радость – / Всё любя, ничего не желать?* – который остаётся без ответа, «повисшим в воздухе». Складывается ощущение, что поэт продолжил рассуждать над ним наедине с собой, не раскрывая свои мысли на бумаге.

Анализируя все эти вопросы, можно сделать вывод, что тема радости и печали оказывается для С. А. Есенина очень важной. В стро-

ках на эту тему считывается тревожное состояние души поэта и мучительное желание обрести покой, его явно терзают тяжёлые мысли, от которых он никак не может избавиться.

Уже в своём раннем творчестве С. А. Есенин задавал вопросы **о жизни и смысле жизни** (7 вопросительных предложений этой тематики в ранней лирике) с нотами грусти и разочарования: риторическим вопросом: *А теперь что за жизнь? / В тоске изнываю* («Воспоминания», 1911-1912 гг.); сравнением: *Уж не сказ ли в прутнике / Жисть твоя и быль, / Что под вечер путнику / Нашептал ковыль?* («Край ты мой заброшенный», 1914 г.).

Важно отметить, что С. А. Есенин нередко затрагивал в своих произведениях **историческую тему**. В ранней лирике нами выделено 7 таких вопросов в произведениях соответствующей тематики. Например: *Всколыхнулось сердце Батыя: / Что случилось там, приключилося? / Не рязанцы ль встали мёртвые / На побоище кроволитное?* («Песнь о Евпатии Коловрате», 1912 г., написана по мотивам народных сказаний о рязанском богатыре XIII века Евпатии Коловрате и о времени нашествия войск хана Батыя на Русь и, в частности, на Рязанское княжество); *Не пора ли нам, ребята, взяться за ум, / Исполнить святой Марфин завет: / Заглушить удалью московский шум?* («Марфа Посадница», 1914 г., написано по мотивам событий о борьбе за объединение Руси княжеств Московского, правил которым царь Иван III, и Новгородского, во главе которого стояла Марфа Борецкая, вошедшая в историю и литературу как Марфа Посадница).

Вопросы к людям и о людях встречаем в ранней лирике С. А. Есенина 6 раз. В силу разгульного образа жизни и не самого простого характера у Есенина складывались непростые отношения с окружающими, нередко он в них разочаровывался. Это читается в таких вопросах как: *Люди, братья мои люди, / Где вы? Отзовитесь* («Певущий зов», 1917 г.); *О други, где вы?* («Пришествие», 1917 г.); *О, кого же, кого же петь / В этом бешеном зареве трупов?* («Кобыльи корабли», 1919 г.). В этих вопросах выражена некая отчаянная растерянность поэта, не обнаруживающего вокруг себя ни друзей, ни даже людей – только «трупов» – моральных и духовных, не понимающих поэта, ищущего и не находящего поддержки.

Среди вопросов поэта к людям есть и вопросы к своим родным: *В вихре снится сонм умерших, / Молоко дымящий сад. / Вижу, дед мой тянет вершей / Солнце с полдня на закат. // Отче, отче, ты ли внука / Услыхал в сей скорбный срок?* Эти строки из стихотворения «Пантократор», написанного в 1919 году, в очередной раз демонстрируют изменившееся отношение Есенина к событиям в стране, которые теперь он характеризует как «скорбный срок». В обращении к родным, ушедшим из жизни, к предкам мы видим обращение и к прошлым, «лучшим», по мнению поэта, временам.

Примечательно, что в ранний период творчества С. А. Есенин вообще не задаёт вопросов о смерти, в отличие от более позднего периода. Но в раннем творчестве поэт **обращается к Богу,** также в отличие от последних лет жизни, и делает это всего в 6-ти вопросительных предложениях из всей лирики этого периода. Сначала эти вопросы звучат в положительном, даже несколько трогательном тоне: *Колокольчик среброзвонный, / Ты поёшь? Иль сердцу снится? / Свет от розовой иконы / На златых моих ресницах* («Колокольчик среброзвонный», 1917 г.); *О боже, боже / Ты ль / Качаешь землю в снах?* («Октоих», 1917 г.). Однако уже в произведении «Пантократор», написанном в 1919 году, мы читаем грубые слова: *Не молиться тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь* – а далее следует вопрос: *И за эти щедроты тёплые, / Что сочишь ты дождями в муть, / О, какими, какими мётлами / Это солнце с небес стряхнуть?* – как бы выражающие желание свергнуть Бога в лице солнца с его царства.

В ранней лирике Есенин задал всего 4 вопроса **о любви**. В стихотворении «Отойди от окна» (1912 г.) из цикла «Больные думы»: *Я жалею тебя всей душою, / Что тебе до моей красоты?/ Почему не даёшь мне покою / И зачем так терзаешься ты?*; и в стихотворении «В час, когда ночь воткнёт…» 1919 года: *Ах, о ком, ах, кому поёт / Про любовь соловей-мерзавец? // Разве можно теперь любить, / когда в сердце стирают зверя?* Во всех этих вопросах прослеживается оттенок отчаяния, огорчения, обиды, что свидетельствует о неудачах в личной жизни поэта.

Интересны вопросы Сергея Есенина **о самом себе**, возникшие у поэта в этот период творчества всего 2 раза: *О, какой богомаз мой лик / Начертил, грозовище внемля?* («Вот такой, какой есть…», 1919 г.). И этот вопрос, конечно, не о внешнем облике – поэт явно находится в поиске себя, не понимая, кто он, откуда он, кто его создал.

Итак, самыми многочисленными в период раннего творчества С. А. Есенина оказались вопросы в произведениях о природе (13 вопросительных предложений) и о России (12 вопросительных предложений), а также общие вопросы, не отражающие смысловое значение момента и произведения в целом (15 вопросительных предложений). Практически в равной мере были употреблены вопросительные предложения о деревне (8), о жизни и смысле жизни (7), о радости и печали (7), на исторические темы (7), к людям и о людях (6) и к Богу (6), при этом совсем отсутствуют вопросительные предложения, связанные с темой смерти. Это свидетельствует о том, что в юности Есенин не склонен был слишком много рефлексировать о своей жизни, он наслаждался миром и брал от жизни всё, мало задумываясь о последствиях.

Библиографический список

1. Белунова, Н. И. Вопросительное и побудительное предложения в коммуникативном аспекте / Н. И. Белунова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2013. – № 4 (18). – С. 83–91.

2. Бердник, Л. Ф. «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» Вопросительные предложения в поэзии С. Есенина / Л. Ф. Бердник // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 50–55.

3. Бондарко, А. В. Синтаксическая семантика и речевой смысл / А. В. Бондарко // Проблемы синтаксической семантики : материалы науч. конф. – Москва : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. – С. 13–17.

4. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – Москва : Просвещение, 1965. – 407 с.

5. Дранко, В. В. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод: интерпретация косвенных вопросов / В. В. Дранко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. – 2006. – Вып. 111: 2. – С. 191–205.

6. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 3 т. / под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. – Москва : Правда, 1977. – Т. 1–2.

7. Лекманов, О. А. Сергей Есенин: Биография / О. А. Лекманов, М. Свердлов – Москва : Астрель, Corpus, 2011. – 608 с.

8. Мелькумянц, В. А. Вопросительный ряд как способ создания характеристики / В. А. Мелькумянц // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2006. – № 2. – С. 61–64.

Юань Цин
(г. Шанхай, Китай)

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В РАССКАЗЕ А. П. ХЕЙДОКА «МАНЬЧЖУРСКАЯ ПРИНЦЕССА»

Аннотация. Рассматривается проблема «своё» и «чужое» в рассказе А. Хейдока «Маньчжурская принцесса». В произведении анализируются исторический и культурный фон, природная среда, религиозные ценности с точки зрения соотношения «русского» («своего») и «китайского» («чужого»). Рассмотрено влияние философии Н. К. Рериха на образную систему рассказа А. Хейдока, в основе которого лежит идея не отталкивания, а взаимопроникновения «своего» и «чужого».

Ключевые слова: литература русского зарубежья, литература Русского Харбина; своё и чужое; сборник «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока, рассказ «Маньчжурская принцесса».

Литература русского зарубежья является важнейшей частью истории русской литературы XX века, обладая собственными уникальными характеристиками и художественным наследием. Не стала здесь исключением и литература Русского Харбина, которая родилась в 1920-х годах. Русские мастера слова много писали о природе, истории, культуре и религиозных верованиях Китая. Альфред Хейдок был одним из

таких писателей. В 1934 году он опубликовал сборник рассказов «Звёзды Маньчжурии», который является значительным произведением, в котором соединяются приметы китайской и русской культуры в условиях китайской общественной жизни 1920-1930-х годов. «Маньчжурская принцесса» – один из рассказов сборника, повествующий об истории любви русского эмигранта Багрова и прекрасной принцессы Маньчжурии.

В произведении много раз упоминается Маньчжурия, описываются её исторические, природные и культурные реалии: «Два месяца моя фирма гоняла меня в командировки по разным закоулкам Маньчжурии»; «Наверное, какой-нибудь знатный мандарин императорских времен выбрал это место для себя и своего поколения»; «…На вершине Собачьей головы нас окружил многочисленный отряд маньчжуров» [Хейдок 2001 URL]. Известно, что первая половина XX века была эпохой революций и резких перемен. Революционные движения появились в разных странах, в том числе и Китае и России. Самодержавный монархический строй обеих стран умер в революционном движении 1910-х годов. В Китае революция 1911 года свергла монархию, которая длилась более 2000 лет. Последний император Цинской династии бежал на северо-восток Китая и основал при поддержке японцев «Маньчжоу-го». Маньчжурская принцесса – главная героиня рассказа – жила в такой исторической ситуации. В России Октябрьская революция 1917 года свергла правление династии Романовых. В противостоянии с большевиками большое количество русского дворянства, интеллигенции и офицеров Белой армии бежало за границу, в том числе в Маньчжурию. Главный герой произведения Багров, несомненно, один из них. Поэтому, несмотря на то, что маньчжурская принцесса и Багров по отношению друг к другу были из «чужих» стран и имели «чужую» национальность, фактически на фоне истории их судьбы схожи, развивались параллельно, герои являются остатками старых сил «своих» стран.

В рассказе представлен яркий колорит китайской жизни, детали которой для русского героя представляются «чужими». В произведении присутствуют многочисленные китайские топонимы: Шанхай, Гирн-Хуньчунский тракт, Чен-бо-шань, отроги Кэнтей Алина. Они являются набором заимствований из «чужого» языка (т.е. китайского языка). В этой связи описание природной среды в рассказе наполнено «чужим» очарованием. Это гора с вечно сизой пеленой дымчатого тумана; холм, устланный огненными одуванчиками, ромашками, белыми цветами, светло-зелёной травой; засаженные елями могильные холмы; расположенная в дубняке на горе даосская кумирня; море лиственниц, пихт и кедров. Всё это создают романтическую атмосферу. В то же время эти растения в китайской национальной традиции символизируют определенные явления. Например, красные одуванчики представ-

ляют нереальную любовь, а ромашки – чистую красоту, дуб обозначает мировую ось, соединяющую верхний и нижний миры, живых существ и умерших предков, а также силу, мужество, выносливость, долголетие, благородство, верность. Ель является символом долголетия, бессмертия и верности. Тихая, таинственная атмосфера, создаваемая окружающей природой, задает рассказу мирный и грустный тон. Ель, дубы, одуванчики, ромашки и другие растения становятся частью «своего» и для главного героя Багрова. Эти растения также растут на его родине. Подобно китайским традициям, в России на кладбище также сажают ель, чтобы выразить уважение к покойным. А для поминания покойного также используют ромашки и белые цветы. Находясь в «чужой» природной среде, Багров чувствовал похожую на «свою» родину культурную традицию, различал ее приметы.

Кроме того, в тексте рассказа упоминается множество «чужих» элементов, имеющих фольклорные истоки: секира, трезубец, вершина Собачей головы, маньчжурские лошадки под деревянными седлами, перистые шлемы, трубить в рог и так далее. Секира и трезубец являются оружием, используемыми богами в традиционной китайской мифологии, вершина Собачей головы представляет собой место обитания грабителей в китайском фольклоре, лошадки под деревянными седлами были главными транспортными средствами в китайской истории, перистые шлемы являются символом и типичным костюмом древнего китайского солдата, трубить в рог – это сигнал военного наступления в древнем Китае. Эти «чужие» вещи стали частью «своего» бытия главного героя, который находился на чужбине.

Однако принятие «чужого» не означает отказ от «своего». Русский фольклор отражен в именах-прозвищах героев: Васька Жги пятки, Сенька Косой, Митька Головотяп, Ерш Белие ноги, цитируется также народная русская песня:

Эх-ма! Ух! Ух!

Как девица молода

Рано поутру за медом шла... [Хейдок 2001 URL].

Таким образом, «свои» русские элементы органично сосуществуют с «чужими» китайскими. Это проявилось и в особой философии произведения.

Н. К. Рерих сыграл очень важную роль в жизни Хейдока: философия Рериха включает в себя синтез культур, терпимость ко всем религиям. Эти идеи глубоко повлияли на творчество Хейдока. Поведение Багрова в рассказе – лучшая интерпретация идей Рериха о взаимопроникновении культур и толерантности ко всем религиям. Вспомнив любовь в прошлой жизни к принцессе Маньчжурии, Багров страдал ностальгией и пытался сделать все, чтобы стать китайским монахом. Даосизм для Багрова сначала был «чужой» философией, но он «принял

столько хлопот и беспокоил всех китайских друзей, чтобы поступить в этот монастырь» [Хейдок 2001 URL]. Герой в душе принял даосизм, стал монахом и нашел в этом спокойствие души. Постулатом даосизма является идея ухода личности от суеты мира и принцип «недеяния», Багров полностью принял эти идеи и получил душевную радость от них: «Здесь я мог напустить на себя всех зверей своего духа: тоску культурного человека, живущего в глуши, отсутствие возможности заниматься искусством, читать и, наконец, – самовнушение» [Хейдок 2001 URL]. В конце концов, Багров обрёл внутренний покой во время практики. «Чужой» даосизм превратил его в «своего».

В рассказе присутствует мистическая и таинственная атмосфера, присущая религиям. Имена богов упоминаются в тексте несколько раз: Властитель Мир и Небеса, Творец Вселенной, описываются религиозное место – даосская кумирня, а также призрак маньчжурской принцессы, который присутствует только в религиозной доктрине и суевериях. Кроме того, мистика в рассказе в большой степени отражается в религиозной мысли, а буддийская мысль как «чужая» пронзает всю историю героев. Смерть понимается в буддизме не как конец, а как начало нового цикла вечной жизни, в буддизме присутствуют вера в реинкарнации, в призраки, в существовании души после смерти. Под влиянием буддизма, вспомнив любовь в прошлой жизни, герой Багров начал стремиться к смерти: «Чем хуже становится моё здоровье, тем больше я ощущаю её близость, а когда листья на деревьях пожелтеют и посыплются, свершится наша встреча!» [Хейдок 2001 URL], он с нетерпением ждёт смерти, потому что это даст возможность снова увидеть маньчжурскую принцессу, которая находилась в «чужом» потустороннем мире. Смерть для героя нестрашна, её сопровождают облегчение и удовлетворение, она является способом добиться самосовершенствования души и выхода из бессмысленной жизни. Даже в конце рассказа такая таинственная атмосфера все еще существует: «А мне чудились две скованные тени – мужчина и женщина, – которым ничего не нужно кроме друг Друга...» [Хейдок 2001 URL].

В рассказе находят воплощение различные религиозные мысли. В соответствии с рядом идей восточной философии в произведении показано, что граница между жизнью и смертью, реальным миром и потусторонним миром, то есть «своим» миром и «чужим» миром, становится размытой, что создает почву для мистических явлений. Как отметила К. А. Крыжанская, «мистика для Хейдока – способ познать «чужую» культуру, сблизить в рамках художественного текста разные культурные традиции» [Крыжанская 2008:101].

Любовь является важной темой рассказа, неслучайно Хейдока считают певцом любви и радости. По его словам, «Любовь есть Бог, и Бог есть Любовь» [Деревнина 1998:16], «чистая божественная любовь – не только цветок человеческого сердца, но имеет свои корни

в вечности» [Забияко 2013:201]. Сначала Багров вошел в «чужую» гавайскую мелодию найти счастье, но «счастье и любовь покинули эту страну» [Хейдок 2001 URL]. Позже в процессе общения с друзьями он приехал в Маньчжурию, где добыл любовь и счастье. Маньчжурская принцесса и Багров – формально «чужие» друг другу. Они из разных стран, общего языка у них нет, поэтому не могут по-настоящему понимать друг друга. Вначале маньчжурской принцессе в душе не нравится это «чужой» муж, она спрятала маленький, но острый кинжал. Багров «как-то особенно остро почувствовал всю её нелюбовь» [Хейдок 2001 URL]. Всё это показывает, что для принцессы Багров был «чужим», непривычным, далеким. Но потом маньчжурская принцесса ради этого мужа оставила беззаботную, богатую жизнь, и жила с ним в самых диких местах. Любовь между ними благородна и глубока, чужда суеты мира и ее трудно понять обычному человеку. Это яркое выражение идеи «чистой божественной любви» Хейдока. Любовь позволяет «чужого» человека превратить в неотъемлемую часть «своей» жизни, вывести ее в пространство вечности. Под влиянием любовного чувства к маньчжурской принцессе Багров совершал непосредственные контакты с «чужими» сверхъестественными силами и в ходе искания любви нашел смысл «своей» жизни.

В принципе, «оппозиция «своё – чужое», по существу отражает противоположность близкого, привычного и одобряемого далекому, непривычному и в предельном случае враждебному» [Трунев 2016: 8]. Но в рассказе Хейдока, граница между «своим» и «чужим» уже не такая четкая, «чужое» может стать частью «своего», а «своё» неотделимо от «чужого». По словом Хейдока, «не важно, сколько тебе лет; главное, чтобы душа была молодая и не переставала искать!» [Деревнина 1998:16]. Может быть, именно благодаря такой широкой душе «своё» и «чужое» сосуществуют и смешиваются в рассказе «Маньчжурская принцесса».

Библиографический список

1. Деревнина, Н. Певец любви и радости (Альфред Петрович Хейдок) / Н. Деревнина, В. Климов // Мир Огненный. – 1998. – № 1. – С. 16.

2. Забияко, А. А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, К. А. Землянская // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 177–211.

3. Крыжанская, К. А. Мистическое начало в прозе харбинских писателей / К. А. Крыжанская // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 42. – С. 99–101.

4. Трунев, С. И. Своё как чужое, чужое как своё: две культуры в российском культурном пространстве / С. И. Трунев // Культура культуры. – 2016. – № 4 (12). – С. 8.

5. Хейдок, А. П. Звёзды Маньчжурии / А. П. Хейдок. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2011. – 336 с. – URL: http://www.hejdok.ru/w_manchjur.html

О. Г. Яблонская, А. Н. Пархамович
(г. Мозырь, Беларусь)

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Исследованы прагматические свойства языковых единиц английского и русского языков в сопоставительном аспекте. На примере рассказа «Зомби» американского писателя Ч. Паланика и его перевода на русский язык рассматриваются способы создания прагматического воздействия лексическими, фразеологическими и грамматическими средствами. Выявляются особенности проявления прагматической направленности языковых единиц двух языков.

Ключевые слова: прагматическая направленность, художественный текст, способы перевода.

Прагматика является одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Прагматика – это раздел лингвистики, изучающий функционирование языковых образований в речи, отношение между высказыванием, говорящим и контекстом (ситуацией) [Азимов 2009].

Данная работа посвящена сравнительному анализу прагматических свойств языковых единиц в художественном тексте при их переводе с английского языка на русский. В качестве материала исследования рассматривается рассказ американского писателя Ч. Паланика (Chuck Palahniuk: «Zombies») и его перевод на русский язык Н. Абдулиной «Зомби». Предметом исследования являются фрагменты текста рассказа, объектом – языковые средства, способствующие созданию прагматического воздействия на читателя в английском тексте и его русскоязычном варианте.

В области теории перевода большого внимания заслуживают работы В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцера и других учёных. База лингвистической теории перевода была заложена А. В. Фёдоровым, однако теория перевода постоянно обновляется и пополняется новыми разработками. К способам перевода традиционно относят: лексические трансформации (переводческое транскрибирование и транслитерация; калькирование и лексико-семантические замены), лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, описательный перевод, компенсация), грамматические трансформации (дословный перевод, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены).

В результате анализа в тексте произведения были выявлены следующие фрагменты, в которых прагматическая направленность выражена с помощью разных языковых средств в двух языках.

Everyone's seen this box so often that they ***hardly recognized*** *it, but it had been hanging on the office wall: the defibrillator. That emergency heart shocker.*

Коробочка эта висела на стене в палате, ***у всех на виду****. Дефибриллятор, для экстренной помощи при остановке сердца*.

В английском языке существует ряд лексических единиц и грамматических структур, при переводе которых приём антонимического перевода является наиболее приемлемым, например, конструкция с наречием *hardly* в позиции перед глаголом, которая используется в данном фрагменте. Кроме того, в рассматриваемом примере имеет место синтаксическая трансформация. В английском предложении наиболее значимое слово находится в конце предложения, в русском – вынесено в начало следующего. Использование таких приёмов позволяет переводчику создать более естественную лексико-грамматическую структуру на языке перевода в случаях, когда данная форма приходит в противоречие с правилами лексической сочетаемости в языке перевода.

Maybe in Shakespeare times people only had two options. Griffin Wilson, he knew the SATs were just the gateway to ***a big lifetime of bullshit****.*

Наверное, во времена Шекспира люди и не знали о том, у них было только два выбора, зато Гриффин Уилсон понимал: итоговые экзамены – это ворота ***в большую серую жизнь****.*

В приведённом примере переводчик использует приём лексической замены. Данный приём широко используется в тех случаях, когда отсутствуют прямые словарные соответствия. Сравниваемые выражения, описывают дальнейшую жизнь, передают отношение героя рассказа к будущему в целом. Выбор лексических единиц в языке перевода обусловлен менталитетом носителей русского языка, их мировосприятием и стереотипами.

He's always giggling too loud and ***wiping spit off his chin*** *with his sleeve.*

Он постоянно ржёт и ***пускает слюни****.*

В английском предложении автор использует грамматические средства для характеристики человека. Настоящее длительное время, используемое вместо простого времени, выражает отрицательное отношение говорящего, его презрение и раздражение. В русском предложении тот же эффект достигается при помощи лексических и фразеологических средств, которые характеризуются отрицательной коннотацией. Такая замена способствует сохранению прагматической характеристики фрагмента при переводе.

The voltage even cleared up his acne. It's hard to argue with ***results like that.***

После удара током у него даже прыщи прошли. ***Результат прямо-таки на лицо.***

Первое предложение на уровне подтекста связано со вторым парадигматической связью посредством лексемы «лицо», которое являет-

ся частью устойчивого выражения во втором предложении в русском варианте. Контекст обусловливает актуализацию прямого и переносного значения выражения *результат на лицо*, то есть словарное значение «о том, кто (что) присутствует, находится в наличии» [Ожегов 1992] и контекстное значение «наличие результативности» проявляются одновременно.

Возможный вариант более дословного перевода – *с таким результатом не поспоришь* – также является вполне литературным и уместным. Однако авторский вариант способствует усилению прагматического влияния на читателя на уровне подтекста, что позволяет увидеть не только внешние, но и внутренние изменения героя рассказа.

And Griffin Wilson knew drugs are ***only a patch****. After drugs, you're always going to need more drugs.*

Гриффин Уилсон понимал: наркотики – ***средство коварное****. Их нужно все больше и больше.*

В данном примере имеет место лексическая замена, которая способствует смысловому развёртыванию характеристики отношения главного героя к жизни в целом. Этот приём позволяет автору-переводчику заменить словарное соответствие контекстным, лексически связанным с ним. Дословным переводом выражения *drugs are only a patch* является выражение *наркотики – это только пластырь*. Лексема *patch* (пластырь, заплатка, нашивка) воспринимается как кусок какого-либо материала, которым заделываются дыры на одежде и различных предметах. Данное выражение способствует созданию образа реальной заплатки, которая только маскирует проблему, а не устраняет её. Наркотики в приведённом фрагменте в функциональном отношении приравниваются к заплатке, так как они создают лишь иллюзию благополучия и некой уверенности в завтрашнем дне. Фрагмент оригинала характеризуется образностью, которая стимулирует читателя к мыслительной деятельности, оказывая, таким образом, большее прагматическое воздействие в сравнении с переводом, в котором образность выражена не так ярко.

Mass media, ***my foot****. They cover the front page with unemployment and war, and they don't think that has* ***a negative effect****?*

Средства массовой информации… ***ну-ну, как же****! У них на первой полосе безработица и войны – прямо* ***душа поёт****, правда?*

Устойчивое выражение *my foot* переводится как *как бы не так, какая чепуха*. Контекстный вариант перевода отличается от словарного на уровне лексических единиц, но полностью передаёт мысли и отношение говорящего. Во второй части фрагмента *and they don't think that has a negative effect?* автор-переводчик использует сокращение и антонимическую по смыслу фразеологическую единицу *душа поёт*. Такая замена способствует созданию иронии, образность выражения усиливает его прагматическое влияние по сравнению с оригиналом.

Таким образом, в ходе анализа данного текста было выявлено, что при переводе с английского языка на русский одни и те же фрагменты могут оказывать не одинаковое прагматическое воздействие на читателя. Использование фразеологизма вместо лексической единицы расширяет и усиливает семантическое влияние данной единицы, при этом появляются дополнительные характеристики героя или ситуации, что способствует формированию у читателя развёрнутого представления о происходящем. Использование контекстной замены обусловлено влиянием менталитета носителей русского языка, т.е. автор-переводчик использует фразы, свойственные русскоговорящему читателю. Некоторые предложения имеют разное структурное оформление, однако это связано с нормами языка и не меняет смысл высказываний. Можно отметить, что прагматическое воздействие художественного текста сохранено при переводе с английского на русский язык.

Библиографический список

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва, 2009. – URL: https://methodological_terms.academic.ru/ (дата обращения: 11.02.2020).

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 1992. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/116666 (дата обращения: 11.02.2020).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Э. Базарова
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИКА ЧОКОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОЙ КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ

Аннотация. Исследуются особенности наименований шоколадной продукции Пензенской кондитерской фабрики в семантическом аспекте. Определяется, что чоконимы имеют все признаки имен собственных: закрепляются за определенными видами изделий, способны отличаться в ряду подобных наименований, выделяют особенность обозначаемого предмета. Наименования кондитерских изделий Пензенской кондитерской фабрики вызывают положительное отношение у потребителей, так как они отражают особенности товара, в основном короткие и запоминающиеся, образные и красивые.

Ключевые слова: онимы, прагмонимы, чоконимы, ономастическое пространство, семантика, Пенза.

В современной ономастике недостаточно работ, посвящённых различным видам прагмонимов, в частности чоконимам – названиям шоколадных изделий. Отсутствует более или менее полное собрание названий такого рода, не проведено полное их лингвистическое описание.

Изучению основных разрядов прагмонимов, в состав которых входят и чоконимы, посвящены работы А. А. Исаковой «Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии)», И. С. Карабулатовой, З. П. Комоловой «Эмоциональность прагмонимов», Е. С. Отина «Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации», А. В. Суперанской «Общая теория имени собственности» и др.

Методом сплошной выборки из интернет-каталога фабрики мы выявили 54 чоконима. Взяв за основу классификацию А. В. Суперанской [Суперанская 1978: 183-184], а также Е. Л. Пупышевой, А. В. Кулагиной [Пупышева, Кулагина 2014: 38], распределили их по следующим тематическим группам:

1) названия-антропонимы – 3 названия: *Забава, Незнайка, Степашка*;

2) названия-топонимы – *Кара-кум* (1 название);

3) названия-идеонимы – 6 названий: *Маков цвет, Ромашки-лютики, Сказка Красная шапочка, Незнайка, Щелкунчик, Петушок, масляна головушка*;

4) названия-отсылки к социальному статусу человека – *Пилот* (1 название);

5) названия явлений природы – *Морской бриз, Звёздный дождь* (2 названия);

6) названия-фитонимы – *Золотистые орешки, Ромашка, Ромашка-лютики, Смородиновый фреш, Апельсиновый фреш, Чернослив с миндалём, Маков цвет* (7 названий);

7) названия-зоонимы – 4 названия: *Ласточка – вестница весны, Мишка косолапый, Петушок, масляна головушка, Коровка ирисная*;

8) названия, обозначающие время – *Весна* (1 название);

9) названия напитков – *Апельсиновый фреш, Смородиновый фреш, Птичье молоко* (3 названия);

10) названия, заключающие в себе оценку вкуса и качества – 3 названия: *Лакомка, Сладкая капля, Труфель люкс*;

11) названия, указывающие на состав продукта – *"CIOCCOLATIO" с карамелью и миндалём, "Барокко" желе-сгущенное молоко", "Блэнд" с ванильно-сливочным вкусом, Золотистые орешки, Коровка ирисная" Варёная сгущёнка, "Нива" с вафельной крошкой, "Сказка" Пряничная"* (7 названий).

Самые многочисленные группы составили названия-фитонимы и названия, указывающие на состав продукта (по 7 названий). Таким образом, мы видим, что при номинации конфет производители чаще всего используют названия фруктов, ягод, цветов, орехов. Данные номинации указывают не только на вкусовые качества конфеты, но и вызывают в сознании покупателя поэтические ассоциации.

На втором месте по частоте употребления – названия-идеонимы (6 названий), названия, связанные с музыкой, литературой и танцами. Эта группа имён ориентирована на женскую аудиторию, поскольку подобное имя включает в своё основное значение стилистическую окраску с указанием на романтические чувства, например, чоконим *Маков цвет* – романтическая песня группы «Весёлые ребята», в которой лирический герой признается в любви девушке.

На третьем месте названия-зоонимы (4 названия), они переплетаются с названиями-мифонимами, в состав которых входят названия животных, которые используются в именах сказочных и мультипликационных персонажей. Это и не удивительно, ведь никто так не любит сладости как дети. Например, чоконим *Петушок, масляна головушка* вызывает у покупателей ассоциации с героем сказки «Петушок – золотой гребешок».

Анализируя наименования шоколадных конфет в словообразовательном аспекте, мы сделали вывод, что наиболее распространённый способ образования чоконимов – суффиксация. Она широко представлена в сфере образования кондитерских наименований (*Воздушное суфле, Сказочная премьера, Волшебный калейдоскоп*).

Основная часть проанализированных нами чоконимов представлена в виде словосочетаний. Основными видами синтаксической связи являются сочинение и подчинение. В основном в качестве названий конфет используются словосочетания с подчинительными отношениями между компонентами, вид связи – согласование (Сладкая капля).

Чоконимы имеют все признаки имён собственных: во-первых, закрепляются за определёнными видами изделий, во-вторых, способны отличаться в ряду подобных наименований, в-третьих, выделяют особенность обозначаемого предмета.

Чоконимы, кроме всего прочего, реализуют рекламную функцию, т.е. обращаются к сознанию человека, привлекая его внимание и интерес к товару.

Таким образом, можно сделать вывод, что наименования кондитерских изделий «Пензенской кондитерской фабрики» вызывают положительное отношение у потребителей, так как они отражают особенности товара, в основном короткие и запоминающиеся, образные и красивые.

Библиографический список

1. Пупышева, Е. Л. Семантическая и структурно-прагматическая характерис-тика наименований конфет в русском языке / Е. Л. Пупышева, А. В. Кулагина // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. – 2014. – № 2. – С. 37–40.

2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973.

М. Вепаева
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ г. ПЕНЗЫ

Аннотация. Исследуются особенности наименований предприятий общественного питания г. Пензы в семантическом аспекте. Определяется, что большинство проанализированных эргонимов имеет прагматический характер, что указывает на характерный для всей эргонимики г. Пензы элемент саморекламы, направленный на то, чтобы внушить потенциальному клиенту положительные эмоции к одному из предприятий общественного питания.

Ключевые слова: эргонимы, онимы, ономастическое пространство, семантика, Пенза.

Выявление особенностей языка города представляет одну из центральных проблем современного языкознания и, в частности, таких его разделов, как социолингвистика, психолингвистика и ономастика.

Богатство и разнообразие стихии языка города связано с тем, что «в лингвистической истории большого города имеет место столкновение и скрещение разнообразных типов культур. Изучение городского языкового кода, этикетных стереотипов, закреплённых в нем, процессов обновления характеристических средств в ситуации смены культурно значимых ориентиров развития и увеличения их количества предполагает взгляд на язык города как на особое явление городской культуры, своеобразный её компонент» [Ларин 1977: 47].

Язык города можно изучать в разных аспектах.

Во-первых, внимание лингвистов привлекает развитие современной городской речи с точки зрения её взаимодействия с литературным языком [Колесов 1991]. Во-вторых, учёными исследуется живая речь многонационального города [Аюпова 1988]. Третьим аспектом является изучение внутригородских объектов, в частности мотивации в наименованиях предприятий общественного питания.

Материалом для исследования послужили эргонимы г. Пензы, полученные с сайтов penza.zoon.ru и 2gis.ru.

С точки зрения семантики, заключённой в названиях эргонимов, проанализированные наименования кафе, баров, ресторанов условно можно разделить на следующие группы:

1. Группа эргонимов, в основе номинации которых – имена неодушевленнные (105 наименований – 72,4 %): *кафе «Карамель», кафе «Градусник», кафе «Веранда», бар «Алмаз», кафе «Огород», кафе русской кухни «Печки-Лавочки», кафе «Терраса», кафе-бар «Зефир», кормча «Хуторок», кафе «Autobus», ресторан «Бочка», кафе «Миндаль», бар «Берег», трактир «Самобранка»* и др. Данный способ для наименований такого типа является традиционным. При этом следует отметить, что часть номинаций прямо или ассоциативно указывает на вид услуг, характерных для кафе, баров, ресторанов: *чайхана «Кебаб», караоке-бар «Шашлычная», ресторан быстрого обслуживания «Трио пицца», ресторан быстрого обслуживания «Трио суши», бургерная «МЯСО BURGERS», гриль-бар «BBQ BAR», ресторан «Бекон»,* что подтверждает важность информативной функции эргонима.

1.1. В данной группе отдельно можно выделить эргонимы, образованные от фитонимов: *кафе «Олива», кафе «Тыква», суши-бар «Дайкон», эко-кафе «Кронасуши-бар «Манадарин», паб «Хмель», суши-бар «Сакура»*.

1.2. Также выделим так называемые эргонимы-характеристики, которые представлены названиями, содержащими характеристику человека по статусу: *кафе-бар «Три Короля», кафе-бар «Барыня», бар-ресторан «Монарх», ресторан «Короли», ресторан&бар «Вельможа», ресторан «Купеческий», центр питания «Счастливый КОК» и др.*, совмещая в себе рекламность.

2. Группа эргонимов, в основе номинации которых – имена собственные наименований – 26,9 %).

2.1. Основу данной группы представляют онимы, образованные от антропонимов: *арт-кафе «Месье Жан Поль», кино-кафе «Fellini», ресторан «Николь», кафе «Согдиана», кафе-мороженое «Baskin Robbins», кафе «Милисса Бриз», арт-холл «Квартал Луи», кафе «Шахерезада», ресторан «Давыдов», ресторанный комплекс «Будылин», PUB «Baskerville», пивной бар-ресторан «Ван Мюллер», банкетный комплекс «Лермонтовъ».*

2.2. Названия-мифонимы, которые отражают этническую культуру населения. Мифоним – это имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках: *клуб-ресторан «Pandora», кафе-бар «Эдем», ресторан «Червона Рута».*

2.3. К группе эргонимов, образованных от имён собственных, в незначительном количестве относятся и онимы, образованные от топонимов. Однако специфика данного типа номинации заключается в том, что они не выполняют мемориальную и адресную функции: *кафе «Прага*», *ресторанный комплекс «Пенза», ресторан «Русь», кафе быстрого питания «Ташир пицца», ресторан «Ереван», кафе «Сербия», бар-ресторан «Мюнхен*», *Gastrobar «Moscow*», *ресторан «Ля Прованс», пиццерия «Бруклин», ресторан «Латвия*».

Такие наименования не случайны, они направлены на эмоционально-психическое воздействие, на пробуждение положительных ассоциаций клиента.

3. В отдельную группу следует выделить эргонимы, называющие живых существ и существ, воспринимаемых как живые (4 наименования – 2,8 %): *диско-ресторан «IGUANA», кафе «Золотой петушок», кафе быстрого питания «Chicken Chicken», кафе «Гуси-Лебеди».*

4. Самой малочисленной является группа наименований с затемнённой семантикой (1 наименование – 0,7 %): *кафе быстрого питания «Бурум гурум».* Отмечая минимальное количество наименований, образованных от слов с затемнённой семантикой, можно констатировать факт, что в основном номинаторы стремятся создать понятный адресату эргоним, тем самым не только облегчая восприятие названия, но и повышая его эффективность.

Все анализируемые названия кафе, баров, ресторанов можно также разделить на реальные и символические.

К реальным отнесём эргонимы, которые самим своим названием указывают на содержание или деятельность данного объекта: *чайхана «Кебаб», караоке-бар «Шашлычная», ресторан быстрого обслуживания «Трио пицца», ресторан быстрого обслуживания «Трио суши», ресторан быстрого обслуживания «Yes pizza», ресторан «Бекон», кафе «Буше», сеть кафе с доставкой «Автосуши»* и др. Эргонимы с реальной мотивацией (17 %) дают наиболее обширное представление

об услугах предприятия, являются точными, ясными, не вводят в заблуждение потребителей, однако они представлены малочисленной группой по сравнению с символическими (83 %).

В отличие от реальной мотивации, символическая не даёт ответа на вопрос о деятельности и содержании предприятия. Она может отдалённо давать представление о нём: *кафе «Карамель», кафе «Приготовь-ка» и др.* либо несёт отвлечённый характер, никак не указывая на сферу деятельности предпринимателя: *кафе-ресторан «Посольство», кафе ресторанного типа «Любимое», ресторан «Русская охота», ресторан «Дом книголюба»* и т.п.

Одна из выдающихся черт современной языковой моды – использование языковой игры. Намеренное нарушение графики, выделение какой-либо части названия придаёт ему новый оттенок смысла и зачастую интригует адресата: *ресторан «За100лье», бургерная «МЯСО BURGERS»*.

Таким образом, большинство проанализированных эргонимов имеет прагматический характер, что указывает на характерный для всей эргонимики г. Пензы элемент саморекламы, направленный на то, чтобы внушить потенциальному клиенту положительные эмоции к заведению, в данном случае одному из предприятий общественного питания.

Библиографический список

1. Аюпова, Л. Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии / Л. Л. Аюпова. – Свердловск, 1988.

2. Колесов, В. В. Язык города / В. В. Колесов. – Москва, 1991.

3. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – Москва, 1977. – С. 175–189.

Ж. А. Зубова, Л. И. Меркулова
(г. Орёл, Россия)

НАРУШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ОРЛОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Рассматриваются случаи нарушения языковой нормы, которые встречаются в рекламных и информационных текстах на стационарных вывесках, рекламных щитах, мониторах в транспорте. Отступления от нормы негативно воздействуют на население, снижают и без того низкий общий уровень грамотности.

Ключевые слова: языковая норма, нарушение нормы, орфографическая ошибка, лексическая ошибка, грамматическая ошибка.

В течение последнего десятилетия в российском обществе растёт интерес к отечественной истории и культуре. В то же время наблюдается снижение уровня владения русским литературным языком, его примитивизация, оскудение словарного запаса, утрата интереса к чтению. Такое положение дел не может не вызывать чувства тревоги, а порой и отчаяния не только у филологов, но и у всех неравнодушных к будущему России. К счастью, в обществе формируется осознание того, что язык и написанная на этом языке великая литература – основополагающие признаки этноса, определяющие его идентичность. В этой связи важными становятся не только государственные программы и проекты, но и постоянная работа на местах, работа с тем, что окружает россиянина, что он видит, слышит и читает, находясь на улице, в магазине, в транспорте, словом, городской среде.

На первый взгляд, ошибки на стационарных вывесках, рекламных щитах, мониторах маршрутных такси и т.д. встречаются не слишком часто, но их повторяемость, воздействие на зрительную память не так безобидно, как кажется. Речь идёт не о технических ошибках, иногда довольно забавных, порой «говорящих» («Мы **отрылись**» – растяжка на входом в отделение банка), а обо всех видах нарушений языковых норм, которые, с нашей точки зрения, наносят значительный ущерб языковой компетенции социума.

Рассмотрим некоторые зафиксированные нами ошибки.

1. Орфографические. Здесь можно отметить

– нарушение правил правописания приставок: «**Без**контактная мойка», «…, **без**шовные потолки …», «**Ра**срочка до 3-х лет», «ул. 1-я **Па**садская» и т.п. Заметим, что экспресс-опрос студентов нефилологических направлений показывает, что значительная часть молодёжи убеждена, что именно так и нужно писать прилагательные *бесконтактный* и *бесшовный* («Она же без контакта» (об автомойке) и «Они же без швов» (о потолках), «А разве там есть приставка?» (о словах *рассрочка* и *Посадская*). На наш взгляд, подобные рассуждения – ещё одно свидетельство того, что русский язык перестал изучаться в школе как система, все усилия учеников направлены на подготовку к итоговой аттестации, и молодой человек не задумывается о том, как устроен его родной язык, как взаимосвязаны его составляющие, какие смыслы связаны с той или иной языковой единицей;

– нарушение правил правописания гласных в корне и суффиксе: «Изготовление ст**а**лешниц», «**А**пределитель номера», «П**ер**а**ж**ок с манго», «проигрователи» и т.п.;

– нарушение правил правописания удвоенных согласных («Ю**н-н**ость», «Аксе**с**уары», «часы настеные»), слитного / раздельного правописания *не* с различными частями речи («Проездные не действительны», «За не соблюдение правил ПДД предусмотрена уголовная ответственность») и слов, образованных сложением («Высокая зар плата»).

2. Лексические. Распространены плеоназм, тавтология, неправильное использование паронимов: «При покупке двух килограммов мёда один килограмм **дарим** в **подарок»**, «Перспективы на будущее:», «Есть **очерёдность** на эти курсы», «Победители получат **памятные сувениры** и денежные премии», «зарплата более 15-ти тысяч рублей и больше» и др.

В некоторых случаях орфографическая ошибка приводит к нарушению лексической нормы, основанной на омофонии: «4 мая икона **пребудет** в Георгиевский храм г. Ливны». Здесь вместо значения «приехать, прийти» глагола *прибыть* актуализируется значение «находиться где-либо или в каком-либо состоянии» глагола *пребывать / пребыть*, что авторам объявления, размещенного на мониторе маршрутного такси, видимо, неизвестно.

Фраза «Ищ**и**те хорошую работу?» одновременно демонстрирует нарушение орфографической (*и* вместо *е*) и грамматической (повелительное вместо изъявительного наклонения) норм, что приводит к неверному использованию и лексемы, и синтаксической конструкции (фактическое появление восклицательного предложения вместо вопросительного).

Приведем ещё один пример: «…Дрессированные верблюды, медведи, **писцы**, лисицы….» (анонс циркового представления, транслируемого телевизионными каналами, а также размещённого на мониторах маршрутных такси и стационарно перед входом в цирк). Заметим, что грамотный человек обнаруживает здесь определённый комический эффект, на который, впрочем, авторы анонса, по-видимому, не рассчитывали.

3. Грамматические. Этот тип нарушений весьма частотен. Фиксируются:

– нарушение управления и выбора падежных окончаний: «Мягкая мебель, гостиные, спальни, прихож**ии**, детские, столы, стулья, матрасы», «Стоимость от **пятиста тысяч девятиста** рублей», «Управляющая магазин**а**», «8 мая в половин**у** четвёртого дня…», «согласно стать**и** 58 Семейного Кодекса РФ…», «более **семсот** восьмидесяти тысяч рублей…», «…больше **полтора** миллиона рублей…» и т.п. Фраза «Автобус следует согласно ра**сс**писани**я**» написана и с грамматической, и с орфографической ошибками.

Неверное употребление форм имён существительных приводит к искажению смысла в рекламном тексте «УКРАШАЕМ ПРЯНИК НА ДНЕ РОЖДЕНИ**И**, КОРПОРАТИВНОМ ПРАЗДНИКЕ, СВАДЬБЕ, В ШКОЛАХ И САДАХ». Остается загадкой, приходят ли мастера на все эти праздники (день рождения, свадьбу, корпоратив) и в присутствии гостей что-то делают с пряником)? Для такого прочтения есть основания: в ряд перечислений включены школа и детский сад, т.е. слова со значением ме-

ста, а не события. Или всё-таки имеется в виду что-то иное, например, предназначение этого пряника и некая надпись и на нём? Попутно заметим, что ошибка в написании и произнесении сочетания *день рождения* в разных падежных формах – одна из самых частотных;

– неразличение форм прилагательного и причастия: «Свежемороженная рыба», «Брус струганный». В обоих случаях должна использоваться форма имени прилагательного, грамматическая ошибка приводит и к нарушению орфографической нормы;

– неверное образование форм имени прилагательного: «Гостям могут предложить **самые новейшие** методы лечения»,

– неразличение личной формы и формы инфинитива глагола: «Вот что мне нравит**ьс**я».

4. Логические и текстовые.

На мониторе в общественном транспорте читаем рекламные ролики: «В продаже школьная форма для мальчиков и девочек чёрного, синего и серого цвета». Так и хочется уточнить, только ли девочки разноцветные или мальчики тоже? А, возможно, и форма, и дети?

Следующий текст, полагаем, нуждается в дешифровке, т.е. анализе и разборе написанного: ТРЕБУЕТСЯ ДВОРНИК / В КОЛИЧЕСТВЕ 2 ЧЕЛОВЕКА / ГРАФИК РАБОТЫ с 8-17 / ЗП ОКЛАД ПЛЮС ПРЕМИЯ / 5-ая РАБОЧАЯ НЕДЕЛЯ / ОФОРМЛЕНИЕ ПО ТК РФ.

Предварим наши рассуждения замечанием о том, что в тексте отсутствуют знаки препинания, поэтому будем основываться на зрительном восприятии (текст разбит на 6 строк, что мы обозначили косой чертой). В первой строке, по-видимому, *дворник* заявлен как именование профессиональной деятельности, а не работника, так как далее авторы уточняют, что они хотят видеть именно человека (а не, например, машину), хотя предваряют эту информацию предлогом *в количестве,* который в русском языке обычно сочетается с неодушевленными существительными. Третья строка выглядит довольно странно, поскольку есть предлог *с*, но нет предлога *до*. Поэтому, если воспринимать то, что написано, буквально, то выясняется, что начало рабочего дня – 8 часов 17 (минут?). В четвёртой строке опущено двоеточие после аббревиатуры ЗП (отсутствующей в литературном языке), что может восприниматься как перечисление (и заработная плата, и оклад, и премия). В следующей строке, вероятно, зашифрована информация о пятидневной рабочей неделе, а не о том, что к рабочему графику добавляется пятая рабочая неделя (по аналогии с тринадцатой зарплатой).

Приведённые примеры (как и многие другие отступления от норм литературного языка) могут показаться забавными, нелепыми, и, значит, не слишком значимыми. Но, на наш взгляд, такого рода нарушения нельзя назвать безобидными. Высокая речевая культура – неотъемлемая часть поступательного развития любого общества. Спо-

собность точно выразить мысль реализуется, в том числе, на основе принятых правил. Непонимание (или недопонимание) ведёт к разделению общества, росту агрессивности (ярким примером такого рода «противостояния» может служить, в частности, активное использование новых англицизмов, весьма негативно воспринимаемое старшим поколением). Вот почему совершенно необходимо не только в школе или вузе изучать принципы организации грамотной русской речи и не жалеть времени на применение этих принципов на практике, но и не допускать негативного воздействия на носителей языка неграмотными объявлениями рекламного или информационного типа, с которыми он сталкивается в городской среде. К сожалению, эта сфера использования языка никак не регулируется. Одним из возможных способов противодействия безграмотности, по нашему мнению, может стать выполнение школьниками и студентами заданий по поиску и анализу ошибок, что, несомненно, повысит речевую компетентность самих ищущих, и, возможно, заставит задуматься о качестве информационного продукта тех, кто его пишет и размещает.

С. Б. Кураш, В. В. Струков, Г. В. Юдзянкова
(г. Мазыр, Беларусь)

МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ АЙКОНІМА *МАЗЫР* І ЭТНОНІМА *ПАЛЯШУК*: АД МІНУЛАГА ДА СУЧАСНАСЦІ

Аннотация. На примерах ойконима Мазыр (Мозырь) и этнонима паляшук (полешук) показано, как художественный контекст обогащает ассоциативные возможности онимов, а ономастические единицы становятся для читателя концептуально значимыми понятиями. Материал анализируется в направлении от прошлого к настоящему.

Ключевые слова: ойконим, этноним, концептуализация, художественный текст, Мозырь, полешук.

Нашы разважанні пачнем з нязначнага палескага жартлівага дыялогу анекдатычнага характару, які сустракаем у аповесці Івана Мележа “Подых навальніцы” (другой частцы “Палескай хронікі”, працягу “Людзей на балоце”): “*А за Гомелем людзі е?” – “Е. Толькі – дробненькія*”.

Амаль тое ж чытаем і ў адным з твораў Віктара Казько: *Касмічны карабель, сусвет, планеты – усё гэта, канечне, сённяшняе. Што мы ведалі ў тыя дні аб іх, хаця і мы былі ўжо тады дзецьмі радыё і кніг, але наша фантазія не-не ды і паварочвала нас да пытання нашых дзедаў: а ці ёсць людзі за Гомелем? І, нягледзячы на тое, што наш*

дзетдомаўскі «Огонек» браў Масквy, мы таксама, як і старыя палешукі, верылі, што калі ёсць людзі за Гомелем, то дробненькія… (В. Казько. Хроніка дзетдомаўскага саду).

Гэтыя жартлівыя паляшуцкія вераванні набываюць асаблівую канцэптуальную значнасць у сэнсавай структуры твораў беларускіх пісьменнікаў, у прыватнасці – пры рэпрэзентацыі ключавога канцэпту “паляшук” [1; 2].

У гэтым артыкуле размова пойдзе аб іншым, але не менш значным і знакавым для паўднёва-усходніх (Мазырска-Прыпяцкіх) палешукоў айконіме – назве горада *Мазыр*. Зазначым, што ў “Людзях на балоце” аўтарская апеляцыя да гэтага оніма (разам з вытворнымі ці парадыгматычна суаднесенымі з ім лексічнымі адзінкамі) налічвае больш за 20 выпадкаў. Натуральна, што аналагічныя фіксацыі гэтага айконіма характэрныя і для твораў іншых беларускіх пісьменнікаў, перш за ўсё – ураджэнцаў Гомельшчыны.

Нашы назіранні цалкам падцвярджваюць той факт, што мастацкі кантэкст значна ўзбагачае асацыятыўныя магчымасці онімаў, напаўняе іх семантыку разнастайнай інфармацыяй [3], а анамастычныя адзінкі становяцца для чытача канцэптуальна значнымі паняццямі.

Так, айконім *Мазыр* у кантэксце ўзгаданага мележаўскага твора і твораў іншых пісьменнікаў – выхадцаў з Палескага краю набывае шэраг канатацыйных прырашчэнняў, якія і фарміруюць у сукупнасці мастацкае ўвасабленне ўспрыняцця горада ў цэлым, і Мазыра – у прыватнасці нашымі продкамі ў першай палове XX стагоддзя.

Кантэкстны аналіз дазваляе вызначыць наступныя ўстойлівыя канатацыі айконіма Мазыр у свядомасці “людзей на балоце” – жыхароў палескай вёскі Курані, персанажаў класічнага мележаўскага твора.

Па-першае, Мазыр – ‘горад, які размешчаны на 7 пагорках’; актуалізацыя менавіта гэтай сэнсавай часткі назіраецці падчас апісання асаблівасцей мясцовага рэльефу: *Багато вельмі горак. Бувае так, што як глянеш з каторай, дак толькі і бачыш: горкі і горкі, з полем ды з лесам. Аж пакуль відно…*

Хоня запытаў:

*– Мо такія, як у **Мозыры**?*

*– Меншыя. Такіх, як у **Мозыры**, няма! – Міканор сказаў гэта як бы з гонарам: ён служыў у **Мазыры*** (І. Мележ. Палеская хроніка).

Праз актуалізацыю айконіма *Мазыр* пісьменнікі рэпрэзентуюць прасторавыя межы падзей, што адбываюцца ў творы: *Гаворка цяпер ужо зацікавіла Васіля. Ніколі за ўсё жыццё не быў далей Хвойнага, толькі раз дапаў аж да **Мазыра**, які здаўся такой далеччу, быццам там адразу канец свету* (І. Мележ. Палеская хроніка); *І жыве ён, гэты народ, там, дзе цякуць рэкі Нёман, Дзвіна, Дняпро, Бярэзіна, Прыпяць і дзе вялікія гарады – Гародня, Брэст, **Мазыр**, Гомель, Магілёў, Віцебок, Менск, Вільня* (Б. Сачанка. Твор, які не магу скончыць).

Як можна заўважыць, *Мазыр* з’яўляўся для нашых непасрэдных папарэдніх пакаленняў пэўным эталонам сучаснага буйнога горада з усім яго дабрабытам, а таксама заканадаўцам моды для жыхароў вакольных мясцін, у выніку чаго фарміруецца характэрная канцэптуальная апазіцыя “горад–вёска”: *Курані – не горад які, адна вуліца, хата кожная, можно сказаць, на віду. Пасля* ***мазырскага*** *бруку, жывой люднасці на вуліцах, прыпяцкага вясёлага прастору – як бы сплюшчаным, затопленым гразёю, дрымотным і балюча бедным убачылася дарагое сяло. Сум зашчымеў яшчэ горш, калі ступіў на свой ганак, у сенцы – якая ж яна крывая і гнілая, бацькава хата! І цесная, і цёмная якая!..* (І. Мележ. Палеская хроніка); *Прывык у палку кожныя дзесяць дзён са скруткам бялізны, з ручніком, з кавалкам добрага мыла крочыць у* ***мазырскую*** *лазню. Папарыцца, пасцябаць сябе венікам прывык, а тут – ліха яго ведае – як за ўсю зіму памыцца! Летам – то любая сажалка, копанка кожная прыняць можа, а зімой – як? Калі меншы быў – маці ў начоўкі, у цэбар саджала, а цяпер – вельмі ты вымыешся ў начоўках! І сесці толкам няма дзе ў іх, не тое што ў цэбары!* (І. Мележ. Палеская хроніка); *Хоць адзеты былі не так, як* ***мазырскія****, якія гулялі па прыпяцкаму берагу, – у зрэб'е ды вясковыя андаракі былі адзеты, – нават у гэтым адзенні з любой* ***мазырскай*** *хараством маглі б паспрачацца!* (І. Мележ. Палеская хроніка); *Кончыўшы мераць, Годля агледзела Ганну заклапочаным вокам, нібы праверыла, ці не памылілася, абмяраючы, у чым-небудзь, нечакана сказала:*

— У горадзе жанчыны ліфчыкі на грудзях носяць. А ў вас, не для мужчын кажучы, лепей, як у каторай з ліфчыкам…

Ганна пачырванела, але не ўтрывала, няўпэўнена запыталася:

– Якія… ліхчыкі?

– Якія?!. Канешне, адкуль вам знаць! Ліфчык – ета от тут такія, як лепей сказаць… такія кошыкі з краму, на пасках…

– А-а… – не зразумела Ганна.

– Яны, каб грудзі былі прыгожыя, як у дзяўчат, каб не віселі. А то, бывае, у каторай грудзей і саўсім няма, дык яна напхае ў ліфчык ваты. І ходзіць, як з сапраўднымі грудзямі!..

Адзначым, што на прыгажосць жаночых спадніц-андаракоў і спецыфіку іх афарбоўкі з дапамогай мясцовай фарбы, чарвецу, сакрэт прыгатавання якой невядомы ў іншых месцах, звярнуў увагу яшчэ П. Шпілеўскі ў сваім нарысе “Мозырщина” [4].

Айконім *Мазыр* выступае і ў якасці пэўнай кропкі геаграфічнага адліку, меры адлегласці: *Тузануўшы вяроўку апошні раз, Яўхім, каб не развязалася, некалькі разоў спрытна зашмаргнуў канец яе на выцертым да бляску рублі, пляснуў брата па плячы.*

– Да самаго ***Мозыра*** *можно везці!..*

– *Чарніц можно. Прося гаварыла, той раз іх вельмі куплялі. Два нейкія купцы з самога* ***Мозыра*** *прыязджалі…*

– *Картоплю на бровары бяруць. Толькі што, грэц яго, дзешаво…*

– *Трасцу ім! Лепей у Нароўлю з'ездзі!*

– *А ў Нароўлі не тое – там дак грошай насыплюць?..*

– *Насыпаць не насыплюць, а болей дадуць.*

– *Аге! Дадуць, спадзявайся!.. – Бацька пашкадаваў: – Кабанчык малаваты шчэ. Месяцы б шчэ тры пакарміць… і цяліца…* (І. Мележ. Палеская хроніка).

Такім чынам, можна ўявіць, якім бачыўся людзям Мазыр з самой глыбіні Палесся. А якім ён бачыцца звонку? Гэтае пытанне не менш цікавае і, мабыць, патрабуе спецыяльнага даследавання, але некалькі штрыхоў дазволім сабе зрабіць.

Па-першае, калі гаварыць аб сучаснасці, трэба звярнуць увагу на такія кантэксты, дзе айконім *Мазыр* у выніку ўжывання па-за прамой рэферэнцыяй набывае пераноснае значэнне, у прыватнасці, метанімічнае, калі, напрыклад, праз назву горада ўзгадваецца футбольная каманда: *От убачыце! Ці ж не прэстыж якому-небудзь* ***Мазыру*** *ці Бабруйску ў чэмпіёны выбіцца? А далей – Еўропа, кубкі. Бач чаго захацелі: дай ім Бабруйск,* ***Мазыр****, Барысаў* (А. Камароўскі. Пенальці); ці метафарычнае (анамастычная метафара): *Новоград-Волынский: маленькая Беларусь, ну* ***почти Мозырь****. Самым дальним пунктом вечерней прогулки по Новоград-Волынскому стала обзорная площадка на месте бывшего замка... Нечто подобное я видел в белорусском Мозыре – там также есть Замковая гора, где в старину были укрепления* (Блог журналиста Г. Мельничука. https://questrum.Livejournal.com/tag/Новоград-Волынский).

Абодва гэтыя прыклады дэманструюць названую вышэй тэндэнцыю да сэнса-канататыўнага і – як след – канцэптуальнага ўзбагачэння аналізуемай анамастычнай адзінкі.

І яшчэ адзін – здавалася б, даволі нечаканы і нават не вельмі сур'ёзны, але даволі цікавы – прыклад. Гэта паведамленне на адным з байнэтаўскіх рэсурсаў: *Вядомы ўсім мультыплікацыйны персанаж Масяня, створаны расійскім аніматарам Алегам Куваевым, у новай серыі сваіх прыгодаў наведала горад Мазыр.*

У вандроўку гэтым разам яна выправілася са сваім хлопцам – Хрундзелем. Разам яны аглядаюць імітацыю мазырскага замка, чамусьці падыходзяць да помніка згушчанцы, які насамрэч знаходзіцца ў Рагачове а таксама шукаюць дзе б выпіць чароўны збіцень.

Далей яны наведваюць касцёл св. Міхаіла ў Даліне анёлаў і кафедральны сабор св. Арханёла Міхаіла.

Мінаючы мазырскі трамвай і помнік самалёту Міг-17 яны ў выніку трапляюць у кампанію па рамонце кампутараў і ноўтбукаў "КаМо", якая, верагодна, і выступіла замоўцам дадзенага роліка.

У любым выпадку цяпер пра чароўны горад Мазыр у Гомельскай вобласці дакладна даведалася яшчэ болей людзей і магчыма нехта цяпер захоча наведаць гэты горад ды паблукаць у ім "па слядах Масяні" (Яўген Меркіс. http://nashkraj.info/legendarnaya-masyanya-navedala-mazyr).

Як можна заўважыць, вонкавы пункт гледжання на Мазыр у сучаснай камунікатыўнай прасторы – прынцыпова іншы ў параўнанні з "паляшуцкім": тут акцэнтуюцца такія сэнсавыя адценні, як "экзотыка", "славутыя мясціны" і г. д.

А на завяршэнні нашых назіранняў (даволі пункцірных і фрагментарных, што аўтары, дарэчы, добра разумеюць) вернемся да таго, з чаго пачыналі. І зараз, з улікам прыведзеных вышэй прыкладаў, не так ужо і важна, адносна якога з палескіх гарадоў (Гомель гэта, ці Мазыр, ці Нароўля, ці Тураў, ці Пінск і г.д.) запытыць: а ці ёсць за ім людзі? Адказ у духу паляшуцкага гумару мы ўжо ведаем. Але ёсці і іншыя адказы, якія, безумоўна, варта ўспрымаць сур'ёзна, параўн.: ***З-за Гомеля людзі... Не дробны народ***. */ Вам неба і розум, і памяць дало. / Не вынішчыць стронцый зямны радавод, / Не выстудзіць* ***душ паляшуцкіх цяпло*** (М. Мятліцкі, "Мае землякі! Паляшуцкі наш лёс…"); *Прыгадаў я зноўку маладосць / І начлег казённы на вакзале. / –* ***За Гомелем людзі ёсць?*** *– / У мяне вандроўнікі пыталі. / Рагаталі мужыкі ў чарзе: / –* ***Ёсцека, ды дробненькія ўсе****... (...) Быў, бясспрэчна,* ***Мележ*** *сярод іх. / І* ***Шамякін*** *браў тады білет (...) Не спяшыў* ***Навуменка Іван****, / Ён абдумваў першы свой роман. / З кулямі варожымі ў нагах, / Поўны камсамольскай загартоўкі, /****Макаёнак*** *нішчыў па начах / Першыя ў жыцці аднаактоўкі. / І зямляк мой,* ***Сачанка Барыс****, / Шчэ не ўведаў Штаты і Парыж. (...) Кажуць людзі: чым гаротней доля, / Тым бліжэй ты да чужога болю... /* ***Рудабелка****... /* ***Ціхан Бумажкоў****, /* ***Мазураў*** *і* ***Ціхан Кісялёў****, /* ***Царыпаў****,* ***Ісачанка****,* ***Казлоў*** *(...) Ловіць праўду сёння свет вялікі / У дзяржаўным голасе* ***Грамыкі****. / ...Ад'язджае і мне кажа госць: / –* ***За Гомелем людзі ёсць****!* (А. Грачанікаў, "За Гомелем людзі ёсць...").

Нарэшце, прэцэдэнтны феномен-бібліонім *"Людзі на балоце"* ўзгадваецца ў свуязі з аднайменным мастацкім кінафільмам, створаным беларускім рэжысёрам Віктарам Туравым у 1981 г. Своеасаблівую эпіграму, адрасаваную В. Тураву (з элементамі каламбуру), знаходзім у Рыгора Барадуліна: *Куды яшчэ далей расці? /* ***Людзей з балота*** *акультурыў, / Свой горад мае пры жыцці, / Багаты на стагоддзі, – /* ***Тураў****.*

Такім чынам, мастацкае спасціжэнне ключавых этнакультурных анамастычных канцэптаў, у прыватнасці, айконімаў і этнонімаў, – адзін з перспектыўных накірункаў развіцця сучаснай антрапацэнтрычнай па сваёй накіраванасці лінгвістыкі, пры гэтым “палескі матэрыял” у дачыненні да сказанага працягвае валодаць надзвычай значным патэнцыялам.

Библиографический список

1. Кураш, С. Б. “Людзі на балоце”: фразеологизация библионима в коммуникативном пространстве белорусского и русского языков (по материалам интернет-источников) / С. Б. Кураш, В. А. Бобрик, В. В. Струков // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.). – Вып. 3. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016.– С. 64–66.

2. Кураш, С. Б. Анамастычны канцэпт “Палессе” ў беларускай лінгвакультуры / С. Б. Кураш, Г. В. Юдзянкова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. ; сост. А. М. Мезенко и др. ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. Машерова, 2018. – С. 243–246.

3. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія: дапаможнік для магістрантаў / В. Шур. – Мазыр : Выснова, 2018.

4. Шпилевский, П. Мозырщина / П. Шпилевский // Неман. – 1996. – № 9. – С. 212–246.

К. А. Митюрникова
(г. Пенза, Россия)

УРБАНОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА г. ПЕНЗЫ

Аннотация. Рассматриваются урбанонимы как значимый компонент лексической системы языка и средство формирования культурного и исторического ландшафта города. На примере наименований различных культурных и природных объектов г. Пензы приводится классификация урбанонимов, выделяются типы хоронимов.

Ключевые слова: имя собственное, урбаноним, ономастическое пространство, Поволжье.

Улицы городов всего мира пестрят вывесками, баннерами, рекламными плакатами и другими текстосодержащими объектами. Каждое название здания в городе (как и памятник архитектуры или литературы) создаёт его уникальный облик города, подчёркивает национальный колорит или же, напротив, способствует диалогу и интеграции культур. «Город – сложная и открытая система, компоненты которой могут быть представлены в виде знаков, которые несут в себе некие сообщения, причём они объединены друг с другом на семантическом уровне благодаря принадлежности к городскому пространству

<…> Такие сообщения формируют городской дискурс, и связь между его составляющими основывается на соотнесенности с образом города в целом, а сами составляющие и реализуют данный образ» [Питина, Урванцев 2017: 7].

В отечественном языкознании теоретическое осмысление имён собственных началось, пожалуй, с М. В. Ломоносова, который в своих трудах по филологии высказал ряд идей в плане выявления специфики имён собственных, тем самым наметив перспективные линии их изучения (причём в терминах, используемых и поныне – имя собственное, имя нарицательное): номинативность имён собственных; их соотношение с именами нарицательными через понятия род – вид; вторичность, показанную, в частности, через этимологическое прочтение; переход имён собственных в нарицательные; функционирование имён собственных в качестве тропов, в составе риторических фигур [Климкова, Медведкова 2016: 5].

В. Д. Бондалетов в книге «Русская ономастика» изучает работы учёных-соотечественников. Он говорит о влиянии трудов советского лингвиста М. И. Стеблина-Каменского: «подошедшего к анализу истории ономастической лексики с позиции «большей или меньшей «воплощённости» собственных имён в языке той или иной эпохи <…> существование «разновоплощенных» собственных имен – явление сравнительно новое, характерное для современных европейских языков» [Бондалетов 1983: 2]. Также учёный обращает внимание на труд специалиста по философии языка Е. Гродзиньского «Очерк общей теории имен собственных»: «автор задался целью показать подлинное место имён собственных в языке, определить их специфические свойства и отношение к другим категориям выражений, а также попытаться установить пути, которые привели к возникновению имен собственных как особой языковой категории. Основные вопросы теории имени собственного автором решаются традиционно, однако ряд его наблюдений, уточнений, интерпретаций, а также терминов заслуживает внимания» [Бондалетов 1983: 2].

Городские названия представляют собой особую группу имён собственных – урбанонимы. Они представляют собой компонент лексической системы языка, имеющий высочайшую значимость для носителей языка. Урбанонимы индивидуализируют городские объекты – становятся ориентирами, подчёркивают особенности зданий в городе. Если исчезнут географические названия, городская среда станет безликой, будет дезориентирована работа почты, люди не смогут найти место работы и проживания, воспользоваться общественным транспортом. Иными словами, урбанонимы выступают «маячками», которые помогают человеку найти нужное здание из общей массы похожих на него объектов. «Собственные имена отражают состояние культуры жи-

телей региона, а в совокупности региональных систем – всей страны, а поэтому сами являются частью национальной культуры, понимаемой в широком смысле» [Климкова, Медведкова 2016: 5].

Рассмотрим топонимию Пензы – совокупность географических названий, в том числе наименования природных и культурных объектов на территории Пензы. Урбанонимы города можно разделить на несколько групп:

1. Названия природно-географических объектов (Окско-Донская равнина, река Сура).

2. Названия районов и улиц (Первомайский район, улица Московская).

3. Названия магазинов (сеть магазинов «Магнит», Торговый центр «Высшая Лига»).

4. Названия заведений общественного питания (бар «Арлекино», ресторан «Бочка»).

5. Названия культурных объектов (Пензенский драматический театр имени А. В. Луначарского, Пензенская областная филармония).

6. Названия спортивных объектов (Дворец водного спорта «Сура», Дворец спорта «Буртасы», Спортивная школа «Атлант»).

7. Названия образовательных организаций (Пензенский государственный университет, Пензенский государственный аграрный университет).

Как отмечает М. В. Голомидова, тематические блоки урбанонимов реализуют одновременно и символическую, и навигационную функции. Соотнесённые с общей номинативной темой, они эксплицируют значимую символьную линию в урбанонимичском портрете города. В свою очередь, наличие ассоциативной связи между названиями помогает восприятию объектов как находящихся в пространственной близости и таким образом способствует ориентации на местности [Голомидова 2019: 3].

Генетивные урбанонимы – свидетельство об истории какого-либо места (в том числе Пензенского края), о социально-экономической жизни региона, о духовной культуре жителей региона в конкретное время. Такие урбанонимы создают исторический облик города, информируют о значимых людях и событиях путем упоминания их на карте города в виде улиц, названий магазинов, зданий и т.д. Например, пензенский Дворец спорта «Буртасы» получил свое название благодаря народу, проживавшему здесь приблизительно в IX–XIII веках. Неслучайно исследователи отмечают особую роль собственных имен, «маркирующих» пространственные объекты: «Они способны транслировать историко-культурную информацию, привнося в портрет города черты исторической глубины и региональной или локальной индивидуальности. Они несут на себе черты современных социокультурных процессов, работая на передачу актуальных смыслов дня сегодняшнего <…>

Урбанонимы могут служить ключевыми знаками для построения связанных в семантическом отношении зон в городском пространстве.Они задают ракурс восприятия объектов и, дополненные невербальными средствами, организуют своего рода микротексты, которые вовлекают и погружают реципиента в свою образную среду» [Голомидова 2019: 3].

Политические, экономические и общественные изменения, произошедшие за последние десятилетия в России, обусловили активное развитие сферы коммерции. Появлению многочисленных и разнообразных предприятий питания, торговли и досуга способствовал ряд факторов: улучшение экономической ситуации, развитие рынка свободной конкуренции, общее повышение уровня жизни населения, тенденция к урбанизации [Замалетдинова 2016: 4].

Остановимся на названиях торговых объектов и заведений общественного питания – хоронимах. Разделим их на несколько групп:

1) названия, содержащие в себе определяющее слово – магазин, кафе-бар, паб, ресторан, гипермаркет, бизнес-центр, например: Baskerville-pub, бизнес-центр «Онежский», ресторан «Давыдов», Эко-Кафе «Крона»;

2) названия, представляющие собой имена существительные: «Лента» (гипермаркет);

3) названия, представляющие собой имена прилагательные: бар «Вечерний», торговый центр «Южный», Ресторан «Купеческий»;

4) названия, представляющие собой имена числительные: бар «50/50».

Некоторые заведения общественного питания не используют в своем наименовании определяющее слово, но обращают внимание на представленный ассортимент: «Папа’с Пицца», «Трио Суши», «Yes-Pizza».

Фирменные наименования могут соотноситься с особенностями заведений Пензы: в кафе «3 соуса» большинство блюд содержат в рецепте 3 вида соусов, в кофейне «Корица» большинство блюд содержат в составе корицу.

Урбанонимы могут иметь как официальный, так и окказиональный характер. «Неофициальные названия адресных объектов, данные местными жителями, ориентированные на обиходную устную речь (на основе ассоциаций, созвучия и т.п.), именуются микротопонимами. Микротопонимы характеризуются особой сферой употребления (обиходная устная речь) и являются средством отражения особенностей языкового городского словотворчества» [Асанов 2015: 1]. Так, в качестве примера можно привести название пензенского торгового центра «Высшая Лига». Жители города предпочитают называть его «Вышка». Этот пример, с одной стороны, иллюстрирует ассоциацию названия,

породившую собой новый микротопоним, а с другой – свидетельствует о реализации в разговорной речи тенденции экономии языковых средств.

Отметим, что применение собственных имен, образующих городское топонимический пространство, не следует считать полностью стихийным процессом. «Новые тренды, основанные на рациональном использовании урбанонимов для имиджирования и брендирования объектов, демонстрируют активное применение собственных имен в роли инструмента управления восприятием пространства» [Голомидова 2019: 3].

Таким образом, топонимическая картина города, отраженная в наименованиях внутригородских объектов, представляет собой сложную системно-структурную организацию. Урбанонимы формируют культурный и исторический ландшафт города, подчеркивают его индивидуальность и, в то же время, сопричастность национальным социокультурным процессам и тенденциям.

Библиографический список

1. Асанов, А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте / А. Ю. Асанов. – 2015. – URL: http://cheloveknauka.com/urbanonimiya-goroda-tambova-v-lingvokognitivnom-aspekte

2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов педагогических институтов / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвящение, 1983. – 224 с.

3. Голомидова, М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства / М. В. Голомидова. – 2019. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/urbanonimy-kak-resurs-upravleniya-vospriyatiem-gorodskogo-prostranstva

4. Замалетдинова, Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности / Л. Р. Замалетдинова. – 2016. – URL: https://docplayer.ru/27232757-Zamaletdinova-lyaysan-rafatovna-sovremennye-russkie-urbanonimy-v-aspekte-kreativnoy-rechevoy-deyatelnosti-specialnost.html

5. Климкова, Л. А. «Ономастика Поволжья» как научное направление и как мероприятие / Л. А. Климкова, Е. С. Медведкова. – 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/onomastika-povolzhya-kak-nauchnoe-napravlenie-i-kak-meropriyatie

6. Михайлюкова, Н. В. Тексты городских вывесок в аспекте лингвистического описания (на материале языка г. Владивостока) / Н. В. Михайлюкова. – 2012. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teksty-gorodskih-vyvesok-v-aspekte-lingvisticheskogo-opisaniya-na-materiale-yazyka-g-vladivostoka

7. Питина, С. А. Урбанонимы как маркеры городского пространства / С. А. Питина, Г. В. Урванцев. – 2017. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/urbanonimy-kak-markery-gorodskogo-prostranstva

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ

В. Г. Баева
(г. Пенза, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ ПЕНЗЕНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

Аннотация. Представлено такое явление, как использование фразеологизмов в заголовках региональных газет. Автором рассмотрены следующие издания: «Заречье сегодня», «Пензенская правда», «Наша Пенза», «Родная земля», «Наш город», выявлены способы трансформации фразеологических оборотов, сделан вывод о том, какой способ трансформации наиболее активно используется журналистами.

Ключевые слова: фразеологизм, газета, заголовок, трансформация, буквализация.

В современном мире основу новостного пространства составляет Интернет, однако печатные журналы и газеты являются более доступным средством получения информации для большинства жителей России. Для того, чтобы выдерживать конкуренцию с сетевыми ресурсами и не потерять аудиторию, авторы газетных статей ставятся изобретательнее в выборе их названий. Одним из путей повышения внимания к заголовку, а следовательно, и к содержанию публикации является использование в них фразеологизмов.

Фразеологизмы – устойчивые словосочетания слов, для которых характерна слитность, нечленимость значения и целостность воспроизведения в речи. Как особая языковая единица, совмещающая в плане содержания этимологическое и актуальное значения, они обладают значительным семантическим, стилистическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, что в конечном итоге способствует реализации номинативно-информативных, коммуникативных и прагматических свойств устойчивых оборотов в составе газетного заголовка [Зеленов 2009: 6].

Фразеологизмам, используемым в качестве названия статьи, свойственно явление трансформации – сознательного нарушения языковых норм с целью усиления эмоционально-экспрессивного эффекта. Следует отметить, что при трансформации фразеологических оборотов ослабевают такие их признаки, как идиоматичность, устойчивость и воспроизводимость [Малышева 2008: 42]. Трансформация может быть как структурная (может добавляться / изыматься один, два и более компонентов) и качественная (синтаксическая, морфологическая, лексическая, словообразовательная, фонетическая, комбинированная).

Кроме того, все виды трансформаций делятся на семантическую и структурную. При семантической трансформации состав фразеологизма остается неизменным: у него либо появляются новые оттенки смысла, либо совмещаются прямые и переносные значения, в результате чего возникает каламбур и достигается определенный экспрессивный эффект. Структурные трансформации связаны с изменениями внешней стороны фразеологизма. Это может быть перестановка компонентов фразеологизма (синтаксическая инверсия), вставка внутрь фразеологизма других слов, расширение компонентного состава, усечение компонентного состава, добавление / опущение частицы НЕ, внутренние морфологические и / или синтаксические преобразования [Кугультинова: электронный ресурс].

Для выявления того, насколько часто журналисты прибегают к трансформации газетных заголовков и какой именно вид трансформации при этом используется, нами были проанализированы следующие пензенские региональные газеты: «Заречье сегодня», «Наш город», «Наша Пенза», «Пензенская правда», «Родная земля», в которых зафиксировано 50 заголовочных конструкций, включающих фразеологизм. Среди них:

1. Заголовки с оригинальным фразеологизмом: *Хлеб на вес золота*; *«Подводные камни» сухого лета*; *Нож в спину*; *За руль «под мухой»*; *Медвежья услуга*; *Как избавиться от каши в голове?*; *Золотые руки хирурга*; *Греет душу, греет дом отопительный сезон*; *«ТНС энерго Пенза»олд – в ногу со временем*; *Топорная работа* и др.

2. Заголовки с трансформированным фразеологизмом:

а) лексическая трансформация: *Сложили клюшки*; *Бутылка раздора*;

б) морфологическая трансформация: *Много воды утечёт*;

в) добавление одного компонента: *Где «злая» собака зарыта*; *Ветер перемен и прогресса*;

г) структурная трансформация (внутренняя инверсия): *Спорт плечи расправляет*.

Отдельно следует сказать о таком явлении, как буквализация. Её можно назвать высшей степенью трансформации фразеологизма. На пути от знака к речевой единице трансформация не развивает значение фразеологизма, напротив – при сохранении синтаксической структуры устойчивая единица полностью утрачивает своё переосмысленное актуальное значение, становясь свободным словосочетанием. Заголовок с таким типом преобразования фразеологизма приобретает комический эффект из-за несоответствия значения фразеологизма и того смысла статьи, который раскрывается журналистом [Зеленов 2009: 15]. Примером могут служить следующие заголовки: *Как карта ляжет* (о кредитной карточке); *Много воды утечёт* (о прорыве трубы), *Нож в спину* (о жестоком убийстве).

Анализ газетных заголовков показал, что большинство газетных заголовков содержит фразеологизмы в неизмененном виде. Кроме того, некоторые слова журналисты газеты «Наша Пенза» заключают в кавычки, чтобы подчеркнуть их переносное значение. Считаем необходимым отметить, что фразеологизмы используются в качестве заголовков нечасто (не более одного в номере). Это можно объяснить, с одной стороны, зависимостью от функциональной заданности и социальной направленности газет как информационно-аналитических изданий, а с другой – недостаточно высокой креативностью авторов материалов. Фразеологизмы относятся к прецедентным текстам и апеллируют к фоновым знаниям читателя, от глубины которых зависит осмысление воспринятого [Кугультинова: электронный ресурс]. Использование фразеологических оборотов в газетных заголовках, безусловно, привлекают внимание читателей, однако требует от них эрудиции. В противном случае аудитория может просто не понять мысль автора. Журналистам следует чаще пользоваться возможностями, заложенными в структурно-семантической природе фразеологизмов, для создания новых, экспрессивных образов, что обеспечит их материалу не только внимание со стороны читателей, но и высокую оценку писательского мастерства.

Библиографический список

1. Зеленов, А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Зеленов А. Н. – Нижний Новгород, 2009. – 22 с.

2. Кугультинова, Н.-Г. С. Трансформация фразеологизмов в газетных текстах (на примере газеты «Известия Калмыкии») / Н.-Г. С. Кугультинова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-frazeologizmov-v-gazetnyh-tekstah-na-primere-gazety-izvestiya-kalmykii

3. Малышева, Н. В. Фразеологические трансформации в речевой деятельности и переводческой практике (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова) : дис. … канд. филол. наук / Малышева Н. В. – Комсомольск-на-Амуре, 2008. – 284 с.

Е. И. Беглова
(г. Нижний Новгород, Россия)

ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Аннотация. Анализируются языковые средства создания экспрессии, а также интриги внимания адресата в заголовочном комплексе. Частично внимание обращено на внутритекстовое использование изобразительно-выразительных средств, включая тропы и стилистические фигуры. Цель исследования – анализ выразительно-изобразительных средств в текстах современных СМИ печатной и устной формы, включая электронные издания, интернет-издания. Важной задачей явилось

выявление мотивированного, уместного и неуместного, немотивированного использования журналистами языковых средств создания выразительности текста. В связи с этим доказывается тезис: в стремлении привлечь внимание адресата журналисты допускают речевые и этические ошибки.

Ключевые слова: выразительно-изобразительные средства речи, функция, тексты СМИ, культура речи, речевая ошибка, заголовочный комплекс.

Выразительно-изобразительные средства речи – это неотъемлемый речевой атрибут не только художественного текста, но и публицистических текстов, в частности текстов СМИ как печатной, так и устной формы. В текстах СМИ они выполняют экспрессивную функцию, сочетающуюся с информативной. Чтобы привлечь внимание адресата к сообщаемой информации, адресант текста должен проявить творческий подход, который не только разово сможет привлечь адресата, но и сделать его постоянным, своим адресатом. Творческий подход проявляется как на уровне жанровой формы, так и на уровне языковой организации текста, в которой большое место отводится средствам создания экспрессии, оценки. Предметом данной статьи являются языковые средства создания интриги внимания адресата в заголовочном комплексе, а также частично внутритекстовое использование изобразительно-выразительных средств, включая тропы и стилистические фигуры. Цель анализа выразительно-изобразительных средств в текстах современных СМИ: выявить мотивированное уместное и неуместное, немотивированное употребление языковых средств для создания образности, экспрессии текста. Одной из причин неуместного использования языковых средств для создания выразительности мы видим в том, что в стремлении привлечь внимание адресата журналисты допускают речевые и этические ошибки. Произведем лингвистический и функционально-прагматический анализ нескольких словоупотреблений журналистов с целью создания экспрессии, оценочности текста, а также выполнения функции интриги внимания адресата, чтобы продемонстрировать доказательство выдвинутого нами тезиса-причины нарушения разных типов языковой нормы.

Как показывают наши наблюдения за языком современных СМИ, в печатных текстах выразительные средства языка активно используются в заголовочном комплексе, в частности в ***подзаголовке*** и ***лиде***, которые чаще всего выполняют функцию интриги адресата, то есть решается коммуникативно-прагматическая задача: привлечь к публикуемому материалу адресата, сделать его своим постоянным адресатом.

Прежде всего необходимо уточнить понятия ***подзаголовок*** и ***лид*** в рамках заголовочного комплекса публицистического текста. Мы придерживаемся точки зрения М. Шостак, которая назвала следующие отличия между *подзаголовком* и *лидом*: 1) *подзаголовок о*бычно поддерживает только заголовок в заголовочном комплексе, конкретизируя

его содержание; *лид* раскрывает основную тему текста; 2) *подзаголовок* обычно состоит из одного предложения, а *лид* может состоять из нескольких предложений, или одного длинного [Шостак 1997]. Учитывая названные различия, проанализируем виды изобразительно-выразительных средств и уместность их применения в заголовочном комплексе и внутри текста. Например: ***лид***: *Последний представитель горных козлов букадо, обитавших в Пиренеях,* ***скончался*** *в 2000 году. Через пару лет* ***умер*** *последний пресноводный китайский дельфин, а в 2008 году – пятнистый зеленый голубь, тоже последний в мире. В 2010 г.* ***исчезла с лица земли*** *карликовая поганка (птица, не гриб). В 2013 г.* ***приказал долго жить*** *камерунский черный носорог, и одновременно с ним,* ***почил*** *кабовердеский гигантский сцинк. Всего же, по данным Всемирного союза охраны природы (World Conservation Union), за последние 500 лет на планете полностью* ***исчезло*** *около 900 видов животных* [Федоров 2019: 38]. В данном лиде средством создания экспрессии, отрицательной оценки и одновременно создания интриги внимания адресата являются ***синонимы***. Причём синонимический ряд в лиде статьи об исчезнувших навсегда с планеты Земля животных и птицах включает слова и фразеологические единицы со значением «умереть»: слова: *умер, скончался, почил, исчез*; фразеологические единицы (ФЕ): *исчезнуть с лица земли, приказать долго жить.* Совершенно очевидно, что по отношению к смерти животных и птиц неуместно употреблены слова и ФЕ, которые используются по отношению к человеку: слова с высокой окраской *почил, скончался* и ФЕ *приказать долго жить,* что порождает неуместную иронию по поводу смерти животных и птиц. По нашему мнению, автор статьи К. Федоров допустил стилистическую ошибку, так как говорить о смерти даже животных и птиц, а не только человека, с иронией, насмешкой – неуместно по этическим правилам. Созданная данным синонимическим рядом слов и ФЕ неуместная ирония, в тексте самой статьи отсутствует, что подтверждает нашу мысль о неуместности иронии в лиде даже в качестве выполнения функции интриги адресата, что автор статьи допустил стилистическую ошибку, использовав слова и фразеологизмы с разной стилистической окраской (высокой и разговорной), нарушив этические нормы.

Проанализируем еще один заголовочный комплекс электронного издания – «Ленты новостей». ***Заголовок*** «Ленты новостей» *«Сандерс назвал победу на праймериз в Нью-Гэмпшире* ***«началом конца Трампа». Лид****: На праймериз Демократической партии в штате Нью-Гэмпшир побеждает 78-летний сенатор Берни Сандерс. После обработки 97 % протоколов он набирает 25,9 % голосов.* ***«Эта победа – начало конца Дональда Трампа»****, – заявил Сандерс после объявления результатов.* Далее даётся основной ***текст,*** начинающийся прямой речью американского демократа Берни Сандерса: «…*Эта победа –* ***начало конца Дональда Трампа****, что я могу сказать вам с абсолют-*

ной уверенностью. И я знаю, что я говорю за всех демократических кандидатов. И независимо от того, кто выиграет, мы намерены объединиться и победить самого опасного президента в современной истории страны» [Лента новостей: 12.02.2020]. В заголовке и лиде статьи используется прямая речь американского демократа Берни Сандерса, фраза *«…начало конца Трампа...»*, представляющая собой стилистическую фигуру ***оксюморон.*** Журналисты удачно сделали на ней акцент, используя в качестве заголовка: во-первых, это фигура речи (оксюморон), во-вторых, экспрессивная фраза из прямой речи одного из известных политиков США, сенатора, участника праймериз в штате Нью-Гэмпшир, интригует адресата текста, начиная с заголовка, продолжая интриговать в лиде. Итак, ***оксюморон*** – это стилистическая фигура, представляющая собой сочетание слов, противоречащих по смыслу. Аналогичный заголовок наблюдался в устной журналистской речи: в анонсе информации на радио «Бизнес FM»: ***«Начало конца*** *Трампа»* [Бизнес FM: 13.02.2020]. В данном контексте логически возможно сочетание слова *начало* (чего? чему?) со словом *конец* в значении окончание политической деятельности ныне действующего президента США Дональда Трампа. Это не столько средство изобразительности, сколько средство логичности, поэтому оксюморон в речи американского сенатора Берни Сандерса рождается спонтанно, без установки на образность речи, но российские журналисты уместно выделили эту фразу из прямой речи и использовали в заголовках.

Произведем лингвостилистический анализ еще одного заголовочного комплекса интернет-издания. ***Заголовок***: «*Тюменские силовики отметили повышение следователя под крики* ***«Жизнь ворам».*** *Виновника торжества уволили».* ***Предтекст****: СК начал проверку видео, которое снял ранее неоднократно судимый гражданин.* ***Текст***: *В Тюмени сотрудник Следственного комитета Рафик Аглиулин вместе с другими силовиками отметил получение звания майора под крики* ***«Жизнь ворам»*** *и* ***«АУЕ»****. Об этом сообщило издание «Новый день». По данным издания, автор видео – Денис Девкин, который ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности. Он кричал* ***«Жизнь ворам»*** *и* ***«АУЕ»****, когда на заднем фоне позировали силовики, вместе с Аглиулиным* [Новости: 12.02.2020]. ***Лид***: «*По данным источника «Нового дня», близкого к правоохранительным органам, торжество в грузинском ресторане «СаЛобио» устроил именно Аглиулин, якобы, офицер отмечал получение погон майора* [Новости: 12.02.2020].

В данном заголовочном комплексе и тексте для создания экспрессии и интриги адресата используется ***цитаты «Жизнь ворам»*** и ***«АУЕ»***. Первая фраза понятна адресату без разъяснения, а вот аббревиатура ***АУЕ***, которая звучала как подбадривание в выполнении действий сотрудниками правоохранительных органов во время торжества, непонятна адресату и не объясняется адресантом. В результате допускается

речевая ошибка – «речевая недостаточность», приводящая в конечном итоге к неполному пониманию происходящих событий. Журналистам необходимо было пояснить криминальную окраску аббревиатуры: ***АУЕ*** – уголовное, арестантский уклад един – вначале это было камерное приветствие в письмах уголовников; н в настоящее время это субкультура, которая отражает мировоззрение человека с уголовным прошлым, демонстрируя воровские законы и традиции. Эта субкультура получила широкое распространение среди современной молодежи, проникнув в школы, вузы. Молодежь начинает жить по уголовным правилам «Жизнь ворам – смерть ментам». Молодые люди, которыми руководят из мест заключения опытные преступники, занимаются вымогательством денег для того, чтобы собрать их и отправить заключенным преступникам (продукты, сигареты и пр.). Как видим, недостаток информации, намеченной цитатами, являющимися выкриками присутствующих на неформальном торжестве сотрудников правоохранительных органов, приводит к искаженному восприятию текста.

Заметим, что речевые ошибки в текстах СМИ – это не единичное явление. Лингвисты описывают не только мотивированное отступление от языковой нормы в текстах СМИ, но и отслеживают немотивированное нарушение разных типов языковой нормы [Бобровская 2009; Беглова 2018]. Все это свидетельствует о необходимости повышения уровня языковой компетентности журналистов – адресантов текстов современных печатных и устных СМИ.

Таким образом, в текстах СМИ, журналисты используют некоторые средства создания экспрессии уместно и целесообразно, а в некоторых случаях допускают ошибки, как речевые, так и этического характера. Следовательно, современный журналист, проявляя творчество в создании заголовков или в организации языковых и образных средств внутри текста, должен быть предельно внимательным, постоянно повышать свой уровень культуры, в том числе и речевой культуры. Необходимо следовать коммуникативным качествам хорошей речи, например: работая над правильностью речи, обращаться к словарям русского литературного языка, над ясностью, доступностью речи – к справочной литературе, над выразительностью речи – к специальным словарям выразительных средств речи [Сковородников 2009; Козинец 2016], и читать классическую художественную литературу, развивая эстетический вкус.

Библиографический список

1. Беглова, Е. И. Современная речь в СМИ в аспекте языковой нормы / Е. И. Беглова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. III Междунар. научно-практ. конф. (г. Пенза, 25–27 октября 2018 г.) / под ред. Г. И. Канакиной, М. Г. Лунновой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 251–257.

2. Бобровская, Г. В. Алогизмы в газетных публицистических текстах / Г. В. Бобровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 27–31.

3. Козинец, С. Б. Словарь оксюморонов русского языка / С. Б. Козинец. – Москва : Флинта, Наука, 2016. – 168 с.

4. Лента новостей 12.02.2020. – URL: https://www.bfm.ru/news/436387 (дата обращения: 13.02.2020).

5. Новости. 12.02.2020. – URL: https://tjournal.ru/news/143063-tyumenskie-siloviki-otmetili-povyshenie-sledovatelya-pod-kriki-zhizn-voram-vinovnika-torzhestva-uvolili (дата обращения: 13.02.2020).

6. Новый день. 12.02.2020. – URL: https: //newdaynews.ru/tyumen/683465.html

7. Федоров, К. Чудом воскресшие / К. Федоров // Тайны XX века. – 2019. – № 31.

8. Шостак, М. Журналистика новостей / М. Шостак // Журналист. – 1997. – № 8.

9. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 480 с.

Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка)

ОБРАЗ ГОРЛОВЧАНИНА В ТЕКСТАХ ЛОКАЛЬНЫХ СМИ

Аннотация. Языковой образ рассматривается как единица метаязыка лингвистического исследования. Автором проанализированы работы ученых, посвященные образу человека, приведены три базовых параметра данного образа. Языковой образ определяется как вербализированное восприятие окружающего мира. Одной из основных особенностей его формирования является отклик на языковой материал. В работе выявлены и описаны средства объективации образа горловчанина. Также в статье рассмотрено членение анализируемого образа в соответствии с одной из базовых культурных оппозиций «свой – чужой». Автор отмечает тесную связь анализируемого образа с образом Горловки.

Ключевые слова: образ, вербальный знак, образный ландшафт, культурный код, зоны «своего» и «чужого».

Языковой образ трактуется как вербализированное зрительное восприятие окружающего мира человеком. Отметим, что образ человека неоднократно становился объектом исследовательского интереса учёных. Так, в труде В. В. Виноградова «История слов» описывается формирование современного значения лексемы *личность* (см. [Виноградов 1999: 271–309]), которая употребляется для обозначения «совокупности свойств, присущих определённому человеку, составляющих его индивидуальность» [Кузнецов 2000: Электронный ресурс]. В работах А. Д. Шмелёва, Е. В. Урысон, Т. В. Бахваловой и др. рассматривается внутренний мир человека, эксплицированный лексическими еди-

ницами *душа, сердце, интеллект* и т.д. Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян исследуют образ человека сквозь призму его взаимоотношений с внешним миром. В работе Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» указывается, что при анализе константы человек в различных культурах можно выделить «три линии естественной параметризации, или аспектации» [Степанов 1997: 552]. Это человек в отношении, во-первых, к миру, как внешнему, так и внутреннему; во-вторых, к другим индивидам; в-третьих, к социуму. Выделенные параметры объективируются в русской лингвокультуре как лексическими, так и грамматическими средствами. Однако образ жителя конкретной местности, в частности образ горловчанина, ранее не был объектом исследовательского интереса, что обусловливает актуальность нашей работы.

Цель статьи – выявление и описание средств вербализации образа горловчанина. Материалом изучения послужили тексты локальных СМИ, в частности одной из старейших газет города (По данным издательства газеты «Кочегарка» выходит с 1919 г. [Кочегарка ДНР]) и информационного портала Донецкой Народной Республики «Горловка News».

Являясь результатом процесса познания, образ тесно связан с ощущениями, т.е. отдельными откликами перцептивной системы человека на импульсы среды, и модальностями восприятия, которые выступают доминантами познания объектов онтологического мира. При анализе образа учитываются такие параметры его формирования, как предметность, чувственность, означенность, выделение фигуры и фона. Данные параметры указывают на то, что в содержание образа включена не только чувственно познаваемая информация об онтологическом мире и человеке как его части, но и субъективные интерпретации, а также сведения об объекте, зафиксированные в опыте этноса. Например, лексема *человек* интерпретируется как «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Кузнецов 2000: Электронный ресурс]. В приведённой словарной дефиниции объективированы представления человека о самом себе, а также репрезентированы такие параметры образа как означенность, предметность, чувственность.

Однако рассматриваемый в данной работе образ человека – жителя определённой местности – эксплицирован словом *горловчанин,* которое не зафиксировано в толковых словарях русского языка. Его значение выводимо из корня, называющего территорию проживания, и суффикса со значение принадлежности к указанной местности. Кроме того, в текстах новостных изданий анализируемый образ вербализован словосочетанием *житель Горловки*, т.е. «тот, кто живёт, проживает»

[Кузнецов 2000: Электронный ресурс] в городе Горловка. Ср.: *Первые дни наступившего года стали для* ***горловчан*** *по-настоящему особенными* [Кочегарка ДНР. 16.01.2020: Электронный ресурс]; *Все эти события не могли не радовать* ***жителей Горловки*** [Там же]; *Вниманию* ***горловчан****: временное отключение электроэнергии* [Горловка News. 24.02.2020: Электронный ресурс]; *В зрительном зале Дворца собрались представители разных поколений* ***жителей*** *и гостей нашего* ***города*** [Горловка News. 21.02.2020: Электронный ресурс].

В современных лингвистических исследованиях образ включают в число базовых единиц промежуточного языка, который присущ тезаурусному уровню (уровню знаний о мире) языковой личности (Ю. Н. Караулов, Е. Г. Беляевская, М. Я. Розенфельд и др.). Рассматриваемый феномен позволяет соразмерно отобразить объект онтологического мира и воссоздать его из коллективного опыта, закреплённого в естественном языке. Н. А. Илюхина интерпретирует образ как «способ структурирования семантического континуума и единицу такого структурирования – результат отражения реалии в языке и сознании» [Илюхина 2010: 14]. Исследователь отмечает, что образ составляют признаки познаваемого объекта, которые объективируются лексическими средствами. При описании образа коня Н. А. Илюхина вводит понятие ассоциативно-семантического поля, которое объединяет все слова, прямо или метонимически называющие исследуемый феномен. Так, образ горловчанина, кроме указанных выше прямых наименований, в текстах локальных СМИ эксплицирован конкретными именами существительными, называющими его социальный статус или род деятельности, и онимами. Ср.: *17 января, в первый день выставки, учреждение посетили* ***учащиеся*** *лицея № 14* [Кочегарка ДНР. 23.01.2020: Электронный ресурс]; *Изюминку мероприятию придавала живая классическая музыка в исполнении хорошего* ***друга музея*** *–* ***преподавателя*** *музыкальной школы № 1* ***Е. В. Чекановой*** [Там же]; *Чтобы закрепить полученный объём информации, для* ***юных посетителей*** *была организована викторина* [Там же]; ***Ребята*** *быстро находили ответы на все вопросы* ***научных сотрудников*** [Там же]; ***Директор*** *Горловского художественного музея* ***Светлана Стрельцова*** *отмечает, что в фондах учреждения содержится свыше 3500 работ выдающихся деятелей изобразительного искусства* [Там же]; ***Сотрудники*** *Горловского художественного музея приглашают* ***жителей*** *и* ***гостей*** *нашего города посетить учреждение и окунуться в чарующий мир изобразительного искусства* [Там же]. В предложениях образ горловчанина вербализован как словами тематической группы «Род деятельности» (*учащийся, преподаватель, сотрудник, директор* и т.д.), так и собственными именами (*Е. В. Чеканова, Светлана Стрельцова*). Кроме того, в тексте образ горловчанина эксплицирован лексемами, указывающими на возраст-

ную дифференциацию жителей города. Ср.: «Юный – малолетний, детского или отроческого возраста» [Кузнецов 2000: Электронный ресурс]; «Ребята – маленький мальчик или маленькая девочка» [Там же]; «Сотрудник – тот, кто работает вместе в каком-либо учреждении; служащий» [Там же].

Отметим, что в приведённых примерах сохраняется свойственное русской лингвокультуре членение на «своих» и «чужих». Оно зафиксировано сочетанием *жители* и *гости города.* Согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», гость априори относился к зоне «чужого». Ср.: «Принадлежностью к сфере ‘чужого’ определяется в народной традиции особый статус **гостя, нищего** (странника), **священника, колдуна,** что проявляется в ‘ритуализованном’ отношении к ним» [Славянские древности 2009: 582].

Также в приведённых примерах анализируемый образ вербализован лексемой *друг*, т.е. «человек, связанный с кем-либо, чем-либо отношениями дружбы» [Кузнецов 2000: Электронный ресурс].

В текстах информационного портала «Горловка News» рассматриваемый образ эксплицирован также лексемами тематической группы «Члены семьи» *дети, внук, папа, мама, родитель, дедушка, бабушка, девчонка, мальчишка*. Ср.: *23 февраля в горловских городских театрах состоялись акции, посвящённые Дню защитника Отечества, в которых приняли активное участие* ***папы*** *и* ***дедушки*** *нашего города* [Горловка News. 23.02.2020: Электронный ресурс]; *Авторы постановки повествуют о любви к* ***родителям*** *и* ***детям****, а также внесли интересную мысль, что «лучшая* ***мама*** *– это* ***папа*** *родной»* [Там же]; *Сегодня* ***девчонки*** *и* ***мальчишки*** *получили много ярких впечатлений от просмотра данной постановки* [Там же]; *Данную акцию театр провёл впервые, однако она имела успех, так как* ***дедушки*** *нашего города вместе со своими* ***внуками*** *очень охотно пришли посмотреть спектакль* [Там же]; *Директор Горловского городского театра «Юность» Валентина Ивановна Яворская анонсировала о проведении ближайшей акции, которая будет проходить к 8 марта под названием «В театр с* ***бабушкой****!» и пригласила* ***горловчанок*** *принять в ней активное участие* [Там же].

Следовательно, в проанализированных предложениях образ горловчанина, объективированный лексическими средствами, описывается через отношение к себе подобным и к социуму. В новостных текстах также эксплицирована оппозиция «свой – чужой», свойственная русской лингвокультуре.

Б. М. Гаспаров указывает, что языковые образы возникают в ответ на языковой материал и выступают стимулом для его интерпретации. Так, образ горловчанина репрезентирован в текстах локальных СМИ также словом *горожанин*, которое рассматриваем как универсальное название жителя любого города. Только в определённом кон-

тексте данный вербальный знак эксплицирует рассматриваемый образ: *Как временное приостановление комендантского часа повлияло на жизнь прифронтового города, корреспонденты «Кочегарки ДНР» узнавали в беседах с* ***горловчанами****. Некоторые* ***горожане*** *выразили мнение, что комендантский час необходим в сложившейся военной обстановке, с ним спокойнее, безопаснее и уже как-то привычно* [Кочегарка ДНР. 16.01.2020: Электронный ресурс]. Также в данных примерах анализируемый образ эксплицирован лексемой *корреспондент*, которую относим к тематической группе «Род деятельности».

Отметим, что Б. М. Гаспаров рассматривает языковой образ как отражение в сознании человека «личных жизненных, художественных, интеллектуальных впечатлений» [Гаспаров 1996: 248]. Так, в статье «Поэт и гражданин Е. И. Легостаев» образ горловчанина эксплицирован именем известного горловского поэта Евгения Ивановича Легостаева. Также в тексте используются онимы, которые объективируют образ жителя данного города. Ср.: *Член ЛитО «Забой»* ***Сергей Чернявский*** *впервые познакомился с поэтом в 1985 году, придя в литературное объединение, руководителем которого был* ***Евгений Иванович****: «Тогда мне довелось узнать, что* ***Легостаев*** *работал в школе учителем труда. Одним из его учеников был будущий космонавт* ***Александр Волков»*** [Кочегарка ДНР. 06.12.2019: Электронный ресурс]; *Сокровенными воспоминаниями о Легостаеве также делились автор флага и герба города, почетный гражданин города Горловки* ***Леонид Толстов****, писатель* ***Сергей Таран*** *и многие другие* [Там же]. Кроме того, образ горловчанина выражен вербальными знаками *член ЛитО, поэт, учитель, ученик, космонавт, руководитель, автор флага и герба города, почётный гражданин, писатель*, которые объективируют представления об отношении анализируемого образа к социуму (называют род деятельности и социальную роль жителя Горловки).

Анализируемый образ в языковом сознании жителей г. Горловки эксплицирован также онимами известных жителей города, например, *И. Приходько, М. Полубан, Н. Коротковой* и др. Например: *В начале торжественного мероприятия с приветственным словом выступил глава администрации города Горловка, секретарь МО ОД «ДР»* ***Иван Приходько*** [Горловка News. 23.02.2020: Электронный ресурс]; *Выступление участников оценивала судейская коллегия в составе:* ***Марии Полубан*** *начальника Управления образования,* ***Натальи Алексеенковой*** *начальника отдела дополнительного образования АГГ,* ***Нели Коротковой*** *директора МУДО ГДДЮТ,* ***Светланы Кунаевой*** *и* ***Сергея Дорошенко*** *руководителей НТС «Карусель»,* ***Любови Переверзевой*** *руководителя НАНТ «Шахтёрские огоньки»,* ***Светланы Брусенцовой*** *руководителя НСССТ «Океан»,* ***Риты Демиденко*** *режиссёра массовых праздников ГДДЮТ,* ***Ольги Дворник*** *и* ***Натальи Коваленко*** *руководителей НВС «Октава»* [Там же].

Отметим, что языковой образ позволяет установить наличие или отсутствие языкового выражения в языковой памяти человека. Он способен совместно с другими образами формировать образные ландшафты, включаться в речемыслительную деятельность в качестве фона. Так, образ горловчанина и образ города тесно связаны, например, при определении социального статуса горловчанина указывается и город (*почётный гражданин города, автор флага и герба города* и т.д.). При самоидентификации человек указывает место своего жительства или конкретизирует район проживания. Ср.: ***Алеся*** *и* ***Павел****, проживающие в* ***районе шахты «Кочегарка»****: «Несомненно, в приостановлении действия комендантского часа есть огромный плюс – находясь в* ***гостях*** *не нужно наблюдать за часами, вместе с* ***детьми*** *вечером можно посетить городскую елку и не торопиться домой, а для* ***молодежи*** *это возможность больше времени проводить с* ***друзьями****»* [Кочегарка ДНР. 16.01.2020: Электронный ресурс]. В данном тексте образ горловчанина вербализирован именами собственными *Алеся* и *Павел*, лексемами *гость, дитя, молодёжь, друг*. Отметим, что онимы конкретизированы в тексте статьи указанием места жительства (*район шахты «Кочегарка»*), которое, в свою очередь, объективирует образ Горловки – одну из старейших частей города (см. [Дмитриева 2019: 106–108]). Кроме того, образ города эксплицирован вербальными знаками *городская ёлка*, *домой*, которые также выражают представлении о членении пространства на зоны «своего» и «чужого». Аналогичное противопоставление зафиксировано и в тексте *В этом году, впервые за долгое время,* ***мы с семьёй*** *встретили Новый год на площади Победы! Водили хороводы вокруг городской ёлки, поздравляли* ***близких*** *и* ***совершенно незнакомых людей****, которые праздновали рядом с* ***нами*** [Кочегарка ДНР. 16.01.2020: Электронный ресурс]. К зоне «своего» отнесены члены семьи и близкие, а к зоне «чужого» – те, кто не входит в эту категорию. Отметим, что образ горловчанина эксплицирован в данном примере местоимением *мы* и его падежной формой, а также лексемами *семья, близкий, люди*. Образ города вербализован агоронимом *площадь Победы* и словосочетанием *городская ёлка*.

Итак, образ горловчанина в языковом сознании индивидуума и/или социума объективирован словами тематической группы «Род деятельности», «Член семьи», лексемами, выражающими отношение горловчанина к себе подобным и к социуму. Кроме того, в новостных текстах зафиксировано представление о свойственном русской лингвокультуре членении на зоны «своего» и «чужого». Рассматриваемый образ тесно связан с образом Горловки, формируя с ним образный ландшафт малой родины.

Библиографический список

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – URL: http://slovariki.org/tolkovyj-slovar-kuznecova (дата обращения: 22.02.2020).
3. Дмитриева, Ю. Л. Образ Горловки в региональных масс-медиа / Ю. Л. Дмитриева // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2019. – № 24. – С. 106–108.
4. Информационный портал Донецкой Народной Республики «Горловка News». – URL: http://gorlovka-news.su (дата обращения: 22.02.2020).
5. Кочегарка ДНР. – URL: http://gazeta-dnr.ru/category/gazety/kochegarka_dnr/ (дата обращения: 22.02.2020).
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – 656 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Н. И. Ершова
(г. Саранск, Россия)

РОЛЬ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Аннотация. Представлена характеристика функционально-семантических особенностей цветообозначений в рекламе, выявлены их функции, описаны отдельные семантические группы. Особое внимание уделяется функционированию в рекламных текстах колоративов-прилагательных, выражающих признак, который поддается градуированию.

Ключевые слова: цветообозначение, колоратив, цвет, реклама, рекламный текст, прилагательное.

Цвет является одним из наиболее значимых элементов рекламы и рекламных текстов. При этом каждый цвет и оттенок того или иного цвета имеет определённое психологическое содержание, актуализирующееся в форме психологического воздействия на реципиента. «Отсюда огромное количество цветообозначающих прилагательных в текстах рекламы. Больше всего оттенков зелёного – 42 оттенка. Наименьшее количество оттенков белого, у чёрного – ни одного. Цвета связываются с тем, что легко запоминается и вызывает приятные ассоциации», – подчёркивает Б. А. Базыма [Базыма 2005: 113].

Как справедливо полагает Е. В. Лукьянова, цвет – самое ярко выраженное визуальное качество, воспринимаемое человеком и имеющее для него первостепенное значение. Именно языковая составляющая рекламы в большинстве случаев оказывается основополагающей. «Наз-

вание цвета становится своеобразной частью "упаковки" товара: назвать автомашину красной, белой или серебристой – совсем не то же самое, что дать такие броские названия ее цвету, как "монте-карло", "корейка", "сафари" или "авантюрин", – подчёркивает Е. В. Лукьянова. – Аналогичным образом "помада красная, № 17" воспринимается не так, как помада "загадка Востока", "розовый поцелуй" или "розовый ноктюрн"» [Лукьянова 2006: 31].

Воздействие цвета может осуществляться в форме зрительных (оформление) или речевых сообщений. Что касается речевых сообщений, представляющих собой либо звучащий, либо представленный в печатном виде текст, то, согласно точке зрения О. И. Кулько, в современном русском языке выделяется соответствующая группа колоративов. Колоративы – «достаточно четко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвета. Эта группа не замкнута, хотя, скорее всего, и не имеет явной тенденции к расширению» [Кулько 2004: 224]. На наш взгляд, группу колоративов вполне можно расширить. Подобного мнения придерживается и Е. А. Плеханова, относящая к колоративам субстантивы, образованные от цветонаименований (*синева, зелень*); субстантивы, от которых образованы неинверсируемые цветонаименования (*коралл, сирень*); а также лексемы, не имеющие в структуре своего лексического значения семы цвета, но обозначающие такие предметы и явления, представление о которых в сознании человека ассоциируется только с одним цветом (*снег, изумруд*) (см. [Плеханова 2008: 22]).

Однако неоспорим тот факт, что прилагательные-колоративы занимают центральное место среди языковых цветообозначений в рекламных текстах. Во многом это связано с тем, что признак по цвету, выражаемый ими, может поддаваться градуированию. Градуирование качества по интенсивности всегда основано на сравнении. Так как сравнение может быть как в эксплицированном, так и в имплицированном виде, то и семантическая градация, в основе которой оно лежит, может быть эксплицитной и имплицитной. Именно цветовые прилагательные, как правило, включены в систему градуирования качества по интенсивности и являются потому сложными семиотическими образованиями. Сравнение в них происходит по признаку, который может быть закреплен только в одной лингвокультуре.

Внутри цветообозначений выделяются две семантические группы: 1) собственно колоративы (*красный, коралловый, голубой* и др.) и 2) прилагательные, обозначающие дополнительные характеристики цвета (*светлый, темный, густой, блеклый* и др.).

Группа собственно колоративов неоднородна: у одной части лексем – первичных колоративов – значение цвета является основным, прямым (*синий, жёлтый, белизна*); у другой части лексем – вторичных

колоративов – значение цвета является переносным (*вишнёвый, коралловый, бирюза, изумруд*), но тем не менее оно также закреплено в системе языка.

Прилагательные, обозначающие дополнительные характеристики цвета, реализуют это значение в контекстуальной близости с собственно колоративами или словами, в структуре значения которых есть сема цвета (*тёмная синева неба*). Взятые отдельно, они или теряют свое цветовое значение, или становятся синонимичными собственно названиям цвета.

Обратим внимание на тот факт, что роль цветообозначений в текстах жанра рекламного каталога очень велика: без лексем, обозначающих цвет, рекламные каталоги определенной тематики (например, одежды и обуви, декоративной косметики) принципиально невозможны. Товар одного типа – тени, помада, лак для ногтей и др. – может быть представлен гаммой цветов, которые дифференцированы при помощи цветообозначений. Таким образом, можно говорить об информативной функции цветообозначений.

Помимо этого, цветообозначения имеют функцию воздействия: какой бы качественной ни была полиграфия, выбор товара в каталоге неизбежно опирается на текстовую составляющую. Всё это определяет большую значимость колоративов для смыслового пространства рекламных текстов [Воронова, Ершова 2015].

Воздействие базируется на пересечении цветовой и образной составляющих. Но неверно было бы думать, что усиление образной составляющей однозначно ведет к увеличению степени воздействия на сознание потребителя и непременно является фактором увеличения сбыта. На наш взгляд, наиболее сильное воздействие должно происходить, когда в семантике цветонаименования присутствуют оба компонента: и цветовой, и образный. Этим также объясняется преимущественно двучленная структура цветообозначения. Следовательно, использование для цветообозначения лексем, имеющих компоненты, связанные с другими способами сенсорного восприятия, и не имеющих семантических компонентов цвета, является языковым средством манипуляции сознанием в рекламном дискурсе (см. [Ольшанская 2008: 88]).

Итак, важное место в смысловом пространстве рекламных текстов, выполняющих информативную и воздействующую функции, играют цветообозначения – колоративы. Цвет оказывает определённое психологическое воздействие на реципиента, в частности на его эмоциональную и потребностно-мотивационную сферы. Группа колоративов в современном русском языке представлена главным образом именами прилагательными, выражающими признак, который поддается измерению, градуированию, а также субстантивами – именами существительными.

Библиографический список

1. Базыма, Б. А. Психология цвета: теория и практика / Б. А. Базыма. – Москва : Академия, 2005. – 204 с.

2. Воронова, М. В. Типы колоративов в рекламных текстах / М. В. Воронова, Н. И. Ершова. – 2015. – № 6. – URL: http://journal.mrsu.ru/arts/tipy-kolorativov-v-reklamnykh-tekstakh

3. Кулько, О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О. И. Кулько // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : тр. и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.). – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 224–225.

4. Лукьянова, Е. В. Особенности перевода слов-цветообозначений в рекламном тексте / Е. В. Лукьянова // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 31–33.

5. Ольшанская, Н. Прилагательные-цветообозначения в рекламных текстах декоративной косметики / Н. Ольшанская // Филологические науки. – 2008. – № 1. – С. 83–88.

6. Плеханова, Е. А. Особенности цветообозначения во французской поэзии символистов и в рекламных текстах / Е. А. Плеханова. – Москва : Изд-во МГУ, 2008. – 310 с.

Е. В. Маринова
(г. Нижний Новгород, Россия)

НОВЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РЕКЛАМЕ: ОТСУТСТВИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ – НОРМА?

Аннотация. Рассматривается отсутствие словоизменения у новых иноязычных существительных, оканчивающихся согласным звуком. Анализируются особенности данного грамматического явления на материале современных рекламных текстов в аспекте нормы.

Ключевые слова: новые иноязычные существительные, реклама, словоизменение, вариантность, норма.

Роль медиа в распространении новой лексики, преобладающая часть которой приходится на заимствования, по-прежнему весьма заметна. В настоящее время конкурировать с медиа в этом отношении может, по-видимому, сетевой язык. Однако и СМИ, и реклама не теряют своей значимости с точки зрения языковой среды, в которой, с одной стороны, апробируется всё новое, с другой – несколько свободно (и не всегда творчески) преобразуется «старое», устоявшееся, узуальное, нормативное.

В этом отношении рекламный текст – важный источник диагностирующих контекстов, выявляющих специфику использования новых слов иноязычного происхождения в русской речи. В частности, в ряде работ мы отмечали такую грамматическую особенность новых существительных, как варьирование по роду, проявляющуюся в том числе

в рекламе (см., например: [Маринова 2016]. В данной статье речь пойдёт об **отсутствии словоизменения** у существительных той категории слов, которые традиционно используются в русской речи с падежными окончаниями.

Рекламные тексты (в основном слоганы), ставшие предметом анализа, фиксировались нами в различных СМИ (как центральных, так и региональных), а также на вывесках Нижнего Новгорода приблизительно с 2000-го года. Одна из таких вывесок (реклама услуги автомобильной компании) – *Выгода от трейд-ин* – даёт представление о сути проблемы, а именно **склонять или не склонять** существительные на согласный. Дело в том, что ещё каких-то три десятилетия назад такой вопрос трудно было себе представить, поскольку несклоняемые апеллятивы с консонантным исходом составляли малочисленную периферийную группу (подробнее об этом мы пишем в [Маринова 2018]). Однако в XXI веке использование нового существительного на согласный без падежного окончания не редкость. Некоторые иноязычия уже получили кодификацию именно как несклоняемые в различных ортологических словарях, как то: *бонсай* [КНС], *фэншуй* [РОС] и др.

Можно назвать основные факторы, поддерживающие эту грамматическую особенность. К ним относятся:

– воспроизведение иноязычного существительного в графике языка-источника (*писать в Twitter*);

– грамматическая полифункциональность – употребление слова в роли разных частей речи, что в итоге формирует представление о его «застывшей», неизменяемой форме (*быть онлайн – онлайн аптека – в режиме онлайн* и под.);

– фактор новизны.

Существуют и определённые **структурные ограничения** для склонения. Так, у существительных со значением лица женского пола (*вамп, гёрлфренд, хостес* ‘девушка, встречающая гостей ресторана, отеля’ и т.п.) таким ограничением является твёрдый (не шипящий) согласный на конце слова. Не сразу включаются в русское словоизменение существительные с уникальными для русского языка конечными сочетаниями согласных *-шн*, *-жн*, см.: *Всё для вашей* ***ресепшн***; *Размещение рекламы на* ***тривижн*** (вид наружной рекламы. – *Е.М.*) и др.

Задержка в словоизменении заимствуемого слова может быть связана и с его **синтаксической функцией**. Прежде всего это наблюдение распространяется на неологизмы-онимы. В роли приложения такое слово, естественно, не склоняется (*в системе «Интернет», в сети «Твиттер», в сети «Инстаграм»*). Однако нередко и в другой синтаксической позиции (дополнение, обстоятельство) неологизм используется в той же форме. Вспомним достаточно устойчивое до недавнего времени выражение *подключиться к интернет* (ср. *подключиться*

к вай-фай); см. также: *Об этом политик написал в* ***Твиттер*** (о Д. Медведеве; новости Первого канала); *Остальные фото найдёте в* ***Инстаграм*** (Д. Ленский в прямом эфире «Нашего радио») и т.п.

Отказ от склонения имён-онимов – примета наших дней («мода на неизменяемость» [Шаронов 2017: 340]), что легко подтвердить и примерами рекламных текстов: *Я чувствую себя хорошо с Lenor*; *Осеннее предложение от Но-Шпа*; *Авиабилеты от СВЯЗНОЙ ТРЭВЕЛ*; *Дыши футболом. Живи футболом. Пей Coca-cola*; *Выгода для каждого туриста с Android и Mastercard*; *Бразильцы мечтают о Lada* (заголовок статьи рекламного характера) и т.п. Всё это звучит совершенно не по-русски.

В отношении апеллятивов реклама также нередко избирает несклоняемый вариант, причём не всегда это касается неологизмов, например: *«Затмение». Новая пьеса Нины Прибутковской в жанре детектив* (театральная афиша). Наметилась своего рода тенденция использовать без склонения нарицательное существительное в составных наименованиях цвета: *ламинат цвета шоколад*; *автомобили цвета космос, цвета баклажан, цвета рубин, цвета «дипломат»* и т.д. [Маринова 2019]. См. также: *Внешняя панель новых холодильников бывает цвета «****снег****», «****металл****», «****песок****» и «****крем****»* (НКРЯ).

Если же в рекламе используется новое, ещё непривычное слово, то оно воспринимается как иноязычное вкрапление – своеобразная инкрустация из чужого языка: *Купить автомобиль по* ***трейд-ин*** *– легко*; *«Теория и практика* ***хай-тек****»* (название рекламируемого учебного курса); *Любителям* ***хай-фай***; *«Идеи* ***хенд-мейд****»* (название рубрики) и др.

В то время как подобные словоупотребления, можно сказать, навязываются стилистикой рекламного текста, в естественной речи, как устной, так и письменной (например, в блогах, соцсетях и проч.), с несклоняемыми формами существительного на согласный конкурируют склоняемые формы, причём даже вопреки рекомендациям орфоэпических словарей.

Отсюда характерное для современной речевой практики явление **варьирования** по признаку склоняемости/несклоняемости. Вот некоторые примеры: *Победить на праймериз* и *Победить на праймеризе* (из газ.); *Спросить на ресепшен* и *Спросить на ресепшене* (из устн. речи); *Пришёл* с *гёрлфренд* (из газ.) и *Прийти* с *гёрлфрендой* (из устн. речи); *Индустрия фастфуд* и *Индустрия фастфуда* (из газ.); «*Искусство фэншуй*» и «*Энциклопедия фэншуя*» (названия книг); *Школа бонсай* и *Школа бонсая* и др.

Склоняемые формы встречаются даже у иноязычных слов с непривычными для русского языка формантами: ***-офф*** < *-off*, ***-ин*** < *-in*, ***-жн*** < *-sion*. См.: *Режиссёр «Игры престолов» планирует снять не менее трёх* ***спин-оффов*** (о сериалах с теми же героями, что и исход-

ный фильм; от англ. spin-off ‘раскручиваться’. – *Е.М.*) (новости; «Наше радио» 05.05.2019); *Формат **плей-оффа** устанавливается в зависимости от вида спорта, страны проведения и вида турнира* (интернет-поисковые материалы); *Мировой опыт «**трейд-ина**» коммерческой техники подтверждает оправданность такого подхода* (то же); *Недавно в контакте появилась новая функция, получившая название Чекины* (от англ. check-in ‘регистрация’. – *Е.М.*). *В чем смысл этих **чекинов**? Это какие-то бонусы?* (из переписки на одном из интернет-форумов); … *ближе к МКАДу, в Чертаново и Лианозово, в рекламах на сити-**вижнах** в общем ряду ведущих канала среди звёзд мелькал и он* (Глеб Тяженко. – *Е.М.*) (А. Иванов «Коммьюнити», 2012) и др.

Подводя итог нашим предварительным наблюдениям за наличием / отсутствием словоизменения новых иноязычных слов, следует отметить, что некоторые уже устоявшиеся в современном узусе заимствования в «момент» вхождения в русский язык не склонялись, однако впоследствии приобрели все признаки «обычного» русского существительного. Такова судьба слов *пиар, фитнес, памперс, фастфуд* и многих других, которые в 90-х годах XX века использовались без флексий. Вот несколько иллюстраций из текстового материала конца прошлого века: *Мастер-класс американских специалистов по **пиар***; *Занятия **фитнес** нон-стоп*; *Кожа малыша всегда будет нежной в новых **памперс***; *Сеть **фастфуд***. См. также неологизм начала XXI в.: *Рейтинги уровня **прайм-тайм*** (ср. более современное: *в условиях прайм-тайма*).

Итак, конкуренция вариантов, как правило, заканчивается «победой» склоняемого варианта, что вполне естественно для русского языка. Тот факт, что реклама нередко вступает в противоречие с системой языка, пренебрегая нормой, маркирует её как особый дискурс, в котором языковой знак используется прежде всего в прагматической функции. Тем не менее это не снимает с составителей рекламных текстов ответственности за чистоту и правильность русской речи.

Библиографический список

1. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / под общ. ред. Г. Н. Скляревской, Е. Ю. Ваулиной. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. – Т. I.

2. Маринова, Е. В. «Небо цвета сталь»: составные наименования цвета в грамматическом аспекте / Е. В. Маринова // Социальные трансформации. Вып. 30. Первый всерос. конгресс по цвету : сб. ст. / под ред. Ю. А. Грибер, В. М. Шиндлер. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. – С. 129–134.

3. Маринова, Е. В. Новые несклоняемые имена существительные в их отношении к грамматической категории рода / Е. В. Маринова // Неология и неография:

современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – С. 125–129.

4. Маринова, Е. В. Отсутствие словоизменения у нарицательных существительных на согласный: границы явления в современной русской речи / Е. В. Маринова // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2018. – № IX/2. – С. 191–199.

5. Национальный корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru

6. Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – Москва : АСТ ПРЕСС, 2012.

7. Шаронов, И. А. Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние / И. А. Шаронов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи / гл. ред. А. М. Молдован. – Москва : Ин-т русского языка РАН, 2017. – С. 340–348.

Д. С. Скнарев
(г. Москва, Россия)

БРЕНД-НЕЙМ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА

Аннотация. Рассматриваются основные подходы к определению бренд-нейма. Именно название товара выступает серьезным маркетинговым инструментом и становится основным источником для создания полноценного образа товара, поскольку предоставляет нужные сведения о нем целевой аудитории рекламного воздействия, формируя в ее сознании соответствующие ассоциации.

Ключевые слова: бренд-нейм, рекламный образ, языковое средство, язык рекламы.

Сегодня коммерческие наименования приобретают важную роль в маркетинговых коммуникациях, определяя, как товары и услуги, для которых выбрано то или иное соответствующее имя, будут выглядеть в глазах публики.

Народная мудрость гласит: как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Поэтому в древности не только кораблям, но и детям давали неслучайные имена. В связи с этим особенно значим выбор правильного имени для товара или фирмы, рассчитывающих в перспективе стать брендом.

На современном рынке существует множество фирм, предлагающих однотипные продукты. Привлечь внимание покупателя к подобным товарам из-за обилия текстов маркетинговых коммуникаций становится непросто. Поэтому главным в сложившейся рыночной ситуации является умение заинтересовать целевую аудиторию, заинтриговать её, вызвать желание купить товар. В этом следует, на наш взгляд, полагаться на удачно выбранное имя.

Ю. С. Бернадская под ***именем бренда*** понимает коммерческое название товарной или торговой марки, под которым продукт выводится на рынок и под которым его должен знать потребитель [Бернадская 2009: 33].

«Название – это характер. Причём имя продукта, оно как имя индейца – не просто набор звуков, а глубокий смысл, харизма и напророченная судьба» [Сироткина 2009: 35].

Несомненно, нейм наделяет товар характером, индивидуальностью и различиями, делая его привлекательным и желанным для потребителя.

В. Перция и Л. Мамлеева отмечают следующее: «Имя помнят все. Логотип – единицы. Что с точки зрения бренда стоит за именем Lamborgini, знает пара тысяч человек в мире. Имя Lamborgini знают все. Вот почему создание имени – крайне ответственная и кропотливая процедура. Хорошее имя выручит даже плохо построенный бренд, а плохое – убьет гениальный» [Перция, Мамлеева 2007: 61].

В. С. Елистратов, П. А. Пименов утверждают, что имя бренда выступает в роли своего рода матрицы, упорно клонирующей свои отображения: «Имя словно осуществляет экспансию на окружающий мир. И это единственный способ выжить среди подобных матриц с их клонами» [Елистратов, Пименов 2014: 24].

По наблюдению С. Н. Бердышева [Бердышев 2008], все рекламные имена образуют системы взаимосвязанных названий и выражений, которые удобно представить в виде **ономастического поля**, внутри которого присутствуют ядерно-периферийные отношения, обусловленные существованием внутри поля устойчивой семантической зоны (ядра) и нестабильной зоны речевых изменений, словообразования и языковых экспериментов (периферии). Поэтому для номинатора важно создать оним, который принадлежал бы ядру, гармонировал с ядерным окружением, но в тоже время являлся продуктом творческой переработки ядерного материала.

О. А. Кирпичева [Кирпичева 2007] выделяет понятие «**рекламный ономастикон**», подразумевая под ним особую иерархизированную совокупность имен собственных разных разрядов, функционирующих в рекламных текстах. Данные имена обладают определённой системой отношений внутри каждого разряда и способностью в процессе функционирования оказывать рекламное воздействие на адресата на когнитивном, аффективном и суггестивном уровнях.

Большинство исследователей (К. Хопкинс [Хопкинс 2000], Д. Огилви [Огилви 2012] и др.) утверждают, что удачное имя – это уже реклама. Оно должно быть звучным и оригинальным, развивать ценные стороны бренда, соответствовать его характеру, нравиться потребителям, и, в конечном счете, помогать продавать товар.

Имя является важнейшим коммуникатором бренда, интегрирующим все главные идеи и положения, кратко и точно выражающим его суть (например, экспрессивность или душевность, присущие бренду). В долгосрочном периоде имя формирует стратегический потенциал бренда, поэтому к его выбору фирмы подходят особенно тщательно. Грамотно разработанное имя бренда точно и содержательно указывает на категорию, определяющую бренд и его ассоциации (позиционирование бренда, назначение товара, ценовая категория, контекст потребления и др.).

«Не пожалейте времени и усилий на выбор хорошего названия – тогда и позиционировать его на рынке будет намного легче», – советует Гай Кавасаки [Кавасаки 2010: 55], один из основоположников маркетинговой стратегии компании Apple. В своей книге «Искусство старта» (The Art of the Start) Кавасаки пишет: «Выбирайте имя или название с умом, не идите на компромисс» [Кавасаки 2010: 55]. Кроме того, он определяет минимальные условия выбора названия.

Перед копирайтером стоит задача создать название, которое легко вывести на рынок, а в идеале новый нейм должен пополнить словарный запас покупателей. Например, слово Viagra через три года после запуска бренда попало в Оксфордский словарь английского языка. Сегодня это один из всемирных брендов, порождающих дочерние неймы. Например, трио поп-исполнительниц ВИА «Гра». Кроме непосредственной ассоциации с эректильным препаратом, в название был заложен и другой смысл: «вокально-инструментальный ансамбль «Гра»» («гра» – «игра» на украинском).

По нашему мнению, при выборе коммерческого названия, необходимо помнить о том, что бренд-нейм – это слово или несколько слов. Всякое же слово является системой коммуникации, поскольку имеет: лексическое значение; эмоциональную и стилистическую окраску; историю (этимологию); структуру (морфологию); эстетику (внутреннюю ритмику, графичность, симметричность, благозвучность и т.п.). Следовательно, информация, которую оно несёт в себе, выстраивается на нескольких уровнях: ментальном и эмоциональном, сознательном и подсознательном.

По данным исследования, **нейм** или **имя бренда (бренд-нейм)** частотно выступает в качестве основного языкового средства и активно используется в элементах композиции рекламного обращения: заголовках, основном тексте (информационном блоке), эхо-фразах, слоганах. Например, зообренды: *«Royal Canin», «Bosch», «Eucanuba», «Purina», «Hill's», «Kitekat», «Friskies», «Cesar», «Chappi», «Whiskas», «Sheba», «Perfect fit», «Ultima», «Mon Ami»* – или известные часовые торговые марки: *«Swatch», «Tissot», «Frederique Constant», «Omega», «Rolex», «Piaget», «Cover»* и др.

На наш взгляд, в текстах рекламы такая маркетинговая информация, как **имя бренда** (бренд-нейм), весьма значима, поскольку оказывает высокую эмоционально-экспрессивную степень воздействия на целевую аудиторию. Так, под брендом «Cesar» изготавливается корм, предназначенный персонально для питания собак маленьких пород. Это продукт супер-премиум класса. Корм для собак «Педигри» (Pedigree) – популярная и доступная марка, которая производится в России компанией «Марс». «Pedigree Pal» означает буквально «породистый друг». Главной причиной широкой известности данного бренда собаководы называют хорошее качество при достаточно низкой цене.

Нейм вызывает соответствующие маркетинговые ассоциации (индивидуальность, позиционирование, эмоции и чувства), если является при этом ёмким, благозвучным и запоминающимся. В связи с этим, по нашему мнению, актуально обращение к названиям зоомагазинов, которые успешно справляются с данной задачей («Верные друзья», «Рыжий хвост», «Багира», «Мой питомец», «Кошки&мышки», «Живой мир», «Домашний любимец», «Четыре лапы», «Усатый друг», «Зооландия», «Собака Улыбака» и др.), вызывая ассоциации с известными героями кино, мультфильмов и заключая в себе эмоциональные семы.

Важны также образы, вызываемые неймом бренда в сознании потребителя (положительные, рациональные, эмоциональные). Например, «Kitekat» – это энергичность, активность, бодрость. «Whiskas» – забота и нежность, «Cezar» – доверие, взаимность, любовь, благородство.

Бренд-нейм выступает основой узнаваемости и запоминания торговой марки. От того, насколько имя соответствует характеру и ожиданиям потребителей, зависит коммерческий успех бренда.

Например, швейцарский бренд «Rolex» ассоциируется с первоклассным качеством часов. Неустанное стремление к совершенствованию позволило фирме занять одну из лидирующих позиций в часовой отрасли и обеспечило ее славой особо надежных часов, что нашло отражение и в слогане компании: *«Стремление к совершенству».*

Рассмотрим, как создается образ часов в рекламном тексте: *«Часы **Rolex** не пытаются изменить мир. Это делают те, кто их носит. Некоторые люди убеждены в том, что миром движут лишь яркие идеи. Для них день – это больше, чем 24 часа. День – это очевидная возможность для новых свершений. Они – люди дела. И они не видят смысла распоряжаться своей жизнью иначе. Часто именно у этих людей вы можете заметить часы **Rolex**. Не потому, что их необходимо носить. Просто потому что они такие. **Rolex**. Стремление к совершенству»*.

В данном тексте бренд-нейм встречается трижды, что свидетельствует о внушающем характере рекламы. В сознании современных потребителей «Rolex» воспринимаются как часы представительского

класса, элитный дорогой продукт, статусный аксессуар, представляющийся спутником миллиардеров, «людей дела». Следовательно, в данном случае наблюдается проекция рекламных эмоциональных мотивов в сознании потребителей.

После проведенного анализа нашей картотеки предлагаем следующую классификацию коммерческих наименований:

а) **тегинеймы** – ключевые слова, представляющие рациональный (или эмоциональный) образ товара, демонстрирующий его общественный характер (статусность, компетентность, сферу применения, различные связи), или ориентирующие на образ целевой аудитории рекламного воздействия *(«Проспект», «Книжник», «Пятёрочка»* и др.). Сюда мы относим также неймы, имеющие антропонимическое и топонимическое происхождение (*«Руслан»* (магазин мужской одежды), *«Валдай»* (грузовой автомобиль) и др.), заимствованные слова (*«Альянс»* (агентство недвижимости), *«Альтернатива»* (компьютерный центр), *«Фиеста»* (торговый центр) и др.) и коммерческие наименования, образованные различными способами сложения или сокращения *(«Ариант», «Газпром», «ВАЗ»* и др.).

б) **термины**, использующиеся в медицине и технике, именовании товаров и услуг узкоспециализированной аудитории (*«Гликопин»* (препарат), *«Анаферон»* (лекарство от простуды), *«Гипероглиф»* (товары для охоты и рыбалки), *«Милитарист», «Кантата»)*;

в) **неонеймы** – неологизмы *(«Цифроград», «Рыбята»* (корм для рыб), *«Beerлога»* (магазин пива), *«Фишемания»* (товары для рыбалки), *«Йотафон»);*

г) **тропы** *(«Красное&Белое», «Золотая чаша», «Детский мир», «Гостиный двор», «Золотое яблоко», «Золотая подкова», «Милый», «Ключевые люди»* и др.);

д) **фразеологизмы** (*«Руки из плеч»* (компьютерный центр), *«Елки-Палки»* (ресторан), *«Твоя стихия»* (товары для охоты и рыбалки), *«Рога и копыта»* (охотничий магазин), *«Сами с усами»* (товары для рыбалки), *«Мыльная опера»* (товары для творчества), *«Конь в пальто»* (агентство недвижимости);

е) **интертекстемы** (*«Иван Сусанин»* (турфирма), *«Дед Щукарь»* (пивной магазин), *«Ихтиандр»* (товары для дайвинга и рыбалки), *«Премудрый пескарь», «Золотой ключик», «Аленушка», «Дед Мазай», «Дюймовочка»* и др.).

На наш взгляд, в рекламных текстах такая маркетинговая информация, как имя, оказывает высокую эмоционально-экспрессивную степень воздействия на целевую аудиторию, выступая мощным языковым средством создания образа товара.

Так, например, «Мерседес» представляется в сознании большинства солидным автомобилем с безупречным имиджем, а «Феррари» имеет агрессивный и спортивный характер.

Вспомним легендарные отечественные бренды. Например, **«*Победа*».** Первоначально автомобилю планировали дать название «Родина», но после того, как И. В. Сталин задал конструкторам вопрос: «А сколько будет стоить Родина?», «Родину» продавать никто не решился. Бренд-нейм заменили на «Победу». Сталин заявил: «Невелика победа…» – и дал согласие, поскольку предложенное марочное имя напоминало о великом Дне Победы, став символом послевоенной эпохи великих достижений, когда страна возрождалась к жизни из руин, стремясь превратиться в сверхдержаву.

Бренд **«*Волга*»** означал реальную власть, реальные деньги и реальную грезу, к которой самые амбициозные стремились при жизни. Это был сверхнадежный практически в любых условиях, самый удобный и технически совершенный автомобиль в стране.

«Как у Юрия Деточкина...» Этой фразы было достаточно, чтобы понять, что речь идёт об «автомобиле-танке», «автомобиле – большом диване», символе целой эпохи. Ведь герой фильма «Берегись автомобиля» воровал исключительно 21-е «Волги».

Была даже негласная классификация «Волг» в зависимости от цвета: жёлтый – для такси, серый, серо-голубой и бежевый – для низшего руководства или редких частников, белые – для руководителей среднего звена, черные – для элиты (партийной и хозяйственной).

При выборе имени бренда необходимо учитывать кросс-культурный фактор и ассоциации, которые могут возникнуть у потребителей. Так, например, название отечественного автомобиля «Жигули» нельзя было использовать при экспорте, так как в языках романской группы это слово вызывало незапланированные ассоциации «жиголе» – сутенер, «жигу» – дылда. В арабском языке присутствуют близкие по звучанию слова – «загули» – фальшивый, «джугуль» – крайне невежественный. В ходе применения технологий нейминга бренд для выхода на международный рынок получил благозвучное название «Лада», не вызывающее нежелательные сравнения и ассоциации.

На наш взгляд, рекламное имя выступает как основа выстраивания связи между брендом и потребителем. Название раньше остальных характерных признаков товара способно вызвать эмоциональный отклик у потребителя. При изучении рекламных материалов потребитель обращает внимание прежде всего на имя бренда. Неймы стараются использовать в заголовках и слоганах, а также в других элементах композиции текста рекламы. По статистике, целевая аудитория изучает преимущественно заголовки и эхо-фразы в текстах, и, если нейм выполнит свою аттрактивную функцию, привлечёт внимание потенциального клиента, тот прочитает весь информационный блок.

Библиографический список

1. Бердышев, С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления / С. Н. Бердышев. – Москва : Дашков и К°, 2008. – 127 с.

2. Бернадская, Ю. С. Копирайтинг / Ю. С. Бернадская. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2009. – 136 с.

3. Елистратов, В. С. Нейминг: искусство называть / В. С. Елистратов, П. А. Пименов. – Москва : Омега-Л, 2014. – 293 с.

4. Кавасаки, Г. Стартап: 11 мастер-классов от экс-евангелиста Apple и самого дерзкого венчурного капиталиста Кремниевой долины / Г. Кавасаки. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 156 с.

5. Кирпичева, О. А. Ономастикон рекламного текста : автореф. дис. … канд. филол. наук / Кирпичева О. А. – Волгоград, 2007. – 21 с.

6. Огилви, Д. О рекламе / Д. Огилви. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 232 с.

7. Перция, В. М. Анатомия бренда / В. М. Перция, Л. Мамлеева. – Москва ; Санкт-Петербург : Вершина, 2007. – 208 с.

8. Сироткина, И. В. Как приготовить вкусный бренд / И. В. Сироткина. – Москва : Альфа-пресс, 2009. – 200 с.

9. Хопкинс, К. Реклама: научный подход / К. Хопкинс. – Москва : Альфа-Пресс, 2000. – 45 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрина Дарья Юрьевна – аспирант кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»; учитель русского языка и литературы МБОУ многопрофильная гимназия № 4 «Ступени» г. Пензы (г. Пенза, Россия).

Алешина Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Антоненко Алина Витальевна – магистрант кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка).

Антонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» (г. Москва, Россия).

Баева Вероника Георгиевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Базарова Энеджан, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Байкулова Алла Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ «Нижегородская академия Министерства внутенних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, Россия).

Беляева Кристина Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (г. Тамбов, Россия).

Белякова Ольга Александровна, магистрант Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Берденова Сауле Жалгасовна – кандидат педагогических наук, профессор Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан).

Болотская Маргарита Павловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Буцких Светлана Александровна – магистрант ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (г. Тамбов, Россия).

Вавилова Елена Михайловна – учитель русского языка и литературы МОУ «Лицей № 230» (г. Заречный, Россия).

Васинькина Юлия Андреевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Великодная Анжелика Владиславовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Вепаева Майса – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Володина Альбина Альфредовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Гильдеева Нурия Анверовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Горланов Геннадий Елизарович – доктор филологический наук, доцент, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Гришина Ирина Сергеевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 77; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Громова Ирина Владиславовна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 58; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Гурьянова Людмила Борисовна – старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Дариков Артем Алексеевич – преподаватель кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, Россия).

Дегальцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка).

Долотова Юлия Сергеевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Дубинина Виктория Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

Дудка Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русской и мировой литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

Ершова Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия).

Еськова Дарья Алексеевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Ефимова Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Жабина Оксана Михайловна – магистрант ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия).

Железнякова Елена Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Зайцева Алина Михайловна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Замятина Юлия Михайловна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Зацепина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» (г. Москва, Россия).

Зеро Евгения Александровна – студентка филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Золотых Лидия Глебовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Сычуаньского университета (г. Чэнду, Китай).

Зубова Жанна Арнольдовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Канакина Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Капора Виктория Владимировна – магистрант кафедры педагогики и психологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Каравашкина Марина Викторовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальной школе имени М. Р. Львова ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва, Россия).

Карапетян Лена Лерниковна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Карымшакова Айша Талгаровна – кандидат филологических наук, доцент Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (г. Бишкек, Кыргызстан).

Касимова Гульзухра Кевировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка ФГКВОУ ВПО «Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала А. В. Хрулёва» (г. Пенза, Россия).

Кезина Светлана Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Кинжигалиева Жанна Эркиновна – аспирант кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (г. Астрахань, Россия).

Клименчук Мария Константиновна – студентка кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток, Россия).

Колганова Валерия Михайловна – учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 44»; магистрант историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Коновалова Лада Алексеевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия).

Ксёнжек Агата – магистрант Краковского педагогического университета имени Комиссии национального образования (г. Краков, Польша).

Кузнецова Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Кулапова Алёна Николаевна – магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Куприянова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Кураш Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии, руководитель Научно-методического центра русистики УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Лагутова Дарья Андреевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Лаптева Мария Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (г. Астрахань, Россия).

Луннова Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Мазуркевич Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Макарова Дина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия).

Мамаева Юлия Радиславовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Маринова Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, Россия).

Мартирян Наира Игнатиосовна – кандидат филологических наук (PhD), доцент, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

Масанова Камила Маратовна – магистрант Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан).

Мельникова Людмила Александровна – кандидат филологических наук, директор Областного образовательного центра (г. Астрахань, Россия); директор Русского образовательного центра (г. Нанкин, Китай).

Меркулова Людмила Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Милютина Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, Россия).

Митюрникова Ксения Артуровна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Морозов Алексей Валерьевич – студент историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Никитина Дарья Игоревна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Никишова Елена Викторовна – учитель иностранного языка МБОУ СОШ с. Тимирязево Башмаковского района Пензенской области; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Пархамович Алина Николаевна – студентка филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Пахоменкова Олеся Михайловна – преподаватель кафедры иностранных языков ФГКВОУ ВО «Московское высшее общевойсковое командное училище» Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Перфилова Мария Николаевна – соискатель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Плотникова Светлана Владиславовна – магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Полякова Ирина Михайловна – учитель русского языка и литературы МБОУ «Классическая гимназия № 1 имени В. Г. Белинского» (г. Пенза, Россия).

Пономарёва Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск).

Попова Анна Ростиславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (г. Орёл, Россия).

Приорова Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Российского Нового университета (Рос НОУ) (г. Москва, Россия); профессор кафедры русского языка института иностранных языков Сямыньского университета (г. Сямынь, Китай).

Редькина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия).

Решетарова Анна Максимовна – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка).

Решетарова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и прак-

тики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка).

Родионова Инесса Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Рузаева Ирина Вадимовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Сагитова Динара Сыпсынбаевна – учитель ГУ «Ждановская средняя школа» отдела образования акимата Костанайского района (г. Костанай, Казахстан).

Садыралиева Гулшан Эркинтуровна – кандидат филологических наук, преподаватель, и. о. доцента Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (г. Бишкек, Кыргызстан).

Саенкова Татьяна Юрьевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Салихова Эльвина Ахнафовна – доктор филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа, Россия).

Селивёрстова Мария Олеговна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Семенова Галина Юрьевна – студентка ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток, Россия).

Сергеева Алёна Васильевна – аспирант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Сергушкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Сидоркова Луиза Равшановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан).

Скнарев Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва, Россия).

Сомова Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия).

Стройков Андрей Владимирович – магистрант историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Струков Виктор Викторович – филолог, председатель профкома УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Сыромятникова Ирина Дмитриевна – магистрант историко-фило-логического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Терентьева Дарья Владиславовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Тянь Сяоцянь – специалист Международного офиса Сычуаньского университета, координатор Секретариата с китайской стороны Ассоциации вузов «Волга – Янцзы» (г. Чэнду, Китай).

Ушал Ангелина Владимировна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Хантаева Лидия Адамовна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Ходос Полина Витальевна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Чмырь Марина Александровна – магистрант ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка).

Шабуров Алексей Александрович – студент историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Шетэля Виктор – кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва, Россия; г. Варшава, Польша).

Шидловская Наталья Андреевна – магистрант историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Шпикина Анна Павловна – студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Юань Цин – магистрант Восточно-китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай); стажер ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет имени Г. Р. Державина» (г. Тамбов, Россия).

Юдзянкова Ганна Викторовна – кандидат филологических наук, заведующий аспирантурой УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

Южакова Юлия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия).

Яблонская Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Байкулова А. Н.
ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБЩЕНИЯ 3

Канакина Г. И., Громова И. В.
ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 9

Лаптева М. Л.
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОЙ И ТУРКМЕНСКОЙ ЗАГАДКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 13

РОДНОЙ ЯЗЫК: ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Алешина И. А.
СТРУКТУРНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В РУССКИХ АРГО 19

Великодная А. В.
О СООТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ И В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ» 22

Гурьянова Л. Б.
«ТЫ МОЁ БУДУЩЕЕ ВСЁ – И НАДЕЖДА, И ВЕРА, И СЧАСТИЕ, И БЛАЖЕНСТВО – ВСЁ» (ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ) 26

Каравашкина М. В.
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА 34

Кулапова А. Н.
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМОВ В. П. КРАПИВИНА 39

Лагутова Д. А.
ПОДПИСЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕНИЯ В ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА К О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ 41

Салихова Э. А.
БИЛИНГВЕМЫ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕГИОЛЕКТА 45

Шабуров А. А.
ГЕЙМЕРСКИЙ ЖАРГОН КАК ЯВЛЕНИЕ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 52

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 54
Беляева К. С.
БЕРЕЗА В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ
ТАМБОВСКОГО КРАЯ 54
Берденова С. Ж., Масанова К. М.
ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТОСФЕРЫ» В КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА 58
Буцких С. А.
ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ
КОНОПЛЕВОДСТВА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА) 62
Дегальцева А. В.
К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ
АДВЕРБИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ
НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ) 66
Железнякова Е. А., Лаптева М. Л.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА
В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ 71
Золотых Л. Г., Тянь Сяоцянь
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЕЛИКИХ РЕК – ЯНЦЗЫ И ВОЛГИ –
В ЭТНИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА НАРОДОВ
КИТАЯ И РОССИИ 76
Красовская Н. А.
РАЗВИТИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
У СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР»
(ПО МАТЕРИАЛАМ I ТОМА ЛА РНГ) 81
Милютина Ю. В.
ОСОБЕННОСТИ НОМИНАТИВОВ С СЕМОЙ «РОСТ»
В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА 86
Никишова Е. В.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЛИЗКОГО И ДАЛЬНЕГО РОДСТВА
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ И НЕМЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ) 90
Плотникова С. В.
ЛЕКСЕМА «ВЛАСТЬ» В РУССКОМ СОЗНАНИИ 95

Редькина Н. С., Южакова Ю. А.
ФРАЗЕОМАТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ
С КОМПОНЕНТАМИ «ЦВЕТ» И «МИНЕРАЛ» 98
Решетарова А. М.
ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 105
Садыралиева Г. Э.
КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ 111

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ПОБЕДЫ
Васинькина Ю. А.
ЛИСТОВКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ 116
Володина А. А.
ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Ю. В. БОНДАРЕВА
«ГОРЯЧИЙ СНЕГ» 119
Замятина Ю. М.
ТЕМАТИКА ЧАСТУШЕК ВРЕМЕН
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 123
Полякова И. М.
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СЛОВАРЬ ПОБЕДЫ») 126
Родионова И. Г.
СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОДПИСЕЙ К ФОТОГРАФИЯМ
ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 133
Сомова М. В., Южакова Ю. А.
СЛОВА, РОЖДЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ) 138
Терентьева Д. В.
ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ РОДИНЫ
В ЛОЗУНГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 144

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Берденова С. Ж., Сагитова Д. С.
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧЕНИКОВ 8 КЛАССА ПО ОБНОВЛЕННОЙ ПРОГРАММЕ 146
Долотова Ю. С.
СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 152

Капора В. В.
МЕТОД ПРОЕКТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОМАНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» 156
Кезина С. В.
КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И ТРАДИЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ 158
Колганова В. М.
НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
В ВОСПРИЯТИИ ПОДРОСТКОВ 164
Коновалова Л. А.
ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА 167
Куприянова Н. С.
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
УЧИТЕЛЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ..... 170
Макарова Д. В., Александрина Д. Ю.
РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
КАК КОМПОНЕНТА ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ 173
Приорова И. В...... 179
РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КИТАЕ: ДИАЛОГ ЭПОХ 179
Решетарова И. В., Антоненко А. В.
СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ) 185
Рузаева И. В.
РЕЧЕВЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ
В ТВОРЧЕСКИХ РАБОТАХ УЧАЩИХСЯ..... 190
Ушал А. В.
РАБОТА С ТЕРМИНАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА..... 193
Шпикина А. П.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ЗАНЯТИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ 196

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ
Гильдеева Н. А.
ЧАСТИЦА *ЧТО НИ НА ЕСТЬ* В СЛОВАРЯХ
РУССКОГО ЯЗЫКА 199
Дариков А. А.
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА:
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОТОТИПА 202

Дубинина В. А.
ВВОДНЫЕ И ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ 205
Карымшакова А. Т.
ЭТИМОЛОГИЯ ПОСЛЕЛОГОВ *ЧЕЙИН, ДЕЙРЕ*
И ИХ ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ
В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ 211
Касимова Г. К.
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА 216
Кинжигалиева Ж. Э.
РАЗВИТИЕ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ
ЛЕКСЕМЫ «МАССОВЫЙ» 220
Мазуркевич Л. М.
АДМЕТНАСЦІ СЛОВАЎЖЫВАННЯ ФЕМІНІНАТЫВАЎ
У БЕЛАРУСКАЙ ЖАНОЧАЙ ПАЭЗІІ 224
Мельникова Л. А. 228
ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ
РЕДУКЦИЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 228
Пахоменкова О. М.
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ
В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА 232
Перфилова М. Н.
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ *БЕЛЫЙ* В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА 235
Сергеева А. В.
СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ *НЕ…БЫ* В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ 237
Сыромятникова И. Д.
ВИДЫ СВЯЗОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ
В СОСТАВНОМ ИМЕННОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» 241
Чмырь М. А.
СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ
В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ 244

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
Антонова Е. Н., Зацепина Е. А.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИЙНОЙ
ЛИНГВОПОЭТИКИ 250

Бахвалова Т. В., Попова А. Р.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА СРЕДСТВАМИ АГНОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ-ОРЛОВЦА И. Е. ВОЛЬНОВА) 255
Белякова О. А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»)..... 260
Вавилова Е. М.
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА 264
Горланов Г. Е.
ЛЕКСИКА КАК ПРИЕМ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «АВВАКУМ» 270
Дудка А. В.
РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕОГРАФА КАК ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»..... 273
Еськова Д. А., Болотская М. П.
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ПОЭЗИИ В. В. МАЯКОВСКОГО 278
Ефимова Т. Г.
СОБЫТИЙНО-СИТУАТИВНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ» 281
Жабина О. М.
МЕТАФОРА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «НА РАННИХ ПОЕЗДАХ» 286
Зайцева А. М.
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА..... 291
Карапетян Л. Л.
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНСТРАСТА В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ 294
Клименчук М. К.
ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ СОЗДАНИИ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ДИСКУРСЕ С. Д. ДОВЛАТОВА.... 299
Ксёнжек А.
МОДЕРНИСТСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА) 301

Кузнецова Н. Г.
СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ РЕАЛИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ» 307
Луннова М. Г., Гришина И. С.
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. АХМАТОВОЙ 310
Мамаева Ю. Р.
ТЕМАТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. ГУБЕРМАНА 314
Мартирян Н. И.
ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ РАННИХ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА 318
Морозов А. В.
КОНЦЕПТ «ГОРОД» В ПОВЕСТИ Д. РУБИНОЙ «ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ» 323
Никитина Д. И.
АНТОНИМЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОЭМЕ А. А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ» 326
Пономарёва Т. А.
КОЛОРАТИВЫ «БЕЛЫЙ» – «ЧЁРНЫЙ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ ИОСИФА БРОДСКОГО 330
Саенкова Т. Ю.
СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РОМАНЕ Л. Е. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЁ ДЕТИ» 336
Селивёрстова М. О., Болотская М. П.
ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ 339
Семенова Г. Ю.
ПОНЯТИЯ «СОН» И «БЕССОННИЦА» В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 342
Сергушкова О. В., Зеро Е. А.
РИТОРИЧЕСКИЕ ВОСКЛИЦАНИЯ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА 347
Сидоркова Л. Р.
СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА 353
Стройков А. В.
ЯЗЫК ПЛАТОНОВА – ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ 357

Хантаева Л. А.
ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ АФОРИЗМОВ
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»..... 361
Ходос П. В.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПЛИМЕНТОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ Д. РУБИНОЙ 364
Шетэля В.
ЛЕКСИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И. А. БУНИНА
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ЕГО ВРЕМЕНИ..... 367
Шидловская Н. А.
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА..... 370
Юань Цин
«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В РАССКАЗЕ А. П. ХЕЙДОКА
«МАНЬЧЖУРСКАЯ ПРИНЦЕССА»..... 376
Яблонская О. Г., Пархамович А. Н.
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)..... 381

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
Базарова Э.
СЕМАНТИКА ЧОКОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОЙ
КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ..... 385
Вепаева М.
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ г. ПЕНЗЫ..... 387
Зубова Ж. А., Меркулова Л. И.
НАРУШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ
В ОРЛОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ..... 390
Кураш С. Б., Струков В. В., Юдзянкова Г. В.
МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ
АЙКОНІМА *МАЗЫР* І ЭТНОНІМА *ПАЛЯШУК*:
АД МІНУЛАГА ДА СУЧАСНАСЦІ..... 394
Митюрникова К. А.
УРБАНОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА г. ПЕНЗЫ..... 399

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ
Баева В. Г.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ
ПЕНЗЕНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ 404

Беглова Е. И.
ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ
В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ 406
Дмитриева Ю. Л.
ОБРАЗ ГОРЛОВЧАНИНА В ТЕКСТАХ ЛОКАЛЬНЫХ СМИ 411
Ершова Н. И.
РОЛЬ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СМЫСЛОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА..... 417
Маринова Е. В.
НОВЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
В РЕКЛАМЕ: ОТСУТСТВИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ – НОРМА? 420
Скнарев Д. С.
БРЕНД-НЕЙМ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА..... 424

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 431

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам
IV Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны;
кандидата филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 21.04.2020.
Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 26,16.
Тираж 78. Заказ № 71.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru